А.В. Постников

Становление рубежей России в Центральной и Средней Азии (XVIII–XIX вв.)

Российская Академия наук
Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова

А.В. Постников

Становление рубежей России в Центральной и Средней Азии (XVIII – XIX вв.)

Роль историко-географических исследований и картографирования

Монография в документах

Под общей редакцией
и с предисловием
академика
В.С. Мясникова

Москва
«Памятники исторической мысли»
2007

ББК 63.3(2)4
П63

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского научного гуманитарного научного фонда (РГНФ)
Проект № 06-03-16027д

Издание увидело свет при содействии
Института практического востоковедения

Постников А.В.
П63 Становление рубежей России в Центральной и Средней Азии (XVIII–XIX вв.). Роль историко-географических исследований и картографирования. Монография в документах / Под общей редакцией и с предисловием академика В.С. Мясникова. М.: Памятники исторической мысли, 2007. – 462 с.

ISBN 5-88451-216-0

В книге воссоздана картина присоединения среднеазиатских территорий к Российской империи и формирования её южных рубежей до 1917 года, особенно детально – русско-китайской границы.

ББК 63.3(2)4

ISBN 5-88451-216-0

© Постников А.В., текст, 2007

Из истории российской политики в Центральной и Средней Азии (XVIII – XX вв.)

Интерес русских к Центральной и Средней Азии возник в давние времена. Он побудил тверитянина Афанасия Никитина совершить знаменитое путешествие «за три моря», пройти в 1466 -1472 гг. Персию и Индию, заглянуть на африканский берег и через Турцию и Крым возвратиться на родину.

Первым политическим шагом по конкретизации этого интереса, очевидно, можно считать разрешение, данное в 1557 г. Иваном IV английскому дипломату и путешественнику А. Дженкинсону на организацию экспедиции в земли, лежащие к востоку от Каспийского моря. Через Рязань, Нижний Новгород и Астрахань А. Дженкинсон добрался до Бухары, а оттуда и до Персии. В 1561 и 1566 гг. Дженкинсон вновь побывал в Москве и добился для английских купцов возможности свободно ездить в Персию. А в 1571 г. английский дипломат среди других преференций своим соотечественникам сумел получить и право основать в Астрахани меновую контору для ведения торговых операций с их персидскими партнерами. Итак, и дорога в Среднюю Азию была освоена, и астраханские ворота были настежь открыты для движения на Восток.

В XVII столетии среднеазиатские («бухарские») купцы бойко торговали на тобольском рынке, завозя туда среди прочих восточных диковин и китайские товары. А в 1652 г. бухарцы завезли различные изделия Поднебесной и в Москву[1]. В Астрахани же в это время уже обосновалась колония индийских купцов.

Наконец, в эпоху Петра Великого были первые попытки направить русские экспедиции в Джунгарию и Восточный Туркестан. Расходы, связанные с Северной войной, заставляли правительство Петра I

искать новые пути получения средств. В 1713 г. из Тобольска был послан дворянин Федор Трушников, для проведывания в Джунгарии и в Цинском Китае золотых приисков. В районе оз. Кукунор русский посланец приобрел у хошоутов золото, которые те добывали в реках, спадавших с гор[2].

Сибирский губернатор М.П. Гагарин позже рассказывал следственной комиссии, что он увидел золото, которое привозили в Тобольск бухарцы, объяснившие: «что, то самородное золото, и промышляют его под Эркетом [Яркендом] в Аму-Дарье»[3]. Это и послужило причиной отправления Ф. Трушникова. Одновременно губернатор отправил Петру I образец, приобретенный в Тобольске, сообщая о залежах золота в «Малой Бухарии»[4]. 22 мая 1714 г. царь Петр, находившийся с флотом в Финском заливе, подписал указ о разведке месторождений яркендского золота и посылке для этого специальной экспедиции во главе с преображенцем полковником И.Д. Бухольцем[5].

Поправить свою казну Петр I решил путем реализации грандиозного плана. Согласно его указу от 14 февраля 1716 г. из Астрахани в Среднюю Азию была направлена экспедиция другого преображенца – князя А. Бековича-Черкасского, который должен был построить крепости на восточном побережье Каспия, и на путях, ведущих в Среднюю Азию. Главе экспедиции поручалось также, если удастся, подчинить Хиву и Бухару, одновременно направив посольство в Индию для разведки способов добычи золота и торговли им. А. Бекович должен был произвести и дополнительную разведку яркендского золота, а также узнать и расстояние от Яркенда до Каспийского моря. Очевидно, правительство искало пути транспортировки добытого металла. Золото предполагали искать и в старом русле Амударьи.

Но экспедиция эта была крайне неудачной, почти все ее участники во главе с полководцем погибли, попав в ловушку, расставленную хивинским ханом.

В XIX столетии перед Российской империей встала историческая задача формирования южных рубежей. Причем решение этой задачи было теснейшим образом связано не только с отношениями с крупнейшими азиатскими соседями – Цинской империей, Британской Индией, Афганистаном, Ираном и Турцией, но и с европейскими державами, в первую очередь с Великобританией. Столкновения интересов этих государств и поиски ими приемлемых компромиссов получили название «Большой игры в Азии»[6].

Что касается Цинского Китая, то российское правительство осуществляло малейшие свои действия в Центральной Азии, учитывая позицию Китая и стремясь не нарушить традиционные добрососедские отношения двух империй. Например, в мае 1831 г., когда к российским пределам подошло посольство из Кокандского ханства, находившегося в войне с Китаем, российская сторона отказалась принять посла, как «отправленного от владения, враждебного китайцам»,

о чем уведомили китайскую сторону. В Петербург разрешалось доставить лишь грамоты от кокандского хана. Что же касается подарков русскому царю: двух пленных китайцев и слона, то китайцев направили в Иркутск, для передачи их китайским властям, если же они отказались бы от возвращения в Китай, то им разрешалось «свободное жительство в России». Слона же доставили в Царское Село[7], чтобы не обидеть хана, приславшего столь редкий и ценный подарок.

Вице-канцлер К.В. Нессельроде в письме на имя генерал-губернатора Западной Сибири И.А. Вельяминова доводил до сведения последнего утвержденную Николаем I позицию России в отношении казахских жузов:

«Положительное замечание, делаемое Вами, что китайское правительство непременно будет протестовать против наших распоряжений в тех частях Большой орды, кои ближе прилегают к пределам Китая, указывает нам также положительно ту решимость, которую мы должны принять, а именно: отнюдь не всчинать того, что может произвести словопрения, а может быть, и разрыв с Китаем, с коим имеем самую выгодную для России торговлю при дружественных связях, существующих уже более ста лет»[8].

Изменения политики в Центральной и Средней Азии, произошедшие во второй половине и в конце XIX столетия были навязаны России действиями ее контрагентов, в первую очередь активностью в Азии Британской империи, стремившейся расширять свои колониальные владения за счет прилегающих к Индии стран. Существенную роль сыграли и поражения Цинской империи от Великобритании и Франции в «опиумных» войнах середины XIX века.

Довольно многие реалии русской политики в Центральной Азии в ходе «Большой игры» открываются в переписке генерального консула в Кашгаре Н.Ф. Петровского[9]. Думаю, что дальнейшего пристального внимания историков заслуживает и деятельность учрежденного в 1903 г. Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии[10].

Британская дипломатия проявляла повышенный интерес к владениям России в Средней и Центральной Азии, материалы путешествий в эти районы таких подданных английской короны как Генри Лансделл давали Лондону полное представление о ситуации в регионе[11], в первую очередь о деятельности здесь русских. Когда Г. Лансделл, готовясь к поездке, обратился в библиотеку Британского музея, чтобы посмотреть новые книги о русской Центральной Азии, он обнаружил 12 шкафов, заполненных книгами. В каждом из шкафов было по 18 полок, общая длина которых составляла свыше 180 метров. Составленная им библиография насчитывает 702 названия, включая 34 карты[12].

Не меньший интерес к азиатским владениям России проявляли и в США. Если Г. Лансделл, прежде чем отправиться в Центральную Азию, совершил отдельное путешествие по Сибири, то маршрут

Джорджа Райта пролегал через всю Азиатскую Россию, а интересы его охватывали Китай и Японию[13]. В предисловии к своей книге Дж. Райт отмечал, что «расширение русского влияния и протяженность русских колоний в Северной Азии стоят в ряду интереснейших и значимых событий новой истории. Они вдвойне интересны из-за особых физических условий страны и особого характера аборигенного населения. Они знаменательны потому, что политические отношения России с народами Востока возрастают, а также из-за возможности, открывшейся для неограниченной мирной экспансии на прилегающие территории одного из наиболее мощных и прогрессивных народов новейшего времени»[14].

О том, какую роль в составлении карт труднейших для обследования районов Центральной Азии играли русские научные экспедиции, свидетельствуют письма Григория Ефимовича Грум-Гржимайло графу Сергею Дмитриевичу Шереметеву в 1888–1918 гг. председателю ряда научных исторических обществ. Так, рассказывая о своей Памирской экспедиции, в письме от 10 августа 1887 г. Г.Е. Грум-Гржимайло отмечает:

«В геогр[афическом] отношении сделано много:

1. Имеется 2000-верстная съемка в 5-верстном масштабе.
2. Измерены высоты 30 пунктов.
3. Открыта целая система ледников в верховьях реки Танымас, котор[ую] я позволил себе назв[ать] системой ледников графа Шереметева. Эти ледники сняты в 2-х верстном масштабе причем имеется с них и целая серия фотогр[афических] снимков.
4. Пройдены совер[шенно] неизв[естные] для европейцев страны.
5. Собран громадный расспросный материал, главную часть которого составляют статистические данные о населении, количестве скота и проч., как для Памира собственно, так и для стран прилегающих.
6. Наблюдались ежедневно все изменения погоды и температур по макс[имуму] и минимуму термомет[р] Реомюра» [15].

Уже находясь в Петербурге, в письме от 21 октября 1888 г. Г.Е. Грум-Гржимайло продолжал раскрывать эту тему: «Особого внимания... заслуживает карта, выполненная по приказанию г[осподина] начальника Топогр[афического] отд[еления] Генер[ального] штаба в Азиатском картографическом отделе под редакциею полковника Большева. Значение этой карты, куда вошли наши съемки, благодаря этим последним настолько велико, что я получил уже запросы из Англии и Готы с просьбой разрешить там печатать наши съемки с тем, однако, чтобы не выпускать их в свет ранее выхода моей книги в П[етер]бурге»[16].

Центральная Азия и особенно Памир в наши дни продолжают представлять огромный научный интерес. Ученые Института востоковедения РАН вместе с таджикскими коллегами успешно продолжа-

ют экспедиционные исследования в этом регионе[17]. Из их поля зрения не уходит и история появления русских на Памире[18]. Эту тему раскрывает и сборник документов: «"Большая игра" в Центральной Азии: "Индийский поход" русской армии», выпущенный в 2005 г. Институтом востоковедения РАН совместно Федеральной архивной службой, при поддержке Посольства Индии.

Большой интерес для историков русских открытий в Центральной и Средней Азии представляет биобиблиографический словарь русских военных востоковедов. Здесь, наряду с такими известными именами как Н.М. Пржевальский, Е.В. Путятин, В.И. Робровский представлены и имена, ранее мало известные в востоковедном сообществе, так как они долгие годы замалчивались по политическим мотивам. Например, генерал П.Н. Краснов, известный как активный участник белого движения, был выдающимся востоковедом, побывавшим в 1897-1898 гг. в Западной Африке, а в 1901-1902 гг. совершил большое путешествие по Китаю, Японии и Индии[19].

Огромный вклад в изучение исторической географии и топографии Центральной и Средней Азии был сделан одним из классиков отечественного востоковедения академиком В.В. Бартольдом. Василий Владимирович привлек широкий круг арабоязычных источников для рассмотрения географических условий региона не только в прошлом, но и в настоящем[20].

В 1990 г. в Англии вышла книга ветерана британской секретной службы Питера Хопкирка[21]. В качестве эпиграфа для своей книги П. Хопкирк выбрал отрывок из произведения Р. Киплинга «Ким»: "Now I shall go far and far into the North, playing the Great Game..." – «Теперь мне предстоит продвигаться все дальше и дальше на север, участвуя в Большой Игре...»

«...После крушения коммунизма и распада московской "империи зла", – отмечает Хопкирк, – в Азии на ее руинах неожиданно возникли восемь совершенно новых государств. ...Сегодня в Центральной Азии разгорается новая схватка между странами, расположенными вне этого региона, но соперничающими в стремлении заполнить политический и экономический вакуум, оставшийся после неожиданного ухода Москвы. Политические аналитики и авторы передовиц уже называют это новой Большой Игрой. Ведь ни для кого не секрет, что Центральная Азия располагает одним из величайших сокровищ двадцатого века – фантастическими запасами нефти и природного газа, намного превышающими потенциал Саудовской Аравии и прочих государств Персидского залива. Добавьте к этому золото, серебро, медь, цинк, свинец, железную руду, уголь и хлопок – и станет ясно, почему внешние силы так усиленно обхаживают новые власти Центральной Азии»[22].

Книга П. Хопкирка является блестящим обследованием того исторического фундамента, на котором развивается современная полити-

ческая ситуация в регионе. Но хочу напомнить, что первым историком «Большой Игры в Азии», т.е. схватки трех империй Российской, Британской и Китайской (Цинской) за доминирование в Центральной Азии во второй половине XIX столетия, был Георгий Васильевич Чичерин. По случаю 100-летия МИД России он, проработав большое количество архивных документов, подготовил специальный труд.

Я упомянул об этом, чтобы подчеркнуть, что у нынешней геополитической ситуации в Центральной Азии есть своя многолетняя предыстория. Не многолетняя, а многовековая история есть, например, у политики Китая в этом регионе. Ценнейшим собранием источников по истории продвижения Китая в Западный край (Сиюй) служат хроники династий Мин и Цин, соответствующие выдержки из которых изданы в 1994 г. коллективом ученых Казахстана[23].

В годы советско-китайской конфронтации в КНР было выпущено немало книг и статей, обосновывавших «права» Китая на этот регион и даже возможность «возвращения» его «в лоно матери-родины». Это влияет и на сегодняшний политико-психологический климат в регионе.

После дезинтеграции СССР Китай без промедления установил дипломатические отношения с новыми соседями в регионе. В Пекине осознали, что региональная ситуация изменилась в пользу Китая. Этому способствовали следующие факторы:

- Грозная сверхдержава, которая препятствовала политике Китая в отношении Вьетнама, Монголии, Индии и Афганистана, исчезла.
- Россия, озабоченная отношениями с Западом и внутренним политическим и экономическим кризисом, уменьшила свои опасения по поводу китайской угрозы.
- Сокращение Россией вооруженных сил, стратегических ядерных вооружений и Тихоокеанского флота на 40%, а также заявление Казахстана о ликвидации ядерных вооружений на его территории изменило баланс сил в пользу Китая.
- Небольшие национальные армии, совершенно несопоставимые с китайскими вооруженными силами в Синьцзяне, заменили советское военное присутствие в Центральной Азии. Центральная военная комиссия ЦК КПК в докладе 1991 г. не упоминала центрально-азиатские республики как вызов безопасности Китая.

Но когда прошла первая эйфория, Китай осознал угрозу исламского фундаментализма. Он хотел бы, чтобы правительства центрально-азиатских республик сами справлялись с этой проблемой. Одновременно в 1992 г. в столице Синьцзяна Урумчи был принят президент Ирана Рафсанджани[24].

Этот регион представлял собой основную часть «дуги напряженности», которая, по мнению американской дипломатии, простиралась от Балкан, через Кавказ до Алтая и Памира. З. Бжезинский не случайно назвал регион Центральной Азии «Евразийскими Балканами»[25]. Американская, турецкая и японская дипломатия проявляли бе-

шеную активность, чтобы закрепить влияние своих государств в этом регионе. Кавказско-каспийский участок «дуги напряженности» был объявлен Конгрессом США зоной жизненно важных интересов Вашингтона[26]. Япония давала займы Киргизии, в Таджикистане и Узбекистане активизировались экстремистские мусульманские движения. Вся эта активность была нацелена на то, чтобы вытеснить Россию из Средней и Центральной Азии, и вывести НАТО на рубежи глубокого стратегического тыла нашей страны и Китая[27]. В интересах России и Китая было стабилизировать обстановку в обширном регионе азиатских государств СНГ, только что появившихся на международной арене.

Следует отметить, что этой «дипломатии натиска» противостояла не только российская дипломатия, но и дипломатия новых независимых государств Центральной Азии. Интереснейший материал по этой проблеме содержит фундаментальная монография одного из важных участников внешнеполитического процесса Казахстана, министра иностранных дел Республики Казахстан К.К. Токаева. Автор в деталях рассматривает взаимоотношения своей республики как с непосредственными соседями по региону, так и с целой группой государств Востока (Индией, арабскими странами) и Запада (США, ведущими европейскими державами, Японией)[28].

Одной из острых проблем в отношениях Китая с азиатскими странами СНГ была необходимость завершения уточнения границ на отдельных участках. Российская дипломатия пришла на помощь бывшим советским республикам. Еще 8 сентября 1992 г. было заключено Соглашение между Правительствами РФ, Республики Казахстан, Киргизской Республикой и Республикой Таджикистан, на основе которого была создана объединенная делегация для ведения переговоров по пограничным вопросам с делегацией КНР. Это позволило азиатским республикам СНГ получить доступ к документам и материалам МИД РФ, протоколам советско-китайских переговоров.

В апреле 1996 г. возникло объединение постсоветских государств получившее название Шанхайская пятерка. Россия, КНР, Казахстан, Киргизстан и Таджикистан подписали Соглашение о мерах доверия в зоне бывшей советско-китайской границы. Заметим, что в то время прохождение самой линии границы на ряде участков оспаривалось китайской стороной. Тем не менее, выступая 25 сентября 1996 г. на 51 сессии Генеральной Ассамблеи ООН министр иностранных дел РФ Е.М. Примаков отметил, что «российско-китайские соглашения по границе и военной разрядке в пограничной зоне, подписанные также Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном, станут долговременным фактором стабильности в этом обширном регионе»[29].

В июле 1996 г. между Киргизией и Китаем был подписан Договор о границе, по которому Киргизстан уступил Китаю 870 кв. км. (87 тыс. га.) своей территории. По размеру это примерно совпадает с террито-

рией Москвы. 26 августа 1999 г. было подписано Соглашение о стыке государственных границ Китая, Киргизии и Казахстана. По этому соглашению Киргизией также был сделан ряд уступок Китаю. Причем эта проблема была использована оппозицией против президента А. Акаева. В 2002 г. территориальные уступки стали поводом для массовых акций оппозиции, сопровождавшихся насильственными действиями. Погибли 6 мирных жителей, более 80 были ранены. А. Акаев отправил в отставку правительство во главе с Курманбеком Бакиевым, вернувшимся сейчас к политической жизни. В отставку тогда же ушел и руководитель администрации Президента Аманбек Карыпкулов.

По Соглашению 24 сентября 1997 г. Казахстан также уступил Китаю 537 кв. км. территории, включая и одну из своих национальных святынь горный пик Хан-Тенгри. Таджикистан по соглашениям 1999 и 17 мая 2002 г. уступил Китаю 1200 кв. км. территорий на Памире (из примерно 10.000 на которые претендовал Китай).

В 1997 г. государствами «Шанхайской пятерки» в Москве было заключено Соглашение о сокращении вооруженных сил и вооружений в 100-километровой зоне по обе стороны бывшей советско-китайской границы. Эти соглашения создавали базу для подписания соответствующих соглашений о бывшей советско-китайской границе, которая простиралась на азиатских окраинах СССР на протяжении **7815 км.** Необходимо было снять с повестки дня эту проблему. Но не столько для России, сколько для соответствующих государств СНГ.

Встречи лидеров «Шанхайской пятерки» в Алма-Ате в 1998 г. и в Бишкеке в августе 1999 г. показали, что взаимодействие этих государств может не только распространиться в политической области на поддержание стабильности в регионе, борьбы с исламским экстремизмом и сепаратизмом, терроризмом, но имеет хорошие перспективы сотрудничества также и в торгово-экономической сфере.

15 июня 2001 г. в политической и экономической жизни региона Центральной и Средней Азии произошло знаменательное событие. На встрече глав государств «Шанхайской пятерки» в шанхайском отеле «Шангрила» присоединение Узбекистана к «пятерке» позволило создать Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС) – региональную организацию, главной целью которой является обеспечение стабильности и безопасности в регионе Центральной Азии и его экономическое развитие. Спустя месяц, 16 июля 2001 г. в Москве Россия и Китай подписали Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. Думаю, что не случайно эти два важнейших международно-правовых акта в дипломатической истории России XXI века были так близки по времени их подписания и в известной степени по духу их содержания.

Штаб-квартира ШОС находится в Пекине, исполнительным секретарем организации на первом этапе стал известный китайский дипло-

мат Чжан Дэгуан. Принятие важнейших документов, выработка стратегии развития, решение проблем принятия новых членов (в 2004 г. в качестве наблюдателя в ШОС была принята Монголия), все это входит в компетенцию саммита глав государств, проводимого ежегодно поочередно в столицах стран-участниц. На июльской 2005 г. встрече глав государств наблюдателями в ШОС стали Индия и Пакистан. В качестве приглашенного гостя в этом саммите ШОС участвовал президент Афганистана Хамид Карзай.

Юбилейный саммит открылся в Шанхае 15 июня 2006 г., на нем главы государств приняли Программу действий, которая нацелена не только на обеспечение политической безопасности государств ШОС, но и на их ускоренное и скоординированное экономическое развитие.

В 2000 г совокупное население пятерки государств Центральной Азии – Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана составляло 55,3 млн. человек. При этом на Узбекистан приходилось 25 млн. жителей, Казахстана – 15 млн, остальные государства относятся к малым государствам с населением 3-4 млн человек. Валовой внутренний продукт (ВВП) по обменному курсу валют на 2000 г. равнялся 32,3 млрд долларов, а экспорт – 16,2 млрд долларов. Суммарный региональный ВНП по паритету покупательной способности достигал в 1999 г. 134, 8 млрд долларов, что давало около 2800 долл. в среднедушевом выражении[30]. Эти цифры, на наш взгляд, свидетельствуют о том, что регион действительно является достаточно привлекательным рынком сбыта для изделий китайской легкой, электронной и машиностроительной промышленности.

В Китае сразу же было решено осваивать этот рынок. Центральноазиатские республики не могли не замечать экономического роста Китая. Китай же со своей стороны выдвинул идею возрождения «Великого шелкового пути». Это помогло китайской стороне преодолеть основные политические и культурные препятствия. Новый импульс развитию отношений в этой области дал триумфальный визит в регион тогдашнего премьера КНР Ли Пэна, который предложил провести по маршруту «Шелкового пути» трубопроводы для транспортировки нефти и газа в Китай. При этом Китай вел себя в Центральной Азии очень осмотрительно, чтобы не возбуждать подозрений России. Даже в «Большую игру», связанную с политикой в области трубопроводов, Китай вступил только в 1997 г. лишь после того, как в регионе появились американцы[31].

В настоящее время стратегическая линия КНР в отношении государств Центральной Азии основана на общей стратегии Китая, которая предусматривает урегулирование пограничных проблем со всеми соседями, налаживание с ними таких отношений, которые привели бы к созданию по всему периметру границ Китая кольца дружественных государств.

В эту стратегию входит важным компонентом усиление экономического влияния Китая в обширной зоне его границ. Примером этого может служить Соглашение 2002 г. о создании к 2010 г. зоны свободной торговли в Юго-Восточной Азии. В том же году министр внешней торговли КНР выступил с предложением о создании зоны свободной торговли с государствами ШОС. Но партнеры КНР оказались не готовы к рассмотрению этого предложения. Но, как мне представляется, в Пекине не отказались от этой идеи. Не случайно Ху Цзиньтао на саммите в Ташкенте предложил центрально-азиатским участникам ШОС 1 млрд долларов для снижения таможенных тарифов. Китайские политологи сегодня говорят о необходимости гармонизации интересов КНР и ее центрально-азиатских и средне-азиатских соседей.

Другим важным компонентом политики в отношении государств Центральной Азии является использование их энергетического потенциала, в первую очередь углеводородного сырья, для решения экономических проблем КНР. Наконец, Китай заинтересован в поддержании стабильности в регионе, ибо он граничит с одной из самых взрывоопасных провинций КНР – СУАР. В рамках поддержания стабильности и обеспечения безопасности Китай не считает необходимым присутствие американских военных баз в регионе.

Но не только нефть и газ являются привлекательными. Как справедливо отмечал Хопкирк, Центральная Азия привлекает многие государства, ибо это гигантская кладовая многих полезных ископаемых. Например, не меньший, чем Китай интерес к Центральной Азии проявляет и Индия. Индийские эксперты высшего уровня, работающие в области внешнеполитической стратегии, прекрасно знакомы с историей «Большой игры». Они выдвигают идею партнерства Индии с государствами Центральной Азии в области энергетики, экономического взаимодействия и транспортных связей с этой частью СНГ и ШОС[32].

Представляемая читателю новая книга А.В. Постникова, подготовленная в ключе документальной повести, дает читателю яркое представление об истории борьбы русской дипломатии за оформление южных рубежей страны, о военных мероприятиях Петербурга по укреплению позиций России в Центральной и Средней Азии. При этом автор использует не только документы российских архивов, но и прекрасно владеет материалами зарубежных хранилищ. Особенно интересные находки сделаны А.В. Постниковым в депозитариях картографических коллекций в Лондоне и Париже. Думаю, что этот труд привлечет внимание всех, кто интересуется новой и новейшей историей отношений нашей страны с новыми государствами, как Востока, так и Запада.

[1] Русско-китайские отношения в XVII в. Материалы и документы. Т. I. 1608 – 1683. М., 1969. С.12, 140-148.

[2] Русско-китайские отношения в XVIII в. Материалы и документы. Т. I. 1700 – 1725. М., 1978. С.162-163.

[3] *Миллер Г.Ф.* История о песошном золоте в Бухарии и о чинимых для оного отправлениях и о строении крепостей при реке Иртыше // Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. 1760, январь. С.11-12.

[4] Там же, с.9-10.

[5] *Фиалков Д.П.* По следам Ивана Дмитриевича Бухолца // Известия Омского отделения Всероссийского географического общества. 1964. № 6 (13). С. 61 – 66.

[6] Подробно см.: *Мясников В.С.* Предисловие к книге Постникова А.В. Схватка на «Крыше мира». М., 2005, с. 5-25.

[7] Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Министерства иностранных дел Российской Федерации. М., 2005. С.360.

[8] Там же С.483.

[9] «С китайцами мы живем ладно». Письма российского консула в Кашгаре Н.Ф.Петровского к Д.Ф. Кобяко. 1883 – 1895 гг. Публикация В.Г. Бухерт // Исторический архив. 2007. № 1. С.17. См. также: Туркестанские письма Н.Ф. Петровского. Публикация В.Г. Бухерт // Российский архив. Новая серия. М.. 2003. Т. MMII. С. 450-517. Значительная часть документов и материалов о деятельности Н.Ф. Петровского в Кашгарии хранится в РГАДА. См.: *Скачков П.Е.* Очерки истории русского китаеведения. М., 1977. С.346,387.

[10] *Скачков П.Е.* Очерки истории русского китаеведения. М., 1977. С.273-278.

[11] *Lansdell H.* Russian Central Asia including Kuldja, Bokhara, Khiva and Merv. V. 1-2. L., 1885.

[12] Ibidem. V. 2. PP. 654-680.

[13] *Wright G.F* Asiatic Russia. With Maps and Illustrations. V. 1-2. L.; N.Y., 1903.

[14] Ibid. V.1. P. ix.

[15] «Только благодаря Вашей помощи...» Письма Г.Е. Грум-Гржимайло графу С.Д. Шереметеву 1887-1889 гг. Публикация В.Г. Бухерт // Исторический архив. 2006. № 2. С.184.

[16] Там же. С. 185-186.

[17] Памирская экспедиция (статьи и материалы полевых исследований). М., 2006.

[18] См.: *Арунова М.Р* О русских экспедициях на Памире. К истории российского памироведения.(Там же, с. 212-218). Большой интерес представляет и статья Давлета Худонарзанова «Первый русский правитель Памира (Памяти Эдуарда Карловича Кивикэса)» (Там же, с. 219-231).

[19] Русские военные востоковеды до 1917 года. Биобиблиографический словарь. Автор-составитель М.К. Басханов. М., 2005. С.129.

[20] *Бартольд В.В.* Работы по исторической географии. М., 2002.

[21] *Hopkirk Peter.* The Great Game. On Secret Service in High Asia. John Murray. Albemare Street, L., 1990.

[22] *Хопкирк П.* Большая игра. На секретной службе в Центральной Азии. М., 2004. С. 18-19.

[23] Китайские документы и материалы по истории Восточного Туркестана, Средней Азии и Казахстана XIV-XIX вв. Алматы. 1994.

[24] *Stobdan P* Central Asia and China Relations// Asia Security and China. 2000-2010. Ed. by K.Santhanam, Srikanth Kondapalli. Institute for Defense Analyses, New Delhi. 2005. P. 345-346.

[25] *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. М., 1998. С. 10.

[26] В Вашингтоне пренебрегают тем, что у Прикаспийских государств существуют свои геополитические интересы. См.: *Мамедов З.Ф.* Формирование геостратегических векторов прикаспийских государств. Афтореф. дис. на соиск. уч. степени кандидата политических наук. М., 2006.

[27] В 1999 г. на юбилейной сессии НАТО в Вашингтоне была принята резолюция, допускавшая операции сил НАТО в любом районе мира. На этой сессии присутствовали высокие представители всех азиатских государств СНГ.

[28] *Токаев К.К.* Под стягом независимости. Очерки о внешней политике Казахстана. Алматы. 1997.

[29] Выступления глав делегаций СССР/Российской Федерации на сессиях Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций. Сборник документов. М., 2006. С. 777.

[30] *Жуков С.В., Резникова О.Б.* Центральная Азия в социально-экономических структурах современного мира. М., 2001.

[31] *Stobdan P* Op. cit. P.346-347.

[32] India and Central Asia. Advancing the Common Interest. Ed. K.Santhanam, Ramakant Dwivedi. New Delhi. 2004. Любопытно, что отношения с Китаем в конце 50-х – начале 60-х годов прошлого столетия индийские специалисты оценивают как столкновение политических культур. См.: *Sudarshan Bhutani.* A Clash of Political Cultures. Sino-Indian Relations (1957-62). New Delhi. 2004.

В.С. Мясников

Вступление:
историография и источники

История слепа без географии,
а география глуха без истории[1]

Начало исследований по поставленной в этой книге проблеме относится ко второй половине 1960-х годов, когда пути в прошлом дружественных социалистических КНР и СССР на многие годы разошлись, толчком чему послужило разоблачение культа личности И.В. Сталина и хрущевская «оттепель», категорически не принятые китайским руководством. Следует, однако, подчеркнуть, что эти политические разногласия лишь открыли заслоны тщательно до того скрывавшихся многолетних противоречий соседних держав и, в том числе, по поводу прохождения линии государственной границы между ними. Основным доводом китайской стороны стало то, что сразу после революции первое советское правительство объявило все дореволюционные договоры с Китаем неравноправными и заключенными Российской империей с Китаем, как со своей полуколонией. Опираясь на эти заявления советских властей и публикации[2] (которые большевики поспешили дезавуировать, но было уже поздно) китайцы практически отказались признать легитимность любых договоренностей с Россий по границе, заключенных после Нерчинского договора 1689 года. Таким образом в качестве программы максимум, КНР выдвигало требование восстановления границы, установленной Нерчинским договором, статьи которого абсолютно не позволяли определить конкретную линию прохождения на местности ее линии, но допускали, при самой крайней трактовке, рассуждать о возможности отторжения от России почти всех земель от Тихого океана до Якутска. Понимая, что подобные притязания невозможно было воплотить в реальном изменении границы, администрация Мао Цзэдуна стала требовать изменения линии границы на тех участках, для которых за многие годы, прошедшие после подписания во второй половине XIX века договоренностей, эта ли-

ния по тем или иным причинам либо вообще была «потеряна», либо намеренно изменялась одной из сторон. Начатые в этот период бесплодные переговоры СССР с КНР, прерывавшиеся активными провокациями маоцзэдуновских войск на охраняемой линии границы, провокациями приводившими к многочисленным жертвам, потребовали от Министерства Иностранных дел СССР детального исследования истории формирования русско-китайской границы и возникновения спорных участков на ней. Небольшая группа дипломатов и военных топографов, которой была поручена эта задача, стала широко привлекать для решения ее отдельных аспектов научных сотрудников институтов Академии наук СССР, среди которых волею судеб оказался и автор настоящей книги, работавший в то время (1972–1974 гг.) в Институте истории СССР АН СССР. Первоначально нам поручались исследования очень узких аспектов истории формирования границы, ее географического изучения и картографирования. Часто эти поручения имели своей целью фактически выяснить на каких основаниях китайская сторона предъявляет претензии на те ли иные участки границы, однако от самих исследователей которым поручалась эта работа скрывались как цель ответа на тот или иной конкретный вопрос, так и вся информация, накопленная к тому времени в Советской Правительственной делегации, занимавшейся переговорами с КНР. С другой стороны, в рамках полученного задания исследователи, работавшие над решением конкретных вопросов по заданию этой делегации, имели практически неограниченный доступ к закрытым фондам советских архивов и библиотек. Как нетрудно догадаться, все эти работы проводились как исследования, результаты которых не подлежали разглашению и тем более опубликованию в открытой печати.

Фрагментарные исследования автора по истории географического изучения и картографирования районов русско-китайкой границы (по всей ее линии от Памира до Тихого океана) продолжались до начала 1980-х годов, когда, уже в рамках специально созданной Межведомственной комиссии по односторонней проверке границы СССР с КНР, ему было поручено создать обобщающий труд по этой проблеме, причем предоставлена возможность использования многих материалов МИД СССР по теме, организованы исследовательские командировки в зарубежные архивы и библиотеки, а также полевые работы непосредственно на линии государственной границы СССР с КНР. Задачей, на этом завершающем этапе исследований, было восстановление на современной местности наиболее достоверной и точной линии прохождения государственной границы между двумя странами на основании официальных договоров России с Китаем и уточняющих их двухсторонних протоколов, относящихся к конкретным участкам границы. Этот исследовательский проект выполнялся большим коллективом (до 500 человек) дипломатов, военных топографов, геодезистов, пограничников и ученых экспертов (число последних достигало

50 сотрудников АН СССР), привлекавшихся для решения конкретных историко-географических задач. В число этих ученых входили историки-востоковеды, геоморфологи, гляциологи, археологи, географы и картографы. Общее научное руководство группой научных экспертов осуществляли В.С. Мясников (заместитель директора Института Дальнего Востока Российской Академии наук) и В.М. Котляков (директор Института географии РАН). Автор предлагаемой работы участвовал в деятельности Междуведомственной комиссии по односторонней проверке государственной границы СССР с КНР на постоянной основе и выполненное им (конфиденциальное в то время) исследование в виде трехтомного труда вошло в состав многотомного корпуса официальных документов Комиссии по завершении ее работы в 1984 году.

В новых условиях постсоветского периода, после политического урегулирования основных пограничных споров соседних держав в Центральной Азии[3], многие отечественные ученые, включая и автора настоящей работы, получили возможность обнародовать основные результаты своих исследований, проводившихся в советское время в порядке специальных работ и ранее не предназначавшихся для публикации. Теперь все это стало достоянием истории. Поэтому, в данной книге, мы дополнили проведенные ранее исследования по истории формирования границ в Центральной Азии детальным изучением вопросов и тем, не имевших прямого отношения к советско-китайскому пограничному спору, но которые важны в научном отношении, особенно для выявления исторических корней современной сложной ситуации в этом громадном и геополитически важном регионе. Предлагаемая работа представляет собой продолжение исследований, результаты которых опубликованы автором в книге *Схватка на «Крыше Мира»: политики, разведчики и географы в борьбе за Памир в XIX веке (монография в документах)*. (Москва, 2001).

Еще в 1960 году профессор Ричард Пирс в предисловии к своей книге *Российская Центральная Азия, 1867–1917* высказал следующие удивительно актуально звучащие в наше время мысли: *Идея о том, что неэтично одному народу контролировать судьбы другого поздно появилась в развитии социального сознания человечества, но она набирает силу. Эта концепция уже привела к ломке давно установившихся систем и сделала сами понятия «империи», «колоний» и даже «протекторатов»звучащими столь же дискредитированными как «империализм», «колониализм» и «эксплуатация»*[4]. Несмотря на несомненную справедливость приведенного высказывания, до двадцатого столетия мир существовал по законам, включая законы международного права, создававшимся колониальными державами и, как само собой разумеющееся, навязываемыми ими своим колониям и другим слабым «нецивилизованным» странам. Колониальные державы нимало не интересовало и не беспокоило, что страны эти имели свои, ино-

гда более древние, нежели европейские, традиции национального размежевания и представления о государственных границах. В борьбе за колониальный передел мира европейские государства перекраивали эти границы по своему усмотрению, и проведенное таким образом «размежевание», нравится нам это или нет, во многом до сих пор сохраняет созданные таким образом границы, утвержденные признающимся и поныне всеми странами международным правом.

Поэтому проблема формирования границ в Центральной Азии (как, впрочем и в других районах земного шара) имеет много аспектов, не потерявших актуальности в наше время. Географические исследования, картографирование и историко-этнографические работы проводившиеся здесь в XIX веке проходили в условиях постепенного присоединения и завоевания мусульманских владений европейскими странами, а также – «Большой (или Великой) Игры» главных держав (Британии, России и Китая), имевших геополитические интересы в этом регионе, борьба которых за рынки сбыта и природные ресурсы играла существенную роль в формировании государственных границ. Сами историко-географические исследования и картографирование существенно повлияли на создание здесь новых государственных границ. Они сказывались на принятии решений стран-соперниц, а с другой стороны ожесточенная борьба этих стран не могла не отразиться на методах научно-прикладных исследований для обоснования территориальных притязаний сторон.

Большой знаток европейских критериев формирования государственных границ и активный участник их создания в Центральной Азии, лорд Кёрзон, бывший вице-королем Индии (1898–1905 гг.) и британским министром иностранных дел (1919–1924 гг.), подробно и четко сформулировал имперские представления о различных типах государственных границ и «научных» подходах к их формированию в специальной лекции прочитанной им в декабре 1907 года в Оксфордском университете. Рассматривая роль государственных границ в истории, лорд Керзон отмечал, что она особенно возросла в XIX веке, когда, по его утверждению большинство войн и вооруженных столкновений возникало при установлении границ в процессе поглощения небольших и относительно слабых государств их могущественными соседями, и, в частности, такими колониальными державами как Россия и Великобритания. Керзон, основываясь на собственном длительном опыте борьбы за расширение британских колониальных владений и установления новых государственных границ следующим образом описывает эти геополитические процессы.

Завершением в высшей степени напряженной работы министров иностранных дел и послов, заложением основ или результатов любого entente cordiale («сердечное согласие» – Антанта), *является теперь заключение пограничных конвенций (пограничных договоров), в которых источники противоречий устраняются согласованием*

конфликтующих интересов или амбиций в точках соприкосновения территориальных границ. Границы в действительности являются лезвием бритвы, на котором подвешены современные проблемы войны и мира, жизни или смерти наций. И это не удивительно. Так же как защита своего дома является наиболее существенной заботой любого частного лица, неприкосновенность границ – условие существования государства. Но, в связи с быстрым ростом населения и экономическими потребностями расширения рынков сбыта, расширение территориальных владений великих держав становится еще более насущной необходимостью. По мере заполнения вакантных пространств на Земле, соперничество за оставшиеся районы временно становится более острым. К счастью, этот процесс идет в направлении естественного завершения. Когда все лакуны заполнены и каждая граница определена, проблема обретает иную форму. Более древние и могущественные нации будут все еще продолжать между собой споры по поводу границ; они будут также претендовать и продвигаться на территории своих менее сильных соседей; пограничные войны сами собой не исчезнут. Но погоня за новыми землями, или за наследием деградирующих государств, будет становиться менее острой по мере того как будет оставаться все меньше территории для поглощения, и все меньше шансов будет осуществить это безнаказанно, или по мере того, как более слабые образования либо нейтрализуются, либо делятся, либо попадают под неоспариваемый протекторат более сильной державы. Мы сейчас переживаем переходную фазу, результатом которой будет оставаться все менее тревожных условий, которые все более и более будут включаться в организованный порядок Международного Закона[5].

В царской России было издано много работ, созданных непосредственными участниками разграничения ее владений с Цинской империей – главным образом путешественниками и учеными. Эти исследования будут рассмотрены нами далее, в процессе анализа основных источников при изложении темы. В самом конце XIX и начале XX столетия были впервые опубликованы специальные сборники договоров и соглашений России с Китаем, в частности, о проведении и исправлении границ и пограничных делах, включая материалы о переговорах России с Великобританией по разграничению с Афганистаном[6].

В советское время опубликованы все официальные документы по русско-китайским отношениям периода с 1689 по 1916 год[7], а так же – специальный сборник официальных актов и материалов по истории международных отношений в Центральной Азии[8]. Важные аналитические и фактические данные содержатся в работах отечественных ученых: Б.П. Гуревича, Л.И. Думана, В.С. Кузнецова, В.С. Мясникова, А.Л. Нарочницкого, С.Л. Тихвинского, А.Н. Хохлова и др., в коллективных трудах *Международные отношения на Дальнем Востоке, Ки-*

тай и соседи в новое время и др.[9] Для понимания общих подходов к оценке роли России в системе международных отношений в регионе представляют несомненный интерес обобщающие труды *Итоги и задачи изучения внешней политики России*, *Проблемы методологии и источниковедения политики России (Историография)*, в которых был дан анализ отечественной историографии внешней политики России, намечены задачи последующего исследования малоизученных вопросов[10]. Под редакцией академика С.Л. Тихвинского были выпущены сборники статей, посвященных историографии внешней политики России и проблемам истории международных отношений Цинской империи с окружающими ее государствами[11]. В этих и других трудах достаточно четко показано, что активизация политики России в Центральной Азии прослеживается со времени так называемого Восточного кризиса 1820-х годов, когда российские предприниматели опирались на помощь царского режима в упрочении своего положении на внешних рынках, а, значит ждали от него активного участия в разрешении международных противоречий в Центральной Азии в пользу России. В это же время явственно вскрываются стратегические планы Британской империи на Среднем Востоке. Внешняя политика России в центральноазиатских районах объективно играла важную роль в консолидации местных народов, она способствовала сдерживанию центробежных устремлений феодальных правителей центральноазиатских независимых или полунезависимых государств, постоянные войны которых в буквальном смысле опустошали регион[12].

Вопросы зарождения и становления русско-китайских дипломатических отношений, детали формирования границ двух империй с XVII до начала XX века, а так же подлинные официальные акты, которыми устанавливалось прохождение этих границ на местности детально исследованы в многочисленных трудах академика В.С. Мясникова, обобщенных в серии статей и фундаментальных монографий, завершающейся недавно опубликованной книгой *Договорными статьями утвердили: дипломатическая история русско-китайской границы XVII–XX вв.*[13] Труды В.С. Мясникова базируются на громадном массиве подлинных маньчжурских и русских документов, многие из которых впервые выявлены автором в архивных фондах России и КНР. Значительное внимание в этих работах уделено анализу причин возникновения различных трактовок прохождения на местности отдельных участков государственной границы России и Китая, приводивших к дипломатическим (а иногда и военным) конфликтам между двумя соседними великими державами. В.С. Мясниковым разработана методика изучения истории формирования границ на базе комплексного исследования совокупности историко-географических, этно-исторических, геополитических и дипломатических аспектов формирования государственных территорий двух стран и зоны, а затем и линии их контакта, т.е. – государственной границы. Разработки В.С. Мясникова во

многом определили наши теоретико-методологические подходы при анализе истории государственного размежевания в Центральной Азии.

Специальная книга, посвященная современной историографии отношений Царской России и Китая, опубликована А.Д. Воскресенским[14]. Значительное внимание уделялось изучению народов Центральной Азии, и в ряду таких исследований важнейшее значение для нашей работы имели классические труды академика Б.Г. Гафурова, посвященные таджикам[15]. Большое справочное значение для оценки представлений китайцев о географии и народах Центральной Азии конца XVIII – начала XIX в. имеет публикация Л.Н. Гумилевым и М.Ф. Хван рукописных переводов Н.Я. Бичурина (Иакинфа) китайских источников этого периода под названием *Собрание сведений по исторической географии Восточной и Срединной Азии*, где, в частности, имеется подробное описание Синьцзяна (*Новой линии*)[16]. Детальный анализ истории русско-китайских отношений в Центральной Азии проводил в своих исследованиях Б.П. Гуревич[17].

Современным фундаментальным исследованием подготовки и разработки последнего договора дореволюционной России с Цинским Китаем, определившего в общих чертах прохождение русско-китайской границы в Центральной Азии является книга А.Д. Воскресенского *Дипломатическая история русско-китайского Санкт-Петербургского договора 1881 года*[18]. В этой работе проведен детальный анализ тактики российской и китайской сторон на межгосударственных пограничных переговорах, выполненный на основе изучения русских и китайских документальных материалов, хранящихся в архивах, научных учреждениях и библиотеках России, КНР, США, Франции и Англии. Автором исследован весь комплекс проблем, связанных с размежеванием между Россией и Китаем в Центральной Азии во второй половине XIX века.

Из отечественных работ, непосредственно посвященных рассматриваемой теме, необходимо выделить серьезные исследования Н.А. Халфиным внешнеполитических и экономических причин завоевания Россией центрально-азиатских ханств. Результаты этих изысканий изложены в его основной монографии *Политика России в Средней Азии*, где в частности, ярко показана экономическая обусловленность соперничества Российской и Британской империй в XIX столетии и документально доказано, что, начиная с 1850-х годов, российские власти окончательно отказались от проектов завоевания британских колониальных владений в Индии. Работы Халфина созданы на базе привлечения значительного объема архивных и опубликованных материалов[19].

Ранняя история народов Памира исследована в монографии Б.А. Литвинского *Древние кочевники «Крыши мира»*[20], а проблемы истории памирских княжеств и их взаимоотношений с соседями деталь-

но рассмотрены в трудах таджикского историка Б.И. Искандарова[21]. Недостатком работ Искандарова является то, что автор практически не использовал зарубежные архивные материалы и, так же как и другие советские историки того времени, не мог в полной мере пользоваться документами российских генерального штаба и министерства иностранных дел по «Памирскому вопросу», которые хранились в закрытых архивных фондах. Несмотря на эти ограничения, в его работах в целом создана достаточно объективная история памирских княжеств и борьбы за их земли соседних государств. Благодаря этому, труды Искандарова используются современными зарубежными авторами при создании исторических обзоров возникновения русско-китайских противоречий по вопросу о принадлежности памирских территорий. Одной из работ такого рода является статья Энн Шинхи *Россия и Китай на Памирах: 18 и 19 столетия*[22], которая практически целиком является кратким рефератом трудов таджикского историка.

В 1960–1980-е годы было опубликовано множество работ, специально посвященных развитию в этот период острого пограничного конфликта между СССР и КНР. Большинство из этих публикаций, особенно выпускавшихся авторами, представлявшими конфликтующие страны, несли на себе отпечаток субъективности, вполне объяснимой актуальностью переживаемых обеими странами событий, нередко приводившими к значительным человеческим жертвам. В таких работах нередко давались исторические обзоры зарождения разницы в трактовке прохождения русско-китайской границы на отдельных ее участках, однако подобные исторические экскурсы находились под сильным влиянием проходивших в то время споров, и в них подчеркивались лишь те моменты истории формирования границы, которые могли служить выгодными для соответствующей стороны аргументами в публичной дискуссии на страницах открытой печати. В настоящей монографии не ставилась задача рассмотрения развития русско-китайского пограничного конфликта в советское время, поэтому автор считает возможным не останавливаться детально на анализе дискуссионных публикаций, посвященных ходу советско-китайского пограничного конфликта в 1960–1980-х годы[23]. Специальное научное исследование современных концепций русско-китайских отношений и погранично-территориальных проблем в России и Китае в 1980–1990-е годы проведено А.Д. Воскресенским.[24]

Общая истории картографирования Средней Азии российскими географами, путешественниками и картографами исследована в фундаментальной монографии В.Н. Федчиной *Как создавалась карта Средней Азии* (1967)[25], в которой вопросы картографирования районов русско-китайской границы на рассматривались.

Совсем недавно издана иллюстрированная монография профессора Санкт-Петербургского государственного университета и Киргизско-Российского Славянского университета Александра Анто-

новича Колесникова "Русские в Кашгарии (вторая половина XIX – начало XX в.) Миссии, экспедиции, путешествия" (Бишкек: "Раритет", 2006). В этой работе на основе широкого круга литературных и архивных источников дается обобщенная картина вклада русских исследователей в комплексное научное изучение Кашгарии в ходе предпринятых ими экспедиций, миссий и путешествий. Значительная часть опубликованных в книге архивных материалов и фотографий ранее была неизвестна широкому кругу читалей. Самостоятельный интерес представляют собой краткие биографические справки о различных исследователях, военных и дипломатах, многие из которых являются героями нашей книги.

Британская сторона «Большой Игры» имеет значительную историографию, фундамент которой был заложен еще в XIX веке в сочинениях непосредственных ее участников. Так, например, известный государственный деятель, востоковед и географ сэр Генри Роулинсон (1810–1895 гг.), посвятил многие свои работы вопросам расширения территориальных владений Российской империи в Центральной Азии и его влияния на британскую политику. Одной из наиболее полных сводок подобного рода являлась серия его докладов о политическом и географическом положении Центральной Азии – *Англия и Россия на Востоке*[26]. В этой работе впервые дан детальный анализ трудов европейских путешественников, исследовавших эти районы в период до 1875 года. Весьма полному изложению истории и состояния на 1870-е годы Британско-Российского колониального соперничества посвящен двухтомный труд Демитриуса Чарльза Боулгера (1853–1928 гг.) *Англия и Россия в Центральной Азии* (Лондон, 1879)[27]. Во вступлении к своей работе автор подчеркивает, что *Центральноазиатский вопрос не должен быть монополией немногих специалистов, или даже всего Англо-Индийского мира. Он является делом жизненно важным, значение которого с каждым днем увеличивается для каждого англичанина, и как таковое оно должно изучаться и серьезно приниматься во внимание*[28]. Характерно, что Чарльз Боулгер настолько глубоко верил в неизбежность раздела территории Центральной Азии между Россией и Британией и настолько не принимал во внимание существования вполне независимых государств в этом регионе, что даже в своем определении этой значительной части Евразии он утверждает следующее: *Центральная Азия это часть Азии, которая находится между английской и русской границами, где бы они не находились в настоящее время и куда бы они не переместились в будущем. Таким образом, это полоса территории, изменяемая в соответствии с продвижением или отступлением указанных границ*[29].

Одним из первых зарубежных исследователей, обративших серьезное внимание на изучение завоевания центральноазиатских владений Российской империей и на его отражение в советской историографии был американский профессор Чарльз Пирс. Он весьма внимательно

проследил изменения в оценках советскими историками фактов и значения завоевания центральноазиатских стран Российской империей, совершенно справедливо подчеркнув при этом влияние изменений в советской национальной политике с развитием коммунистического тоталитаризма. Советские политики и историки всегда описывали самыми яркими красками «великие достижения» центральноазиатских стран в их послереволюционном развитии, однако характер завоевания новых колоний в Центральной Азии и их существования под властью Российской империи описывались в советской историографии по разному на разных этапах развития СССР. До второй половины 1930-х годов жизнь этих стран до революции обрисовывалась историками школы М. Покровского в весьма темных тонах, причем подчеркивалось, что завоевание народов Центральной Азии Россией привело к «двойному гнету» – национально-колониальному порабощению, опиравшемуся на штыки российского военно-феодального абсолютизма, и к угнетению национальными правящими классами. При этом, как утверждали советские историки этого периода, политика царизма явно задерживала культурное развитие этих народов, не допускала их детей в русские школы, сдерживала национальное развитие, и вообще вело эти страны и народы к обнищанию и уничтожению. Из этого делался вывод о том, что также как и для народов метрополии, для среднеазиатов был единственный выход из столь отчаянного положения – восстание трудящихся, отпор системе колониального угнетения, установленной царизмом, а также феодальной эксплуатации их собственных правящих классов. Такое движение доброжелательно характеризовалось как национально-освободительное. На протяжении многих лет эта трактовка была стандартной доктриной советских историков, которые противопоставляли таким образом установленный большевиками режим как справедливый и свободный строй по сравнении с прошлым «царством тьмы»[30].

Затем, в конце 1930-х годов (после принятия решения ЦК ВКПб о развитии исторической науки) и, особенно, после завершения Второй мировой войны «политический ветер» изменился. Для укрепления внутреннего единства было признано желательным видоизменить интерпретации, показывающие русских в невыгодном цвете. Царизм продолжали обвинять в ошибках и застойном развитии, но присоединение чужих территорий к России теперь уже стали называть «меньшим злом» нежели их завоевание зарубежными государствами или сохранение их независимости под властью национальных феодальных правителей. Советские историки стали утверждать, что несмотря на царизм, объединение с Россией означало для центральноазиатских стран ускорение там развития капитализма и промышленности, приобщение этих народов и стран к богатой русской культуре, носители которой – демократическая интеллигенция – проявляла искреннюю симпатию к свободолюбивым народам Центральной Азии. Таким образом доказывалась «общность исторических судеб» русских и средне-

азиатов. Русские, объявленные первыми среди равных народов СССР, стали в 1945 году «ведущим народом страны». Историки начали всячески подчеркивать «братскую помощь», которую «русские старшие братья» оказывали как в прошлом, так и в настоящем центральноазиатам и другим более отсталым и малочисленным народам СССР. Отмечалось, что вместе с царскими генералами и чиновниками в Среднюю Азию пришли русские рабочие, ученые, врачи, агрономы и учителя, которые играли великую и революционизирующую роль в жизни народов этого региона. К 1951 году присоединение Центральной Азии к России не было уже более даже «меньшим злом», но рассматривалось как бесспорное благо[31].

В новейшее время зарубежные исследования по этой теме особенно активизировались, что в немалой степени было связано с возникновением острого советско-китайского пограничного конфликта, а затем и с войной СССР в Афганистане. Теперь зарубежные исследователи уделяют значительное внимание общей истории роста государственной территории России, превратившейся к началу XX столетия в обширнейшую континентальную колониальную империю мира. Усиление интереса к этой проблеме во многом связано с недавним распадом Советского Союза, вернувшим Россию практически к границам середины XVII века. Такой поворот в многовековой истории великой державы вызывает необходимость глубокого анализа геополитики России в прошлом, ее мотиваций и обусловленности как внутренними и внешними политическими факторами, так и географическими особенностями северной части Евразии, ставшей ареной роста Российской империи. Такой анализ необходим прежде всего как основа теоретического прогноза дальнейшего геополитического развития страны и его влияния на судьбы бывших ее составных частей и окружающих государств.

Весьма удачной попыткой подобного историко-геополитического исследования является работа Джона П. Ледонне *Российская империя и Мир, 1700-1917: Геополитики расширения и сдерживания* (1997)[32]. В этой работе исследована история расширения территории России в течение имперского периода (1700-1917) и дана геополитическая интерпретация мотивов и целей этого роста, а также проанализированы политические шаги соседних государств для создания неких пределов расширения евразийской империи. Автор книги постулирует существование некой постоянной геополитической структуры, называемой им Heartland (ключевой, центральный район, имеющий определяющее значение для развития страны), в пределах которой российский центр боролся за гегемонию. В работе показано, что различные направления российской международной политики демонстрировали постоянство и упорство в обеспечении господства в рамках достижения геополитических целей развития территории, причем автор весьма убедительно продемонстрировал громадное значение географических

особенностей Евразии, как арены генезиса этого процесса, во многом определявших темпы и направления его развития.

О. Эдмунд Клабб в книге *Китай и Россия: «Большая Игра»*, написанной исключительно на базе литературных материалов и без использования подлинных архивных источников, рассматривает весьма конспективно историю формирования русско-китайской границы и наибольшее внимание уделяет развитию советско-китайского пограничного конфликта. Он совершенно не касается происхождения и истории различных трактовок прохождения границы на конкретных участках местности, а в крайне схематичном изложении дипломатической истории размежевания Памира в XIX веке, О. Эдмунд Клабб допускает даже принципиальную неточность, утверждая, что в результате переговоров британского и российского внешнеполитических ведомств 1869-1873 годов о разделе сфер колониального влияния в Центральной Азии не было достигнуто никакой официальной договоренности[33].

Более популярные, но в тоже время бесспорно оригинальные исследования по истории «Большой Игры» выполнены также Геральдом Морганом и Питером Хопкирком[34].

Ярко и содержательно написаны две книги Питера Хопкирка, посвященные геополитическому соперничеству Британии и России на Востоке в XIX веке: *Нарушители на Крыше Мира. Гонка за Лхасой.* (1982) и *Большая игра: На секретной службе в высокогорной Азии.* (1990)[35]. Хотя эти работы рассчитаны на широкий круг читателей, их уровень вполне отвечает современному состоянию изученности истории «Большой игры» и судеб ее основных героев, что подтверждается, в частности, весьма обширной библиографией книг, имеющей самостоятельное значение для исследователей проблемы. Наиболее глубоко автором рассмотрены военные и политические аспекты противостояния двух империй в общем контексте мировой политики и его отражения в британском общественном мнении и публицистике. Практически вне рамок этих работ остались вопросы географического изучения и картографирования Центральной Азии, хотя констатировано большое их значение в ходе борьбы Англии с Россией за сферы влияния и земли в этом регионе. Хотя основными материалами П. Хопкирка были опубликованные книги и статьи, он пользовался также британскими архивными источниками, особенно фондами Библиотеки и Архива Правления Индии Британской Библиотеки, хотя, ссылки на эти документы в его книгах отсутствуют.

Книга Геральда Моргана *Англо-Русское соперничество в Центральной Азии: 1810-1895* (Лондон, 1981) является, по сути дела, детальной историей дипломатической борьбы двух империй за сферы влияния в районах, примыкающих к британским колониальным владениям в Индии. Г. Морган на базе изучения обширной литературы «Большой Игры» и основных документальных источников по истории внешней

политики Британии и ее Индийского правительства, детально анализирует роль ведущих английских политиков в формировании внешнеполитических программ Англии в отношении России в тесной связи с развитием общеевропейской ситуации и, особенно, соперничества двух империй в бассейне Средиземного моря, в Иране и Афганистане.

Вопросы географического изучения Центральной Азии в этой работе затронуты лишь вскользь, причем автор весьма решительно полемизирует с советскими и английскими историками в отношении оценки деятельности политических агентов Британского колониального правительства в Индии и прочих английских путешественников, а также пундитов. Он полагает неправомерным считать проводившиеся ими исследования разведывательной деятельностью[36], несмотря на то, что, как мы увидим ниже, сами участники таких работ великолепно понимали конфиденциальность поручаемых им заданий и всячески скрывали их сущность, для чего прибегали к самым изощренным ухищрениям и маскировке. Одним из главных доводов Геральда Моргана является то, что, по крайней мере до 1870-х годов в Восточной Индийской компании а затем в Индийском правительстве не было специального органа, целенаправленно занимавшегося сбором разведывательной информации о районах, расположенных к северу от английских владений в Индии. Однако, само по себе отсутствие такого органа не означало, что работа такого рода не велась, а вся история даже раннего этапа «Большой игры» доказывает прямо противоположное: английские и русские путешественники, местные торговцы и паломники по их заданиям, а позднее и специально обученные пундиты постоянно предоставляли политическому и военному руководству Британской Индии, с одной стороны и Русского Туркестана – с другой, самую разнообразную информацию о районах, которые рассматривались обеими странами как зоны возможной будущей конфронтации, а состояние «холодной войны», в котором находились в то время эти страны бесспорно усиливало военно-стратегическое, т.е. – разведывательное значение такой информации.

Работу пундитов Г. Морган рассматривает всего лишь как топографическую и считает, что перед ними не ставилось никаких разведывательных задач, что, как мы увидим ниже, совершенно не соответствовало действительности. Сам автор подчеркивает, что хорошие карты имеют большое военное значение и при этом заявляет, что англичане относились излишне строго к своим подлинным картографическим материалам, не позволяя свободного их распространения, при этом он считает, что в России режимные требования в то время не были столь строгими, что так же неверно. В этом отношении книга вообще не информативна, так как для автора остались неведомыми многие подлинные материалы Тригонометрической Съемки Индии, в частности характеризующие ее связи с Российским Военно-топографическим Депо. Морган считает, что британская разведка мало уделя-

ла внимания вопросам сохранения тайны, а русские этим пользовались. Конкретных доказательств автор не приводит. В работе практически оставлена в стороне деятельность пундитов и вообще географические исследования и картография. Основное содержание: отражение внутренней и внешней политики Британии в борьбе с Россией в Центральной Азии.

Основным и вполне оправданным выводом исследования является то, что Россия никогда не имела серьезных намерений и возможности завоевать Индию и продвигаться в Афганистан. А Британия, в свою очередь, не имела военной возможности продвижения в Центральную Азию и не получила там коммерческого влияния.

В эпилоге Джеффри Уиллера к книге Г. Моргана подчеркивается, что в российской историографии XIX века внимание уделялось географическим и историческим аспектам, а в советских работах господствовали пропагандистские мотивы. Некоторые советские историки без сомнения имели доступ к секретным царским архивам, но эти материалы, по убеждению Д. Уиллера, использовались ими избирательно в соответствии с текущей политикой.

Специальное исследование Геральд Морган посвятил жизни и деятельности одного из важных «героев Большой Игры» Ния Илеяса[37]. В этой книге впервые дана достойная оценка географических и политико-аналитических работ этого исключительно скромного и до сих пор недостаточно известного ученого и дипломата. Монография написана с использованием очень широкого круга архивных и литературных источников, ссылки на которые, к сожалению, отсутствуют в тексте Г. Моргана. В главах, посвященных памирским исследованиям Ния Илеяса, так же как в ранее рассмотренной книге Моргана, основное внимание уделено анализу влияния на карьеру и характер деятельности Илеяса изменяющейся политики вице-короля Индии и Кабинета Великобритании, в зависимости от личности, возглавлявших правительственные органы политиков. Следует заметить, что в этой части, как нам представляется, Г. Морган, так же как в рассмотренной ранее работе, несколько недооценивал роль материалов, полученных Нием Илеясом на Памире, в формировании решений британской стороны по Памирскому вопросу, полагая, что эти данные вначале вообще не учитывались политиками, принимавшими решения.

Жизнь и деятельность другого «ведущего актера» Большой Игры – сэра Фрэнсиса Янгхазбэнда – рассмотрены в трудах Патрика Фрэнча, Джорджа Сивера, П. Мехра и Питера Флеминга[38].

Наиболее современным и фундаментальным исследованием геополитических и дипломатических аспектов истории российско-китайского пограничного конфликта является изданная в 1996 году работа профессора С.К.М. Пэйна *Имперские соперники: Китай, Россия и их спорная граница*[39] Это одно из первых зарубежных исследований, в котором по-настоящему глубоко использованы российские и китай-

ские архивные документы по теме. Благодаря серьезным переменам в России и Китае за последние годы, американский исследователь смог провести многие месяцы в архивах и библиотеках КНР и России и использовать материалы, которые до недавнего времени были практически недоступны иностранным ученым. Работая в течение трех месяцев в Архиве внешней политики Российской империи в Москве, С.К.М. Пэйн также смог использовать многие материалы российского Министерства иностранных дел, хотя, по его свидетельству выдача этих источников строго регламентировалась архивными работниками и многие из документов так и остались для него недоступными (в том числе – инструкции русским дипломатам). По словам автора, в Китае доступ в архивы теперь несколько улучшился, но, так же как и в России, некоторые материалы по этой теме подвержены ограничениям в использовании[40]. Автор рассматривает период с момента подписания Айгуньского договора 1858 года до образования Монгольской народной республики в 1924 году. Самостоятельную ценность в книге С.К.М. Пэйна представляют собой обзоры литературы и архивных источников, в также обширная библиография по теме.

Детальная политико-географическая характеристика русско-китайских пограничных актов, так же как и их полные тексты приведены в фундаментальной работе Дж.Р.В. Прескотта *Карта материковой Азии по договору*[41]. Автор совершенно справедливо подчеркивает, что власти колониальных империй, включая, прежде всего Британию и Россию, создавали границы в Азии исходя из собственных эгоистичных государственных интересов. Главным критерием при этом было удобство обороны установленной границы. И лишь после того, как достигались предварительные договоренности по поводу генерального направления границы, вступали в силу экономические, этнические и исторические соображения, которые помогали делимитировать и демаркировать конкретную пограничную линию таким образом, чтобы, хотя бы в общих чертах, сохранить исконные социальные и политико-географические структуры коренных народов. В тоже время, если такого рода соображения входили в противоречие со стратегическими интересами колониальных держав, диктовавших новые границы местному населению, геополитические резоны всегда «побеждали» стремление к сохранению каких бы то ни было исторических, этнических или государственных границ[42].

Детальная история формирования границ китайского государства изложена в труде Люк Т. Чаня *Китайские пограничные договоры и пограничные диспуты*[43]. Значительное внимание в этой работе уделено советско-китайскому пограничному конфликту, в связи с чем автор приводит не только тексты официальных договоров, определявших границы между двумя государствами, но публикует также современную официальную дипломатическую переписку, посвященную отдельным спорным участкам.

Хорошим обзором истории русско-китайских отношений является также работа Р.К.И. Квистед *Русско-китайские отношения: Краткая история*[44].

Традиционные представления китайцев о государственных границах в Центральной Азии изучены в работе Оуэна Латтимора *Внутренние азиатские границы Китая* (1940)[45].

Из работ, посвященных «Памирскому вопросу», следует выделить фундаментальные труды Карри Олдера, глубоко и критически использовавшего подлинные материалы британских архивов и библиотек[46], а так же солидное исследование Дерека Уоллера по истории деятельности Большой Тригонометрической Съемки Индии за границами британских колониальных владений, с особым вниманием к работам местных (мусульманских) топографов и разведчиков (пундитов), которые были обучены англичанами и проводили обширные исследования на Памире и в примыкающих к нему странах Центральной Азии[47].

Завершая наш обзор, следует отметить, что наибольшее количество трудов зарубежных авторов посвящено британским географическим исследованиям, связанным с борьбой за Центральную Азию, зависимости геополитической тактики и стратегии лондонского правительства и вице-короля Индии в Центральной Азии от расстановки основных внутриполитических сил Британии и их основных ведущих деятелей. Значительно меньшее внимание в них уделено детальному анализу российской и китайской сторон «Большой Игры». Объясняется это вполне очевидной причиной: для иностранных исследователей внешнеполитические фонды архивов этих двух стран были практически недоступны. Ученые из России и республик Центральной Азии до недавнего времени также имели весьма ограниченный доступ к таким материалам, что, как отмечалось выше, не могло не сказаться на содержании даже тех немногих публикаций по истории геополитического противостояния в Центральной Азии, которые появлялись в советское время.

На автора настоящей работы ограничения подобного рода не распространялись, поэтому он имел уникальную возможность практически исчерпывающе изучить все материалы по теме, хранящиеся в Архиве внешней политики Российской империи, Российском государственном военно-историческом архиве (Москва), Российском государственном историческом архиве (Санкт-Петербург), Историческом архиве Казахстана (Алма-Ата), Узбекском национальном историческом архиве (Ташкент), в областных архивах Сибири и Алтая, а также – в отделах рукописей Российской Государственной библиотеки (Москва) и Российской Национальной библиотеки (Санкт-Петербург). Наиболее важными для нашего исследования были, конечно, документы, хранящиеся в Архиве внешней политики Российской империи, причем автору посчастливилось детально изучить не только российские материалы этого хранилища, но участвовать также в науч-

ном описании микрофотокопий материалов дипломатического архива XIX века вице-короля Индии, подаренных правительством Индиры Ганди Советскому Правительству и хранящихся сейчас в этом архиве. Это дало возможность впервые познакомиться с британскими документами «Большой Игры», детальное изучение которых было продолжено автором в Архиве и Библиотеке Правления Индии а также Департаменте Восточных Рукописей и Книг Британской Библиотеки в Лондоне во время двух командировок по грантам, любезно предоставленным Британской Академией. Помимо этого изучались материалы Национальной библиотеки в Париже, Военного архива Швеции и Шведской Королевской библиотеки, документальные источники, хранящиеся в польских, финских и греческих архивах и библиотеках.

Таким образом, мы смогли исследовать как российские конфиденциальные доклады, отчеты, переписку и карты, так и корреспонденцию центрального и индийского правительств Британии и соответствующих внешнеполитических ведомств, отчеты пундитов, сообщения Департамента Разведки Службы генерал-квартирмейстера Индийской армии, материалы, отражавшие «Большую Игру» в литературе и картографии других европейских стран, и другие подлинные документы по теме.

На базе всех этих исследований автор создал предлагаемую работу, основной целью которой является анализ истории географического изучения и картографирования Центральной Азии, проводившихся в условиях борьбы («Большой игры») Великобритании, России, Афганистана и Китая за господство в этом регионе, борьбы, которая была существенным элементом в процессе формирования границ. Географические исследования и картографирование сами по себе составляли неотъемлемую часть этого процесса. Они влияли на решения стран-соперниц, а, с другой стороны, ожесточенное соперничество между ними, не могло не воздействовать на методы исследований и съемок.

Естественно, что воссоздание истории географического изучения и картографирования Центральной Азии невозможно без рассмотрения общего хода расширения владений России в Туркестане, что в свою очередь позволит нам коснуться вопросов колонизационной политики империи, изменений в населении новых колоний, а также идентичности как русских колонистов, так и представителей различных присоединенных и покоренных народов.

Несмотря на обширную историографию «Большой игры», сопряженное изучение ее историко-научных и историко-дипломатических аспектов до настоящего времени не проводилось, и автор надеется, что выполненное им исследование будет способствовать, как более глубокому пониманию особенностей развития отдельных методов географии и картографии в условиях геополитической конфронтации в Центральной Азии, так и деталей самой дипломатической борьбы,

завершившейся формированием российско-китайской границы в Центральной Азии.

При рассмотрении установления границы между Россией и Цинской империей на участке от Алтайских гор до северо-восточном Памире, там, где ее прохождение на местности определено Санкт-Петербургским договором 1881 года и последующими двусторонними протоколами (завершенными Новомаргеланским протоколом 1884 года), автор уделил значительное внимание тем участкам линии границы, на которых недостаточная изученность местности во время подписания Протокола привела впоследствии к противоречиям между российской и китайской трактовками ее прохождения. В связи с тем, что многие использованные в работе источники представляют значительный самостоятельный интерес и впервые вводятся в научный оборот, автор счел необходимым во многих случаях приводить в тексте, или приложении, обширные их фрагменты или полные тексты, в связи с чем у книги появился подзаголовок «монография в документах», отражающий своеобразие работы.

Изучение подлинных текстовых и картографических материалов по теме не могло быть выполнено без всесторонней поддержки и помощи со стороны библиотечных и архивных сотрудников. Автор глубоко признателен работникам российских и центральноазиатских архивов и, особенно Архива внешней политики Российской империи в Москве, и его ведущему научному сотруднику к.и.н. С.И. Повальникову, с которым его связывали долгие годы дружбы и совместных исследований. Среди многих зарубежных архивов и библиотек наибольшее значение имели фонды Британской библиотеки, где активная помощь автору была оказана, в частности, заведующими Картографической библиотекой Эллен Уоллис и Тони Кэмпбеллом, а также – хранителем Картографических фондов Билиотеки и Архива Правления Индии Эндрю Куком. Использование громадных фондов Британского государственного архива (Public Record Office – British National Archives) стало возможно благодаря всесторонней поддержке и помощи со стороны директора (хранителя) этого архива госпожи Сэры Тайаке. Окончательное оформление работы в виде законченного текста монографии стало возможным благодаря предоставлению автору трехмесячной ставки гостя-исследователя в Дэвис-Центре Русских исследований Гарвардского университета (г. Кэмбридж, США) и двухмесячной стипендии Дома наук о Человеке (г. Париж, Франция).

В течение многих лет руководителем исследований, результаты которых изложены в монографии, был академик В.С. Мясников. Без его добрых советов, постоянной поддержки и окончательной редакции текста создание этой книги было бы невозможно.

[1] *History is blind without geography and geography is deaf without history – Ramchandra Jain.* Conculturuum // Ptolemais [Ptolemy], Klaudios. Ancient India as described by Ptolemy/ being a translation of the chapters which describe India and central and eastern Asia in the treatise on geography written by Klaudios Ptolemaios, the celebrated astronomer; with introduction, commentary and index by J.W. McCrindle; edited by Ramchandra Jain, with conculturuum, reference & appendices. Rev. ed., in 2 vols. (New Delhi, [1974]). P. XXXVIII.

[2] См., например: *Андерсен В.* Неравноправные договоры царской России с Китаем в 19 веке // Борьба классов. № 9. (1936)/ P. 102-112.

[3] China and Russia Complete Border Demarcation // OMRI Daily Digest 1, no. 202, October 17, 1995; Kazakhstan Signs Pact with China // International Herald Tribune. April 27, 1994. P. 2.

[4] *Pierce Richard A.* Russian Central Asia, 1867-1917: a Study in Colonial Rule. (Berkeley and Los Angeles: Unuversity of California Press, 1960), P. 1: *The idea that it is unethical for one people to control the destinies of another has come late in the development of the human social conscience, but it is increasing in force. Allready this concept has caused the breakup of long-established systems, and has cast the very concept of «empire», colonies», and even «trusteeship» into the same disrepute accorderded «imperialism», «colonialism», and «exploitation.»*

[5] http://www.dur.ac.uk/~dgg0www1/docs/curz.html: Text of the 1907 Romanes Lecture on the subject of Frontiers by Lord Curzon of Kedleston, Viceroy of India (1898-1905) and British Foreign Secretary (1919-24). Introduction, page 2: The most urgent work of Foreign Ministers and Ambassadors, the foundation or the outcome of every *entente cordiale*, is now the conclusion of Frontier Conventions in which sources of discord are removed by the adjustment of rival interests or ambitions at points where the territorial borders adjoin. Frontiers are indeed the razor's edge on which hang suspended the modern issues of war or peace, of life or death to nations. Nor is this suprising. Just as the protection of the home is the most vital care of the private citizen, so the integrity of her borders is the condition of existence of the State. But with the rapid growth of population and the economic need for fresh outlets, expansion has, in the case of the Great Powers, become an even more pressing necessity. As the vacant spaces of the earth are filled up, the competition for the residue is temporarily more keen. Fortunately, the process is drawing towards a natural termination. When all the voids are filled up, and every Frontier is defined, the problem will assume a different form. The older and more powerful nations will still dispute about their Frontiers with each other; they will still encroach upon and annex the territories of their weaker neighbours; Frontier wars will not, in the nature of things, diappear. But the scramble for new lands, or for the heritagge of decaying States, will become less acute as there is less territory to be absorbed and less chance of doing it with impunity, or as the feebler unites are either neutralized, or divided, or fall within the undisputed Protectorate of a strong Power. We are at present passing through a transitional phase, of which less disturbed conditions should be the sequel, falling more and more within the ordered domain of International Law.

[6] Сборник договоров России с Китаем. 1689-1881 гг. СПб.: Изд. Мин-ва иностранных дел, 1889; Соглашения между Россией и Китаем о проведении и исправлении границ и пограничных делахю Известия Министерства иностранных дел. 1914. Книга IV. Петроград, 1914; Афганское разграничение. Переговоры между Россией и Великобританией, 1872-1885. СПб.: Издание Министерства иностранных дел, 1886.

[7] Русско-китайские отношения. 1689-1916. Официальные документы. М.: Изд-во восточной литературы, 1958.

[8] Международные отношения в Центральной Азии. Документы и материалы. Книга 1. М., 1989.

[9] Международные отношения на Дальнем Востоке. Т. 1-2. М., 1973; Китай и соседи в новое и новейшее время. М., 1982.

[10] Итоги и задачи изучения внешней политики России. М., 1981; Проблемы методологии и источниковедения истории внешней политики России (Историография). М., 1988.

[11] *Тихвинский С.Л.* (Отв. ред.) Внешняя политика России (Историография). Сб. ст. М.: Наука, 1977. Тихвинский С.Л. (Отв. ред.) Китай и соседи в новое и новейшее время. М., 1982.

[12] *Воскресенский А.Д.* Дипломатическая история русско-китайского Санкт-Петербургского договора 1881 года. М., 1995): 26-27; Подробнее см.: Итоги и задачи изучения внешней политики России. Гл. 5, § 3; Гл. 4.

[13] *Мясников В.С.* Границы Китая: теоретические и историографические проблемы. Формирование границ Китая. Т. 1. (М., 1977): 12-74; *Он же.* Империя Цин и Русское государство в 17 в. М.: Наука, 1980; *Мясников В.С., Шепелева Н.В.* Империя Цин и Россия в 17 – начале 20 в. Китай и соседи вновое и новейшее время. М.: Наука, 1982. С. 34-89; *Мясников В.С.* Империя Цин и Русское государство в 17 в. Изд. 2, испр. и доп. Хабаровск, 1987); *Он же.* Об изучении истории внешней политики России. Новая и новейшая история. № 5. (1992. С. 3-22; *Он же.* Межгосударственные отношения России с Китаем как форма межцивилизационного контакта // Цивилизации и культуры. Вып. 2: Россия и Восток: цивилизационные отношения. М., 1995. С. 215-233; *Он же.* Договорными статьями утвердили: дипломатическая история русско-китайской границы XVII-XIX вв. М.: 1996.

[14] *Воскресенский А.Д.* Царская Россия и Китай в исследованиях последних лет. (80-90-е годы XX в.). М., 1994).

[15] *Гафуров Б.Г* История таджикского народа в кратком изложении. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г. 3 изд. Т. 1-2, М., 1955; *Он же.* Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972.

[16] *Бичурин Н.Я. (о. Иакинф).* Собрание сведений по исторической географии Восточной и Срединной Азии. Сост. Л.Н. Гумилев, М.Ф. Хван. Чебоксары, 1960. С. 578, 541-567.

[17] *Гуревич Б.П.* Вторжение Цинской империи в Центральную Азию во второй половине 18 в. и политика России // История СССР. № 2. 1973; *Он же.* Международные отношения в Центральной Азии в XVII – первой половине XIX в. М., 1979; *Он же.* История «Илийского вопроса» и ее китайские фальсификаторы. Документы опровергают. Против фальсификации истории русско-китайских отношений. М., 1982. С. 423-459; *Он же.* Международные отношения в Центральной Азии в XVII – первой половине XIX в. 2 изд., доп. М., 1983.

[18] *Воскресенский А.Д.* Дипломатическая история русско-китайского Санкт-Петербургского договора 1881 года. Москва, 1995.

[19] *Халфин Н.А.* Английская колониальная политика на Среднем Востоке (70-е годы 19 в.), Ташкент, 1957. *Он же.* Провал британской агрессии в Афганистане (19 в. – начало 20 в.). М., 1959. *Он же.* Политика России в Средней Азии.(1857-1868). М., 1960; *Он же.* Присоединение Средней Азии к России (60-90-е годы XIX в.). М., 1965.

[20] *Литвинский Б.А.* Древние кочевники «Крыши мира». М., 197).

[21] *Искандаров Б.И.* Из истории Бухарского эмирата. М., 1958; *Он же.* Восточная Бухара и Памир во второй половине 19 в. Ч. 1. Душанбе,1962; *Он же.* Изучение Памира в связи с историей сопредельных стран во второй половине

19 в. // Известия АН Тад.ССР. Отделение общественных наук. № 4 (46). 1966. С. 28-39; *Он же.* Социально-экономические и политические аспекты истории памирских княжеств. Душанбе, 1983.

22 *Sheehy Ann.* Russia and China in the Pamirs: 18th and 19th Centuries // Central Asian Review. Vol. XVI. No. 1. 1968. P. 4-14.

23 О новейшей истории советско-китайского пограничного конфликта и дискуссиях сторон см.: *Борисов О.Б. и Колосков Б.Т.* Советско-китайские отношения 1945–1980. Краткий очерк. 3 изд. М., 1980; *Капица М.С.* Эскалация вероломства (Политика Пекина и советско-китайские отношения). М., 1971; Внешняя политика Советского Союза и международные отношения. Сб. док. М., 1964; *Сладковский М.И.* История торгово-экономических отношений СССР с Китаем (1917-1974). М., 1977; Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Т. 13, 14. М., 1956; 1957); *Юрков С.Г., Петров Г.П.* (изд.) Внешнеполитические концепции маоизма (правовые аспекты). М., 1975; *Прохоров А.* К вопросу о советско-китайской границе. (М., 1975); *Аваков М.М.* Правопреемство Советского государства. (М., 1961); *Нарочницкая Н.* Национальный интерес России // Международная жизнь. № 3-4б. 1992; *Ginsburgs G.* The End of the Sino-Russian Territorial Disputes? // The Journal of East Asian affairs. Vol. 7. No. 1. 1993: 261-320; *Idem.* Recent History of the Territorial Question in Central Asia // Central Asia Monitor. ## 2, 3, 4. 1992–1993); *Ginsburgs G., Pinkele C.F.* The Sino-Soviet Territorial Dispute, 1949-1964. New York, 1978; *Kruchinin A., Olgin V* Territorial Claims of Mao Tse-tung: History and Modern Times. Moscow, s.d.); Down with the New Tsars! Soviet Revisionists' Anti-China Atrocities on the Heilung and Wusuli Rivers. Beijing, 1969; *Doolin D.J.* Territorial Claims in the Sino-Soviet Conflict // Hoover Institution Studies, No. 7. (Stanford, 1965); A Provocative Sally of Peking Authorities, Events on the Soviet-Chinese Border. Moscow, 1969; The Disputed Area of the Pamirs // Beijing Review. Vol. 24. No. 37. 1981. P. 21-23.

24 *Воскресенский А.Д.* Современные концепции русско-китайских отношений и пограничнo-территориальных проблем в России и Китае (80–90 гг. XX в.). М., 1994.

25 *Федчина В.Н.* Как создавалась карта Средней Азии. М., 1967.

26 *Rawlinson Sir Henry C.* England and Russia in the East: A series of Papers on the Political and Geographical Condition of Central Asia. L., 1875).

27 *Boulger Demetrius Charles de Kavanagh.* England and Russia in Central Asia: with two maps and appendices. (L., 1879). Характерно, что автор посвятил свой труд Генри Роулинсону, четко определив его роль в «Большой игре» следующими восторженными словами: *The following pages are inscribed by permission to Major-General Sir Henry Creswicke Rawlinson, K.C.B., etc., etc. in token of the author's sincere admiration for the far-seeing and statesman-like policy he has consistently advocated in regard to Central Asia, and the conflict of English and Russian interests therein.*

28 *Boulger Demetrius Charles de Kavanagh.* England and Russia in Central Asia: with two maps and appendices. L., 1879. P. x: *The Central Asian Question should not be the monopoly of a few specialists, or even of the Anglo-Indian world. It is of vital consequence – daily increasing – to every Englishman, and as such it should be studied and gravely considered.*

29 *Idem.* England and Russia in Central Asia: with two maps and appendices. L., 1879. P. 2: *Central Asia is that portion of Asia which intervenes between the English and Russian Frontiers wherever they now are, or wherever they in the future may be.*

[30] См., например: *Галузо П.Г* Туркестан-колония: очерк истории колониальной политики русского царизма в Средней Азии. 2 изд., испр. и доп. Ташкент, 1935. 222 с.

[31] Pierce, Richard A. Russian Central Asia, 1867-1917: A Study in Colonial Rule. (Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1960): 1-3.

[32] *LeDonne John.* The Russian Empire and the World, 1700-1917: The Geopolitics of Expansion and Containment. New York; Oxford, 1997).

[33] *Clubb Oliver Edmund.* China and Russia: The Great Game. NY; L., 1971. P. 100.

[34] *Morgan Gerald.* Anglo-Russian Rivalry in Central Asia: 1810–1895. L., 1981; *Morgan Gerald, Ney Elias.* Explorer and Envoy Extraordinary in High Asia. L., 1971; *Clubb Oliver Edmund.* China and Russia: The Great Game. NY, L., 1971; *Hopkirk Peter.* The Great Game: On the Secret Service in high Asia. L., 1990. *Хопкирк П.* Большая игра против России: Азиатский синдром. Пер. с англ. И.И. Кубатько. Москва, 2004), 640 с. с илл. (Сер. Мир тайных войн).

[35] *Hopkirk Peter.* Trespassers on the Roof of the World. The Race for Lhasa. L., 1982; *Idem.* The Great Game: On the Secret Service in high Asia. L., 1990. *Хопкирк П.* Большая игра против России: Азиатский синдром.

[36] *Morgan Gerald.* Anglo-Russian Rivalry in Central Asia.

[37] Morgan, Gerald. Ney Elias: Explorer and Envoy Extraordinary.

[38] *Younghusband French Patrick.* The Last Great Imperial Adventurer. L., 1994, переиздана в 1995 и 1997 гг.; *Seaver George.* Francis Younghusband., K.C.S.I., K.C.I.E. 1863-1942. Explorer and Mystic. L., 1952; *Mehra P* The Younghusband Expedition. An Interpretation. L., 1968; *Fleming Peter.* Bayonets to Lhasa. L., 1974; *Fleming Peter.* Bayonets to Lhasa: The First Full Account of the British Invasion of the Tibet in 1904. L., 1986.

[39] *Paine S.C.M.* Imperial Rivals: China, Russia, and Their Disputed Frontier, 1858-1924. NY, L., 1966.

[40] Ibidem. P. 367.

[41] Prescott, J.R.V. Map of Mainland Asia by Treaty. Melbourne, 1975.

[42] Ibid. P. 515.

[43] *Chang Luke T* China's Boundary Treaties and the Frontier Disputes. L., 1982.

[44] *Quested R.K.I.* Sino-Russian Relations: A Short History. Sydney, 1984.

[45] *Lattimore Owen.* Inner Asian Frontiers of China. American Geographical Society. Research Series No. 21. (New ed.: American Geographical Society, 1940).

[46] *Alder Carry J.* British India's northern frontier, 1865-1985. A study in imperial policy. [Imperial Studies]. L., 1963; *Idem.* Britain and the defence of India – the origins of the problem, 1798-1815 // Journal of Asian History. 6/1. 1972. P. 14-44; *Idem.* Beyond Bokhara. The Life of William Moorcroft. L., 1985; *Alder L., Dalby R.* The Dervish of Windsor Castle. The Life of Arminius Vambery. L., 1979.

[47] *Waller Derek.* The Pundits: British Exploration of Tibet and Central Asia. Lexington, Kentucky, 1990.

Глава 1

Сведения о географии Казахстана и Центральной Азии до конца XIX – начала XX века.
Первые опыты картографического изображения

Краткая характеристика природы и населения Центральной Азии

Немецкие географы Риттер и Гумбольдт были первыми, кто употребил термин Центральная Азия для описания основной континентальной части азиатского материка в противоположность тем низким равнинам и полуостровам, которые обрамляют этот массив. В таком, самом широком использовании этого термина, они описывают земли, ограниченные на западе Каспийским морем и Кавказом, Сибирью – на севере, внутренним Китаем на востоке, Индией и Ираном – на юге.

Приблизительно в таких же пределах определялась Центральная Азия в дореволюционной России, причем российская ее часть чаще всего именовалась «Средняя Азия», а официальным ее названием было «Туркестан» (Русский), или Туркестанское генерал-губернаторство.

Большая часть этой территории представляет собой замкнутый бессточный бассейн, в относительно недавнем геологическом прошлом являвшийся дном внутреннего моря, остатки которого сохранились в виде Каспийского и Аральского морей (озер), озер Балхаш, Зайсан, Ала Коль и многих других водоемов с солоноватой или соленой водой. Ледники и снежники гор, обрамляющих бассейн с востока и юга, являются основным источником питания рек этого района, причем из-за высокой сухости воздуха и интенсивного отбора воды на орошение, даже крупнейшие реки бассейна – Аму-Дарья и Сыр-Дарья (называвшиеся во времена Александра Македонского соответственно Оксусом и Яксартесом) в низовьях пересыхают и их воды редко достигают Аральского моря. Река Или и несколько других небольших рек впадают в озеро Балхаш. Остальные реки, и среди них такие как Чу, Таласс, Зеравшан и Теджен из-за жары и интенсивного отбора воды на орошение теряются в песчаных просторах. Основными типами ландшафтов Центральной Азии являются обширные пустыни и полупустыни, однообразность которых прерывается местами

лишь ленточными редколесьями вдоль рек и относительно большими оазисами в предгорьях и межгорных понижениях, наиболее обширным из которых является Ферганский оазис. Отсутствие выхода к открытым морям всегда затрудняло для народов Центральной Азии возможности общения с внешним миром.

Природные условия и ландшафты Центральной Азии весьма разнообразны. Северная часть региона занята обширными степями, которые на плоских широких равнинах запада и центральной части переходят в полупустыни и пустыни, в то время как на востоке и юге расположены одни из высочайших гор и вершин на земном шаре. Главные из этих горных хребтов, окаймляющие регион с востока и юга, включают Копет-Даг на севере Ирана, Гиндукуш (в Афганистане), Памир, занимающий большую часть южного Таджикистана и Тянь-Шань, образующий на востоке границу с Западным Китаем. Двумя главными пустынями являются Каракумы (что означает «Черные пески»), которые занимают большую часть Туркменистана и Кызылкумы («Красные пески»), которые покрывают значительную площадь в западном Узбекистане.

В природном отношении территория Центральной Азии может быть приблизительно разделена на две части: 1/ обширные степи Казахстана на севере и 2/ бассейн Аральского моря на юге. В западном и центральном Казахстане господствуют аридные и семиаридные степи плохо пригодные для сельскохозяйственного использования. Лишь на самом востоке страны, степь уступает место предгорьям Западного Алтая, который, далее к востоку, протягивается в Монголию и Китай. Срединную часть Центральной Азии занимает обширная Туранская равнина (называемая также туранской впадиной), включающая Тургайскую долину, протягивающуюся на север от Аральского моря. На северо-запад от бывшей столицы Казахстана Алма-Аты расположенной в южной части страны, раскинулись обширные пески пустыни Бетпак-Дала, используемые лишь в качестве сезонных пастбищ. На юге страну окаймляет хребет Каратау, являющийся западной частью Тяньшаньской горной системы. Между Каратау и Бекпакдала расположена пустыня Муюнкум. Вдоль восточного побережья Каспийского моря протягивается Красноводское плато, которое на востоке переходит в обширное плато Устюрт. Низкие холмы Балханского хребта вдоль юговосточного побережья Каспийского моря поднимаются к ориентированному с северо-запада на юго-восток хребту Копет-Даг, который является пограничным между Туркменистаном и Ираном.

Водные ресурсы в этих аридных районах исключительно ограничены. Бассейн Аральского моря занимает большую часть южной половины Центральной Азии, и наиболее значительная часть водных ресурсов региона расположена в этом бассейне. Аральское море является соленым, бессточным водоемом, уровень которого с начала

1960-х годов катастрофически понизился из-за интенсивного использования для поливного земледелия вод, впадающих в него рек Аму-Дарья и Сыр-Дарья, течение которых достигает моря лишь в редкие годы повышенного увлажнения. Бывшее в недавнем прошлом четвертым по величине озером мира, Аральское море за период с 1960 по 1992 год уменьшилось по площади на 33000 кв. км, при этом глубина озера стала почти вдвое меньше, а соленость его воды значительно возросла. Быстрое падение уровня Аральского моря привело к весьма негативным климатическим и экологическим последствиям, особенно выраженным в образовании токсичной пыли на засоленных обширных участках бывшего дна моря.

Аму-Дарья и Сыр-Дарья с их притоками являются главными источниками водных ресурсов всех стран Центральной Азии за исключением Казахстана. Аму-Дарья – крупнейшая река Центральной Азии. Питаемая своими главными притоками Пянджем, который является границей между Центральной Азией и Афганистаном и Вахшем, она течет на северо-запад на расстоянии 2540 км до впадения в Аральское море. В пределах Центральной Азии ее главными притоками являются также реки Зеравшан и Кашка, воды которых редко достигают Аму-Дарьи, теряясь в песках Кызылкумов.

Сыр-Дарья орошает территории к западу от Тянь-Шаня, который образует восточную границу центральноазиатских стран с Китаем. Она протекает по Ферганской долине, представляющей собой относительно плоскую равнину, почти полностью окруженную горами. На выходе из Ферганской равнины Сыр-Дарья резко поворачивает почти на 90° к северу и протекая по крайней южной части Казахстана, впадает в северо-восточную секцию Аральского моря. Как и Аму-Дарья, Сыр-Дарья питается весенними и летними талыми водами горных снегов и ледников. Расход воды в Сыр-Дарье почти вдвое меньше чем в Аму-Дарье. Вместе с ее притоком Нарыном длина Сыр-Дарьи составляет около 2914 км.

Климат Центральной Азии – резко континентальный и он определяется тем, что регион представляет собой внутреннюю часть громадного евроазиатского массива суши. Отсутствие естественных природных барьеров на севере и удаленность от океана, приводит к исключительной жаре летом и лютым морозам длительной зимой, когда холодный воздух из Сибири беспрепятственной проникает в Центральную Азию.

Центральная Азия существует в условиях исключительно сухого климата и недостаточное количество осадков приводит к почти полной зависимости ее сельского хозяйства от орошения. По сравнении с остальной территорией Евразии, Центральная Азия получает особенно мало осадков и, в тоже время, степень испарения в ней очень высока. Осадки выпадают главным образом на южных склонах Памира, в Северной Индии и Афганистане. Значительная высота гор

препятствует проникновению влаги в Центральную Азию с юга, а расстояния до значительных водных бассейнов в других направлениях очень велики. Таким образом, малое количество осадков, значительные различия в температурах воздуха в течение года а также весьма низкая влажность воздуха характерны для большей части Центральной Азии. Среднегодовое количество осадков постепенно повышается с продвижением на восток от сухих западных пустынных окраин к предгорьям Алтайских гор и Тянь-Шаня. Среднее количество осадков у Аральского моря всего лишь 75 мм в год. В Бухаре, в центральном Узбекистане оно составляет 127 мм, но в Ташкенте, вблизи основания гор на востоке, количество осадков достигает 355,6 мм в год, чего достаточно для того, чтобы зимой этот район был полупустынным, но характеризовался пустынными условиями жарким, сухим летом. На востоке, в Ферганской долине, окруженной высокими горами, которые преграждают путь несущим влагу ветрам, выпадает мало осадков.

Резкие различия в сезонных средних температурах отражает исключительную континентальность климата. В бассейне Аральского моря разница между типичной зимней температурой в январе и жаркой летней температурой в июле достигает 33°С. Поднимается и опускается температура воздуха также очень быстро. Высокие температуры, яркое солнце, малое количество осадков и низкая влажность в течение вегетативного периода (с апреля по октябрь) вызывает практически во всей Центральной Азии необходимость интенсивной ирригации для производства сельскохозяйственной продукции. Естественная растительность в этих районах очень бедна и распространена неравномерно. Исключения составляют травяные степи на севере, на подступах к Сибири, а также луга и леса на склонах гор и в долинах рек. В пустынях и полупустынях распространены лишь выносливые ксерофитные травы и иногда образующие «леса» кустарники саксаула.

Несмотря на такие непростые условия для земледелия, Центральная Азия была плотно заселена более чем 2500 лет. До прохода русских большинство населения было сельским и размещалось либо вдоль плодородных берегов рек и речек, протекающих по плоским аридным равнинам центральной части района, или занимало всхолмленные предгорья на юге и востоке. Очень мало людей жило в обширных пустынных районах внутренних частей Центральной Азии.

Большинство населения Центральной Азии составляет шесть наиболее многочисленных этнических групп: узбеки, казахи, таджики, туркмены, киргизы и каракалпаки. Этнически и по языку они все тюрки, за исключением таджиков, которые принадлежат к персидской группе народов.

В течение VII в. н.э. арабские завоеватели внедрили ислам в персидских поселениях на южных окраинах Центральной Азии, но лишь

к XV веку ислам распространился далее к северу среди кочевых тюрков степей Северного Казахстана. Таким образом казахи, киргизы, узбеки и туркмены – мусульмане-сунниты, к которым принадлежит так же и большинство таджиков.

Казахи и киргизы, населявшие пустынные и полупустынные территории занимались с древнейших времен главным образом скотоводством, ежегодно перегоняя свои стада с равнин в предгорья и горы вслед за продвижением весны и распускающимися травами. Обитатели речных долин овладели земледелием задолго до новой эры. Для использования плодородных почв они развили сложные ирригационные системы, а в оазисах, на базе этих земледельческих культур сформировались центры с высоким уровнем своеобразной восточной цивилизации, объединению которых в крупные государства препятствовала рассредоточенность этих центров, разделенных обширными территориями труднопроходимых пустынь. Но, не смотря на относительную изолированность этих государств от внешнего мира, уже в древние времена они стали привлекать к себе внимание завоевателей (Тамерлан, Чингиз-хан и многие другие).

Территория Центральной Азии была столь же незащищенной от волн пришельцев из других районов Евразии, сколь она была открыта для леденящих ветров Арктики. Череда нашествий оставила в наследие сложное смешение этносов, языков и культур. В течение многих столетий первоначально господствовавший в регионе иранский элемент был либо смещен, либо смешался с различными группами завоевателей. Греки (под началом Александра Македонского), персы, арабы, различные тюркоидные племена и монголы, как воды центральноазиатских рек, наводняли регион и, не находя путей исхода, оставались в нем. Местные же народы практически на протяжении всей своей истории постоянно были вынуждены поглощать эти последовательные волны нашествий, воспринимая или отвергая привносимые ими культурные нововведения.

К концу XVIII – началу XIX века, наиболее многочисленным кочевым народом этого региона были казахи. По первым достоверным данным, их число в 1860-х годах достигало 2 500 000. Кочевники-животноводы с патриархальным обществом, казахи занимали территории от степных районов Сибири до Сыр-Дарьи на юге. Казахи являются тюркским народом с примесью монголоидной крови. Их предки были среди тех многих тюркских племен, которые были завоеваны Чингиз-ханом, а впоследствии составили значительную часть его армий, продвигавшихся далее на запад. После развала монгольской империи в XV веке, степные кочевники, входившие в ее состав, образовали новые объединения и получили с того времени общее название *казахов*. В России эти народы долгое время назывались *киргизами*, которые на самом деле принадлежали к другой группе кочевых народов. Такое неправильное этническое наименование изначально про-

изошло из-за стремления русских избежать путаницы в названиях, в связи с тем, что *казаками* именовались люди, преимущественно славянского происхождения селившиеся в российском южном приграничьи и в Сибири, начиная приблизительно с XV столетия. Оба термина – казак и казах – имеют в своей основе одно и тоже тюркское слово, и в дореволюционной России они даже писались одинаково. Во избежание дальнейшей путаницы, с 1920-х годов народы, называвшиеся ранее неправильно киргизами, обрели свое истинное этническое имя, с несколько измененным произношением и написанием, т.е. *казаки* стали называться *казахами*, а слово *казаки* стало применяться лишь как название особой группы приграничного славянского населения в Центральной Азии, Сибири и на Дальнем Востоке[1].

Как и большинство местного населения Центральной Азии казахи были мусульманами-суннитами. Однако из-за кочевого образа жизни они не придерживались строго всех канонов ислама: у них не было мечетей, а женщинам была предоставлена значительно большая свобода, включающая даже отсутствие паранджи. Вместо основного религиозного закона – шариата, среди казахов бытовала сложная система традиционного закона – *адата* – с юридическими процедурами, включавшими свидетельства под присягой, систему штрафов за проступки и групповую ответственность за наказание индивидуума или группы людей. В случае невозможности получить компенсацию за обиду или ущерб потерпевшие имели право захватить силой причитающееся им по закону имущество, скот и т.п. Такого рода нападения перерастали в кровавые вендетты, которые поддерживали в степи состояние постоянной смуты.

В этом отношении казахи, как и киргизы, сильно отличались от оседлых узбеков, туркменов и таджиков, в жизни которых ислам играл большую роль.

Истинные киргизы близко родственны казахам по языку, этническому составу, организации общества и экономики, но они значительно уступали в численности казахам. В 1860-х годах их было около 300 000. Киргизы занимали горные районы Ала-Тау, окрестности большого пресноводного озера Иссык-Куль и некоторые другие горные районы, включая Тянь-Шаньские сырты и Памир. До 1917 года для отличения от прочих «киргизов» (казахов), они были известны у русских под названием *кара-киргизов*, или «черных» киргизов.

Туркмены, численность которых в 1860-х годах также не превышала 300 000, населяли полупустыни между Сыр-Дарьей и Каспийским морем. Подобно казахам и киргизам, основой их социальной организации были семья и клан. Большинство туркмен было кочевниками-животноводами, но некоторые из них осели в Мервском и Тедженском оазисах, где занялись земледелием.

Основную часть оседлого населения российской Центральной Азии составляли узбеки, численность которых в 60-х годах XIX века

возможно достигала 3 500 000. Они образовали ханства Хива и Коканд, а также – эмират Бухара. Этот народ образовался в результате смешения древнего иранского оседлого населения района, располагавшегося главным образом в долинах верховьев Сыр-Дарьи (район, называвшийся во времена Александра Македонского Ферганой), Зеравшана и Аму-Дарьи, с различными завоевателями-кочевниками тюрками и монголоидами. Наиболее поздние из таких завоевателей – узбеки – покорили регион в XV веке, осели и смешались с местным населением. Со временем они в значительной мере были ассимилированы, но их название стало использоваться применительно ко всем коренным обитателям региона. В прошлом более древнее население городов этого района, возможно наиболее близкое иранцам, называлось *сартами*, в то время как сельское население, большая часть которого была потомками кочевников завоевателей, именовалось узбеками. После революции название сарт было выведено из обихода и весь народ стал называться узбеками.

Таджики – сохранившаяся иранская группа, занимала долины Памирской горной страны.

Помимо указанных народов в Центральной Азии имелось также некоторое количество более малочисленных этнических групп. Тюркоидные кара-калпаки, насчитывавшие в 1860-х годах около 100 000, населяли низовья Аму-Дарьи и районы, расположенные непосредственно к западу от Аральского моря. Поздними пришельцами в регионе были тюркоиды таранчи и китайские мусульмане – дунгане. Обе группы, таранчи, насчитывавшие около 50 000, и дунгане (около 15 000) иммигрировали на российскую территорию в 1860-х годах во время беспорядков в Западном Китае (Китайском Туркестане). Они осели в горах и оазисах к югу от озера Балхаш. Помимо этого по Центральной Азии были разбросаны персы, арабы, евреи, татары, индийцы и некоторые другие малочисленные группы[2].

Первые опыты описания и картографического отображения

Первые более или менее определенные сведения о территории Центральной Азии сообщают греческие ученые VI–V вв. до н.э. Ими, в частности, сообщалось о могущественном союзе сакских племен (в который входили массагеты, даи, каспии, исседоны, позднее аланы, сарматы), обитавшие на территории Центральной Азии и Казахстана. В VI веке до н.э. сюда вторглись персы[3]. Великий древнегреческий мыслитель, «отец истории» Геродот (485–425 гг. до н.э.) в своей *Истории*, написанной в конце 40-х – начале 30-х гг. пятого века до н.э. помимо описания похода персидского царя Дария в Азию дает сведения о расселении и особенностях племен этих районов. Он достаточ-

но достоверно описывает расположение Каспийского моря как замкнутого бассейна, вытянутого в направлении с севера на юг. В частности, он пишет следующее: *Море Каспийское, другое, особое, имеющее в длину 15 дней плавания для весельного судна, а ширину, в том месте, где оно шире всего 8 дней*[4]. Местность к востоку от Каспийского моря охарактеризована им как *равнина на необозримом пространстве*, за бассейном реки Урал, *земля каменистая и неровная*, а за ней стоят *высокие*, непроходимые горы. Вероятно, *неровная и каменистая земля* – Общий Сырт, а *высокие* горы – Урал. У *подножья высоких гор* (по всей вероятности, в Юго-восточном Приуралье) Геродот указал на обитание племен аргиппеев, а далее – будинов, земля которых *покрыта густым лесом разной породы* (северо-запад Казахстана). Племена исседонов, название и область расселения которых Геродоту *достоверно известны*, помещены к востоку от аргиппеев. Основываясь на рассказах исседонов, греческий историк утверждает, что восточнее их живут легендарные племена аримаспов и *стерегущих золото грифов* (по-видимому, северо-восток Казахстана и Алтай, где находились крупнейшие для того времени золотые рудники)[5]. Остается дискуссионной локализация упоминаемых Геродотом главных рек Центральной Азии. Согласно древней традиции Амударья (Аракс – у Геродота, Окс или Оксус – у всех позднейших античных авторов), так же, как и Сырдарья (Яксарт у античных мыслителей) впадали в Каспийское море. Кроме сведений о реках Центральной Азии, Геродот сообщает что в стране *хоресмийцев* есть равнины и горы и что на горах растут дикие древесные растения – ива и тамариск. Имел он также некоторые сведения о полезных ископаемых[6].

В IV в. до н.э. Гераклит был отправлен Александром Македонским в Гирканию (страна, расположенная к юго-востоку от Каспийского моря) главным образом для уточнения сведений о том, соединяется ли Каспийское, или Гирканское, море с Черным (Эвксинским) или с Великим океаном (*океан, окружающий мир*). В этой экспедиции Гераклит производил определение географической широты посредством гномона. Походы Александра Македонского в восточные страны (334–323 гг. до н.э.) а также развитие торговых связей способствовало расширению и уточнению географических знаний ученых древности, значительно пополнив их сведениями о географии Центральной Азии. В частности, Македонский открыл для европейцев путь через Центральную Азию в Китай. Первое детальное описание этого пути было составлено македонским торговцем Маем Тицианом в повествовании о путешествии, совершенном его агентами (*факторами*)[7].

К I веку до н.э. данные о среднеазиатских реках, торговых путях, местностях и городах приобрели конкретность и определенную достоверность. Если у Геродота встречаются лишь краткие упоминания об Аму-Дарье и Каспийском море и некоторые общие сведения о стране, то у Страбона, Арриана и Курция, историков периода I века до н.э. –

I века н.э., появляются сообщения о реках Яксарте (Сыр-Дарья), Политимете (Зеравшан), Эпарде (Мургаб) и т.д. Аму-Дарья в трудах этих ученых называется Араксом или Оксом. Сообщается, что ее воды не теряются в болотах, а *наводняя страну*, впадают в Северное море и лишь одно русло впадает в Гирканский залив, т.е. в Каспийское море, которое в период от Эратосфена (II в. до н.э.) до Птолемея (II в.н.э,) древние ученые считали заливом океана, окружающего мир.

Александр Македонский имел при своей армии специальных *шагателей* и других лиц, измерявших расстояния и собиравших различные сведения о крае. Благодаря этому были вычислены расстояния между Бактрою (Балхом) и р. Оксом (Аму-Дарьей), которое оказалось равным 400 стадиям (1 стадия = 187 м.), что близко к действительной величине. Необходимо отметить, что в этот период не только создавались труды описательного характера, но и производились астрономические определения географических широт и вычисления долгот. Однако, каких-либо чертежей или карт, на которых была бы представлена Центральная Азия от периода до II в. н.э. ,не сохранилось[8].

Первые географические материалы о Центральной Азии, впоследствии нашедшие отражение на картах (XV в.), принадлежат Клавдию Птолемею (II в. н.э.), обобщившему в своих трудах все имевшиеся к его времени достаточно обширные сведения об этой территории. Помимо материалов предшествовавших исследователей Птолемей использовал и так называемые *итинерарии римских дорог*, также маршруты и путевые справочники путешественников и купцов.

В фундаментальном труде «Руководство по географии» (или просто География) им описывается территория всей Центральной Азии, указываются реки, области, города, положение которых определяется координатами. Район этот в целом называется Птолемеем Согдианой [Sogdiana], общие очертания которой описываются им следующим образом: *Согдиана на западе ограничена той частью Скифии, которая протягивается от части течения Окса протягивающегося в направлении Бактриане* [Baktriane] *и Маргиане* [Margiane] *через Оксийские горы до части реки Яксартес* [Iaxartes] *находящейся под 110° в.д. и 49° с.ш.; на севере* [она граничит] *также с частию Скифии вдоль течения Яксартеса до изгиба в его течении под 120° в.д. и 48°30' с.ш. На востоке – Сакаем* [Sakai] *вдоль* [изгиба] *Яксартеса до истоков этого изгиба, лежащих под 125° в.д. и 43° с.ш., и по линии протягивающейся от Сакая до крайней точки, расположенной под 125° в.д. и 38°30' с.ш., а на востоке и на юге и снова на западе* [ограничена] *Бактрианой* [Baktriane] *вдоль уже упомянутого участка течения Окса и по Кавказским горам...и примыкающим линиям и пределам, как уже описано, и по истоку Окса... Между двух рек, верховья которых лежат под 111° в.д. и 47°с.ш. и 122° в.д. и 46°30' с.ш,. тянутся Согдийские горы. С этих гор стекает много безымянных рек, в разных на-*

правлениях, которые в конце концов впадают в указанные две реки; одна из этих безымянных рек образует Оксийское озеро [Oxeian Lake], *лежащее под 111° в.д. и 45°с.ш. и другие две реки текут с тех же гор, с которых течет Яксарт* [Iaxartes] – *район этот называют Комедийскими* [Komedai] *горами* [Гиссарскими – А.П.], *обе эти реки впадают в Яксарт; из рек одна – Дину, исток которой находится под 124° в.д. и 43°с.ш, а впадение в Яксартес – 123° в.д. и 47°с.ш.., а другая Баскатис, исток которой находится под 123° в.д. и 43°с.ш., а устье на Яксартесе под 121° в.д. и 47°30' °с.ш* [9]

Таким образом, по Птолемею Согдиана была отделена от Бактрианы рекой Оксом (Аму-Дарьей) и протягивалась от этой реки на север до Яксартеса (Сыр-Дарьи). Сакай располагался вдоль восточгых границ, а скифские племена – на западе. Название Согдиана сохранилось до сих пор в форме Согд, означающей район, расположенный вдоль реки Кохик от Бухары к востоку до Самарканда. Относительно рассмотренных районов значительная информация содержится в описаниях экспедиции Александра Македонского, так как его войска потратили почти три года для покорения этих земель. В связи с Согдианой, Птолемей упоминает четыре горных цепи: Кавказскую, Согдийскую, Комедаи и Имаос. Кавкозос – это общее название, которое македонцы применяли к большой горной цепи, протягивающейся вдоль северных границ Афганистана и которые рассматривались ими как продолжение собственно Кавказа. Птолемей использует этот топоним для определения той части цепи, которая формировала восточное продолжение Паропанисос [Paropanisos] в направлении Имаоса. Имаос – это меридиональная цепь, которая пересекает Кавказос, и позже она стала называться Болор Таг. Птолемей располагает этот хребет на восемь градусов восточнее его истинного положения. Согдийские горы, размещенные Птолемеем между Яксартесом и Оксусом в районе их истоков, это – Тянь-Шань. Название гор Комедаи соответствует по Птолемею названию народа, который населял холмистую страну, лежащую к востоку от Бактрии, по долине которой пролегал караванный путь из Бактры в направлении Серика через Имаос или Куэнь-Лунь[10].

На картах к «Руководству по географии» Птолемея, которые, повидимому были составлены позже написания самого труда и стали известны в Европе лишь в конце XV в., (в частности, см. издание 1490 г., воспроизведенное факсимильно Норденшельдом[11]) территория Центральной Азии расположена приблизительно между 39 и 49° с.ш. и между 100 и 124° в.д. (от Канарских островов), т.е. она показана несколько севернее ее истинного положения 37–48 ° с.ш. Каспийское море растянуто с востока на запад; в него впадают с востока все основные реки Центральной Азии, из них наиболее северная – Яксарт, имеющая несколько притоков. Верховье этой реки указано на юго-востоке, в горах; оно состоит из трех русел: собственно Яксарт, Ди-

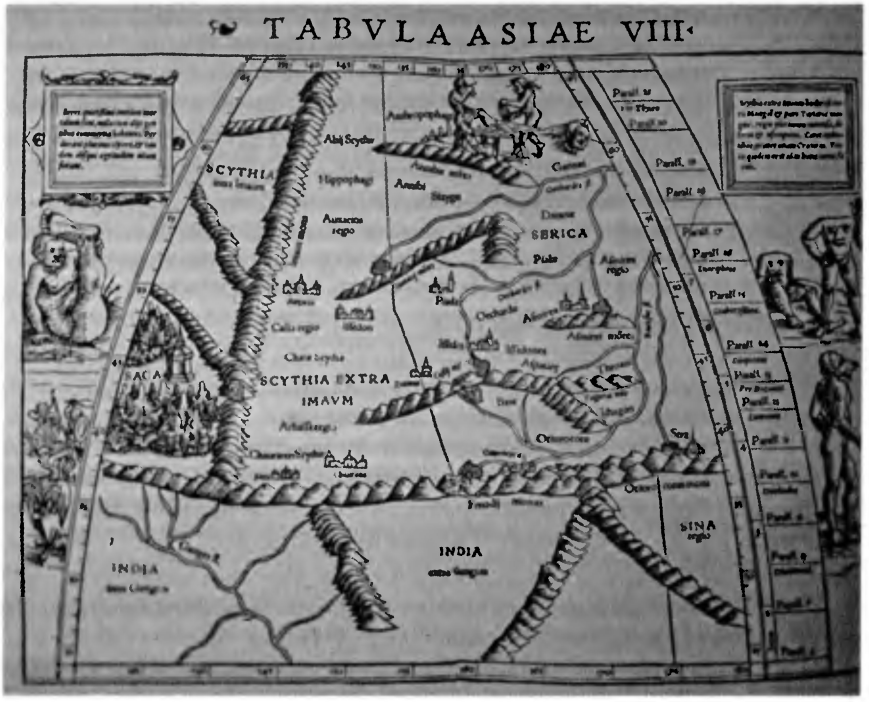


Рис. 1. Региональная карта к «Руководству по географии» Клавдия Птолемея.
Ptolemy's regional map, 85-140

мус и Баскатис. Несколько южнее в Каспийское море впадают реки Истаус и Полиметус. С юго-востока в море впадает река Оксус, бассейн которой состоит из нескольких крупных, в основном, левых притоков. Она начинается на юге, в горах близ местности с названием «Индиае» и имеет притоки Даргаедос, Зариаспес, Гардаманис с Оксусом и Маргус. Справа река Оксус принимает приток, в среднем течении которого находится оз. Оксиа (Оксианское или Оксийское).

Карта имеет множество названий местностей или стран (Согдиана, Бактриана, Маргиана), народностей (хорасмии, зариаспы, массагеты), городов (Трибактра, Асткана, Харахарта, Мараканда, Гуриана, Антиохия-Маргиана). Кроме того, на ней показаны горы: Оксийские, из которых берет начало река Политиметус, и Согдийские, из которых вытекает правый приток Оксуса, а также горы по правому берегу реки Маргус и горы Сарифы на юге (Рис. 1).

Расшифровкой карты Центральной Азии Птолемея занимались многие ученые (Вязигин, 1946; Дитмар, 1945; Латышев, 1947; Федчина, 1967). Установлено, что река Оксус – это Аму-Дарья, река Маргус – Мургаб, река Окс – Теджен; город Антиохия–Маргиана – Мерв (Мары); горы Оксийские – Устюрт; оз. Оксианское – Сарыкамыш или Арал и т.д.

С VII в. н.э. начинается расцвет науки в странах арабского халифата, в состав которого входили Персия, часть Индии, Испания, а с VIII в. и Центральная Азия.

В тот период центральноазиатские страны, представшие собой ранее независимые государства, имели высокую культуру и науку. У них была своя письменность и система образования, развитое орошаемое земледелие и богатые города с множеством библиотек. Большую роль в развитии географо-картографической мысли в Центральной Азии сыграла организация в городе Ургенче в X в. знаменитой Академии Мамуна, где сотрудничали такие выдающиеся ученые, как Абу Райхан Бируни, Ибн Сина (известный в Европе под именем Авиценна) и др.[12]

О степени изученности территории Центральной Азии в этот период наиболее наглядно говорят оригинальные арабские карты. Интересны, в частности, карты Ибн Хаукаля и ал-Истахри, приложенные к сочинению *Книга изображения Земли* Ибн Хаукаля. Помимо разделов, посвященных различным странам (Испании, Сицилии, Ираку, Египту, Сирии и др.) в книге есть глава о Центральной Азии (Мавераннахре) и две карты к ней; одна из них составлена Ибн Хаукалем, другая – ал-Истахри. В предисловии к книге Ибн Хаукаль пишет, что на основе долгой работы он указывает на картах положение городов и как далеко они отстоят от воды[13].

Географические и картографические материалы Ибн Хаукаля и ал-Истахри дают некоторое представление о многих земледельческих оазисах Центральной Азии, главных городах Хорезме, Бухаре, Самарканде, Усрушане, Асфиджабе (Сайраме) и Шашше (Ташкенте). На карте Ибн Хаукаля помещено около 90 географических названий, а на карте ал-Истахри – 170. Следует отметить, что, исходя из современных понятий арабские средневековые картографические произведения могут быть названы картами лишь со значительной мерой условности, так как по принципам своего построения они резко отличаются от европейских географических карт нового времени. Арабские карты – это своего рода графическая опись городов, рек, дорог, причем изображение этих элементов подчинено идеям симметрии и геометрически правильных очертаний, господствовавшим в космографических представлениях и изобразительном искусстве стран Арабского халифата и навеянным в значительной степени канонами ислама. В соответствии с этими идеями большинство объектов на средневековых арабских картах изображалось в виде геометрически правильных фигур и линий (треугольников, окружностей, параллельных прямых, квадратов) со значительными искажениями в отображении взаимного расположения всех этих объектов. По сути дела по таким картам можно судить лишь о том, насколько детально знали их авторы географические номенклатуры картографируемых местностей, а также – коммуникации (дорожные и речные) между отдельными их частями и населенными пунктами.

Указанные недостатки арабских карт в значительной степени компенсируются материалами детальных астрономо-геодезических работ Бируни, ал-Хорезми и ал-Фергани (IX в.) Они включают астрономические таблицы и данные о географических координатах многих центрально-азиатских городов, укреплений, речных переправ и т.п. Например, труд Бируни *Канон Масуда* содержал географические координаты для 603 пунктов известного тогда мира, из которых 80 относились к Центральной Азии[14]. В XIX в. были сделаны попытки по этим табличным материалам построить географические карты в привычной нам европейской традиции. В частности, польский ученый И.Лелевель составил несколько карт, в том числе, карту Центральной Азии по материалам Бируни[15]. На этой карте Центральная Азия изображена вполне достоверно с морями Каспийским и Аральским, реками Сырдарьей, Амударьей и Тедженом (или Мургабом), городами Самарканд, Бухара, Кат (Хорезм), Кермине, Заамин, Усрушана, Фараб, Ходжент и другие; отмечены крупные области – Хорасан, Маверан-нахр, Хорезм.

Немалую ценность для историко-географического исследования средневековой Центральной Азии имеют подорожные записи о маршрутах (итинерарии), связывающих торговые города, населенные пункты, караван-сараи, колодцы в пустыне и т.п. Они были основаны на достаточно точном измерении расстояний между различными пунктами вдоль торговых путей. Из подобных материалов следует назвать *Книгу путей и государств* Ибн Хордадбеха (IX в.), *Книгу путей и государств* Кудама ибн Джафара (X в.) и другие[16]. Почти все материалы дорожников содержат подробное описание основного маршрута по Центральной Азии: Мерв-Амуль-Бухара-Самарканд. От Самарканда путь шел на Замине (Заамин), где основной маршрут разделялся: одна дорога вела в Фергану, другая – в город Шаш (Ташкент) и к «серебряным копям», затем к городу Талассу (или Таразу) на реке Таласс, далее – к реке Чу и озеру Иссык-Куль (Барсхан Верхний, или Великий). Это был оживленный средневековый торгово-караванный путь. Расстояния в описаниях маршрутов указывались в фарсахах и милях (у ибн Хордадбеха), а также в «днях пути» и »переходах» или «перегонах». Причем «фарсах» равнялся 3 милям или 6–6,5 км (к востоку от Аму-Дарьи – 7–8 км); один «перегон « равен 2 фарсахам или 12–14 км, один «перегон» в Хорасане равен 6, а в Иране – 12 милям; средний путь в один день равен шести и одной седьмой фарсаха[17].

В то время как арабские ученые достаточно успешно развивали географию, по крайней мере, в ее астрономо-геодезической части, в странах раннего европейского средневековья господствовали церковь и библейские представления о мире в различных областях науки и, в том числе, географии и картографии. Составлявшиеся монахами так называемые монастырские карты служили лишь иллюстрациями к богословским сочинениям, хотя на некоторых из них имелись следы

античного знания. Центральная Азия на таких картах либо не отражалась вовсе, либо показывалась весьма условно.

Первые более или менее правдоподобные сведения о географии центральноазиатских земель были получены в Европе от путешественника XIII в., посланника папы Иннокентия IV к Чингиз-хану, францисканского монаха Плано Карпини, прошедшего в 1246 г. древним путем через южную Россию и Центральную Азию в ставку Чингиз-хана Каракорум. Карпини в своем сочинении[18] указывает пройденное расстояние в днях пути и кратко описывает характер рельефа, климатические особенности, растительность, почвы. Положение «Татарии» он определяет следующим образом: *С восточной стороны... лежит земля Китаев и Салангов* [Манчжурия. – Прим. Языкова]; *с южной – земли Сарацинския* [Афганистан, Иран]; *между запада и юга Гуирские* [Монголы{?}]; *с северной окружается она морем океаном*[19].

К описанию путешествия Плано Карпини приложил составленную им карту, которая до сих пор не обнаружена. В 1253–1255 гг. по пути, проложенному посольством Плано Карпини к *татарскому хану*, совершил путешествие францисканский монах Вильгельм Рубрук (Рубруквис). Реконструкция путей обоих посольств проведена польскими исследователями, которые опубликовали «*Карту поездок брата Бенедикта Поляка* [в посольстве Карпини] *в 1245–1247 г.г. и путь францисканца Вильгельма Рубрука (1253–1255 г.г.)*». Согласно этой реконструкции, в Центральной Азии посольства следовали до города Каракорума через «Каракита» (южнее озера Балхаш) и далее – на восток.

Развитие торговли в Западной Европе и укрепление торговых связей с соседними странами стимулировали формирование географических знаний. В этом процессе ведущую роль играл «Великой шелковый путь», соединявший Запад с Востоком и способствовавший накоплению знаний о Центральной Азии. Начиная с XIII в. (после путешествия Карпини), путь через Дон, Волгу, города Сарай, Ургенч и далее в Ханбалык (Пекин) был освоен итальянцами и испанцами. Путешественники, купцы, миссионеры, дипломаты, направляемые в восточные страны, сообщали сведения о пройденном пути. Известно о путешествии Франциско Бальтуччи Пеголотти в начале XIV в.; он оставил краткое описание торгового пути из Сарая на Волге, через Сарайчик, Ургенч, Отрар (развалины на реке Арысь близ города Туркестана) и Алмалык в Ханбалык. Описание путешественников нашли отражение на карте Петра Висконти (1320 г.) и Каталонской карте (атласе), причем Висконти заимствовал ряд сведений у древних географов, в частности, у Птолемея.

Обширные сведения о Центральной Азии были добыты во время известного путешествия в Китай Марко Поло (около 1274 г.). Его основной путь проходил по Памиру, поэтому мы рассмотрели это путе-

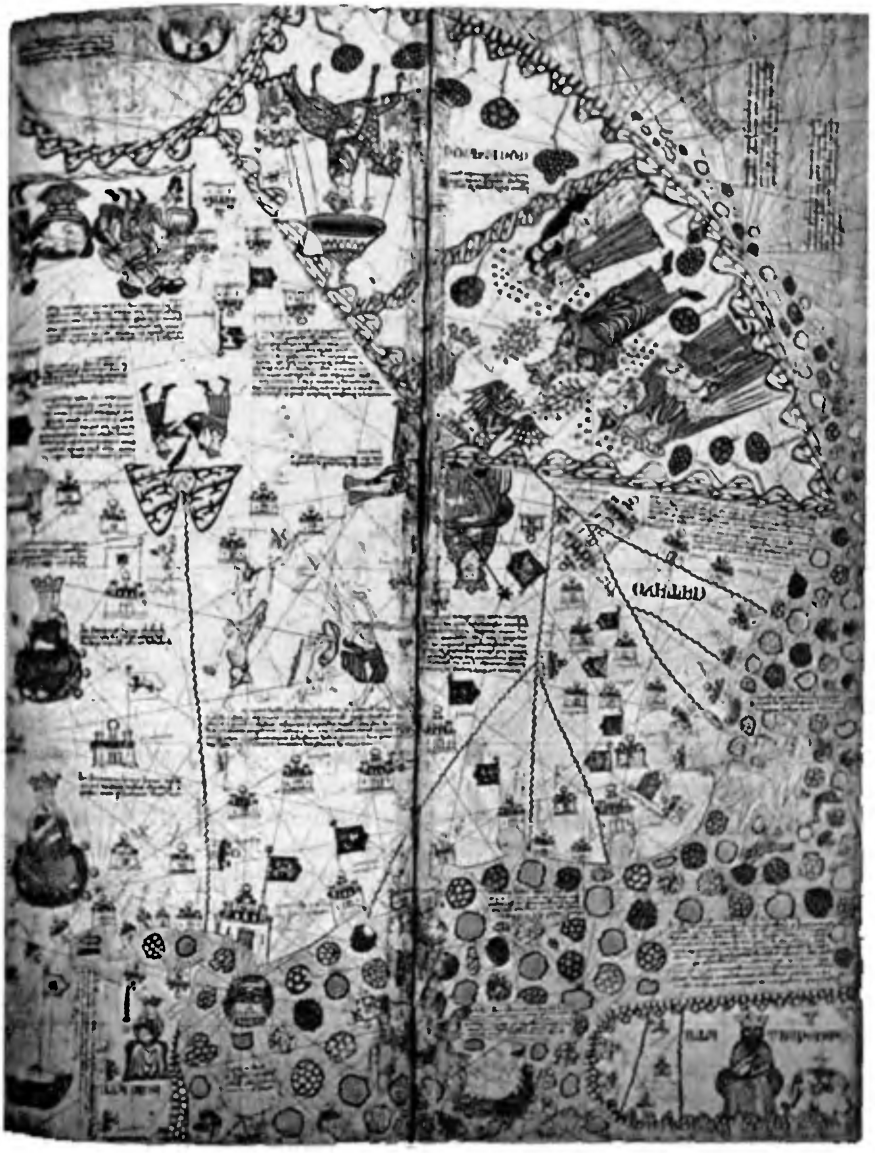


Рис. 2. Каталонская карта Авраама Крескуса [?],
(составлена в 1375 году на острове Мальорка). (Фрагмент).

шествие в книге, посвященной этой горной стране, где освещены также путешествия там китайцев. Здесь лишь отметим, что данные Марко Поло наряду со сведениями, добытыми другими путешественниками, нашли отражение на известной Каталонской карте 1375 г. (Рис. 2).

В 1333 г. венецианцы установили связи с жителями Центральной Азии, заключив соглашение с ханом узбеков о торговле и праве транзита товаров в Китай. Это соглашение способствовало расширению связей итальянцев со всеми центральноазиатскими государствами и стимулировало получение географической информации об этих странах[20], что нашло непосредственное отражение на карте мира, составленной итальянцем Фра Мауро в 1459 г. Сам Фра Мауро говорил о своей работе следующее: *Я все время старался проверить описание опытом, занимаясь многие годы и сообщаясь с людьми, достойными веры, видевшими собственными глазами то, что я правдиво указываю*[21]. На его карте Центральная Азия изображена довольно подробно, но не без некоторых противоречий. Река Яксарт (Сыр-Дарья), например, помещена южнее Оксуса (Аму-Дарья). Яксарт и Оксус совместно вытекают из озера Изинкол и, пересекая всю территорию Центральной Азии, двумя рукавами впадают в Каспийское море. Значительно севернее на одном из притоков Оксуса расположен город Самарканд; Хива показана ниже по течению на правом берегу Оксуса, а город Мару [Мары. – А.П.] – на одном из притоков Яксарта. О Центральной Азии (*Татарии*) на карте имеется следующее замечание: *От реки Иксарта* [Яксарт. –А.П.] *вниз, можно сказать,- начинается Скифия или Чатагей, Органца, Сарай Малый и Сарай Великий...* [22] Фра Мауро писал также, что при составлении своей карты он *не следовал Клавдию Птолемею как относительно вида, так и относительно мер, долготы и широты...*» Однако на карте *поместил все Птолемеевские названия и еще некоторые иные ему (Птолемею) неизвестные*[23]. Удивительной особенностью карты Фра Мауро является необыкновенно достоверное отображение очертаний береговой линии Каспийского моря. Обычно на картах этого периода Каспий отображался в виде овала большая ось которого ориентирована по параллели. (Рис. 3). На карте Фра Мауро и еще на нескольких картах, по-видимому основанных на этом произведении, Каспийское море показано вполне узнаваемо для нас, и такое отображение этого величайшего в мире соленого озера стало общепринятым лишь после съемок 1720-1724 гг., проведенных петровскими геодезистами и гидрографами, о чем речь пойдет ниже.

Конец XV века явился рубежом в истории картографирования Центральной Азии и поворотным моментом в развитии географических представлений об этой территории. С 1472 г. публикуются и становятся хорошо известными *Руководство по географии* и карты Птолемея. Авторитет этих источников к XVI веку настолько возрос, что «подавил» результаты практических знаний и некоторых научных исследований Центральной Азии XIV-XV вв. Даже в XVII веке, по словам В.В. Бартольда (1925), представители европейской науки осуждали любую попытку отступить от авторитета Птолемея при описании какой-либо страны и при ее изображении на карте, даже если составитель ссылался на свои личные наблюдения.

Рис. 3. Карта Фра-Мауро (1459 г.) (фрагмент).

На многих картах мира, составленных европейцами в XVI–XVII вв. Центральная Азия вообще не изображалась или изображалась очень схематично. Русские источники, на которые ссылался А. Вид, Б. Аньезе и позднее Гессель Геритц, на территорию Центральной Азии, по-видимому, не распространялись. Причиной этого, очевидно, является то, что Центральная Азия перестала привлекать внимание путешественников, купцов и миссионеров из-за значительного изменения исторической обстановки в этом районе в XV-XVI вв. Действительно, в 1453 г. турки, захватив Константинополь, насильственно пресекают непосредственные, уже ставшие достаточно крепкими, связи европейцев с восточными странами. В то же время вследствие открытия португальцами морского пути вокруг Африки опасная дорога на Восток через южнорусские степи и Каспийское море перестала интересовать торговых людей[24].

Однако и в этот период появляются отдельные относительно достоверные картографические изображения Центральной Азии. Такова, например, карта, составленная английским послом Антонием Дженкинсоном, который в 1558 г. отправился в Астрахань с торговыми целями, переправился через Каспийское море, высадился на Мангышлаке, пересек Устюрт и добрался до Хивы и Бухары. Эта карта была опубликована в 1562 г. и переиздавалась несколько раз. Оригинальное

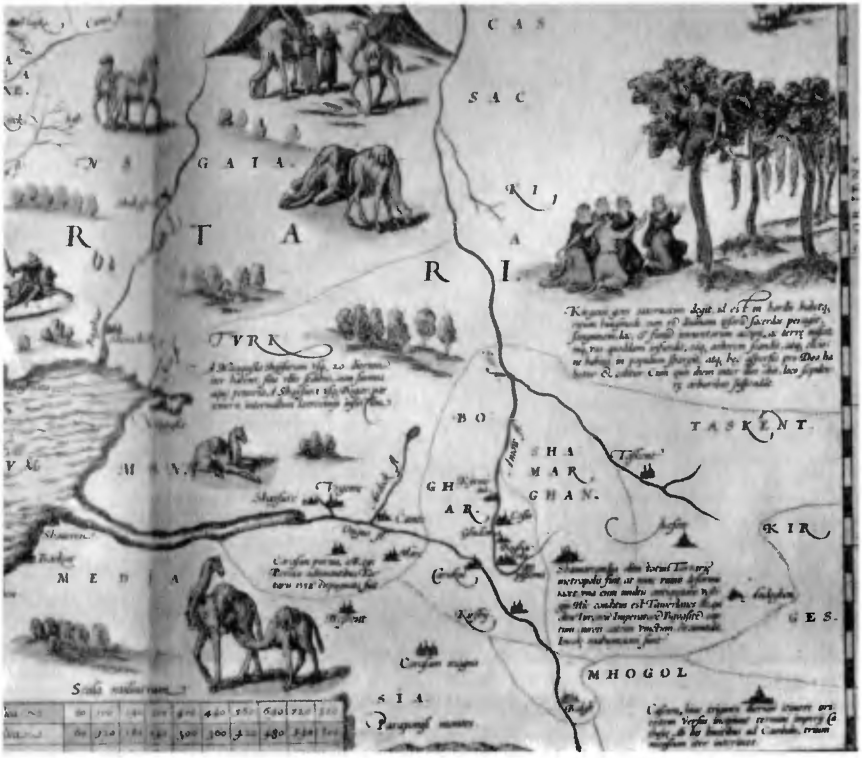


Рис. 4. Карта Антония (Энтони) Дженкинсона 1562 года
в издании Авраама Ортелия 1570 г.

издание этой карты было обнаружено сравнительно недавно польской исследовательницей Кристиной Шикулой, которая сообщила о своей сенсационной находке на 13-й Международной конференции по истории картографии (Нидерланды, 26 июня –1 июля 1989 г.), а детальные исследования этого издания проведено в ряде статей английского автора Самуэля Бэрона[25]. На карте Дженкинсона и ее копиях, помещенных в атласах Ортелия и Де Йоде отмечен ряд центральноазиатских городов, не показанных на более ранних картах. Дженкинсоном также впервые определены географические широты некоторых пунктов Центральной Азии (Мангышлака, Куня-Ургенча, Бухары)[26]. (Рис. 4).

Определенный интерес представляют карта и описание, составленные путешественником первой половины XVII в. Адамом Олеарием, который в 1633, 1636 и 1639 г.г. совершил большие путешествия по России в составе Голштинского посольства в Персию. Описывая горные массивы на территории Центральной Азии, Олеарий в основном следовал древним географам. Однако некоторые сведения на его карте уточнены. Например, указаны города Ходжент, Яркенд и Фергана, а также Самарканд и Бухара.

На картах западноевропейских ученых картографов XVII в. Гондиуса (Хондия) (1606, 1663 гг.) и Сансона (1654, 1658 гг.) территория Центральной Азии изображена в соответствии с картами Ортелиуса (Ортелия) 1564 и 1570 гг. На них приведены более подробные сведения о городах, увеличено число наименований, но очертания горных массивов и расположение рек повторяют данные Птолемея.

Особый интерес представляет карта Центральной Азии, составленная Н. Витсеном, который в 60-х годах XVII в. жил в Москве и был близок к русскому правительству. В 1687 г. Витсен издал в Амстердаме карту России, посвященную Петру I. Л.С. Берг полагал[27], что в Москве Витсен пользовался Большим чертежом. В 1704 г. эта карта с дополнениями переиздана Идесом, но изображение Центральной Азии (*Татарии*) осталось на ней без изменений. Витсен на основании достоверных источников во многих отношениях по-новому представляет географию Центральной Азии. Не исключено, что в этом сказалось использование автором данных Большого чертежа.

Завершая наш краткий обзор раннего периода (до XVIII в.) изучения и картографирования Центральной Азии за рубежом, подчеркнем, что каких-либо указаний на присутствие китайцев в Центральной Азии, или даже на близких подступах к ней, ни в текстовых, ни в картографических документах этого периода найти не удается. Исключение составляет лишь самый юг – Памир и прилегающие к нему территории, о чем рассказано в нашей предыдущей книге[28], да и там их появление было сугубо эпизодическим – в качестве паломников или купцов. Китай на всех иностранных картах, созданных до XVIII в. изображался лишь в пределах Великой китайской стены, за исключением историко-картографических произведений, вроде *Карты Татарии или Королевства Великого Чама* из Атласа Авраама Ортелия 1570 г., где изображались представления европейцев о территориальном распространении империи Чингиз-хана, в которую входил как Китай, так и часть центральноазиатских владений.

Начало формирования географических представлений о Центральной Азии в Русском государстве

Центральная Азия издавна представляла большой интерес для нашей страны. Расположенная у юго-восточных рубежей Русского государства, она связывала его с восточными странами, сама, в свою очередь, являясь крупным средоточием торговли. По территории Центральной Азии пролегали основные сухопутные дороги на Восток. Сохранилось немало свидетельств о тесных взаимоотношениях Руси с народами Центральной Азии, начало установления которых уходит в глубокую древность. В X веке для укрепления и улучшения торговых связей че-

рез пустынное плато Устюрт был проложен специальный тракт, вдоль которого построены караван-сараи и сооружены колодцы, частично сохранившиеся до наших дней. Об оживленности этого торгового пути свидетельствует большое количество построенных близ тракта и теперь уже разрушенных строений и мусульманских кладбищ. Об интенсивных торговых связях Руси с Центральной Азией в этот период говорит также большое количество кладов монет центральноазиатских государств, относящихся к VII-XI вв. и найденных на всей территории России вплоть до Балтийского моря[29]. Главным торговым центром Руси с центральноазиатскими странами были города Булгар и Итиль на Волге, куда приходили караваны с юга, насчитывавшие от нескольких дюжин верблюдов и лошадей до необычайно больших групп, таких как религиозная и торговая миссия 922 года из Бухары в Волжскую Булгарию, в которой одновременно путешествовало 3000 вьючных животных и 5000 человек[30].

Первое прямое упоминание об официальных контактах Киевской Руси с центральноазиатскими правителями относится к 986 году, когда киевские князья неоднократно обращались в Хорезм для того, чтобы получить информацию об исламе[31]. Шах Хорезма тогда, несколько преждевременно, выразил радость *по поводу их* [русских] *желания принять ислам, приветствовал их богатыми дарами и направил одного из своих имамов обучить их мусульманским канонам.* Но, в соответствии со старославянской версией этой истории, киевский князь Владимир отверг поучения мусульманских миссионеров, говоря, что ему не подобает подвергнуться обрезанию и отказаться от употребления свинины и вина[32].

В XIII-XIV вв., в период монгольского нашествия, связи Руси с Центральной Азией поддерживались и укреплялись; многие русские люди побывали в этих краях. Плано Карпини, посол папы Иннокентия IV, сообщает, что он в 1246 г. видел в ставке великого хана группу русских, в том числе князя Ярослава Всеволодовича. В арабской книге XIII века содержится рассказ о посольстве Владимира (*Буламира*) в Хорезм[33]. В 1247 г. в ставку Чингиз-Хана ходил Александр Невский, а в 1256 году – его посол, князь Ростовский. В 1289 году в походе на Тимура (в Самарканд) участвовал князь Борис Суздальский.

Сведения, полученные в этот период о Центральной Азии, заносились в Русские летописи. Но поскольку летописи были в основном историческими сочинениями, географические данные попадали в них лишь случайно, при описании тех или иных событий. Так, сообщалось, что до берегов Волги кочевали орды Батыя, далее были расположены земли кангитов (хвалиссов), близ Хивы – земли бессерменов. При перечислении завоеваний Тамерлана (Тимура) в летописях упоминается, что *Темик Аксак* завоевал Самарканд, покорил *Персиду* и есть указания на дороги, ведущие к Центральной Азии (*Татарии*). В своих описаниях русские делили известную им территорию Цент-

ральной Азии либо по названиям местностей, либо по населяющим ее народам. Например, *Большая или Золотая Орда* имела главным городом Сарай; под названием *Синяя Орда* разумелись все владения за Яиком (река Урал) с центром в городе Самарканде. Упоминались также местности *Персида* и *Ватр* (Бактрия) с добавлением, что последняя расположена *даже и до Индикая* [Индия. – А.П.] *в долготу*[34]. Другие летописцы уточняют, что область *Ватр* (Бактрия), *где живут бессермены,* граничит с Индией[35], а также, что *межю востоком и севером* [живут] *Торкмене, и Печенези, Торци, Половци, Хвалиссы*[36]. В летописях также упоминается, что в Москве была организована специальная подготовка людей, хорошо знакомых с далекими пограничными странами, в число которых входила и Центральная Азия[37].

Московское правительство заботилось о приобретении географических сведений о соседних землях и, возможно, имело какие-то руководства и чертежи с объяснениями, составленные для служебных или официальных целей; однако таких чертежей не сохранилось. Таким образом, первые сведения о географии Центральной Азии, сохранившиеся в летописях, представлены в основном названиями территорий, рек, морей, народов и городов.

К середине XV в. русские земли объединились вокруг Москвы. К 1486 году были уничтожены последние следы зависимости от ханов Золотой Орды. Русское государство окрепло политически и стало быстро развиваться. В середине и второй половине XVI в. Московия постепенно превращается в централизованное многонациональное государство. Этот процесс сопровождался укреплением торговых и дипломатических связей с соседними странами.

Еще в XV веке, в период свержения монгольского ига, существовали посольские связи Русского государства с ногаями. В 1489 году к Великому князю Ивану Васильевичу было направлено посольство от ногайского царя Ивака и мурз с предложением союза. В одной из грамот ногайский *бессерменский* государь писал о том, что и ранее между этими странами существовали тесные торговые связи: *при наших, при предних* [прежних. – А.П.] *при отцех и при дядях с вашими с предними с отци и з дядями в доброй дружбе и в братстве будучи, добро их меж их хаживало*[38].

В этот же период (1480-е годы) казахские ханы также вступили в официальные отношения с Москвой.

В 1557–1558 гг. владетели Хивы и Самарканда прислали в Москву к царю Ивану IV послов для подписания договора о постоянной торговле. Присоединение к Русскому государству Казани (1552 г.) и Астрахани (1556 г.) открыло русским людям свободный путь к Каспийскому морю и в Центральную Азию. Расширению связей с Центральной Азией способствовало также начавшееся в 1579 г. присоединение Сибири походами Ермака. В частности, при заложении города Тары в 1594 г. русское правительство предполагало, кроме налаживания

дипломатических, посольских отношений, укрепить торговлю с центральноазиатскими ханствами: *ежели Бухарские и ногайские купцы приидут в город Тару с товарами... то тамошним жителям иметь с ними свободный торг, обходясь с ними дружески*[39].

В течение XVI в. правительством Московского государства неоднократно направлялись в Хиву и Бухару русские люди, представлявшие по возвращении *сказки*, *отписки*, *доносы* с приложением чертежей и росписей. Так, в 1534 году в Ногайскую Орду Иваном Грозным был послан служилый человек Данило Губин. В 1566–1567 гг. им же была снаряжена за Урал экспедиция, имевшая в числе прочих задачу выяснить, на каком расстоянии находятся различные города от Москвы, что специально оговорено в наказе экспедиции. Она собрала ценные географические материалы «*где которые города... Китайскому государству и Мунгальской земле, и иным местам, жилым и кочевым, и Великой Оби реки, и прочим дорогам и рекам и тем вывезли сказку и роспись*»[40]. В ее отчете были сведения и о Центральной Азии: »*А за Мунгальскою землею к Бухарцам три Царства Турское (Туркестан), а царь в нем Юначка, а город Каменной (Ташкент. – А.П.), да царство Тунгутское (Тангутское)..., да царство Грод-Шар (Кашгар)*»[41].

При Иване Грозном для улучшения торговых связей предпринимаются попытки установления правительственных контактов между Московией и центральноазиатскими странами. Причем инициатива была предпринята Бухарой и Самаркандом, которые направили своих представителей ко двору Ивана IV с просьбой предоставить центральноазиатским купцам право свободного прохода по территории Московии для торговли как с русскими, так и с другими европейцами. Царь не только удовлетворил эту просьбу, но и всячески поощрял русских торговцев к поездкам в Центральную Азию[42]. Организованная в 1533-1584 годах, по инициативе Лондонской Московской компании, миссия Антония Дженкинсона, выполняя коммерческие функции для англичан, в то же время получила дипломатические поручения царя Ивана Грозного (1533-1584), и, возможно, наиболее важным для русских итогом миссии было то, что английский торговец помог укреплению русско-центральноазиатских отношений тем, что сопроводил в Москву хивинских, бухарских и балхских представителей, а также освободил и доставил царю 25 русских, находившихся в рабстве в Центральной Азии[43].

В1569 г. в Ногайскую орду ходил Семен Мальцев. Через 26 лет в *Казачью орду*, главные кочевья которой располагались по среднему течению Сыр-Дарьи и севернее ее, был отправлен посол Вельямин Степанов. В отписке царю Федору Ивановичу он сообщил о направлении своего пути, расстояниях и о местах, где он побывал. Постоянная связь с восточными окраинами и с государствами Центральной Азии привела к необходимости организовать в 1600 году регулярную *почту* в Зауральские области[44].

В 1620 году с официальной миссией к бухарскому Хану Имаму Кули было направлено посольство Московского государства под руководством дворянина Ивана Хохлова. В инструкции посольству особо подчеркивалась необходимость сохранения достоинства официального представителя царя, что впоследствии стало характерной чертой официальных дипломатических отношений русского государства с центральноазиатскими ханствами. В частности, отмечалось, что Хохлов ни при каких условиях не должен был платить какие-либо налоги или специальные поборы для того, чтобы быть допущенным к хану. В случае, если без уплаты этой мзды, его бы не пожелали допустить к хану, Иван Хохлов должен был возвратиться в Москву. Прием у хана оговаривался так же условием, чтобы при этом не присутствовали какие-либо иные послы других государств, и, в крайнем случае, если этого невозможно было избежать, таковые послы должны были занимать менее почетные места за столом хана, нежели Хохлов.

Русский посол добрался до Самарканда и был принят там ханом. При входе во дворец один из приближенных хана попытался забрать у Ивана Хохлова письмо царя, но посол согласился отдать его только в руки правителя Бухары. Передавая хану личные приветствия от русского царя, Хохлов, видя, что хан не встал при упоминании имени царя заметил, что в аналогичных случаях при дворах других зарубежных государств, правители этих государств выслушивали стоя официальные приветствия государя, из уважения к его имени. Имам Кули Хан тот час же встал, извинившись, ссылаясь на то, что он уже давно не принимал русского посла и не внимал словам царя, а потому забыл о должном этикете, уверяя Хохлова, что ошибка эта не была преднамеренной и не являлась выражением недружелюбия или отсутствия должного уважения[45].

Отнюдь не все контакты русских с народами Центральной Азии были в этот период мирными. Во время периода ослабления русского центрального правительства на рубеже XVI-XVII столетий (в период Смутного времени) казаки с Яика (Урала) совершили ряд набегов в земледельческие районы Центральной Азии. Так, атаман Нечай Старенской со своей яицкой братией в процессе внезапной и молниеносной кампании 1603 года прорвался в самый центр Хивинского ханства, где казаки заняли, разграбили и разрушили его столицу Ургенч[46]. Казаки отправились назад с тысячью телегами с награбленным добром, забрав с собой почти тысячу женщин. По пути они, однако, были окружены Араб Мухаммад Ханом I, отрезаны от воды, вынуждены бросить все награбленное добро и уничтожены практически полностью; память об этом походе сохранилась лишь в казацкой устной традиции[47]. Вторую экспедицию казаков постигла та же участь, а третья закончилась еще более трагически для русских: в разгар суровой зимы казаки заблудились и были вынуждены от го-

лода заниматься людоедством. Немногие уцелевшие после третьего похода были захвачены хивинцами и превращены в рабов[48].

К середине XVII века в Бухаре было установлено русское представительство, причем это привело не только к улучшению торговых и государственных связей, но и к значительному расширению географического кругозора представителей российских властей. Дело в том, что в 1644 году секретарю русского посланника в Бухаре удалось добраться до Балха. Этот известный с античных времен город был в то время столицей независимого государства в северном Афганистане, в то время как территории за Гинду-Кушем, включая современную столицу Афганистана Кабул, составляли часть Индийской Империи. Русский дипломат Медведев сообщил следующее: *Царь Балха Супцон Кули Хан желает дружить с Великим Императором, Царем и Великим Князем Алексеем Михайловичем, повелителем Великой, Малой и Белой России. Супцон Кули Хан говорит, что если Великий Царь желает направить послов и путешественников в Балх, Индию или любые другие страны, он обеспечит им безопасность и пропустит их через свои владения. Путь в Индию пролегает через Балх и идет по населенным землям. Там нет бандитов, не может быть нанесено никакого ущерба и никакие пошлины там не собираются*[49].

Это сообщение было принято с живейшим интересом в Москве. Как и другие страны Европы, Россия была полна рассказами о неисчислимых богатствах и чудесах Индии. Та же тяга к таинственному Востоку, которая стимулировала великие открытия периода Возрождения, теперь начала оказывать свое магическое воздействие на Московию. Следует заметить, что достоверные сведения об Индии впервые были изложены в замечательном памятнике древнерусской литературы *Хождение за три моря* русского купца Афанасия Никитина, который посетил страну в 1466-1472 гг.[50] Результатом же возрождения интереса к Индии было то, что царь Алексей Михайлович в 1648 году снарядил большое посольство к Императору Могулов с богатыми подарками (главным образом – собольим мехом). Однако посольство задержалось из-за войны Персии с Индией, и оно смогло выступить в путь лишь в 1675 году. Далее Кабула русских посланников, однако, не пустили, и в 1677 году они возвратились в Москву без каких-либо дипломатических результатов и дорогих подарков, которые у них просто были конфискованы местными чиновниками с уплатой ничтожной компенсации, совершенно не соответствовавшей цене царских соболей, предназначавшихся в подарок Великому Могулу[51].

Хива, также как и Бухара, была среди первых центральноазиатских государств, с которыми русские начали устанавливать дипломатические отношения, для чего в январе 1671 года было направлено официальное посольство Бориса и Семена Пазухиных ко двору хи-

винского Ануша Хана (правил в 1663-1687 гг.), когда, практически впервые русские и хивинцы проявили живой интерес к элементам придворной жизни и культуры друг друга. Хивинский хан расспрашивал русских послов о придворных развлечениях царя, а со своей стороны он познакомил гостей с любимым придворным спортом хивинцев – соколиной охотой, и развлекал их изысканным азиатским банкетом и представлением, во время которого девять актеров играли и пели, используя при этом книгу, что было весьма необычным для того времени[52]. С другой стороны, бухарский правитель в 1675 году попытался ознакомиться с западной музыкой, для чего направил своего посла Хаджи Фарика для того чтобы доставить из Москвы орган и органиста[53].

К концу XVI века администрация Русского государства обладала уже обширными географическими сведениями о своей стране и ее ближайших соседях. Этих сведений оказалось достаточным для создания в этот период (около 1598 года) общей карты всего Московского государства и окружающих земель – Большого Чертежа. Большой Чертеж – первый в России официальный географический документ – считается утраченным. Однако сохранился не менее ценный памятник – *Книга Большому Чертежу*, составленная по старому, уже *ветхому чертежу* в 1627 г. В предисловии к *Книге* написано: *Дьяки, думной Федор Лихачев да Михайло Данилов, велели, примерясь к тому старому чертежу, в тое же меру зделать новый чертеж всему Московскому государству по все окресные государства*[54].

Большое внимание в *Книге Большому Чертежу* уделяется юго-востоку и, в частности, Центральной Азии. Она свидетельствует, что Чертеж отражал *окресные государства*, в частности... *кочевую Казацкую орду; и Больших Ногаев кочевья; и Бухарские и Юргенские* [Яркендские /?/] *городы*[55]. Заметим, что по свидетельству В.Н.Татищева во времена Бориса Годунова в России была составлена карта Центральной Азии. Он пишет: *При царе Борисе сделана ландкарта с довольным искусством, и хотя она не совсем исправна, однакож в ней много о восточных Татарах показано, чего до сих времен ни в одной иностранной не находилось, особливо Бухария и море Аральское, его же Синим именуют, довольно порядочно внесены...*[56] По-видимому, этот чертеж Центральной Азии постигла участь других русских чертежей XVI – начала XVII в., уничтоженных в пламени пожаров иностранной интервенции и Смутного времени. Поэтому единственным документом, свидетельствующим о том, что знали в Московском государстве в XVI в. о Центральной Азии, является *Книга Большому Чертежу*, в которой этой территории уделена целая глава и встречается множество замечаний по ходу повествования.

Описание Центральной Азии в *Книге* имеет общий оро-гидрографический характер: названы моря *Хвалимское* и *Синее* (Каспийское

и Аральское), реки *Сыр-* и *Аме-Дарья* (Сыр-Дарья и Аму-Дарья), города близ рек – *Сунак*, *Ясырван*, *Тюркустан* и другие. Указаны возвышенности (гора *Карабас*, *Карачатова*) и *пески* (приаральские) *Аракум*, *Каракум* и *Барсуккум*. Всего упомянуто около 50 географических названий. Даны расстояния между городами и расстояния городов от крупных ориентиров (рек и гор), а также протяженность морей и гор.

Подробное и обстоятельное описание в *Книге Большому Чертежу* территории Центральной Азии можно объяснить тем большим значением, которое имели восточные страны для Русского государства. Стабилизация внутреннего положения страны после Смутного времени способствовала расширению ее внешних связей. Налаживаются регулярные посольские и торговые отношения с государствами Центральной Азии и Индии. Центральноазиатские купцы – *бухарцы* – играют существенную роль в посреднической торговле со странами Востока, завозя различные, в том числе и китайские, товары на рынки сибирских городов. Во второй четверти XVII века в Астрахани основывается постоянное поселение индийских *гостей*, ведущих широкие торговые операции в Русском государстве и Центральной Азии[57].

В течение всего XVII века русские люди совершали длительные походы в Центральную Азию. Инициатива этих походов во многих случаях принадлежала правительству, заинтересованному в поисках кратчайшего пути в Индию и Китай. Путешественники, являвшиеся, как правило, посланниками к различным центральноазиатским и монгольским правителям, составляли подробные, сохранившиеся до наших дней статейные списки, свидетельствующие о значительном росте в этот период географических знаний о территории Центральной Азии. Тесные сношения установились у Московского государства, в частности, с возникшим в этот период в Западной Монголии Джунгарским ханством: в 30-х – начале 50-х годов XVII века только ставку всеойратского хана Эрдени Бурут-хунтайджи посетило девять русских посольств[58].

Несмотря на усиление притока географической информации о Центральной Азии в Русское государство в XVII в., первые сохранившиеся картографические изображения этой территории, созданные в России – Годуновский чертеж Сибири 1667 г. и чертеж 1672 г., – крайне несовершенны. На всем громадном пространстве Центральной Азии помещены лишь названия: *Бухарцы*, *Ногаи*, *Калмыки*; показана дорога, которая пересекает Волгу и Яик, огибает *залив*, идет к *Бухарцам*. В росписи чертежа сведения о территории Центральной Азии также кратки и неполны:... *к Астрахани и в Китайско государство по пути, коим местам писано, из Тобольска степми дорога, озера и реки большие есть, а описать оных никоими мерами невозможно, потому что знатцы, которые быва-*

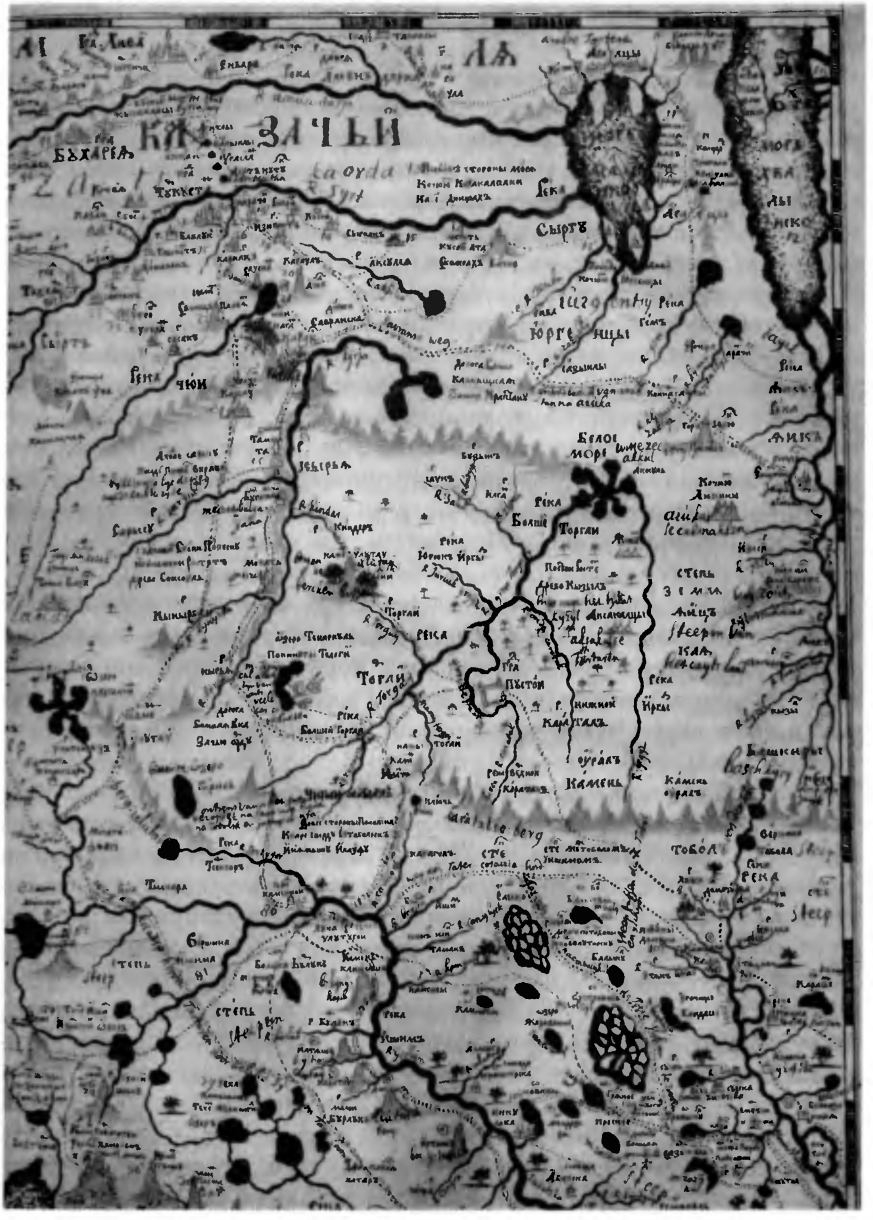


Рис. 5.Чертеж земли всей безводной и малопроходной каменной степи из Чертежной книги Сибири (1701 г.) С.У Ремезова.

ли те люди тем рекам и озерам прозвать не знают[59]. Текст описания свидетельствует о том, что при составлении чертежа 1667 г. не только не были использованы новейшие сведения о центральноазиатских землях, но автору остались неведомыми старые русские ма-

териалы о Сибири и Центральной Азии,в частности, *Большой Чертеж* и *Книга* к нему.

В чертеже 1672 г. сведения о Центральной Азии также, по сути дела, отсутствуют. На ее территории указано несколько безымянных рек и имеется надпись *города Бухарские*. В описании к чертежу о Центральной Азии сказано всего несколько слов: *а иние реки из того же камени устьем впадоша в Хвалынское море, яко то: Яик и иные реки с товарищи, и Дарья река, которая пошла под Бухарию в великую Фиву* [Хиву. – А.П.], *с товарищи*[60].

Имевшиеся в Русском государстве сведения о Центральной Азии в несколько большей степени были использованы на чертеже 1678 г., составленном Николаем Милеску Спафарием. Пройдя в Китай северным (аргуньским) путем, русский посланник не имел собственных наблюдений в Центральной Азии и для ее изображения мог пользоваться лишь распросными данными, а также бывшими в его распоряжении общероссийскими и сибирскими чертежами. Как бы то ни было, чертеж Спафария в части отображения Центральной Азии остается довольно примитивным: Каспийское море (*Хвалынское*) показано прямоугольным, вытянутым с запада на восток; из моря Аральского (*Синего*), *имеющего продолговатую форму, берет начало протока Арзан, впадающая в Каспий и принимающая справа реку Амедарью* [Аму-Дарью]. Река Сыр-Дарья (по Спафарию, *Сырдариа*), начинается на севере в районе, обозначенном *Казачья орда*, двумя руслами, в среднем ее течении указан *город Туркастан Бухарское*.

Итогом изучения юга и юга-востока Азии в XVII в. явились чертежи в атласах замечательного русского картографа и географа С.У. Ремезова (1642 – после 1720 г.) и особенно обзорные карты *Чертеж земли всей безводной и малопроходной каменной степи* (Рис. 5) и *Чертеж в пополнок прежнему...*, составленный в 1684-1685 гг. и скопированный Ремезовым в 1687 г. С.У.Ремезов показал на картах не только Монголию, Тибет, Северный и Южный Китай, Корею, Японию, но и Сиам, *Камбодию*, Восточную Индию, Яву. Впервые им была дана наиболее полная картографическая характеристика Каспийского и Аральского морей с прилегающей к ним территорией. Показаны: Кон-Дарья, Сыр-Дарья и Аму-Дарья, Балхаш (*море Тенгиз*), Устюрт, колодцы, *арыки-малые реки*, города (Хива, *Бухарея*, *Куча*, *Юргенчи*, *Туркустан* и другие), расселение народностей, кочевья, дороги. Л.А. Гольденберг доказал даже, что центральные, северные и южные районы Казахстана переданы на генеральной карте России крупнейшего картографа 20-30-х гг. XVIII в. И.К. Кирилова гораздо схематичнее, чем на обзорном чертеже С.У Ремезова[61].

Начало научных исследований в Центральной Азии в XVIII в.

С начала XVIII века, благодаря активной внешней политике и обновляющим реформам администрации Петра I значительно интенсифицировались исследования Центральной Азии. В Русском государстве издавна существовало стремление найти более короткий и удобный путь в богатые страны Востока и, в частности, в Китай и Индию. Петр понимал, что без детального исследования стран Центральной Азии невозможно реальное воплощение этого стремления в жизнь. В частности, он говорил: *Хотя-де оная Киргиз-Кайсацкая* [Орда. – А.П.] *степной и легкомысленный народ, токмо де всем азиатским странам и землям оная Орда ключ и врата*[62]. Он стремился налаживать и расширять торговые и дипломатические отношения как с самими центральноазиатскими ханствами, так и через них с Персией, Китаем и Индией. В петровский период каждые пять лет в Москву и Петербург прибывали посольства из Бухары и Хивы[63].

Одна из первых карт Центральной Азии петровского времени была обнаружена В.Н. Федчиной[64] в материалах Кабинета Петра I Российского государственного архива древних актов. Это *Чертеж водяному пути*, на котором в традициях старорусской картографии представлена вся территория Центральной Азии с Аральским морем, реками Сыр-Дарьей и Аму-Дарьей, Зеравшаном, городами на них и оросительной сетью из девяти каналов в дельте Аму-Дарьи. Ориентирован чертеж по востоку. В верхней его части у надписи «восток» цепью закрашенных холмов изображены горы. В нижнем правом углу схематично показана часть Каспийского моря, в которое разветвленной дельтой впадает Волга. Там же дано изображение крепости с подписью *город Астрахань*[65]. Некоторые исследователи связывают создание этой карты с известной экспедицией князя Бековича-Черкасского, направленной Петром Первым в Центральную Азию для отыскания пути от Каспия до Хивы и Яркенда[66]. Однако В.Н.Федчина показала, что вероятнее всего этот чертеж был составлен членами какой-то экспедиции, предшествовавшей походу Черкасского (до 1708 г.)[67].

Что касается экспедиции 1715-1716 гг., то поводом для ее организации было обращение Хивы за помощью русских в борьбе с соседними народами. Эта просьба была изложена официальным хивинским посольством под руководством туркмена ходжи Нефеса, прибывшем в Москву в 1713 году, причем, в случае предоставления помощи, хивинцы обещали отдаться во власть России[68]. Ходжа Нефес принял христианства и много рассказывал русским о золоте, которое, якобы можно было найти в долине Аму-Дарьи и о том, как узбеки перекрыли старое русло этой реки (Узбой), которое впадало в Каспийское мо-

ре, в связи с чем он предлагал русским разрушить дамбу и восстановить былое течение реки, создав, таким образом непрерывный водный путь, соединяющий Волгу (и, соответственно – Центральную Россию) с Центральной Азией.

В тоже время Петр I получил от губернатора Сибири князя Гагарина сведения о наличии золота в Малой Бухарии (Восточном Туркестане)[69]. Месторождения на Урале и в Сибири к этому времени еще не были открыты, поэтому рассказы Нефеса и информация Гагарина заинтересовали русского царя, который приказал снарядить экспедиции в Джунгарию под началом полковника Бухгольца (см. ниже) и в Хиву, под руководством Бековича-Черкасского. Однако основной задачей русской научно-военной экспедиции в Хиву была попытка Петра Первого обеспечить военное присутствие России в этих районах. Русский отряд под руководством Александра Бековича-Черкасского (который до поступления на российскую службу и принятия христианства был Девлетом Киздемом Мирзой, князем Кабарды)[70], в течение трех лет занимался топографическими съемками восточных берегов Каспия и постройкой укреплений, и лишь в июне 1717 года он двинулся в направлении Хивы имея в своем составе 3500 солдат, шесть пушек и обоз на 200 верблюдах и 300 лошадях.

Преодолев громадные трудности перехода по пустыням и упорное сопротивление местных жителей, не доходя около 200 км до Хивы Бекович в трехдневном сражении одержал решительную победу над хивинцами. Хан объявил себя полностью сдавшимся на милость победителей, и, войдя в доверие князя Бековича-Черкасского, предложил ему войти в Хиву и занять ее, предварительно разделив русскую армию на несколько частей для удобства ее снабжения и расквартирования. Как только ничего не подозревавшие русские сделали это, хивинцы напали на разрозненные части экспедиции и вырезали ее участников почти всех до единого. Хивинский хан послал голову князя Бековича эмиру бухарскому, который, отказался принять этот жестокий дар[71]. Добытые экспедицией сведения однако достигли России и сильно расширили представления о Центральной Азии. Во время экспедиции впервые были применены инструментальные методы съемки для составления карт этих районов.

В 1716 году Бековичем-Черкасским были основаны первые русские крепости на восточном берегу Каспийского моря в заливе Туб Кавараган и несколько южнее на месте современного Красноводска. Из-за неудачи похода на Хиву, русские в скором времени были вынуждены оставить эти форпосты продвижения в Центральную Азию[72]. Однако после победоносной войны с Персией в 1723 году, когда Россия присоединила к своим кавказским владениям Дербент, Баку, Гилан, Мазендеран и Астробад, ее позиции на Каспийском море снова укрепились.

Интересно отметить, что по окончании войны, когда Турция, недовольная столь значительными завоеваниями России на Кавказе, всерьез собиралась начать войну против империи Петра Великого, британский посол в Стамбуле старался убедить турок в том, что война с Россией не будет сложна для Османской империи, потому что она, якобы неизбежно должна привести к восстанию против Петра внутри самой России. Английский посол вступил в контакт также с Орликом, сподвижником известного врага Петра, гетмана Мазепы, находившимся в то время в изгнании на острове Салоники. Таким образом уже в этих интригах можно видеть начало того англо-русского соперничества на Востоке, которое впоследствии получило название *Большой Игры*[73]. Интриги англичан в то время однако ни к чему не привели, и мирный договор с Персией был подписан в 1724 году. А в 1725 году, чрез несколько месяцев после кончины первого российского императора, посол Петра Первого, итальянец Флорио Беневени (Florio Beneveni) проник в Хиву и был там хорошо принят.

На северо-востоке Центральной Азии Россия продолжала колонизацию новых земель. В 1719 году была построена крепость Семипалатная (Семипалатинск), а на следующий год подобный острог был возведен в Усть-Каменогорске (подробности основания этих крепостей и связанные с ними события см. ниже). Новый пограничный форт Оренбург был основан в 1735 году в устье реки Ор (где теперь находится город Орск), а к 1743 году он переместился на свое теперешнее место в слиянии рек Сакмара и Урала. В том же 1743 году был основан Троицк, а десятью годами позже – построен Петропавловск (1752). Таким образом к середине XVIII в. Россия создала большую укрепленную линию (Астрахань – Яицкий Городок [Уральск, 1620 г.], Гурьев (1645), отходящую от более древней сибирской линии (Уфа–Тобольск), отмечавшую ее зону соприкосновения с центральноазиатскими народами и обеспечивавшую базу дальнейшего расширения ее влияния и владений на всем протяжении от побережья Каспия вплоть до Китайской границы[74].

В 20-х годах XVIII в. в России создается ряд новых, относительно подробных карт Центральной Азии, большинство из которых осталось в рукописях. Одной из таких карт, составленной ко времени персидского похода 1722-1723 г.г. Петра I и обобщившей полученные к этому времени сведения, является рукописная *Карта Описание Каспийского моря и Усбекской страны с подле лежащими провинциями, с точно означены путешествия Царя и другия примечания достойныя вещи*[75]. Об иностранной копии этой карты писал еще в 1909 г. Л.С.Берг[76], а ее русский вариант был обнаружен В.Н.Федчиной[77]. На карте имеется следующая приписка: *Надлежит знать, что сия ландкарта взята с подлинника в большей формат сделанного и его Императорскому Величеству представленного по случаю посольства Российского в 1723 году в восточные земли еду-*

щего. И хотя положения некоторых областей не понравится многим искуснейшим Географам, однакож они и другие недостатки награждены примечания достойною разностию вещей многих любопытных политиков, для коих сочли мы за нужное издать в свет оную ландкарту.

На карте изображена вся территория Центральной Азии, тщательно вычерчены контуры морей, реки, озера; отмечены каналы, рельеф, дороги, границы. Дано много подписей, относящихся к городам, руслам рек, морям и содержащих краткие физико-географические и исторические сведения о них. Естественно, что никаких признаков китайского проникновения на территории, соседствующие с Центральной Азией, на этой карте нет. Река Аму-Дарья начинается в *Бадахшан царстве* и принимает по своему течению ряд притоков, в том числе Заравшан, на котором расположены города *Бухар* (Бухара) и *Кирмина* (Кермине). На самом юге расположено *оз. Бабтемир*, в которое впадают две реки, одна из которых *Мерверод* [Мургаб? – А.П.].

В 1730 г. шведом Страленбергом была опубликована за рубежом карта, на которой обстоятельно была представлена вся территория Центральной Азии (*Татарии*). Основой ее послужили личные наблюдения и материалы автора, полученные им в России до 1721 г. Попав в плен после Полтавского сражения, Страленберг (Табберт) был выслан в Сибирь, где имел широкие возможности для сбора сведений: он свободно общался с населением, изучал старые русские источники, участвовал в экспедиции Мессершмидта. Так же, как и на *Карте... Усбекской страны*, у Страленберга подробно показана гидрография Центральной Азии и, в частности, изображена река Аму-Дарья (под тремя названиями – *Аму*, *Гихун*, *Оксус*), берущая начало в горах Белур (Памир) и впадающая в Аральское море тремя руслами.

Современные исследователи в целом положительно оценивают карту Страленберга[78], но его русские коллеги XVIII в. относились к ней в основном отрицательно.Так, И.К.Кирилов писал, что Страленберг *будучи в плене в Сибири собрал больше с слов, нежели подлинною обсервациею; чему не дальнее доказательство, и всякому разсудить можно, гдеб он мог взять не токмо астрономических инструментов, но и математических, а хотяб и получил тайно то бы как он там ими стал явно действовать, будучи пленник, где народ тот час бы его за шпиона признал*[79]. Г.Ф.Миллер дополнил это замечание, высказав мнение, что карта Страленберга была сочинена *по словесным известиям, от других полученным, кои часто утверждались на весьма худых основаниях*[80]. Следует заметить, что эти суждения И.К.Кирилова и Г.Ф.Миллера в отношении территорий, представляющих для нас наибольший интерес (юго-восточные и восточные районы Центральной Азии), можно было бы адресовать не только карте Страленберга, но и всем другим картографическим произведениям, как русским, так и зарубежным, по той простой при-

чине, что в эти районы европейские путешественники, по сути дела, не проникали, и все сведения о них черпались лишь из рассказов *бухарцов*, т.е. азиатских купцов, посланников и т.п.

Китайцы в этот период знали об этих районах еще меньше. В 1711–1716 гг. миссионеры-иезуиты по заданию китайского императора провели обзорные картографические работы на территории Центральной Азии. На западе их «съемки» ограничивались линией г. Хами – оз. Убсу-Нур. К западу от этой линии, как справедливо подчеркивал английский исследователь Бадделей, *географические знания китайцев были равны нулю*[81].

В начале XVIII в. начался прерванный экспансией Цинского Китая процесс присоединения владений Казахстана и Центральной Азии к России. Уже в 1717 г. киргизские ханы Тявка, Каип и Абдул-Хаир обратились за помощью к могущественному северному соседу, а в 1732 г. Малая Орда принесла присягу русскому царю[82].

В сравнении с другими европейцами русские люди в этот период знали о Центральной Азии и Казахстане значительно больше. Особенно это касается северо-восточных районов Казахстана и прилегающей к ним Джунгарии. Еще в 1654-1658 г.г. посольство Байкова, следуя из Тобольска в Пекин, прошло по Джунгарии на реки Аблайкит, Базар и Черчу, южнее озера Зайсан и далее – верховьями Иртыша[83].

В начале XVIII в. русские поселения продвинулись до Иртыша и это привело к более регулярным сношениям с Джунгарией. Как отмечалось ранее, в 1713 г. сибирский генерал-губернатор Гагарин и туркмен Ходжа-Нефес одновременно сообщили Петру Первому о золотых россыпях в верховьях Аму-Дарьи в городе Эркети (Яркенде). Это сообщение послужило поводом организации уже упомянутой экспедиции А. Бековича-Черкасского, который должен был исследовать южный путь (через Хиву), а также – экспедиции подполковника Бухгольца – по северному пути. Последняя экспедиция хотя также не достигла основной цели (Яркенда), но имела большое значение для освоения Прииртышья и получения информации о Зайсане и верховьях Черного Иртыша.

Отряд в 3000 человек под командованием подполковника Ивана Бухгольца, поднялся на судах в 1715 году из Тобольска вверх по реке Иртыш к озеру Ямышеву, где русские построили укрепление. Десятитысячный отряд калмыков под предводительством Черина Дондука в феврале 1716 года осадил форт, в результате чего русские потерпели жестокое поражение; Бухгольц с остатками отряда были вынуждены оставить крепость и лишь 700 из них смогли добраться до устья реки Оми, где в 1716 году русскими была основана Омская крепость[84]. В 1717 году подполковник Ступинин построил Железнинскую и Ямышевскую крепости, а в 1718 году – Семипалатную крепость (город Семипалатинск). В 1717 г. Калмыков с отрядом в 100 человек добрался до озера Зайсан и осмотрел его[85].

Более детальные исследования озера Зайсан и верховий Черного Иртыша были проведены членами экспедиции майора М.И. Лихарева, посланного в 1719 г. в Тобольск по делу бывшего сибирского губернатора М.П. Гагарина. Помимо разбора злоупотреблений губернатора, Лихареву предписывалось подняться по Иртышу до Зайсана, построить крепость, разведать путь до Яркенда и узнать, есть ли там золото. Для съемки течения Иртыша и озера Зайсан в команду М.И. Лихарева были включены П. Чичагов, И. Захаров и инженер-капитан от артиллерии Летранж. В мае 1719 г. Лихарев отправил на Иртыш экспедицию во главе с капитаном Урезовым (Урасовым или Урусовым по Миллеру). По журналу экспедиции, обнаруженному в 1966 году Е.А. Княжецкой, было установлено, что Урезов выполнил инструментальную съемку реки Иртыша. По итогам этой экспедиции П. Чичагов составил карту[86]; эта карта введена в научный оборот Е.А. Княжецкой[87].

В 1720 году генерал-майор Лихарев с отрядом прошел Зайсаном и верхним течением Иртыша (Черным Иртышом), был атакован двадцатитысячным отрядом калмыков, заключил с ними мир, а на обратном пути заложил Усть-Каменогорскую крепость. Помимо двух правительственных экспедиций начала XVIII века (Черкасского и Бухгольца) в этот период был предпринят целый ряд поездок различного характера (посольства, торговые миссии, военные рекогносцировки) по инициативе местных сибирских властей. В частности, русские чиновники и офицеры неоднократно направлялись в Джунгарию. Так, тобольский дворянин Трушников был послан Гагариным в 1713 г. через *Бухарию* (т.е. Восточный Туркестан) в Китай на поиски *песочного золота*. Он добрался до Куку-Нора и Алтын-Гола и возвратился в 1716 г. Во владениях контайши побывали также: поручик Трубников (1716-1717 г.г.); сотник Черезов и тобольский дворянин Етигор, задержавшиеся в Джунгарии пять лет (1716 -1721 гг.); сын боярский Маремьянинов (1717-?); тобольский дворянин Вельянов (1717-1718 гг.), который представлялся контайше на реке *Харкир* под горою Музарт, а прощался с ним в обыкновенном зимнем его кочевье при реке *Коргос* (Хоргос) под горою *Талки*; капитан Унковский (1722-1723 гг.[88])

Добытые в этих поездках сведения, а также расспросы сибирских *бухарцов* позволили Г.Ф. Миллеру в 1734 г. обстоятельно писать о *Малой* и *Большой* Бухарии (т.е. о Восточном и Западном Туркестане), о городах *Еркени* (Яркенде), *Кашкаре* (Кашгаре), *Аксу*, *Хошоне*, *Карьи*, *Турфани* и *Хамыле*, об *Урге*, о реках *Или*, *Текесе* и *Коргосе* (Хоргосе), об озерах *Балхаше* и *Лоп*, о горах *Музарт* и *Музтаг*[89].

Накопленные русскими и их среднеазиатскими информантами сведения о Северном Туркестане в этот период нашли отражение на *Специальной карте Колмыцких территорий Контайши, составленная в 1722 – 1723 гг. во время визита капитана артиллерии Унков-*

ского к контайше, снятая геодезии студентом Путиловым. (Рис. 6. Карта, составленная по сообщениям тобольского дворянина Федора Трушникова, бухарца Муллы Калпета, бухаретинина Мулланузрека, сбежавшего из тюрьмы контайши, жителя Тобольска Григория Яцкова, краноярского дворянина Ильи Начивочникова и многих жителей Борабнинского. – Cette carte a eté dresseé fur le rapport de Theodore Trouchnicov Gentilhomme de Tobolsk, de Boucaret Moulla Calpeta, de Boucaretenin Moullanourzek, echapé de la prizon de Contachie, de Gregoire Yatscov, habitant de Tobolsk, d'Elie Nachivochnocov, gentilhomme de Krasnoyar, et de Plusieurs habitans de Borabninski. Par Pierre Tchitchagoff ingenieur. Из коллекции Ж.-Н. Делиля в Национальной библиотеке Франции. Шифр: 17683. ROs GeBB. 124 {153}. Публикуется впервые). Карта была поднесена Петру Первому в 1724 г., но, будучи рукописной, осталась малоизвестной современникам.

К карте было составлено *Изъяснение*, вывезенное из России в 1740-х годах академиком Ж.-Н. Делилем. Следующий текст этого *Изъяснения*, обнаруженный нами в Национальном архиве Франции в Париже, свидетельствует о том, насколько значительный материал о Центральной Азии был собран Унковским и его геодезистами.

Изъяснение ландкарты

1. Ясы город Бухарской, в котором около 1000 дворов.

2. Сайрам город Бухарской меньше Ясы.

3. Ташкент город Бухарской весма людной.

4. Самархан город Бухарской людной.

5. Ходжянт город Бухарской.

6. Балх город Бухарской близ реки имянуемой Аму Дарья.

7 Бадакшан город Бухарской. Примечание, вертикально: *сии 7 городов от самой Бухарии лежат к Востоку.*

8. Андиджан город Бухарской а ныне в подданстве зенгорском.

9. Город Шараголь, и народ тем же именем, мухаметанского закона, в подданстве зенгорском.

10. Горы Мустак во владений Индийских.

11. Еркень город Бухарской, весьма людной и он во владении зенгорском, тамо родится шелк, бумага хлопчатая и делают из шелку парчицы, а из бумаги бурмети и выбокийки [?].

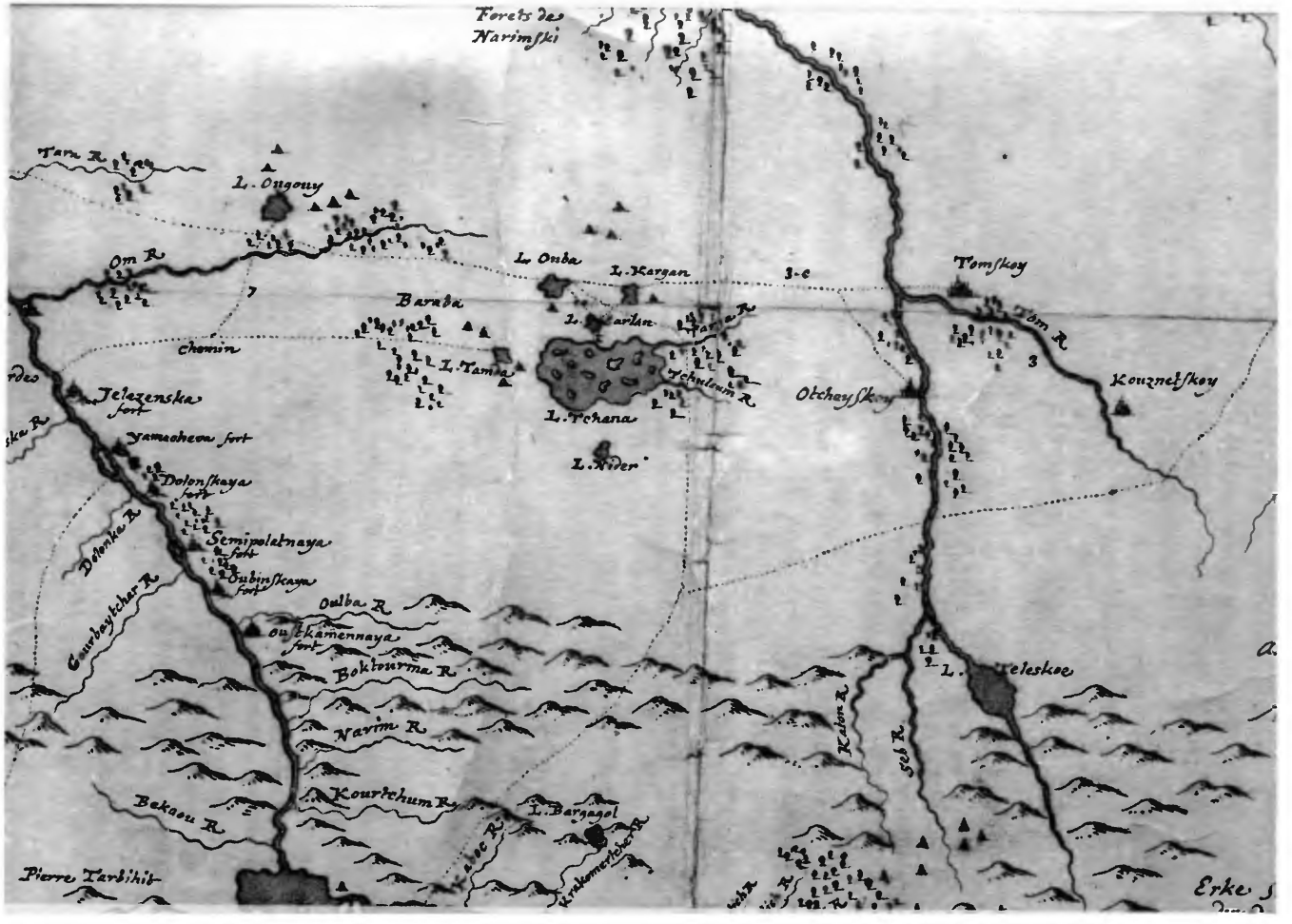
12. Город Хотони Хотон бухарской во владении зенгорском, тамо родится яшма и вывозится в Ындию.

13. Город Керея Бухарской во владении Зенгорском.

14. Кашгар город Бухарской меньше Еркеня, и ныне во владении зенгорском, там родится то, что и в Еркене.

15. Город Иош (или Очь) бухарской а ныне во владении зенгорском. Тамо много медных руд, и из оной делают медь. Там же есть натуральный нашатырь.

16. Город Аксу бухарской, во владении зенгорском.


Forets de Narimski
Tara R.
L. Ongouy
Om R.
L. Ouba
L. Kargan
Tomskoy
Tom R.
Baruba
L. Tamin
L. Tchana
Tchoulym R.
Otchaysk
Kouznetskoy
Jelezenska fort
Yamacheva fort
Dolonskaya fort
Semipolatnaya fort
Oubinskaya fort
Oulba R.
Oukamennaya fort
Bokhourma R.
Narim R.
Kourtchum R.
Bekasu R.
L. Bargagol
Pierre Tarbihit
L. Teleskoe
Kolon R.
Sos R.
Erke

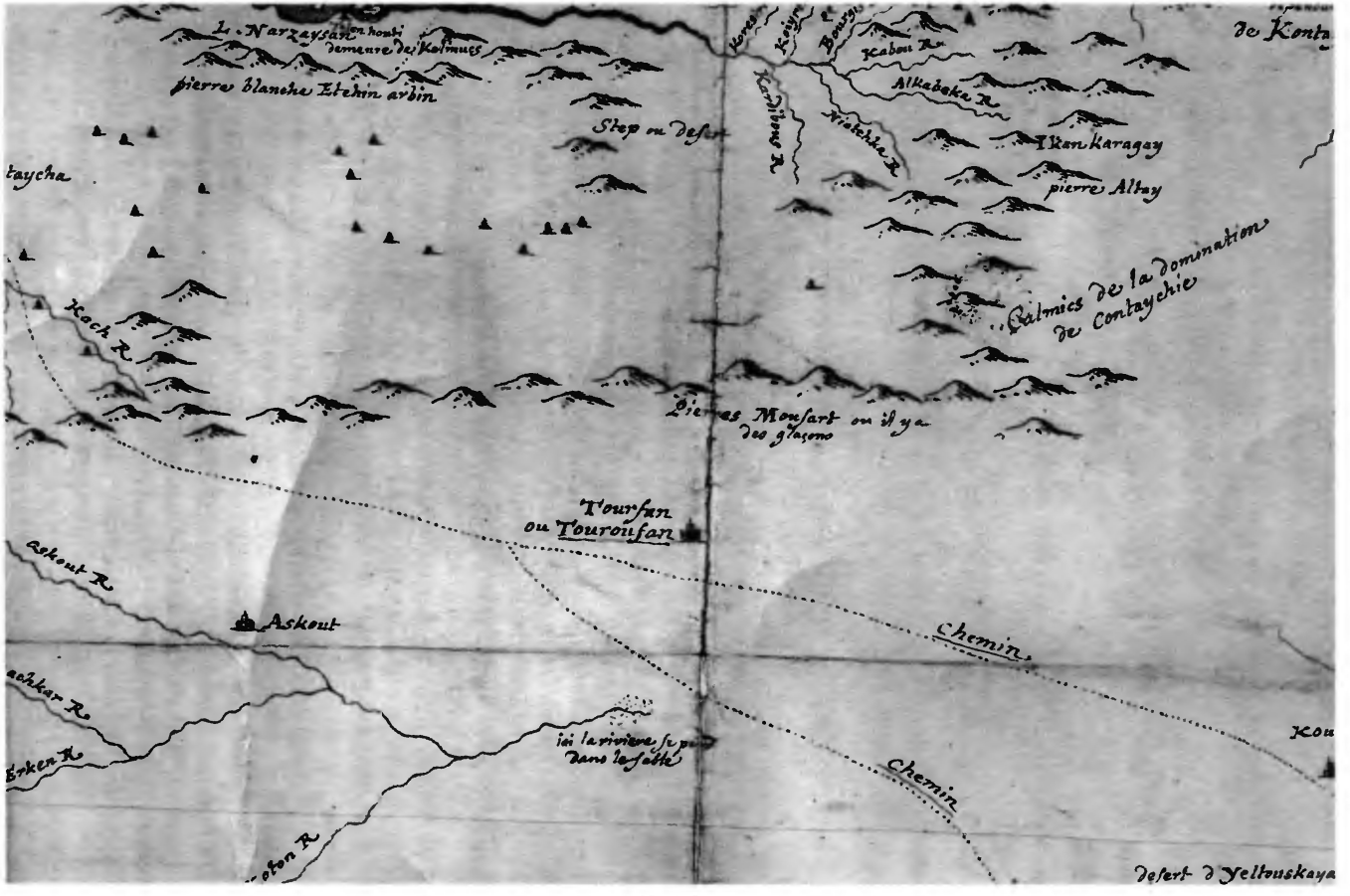

L. Narzaysan
pierres blanches Etchin arbin
Step ou Deser
taycha
Koch R.
Pierres Mousart ou il y a
des glaçons
Tourfan
ou Touroufan
Askout R.
Askout
Chemin
achkar R.
Broken R.
ici la riviere se p
dans le sable
Chemin
Kabou R.
Alkabeke R.
Ikan karagay
pierres Altay
Kalmics de la domination
de Contaychie
Desert d Yeltouskaya

Рис. 6.

17 Город Куца бухарской, ныне во владении зенгорском. Тамо делают свинец.

18. Алакуула, (то есть пестрые горы) напредь сего за теми горами кочевал калмыцкой народ имянуемый торгоут; которые ныне в подданстве российской империи, и обитает между Волги и Яика рек.

19. Лоб нор (или Лоп озеро) как от китайцов, так и от зенгорцов слышно, что на нем есть несколько островов, на которых обитают люди дикие, и тех людей китайцы и зенгорцы, каждые называют своими.

20. Гора Бокдо (то есть Бог) о которой слышно, что зело высокая, и от идолопоклонников освящена их идолом, и для того ис тангут, ис мунгал и от коконорских калмык, имянуемых хошоут, и зенгорцов, многие съезжаются и жертвуют своим идолом.

21. Город Турфан бухарской, и был там особливый хан, которой пленен зенгорским Бошиктуханом и во время владения помянутого Бошиктухана, и по нем племянника ево Хонтайжи Цаган Араптана, держался в горах под арестом; а посмерти онаго Хонтайжи, сын ево емевшийся владетель, Газдан Черень, испод ареста свободил и ныне он живет при нем, а из Турфана жителей вышеписанной Хонтайжи пред смертью своею занедолго вовремя от китайских приходов перевез в город Учь. А тамо осталось малое число, в тех из городов во время нынешней войны приняли китайцев.

22. Город Хамиль бухарской в китайском подданстве.

23. Урочище Бар Коль, ныне тут пребывает противу зенгорцев китайская армия, и недавно тамо китайцами построен город.

24. Хайнук имянуемые сад, зенгорского владетеля, а внем виноград, и разные плодовые дерева.

25. Гудза такой же сад зенгорского владетеля.

26. Река Иля, при которой кочует зенгорский народ.

27 Джуртус урочище, на котором имеется зенгорская застава для китайских приходов.

28. Гарма урочище, на котором их же застава для российских приходов.

29. Река Цюй, по которой их же застава от киргис касацких набегов[90].

Помимо воспроизведенной нами карты (рис. 6), а также карты и описания капитана Унковского, в фонде Ж.-Н. Делиля Отдела карт и планов Национальной библиотеки Франции хранится уникальная копия большой карты Бухарии (размер – 1060×820 мм) капитана Дубровина, составленной 1 июля 1730 года[91], ни одного экземпляра которой нам пока не удалось обнаружить в фондах архивов и библиотек России.

Поскольку эти две карты и описание Унковского оказались в коллекции Ж.-Н. Делиля, совершенно очевидно, что эти материалы в какой-то степени стали использоваться при составлении и издании об-

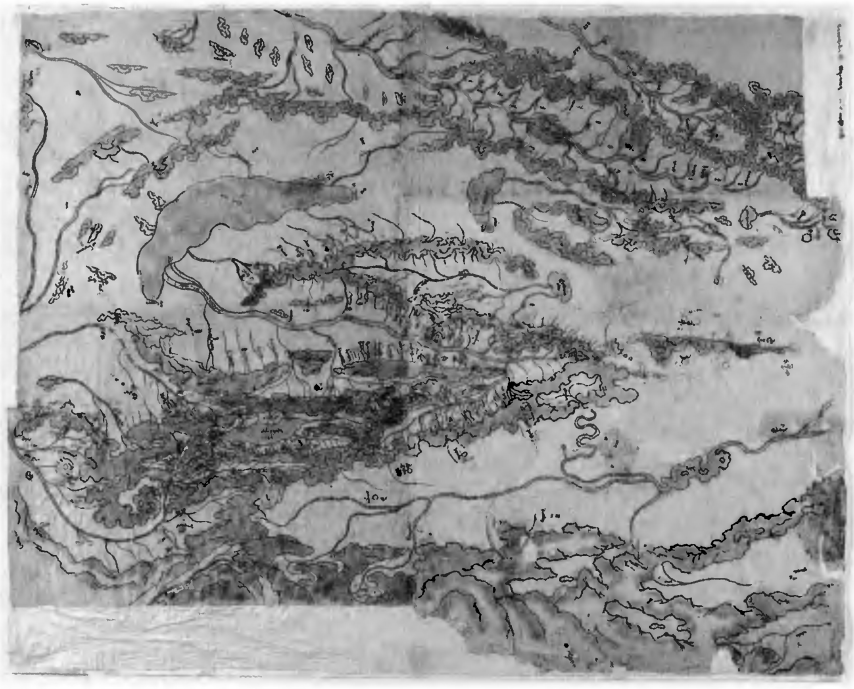


Рис. 7. Карта Рената из Библиотеки Университета в Упсале.
Версия А. (без надписей) Renat A. - Uppsala University Library.

зорных карт Азии, созданных после приезда во Францию Ж.-Н. Делиля (т.е. после 1742 года). Однако прямых упоминаний этих материалов среди источников французских карт того времени нет. Сама же карта Унковского была опубликована лишь в конце XIX века в факсимильном издании А. Ильина, а также дана в приложении к книге Бадделея[92]. На карте Путилова–Филисова изображены озера Зайсан и Балхаш, реки Или и Черный Иртыш.

Имеется еще одно картографическое произведение, созданное непосредственным участником русских экспедиций начала XVIII в. в Джунгарию, но имевшее, очевидно, еще меньшее влияние на формирование географических представлений об этой территории, чем карта Путилова. Речь идет о *Карте Джунгарии*, составленной шведом Иоганном Густавом Ренатом, участником экспедиции Бухгольца, плененном калмыками и находившимся у них с 1716 по 1733 год. Из географов XVIII в. *Карту Джунгарии* Рената видел лишь Ж.-Н. Делиль во время краткого пребывания И.Г Рената в Петербурге на пути в Швецию. В Швеции карта была затеряна и обнаружена лишь в 1879 г. в копии 1738 г. в Линчепигской королевской библиотеке в Стокгольме[93]. (Рис. 7, 8, 9).

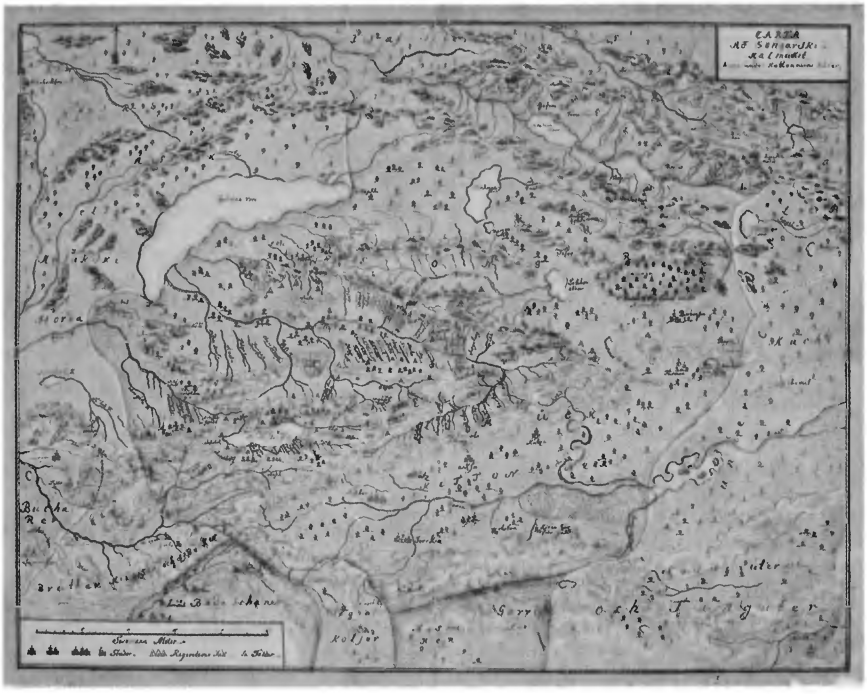


Рис. 8. «Карта джунгарских калмыков», или «Джунгарская карта Рената». Версия А с надписями. Renats egen renritning av A. - Uppsala University Library.

Естественно, что сведения Рената и других участников русских экспедиций в Джунгарию в начале XVIII в. не могли быть использованы в полной мере для составления обзорных карт Центральной Азии. В частности, одна из наиболее детальных карт этого района, созданная в 1737 г. королевским географом Франции Д'Анвиллем и включенная им в *Новый атлас Китая*[94], показывала западные районы Китая до Хами по съемкам иезуитов 1711 – 1716 г.г., а районы независимых центральноазиатских владений к западу от линии города Хами – озеро Убсу-Нур по данным Птолемея, которые автор пытался увязать с некоторыми новыми сведениями, в том числе почерпнутыми из русских источников. Из последних у Д'Анвилля в то время, по-видимому, имелись в распоряжении лишь обзорные опубликованные материалы, в частности, на ней усматривается влияние общероссийской карты И. Кирилова[95]. Характерно, что даже в академическом *Атласе Российском*... 1745 г. не нашли отражения итоги русских экспедиций начала XVIII в. в Джунгарию и других рекогносцировочных работ: Центральная Азия на Генеральной карте этого атласа показана схематично, длины рек Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи значительно приуменьшены. Такое схематичное изображение на Генеральной карте Атласа территории Центральной Азии, сведения о которой

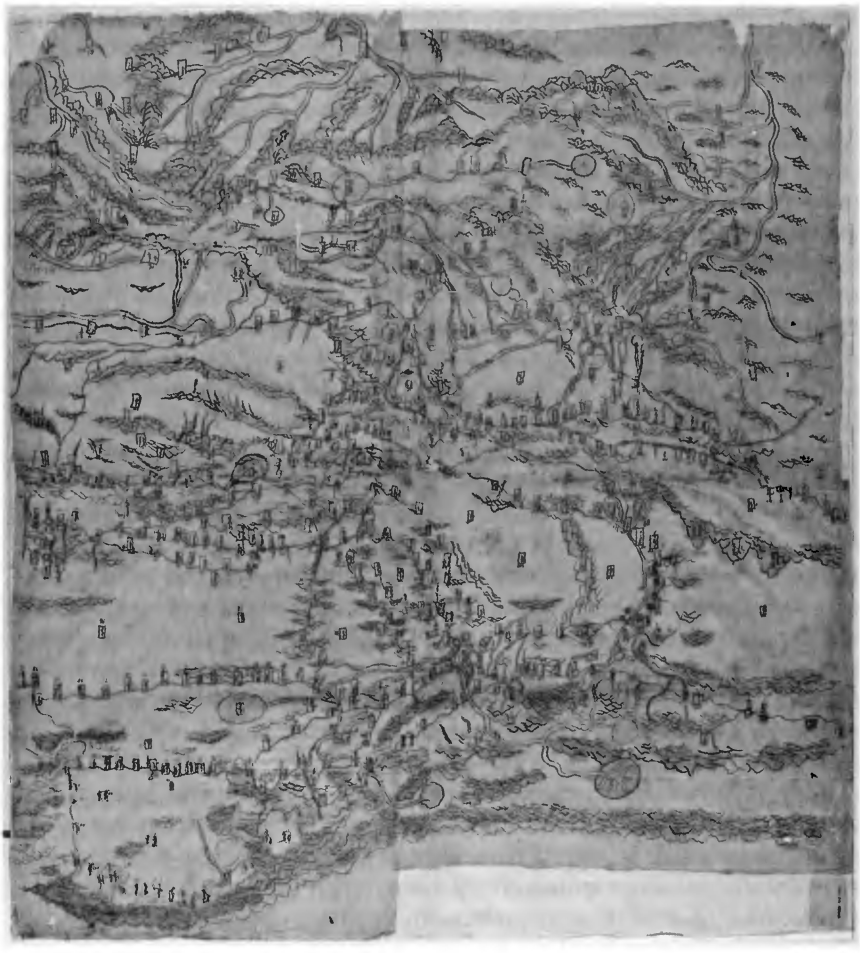


Рис. 9. Карта Рената, версия В, представляющая собой, по-видимому, копию маньчжурской карты части Центральной Азии. (Билиотека Университета в Упсале). Renat B. - Uppsala University Library.

в России в этот период были значительно полнее, можно объяснить тем, что в основу этой карты положены главным образом детальные работы геодезистов петровского времени, их первые съемки; Центральная Азия в этот период не входила в состав Российской империи, и там, естественно, не могли проводиться систематические работы. Более новые материалы о пограничных землях считались секретными и не могли быть использованы при составлении Атласа, как официального открытого издания.

На рукописных картах, составлявшихся на местах для нужд местной администрации, Центральная Азия изображалась более подробно и достоверно. Так, в 1744 г. при *Оренбургских Географических делах*

был создан рукописный *Атлас Оренбургской губернии*, состоящий из 13 карт; на двух из них отражена территория Центральной Азии[96]. Первая, наиболее общая, называется *Ландкарта генеральная всей Оренбургской линии со внесением как части Казанской и симбирской губерний и прочих азиаческих владений – так и ведомству Оренбургскому принадлежащих мест.* Аму-Дарья на этой карте показана вытекающей из озера, расположенного под 46° с.ш. (на самом деле она начинается в озере Зор-Куль, находящимся под 37° 20' с.ш.). В верхнем течении, согласно *ланд-карте*, она принимает ряд безымянных притоков, ниже – реку Зеравшан, протекающую через озеро. На карте нанесены границы отдельных районов (владений): *Аральское Владение, Самарканд, Бухария Большая, Хивинское Владение, Каракалпаки.*

В 1752 г. в Оренбурге геодезисту Ивану Красильникову было поручено на основе имевшихся материалов составить новую Генеральную и 10 специальных карт Оренбургской губернии. В 1753 г. карты были присланы в Географический Департамент Академии наук. По мнению В.Н. Федчиной, в основе этих карт лежал рукописный Атлас[97]. Позднее Красильников составил еще две карты, представляющие территорию Центральной Азии. Одна из них называется *Карта генеральная Оренбургской губернии и смежных с ней мест, из которых простирающееся в полуденну Азию по обстоятельствам комерций оной губернии нарочно до самого Индостана показаны*, вторая – *Карта приобщенная на которой наибольшая часть Каспийского и Аральское море со смежными к ним местами представлены.* Обе датированы 1755 г.[98]

Территория Центральной Азии на указанных картах представлена по рукописному Атласу 1744 г., однако Красильников полнее использовал старые материалы и внес ряд новых сведений. В частности, более верно показаны истоки Аму-Дарьи (она начинается в горах на востоке, на 35° 31' с.ш.; отмечено крупное озеро в ее верховье)[99]. Не исключено, что Красильников использовал также данные других поездок в степь, например капитана Яковлева, инструкция которому гласила следующее:

1752 году сентября 19 дня воисполнение выше изображеннаго Ея Императорскаго Величества Указа присланнаго из государственной коллегии иностранных дел от 31 минувшаго августа к господину тайному советнику кавалеру и Оренбургскому губернатору Неплюеву и ордира Ево господина тайнаго советника и кавалера от 2 сего сентября при котором оной сюда прислан, в Оренбургской губернской канцелярии определили, для приглашания и вызову сюда означенных из зюнгорских калмык выезжих и в киргис кайсацкой средней орде в ведомстве Аблая салтана находящихся зюнгорских нойонов или владелцов Дабачи, и Амурсаняна к Ваблай салтану, предписаннаго капитана Яковлева отправить немедленно придав ему отсель ис переводчиков калмыцкаго Ивана Ерофеева

татарскаго Усмана Арасланова и двух здешних казаков татарской язык знающих, ибо что принадлежит до калмыцкаго то оному при нем Яковлеве за нуждно признавается быть в разсуждении сего что может быть те нойоны татарской язык знают а может быть яко калмыки и не знают или хотя и знают да несовершенно, и ежели б в случае недостаточнаго их знания онаго без своего чрез чужаго знающаго калмыцкой язык привлекла нужда изъяснительно с ними говорить то б не так надежно быть могло и тому ж когда они такого их язык знающаго увидеть которой как то он Ерофеев яко природной калмык говорить с ними может то сие и им милее быть имеет, и они чрез него лучше уверен быть и откровеннее говорить и поступать могут. Он же Ерофеев яко бывалой уже в зюнгорах и знающей тамошнии нравы и обыкности особливо к тому делу способен токмо для отнятия у оных нойонов предписаннаго в ордире от гос-на тайнаго советника сумнительства в разговор с ними о христианском законе вступать не велеть, но о природе своей ежели придет случай к разговору отозвается что он русской от калмычки в Яицком городке рожденной где, и быв немалое время в Астрахани между калмыками и калмыцком языку також и грамоте их толе достаточно случаи имел научится и для того с ним Яковлевым как к Аблай салтану так и к ним нойонам по приобщенным при указе из гос-ой коллегии иностранных дел формам писать, а дабы ему Яковлеву при первом случае между тем доколе дойдет до разговору об них нойонах была материя потому как на него в письме сослано с ним Аблай салтаном и с протчими говорить, для того сверх онаго по здешним нынешним обстоятельствам в разсуждении Троицкаго торгу дать ему Яковлеву приложенную присем записку, которая и для сего небеспотребна быть разсуждается, что о Троицком торгу (о коем в том из государственной коллегии иностранных дел форме единственно писано) к нему салтану от сюда уже неоднократно писано и потому б он о содержании того письма сумнения невозъимел, а материя к тому есть ныне сия что сего лета ехавшие в Троицкую крепость кашкарския купцы в киргиских улусах одержаны были и приметки и нападении имели, а ему Яковлеву притом отправлении для лучшей сего дела скрытности

Словесно и секретно с подпискою следующее наставление дать,

1е чтоб он прибыв к Ваблай салтану принадлежащем ему от брегадира Тевкелева поздравлении содержание коммисии своей сперва как ему так и протчим в том только и объявлял, как к нему от реченнаго брегадира будет писано чего ради с того письма дать ему Яковлеву копию а из-за того б он Яковлев приласкиваясь к нему Аблай салтану и сколько возможно привлекая ево к себе в любовь как у него так и у других разведывал в коих улусах между киргис кайсаками они нойоны находятся яко на Уйской линии и после сперва

бывших известей разныя ис киргис кайсацкой средней орды выезжия подтверждали что они в той орде и в ево Аблаевом ведомстве и как о том заподлинно уведает то ему у него Аблай салтана просить и всячески старатся дабы он яко верноподданной Ея Императорскаго Величества, ево Яковлева до них нойонов собою или дав особых надежных провожатых препроводил и с ними ему видется случай доставил, обнадеживая его что сие ему вменится в услугу и он зато награждением оставлен не будет а для лучшаго ево к тому обязательства и ныне к тому салтану от имяни реченнаго брегадира сукна кармазиннаго трех рублеваго на кафтан пять аршин да на шапку лисицу ценою рублев в дватцать или хотя и с лишком с ним ж Яковлевым послать а понеже пред сим в июне месяце сего году к помянутому салтану отправлен отсюда казак Матвей Арапов для разведывания об оных нойонах того ради писать ему Яковлеву случая с ним Араповым (ежели он от толь невыехал) повидаться и от него что он будучи там [в] *орде видел или чрез людей разведал осведомится и потому в сей порученной ему коммисии якоже и в протчих делах чего по тамошним обстоятельствам высочайшей Ея Императорскаго Величества интерес будет требовать пристойные меры брать а онаго Арапова ежели он в орде* [то] *удержать* [ево] *при себе, для сего что б в таком случае когда нужда позовет отправить сюда с репортом то отправить ево для обстоятельнаго о всем уведомления, а ежели он повстречается в Троицкой крепости или сюда ближе то ево не удерживать, но для обстоятельнаго уведомления велѣть возвратится сюда как возможно поскорее;*

2е как он Яковлев по выше писанному возъимеет случай их нойонов видеть, то ему во-первых отдать им выше помянутое брегадира Тевкелева письмо и по силе оного всячески ж простиратся уговорить их чтоб они поехали с ним в Оренбург накрепко их обнадеживая что они здесь по тех только пор при всяком удовольствии быть могут пока им самим будет надобно, и какия бы об них от зюнгорскаго владельца требования впредь ни воспоследовали оные в разсуждение никогда приняты и они потому выданы ему не будут и в том ежели востребуется и присягу им учинить может; чего ради из того письма дать ему Яковлеву копию ж (а сверх того ему Яковлеву копию ж) а сверх того ему Яковлеву при удобном случае первому из них а имянно нойону Дабачи искусным образом и наедине внушить и то что ежели он в здешнею сторону ныне прибежище свое возъимеет то может быть подастся впредь случай чрез здешнею помощь учинить ево яко ближнего наследника и сего зюнгорскаго народа владельцом, а между тем могут они ежели пожелают сами иметь пребывание свое в здешнем подданном торгоуцком народе или и в резиденции Ея Императорскаго Величества; а между тем искать случая и киргис кайсацких Аблай салтана или других из

старшин кто для того надежен и способен усмотрится в помощь себе и склонению их нойонов по оному приличным ласкательством а ежели нужда потребует то некоторыми по разсмотрению своему и подарками привлечь, а особливо известного Джалбек тархана сына ево Даут тархана ж которой ныне в народе не меньше отца почитается и как известно к службе Ея Императорскаго Величества усердным себя показует чего ради в запас ежели нужда потребует о всяком ему Яковлеву споможении и письмо от брегадира Тевкелева под видом той же материи выше помянутая записка приложена к ним дать, обнадеживая их что сие не только в услугу их Ея Императорскаго Величеству но и особым зато награждением оставлены не будут, и тако ему Яковлеву крайнее старание возъиметь, их нойонов удобовозможным образом приласкав как возможно прежде наступающаго ныне зимняго времяни в ближние крепости куда будет способнее вызвать и буде они нойоны к езде сюда склонятся то их со всеми теми коих они при себе имеют, или кого взять похотят не откладывая ни мало испрося у Аблай салтана или у других из старшин надежных провожатых и действительно сюда на Уйскую линию к Троицкой или другой крепости и в которой ближе случится со всякою ласковостию весь довольствуя с отъезду их пищею как в улусах кайсацких так и по выезде на линию даже до самого Оренбурга по обыкновению их уже все от себя без всякой нужды как же в которую крепость прибудут то и командиру оной объявить дабы их яко знатных владелцов принял и у себя угостил с ласковостию а от оной линии ехать ему прямо чрез башкирь имея по довсех подводы от места до места переменныя;

3е при том же будучи ему Яковлеву и осем разведывать с каким намерением они нойоны в киргис кайсацкую орду прибежали и оставались, и чего из зюнгорскаго владения о себе ожидали или чему впредь быть чаяли, и как их киргис кайсаки принимали и почитали и что об них чинить разсуждали. Так же и о протчих зюнгорских обстоятельствах как внутренних так и о внешних и какия в которую сторону от нынешняго зюнгорскаго владельца намерения или предприятий есть и что когда в той ево коммисии происходить будет тому всему для памяти хотя краткую записку иметь с которой бы по возвращении своем здесь обстоятельно мог изъяснить ежели ж он Яковлев будучи тамо усмотрит что оных нойонов от туда вызвать сюда никакими представлениями невозможно а паче когда они живучи в киргис кайсаках усиливаются, тогда ему Яковлеву употребить удобо вымышленное старание о сем что б Аблай салтану и другим тамошним владельцам и старшинам оных нойонов подозрительными учинить и истолковать, что ежели они в их улусах утвердятся и усилятся, то ис того не только им владельцам и знатным старшинам, но и всему киргис кайсацкому народу великие затруднения и опасности могут произойтить, и что будет у него

Яковлева происходить о том ему сюда как возможно чаще репортовать. Которые свои репорты посылать ему по способности в Троицкую или и в другие тамошние крепости чрез киргис кайсаков обещая им за отвоз награждение от командиров тех крепостей, а буде что явится нужное ко уведомлению в таком случае доносить и с нарочным от себя, которому для провожания нанимать киргисцов как вышеупомянуто. А чтоб тамошние крепостные командиры по сообщениям ево Яковлева исполнение чинили о том об их тамошних дистанцей к командирам послать указы;

4е а чтоб ему Яковлеву о нужности и важности сей порученной ему коммисии совершенное знание и понятие иметь, для того вышеозначенной Ея Императорскаго Величества указ присланной к реченному гос-ну тайному советнику и кавалеру со всеми имеющимися при нем приложениями здесь у секретных дел вычесть, а затем взять у него подпись дабы он содержание онаго имел в вышшем секрете как то и оной Ея Императорскаго Величества указ точно повелевает;

5е для той их посылки как на содержание тамошнее так и на протчия путевыя их нужды выдать им здесь, а имянно ему Яковлеву сорок, а переводчикам по дватцати, казакам же по пяти рублев каждому и того всем девяносто рублев, им же всем на сию сентябрьскую треть занадлежащими вычеты выдать окладное их жалованье кроме Яковлева жалованья ис казначейской канторы, а Яковлеву жалованье ис крикс комисарскаго здешняго правления записав в расход с роспискою потом в ту кантору и вооное правление прислать указы и то их отправление учинить чрез Троицкую крепость до которой велеть им ехать на переменных же подводах о даче которых как вперед так и в возвратной оттоль их проезд снабдить их подорожною, а по прибытии их в Троицкую велеть майору Ренненкамфу ему Яковлеву придать и из башкирцов тамошних надежных двух в том числе катайш(ск)ой волости (власти) Абдуллу которой не только наперед сего в киргис кайсаках бывалой но и с Ваблай салтаном имеет дружбу на собственных их лошадях и кто пошлется то и тем для оной посылки в подмогу выдать тамо ис казны деньгами рублев по пяти, понеже они поедут на своих лошадях, им же для препровождения до Аблай салтана и ис киргисцов приезжающих на тамошней торг человек двух надежных приговорить которые б им в дороге безопасными товарищами быть могли чего ради и им киргисцам можно дать в награждение по портицу сукна ценой аршин по рублю, а для езды им в степи и тою ордою тамож ему на торгу купить и ему Яковлеву дать с роспискою под каждаго по одной да под вьюки четыри и того девять лошадей способных и к той езде надежных киргиских на губернския ж казенныя деньги сообъявлением чтоб их имел в бережении и оттудаб вывел обратно. Ему ж Яковлеву велеть будучи в той орде ежели в порученном ему деле на-

дежду и успех увидит и в особливых Аблай салтану и протчим подарках надобность усмотрит, то оные употребить того ради в той же Троицкой крепости купить на то надобных вещей и отпустить с ним Яковлевым рублев на сто, а ежели и сверх того что потребуется и усмотрится ис того вооной комиссии успех и польза, то чрез нарочно посланнаго от себя и особливо поблизости от него майора Рененкамфа рублев на пятьдесят или и на сто потребных вещей еще требовать почему ему Рененкамфу и отпустить и все те как здесь так и тамо определенныя расходы яко по особливому указу и случаю востребовавшиеся и до положенной от правительствующаго сената на киргис кайсацкие дела трех тысячной суммы непринадлежащия числить на щет чрезвычайных расходов потом к нему Рененкамфу послать указ, а о командировании башкирцов исецкую правинциальную канцелярию особым указом же определить яко он бы в ее ведомстве состоят;

6е что принадлежит до предосторожности по здешней линии то хотя об оной и прежде сего как от оренбургской губернской канцелярии так и особливо по воинской здешней команде много кратные и довольныя подтверждений повсюду чинены были. Однако для лучшей вооной исправности как вверх так и вниз по Яику и на Уйскую линию командиром дистанцей яко ж и к войску яицкому сообъявлением что по некоторым нынешним обстоятельствам в подкрепление ее повсюду особливая настоит нужда и еще и наикрепчайшими указами подтвердить дабы при всех крепостях и редутах и других фарпостах как частыми и бесперерывными разъездами так и всеми имеющимися при оных караулами неприятельских приходов и воровских подбегов неусыпно смотрели и к недопущению оных на внутреннюю сторону везде крайнюю предосторожнось имели нежели где усмотрится в таком бы случае не только отпор но и поиски по воинским регулам и по преждепосланным указом и генералитецким ордирам без наималейшаго упущения чинить и тако б подданных Ея Императорскаго Величества ни до какого вреда а их до удачи отнюдь недопущали под опасением за оплошность неупущаемаго штрафа, по указом;

7е о всем том в Сибирь к имеющему тамо над воиски команду брегадиру Крофту от брегадира Тевкелева писать, истребовать сего ежель оной капитан Яковлев с вышеписанными владельцами выедет на тамошнею линию то б принят и препровожден был против вышеписаннаго ж, а к господину тайному советнику и кавалеру Неплюеву с нарочноприсланным от него каптенармусом Резановым репортовать, каптенармусу ж Резанову приказать дабы он ежели реченной господин тайной советник и кавалер, из Санктпетербурга прежде приезда ево выедет наблюдал в пути ево встретить и не разъехатся;

Петр Рычков[100].

Значительный объем информации о Джунгарии, других зарубежных владениях и экспансии маньчжуров оренбургское начальство получало от бежавших из тех стран калмыков и представителей других местных народностей, которые все более ощущали на себе усиливающееся присутствие маньчжуров. Ниже приведена копия архивного документа, в котором собраны материалы, полученные в результате допроса таких беглецов.

Секретно

Журнальная записка сообъявлением выбегших на сибирския линии ис китайского плену бывшаго зюнгорскаго народа калмык Тохоя с товарищи о заграничных обращениях.

1. Бывшей зюнгорской землице по реке называемой Илю назат тому года с три построены от китайцев небольшия три городка или крепости кои состоят первой по сю сторону оной реки или над речкой Ухурлик коя впадает во оную реку Илю и по той речке и звание имеет, второй Гулза над самою рекою Илею, третей Хаймак над оною же токмо по ту сторону или разстоянием один от другаго город на день езды на пример верст по пятьдесят;

2. Положение тех городков четвероугольное, а укреплен вокруг обведены стены или вал весьма не ниской а при том и широкой так что без нужды можно по ономy на телеге проехать кой кладен из жиманной глины кусками наподобие кирпичей которыя и выбелены белою глиною и зделан в каждом городке четверы ворота деревянные и при них всегда ставитца как днем и ночью китайской караул человек по десяти, а к ночи те ворота запирают железными замками, в них же есть хоромное строение юрты также четвероугольны шатровые рубленные ис колотых деревянных плах и снаружи все вымазаны белою глиною;

3. Войска в тех городках для предосторожности состоят тысячи с три или более и все воруженные токмо огненного при них оружия мало да и то без замков, а стреляют фитилями, а большею частию имеют луки и стрелы ис тех же городков по всем опасным местам содержат отъезжие караулы расстоянием от каждого день езды от тех же караулов для примечания сас(к)лав [?] *и перелазов караул от караулу чинит непрестанные разъезды;*

4. А при тех городках есть главной командир Жанжинмин которой ставку свою имеет во Ухурлике и как над воинскими людьми так и над поселенными по зюнгорской землице имеет главную команду а в протчих городках хотя и есть малые начальники токмо какого звания не знают однако все состоят под командою помянутого Жанжина. А стоят те начальники при городках по три года, а по прошествии того термина как они сами так и все военные люди сменяются присланными из Пекина другими все разом при себе же они жен же и детей не имеют;

5. Пушек при тех городках имеются, но сколько числом не знают, а как им видимо было, что не более как при каждых воротах по одной да у квартир главного командира Жанжина одна чугунная и все оные у ворот так и Жанжиновой ставки стоят на земле, а не на волу и поставлены против здешняго российского маниру на колесах и ядры при оных чугунные ж пустые, а не чиненные величиною на пример с гусиное яйцо, а другие и более и в случае военных действий или иной какой надобности возются оные ишаками и подпрегая под каждую пушку только по два ишака;

6. Есть же и порох запасной которой содержитца в городке Ухурлике в зделанном деревянном амбаре кои вымазанном глиною тут же лежат и стрелы приготовленные в запас немало. А в протчих городках естли же порох не знают;

7 Жалование производитца тем военным людям помесячно ис казны богдыханской серебреными ланами в каждой месяц по полутары лан весом оные на их китайские вески по десяти золотников, а на российской сколько будет не знают, а при том даетца и хлебом пшеничною мукою прошеною крупою и ячменным каждому в месяц всякаго хлеба поко де примером наших российских четверика по полтара;

8. Оного правианту при тех вновь построенных городках довольное число и немалые магазейны наполнены, а при том и каждогодно в заведенных близ тех городков пашен прибавляетца только сколько числом тех магазейнов в каждом и во всех того не знают;

9. Оныя ж пашни пашут поселенные тут мунгалский народ по их именуют наподобие крестьян ибо они уже военных обрядов никаких не исправляют и поселен для того нарочно с женами и детьми. Таков и из завоеванных бухарских городков бухарц токмо оные пашенные числом сколько будет не знают, а хлеб бывает весьма хорошей и урожай каждогодно великой;

10. Лесу около помянутых городков в горах пихтового довольно до которого езды два дня, а доставляетца в те городки на строение водою вниз по реке Илю;

11. При теж же городках есть на поселении и бывшей зюнгорской землицы калмыки таковые кои при замешании той землицы и при разорении оной завоеваны и вышедшия ис киргиского полону которых чая телно будет кибиток тысячи с полтары с женами и с детьми токмо числом не знают и некоторым из них производитца до времени жалование они ж и пашни пашут при тех местах из выданного по первому случаю на посев семеннаго казеннаго хлеба токмо единственно для домашней экономии и со временем из них состоящее в реченных городках китайское войско употребляют для заготовления на строение лесу и в другие случающие партии, а кроме вышеписанных зюнгорцев других народов яко то кашкарцов, ташкенцов, персиян, хивинцов и трухменцов ни одного человека нет и их видеть не случалось;

12. Которыя ж с бывшим зенгорским ноеном Дебачею калмыки внутрь китайского государства заведены из оных на том поселении ни одного нет а и по ныне находятца там только слышно что и оне к тому поселению на прежния места выведены будут;

13. Других же крепостей по той зюнгорской землице еще нет только назад тому другой год ездил по оной для осмотру мест ко учреждению крепостей или городков посыланной ис столичного китайского городка Пикина китайской ноен Хебе Анбан коим и назначены к построению крепостей места при речке Имеле по речкам по Кусуну Хараталу и при урочище Таргабатае до которого от здешних крепостей примером будет езды ден с двадцать, а естли на скоре ехать то и меньше так же и при других многих местах при коих и знаки поставлены и потом слышно было что в скором времени и строение произведено будет и около оных также как и при объявленных илимских городках селены будут их же братья завоеванные и выбегающие ис киргисцов зюнгорские калмыки;

14. Бухарские ж городки а имянно Кучея Еркень и Кашкар Аскут и Турман всего пять которые были на пред сего под зюнгорским владением по очищении зюнгорской землицы как выше показано покорены под китайскую власть, а некоторые из низ выведены на зюнгорские места на поселение при илимских городках о чем выше сего ясно изображено, а протчии остались по прежнему в бухарских городках, однако для предосторожности оставлено и находятся при оных ис китайского войска и переменою по три года немалые команды только как многолюдныи не знают однако сщитают для тех городков гораздо безопасное число так что некоими мерами их от китайского подданства отложитца неможно и неуповательно а довольствуютца те воинские команды от жителей бухарских тех городков всем потребным в пищу;

15. И на показанных жителей бухарских городков от китайцов дани или ясаку никакого неположено и остались на прежних привилегиях кроме того что довольствуют состоящие в тех городках китайские военные команды своею пищею;

16. Большая ж Бухария яко то Ташкент и протчия той Бухарии городки по тому ж ничем неотягощались и китайцами никогда воеваны небывали да и к тому намерения от них нет а как слышно что китайцы с теми ташкенцами держат немалое согласие;

17 Что ж касаетца о киргиской средней орде, то оным китайцы на зюнгорских местах весьма кочевать воспрещают и згоняют а назат тому года з два в зимнее время за непослушание тех киргисцов посыланною китайскою партиею отогнато ис крайних их улусов Чапрацкой волости ведомства старшин Хатун Ибинна несколько лошадиных табунов а при том и пленных калмык отобрано от них до трех сот человек однако по требованию тех киргисцов а по повелению китайского Богдыхана лошадиные табуны обратно им

киргисцам отданы а взятые пленные калмыки не возвращены и заменены яко б за потраву их мест;

18. Прошедшаго ж году ис предписанных илимских городков в тою киргскою орду для склонения оного в китайское подданство, посылан был посланник в семнадцати человеках к Аблай салтану но по повелению от китайского Богдыхана о том не знают а бутто оною посылкою тот Аблай салтан в их подданство склонен коего и считают за своего подданного а при том эхою носитца между тамошним народом яко б китайской Богдыхан намерен оную киргискую орду так как и зюнгорию разорить и совсем в свою власть покорить;

19. Елико ж принадлежит до живущаго в Туркестане хана Абулмамета то они об оном и где находится то вовсе не знают;

*20. Киргисцы ж и поныне к часторе*ченным *илимским городкам на сартовку ездят к чему их китайцы и приохачивают токмо с китайской стороны партикулярным людям с ними сартовать* [торговать] *запрещаетца, а торгуютца на одни казенные привозимые из самого Пекина товары и высартованной скот и лошади содержатца при тех городках в особых табунах ис которого и находящияся военные люди довольствуютца а другие для той сартовки ездят и на настоящую китайскую линию коя из зюнгориею граничила называемую Урумчинскую ко Урумчинской крепости тамо же ныне воинских команд немного состоит но только для содержания той линии;*

21. Выше писанные вновь построенные илимские городки от крепости Устькаменогорской расстоянием по их примечанию не более как скорою ездою можно чрез месяц доехать и без дальней нужды въюшными лошадьми и верблюдами;

22. Ежели к тем китайским городкам случатца от киргисцов беглецы яко то ими киргисцами пленные бухарцы или и их однозаконцы то им не отдаютца и принимают их охотно да и недовольно того что б отдавать но случаетца естли и в след за ними настоящия хозяева прибегут или и в приезд их киргисцов для сартовки хотя б из самых их рук уйдут в которой город потому ж отдачи как бы прилежно не требовали не бывает;

23. О злом же умысле с китайской на российскую сторону не сколько не слышно и к предприятию воинском приготовлении не видно и у них войск там в собрании никаких нет кроме вышеписанных находящихся при вновь построенных илимских и завоеванных бухарских городках для предосторожности и они китайцы ни от каких орд опасения к себе не имеют кроме что между собою часто говорят о предосторожности от российской стороны разсуждая оной многолюдство и крепкое против их народу воинство;

24. По случаю их дурбецкого отоку киргис кайсаками разбитии и по тогдашнему разлучению с родственниками своими они с того времени с теми своими родственниками не видались и где находятца и есть ли в выбеге в российской стороне не знают;

Порутчик Илья Валынский[101].

Приведенный нами источник является прямым свидетельством начала весной 1755 г. вторжения Цинской империи в Джунгарию, а в 1757 г. Цины совершили новый поход в Казахстан, в результате которого Джунгарское ханство (*Зюнгорские владения*, как они назывались в ту пору у русских) пало под жестоким натиском китайцев. Истребив более миллиона калмыков, китайцы утвердили свою власть до озера Балхаша, где кочевали киргизы, принадлежавшие к Большой Орде. Влияние китайцев распространилось и на запад от Балхаша, на киргиз Средней Орды, признававших ранее подданство России. Наиболее влиятельный султан этой орды, впоследствии принявший ханский титул, Аблай-Хан признал себя подданным богдыхана, от которого получил грамоту на достоинство китайского князя, хотя ранее он присягал также и России[102]. Таким образом уже в середине XVIII в. у России и Китая возникли взаимные территориальные притязания на западную часть киргизских степей. Еще более трагическую роль завоевание Джунгарии Цинской империей сыграло в судьбе калмыкского народа.

Значительная часть калмыков еще в начале XVII в. откочевала из Джунгарии и с 1630-х годов осела в приволжских степях. С этого времени началось их приграничное сосуществование с русскими, которые высоко ценили боевые качества калмыкской конницы и старались интенсивно использовать ее, нарушая традиционный кочевой уклад этого народа. Завоевание Джунгарии Цинами в 1759 году вызвало новую волну переселения калмыков на запад, причем многие из них достигли мест обитания своих соотечественников на Волге, находившихся уже в пределах Русского государства. Пришельцы оказались стимуляторами давно зревшего среди калмыков недовольства русскими властями. В конечном итоге, в начале 1771 года 30909 калмыцких юрт отправились обратно в Джунгарию, 11198 юрт осталось на западном берегу Волги. В районе озера Балхаш обессиленных тяготами дальнего перехода калмыков окружили казахи. В результате лишь малая часть калмыков достигла Джунгарии, а около 100000 погибли по дороге и в стычках с казахами. Екатерина II пыталась возвратить беглецов, вначале хорошо принятых в Китае и поселившихся в верховьях р. Или, но китайцы ей в этом отказали. В 1774 году беглецы, однако, захотели снова вернуться на Волгу сами, но китайцы переселили их далее на восток. В 1790 году российские власти получили известия о том, что калмыки хотят просить российского заступничества, но это ни к чему не привело. Менее чем через полстолетия эти калмыки с Волги были объединены в регулярные подразделения китайской армии[103].

Маньчжуры не ограничились завоеванием Джунгарии, и в 1759 г. Цинская империя вторглась в Коканд (правитель Ирдана или Эрдини бек). В 1759–1760 г.г. китайские войска совершили рейды на территории памирских владений, после чего отошли обратно на территорию Восточного Туркестана. В 1760 г. на территории завоеванных мусульманских владений была образована самая западная провинция Китая Сиюй – Западный Край, в 1882 году получившая название Синьцзян (Новая граница). Правители Коканда, Андижана, Маргелана, Ташкента и Оша в 1759-1762 направляли в Пекин свои посольства с богатыми дарами (включавшими породистых коней – аргамаков, соколов для охоты, больших орлов и другие ценности). Дары эти представлялись как дань и выражение подданства маньчжурскому императору[104]. Некоторые интересные детали истории вторжения Цинов в Джунгарию и осложнение в связи с этим их отношений с Россией отображены в письмах иезуита Августина Геллерштайна, перевод которых приведен в Приложении № 6.

Уже в 1756 г. император Цяньлун направил в Джунгарию специальную комиссию для выполнения детального и точного описания «Западного Края»; в описание требовалось помещать географические, статистические и этнографические сведения[105]. Особенно значительная роль отводилась географическому изучению, определению координат и картографированию территорий завоеванных стран, до того совершенно неведомых китайцам. Выполнение этой ответственной задачи Цяньлун поручил иезуитам Феликсу де Роша и Хозе де Эспинья; ответственность задания подчеркивалась пожалованием иезуитов высокими званиями мандаринов третьего и четвертого класса соответственно. Феликс де Роша шел по Джунгарии северным путем, завершив свой маршрут на реке Или. Хозе де Эспинья путешествовал южнее и подошел к реке Или с запада. По ходу маршрута ими выполнялись астрономические определения широты отдельных пунктов, долгота которых определялась из счисления. В 1759 – 1760 гг. те же иезуиты, занимались астрономическими определениями и съемками в южных районах *Западного Края* и на прилегающих к ним территориях вплоть до Ташкента. Среди городов, координаты которых ими определены, указывают: Куча, Ак-Су, Уш (Ош), Кашгар, Яркенд, Керия, Андижан, Маргелан и Ташкент[106]. Результаты этих работ нашли отражение в *Карте Азии и Европы, иногда известной как атлас Цянь-луна...* 1760 – 1761 г.г. (1775), а также в больших географических трудах, опубликованных в Пекине при Цянь-луне, особенно в *Большой географии империи Цянь*, часто переиздававшейся с дополнениями, и в *Описании Западных стран* (1777 г.) в 48 книгах. Заметим, что эта очень редкая книга имелась у российского консула в Кашгаре, видного китаеведа Ивана Илларионовича Захарова (1814-1885 гг.) при подготовке им разграничения с Китаем в Центральной Азии в 50-х годах XIX в.[107] Возможно, что именно экземпляр Захаро-

ва под названием *Записка о Западных странах. О Восточном Туркестане, мусульманских областях и о различных от Китая западных территориях с описанием главных национальностей и с картами в тексте* хранится в настоящее время в отделе рукописей Российской Национальной библиотеки в Санкт-Петербурге[108]. Совершенно очевидно, что карты в этом труде так же, как и другие картографические издания второй половины XVIII – начала XIX в., опубликованные в Китае и выполненные в европейской картографической традиции, основаны на работах де Роша и де Эспинья.

Из произведений этого типа, хранящихся в России, можно указать на «*Карту Китая и отдельных провинций*», изданную в Пекине ксилографическим способом в 1842 г. Несмотря на позднюю дату издания она основана на тех же работах 1756 – 1760 гг.[109]

Карты де Роше и де Эспинья в целом дают значительно более достоверное отображение общих географических особенностей западных частей Казахстана и Центральной Азии, чем предшествующие им произведения как зарубежные, так и русские. Вполне узнаваемы на них очертания Балхаша, Зайсана, Алаколя, Иссык-Куля, в целом правильно отображено общее направление течения рек Или, Черный Иртыш и т.д. (Рис. 10). По самому характеру и достоверности отображения основных элементов ландшафта на этих картах можно судить, конечно весьма приближенно, о том, насколько далеко на запад распространялась реальная власть китайцев и их географические познания. В отношении Казахстана рассмотрение карт иезуитов позволяет утверждать, что западнее Балхаша китайцы знали территорию лишь понаслышке, и власть их в эти районы вряд ли распространялась. Другим элементом, позволяющим судить о территориальном распространении цинской власти, являются показанные на картах иезуитов и производных от них китайские пограничные пикеты и караулы. В частности, в районе озера Алаколь на них имеются караулы *Бакту*, *Маниту*, *Барлук*, *Мадо Барлук*, *Улясутай* и другие. Нанесены также караулы к востоку и к западу от озера Зайсан и в районе озера Балхаш.

Как подчеркивается в специальной справке, составленной в Азиатской части Главного штаба полковником генерального штаба Белявским в 1882 г., после завоевания Джунгарии *действительная китайская граница, подобно нашей проходила по окраинам киргизских кочевьев. Она шла вблизи существующей ныне границы и была ограждена рядом караулов. Для сбора дани китайцы ежегодно высылали два отряда: один из Тарбогатая (Чугучаг), а другой от Или на реку Лепсу или Каратал. Встретившись, отряды менялись таблицами, в которых обозначалось количество собранной дани, и затем возвращались обратно. Это и была так называемая объездная граница, проходившая к востоку от озера Балхаша*[110]. Рассмотренные карты иезуитов в общих чертах подтверждают эту точку зрения, хо-

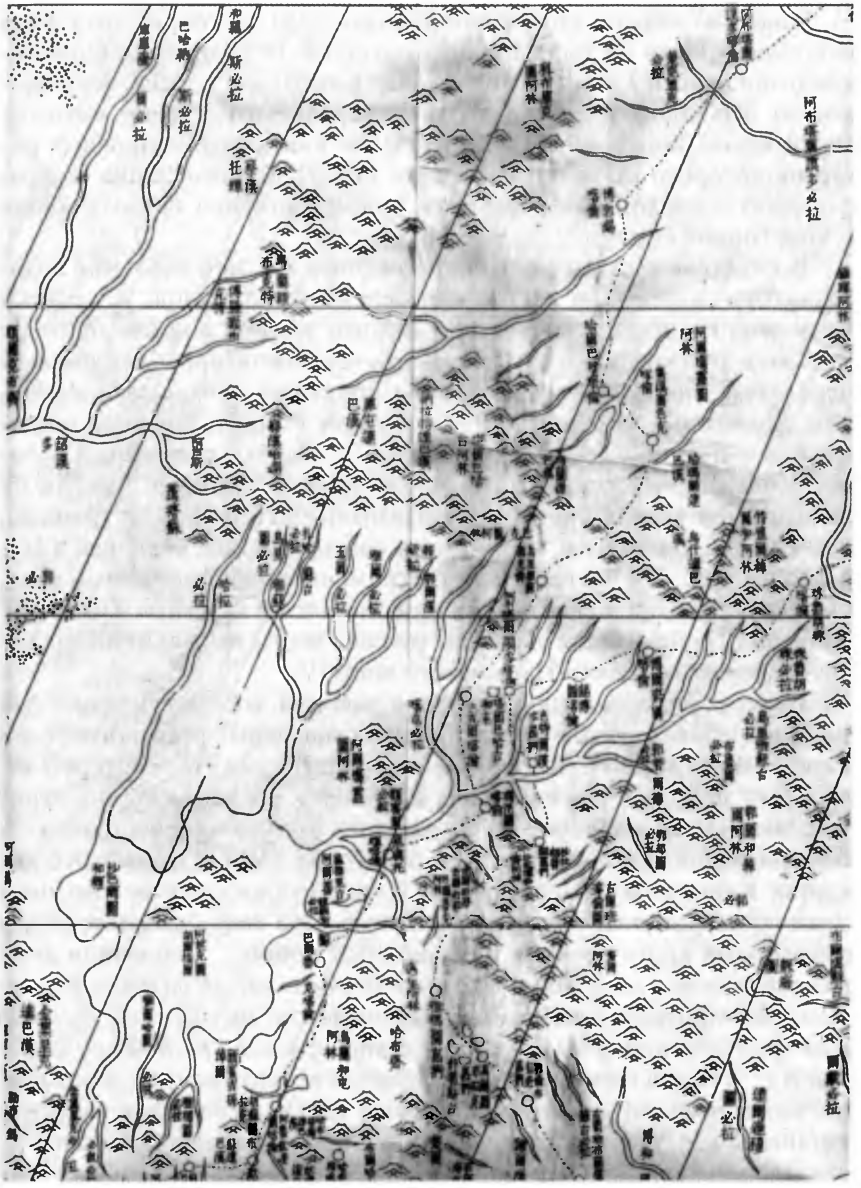


Рис. 10а. Фрагмент карты иезуитов Де Роше и де Эспинья на территорию в районе озера Ала-Коль

тя как таковая граница Китая на них и не нанесена. К сожалению, нельзя этого утверждать в полной мере в отношении русских карт, создававшихся во второй половине XVIII века, к рассмотрению которых мы теперь переходим.

Ранее мы видели, что с самого начала XVIII в. Россия совершала рекогносцировки на территории Казахстана. Побудительной причиной были поиски *Кашгарского золота*. К середине XVIII в. было выяснено, что золото и многие другие минеральные богатства имеются значительно ближе – на Алтае, изучение и освоение природных ресурсов которого становятся мощным стимулом дальнейших географических исследований в районах, непосредственно примыкающих к этой горной стране.

В 1757 году весь Алтай был присоединен Россией вплоть до водораздельных хребтов, а в 1764 г. повелено устроить при устье реки Бухтармы крепость и постепенно вводить земли к востоку от озера Зайсан в русское владение, *для чего посылать под благовидным предлогом воинские команды, дабы приучить китайцев к мысли, что означенные местности принадлежат России. Затем за пограничную черту принять реку Бухтарму*[111]. Однако крестьяне и рабочие Колывано-Воскресенских горных заводов, которые бежали от непосильной эксплуатации, не признавали бухтарминской границы, переходили Бухтарму и, не встречая сопротивления, селились в Нарынском крае. В 1792 г. беглым русским, поселившимся в этом крае, было даровано прощение, и край стал заселяться казаками. По правому берегу Нарына были устроены русские посты ввиду китайских караулов вплоть до Мало-Нарынского поста[112].

Интерес русской администрации к районам, соседствующим с Алтаем, нашел выражение в организации специальных рекогносцировок и составлении карт. Немалое значение в повышении этого интереса играл факт приближения китайских владений к пределам России. Факт завоевания Джунгарии не был безразличен русской администрации сибирских линий, и поэтому, если до 60-х годов XVIII в. на всех русских картах Казахстана и Центральной Азии изображались независимые *Зенгорские владения* (или *землицы*), то в 1765 году была составлена специальная карта *бывшим на сибирских линиях... господином генерал-поручиком и кавалером Шпрингером с показанием во оном Зенгорском владении ныне имеющихся от Китайского государства горотка и их караулов, которые значат на карте краской красной под литерой А*» [113]. Карта схематична, но основным ее содержанием, а возможно, если судить по заголовку, и главной целью ее создания являются китайские караулы, показанные между озерами Балхаш и Зайсан.

Продолжались географические исследования отдельных рек и озер Казахстана, причем и в этих исследованиях, как бы далеко их маршруты не проходили от Джунгарии, факт завоевания ее Китаем отражался. Так, в 1764 году инженер-прапоршик Зеленой занимался съемкой Иртыша и Зайсана, по результатам этих работ им было составлено *Описание ситуации начав от устья реки Бухтармы в верх рекою Иртышем даже до оз. Нор-Зайсан и кругом оного озера со впадающею в оное озеро рекою Иртышем же, по коему Иртышу*

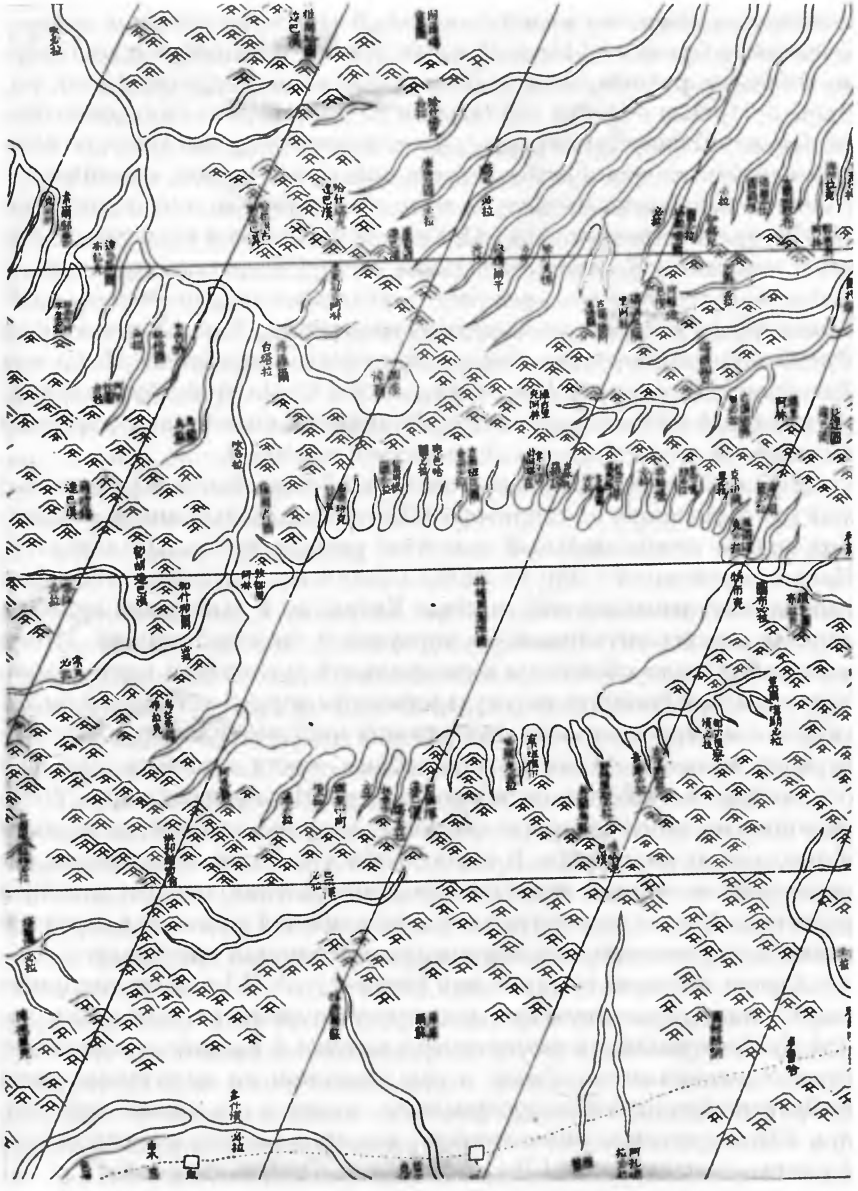


Рис. 10в. Фрагмент карты иезуитов Де Роше и де Эспинья на территорию в районе озера Иссык-Куль

простирается путь с мерою и румбами всего на 70 верст сего тракту и сочинена с примечанием широты градуса карта[114]. Карта Зеленого была составлена с участием вахмистра Спицына в 1765 г*оду*, *с показанием на оной части Российской империи Тарскаго и Кузнец-*

каго уездов также по части бывшего Зенгорского владения киргиз-кайсакской степи... [115] На этой карте довольно подробно и достоверно показаны районы, по которым пролегал маршрут Зеленого, т.е. Черный Иртыш от устья Бухтармы и до Зайсана, а также – само озеро Зайсан. Южнее Зайсана изображение крайне примитивно, но имеется надпись: *по оным рекам ныне жительство имеют китайцы.*

Факт завоевания Джунгарии находит отражение и на общих картах Сибири, составлявшихся в Иркутской губернской канцелярии. Такова, например, *Карта генеральная всего Сибирского царства. подлинная сочинена под смотрением его превосходительства господина генерал майора и иркутского губернатора Карл Львовича фон Фраендорфа штурманом ранга сухопутного порутчика Михаилом Татариновым в городе Иркутске в 1766 г.*[116] На этой обзорной карте, имеющей подлинную подпись Татаринова, помимо всего прочего выделена *Землица бывшего Зенгорского владения.*

В 70 – 80 годах XVIII века со стороны России был предпринят целый ряд экспедиций по территории Джунгарии, большинство из которых имело неофициальный и подчас разведывательный характер. Целью экспедиций было не только детальное изучение географии района, находящегося под властью Китая, но и выявление системы охраны страны китайцами, их караулов и пикетных линий. Итоги этих работ были обобщены в специальной рукописной карте, выявленной нами в Российском государственном военно-историческом архиве[117]. На карте подробно изображены маршруты всех русских экспедиций, нанесены пикеты и пикетные линии китайцев. Все эти объекты детально описаны в заголовке и объяснениях к карте, которые помимо этого содержат сжатое изложение истории экспедиций и описание их маршрутов. В связи с ценностью этих сведений для определения истинных пределов распространения власти китайцев и для нашей темы в целом приведем заголовок и описание к карте целиком с сохранением всех языковых особенностей оригинала:

Карта собранная полуденной [южной. – А.П.] *и восточной части. С показанием степи кочующих киргис кайсаков, большей и малой Бухареи, бывшаго зенгорского владения и Китайского государства с имевшими городами, и при описании по известьям какие в Зенгории китайцами содержатся линии и по оным караулы. при каких урочищах расположены; значат на карте в нижеследующем описании сочинена 1784 г.*

Описание проследуемых трактов.

В прошлом 1771[м] году порутчика Волошанина [годы и имена исследователей подчеркнуты нами. – А.П.] *от крепости Устькаменогорской через бывшее Зенгорское владение до китайского города Боянды; значит в карте передней пунктиром черным с покрытием синей краской а обратной жидкою тушью; в том же 1771[м] порутчика Незнаева от крепости Устькаменогорской через бывшее Зен-*

горское владение до города Кобды, значит в карте рудожелтой краской, по которому от реки Нарына содержатся китайцами караулы; на которых никакова строения не состоит, кроме обыкновенных кибиток;

Сего 1784 года секунд-майора Зеленова, от крепости Катунской чрез бывшее Зенгорское владение до реки Чуя и вверх по оной до речки Танджил, о оттуда обратно тем же трактом до речки Тенги и от оной чрез горы, называемые в алтайском хребте Белки, до река Бухтарм и по оной вниз до устья а от онаго до крепости Усть-каменогорской, значит в карте пунктиром черным с покрытием красною краскою; проведенная китайцами линия по разведыванию ево Зеленова, лежит от вершины реки Кемчуга чрез хребет Сабинской в недалном расстоянии от пограничного знака Шабина Добага до реки Нарыма, по которой содержатся караулы, в поставленных войлошных кибитках и плетневых шалашах, а другова никакова строения и жителей не состоит, которая на карте значит пунктиром черным с покрытием желтой краски;

секунд-майора Богданова от крепости Устькаменогорской чрез бывшее ж зенгорское владение до хребта гор Тарбогатайских, значит на карте передней пунктиром черным с покрытием рудожелтой, а обратно фиолетовой краской; проведенная ж китайцами линия по достоверном ево Богданова разведование идет от реки Нарыма чрез реку Иртыш до города Чигучака и караула Маннуту [Маниту. – А.П.]*; а от оного до города Боянды и Турпана, по известиям значит на карте пунктиром черным с покрытием желтой краской.*

Также от караула Чичкан внутренния китайскаго владения города по разведывание ж значит в карте пунктиром черным с покрытием земляной краской[118]. Масштаб карты 30 верст в дюйме.

Китайская граница на рассмотренной карте изображена проходящей западнее озера Зайсан; впервые на ней нашли детальное отображение китайские караулы (пикеты) и пикетные дороги их соединяющие, некоторыми из этих дорог, как свидетельствует содержание карты, пользовались русские офицеры, проводившие рекогносцировки. Одно из названий китайских караулов – караул Маннуту (Маниту) – фигурирует даже в пояснении к карте. Заметим, что впоследствии название этого пикета вошло в тексты официальных договоров и протоколов по разграничению России с Китаем в 60-х – 80-х годах XIX в.

В 1786 г. рассмотренная карта была пересоставлена в масштабе 20 верст в дюйме под названием *Карта собранная полуденной части Сибирской и с частию Оренбургской линиев; с показанием по части степи кочующих киргис-кайсаков бывшаго Зенгорского владения Китайского государства и каракалпацкаго владения Большей и Малой Бухарей; так же какие в Зенгории китайцы содержат линии и по оным караулы при каких урочищах расположены... февраля 6 дня 1786 года*[119]. Помимо маршрутов, указанных на карте 1784 г., дополнитель-

но нанесены пути экспедиций поручика Кузмина 1765 г. от форпоста Новинковского до реки Енисея, и сержанта Спицына 1764-1765 гг.

Кроме этих двух обзорных карт нам удалось также обнаружить копии документов, составленных двумя участниками рекогносцировочных съемок на территории Джунгарии. Это – *Карта, сочиненная следованию секунд-майора Богданова чрез степь киргизскую и бывшую Зенгорскую до урочища разломного хребта Тарбогатая, которой разделяет течение рек в озера 1-е в Нор-Зайсан 2-е в Балхаш 3 в Аллакуль и обратно подле самых китайских караулов до реки Иртыша и до крепости Устькаменогорской а вдаль наложенныя на оную карту по реке Ильле* [Или. – А.П.] *и по другим склонениям китайские города и караулы до сташкинского города Тутина по объявлению калмыков и Ташкинцов*[120]. Карта подписана самим секунд-майором Богдановым (1784 г.). Карта *Примерному следованию порутчика Волошинина* выявлена нами в Архиве Республики Алтай[121].

Во всех рассмотренных картах почему-то не нашла отражения поездка из *Оренбурга в Бухарию по имянному Ея Императорского Величества Указу Коллегии Иностранных дел за Высочайшим подписанием от 9 мая 1780-го года данному татарского языка переводчика Мамедияра Бекчурина*. Возможно, что отсутствие его имени на картах объясняется тем, что он сам не проводил съемок, но составил достоверное описание посещенных им мест, в котором, в частности отмечается, что *Большая Бухария одна из областей Великой Татарии; лежит в рассуждении Оренбурга в полуденной стороне, расстоянием от здешних границ месяц езды или несколько и больше. Граничит сия область с Персиею и с другими подобными себе областями, с Хивою и Малою Бухариею, из которых последняя состоит в протекции Китайского государства, а наконец и все кочевые народы, занимающие пространство пустынь, простирающихся к здешним границам, как то Киргис-Кайсаки, каракалпаки, аралцы и трухменцы почтены быть могут соседствующими Бухарии*. Бекчурин хотя и был в Бухарии только несколько дней, но, как подчеркивают чиновники Коллегии Иностранных дел *...он с довольною достоверностью известился о том одном обстоятельстве, что в Бухарии великое множество Российских невольников находится, без сомнения большею частию попавших прежде в руки киргиз касаков во время бывшего в Оренбургской стороне неустройства* [очевидно, имеется ввиду восстание Емельяна Пугачева. – А.П.] *и от них бухарцам перепроданных*. Несмотря на краткость пребывания в Бухарии, Мамедияр Бекчурин все время содержался под стражей, *и что жив назад возвратился может быть единственно своему с ними однозаконию, будучи и сам татарин природою, следовательно и магометанец*[122].

Нечасто, но в российские пределы бежали, не без поддержки россиян, жители среднеазиатских стран. Естественно, что пограничные

власти и внешнеполитическое ведомство империи придавали довольно большое значение показаниям таких перебежчиков, тщательно скрывая их имена даже в служебной переписке. В качестве примера таких материалов можно привести сохранившиеся в Архиве истории внешней политики Российской империи *Показания о Бухарии некоего бухарца, бывшего судьей в Секретной канцелярии Бухарского хана, 1785 г.*[123] В этом документе явно чувствуется стремление бывшего судьи, завербованного русскими разведчиками, несколько преувеличить богатства края и слабость управления им, возможно не без надежды на то, что Россия вмешается в междоусобицы (из-за которых, по-видимому, сбежал бухарский вельможа) и восстановят его бывшее положение. Российские власти, конечно, понимали такие особенности *показаний* бухарца, но безусловно могли почерпнуть из них вполне рациональные сведения, тем более, что слишком фантазировать судья не мог, хорошо себе представляя, что скорее всего всю оставшуюся жизнь ему придется провести в России.

В целом описания судьи секретной канцелярии Бухарского хана представляются достаточно достоверными, тем более, что в большинстве случаев они подтверждались уже имевшимися в руках русских независимыми источниками.

Значительное внимание в *Показаниях...* уделено описанию самой Бухары: детально охарактеризованы стены, десять ворот, отмечено, что в городе имеется шестьдесят тысяч дворов, 350 мечетей и около 60 медрессе, в некоторых из которых обучалось до 600 человек. Утверждается, что численность войска составляет 30 000 плохо вооруженных солдат, помимо этого *есть так же оставшиеся от Назир Шаха очень большие пушки, но оных при войне в поле не возят, да и в городе из них стрелять не можно, одну или две берут в походы, и возят их каждую на особми* [так в источнике. – А.П.] *быках, но стрелять не умеют, хотяж и есть из подданных ее Императорского Величества Российские люди, но сего искусства им не открывают.* Далее бухарец утверждает: *Вблизи города Хивы есть гора, издающая золото весьма хорошее и изобильно, в прежние времена доставая тут оное делованы червонцы. Но ныне начальствующий в Хиве Мугамед Имин Аинак великий визирь сие место укрепил, говоря естьли Российская Монархиня узнает, то прислав на нас свои войски нас погубит...*

Автор показаний советует русским сломить сопротивление правящего визиря, оперевшись на сына бывшего (законного) визиря, которого правитель убил три года назад. Этот сын, который должен был стать правителем после отца, просил автора *Показаний* сообщить императрице о своей готовности помочь в завоевании Хивы, причем он заявлял что *область, так и золотую гору завоевать Ее Величеству отдать обязался бы, я же де себе ничего не жалаю как только отмстить Мугамед Имин Айнаку кровь отца и деда моего.* От себя

судья добавляет – *по моему скудному разумению сей человек для России надобный.*

Интересно описание технологии добычи россыпного золота в Бухарии:

В водах Бухарских достают золото в песку – для сего в летнее время кладут там козьи кожи, в которые между шерсти и пуха насыпается песок, который после перемывают и достают чистое золото.

Географический охват описания весьма широк, что является косвенным подтверждением распространения бухарской власти на юг вплоть до Памира. Так, в *Показании* указывается, что *за Бухарией есть область, называемая Кундуз, в ней есть золото, доставаемое из гор. Называют его золотым песком, бухарцы из двенадцати золотников сего песку достают десять золотников чистого золота.* Помимо этого утверждается, что *из местечка Бядихшан* [т.е. Бадахшан на Памире. – А.В.] *драгоценности, как то ляль, яхонты и алмазы в Бухарию вывозятся.*

Бухария, по сообщению русского информанта, помимо золота и драгоценностей богата железными и свинцовыми рудами.

В 20 днях езды от Бухары находится город Кабул.

Описывая население страны, беглый чиновник сообщает следующее:

К Бухарии принадлежащие народы суть озбеки, кипчаки, мангуты и чигатацы, сверх оных есть до десяти тысяч Российских подданных, киргизами запроданных, сии последние крайне просят Ея Императорское Величество о избавлении их от той неволи, и поручили мне о том донесть, они всегда ожидают прибытия туда российских войск.

В российскую службу автор *Показаний* был завербован неким *примьер майором* [очень возможно, что это был уже упомянутый выше Мамедияр Бекчурин. – А.П.]. Причем именно этого человека бухарский чиновник призывает в свидетели верности своих показаний, заявляя следующее: *В удостоверение сего всего моего сказания точности и справедливости и ревностного в службе Ея Императорского величества усердия свидетельствуюсь находящимся ныне в Уфимском наместничестве Премиер Майором Миндиар Михайловичем, который в прошлом 82-м году посылан был посланником в Бухарию, которому я там о всем давал знать, и в бытность его в Бухарии довольно оказал я моих услуг, примечая ему лучшие и нужные места, и которой отъезжая от туда поручил мне о всех обстоятельствах и тайнах наведавшись возвратиться, и тем наложил на меня служение Ея Величеству, почему я с тех пор, приняв ревностное и усердное намерение проникать во все тамошние тайны, продолжал оное с крайним рачением.*

В прибытие онаго посланника Бухарские ханы и все начальство весьма убоялись и пронесся слух, будто за ним вслед идет скрытно

войско тысяча человек с артиллериею, в те поры был в России Бухарский посланник Ирназар, который хотя от Ея Величества великие получал награждения и милости, но от неблагодарности и зломыслия упредил послать нарочного своего человека к Хану с письмом, что де от Российской императрицы едет посланник для осмотру и разведания обстоятельств бухарского владения, то де как оной приедет, содержать его под стражею, чтоб ни с одним человеком говорить не мог и не выведывал бы о городских обстоятельствах, равно и бывших здешних российских людей не допущать, которое письмо я в секретной канцелярии хану читал, от чего все в великом были страхе и опасности; хан и визир за такое его Ирназора уведомление почитали к отечеству своему усердным, а меня тому российскому посланнику не показывали, хотя оный от визиря неоднократно просил, чтобы допущен я был с ним видеться и наказывая меня себе родственником; но я только уволен был на одни сутки и то за караулом, и в то уже время он Мендияр Михайлович узнал меня, что я есть верноискренней Ея Величества раб, то при отъезде своем из Бухарии приказал мне разведывать обо всех тайнах. Помянутый мулла Ирназар сколь не осыпан был при дворе Ея Величества милостьми, и хотя находился в России, но от Бухарского хана имел он грамоту к Турецкому султану и посланнический характер, я оную грамоту писал в секретной ханской канцелярии, содержание оной не полезно для России, и что в ней написано было, буде потребно объяснить могу, он ту грамоту в России скрывал, потом доставил ее Турецкому султану, и какой ответ на оное бухарской хан получил мне известно, и что чрез Хаджи Тархан с приехавшим из Царяграда посланником доставленное султанское письмо распечатав я хану читал, которое везено было в нарочно сделанном сундучной крышки в потаенном ящике дабы при расматривании в Хаджи Тархане не найдено было, и что в том предписано мною известно.

Чрез подстрекание онаго посланника Гирназара претерпел я много бедствий, для того здесь упоминаю, что приезжающие оттудова люди верности не хранящие льстицы и обманщики, а кои есть там вероятия достойные, и добрые и от которых пользы ожидать Ея Величеству можно, я об них донесть могу, и таковым достойно показать монаршую милость и воздаяние, потому что они могут своими способностями то заслужить, я имеющий понятие о всяких вещах и материях, о ценах и о разных каменьях и в светском обращении сведущий...

Когда пронесся слух, что при Мангышлаке закладывается крепость, то Хан Бухарский разослал во все области вестников с тем, что сие строение конечно происходит от Российского двора и что когда там устроится крепость, то де и сюда досягнут, и для того упредить надобно собирать способы к своей безопасности.

По сим обстоятельствам судя, что чрез извещение таковое принесу угодную Ея Величеству услугу, оставя жену и детей и отправляемый мною чин и жалованье, тайно из города вышел и отправился сюда, сначала же приведен был я в секретной ханской канцелярии к присяге в том, чтоб никогда из Бухарии не выезжать, и потому то определен будучи в секретную канцелярию судьею мог все выше изъясненные обстоятельства узнать, ибо они, почитая меня собственным согражданином употребляли к разным нужным делам.

Сверх того, находясь тамо десять лет, обучался я всяким наукам в чаянии, что сведущий такие науки и искусства человек может быть потребен Ея Величеству, и изучился персидского и арабского языков, также философии и астрономии в щастливое царствование Ея Величества[124].

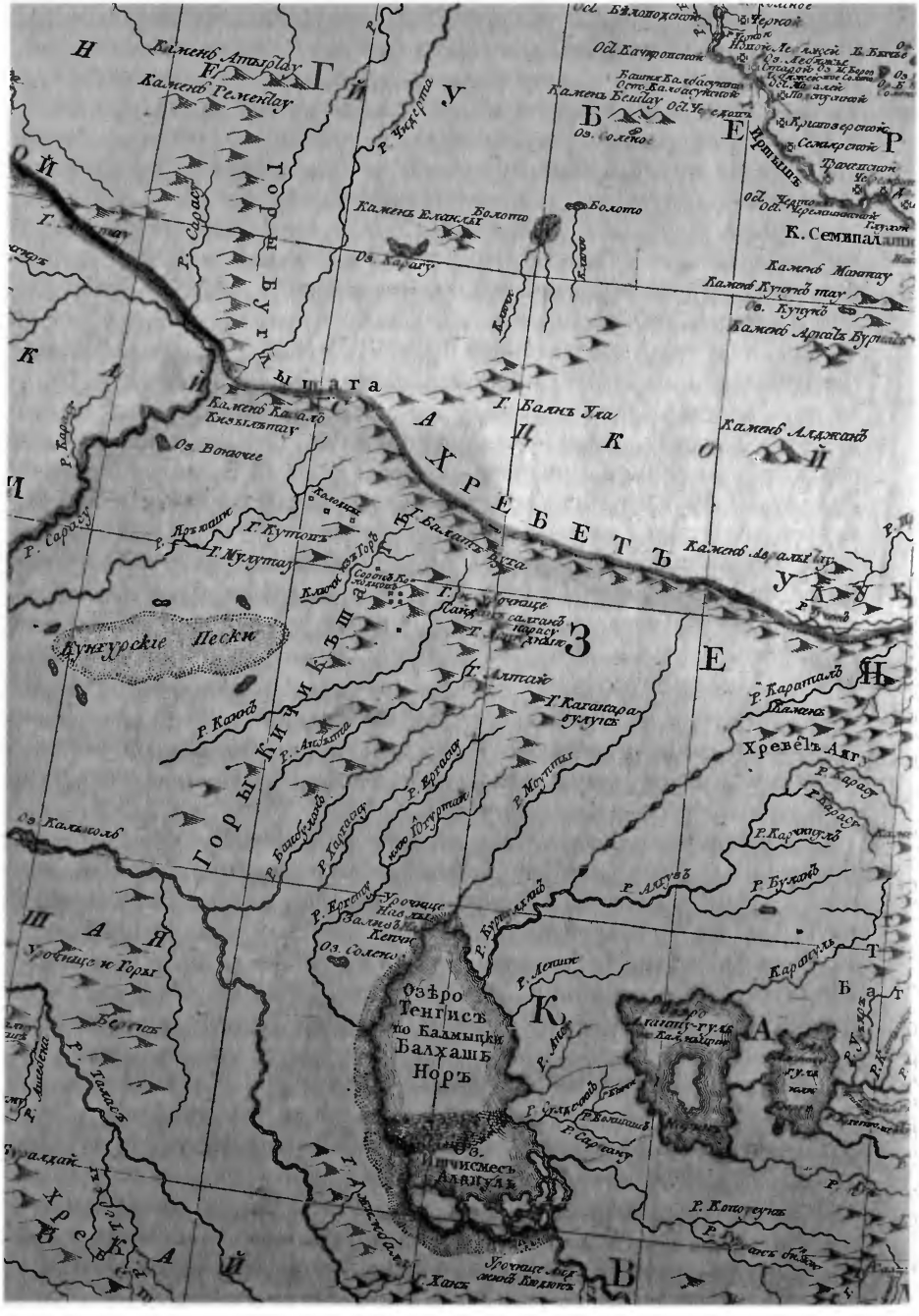
Совершенно очевидно, что российское начальство не могло отнестись с полным доверием ко всему, что сообщал бухарский беглый судья, тем более, что помимо просто сомнительной информации и явного желания заинтриговать русских высокими дипломатическими тайнами, якобы известными, но не высказанными информантом, в его повествовании имеется следующий, совсем фантастический сюжет, как будто списанный с одной из сказок «Тысячи и одной ночи»: *За Бухариею в горах есть некоторый народ, ходят наги, тело их обросло волосами, но в горе той есть одне только ворота, которые оне берегут и никакие войска туда войти не могут, сами же они разбойничают по многим дорогам*[125]. Заметим, однако, что это единственный абсолютно неправдоподобный рассказ и что, поскольку обратного пути беглецу явно не было, то основные его сведения не могли быть совсем недостоверными, а сам бывший судья конечно мог быть полезен русским в их центральноазиатских делах. К сожалению, дальнейшая судьба этого перебежчика нам неизвестна, хотя не исключено, что он встретится еще не раз в наших источниках, но у нас не будет никаких оснований подозревать, что это именно он.

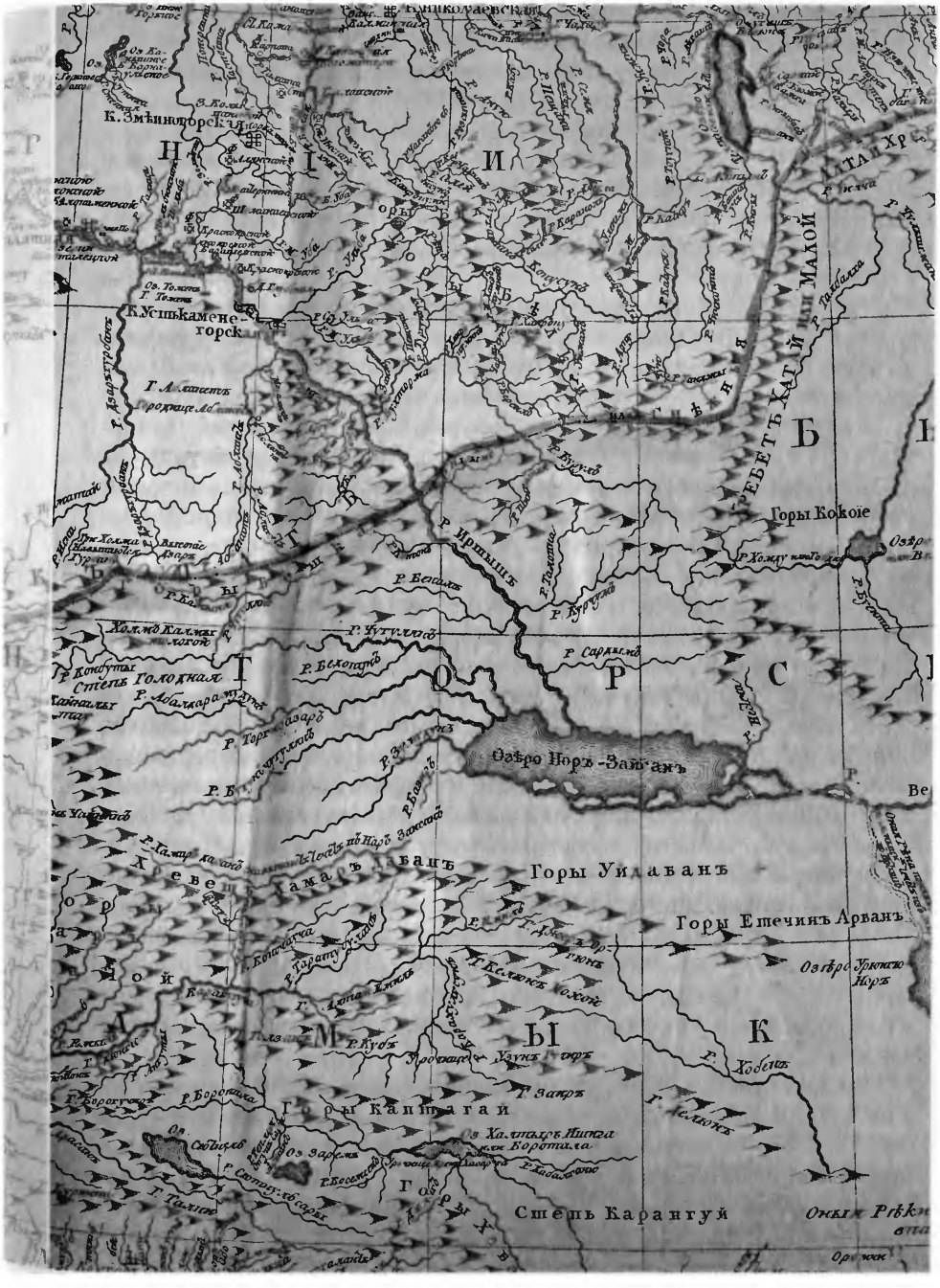
Отражение завоеваний Цинской империи на картах и продолжение российских исследований

Факт завоевания Китаем Джунгарии находил отражение даже на самых мелкомасштабных картах южной части России, составлявшихся по заданию высшей администрации. Такова, например, *Карта полуденной части Российской империи... по имянному Ея Императорского Величества повелению прошлого 1764 года*[126], которую *сочинял и копировал луцкаго драгунскаго полку вахмистр Филип Спицын.* Несмотря на то, что это произведение очень примитивно и близко по

манере изображения к древнерусским географическим чертежам, однако и на ней на юге показана *часть бывшего зенгорского владения*, где *ныне жительство имеют китайцы*. Следует подчеркнуть, что из-за отсутствия границ на этой карте и ее схематичности, может создаться впечатление о том, что китайцы владели значительно более обширными территориями, чем это было на самом деле. Для карт, составлявшихся на местах людьми, знакомыми с истинным положением дел, каким, в частности, являлся Спицын, это было нетипичным и объяснялось, по-видимому, лишь небрежностью исполнения, но для обзорных рукописных и печатных произведений конца XVIII века такая трактовка территориальных владений Китая встречается часто. Такова, например, составленная после 1775 года рукописная *Карта, представляющая часть Сибири и прикосновение ко оной Китайского государства, бывших зенгорских калмык владения и всей степи кочующих киргиз-кайсаков, а к ней смежных Аральского и каракалпакского с частию Хивинского владений и части Большой и Малой Бухарии*[127]. На карте показаны китайские пикеты и пикетные дороги и, в соответствии с их изображением, границу Китая можно считать проходящей западнее Балхаша. Подобным же образом трактуется китайская граница в Казахстане и Центральной Азии на карте Азиатской России, составленной после 1775 года и изображающей административное деление страны на наместничества и на *Примерной* [данной в качестве примера, образца. – А.П.] *карте всей Сибири с прикосновенными наместничествами и прочими соседственными землями, в которой означено новоучреждаемое Тобольское наместничество, составляемое из двух областей Тобольской и Томской и шестнадцати округов* (после 1775 г.)[128]

Во второй половине XVIII века значительное внимание картографированию территории Центральной Азии и Казахстана, примыкающей к границам Китая, начинает уделять Петербургская Академия наук. Так, в 1775 году известный картограф Географического департамента Академии И. Трескот составил и опубликовал *Карту Сибирской губернии, содержащую в себе Тобольскую и Енисейскую провинции*[129], на которой имеется граница *Бывшего Зенгорского владения* и *Часть Китайского государства*, включающего это владение. Карта преувеличивает владения Китая в Казахстане и Центральной Азии, но ее трактовка не идет ни в какое сравнение с показом границ Китая на весьма известной, изданной в латинском и русском вариантах в 1777 и 1778 г.г. *Карте реки Иртыша, южную часть Сибирской губернии протекающей и бывших зенгорских калмык владений, сочиненной Иваном Исленьевым*[130]. (Рис. 11). На этой карте территории всех киргизских орд и зенгорских владений показаны входящими в состав Китая вплоть до Азовского моря. Особенно досадно, что такая неправильная трактовка территориального распространения власти Китая в Центральной Азии и Казахстане дана на опубликованной


Камень Атасулау
Камень Ремезлау
Горы Тарбагатай
Р. Сарасу
Р. Ингарты
Оз. Сорлю
Камень Елаксай
Болото
Оз. Хаджу
Камень Миначау
Камень Кутчетау
Оз. Кутчу
Камень Арпалык Бурлюк
Горы Кизылбаш
Г. Балык Ула
Камень Аджанак
Оз Водяное
Р. Карасу
Г. Кутомтау
Г. Мулутау
Кунгурские Пески
Р. Каюс
Р. Аксакпа
Р. Карагай
Р. Ергалу
Р. Мутунтай
Р. Юлуртай
Г. Каганара
Р. Карагай
Хребет Аяг
Р. Карасу
Р. Кызыкпа
Р. Кокпек
Оз. Калмыколь
Р. Кургасу
Р. Буктырма
Р. Алтуев
Р. Буктырма
Оз. Солено
Урочище Горы
Озеро Тенгисъ по Калмыцки Балхашъ Норъ
Р. Аксу
Р. Сарыкамыс
Р. Коктерек
Р. Коктерек
Оз. Чичисмесъ Алакуль
Урочище Аягской Кепости
Хакс
Камень Алакуль
Р. Каратал
Камень
Р. Аягузъ
Р. Букпакъ
Р. Аягузъ
Р. Карасу
Р. Аягузъ
Р. Коктерек
Р. Коктерек
Р. Коктерек
Р. Коктерек
Оз. Алакуль
Оз. Алаколь
Оз. Сасыкколь
Оз. Ащиколь
Оз. Жаманколь
Оз. Кошкарколь
Оз. Кошкарколь
Оз. Ащиколь
Оз. Жаманколь
Оз. Сасыкколь
Оз. Алаколь
Оз. Алакуль
Р. Коктерек
Р. Коктерек
Р. Коктерек
Р. Коктерек


К. Змѣиногорскъ
К. Усть-Каменогорск
Горы Кокоіе
Озеро Норъ-Зайсанъ
Горы Уилавань
Горы Етечинъ Арванъ
Степь Карангуй
Горы Капчагай
Степь Голожная
Р. Иртышъ
Р. Буконъ
Р. Сарымъ
Р. Ходжу
Р. Хобекъ
Р. Кубъ
Р. Боротала
Р. Бухтарма
Р. Ульба
Р. Убинка
Р. Чарышъ
Р. Кальджиръ
Р. Кокпектинка
Р. Аблакетка
Р. Буланка
Р. Кулуджунъ
Р. Коргонъ
Р. Кайсакъ
Р. Ишимъ
Р. Тобольскъ
Р. Ишимъ
Р. Тобольскъ
Оз. Зайсанъ
Оз. Сибиндъ
Оз. Халтакоръ Ишпа
или Боротала
Оз. Убинское
Оз. Кулуджунское
Оз. Коргонское
Оз. Кайсацкое
Оз. Ишимское
Оз. Тобольское
Оз. Чарышское

карте, автором которой является известный и авторитетный русский ученый географ и картограф Иван Исленьев.

Благодаря авторитету академических картографов неправильная трактовка центральноазиатских границ Китая утвердилась на части отечественных общероссийских карт, издававшихся в нашей стране в конце XVIII века. Так, например, на *Генеральной карте Российской империи, 1783, ноября 24 дня*, обнаруженной нами в Картографической библиотеке Британской библиотеки (г. Лондон), граница Китая показана проходящей от Зайсана на запад до середины (по широте) Каспийского моря[131].

Тем временем, представители сибирской администрации и руководства Колывано-Воскресенских горных заводов Алтая продолжали изучать приграничные территории Китая и *Зенгорских владений*, тем более, что на эти территории шел непрекращающийся поток русских, бежавших из Сибири и Приуралья. На территории Прииртышья, в Нарынском крае и южнее образовывались значительные районы, заселенные выходцами из российских пределов, на которые Россия постепенно стала распространять свою юрисдикцию, даруя прощение беглецам и закрепляя свои позиции казацкими поселениями. Географические и картографические исследования были необходимы для проведения в жизнь этой политики, причем прежде всего требовалось продолжать изучение Черного Иртыша и Нарына, т.е. тех территорий, на которые в эти годы был направлен основной поток стихийного переселения русских. Характерно, что изображая на своих отчетных картах итоги своих исследований, офицеры, направлявшиеся в эти края русской администрацией, никогда не ограничивались показом лишь непосредственно обследованной ими территории, а всегда включали значительно более южные районы, информация о которых выявлялась из распросов. Так, поручик Казачьковский, обследовавший а сентябре 1789 года бассейн правых притоков верхнего течения Черного Иртыша, в том числе реку *Аскадек* (Алкабек), включил в свою отчетную карту *Часть Китайского владения против Устькаменогорской крепости с показанием тракта...* [132] (масштаб 50 верст в дюйме) как озеро Зайсан, так и районы южнее. Граница Китая на этой карте показана проходящей западнее Зайсана.

В следующем, 1790 г. русский офицер кондуктор Ковалев проник еще глубже на китайскую территорию в районы поселения русских беглецов. Им была составлена в масштабе 20 верст в дюйме «*Карта, представляющая части Сибирской линии и Китайской границы и проследуемым трактам в 1790м году кондуктора второго класса Ковалева, которой ныне подпорутчиком из крепости Устькаменогорской чрез бывшее Зенгорское владение, до реки Иртыша и по течению вверх оной до Нор Зайсана и по оному, а от Нор Зайсана к озеру Марканкулю, а от туда чрез реку Курчум к реке Нарыму,*

а оттоль к жительству бывших российских беглецов, которые ныне в ясак записаны, чрез реку Бухтарму, к вершинам р. Белой и обратно подле Китайской линии за р. Нарым, потом чрез реку Бухтарму к крепости Устькаменогорской... [133] На карте изображены китайские пикеты, пикетные дороги; граница дана несколько западнее Зайсана. Река Алкабек названа *Аскабек*.

В 1793 году в Хиве побывал майор российской армии Александр (Егор Иванович) Бланкенагель (Le Major Alexandre Blankennagel) (1750-?). Основными целями его поездки были изучение страны, выяснение положения с русскими невольниками, а также – налаживание официальных связей с ханством. Бланкенагель был хорошим врачом, и это позволило ему весьма расположить к себе хивинцев. Вот как он сам рассказывал о своих делах в Хиве:

Чрезвычайное счастие помогло мне вылечить более трех сот человек [от водянки. – А.П.], *а как ничего не брал я за лечение, то сие доставило мне некоторых друзей, сколько варвары оными могут быть. Чем пользуясь, имел я возможность собрать сведения о Земле, однакож не инако как чрез тамошних российских невольников, из них вывез в Россию тринадцать человек.*

Когда, полагал я, что в рассуждении медицины довольно оправдался, то потребовал, чтобы меня известили кого со мною в посланцы назначают. – Запрос сей причиною был разных совещаний, однакож за две недели до отъезда моего назначен был посланцом Эивас Мугаммет Бай.

Сему посланцу поручено исходатайствовать глазного оператора [окулиста], *уменьшение пошлины в Астрахани, возвращение конфискованных в Астрахани около тысячи червонных, и позволение ввезти несколько тысяч пуд железа; а напротив того обещая все, что Ея Императорское Величество потребовать соизволит.*

При сем должен я заметить, что Хивинцам нельзя нивчем верить. Вероломство у них то обыкновенно, в рассуждении же христиан, почитают то и за Богу угодное еще дело. А как притом ежедневно должно у них опасаться внутренних беспокойств, то во время оных все приходит в такое замешательство, что нельзя и думать о здержании учиненных ими обязательств и договоров...

О заложении города и крепости на Мангишлакских берегах для обеспечения торговли, не мог я предложить Хивинскому Правительству; во-первых потому, что Хивинские осбеки ничего столько не опасаются, как приближения россиян, а во-вторых потому, что они в Мангышлаке власти и влияния имеют менее нежели мы.

Но вскоре, по отведении ко мне свободного входа [до этого Бланкенагель практически содержался под охраной и не пользовался свободой перемещения. – А.П.] *познакомился я с двумя трухменскими начальниками из Мангышлака. В разговорах моих с ними не пропускал я случая, чтобы не представить им выгоды от ближайшей их*

связи с Россиею. Они приводили ко мне потом и других приезжавших в Хиву начальников, которые все согласно меня уверяли, что есть-ли на обратном пути в Россию на Мангислак ехать я могу, то они намерены отправить со мною посланцов с прошением к Ея Императорскому Величеству о принятии их в Российское подданство, и что в доказательство их верности согласятся охотно на построение у них города и крепости и на взятие от них аманатов... Из-за усобиц на Мангышлаке этому проекту не суждено было в то время осуществиться, однако Бланкенагель утверждает, *что мангишлацкие трихменцы действительно желают вступить в российское подданство и иметь на своем берегу город и крепость, в том нет сумнения, потому что под покровительством России, избавятся они от непристанных угнетений и страха, причиняемых им киргисцами, пред коими они весьма бессильны; а в построенном в их земле городе удобнее им будет доставать для себя хлеб, которой они получают ныне из Астрахани с великими затруднениями.*

Хивинские невольники суть российские и персидские подданные. Российских обоего пола число простирается до двух, а персидских до двадцати тысяч. Киргисцы, пленяя россиян, продают на хивинских и бухарских базарах, мужчин от сорока до пятидесяти, а женщин от пятидесяти до ста червонных тамошних. Персиян пленяют три трухменских поколения [рода]: *йомуты, теки и салырцы, и продают в Хиву или Бухарию. Всех сих невольников содержат они жестоко; три только праздника в году дозволяют им праздновать, во все же прочие дни они должны отправлять весьма тягостные работы, господин убить их может без малейшего ответа.*

Многие из российских подданных татар, по большей же части из взятых в солдаты, к ним убегают и живут и в Хиве, и в Бухарии; из сих последних несколько находятся у киргисцов, и зная место положения реки Урала, делаются весьма важными киргисцам вкрадываться в Российские граница. Побеги сих солдат и рекрут татарских можно было бы отвратить, если бы они не оставлялись при границах, а удаляемы были внутрь России[134].

Александр Бланкенагель далее подробно описывает существовавшую с давних времен и поддерживающуюся в хорошем состоянии систему ирригации, основной питающей артерией которой являлась река Аму-Дарья. Он отмечает, что урожаи постоянно находятся на высоком уровня, хотя главной рабочей силой на полях служат невольники. Особо майор Бланкенагель отмечает, что *В Хиве воздух и вода весьма хороши и здоровы; там нет почти никаких воспалительных болезней, и хивинская земля снабдена изобильно всем, что нужно к охранению человеческой жизни. Но касательно до хивинских жителей,* – утверждает российский майор, – *то может быть в целом свете нет народа столь порочного сколь они. Вероломство у них обыкновенно и обман не постыден, в корыстолюбии они не на-*

сытимы, и стремясь удовольствовать страсть сию, не имеют ничего священного; словом чувствования чести, стыда или совести, никогда не обременяли души хивинской.

Хива особливо изобилует богатыми золотыми и серебряными рудами; удостоверение, какое я об оных имею, есть между прочим следующее.

Россиянин, по имени Максим, быв невольником в Хиве, которого привез с собою в Санктпетербург, уверяет, что он был коротко знаком с принадлежащим Бухарскому Казию невольником по имени Иваном, который ему открылся, что он по согласию с своим господином, тайно из доставляемых золотых и серебряных руд извлекает металлы и делает из них повеленные ему деньги. Что он своему господину Казию вырабатывает в год положенное на него число по триста червонных, а прочее собственно для себя. Что впоследствии, он, Максим, часто помогал Ивану в работе в получении руд, в смывании мелких земляных частиц, и в сплавлении сих металлов; что видел у него немалое число выплавленных им золотых и серебряных слитков; и был при работе его когда он делал из сих металлов деньги.

Что он, Максим, сам был в рудниках, которые в старину хивинские сарты обрабатывали, и находил множество и неисчерпаемые рудные глыбы, подобные во всем тем, которые у Ивана видел, что впрочем, хотя и строго запрещено разрабатывать хивинские рудники, однакож корысть отваживает некоторых тайно добывать из них руды, и необработанные отвозить в Бухарию, где продают оные лучше всякого товара.

Максим сей более 20-ти лет находяся в Хиве, многими опытами удостоверился о сих сокрываемых в земле богатствах; а для сего и старался я уговорить его выехать со мною в Россию, на что он сначала не соглашался, опасаясь, что его не отпустят обратно в Хиву, где у него жена и дети в неволе, однакож, по обещанию моему, что исходатайствую ему пашпорт в оба пути, и деньги, назначаемые Ее Императорским Величеством на выкуп невольников, согласился на мое предложение, которого я и привез с собою в Санкт Петербург.

Эйвас Мугаммет Бай, приехавши со мною Посланцом, по случаю разговора со мною уверял меня, что в их земле есть много богатых и неисчерпаемых золотых и серебряных рудников, из которых в старину получали великие богатства, но что осбеки, опасаясь чтоб не дошло то до сведения Россиян, запретили работы сии, и смертию наказывают за малейшее нарушение того запрещения; потом спрашивал он, не могу ли я его научить каким способом удобнее отделять золото от руд; разговаривали мы с ним нередко о сей же материи, и он описывал мне самые те рудники, о которых упоминал Максим.

Горы сии, толикими сокровищами изобилующие, простираются от Аральского озера вдоль по Хивинской земле к Бухарии, те из них,

где в старину Сарты работывали, – лежат от реки Амин Дарьи в сорока верстах.

Если то справедливо, как и вероятно, что я в рассуждении тамошних рудников разведал, то можно почесть Хиву за новую Перу [подчеркнуто мною. – А.П.] *и следовательно колико бы желательно было, чтоб сии несметные сокровища, лежащие в земле туне, обращены были в пользу России. Коль ни довольно и одного сего к побуждению нас, не упустить подающегося случая ко овладению Хивою, то выгоды от того не ограничиваются сим одним; овладение Хивою отворит нам так сказать широкие врата к распространению торговли, не в одной сей части Азии, но до самыя Индии. Сколь же сие удобно и возможно ниже сие упоминается:*

Земля, известная под названием Великой Бухарии, есть по большей части бесплодна, гориста и пуста; в ней заселены одне плодородные и водою обильные земли, но таковых заселенных земель вообще взяв в сравнение пространство бесплодных, весьма мало.

Сии заселенные участки Великой Бухарии подвластны не одному, но разным, друг от друга независящим владельцам.

В тамошней стороне называемое Бухарское владение, со всеми от онаго зависящими городами и селами, оне составляет почти трехсот верст в длину и ста пятидесяти в ширину, Бухарской же хан находится в таком же зависящем, невольном и бедном состоянии от атталыка, или как ныне называется велламета, как и хивинский от инака.

Из Бухарии ходят беспрестанно караваны в Кабул и далее в Индию; дорога, как уверяли меня, не подвержена великим опасностям. Караваны из Бухарии в Индию до Кабула доходят меньше нежели в тридцать дней.

Индейские товары свозятся бухарцами в Кашкар или Малую Бухарию, где получают в уплату за оные товары по большей части серебро в слитках. Караванной путь из Бухарии до сей Малой Бухарии, продолжается тридцать же дней, и сказывают, что в прохождении пути сего, никакой нет опасности.

Сия Малая Бухария известна в Хиве и Бухарии, под именем Кашкара. Прежде владел там род Осбеков, но природные жители, будучи от них притеснены, просили тому назад около двадцати лет покровительства у китайцев, с помощью которых они и прогнали осбеков; с тех пор находятся они под владением китайцов.

В Хиве всегда происходящие междоусобия, насилия и грабежи содержат и всех вообще в непрерывном страхе, и нет одного дня, который бы могли они провести в безопасности; а сие причиною, что жителям и в мысль не приходят выгоды жизненные. Во всем краю нет в домах их не только мебели, ниже окна и печи. Вся посуда состоит у них в чугунных котлах, глиняных мисках, и в малом количестве, и то не у каждого полуженой медной.

Представя таковую жизнь, удобно заключить можно, за какое бы благодеяние принять они могли от России, то ежелиб избавила их от толь бедственного состояния.

Когда бы восстановиться в оном мог порядок, спокойствие, обезопаситься каждого собственность, и все рассеявшиеся сарты могли возвратиться в отечество свое, тогда бы Хива заселилася по-прежнему, произвела между прочим множество щелку, а хлопчатой бумаги столько, что могла бы одна продовольствовать ею всю почти Россию.

Из двадцати тысяч персидских невольников, находящихся ныне в Хиве, которые по большей части доселе поля тамошние обрабатывают, не многие бы пожелали возвратиться в отечество. С земель, которые бы им были отведены, одна пятая часть подати для правительства, составила бы великие доходы, сколько же бы они благоденствовали, когда ныне берущие на откуп земли, дают владельцам оных от получаемых с тех земель доходов целую половину.

Хивинцы и бухарцы от торговли с Россией получают за вычетом всех издержек чистой прибыли от каждой поездки, более ста процентов; а потому купцы тамошние, которые в Россию выезжают, очень недовольны, естли приезжают к ним российские подданные для закупки их произведений и товаров; для отчуждения российских купцов от торговли в их земле, причиняли им всевозможные притеснения.

Пред сим торговали в Хиву и Бухарию из российских подданных, россияне, армяне и татары; ныне ездят туда одни только татары, которые по согласию с тамошними купцами, старались и тех и других от торгу отдалить. Если хивинский купец захочет русского купца в большие ввести хлопоты, то подговаривает одного из наших татар, чтобы он объявил россиянина лазутчиком и жизнь его подвергается тогда крайней опасности.

Посыланные от нас в Хиву и Бухарию для разведывания татары, сами себя выдавали за лазутчиков, равно как и те, которые туда торгуют; они принимаются тогда ласково, дарятся и упускается им пошлина; а сие для того, дабы возвратясь в Россию описывали Хиву и Бухарию государствами сильнейшими, хотя в самом деле они ничего не значат.

Хивинцы и бухарцы ныне привозят в Оренбург и Астрахань ежегодно товаров, когда избавятся на проезде своем от грабежей киргизских, по цене на два миллиона или около того, а наших товаров вывозят меньше нежели на один миллион... По мнению Бланкенагеля, торгового равенства с Хивой путем переговоров добиться невозможно, и он считает, что поэтому *...нет к сему другого способа как овладение Хивою.*

Выше показано, какое удостоверение я о богатых и неисчерпаемых хивинских золотых и серебренных рудниках [получил]*; сие вели-*

кие сокровища в рассуждении их обработывания и привозу, несравненно дешевле обходиться нам будут нежели перувиянские для Гишпании.

Развивая дальше свои планы колонизации Хивы, майор Бланкенагель пишет:

Рукаву реки Амин Дарьи, впадавшему прежде в Каспийское море и загражденному Осбеками плотиною, дать прежней ток можно, как уверяли меня, в тридцать дней, употребя на работу сию не более пятисот человек. Рукав сей по открытии своем доставит торговле нашей величайшие выгоды; посредством онаго с малыми издержками, доставляться могут из Астрахани всякие товары в Хиву, а из оныя в Бухарию и в Бадахшан, которой город близ Индии.

Астрахань будет тогда почитаться из первейших торговых городов, а Хива из презренного места соделается средоточием и складочным местом азиатической торговли; тогда всех окружающих оную владений и народов безопасность жизни и собственности и свобода торговли привлекут туда отовсюду множество торгующих.

Тогда получать мы будем из первых рук не токмо тамошние, но и индейские произведения и товары.

Хлопчатая бумага, которой столько мы вывозить можем, сколько захотим, распространит наши бумажные фабрики, и со временем можем мы сами делать все те товары, какие вырабатывают из оной Индия и Европа.

Все сии богатые отрасли торговли зависят от овладения Хивою; и сие тем должно быть для нас важнее, что для овладения Новою Перу, нет нужды вооружать флотов, посылать большие войска, употреблять великие издержки и проливать кровь, словом овладение Хивою не может стоить нам почти ничего, а сие ничего доставит России великие сокровища, и, что лестнее, – доставит народам тамошним безмятежие и спокойствие.

А хотя бы столь же удобно было овладеть и Бухариею, но сие на первой случай излишне. Владение сие, отстоящее от Хивы на триста только верст, не может тогда ни в чем препятствовать нам и согласится на все, чегоб от оной не потребовала Россия. В безопасности пути нашем караванном до Кабула, моглаб и долженствовала отвечать Бухария.

Овладением Хивы и приведением Киргисцов в большую зависимость, можно довести их до того, чтоб употреблять их с пользою и в службу так, как башкирцов наших.

Главнейшее затруднение в овладением Хивинскою областию состоит в том, чтоб туда добраться; но если надлежащие меры приняты будут, то проход туда сделается весьма удобным. Я осмеливаюсь утвердительно сказать, что с пятью тысячами человек

можно без затруднения взять все Хивинское владение, хотя бы осбеки и прочие народы и стали в том препятствовать; но для вящей безопасности и к лучшему всех тамошних стран в спокойстве и тишине удержанию, можно бы туда переселить еще несколько тысяч казаков, а после того уже нечего будет опасаться

Кроме вышепомянутых пяти тысяч человек войска и казаков, найдутся несколько тысяч Российских подданных, находящихся в полону, и более двадцати тысяч персидских невольников, кои все России преданы будут и телом и душою.

На выкуп из полону тамошнего Российских подданных, понадобилась бы сумма превосходнее той, во что может стать овладение Хивою.

Доходами Хивинскими можно содержать войска тысяч десять.

Я, не исчисляя подробно всех величайших выгод от завладения Хивою полагаю.

1-е что Меньшая Киргизская орда, между Оренбургом и Аральским озером находящаяся, могла быть совершенно покорена России.

2-е что приобретением Хивы и в теперешнем положении торговли, которое есть только тень того состояния, до которого она доведена быть может, Россия выиграла бы ежегодно до миллиона рублей, которая сумма ныне наличными деньгами из государства выходит.

3-е что по овладении Хивою может установлен быть торг прямо с Индиею.

4-е что приобретением Хивы были бы освобождены из плену несколько тысяч Российских подданных

5-е что буде известия о Хивинских богатых рудниках золотых и серебряных, как выше показано, самым делом подтвердятся, то какой бы источник богатства доставило России овладение Хивою...[135]

Мы сочли целесообразным привести материал Майора Бланкенагеля, в связи с тем, что в нем практически изложена детальная программа дальнейшего продвижения российских владений в Центральной Азии и приведены основные мотивы необходимости колонизации этих территорий. Конечно, эти мотивы были для того времени вполне типичными, когда речь шла об отношениях «цивилизованных» империй вроде Российской или Британской и их близких и далеких соседей-«варваров». Некоторые сюжеты звучат удивительно современно – например, желание России уничтожить «угрозу» со стороны Хивы в отношении Персии. Основное все-таки это борьба за обеспечение привелигированных прав для русских купцов на территории Хивинского и соседних ханств, а также – мечты о завоевании для России «Новой Перу» с несметными богатствами золота и серебра, мечты, которые российские правители лелеяли еще со времен Петра Первого, и которым не суждено было сбыться по той простой причи-

не, что по-настоящему значительных запасов этих ценных металлов в этих ханствах не было. Следует заметить, что в 1814-1815 гг. из Троицка была направлена специальная экспедиция *в Киргизскую степь под управлением подполковника Феофилатьева и надворного советника Чекалова для освидетельствования свинцового и серебряного рудников*. В 500 верстах от Троицка в урочище Тургай экспедиция действительно обнаружила месторождения свинцовых и медных руд, но серебра добыто не было. Однако горные инженеры все-таки привезли для Миязского завода более 6000 пудов свинцовой и 100 пудов медной руды[136].

Наиболее далеко на территорию Центральной Азии проникли в 1794–1797 и в 1800–1802 г.г. экспедиции Безносикова, Телятникова, Бурнашева и Поспелова, которые дошли до Ташкента и Бухары и получили наиболее достоверные сведения о пределах китайского влияния в Центральной Азии. Нам удалось обнаружить четыре отчетных документа, связанных с этими экспедициями: *Журнал похода подпорутчика и атамана Телятникова в Ташкению с описанием пути местоположения и прочего*[137] (1796 г.), официальный отчет *О поездке в Ташкент двух горных офицеров: Бурнашова и Поспелова*, 1800-1802 гг.[138] и две карты. Первая из этих карт показывает маршруты 1794, 1795, 1796 и 1797 годов и, по-видимому, является лишь черновым наброском[139], так как она очень искаженно передает очертания основных географических объектов, например, озера Балхаш и озера Тускель (Иссык-Куль). Видимо основной задачей авторов было показать линию китайских форпостов и границу Китая, которая согласно карте проходит по внешним постам западнее Зайсана, но восточнее Иссык-Куля.

Другая карта составлена значительно тщательнее и имеет развернутый заголовок-легенду следующего содержания: *Карта, изображающая степь, прилежащую к Российской границе и занимаемую Киргис-кайсаками большой, средней и малой орды так же и каменными или дикими киргисцами и некоторые Азиатские владения к Великой Татарии принадлежащие, на которой представлены пути отряжаемых из России чиновников, а имянно в 1794м году Оренбургской линии из крепости Троицкой сержанта Безносикова (что ныне переводчиком Государственной иностранной коллегии) и унтершихтмейстера Тимофея Бурнашева (который ныне берг-гешвореном) в Большую Бухарию до столичного оной города Бухары, которой означен красною краскою, а синею из написанного города Бухара обратной в Россию Оренбургской же линии в крепость Орскую. Обоими сими путями большею частию ходят как в Бухарию, так и из оной в Россию купеческие караваны. В 1796 году того же Безносикова и с ним казачьих сибирских войск начальника Телятникова Сибирской линии из фарпоста Семиярскаго в Ташкентское владение и обратно оттуда в фарпост Коряковской из коих перед-*

ний означен умброю, а обратной зеленою красками. А потом в 1800 г. в Ташкению ж берггешворена Бурнашева и Поспелова передней из фарпоста Семиякаго чрез урочище Тюс-Булак каковая дорога хоть и есть самая ближайшая, однакож при том и самая опаснейшая от Каменных или Диких киргизцов. Обратный же оттуда путь чрез урочище Уванас на крепость Ямышевскую, каковая дорога несколько далее, но не толь опасна – по обоим сим путям ходят киргизцы в Ташкент и обратно оттуда, а изредка купеческие караваны[140] (масштаб 100 верст в дюйме). На карте показаны цепи китайских фарпостов (*Бурухаржирской*, *Читанской*) и караулов (*Барлык*, *Чаган-туги*, *Емурсук* и др.) а также – граница, охватывающая с запада Зайсан и Алаколь, причем *Тускель* (Иссык-Куль) и Балхаш остаются вне пределов Китая (граница проведена по юго-восточному берегу Тускеля).

Следует заметить, что Бурнашев и Поспелов были отправлены в Ташкент 7 апреля 1800 года по именному указу императора Павла I от 9 марта 1798 года, и официальной целью этой поездки было вручение письма правителю Ташкента для установления с ним официальных отношений[141]. Экспедиция вышла в мае 1800 года из Ямышевской крепости переправой через Иртыш в форпосте Семипалатинском. Проводником экспедиции был киргиз, а безопасность отряда обеспечивали 25 казаков. Путешественники от Иртыша направились к горам *Куказлыку*, далее прошли через китайский пикет *Бокты*, горы *Каркаралы* и *Кен Каралы*; отметили развитие земледелия на реке *Нуре*, в районе которой встретили *Сукел Султана*, который велел своему сыну, проводнику и двум киргизам сопровождать русских. 28 июня экспедиция прибыла в Ташкент, где была встречена с истинно восточной пышностью, однако, пробыв в гостях у правителя более трех месяцев, русские эмиссары практически не достигли никаких дипломатических успехов: узбекский правитель Юнус Ходжа направил в ответ императору России письмо, в котором не содержалось ничего кроме восторженно выраженных приветствий[142].

В обратный путь экспедиция отправилась 1 октября вместе с купеческим караваном, по иному маршруту, который пролегал через город Туркестан и предгорья Каратау[143]. По результатам своих наблюдений путешественники составили детальные описания (Бухарии – Бурнашева и маршрута всего путешествия – Поспелова), тексты которых, как упоминалось выше, сохранились целиком в Архиве внешней политики Российской Империи[144]. Участники экспедиции вполне обоснованно утверждают во вступлении к своему отчету, *что для государственной системы может быть небесполезно, сколько нибудь удовлетворительное сведение о сих обитателях, кои в соседстве с границами России, и иногда по своему сближению с Персией и Восточной Индией, чрез взаимную торговлю могли бы пользы свои сливать с пользами России, паче при удалении препятствия*

в степи киргиз кайсаков от их грабежей купеческих караванов. Почему все относительные на сей край замечания, кои имеют нужные черты на тамошнее изобилие, могущество, порядок управления, торговлю и прочее, с изображением в начале о Киргиз Кайсаках и удобности прохождения чрез степь ими обитаемую, все сие как будучи учинено с личного и точнейшего удостоверения, в надлежащем порядке при сем прилагается[145]. В отношении киргиз-кайсаков в отчете особо подчеркнуто: *В круге политическом они не имеют участия с пограничными народами, но бывают иногда сношения, особливо Хана Средней Орды с Китайским Императором, которого по временам и посланники бывают в Орде*[146].

Итак, карты и отчеты путешествий Безносикова, Бурнашева, Телятникова и Поспелова однозначно свидетельствуют о том, что местное начальство Оренбургской линии хорошо было осведомлено о пределах распространения китайской юрисдикции на территории Центральной Азии и Казахстана в конце XVIII века. Однако эти сведения, как неоднократно бывало и ранее, практически не доходили до петербургских картографов, о чем свидетельствует, например, *Карта, представляющая расположение квартир сухопутных войск Сибирской инспекции*, составленная известным картографом начала XIX в. генерал-майором Опперманом и хранящаяся в настоящее время в Эрмитажной (императорской) коллекции Отдела рукописей Российской Национальной библиотеки в Санкт-Петербурге[147]. На этой карте *Бывшее зенгорских калмык владение* под властью Китая показано заходящим далеко за озеро Балхаш.

Первая британская миссия в Бутан и Тибет (Джон Богл, 1774-1775 гг.)

Правителей Ост-Индской (британской) компании в Индии, так же как и Россию, весьма интересовало развитие военно-политических событий в Центральной Азии, и, особенно, крупные изменения в регионе, явившиеся результатом экспансии Цинского Китая на западных рубежах империи. Наибольший интерес англичане в то время проявляли к соседним с их индийскими владениями Бутану и Тибету. Первым, и весьма ярким примером проявления этого интереса явилась миссия Ост-Индской компании 1774-1775 гг. Во время работы в Отделе рукописей Французской Национальной библиотеки в Париже нам удалось обнаружить неизвестный ранее вариант отчета об этой миссии (*Меморандум о Тибете*) английского посланника Ост-Индской компании в Бутан и Тибет, молодого шотландца Джорджа Богла (1746-1781 гг.)[148]

В течение длительного времени итоги миссии и собранные ею материалы оставались практически не введенными в научный оборот.

Единственным кратким описанием путешествия была публикация спутника Богла, капитана Самуэля Тёрнера в 1800 г.[149] Как отмечал известный историк Ост-Индской компании Клемент Маркхам, *открытие журналов и других бумаг господина Джорджа Богла, который был послан с миссией на Тибет Уореном Гастингсом, и господина Маннинга, единственного англичанина, посетившего Лхасу, предоставили значительное количество работы Департаменту* [истории] *на 1876 год. Таким образом была санкционирована официальная работа по Тибету*[150]. Описание миссии было издано весьма оперативно, в том же 1876 году[151]. Заметим, что рукопись, обнаруженная нами в Национальной библиотеке в Париже, поступила туда в 1822 году, т.е. задолго до обнаружения материалов по этому путешествию, хранящихся в бумагах Ост-Индской компании, и, очевидно, была неведома Клементу Маркхаму. Более поздние исследователи также не были знакомы с этим меморандумом, в частности, активно занимающаяся в последнее время творчеством (в основном эпистолярным) Джорджа Богла и других ранних британских путешественников по Индии и соседним странам, Кэйт Телтчер, также не использовала *Меморандум*. Дж. Богла из Парижской Национальной библиотеки[152].

Младший сын видного торговца табаком из Глазго, Джордж Богл в 13 лет лишился матери, а на следующий год он на некоторое время поступил Эдинбургский университет для изучения логики, откуда, в возрасте 18 лет перешел в частную Академию в Энфилде для продолжения своего образования. После шестимесячного путешествия по Франции он в течение четырех лет работал клерком в лондонском финансовом отделе внешнеторговой фирмы его брата Роберта «Богл и Скот». Вслед за этим, по протекции друзей, получил назначение в качестве чиновника Ост-Индской Компании. Богл прибыл в Калькутту в разгар ужасного голода в Бенгалии. В сентябре 1770 года он писал своему брату Роберту о страшных картинах множества жертв голода, умирающих прямо на улицах[153].

Джорджу Боглу было 28 лет, когда его назначили первым британским посланником в Бутан и Тибет, по прошествии немногим более четырех лет после его прибытия в Индию. Миссия должна была заключить торговый договор между Бенгалией и Тибетом, с тем, чтобы открыть путь через Бутан. В тот период, в течение нескольких лет Ост-Индская компания старалась исследовать возможности трансгималайской торговли. Тибет рассматривался в качестве пути в Китай, посредством которого можно было избежать тех торговых ограничений, которым Компания подвергалась в Кантоне. Эти стремления стали более острыми и актуальными в связи с финансовыми потерями, которые Ост-Индская компания понесла из-за голода в Бенгалии в 1769–1770 гг.

Генерал-губернатору Уоррену Гастингсу предоставился повод расширить британское влияние в этом районе благодаря нападению

бутанцев на княжество Куч Бехар – небольшое государство, граничавшее с Бенгалией. Раджа Куч Бехара обратился в Калькутту за военной помощью, которая была ему предоставлена на том условии, что Компания становилась сюзереном княжества. В 1773 г., после поражения войск бутанцев англичанами, Гастингс позитивно откликнулся на заверения о мире, направленные ему Лобсанг Палден Яше, Третьим Пачен Ламой Тибета, который был известен британцам как Тешу Лама, человеком больших талантов и инициативы, который достиг значительного влияния в Тибете и в соседних государствах в период малолетства Восьмого Далай Ламы. Таким образом, именно в ответ на мирные инициативы Панчен Ламы Богл был назначен послом в Бутан и Тибет.

Гастингс снабдил Богла инструкцией, в которой от посланника требовалось вести *дневник, отмечая в нем любые проходы (перевалы), которые Вы видели,* [а также] *Вам следует описывать народ, страну, климат, пути сообщения, их манеры, обычаи, постройки, пищу и т.д., а так же интерес к торговле со стороны этой страны, иметь с собой карандаш и записную книжку для заметок о каждом факте или высказывании, в тот момент, когда они случились, с тем чтобы* [изложить] *их в должном порядке на досуге, пока они еще свежи в памяти*[154].

В отряд, помимо Богла, входили хирург Компании по имени Александр Гамильтон, представитель Ламы Пурангир Госаин (Purangir Gosain) и слуги.

Миссия Богла вышла из Бейхара (Beyhar) 8 июня 1774 года[155]. На пути из Бенгалии в Бутан шотландский путешественник впервые познакомился с местной «транспортной службой» носильщиков-кули, которую Богл описывает следующим образом:

Эта служба [повинность] *настолько хорошо налажена, что их народ подчиняется ей безропотно, причем ни пол, ни юность, ни старость не* [могут служить оправданием] *для отказа от этой службы. Груз привязан на их спинах с помощью короткой палки, пропущенной под руками, используемой в качестве опоры, когда они отдыхают; несмотря на то, что они по природе физически сильны и привычны к такого рода труду, удивительно, какие грузы они могут переносить. Девушка 18 лет прошла однажды 15 или 18 миль с грузом весом 70 или 75 фунтов* [28 – 30 кг]. *То же самое расстояние мы вообще едва смогли преодолеть без какого-либо груза*[156].

Прибыв в Тассасудден (Tassesudden) Богл провел период с 5 по 14 июля 1774 года в переговорах с Дебе Раджой (Debe Rjah) и его приближенными, главной целью которых было получить разрешение на посещение Тибета. Раджа объяснил посланнику Ост-Индской компании, что Пачен Лама был независим лишь в религиозных делах, а юридически он подчинялся китайскому императору, который выказал недовольство, узнав о миссии из Индии. В связи с этим раджа про-

сил направить в Китай копии с писем англичан Пачен Ламе (письма были составлены на бутанском и персидском языках) и дождаться решения китайских властей. Помимо этого он много говорил о трудностях предстоящего пути и советовал англичанам отказаться от продолжения миссии. В ответ шотландец сообщил, что Тешу Лама сам был инициатором посольства и послал письмо Правителю Ост-Индской компании. Судя по дальнейшим переговорам позже Лама расхотел принимать англичан[157]. Размышляя о возможных причинах такого непоследовательного поведения Панчен Ламы, Джордж Богл выдвигает в качестве одной из них относительно более уязвимое (по его мнению) географическое положение Тибета по сравнению с Бутаном, хорошо защищенному горами. В частности, он замечает по этому поводу следующее: *Территория Ламы по всем параметрам находится в иной ситуации* [по сравнении с Бутаном]. *Его* [Тибета] *торговля с Китаем и его изделия сдерживают соблазн агрессора, в то время как открытость* [незащищенность] *страны создает трудности в противодействии такой аргессии. Я уверен, что именно эти обстоятельства являются истинными причинами возражений Тешу Ламы против моего путешествия. Приказ императора – лишь покров, скрывающий ее* [эту причину]. [Этот приказ] *конечно возбуждает такую ревность и пробуждает внимание; он способствует усилению страхов Тешу Ламы перед Китаем, в случае, если этот приказ вполне серьезен, или дает им оправдание, в случае если он выдуман*[158]. Выбирая пути преодаления сопротивления тибетцев его миссии, британский путешественник решил существенно сократить число своих спутников, что он оправдывал также желанием *погрузиться в жизнь тибетцев без всякой помехи.* В связи с этим решением он отправил большую часть своей свиты обратно в Калькутту.

Ожидая решения тибетских властей, Богл собирал в Бутане сведения об условиях пребывания иностранцев в Лхасе, выяснив, в частности, *что когда какие-либо тюрки* [по-видимому имеются ввиду представители мусульман Центральной Азии – А.П.] *или русские* [подчеркнуто мною – А.П.] *прибывали туда, к каждому из них китайцы приставляли охранника; что всего в Лхасе было 1000 таких охранников и что страна Ламы управлялась и охранялась* [императорским] *двором*[159]. В своем письме правителю Бутана, Пачен Лама подтверждал собранные Боглом сведения, заявляя, в частности, *что в Лхасе имеется отряд китайцев, и что турки, русские и другие народы (чьи названия я забыл) никогда не допускались туда без охраны, почему он* [Лама] *был бессилен что-либо сделать* для *Fringy.* Шотландский путешественник выяснил, что Fringy местные народы называли англичан, объединяя при этом понятия Fringe – *маргинальный, заграничный,* Foraying – *нападающий, грабящий* и Foreign – *иностранный.* Богл пытался объяснить высшим чиновникам Бутана, что они несправедливы к англичанам, используя этот термин. По этому

поводу он, в частности, заметил следующее: *Я объявил войну слову «Фринджи», которым здешний народ продолжает называть англичан, и при любой возможности атакуя его пытался заменить его термином Энрайз* [Enrize][160]. *Само звучание* [слова «Фринджи»] *постыдно, а приравнивая англичан к любой другой европейской нации,* [они] *делают их ответственными за то, что португальцы совершили два столетия назад; достаточно того, чтобы мы могли отвечать за самих себя* [за наши собственные деяния] [161].

С другой стороны, Дж. Боглу очень понравились бутанцы, о которых он, в частности, заметил следующее: *Чем более я встречаюсь с бутанцами, тем более они мне нравятся, это простые люди, искренне добродушные и, я уверен, весьма честные. Государственные деятели* [в своем облике] *имеют черты, специфические для их профессии. По телосложению они являются наилучшим народом, из всех кого я когда-либо видел, многие из них очень красивы по цвету кожи и столь же светлы, как французы*[162].

В конце концов Джорджу Боглу удалось убедить правителя Бутана написать Тешу Ламе рекомендательное письмо по поводу его миссии. Посланника правителя Тибета Госсейна Богл уговаривал убедить Ламу не просить у Пекина разрешения на прибытие английской миссии в его резиденцию, которая находилась достаточно далеко от Лхасы, где были китайцы[163]. Объясняя мирный характер миссии Богл утверждал следующее: *Я заметил, что манеры и обычаи страны, а так же растения и животные были объектами любопытства Правителя, и что он велел мне интересоваться ими, но я уверял его, что сила и количество войск, или мощь страны являлись предметами настолько полностью безразличными Правителю, что он желал, чтобы я не делал ни малейших распросов о них; если же учитывать расстояние между странами, разницу в климате и другие обстоятельства, то Бенгалии столь же мало следует опасаться Тибета, сколь Тибету бояться Бенгалии.* С другой стороны, посланник Ост-Инской компании счел необходимым закончить свою тираду скрытой угрозой: *Я сказал ему убедительно представить* [все эти доводы] *Ламе, так как отказав мне в разрешении посетить свою страну, он незаслуженно оскорбит Правителя.* Таким образом, используя различные аргументы и, в том числе, обычную взятку, Боглу удалось убедить посланника приложить все старания для достижения его целей. *И со всеми этими различными аргументами,* – говорит он, – *использованными мною, я смог переплести его собственный Интерес, как наилучший стимул его стараний*[164].

От себя Богл написал Ламе следующее послание (на бутанском языке), полный текст которого на английском языке приведен в Меморандуме: *По пути к Тассесуддену я был удостоин Вашим письмом, и сердце мое возрадовалось сообщением о Вашем благополучии. Ваши служащие, которые теперь возвратились к Вам проинформи-*

руют Вас о том удовлетворении, которое получил от Вашего письма Правитель, мой господин, и от того, что благодаря Вашему содействию был заключен мир между англичанами и Дебе Раджей, который будет царить вечно. В этот период всеобщего удовлетворения, я прибыл сюда с ответом Правителя и некоторыми свидетельствами его уважения.Он желает развития дружбы с Человеком, чьи молитвы возносятся во имя благополучия Человечества и чьи усилия направлены на преодаление различий между ними [народами]. *Именно для этой цели я послан.Если мне будет отказано в праве предстать пред Вами, мое сердце опечалится, а голова Правителя будет опозорена. Не имея мунши* [секретаря], *я не могу вдаваться в дальнейшие подробности, но Госсейн представит их Вашему просвещенному уму*[165].

По совету Госсейна, Богл ходатайствовал о включении в свой паспорт не более трех-четырех слуг.

В случае полного отказа Ламы допустить английскую миссию на Тибет, Богл в своем письме Правителю Ост-Индской компании Уоррену Гастингсу предлагал использовать для посольства купца-мусульманина из Бенгалии[166].

В разговорах с Госсейном англичанин узнал, что во время войны Бутана с Англией Дебе Раджа обращался к своим соседям с предложением объединится против общего врага, утверждая, что англичане *атаковали его сегодня и аттакуют их завтра*; коалицию ему создать не удалось, хотя некоторые правители были совсем непротив расширить свои владения за счет соседей, пользуясь создавшейся обстановкой. Тешу Лама участвовать в военных действиях против англичан наотрез отказался, так как он был в принципе против войн и кровопролития; он выступил в качестве посредника в установлении мира[167].

В конечном итоге Боглем было получено разрешение на посещение Тибета, о чем он с радостью сообщил в своем Меморандуме следующее: *13 октября (?)* [здесь и далее шотландский путешественник не гарантирует точности дат – А.П.] *1774 г. я покинул Ташешуджон... с У Гамильтоном, Мена Сеттаром, жителем Кашмира, который присоединился ко мне в Ронг Пуре и говорил на языке этой страны, посланником, который был направлен за мной и служащим Дебе Раджи, который должен был меня сопровождать до границ страны*[168].

В дороге Джордж Богл занялся подробным описанием вооружения бутанцев, в котором, по его наблюдениям, преобладало старинное оружие (лук, стрелы /отравленные/, копья), хотя огнестрельное оружие, употреблявшееся редко, так же отмечено – кремневые ружья и пушки[169].

23 Октября 1774 года отряд пересек границу владений Ламы. Последующее повествование Богла становится подробнее. Он начинает уделять пристальное внимание описанию быта и нравов тибетцев и,

в частности, отмечает обычай захоронения, когда умерших оставляли на съедение хищниками (в основном птицам) на вершинах специальных сопок. Исключение делалось лишь для умерших от оспы, которых закапывали в землю и для лам, сжигавшихся на сандаловых дровах[170]. По ходу следования миссии доктор Гамильтон занимался сбором гербария и семян а также ботаническими описаниями[171]. Описывая местную фауну, шотландский путешественник упоминает животное, похожее на осла с местным названием *Киянг* (Kyang). На территории Тибета Богл и его люди столкнулись с запретом на охоту, но когда отряд отошел от священных гор, тибетцы пошли на компромисс, разрешив поохотиться в пустынных и ненаселенных местах.

Описывая различные технические средства, использовавшиеся тибетцами, в частности – маслобойку (churn) и устройство для резки соломы, Богл замечает следующее по поводу совершенства этих машин: *Так как я помню, насколько великим открытием почиталось в Англии* [устройство для] *резки соломы, я упоминаю это только для того, чтобы показать, что те народы, которые недооценивались европейцами, могут без помощи Королевских Обществ, обнаруживать полезные искусства жизни; а что касается остального, насколько они* [эти народы] *являются благом для Человечества, или наоборот – это вопрос, находящийся вне моей компетенции*[172]. В качестве еще двух примеров реальных достижений тибетцев в развитии самобытных технических средств Богл далее описывает детально деревянные паромные переправы и обтянутые кожей грузовые баржи[173].

8 ноября 1774 года миссия Ост-Индской компании прибыла в резиденцию Тешу Ламы, расположенную в Дешерипгее. Джордж Богл следующим образом описывает дворец Ламы: *Дешерипгей расположен в узкой долине, у подножья крутого, скалистого холма. Дворец невелик: в высоту он всего лишь двухэтажный, а с трех сторон – окружен рядами небольших аппартаментов с галереей вокруг них, что в совокупности формирует Малый Двор, выложенный камнем. Все лестницы деревянные и широкие, крыши украшены медными кованными орнаментами, а на фронтоне дома – тремя круглыми латунными пластинами,* [символизирующими собою] *Ом, Хэм и Хунг. Покои Ламы расположены наверху. Они невелики и увешаны различными цветными щелковыми тканями, видами Поталло, Джешу Лумбу и т.д. В двух милях от Дешерипгея стоит крепость Чамнамнинг*[174].

16 ноября 1774 года к миссии Богла присоединился мусульманин Магомет Таки [Mahomed Tucky] [175].

Джордж Богл вручил Ламе личное письмо правителя Ост-Индской компании, его подарки и свой собственный подарок (щелковый платок «Пелонг»). Посланник и его спутник Гамильтон были встречены очень хорошо и так же получили подарки. В *Меморандуме* Бог-

ла подчеркнуто, что несмотря на то, что Лама почитается живым богом во всех восточных окраинах Азии, он вел себя с иностранцами весьма вежливо и просто, проявляя большой интерес ко всему о чем ему рассказывали. Действующий духовный правитель Тибета описан шотландским путешественником следующим образом:

Тешу Ламе около сорока лет, он невысок и, хотя не может быть назван толстым, но склонен к полноте. Цвет кожи у него светлее, чем у большинства тибетцев, а его руки такие же белые, как у европейцев. Его волосы, черные как вороново крыло, пострижены очень коротко; борода и бакенбарды – никогда не длиннее месячных. Глаза у него маленькие и черные, а лицо – улыбающееся и добродушное. Его отец – тибетец, а мать является близкой родственницей раджи Ладака. От нее он научился индостанскому языку [хинди], *который знает сносно и очень любит на нем говорить. Он ведет себя открыто, искренне и щедро.Он очень весел и занятен в разговоре, и рассказывает приятную историю с обилием чувства юмора и действия. Мне удалось раскрыть его лукавства, те дефекты, которые неотъемлимы от Человечества, но он настолько всеми любим, что ни у меня, ни у кого другого не хватило бы смелости плохо отозваться о нем*[176]. Особо отмечена большая щедрость Ламы, причем он часто одаривал своими милостями странствующих факиров-мусульман, несмотря на враждебность их религии ламаизму. Как полагал Джордж Богл, одной из причин поощрения Ламой посещений факиров было его желание узнать как можно больше о соседних азиатских странах, и, возможно, распространить среди их народов добрую славу о Далай-Ламе.

Для теплоты и удобства Тешу Лама дал англичанам одежду, украшенную шкурами сибирских лис и соболей и по паре красных сапог, таким образом, как отмечает Богл, они были одеты по-русски: *Dressed like that which we call Russia*[177].

Представителей Ост-Индской компании, как первых европейцев в этих краях, непрерывно посещали любопытствующие тибетцы.

Описывая в письме Гастингсу значение правящего Тешу Ламы на Тибете, Дж. Богл отмечает следующее: *Характер и способности Тешу Ламы, факт обнаружения им и установление на престоле в Потало теперешнего Далай Ламы, благоволение к нему Императора Китая и обеспечение им назначения военачальником Гесуб Кембокая* [Gesub Kembocay] *обеспечивает ему громадное влияние. Местом правительства, однако, является Лхаса. Император Китая – Высший сюзерен, представленный двумя китайскими офицерами, сменяемыми каждые два года. Эти люди должны докладывать своему Двору о положении в стране, но мне говорили, что они редко вмешиваются в управление ею, которое на период малолетия Далай Ламы доверено Гесубу и четырем министрам. Тешу Ламе принадлежит большое количество деревень и монастырей, разбросанных по Тибету*

вперемешку с владениями Далай Ламы. Для того, чтобы попытаться объяснить характер Правительства, в котором столь много различных интересов переплетены воедино, я был бы принужден рассказать о таких деталях, которые при моем несовершенном знании страны вряд ли были бы оправданы[178].

По поводу возникновения китайской власти на Тибете Дж. Богл замечает следующее: *Около семидесяти лет назад Император Китая приобрел права сюзерена Тибета, таким же образом, как подобные права обычно приобретаются – путем вмешательства в ссоры между двумя конфликтующими партиями*[179]. Шотландскому путешественнику удалось также получить следующие, может быть излишне эмоционально окрашенные, но достаточно объективные сведения об истории завоевания Цинской Империей *калмыков* [Джунгарии] и влиянии этого факта на взаимоотношения России и Китая: *Правящий император обладает необузданным и жестоким темпераментом... Он, частично с помощью коварства, недостойного великого монарха, привел калмыков к жесткому подчинению... Но ссоры о границах и миграции подданных между ним и Двором Петербурга, в течение нескольких прошедших лет весьма вероятно могут привести к разрыву* [между Китаем и Россией], *в результате чего, как мне кажется, он обречет себя на откровенную взбучку* [со стороны России], *которую Лама старается предотвратить; но китайцы* [мне] *представляются неправыми, однако высокомерное сознание императора не дает ему остановиться и пойти на какие-либо уступки*[180].

В конце ноября члены миссии по приглашению Ламы отправились с ним вместе в Тешу Лумбо (Teshoo Loombo), которая являлась столицей провинции Тешу Ламы. Они шли по западному берегу реки Чамнамнинг (Chamnamning) и прибыли в столицу 13 декабря 1774 года[181].

По поводу пребывания миссии в Тешу Лумбо Богл пишет следующее:

Со дня нашего прибытия в Тешу Лумбо и до 18 января [1775 г.] *Лама был занят приемом посетителей и подарков. В числе его почитателей был большой караван калмыков, которые преподнесли его святилищу слитки серебра, меха, шелковые ткани и верблюдов* [dromedaries] *Они оставались в Тешу Лумбо около месяца и затем отправились в Лхасу, где провели около десяти дней, а после вернулись в свою страну, расположенную на расстоянии около трех месяцев путешествия на север*[182].

В числе официальных посетителей Тешу Ламы были ламы из Урги (Hirka) [Улан-Батор] и Дели.

Описывая дворец, Богл отмечает большое количество европейских вещей, привезенных на Тибет через Россию, в частности – *Потолки галереи покрыты сатинами, самых различных типов, неко-*

торые китайские, некоторые калмыкские, некоторые европейские, привезенные через Россию по суше[183]. Один из комендантов крепости под юрисдикцией Тешу Ламы – Дело Динги (Delo Dingee) – нередко заходил к Боглу и, однажды он сказал ему, *что ему нравятся русские за их враждебность к китайцам, которые* [по его мнению] – *низкий, коварный и недостойный народ*. По этому поводу шотландский путешественник замечает: *Признаюсь, я был очень удивлен... до тех пор, пока не узнал, что он раньше был на службе последнего тибетского раджи Ванг Кушу, который около двадцати пяти лет назад был предательски убит китайцами в Лхасе*[184].

В отношении этнической принадлежности *калмыков* у Богла, по-видимому, не было определенности: не исключено, что часть из них была действительно калмыками из Джунгарии, а в некоторых местах он называет их также сибиряками, поэтому, возможно, имелись ввиду буряты. Во время игры в восточный (командный) вариант шахмат Джордж Богл в команде с калмыками или татарами (под татарами Богл, скорее всего подразумевал монголов) всегда обыгрывал тибетцев[185]. В одном из ритуалов, свидетелем которого был Богл, магическое действие кончалось сожжением дьявола, *пришедшего на Землю, чтобы уничтожить всех, кого он сможет поймать*. Существо это, по мнению Богла, весьма напоминало европейца[186].

В период пребывания в Тешу Лумбо члены британской миссии многократно убеждались в «обширности географического охвата» ламаистского мира и его полиэтничности. Одним из ярких эпизодов, подтверждающих эти впечатления, было знакомство Богла с монгольским (по его терминологии – татарским) ламой, о котором он рассказывает следующее: *Татарский лама* [Хутухта], *который был направлен в качестве посланника от Великого Ламы Урги, известного в Индии под именем Таранот, уроженец Ладака, долго живший в Татарии, приятный и интересный человек; он принес мне полный котелок чая и платок. Я хотел отдать ответный визит, но он извинился, что не может меня принять, так как должен быть при Тешу Ламе. Он оставался в городе еще некоторое время после ухода калмыкских пилигримов в Лхасу, и снова посетил меня перед тем, как отправиться в обратный путь*[187].

По просьбе Тешу Ламы Дж. Богл написал для него обзор европейских стран, с основным вниманием к Англии и Франции[188]. Остаток своего пребывания в Тешу Лумбу (до 30 марта 1775 г.) шотландский путешественник провел занимаясь с утра и до вечера переводом бумаг о Тибете, которые Лама предоставил в его распоряжение.

Особый интерес в *Меморандуме* представляют собой подробные сообщения Богла о его встречах и разговорах с Тешу Ламой. Они общались на языке хинди.

Значительное внимание представитель Ост-Индской компании уделял выявлению взаимоотношений Тибета с соседями. В частности,

он выяснил, что Бутан считался в это время вассалом Тибета. Объясняя, почему Лама сначала отказал в разрешении английскому посланнику приехать в Тибет, он заявил следующее: *Я откровенно признаюс,.., что побудительной причиной отказа Вам в посещении* [Тибета] *поначалу было то, что многие люди убеждали меня против этого визита. Я много слышал также о могуществе Fringies; что Компания подобна великому королю и любит войну и завоевания...* [189]

Лама просил англичан выделить место для молитв тибетцев на берегах Ганга (священной реки всех буддистов) и обращался к посланнику Ост-Индской компании за поддержкой в этом вопросе. Лама интересовался так же отношением англичан и китайцев, на что получил ответ, что Англия имеет торговую факторию в Кантоне, пользующуюся поддержкой китайцев.

Следующий отрывок из отчета Богла о его разговорах с Ламой свидетельствует о многообразии обсуждавшихся тем с весьма явно выраженной в их содержании геополитической составляющей:

Он спросил меня, близко ли расположена Россия к Англии, и я ответил, что расстояние это велико и много стран расположено между ними... Он интересовался, молимся ли мы кресту или Христосу, обозначая знак креста своими пальцами, и добавляя, что ранее некоторые «Фринджи Падре»были в Лхасе и молились Христу, но они сеяли беспорядки и были выдворены из страны...[190] *Он показал некоторые русские монеты и завершил* [рассказ о России] *упоминанием споров, которые часто возникают между этой страной и Китаем по поводу их границ и подданства народов, населяющих пустыню, протянувшуюся между границами* [двух империй]. Представитель Ост-Индской компании уклонился от обсуждения этих вопросов.

Тешу Лама *заметил великодушно, что все мы почитаем одного бога, но под разными именами, и что все стремимся к достижению той же Цели, но различными путями. – Я ответил ему в таком же духе терпимости. – Так как я не был направлен в качестве миссионера; и после того как столь изобретательные Иезуиты, облаченные в рясы Апостолов и вооруженные четками и распятиями, безрезультатно пытались обратить неверные народы, я не столь самоуверен, чтобы думать, что мои труды увенчаются успехом.*

...Он показал мне план Тешу Лумбу, его дворца и Поталло Далай Ламы. В них не было связи с симметрией... [191] Судя по такой оценке Богла, показанные ему планы не были результатом съемок иезуитов, в которых любой образованный европеец того времени мог бы узнать привычные ему карты в европейской традиции.

Во время пребывания в Тешу Лумбу Дж. Богла посетила делегация из Лхасы с большим количеством китайских подарков; делегацию возглавлял Гилонг и светский чиновник в *женской одежде*. Шот-

ландский путешественник уверял членов делегации в том, *что англичане совсем не были такими склочными людьми, какими их представляли некоторые злонамеренные личности, и не желали расширения* [английских] *территорий; что поскольку им доверено управление Бенгалией, единственное, чего они желали, это того, что бы она оставалась в мире и спокойствии*[192].

Лама направил в подарок правителю Ост-Индской компании: *восемь козлов, которые производят шакольскую шерсть* [пух] [Shacol Wool], *восемь короткохвостых коров* [яков], *восемь овец, восемь собак*. Дж. Богл замечает, что *Шерсть этих козлов растет под длинными волосами, которыми они покрыты. Она экспортируется в Кашмир из прилегающих провинций Тибета, и из нее производятся белые шали* [знаменитые кашмирские платки. – А.П.]. *Овечья шерсть перерабатывается в узкие грубошерстные ткани различных сортов. Они* [овцы] *используются также для переноски тяжестей, часто встречаются их отары, идущие из страны Дебе Раджи, одна овца несет на спине по два мешка по 10 – 12 фунтов риса в каждом. Крупный рогатый скот* [яки], *который является источником коровьих хвостов* [{?} так в тексте. – А.П.], *также происходит из Татарии и везде используется для транспортировки грузов, так как колесных повозок на Тибете нет*[193].

Анализируя состояние тибетской торговли и основные потоки товаров, Богл отмечает, что в Лхасу и другие поселения Тибета прибывает много кашмирских торговцев. Торговцы-монахи (дервиши) из Индии пользуются особым расположением тибетцев. Ламаисты – *калмыки* [а так же, видимо, монголы и буряты. – А.П.] со всеми своими семьями ежегодно прибывают на поклонение в ламаистские святилища, ведя с собой караваны верблюдов, нагруженных мехами и другими сибирскими товарами. Наиболее значительна торговля с Китаем. Хотя основной товарообмен с Сибирью осуществляется через калмыков, но часть сибирских товаров поступает через Китай. Главными товарами экспорта из Тибета являются козья шерсть (пух) и золото[194].

Оценивая перспективы торговли с Тибетом, Богл считает, что ее удобнее и безопаснее вести через представителей местных народов. В качестве эффективного средства дальнейшего укрепления связей с Тибетом, шотландский путешественник во многих местах своего *Меморандума* поддерживает просьбу Ламы предоставить место на Ганге для ламаистских священников, восстановив таким образом древнюю традицию, прерванную около 800 лет назад. Если говорить о реальных торгово-экономических итогах миссии Дж. Богла, раджа Бутана, после долгих переговоров согласился на транзитную торговлю из Бенгалии в Тибет, но лишь через индийских или мусульманских купцов[195].

Завершая рассмотрение *Меморандума* Джорджа Богла, представляется целесообразным процитировать его собственную критическую оценку, представленных им данных, которую он дал, отправля-

ясь в обратный путь из Тешу Лумбо, и обращаясь к читателю со следующим предупреждением:

Необходимое предупреждение. *Представленный выше Меморандум следует читать с определенными допущениями. Я попытался записать* [события] *точно, но я не могу* [полностью] *отвечать за себя, так как я склонен быть довольным, если другие желают мне угодить, воспринимать любую вещь как хорошую, в случае, если она является лучшей из доступных мне, и показывать светлую сторону любой реальности.*

Человек более проницательный и придирчивый чем я, мог бы, вероятно, дать существенно иной рассказ о его приеме в Тибете. Но я смог записать лишь то, что со мной происходило [в моем восприятии]. *Если мои симпании окрашивали мои суждения, то ненамеренно*[196].

Оценивая значение путешествия Дж. Богла в Бутан и Тибет, следует подчеркнуть, что он был первым просвещенным европейцем, которому удалось завязать настолько близкие отношения с представителями правящего класса Тибета, что они материализовались даже в виде его двух дочерей, родившихся от тибетки и впоследствии воспитанных в Англии[197]. В течение пятимесячного пребывания во дворцах Пачен Ламы Богл вел с ним многочисленные разговоры, играл в шахматы с членами его свиты, участвовал в охотничьих поездках его племянников, присутствовал на буддийских праздниках и даже, по просьбе Ламы составил для него описание и историю европейских государств. Все материалы Богла пронизаны идеями необходимости установления дружбы между народами, преодолевая культурные различия. Он лично являл собой пример очень удачного воплощения в жизнь этих идей. Как в *Меморандуме*, так и в личной переписке, Пачен Лама описан им в самых ярких и доброжелательных тонах: *внимательный, добродушный, добрый, щедрый, человечный*[198].

Следует заметить, что дружба Богла с Пачен Ламой, была, возможно, его главным дипломатическим успехом. Этот успех увековечен калькуттским художником Тилли Кетлером в написанной около 1775 года картине, показывающей прием Джорджа Богла Пачен Ламой. Облаченный в тибетские одежды Богл преподносит Ламе церемониальный белый шарф. Картина в настоящее время хранится в Королевской коллекции Великобритании, и считается, что она была преподнесена Гастингсом королю Георгу III, факт, который сам по себе является ярким свидетельством того важного политического значения, которое придавалось альянсу между Боглом и Пачен Ламой.

Что касается торговли, миссия Богла была менее успешной. Путь через Бутан остался закрытым для служащих Ост-Индской компании; британские товары могли поступать в Бутан лишь через посредничество неевропейских торговцев. Богл объяснял эти ограничения вмешательством китайских резидентов - амбаней, находившихся в Лхасе, которые управляли тибетской политикой. В лице Пачен Ламы Богл

видел возможного будущего посредника между Компанией и императором Китая. По возвращении Богла в Бенгалию, отношения между англичанами и Ламой были укреплены благодаря тому, что тибетцам был подарен участок земли в Калькутте для постройки монастыря. Пятью годами позже Лама посетил Пекин и должен был оформить для Богла паспорт, чтобы тот присоединился к нему в переговорах с китайскими властями. Но этим планам не суждено было воплотиться в жизнь, так как Пачен Лама заразился в Пекине оспой и умер там в 1780 году, а сам Богл умер в Калькутте на следующий год[199].

Отображение цинских владений в Центральной Азии на зарубежных картах конца XVIII века

Перейдем теперь к рассмотрению показа китайских владений на территории Центральной Азии и Казахстана на иностранных картах второй половины XVIII в. Прежде всего с полной уверенностью можно утверждать, что факт захвата Джунгарии Китаем стал отображаться на иностранных картах значительно позже, чем на русских. Работы живших в Китае иезуитов поначалу не были известны как в России, так и в других европейских странах. Русские служебные рукописные картографические документы по вполне понятным причинам также не попадали в руки зарубежных картографов. Вполне естественно поэтому, что сведения о завоевании части Казахстана Цинской империей появились на зарубежных картах лишь после того, как они стали отображаться на русских печатных картографических произведениях, унаследовав, конечно, все их недостатки. Все западноевропейские карты, изданные до 90-х гг. XVIII в. показывают западные границы Китая не далее Хами. Таково, например, их изображение на *Карте основных подразделений Азии...* из «*Современного атласа...*, изданного в Париже в 1762 г.[200], а также на английской карте *Азии по наиболее проверенным картам...*, составленной в 1774 г. Т. Китченом, королевским картографом и гидрографом[201]. С 90-х годов XVIII в. на зарубежных картах, издававшихся в западно-европейских странах, владения Китая в Центральной Азии стали изображаться в крайне преувеличенных размерах, приблизительно так же, как они показывались на картах, публиковавшихся Петербургской Академией наук в 70-х годах XVIII в. и, в частности, на картах Исленьева (Рис. 11) и Трускота. Например, на карте *Восточной части Российской империи...*, изданной в 1794 г. в Нюрнберге[202], граница китайских владений в Центральной Азии не только охватывает Балхаш и Зайсан, но и протягивается до Каспийского моря. Такова же трактовка границы Китая на *Общей карте Российской империи*, опубликованной во Франции в конце XVIII в.[203]

В 1792–1794 гг. английский посланник при дворе китайского императора лорд Макартни совершил путешествие по внутреннему Китаю и Татарии, в результате которого в Англии были получены более достоверные сведения о пределах распространения китайского владычества в Центральной Азии, однако и эти сведения, почерпнутые Макартни из китайских источников, сильно преувеличивали размеры территориальных захватов Цинов. Так, на *Карте, изображающей путь кораблей Лиона и Индостана, простирающийся от Англии до Пекинского залива, находящегося в Китайском государстве и паки от помянутого Залива обратно в Англию с означением Барометра, Термометра и границ Китайской империи, распространенных победами и завоеванием императора Чиен-Лунга*, помещенной в переводе книги Макартни на русский язык (Москва, 1804 г.[204]), граница Китая проведена у Аральского моря, а на территории Центральной Азии помещены надписи: *Большая Бухария – подданные имп. Китайскому* и *Татары Туркестанские подданные китайские*. Сведения Макартни, по-видимому, послужили основой изображения границ Китая в Центральной Азии на зарубежных картах, издававшихся в первом десятилетии XIX в., где граница Цинской империи показывалась значительно западнее Балхаша, но не доходя до Каспийского моря. В качестве примера здесь можно привести немецкую карту владений России в Сибири[205] 1805 г., английскую *Новую карту Китая и Независимой Татарии по новейшим источникам, составленную Джоном Кэри*[206], опубликованную в 1806 г., французскую карту Азии в книге *Современная география..*, изданную в Париже и *Карту Китая..*, опубликованную в Праге в 1812 г.[207]

Первые, по-настоящему объективные данные о распространении китайского владычества в Центральной Азии были привезены в Западную Европу французским ориенталистом немецкого происхождения Юлием Клапротом[208].

Юлий Клапрот стремился попасть в Азию для изучения языков и стран, доселе почти неизвестных в Европе. Для осуществления своих планов он решил направиться в Россию.

В своем обращении к российским властям Клапрот обосновывает необходимость изучение Сибири и Китая, своего участия в этих исследованиях и общую их программу следующим образом:

При беспрестанно распространяющейся Российской тогровле в Азии, весьма нужно для России иметь точнейшее познание о нравах, законе, обычаях а особливо знание языков мунгальских и татарских народов, так как и ближайшее понятие о Китае, с коим Россия более ста лет находится в связи чрез торговые трактаты.

Писатель сих строк занимается уже тому несколько лет азиатскою литературою вообще, особенно же китайским языком и письмом, из коих последнее как известно состоит из Гиероглифических знаков, кои весьма мало известны в Европе. Также кроме собрания

Китайских оригинальных сочинений, состоящих более нежели из 500 книг, имеет он разные до грамматики сего языка касающиеся рукописи и занимается теперь сочинением Китайского лексикона в 14 частях, коего половина уже готова.

Равномерно старался он сколько можно было, несмотря на весьма малое количество печатных и рукописных пособий, кои могли быть ему полезны, узнать мунгальский, тибетский и манджурский языки. К сим филологическим наукам присоединяет он химию, физику, математику и натуральную историю вообще и уповает, снабженный всеми сими знаниями, иметь наипаче в России полезную для сего государства деятельность. Посему и осмеливается предложить следующий план, коего основание есть ближайшее понятие языков и нравов южных соседей Сибири.

Если нижеподписавшийся удостоится получить верное место в С.Петербурге при Императорской Академии наук или при Библиотеке с званием профессора азиатских языков и литературы, то он первые два или три года останется в С.Петербурге, дабы приготовить себя к путешествию в Сибирь, о котором здесь говорено будет. Между тем будет он стараться быть полезным чрез публичные чтения о Китайском и Персидском языках, о Китайской литературе, о Географии и Истории Южной и Средней Азии и пр. Также охотно станет он между тем заниматься приведением в систематический порядок и деланием основательной росписи многим оригинальным китайским и другим азиатским сочинениям, кои в Императорских библиотеках находиться должны. По собрании нужных предупредительных знаний и имянно употребления Российского языка, начнет он свое путешествие в Сибирь и наперед в Кяхту на Китайскую границу и там пробудет, смотря по обстоятельствам, два или три года. Первым предметом пребывания его в том месте бедет изучение мунгальского, тибетского и манджурского языков. Между тем станет он стараться собирать точнейшие познания о нравах и обычаях, законах и истории сих народов и потом свободное время употребит к приготовлению словарей и грамматик вышепомянутых языков, к изучению коих совсем недостает пособий и коих распространение для России желать весьма нужно. Чрез временные путешествия в Мунгалию и в Землю Элетов станет он искать распространение географических и физических познаний, и потом, по окончании своих лексикографических и грамматических трудов, приготовить себя к большому путешествию, которое также быть может весьма важно для России. Поелику Российская торговля с Северною Америкою, Японией и Китаем весьма распространилась с некоторого времени, то весьма нужно иметь точнейшее понятие о состоянии Даурских берегов, устья реки Амура и лежащим перед оным острова Чока или Сангалиен-Ангалата [Сахалин], *и сие самое выбрал он предметом своего путешест-*

вия; которое он, начиная от Нерчинска чрез Землю Солонов и Хребет Гинкан-Алин до берегов Охотского моря (Лама) учинит.

Конечно может он в исполнении сего плана воспрепятствован завистию Китайского правления, тогда он должен будет, смотря по обстоятельствам оный пересмотреть. По окончании всего сего, возвратится он в Санкт-Петербург, представит правительству свои примечания, журналы и пр., так как словари и грамматики, из коих последния будут издаваться для всеобщей пользы. Продолжение после сего публичных чтений или употребление его к другим предприятиям, представляет он воле высокого Правительства.

Берлин 23-го Генваря 1804 г.
Гейнрих Июлиус Клапрот,
Доктор Философии,
Сочлен Минералогического общества в Йене и
Издатель Азиатского Магазина.
Klaproth. [209]

Из приведенного текста письма весьма очевидна «геополитическая осведомленность» доктора Клапрота и, в частности, осознание им громадного значения для России азиатского и тихоокеанского регионов, положение империи в которых было значительно ослаблено уступкой Китаю Приамурья по условиям Нерчинского (1689 года) договора. Знал Клапрот также о важности проблемы судоходства устья Амура, которая в этот период начала серьезно волновать российские власти. Заметим, что немецкий ученый в рассмотреном письме уверенно называет Сахалин островом, что свидетельствует о его действительном знакомстве с китайскими и основанными на них русскими картами XVIII века.

Грандиозным планам Клапрота, однако, не суждено было осуществиться, но, тем не менее, он имел возможность, как участник русского дипломатического посольства Ю.А. Головкина, лично посетить русско-китайскую границу к западу от Аргуни и ознакомиться как с русскими, так и с китайскими подлинными картографическими материалами, подлинники и копии многих из которых были им вывезены во Францию. Труды Клапрота, изданные в 20-х – 30-х гг. XIX в., а также его богатые картографические коллекции послужили основой картографического отображения Центральной Азии на зарубежных картах первой половины XIX в.

Следует подчеркнуть, что в распоряжении Клапрота помимо собранных им самим материалов, была уникальная российская коллекция китайских карт, описаний, словарей и хроник второй половины XVIII века, которые составили материалы обучавшегося в Китае (в составе Русской Православной миссии в Пекине) студента А.М. Владыкин. Он, в частности, привез в дар Екатерине II в 1796 г. двадцатипятилистовую карту Китая, хранящуюся в настоящее время в Российском государственном военно-историческом архиве под названием *Карта Китая (на*

китайском языке). Сия карта доставлена из Китая в 1796 году государыне императрице Екатерине II-ой бывшим в Китае для обучения языка студентом Владыкиным»[210]. Карта и остальные материалы пытливого студента так и остались в рукописях, а история этого, достаточно типичного для России, неоконченного дела восстанавливается из переписки российского Министерства иностранных дел по поводу представления Александру I Владыкиным, служившим в то время переводчиком Коллегии иностранных дел, *Карты Китая*, *Плана Пекина*, трех составленных им словарей Маньчжурско-Русского, Китайско-Маньчжурского и Русско-Китайского и двух им же переведенных с Китайского языка книг: *Летописей Китайских царей* и *Собрание указов Китайских императоров*, с ходатайством о публикации этих ценных источников на русском языке[211].

В справке МИДа по этому поводу подчеркивается, что Алексей Владыкин оказал большую услугу России *по небогатому своему состоянию покупкою там из последних своих денег упоминаемой им карты Китайского государства с планом Пекина, которые как редкость здесь, и не оставил он по возвращении своем поднесть Ея Величеству блаженной памяти Государыне Императрице Екатерине II-й также и перевесть их по Высочайшему Ея соизволению на российский язык, не удостоясь за все оное получить никакой награды, по невременной кончине той Государыни Императрицы*[212]. Действительный статский советник Лошкарев, представивший эту справку 23 февраля 1799 года, подчеркивал, что коллежский ассесор Антон *Владыкин обучал в Коллегии трех студентов китайскому и маньчжурскому языкам вне основных служебных обязанностей*[213]. В то время обращение Министерства иностранных дел к императору не имело никаких последствий, и лишь в 1802 году, при поддержке графа Александра Романовича Воронцова, Владыкину были выданы 1000 рублей за карту, 400 рублей – за лексикон и перстень ценою в 600 рублей – в знак признания его заслуг перед отечеством[214]. Главная просьба одного из первых российских китаистов-востоковедов не была удовлетворена – у руководства страны не нашлось денег на опубликование его рукописей[215]. По печальной иронии судьбы по крайней мере часть этих рукописей была незаконно вывезена из России Юлием Клапротом и использована им, без какого-либо упоминания имени скромного русского чиновника внешнеполитического ведомства.

Так же и карты, и описания по съемкам Роша-Эспиньи, сразу по завершении работ португальских иезуитов, попали в Россию, но впоследствии были переправлены за рубеж Юлиусом Клапротом, одним из доказательств чему являются обнаруженные нами в Отделе Карт и планов Национальной библиотеки в Париже карты с многочисленными рукописными переводами на русский язык с маньчжурского и китайского языков географических названий и пояснительными надписями, выполненными почерком конца XVIII – начала XIX в.[216]

История того, как эти карты и другие китайские материалы «перекочевали» из российских фондов за рубеж, восстанавливается по документам, хранящимся в Архиве внешней политики Российской империи Министерства иностранных дел Российской Федерации.

В 1810 году Клапрот был командирован российским правительством и Академией наук в Берлин для опубликования там иероглифических словарей по его материалам и рукописям, предоставленным ему в России. Очень скоро стало ясно, что Юлий Клапрот не только не собирался выполнять порученного ему дела, но, пользуясь своими дипломатическими полномочиями, вывез из России множество подлинных китайских карт и рукописей, представлявших собой собственность Министерства иностранных дел и Академии наук. История этого неприглядного дела изложена в следующей официальной справке, направленной в Министерство иностранных дел министром просвещения, князем Александром Николаевичем Голицыным (1773-1844):

По Министерству просвещения

Об Экстраординарном Академике Академии наук Клапроте.

В апреле месяце 1813-го года бывший министр просвещения Граф Разумовский представлял Комитету Господ Министров, что Академии Наук Экстраординарный Академик Клапрот в конце 1810 года был отправлен в Берлин для вырезки на дереве по его рисункам около 9000 китайских и маньчжурских слов и получил 750 червонных, как на издержки по сему предмету, так и на путевые расходы. С того времени оставался он в Берлине, производя, как полагала Академия, препорученное ему дело. Но когда началась в 1812 году война с Францией, и Клапроту доставлен был пашпорт для возвращения в Россию, он, не повинуясь сему вызову, прислал в Академию отзыв, исполненной выражений, не только обидных для Академического сословия, но даже крайне оскорбительных для Российского Правительства, объявляя, что ежели не будут удовлетворены изъясненные в отзыве его требования, впрочем совершенно недельные и основанные на самопроизвольных видах и заключениях, то он удержит для себя вырезанные китайские и маньчжурские слова, а от звания Академика откажется. – В следствие сего Предместник мой относился к Генералу от Кавалерии Графу Витгенштейну, командовавшему тогда войсками нашими в Пруссии, и просил его снестись с Прусским Правительством, дабы Клапрот понужден был, или доставить вырезанные Китайские и Маньчжурские слова, или возвратить выданные ему на вырезку слов 750 червонных, а на всякой случай сдать для доставления сюда Китайские книги, выданные ему для руководства в предпорученном ему деле; сам же Клапрот держим был бы под присмотром, доколе не последует относительно его Высочайшего Повеления.

Поелику он после такового поступка не мог быть терпим в Академии, то вся Конференция оной единогласно положила ис-

ключить его из числа своих членов и тем самым лишить его Гражданского чина званию Академика присвоенного на основании параграфа 63 Академического Регламента, в котором изображено: «Если бы Академик поведением своим оказался не достойным носить на себе звание Академика, чего однакож мы не ожидаем, то Президент имеет право представить нам об исключении его, ежели представление сие в Академическом собрании будет подтверждено большинством голосов, и по крайней мере двумя третями числа Академиков».

На представление таковое, Предместнику моему разрешения не последовало. Ныне, докладывая о Клапроте Государю Императору, я получил Высочайшее повеление представить о нем вновь в Комитет Господ Министров. Почему, повторяя представление об нем Предместника моего, имею честь приложить проект Указа об исключении Клапрота из сословия Академии наук. Об отобрании же у Клапрота посредством Прусского Правительства, выданных из Архива Коллегии Иностранных дел Китайских рукописей сделано от меня по Высочайшей Воле отношение в Министерство иностранных дел.

На подлинном подписано:

Князь Александр Голицын. [217]

При подготовке вопроса к обсуждению на Конференции Академии наук, было детально выяснено, какие материалы Юлий Клапрот взял для работы в Библиотеке Министерства Народного просвещения и Библиотеке Академии наук и не возвратил, захватив их в Берлин. В частности, два словаря китайского языка, находившиеся в пользовании у Клапрота, были взяты из Библиотеки народного просвещения и *По письму Государственного Канцлера Графа Николая Петровича Румянцева от 5-го Декабря 1810 к управляющему Архивом* [Министерства иностранных дел] *Действительному Статскому Советнику Николаю Бентыш-Каменскому доставлены из Архивной библиотеки Министерства народного просвещения Графу Алексею Кириловичу Разумовскому два Китайских рукописные лексикона и обратно не получены.*

1-й. Лексикон на Китайском языке с латинским и французским переводом, сочиненный миссионером Домиником Паранином и посвященный бывшему в Китае Российскому Посланнику Графу Савве Владиславичу [Рагузинскому]. *Писан в лист, на восьмистах сорока пяти страницах.*

2-й. Лексикон на китайком же языке, без перевода, в малой лист, в двух томах, содержащих в себе двадцать четыре тетради.

Библиотекарь Архива покорнейше просит высшее начальство о возвращении сих рукописей, которые считаются редкостию в своем роде[218].

Выявленных на тот момент данных о неблаговидной деятельности Юлия Клапрота было вполне достаточно для подписания следующего *Указа* Александра I *Правительствующему Сенату*

Числившегося до ныне при Академии наук Экстраординарным Академиком Клапрота, находящегося с 1810 года за границею и не возвращающегося оттуда, повелеваем в следствие единогласного положения сей Академии, по предосудительным поступкам его, на основании параграфа 63-го Академического Регламента, лишив означенного звания, исключить из сословия Академии.

На подлинном Собственною Его Императорского Величества рукою подписано тако:

«Александр»

С.Петербург. 19 апреля 1817. [219]

Ущерб, нанесенный Клапротом национальному достоянию Российкой Империи, в более полной мере был оценен пятью годами позже, когда, в связи с обнаружением во Флоренции материалов Клапрота, заложенных им в ломбард, российское правительство решило выяснить, не находятся ли среди этих материалов рукописные карты и книги, вывезенные Клапротом из России. К сожалению, российских материалов с полной определенностью в ящике Клапрота выявить не удалось[220], но проведенное расследование позволило определить, что самый большой ущерб был нанесен Клапротом рукописным собраниям Архива Академии наук, о чем свидетельствует следующее письмо российскому дипломату в Италии П.Г. Дивову.

Письмо Князя Голицына Дивову. 21 октября 1822 г.

Милостивый государь мой Павел Гаврилович!

Отношением от 6-го сего Октября Ваше Превосходительство изволили требовать сведения о Китайских книгах и рукописях, взятых бывшим Экстраординарным Академиком Императорской Академии Наук Клапротом из библиотеки сей Академии и не возвращенных в оную.

О доставлении мне обстоятельного сведения по сему предмету предписывал я Господину Президенту оной Академии, который ныне представил мне поступившее к нему о сем деле донесение Библиотекаря Академической библиотеки, Господина Ординарного Академика Френа [Фрён, Христиан Данилович /Frün Christian Martin/ (1782-1851)] *с двумя ведомостями, из коих в первой под лит.»А» показаны книги, рукописи, так же ландкарты, взятые Клапротом из Библиотеки Академии наук и не возвращенные от него обратно, но на получение коих имеются росписки Клапрота; во второй же ведомости под лит. «В» означены китайские и другие сочинения, кои взяты Клапротом и ныне не находятся в Академии, не смотря на то, что они по роспискам Клапрота вымараны и показаны им будто бы отданнными.*

Господин Президент присовокупляет к сему, что хотя весьма трудно ныне вывести точную справку о сочинениях, похищенных Клапротом, но поелику не подлежит никакому сомнению, что Клапрот самым наглым образом разграбил Библиотеку Академии, то Господин Президент и полагает справедливым дабы открытый во Флоренции ящик с книгами был доставлен в Императорскую Академию Наук, ибо, если ящик сей, между книгами, принадлежащими Академии и содержит в себе несколько книг, принадлежащих действительно Клапроту, то оные не могут еще достаточно вознаградить Академию за понесенный ею ущерб, тем паче, что Клапрот увез не только одни книги и рукописи, и сверх того не возвратил Российскому Правительству семи сот пятидесяти червонцев, которые ему выданы были по Высочайшей Воле, для приготовления китайских букв в Берлине.

Признавая таковое заключение Господина Президента основательным, имею честь препроводить при сем к Вам помянутое донесение Академика Френа и приложенные к оному ведомости, и покорнейше прошу Вас, Милостивый Государь мой, о последующем по сему делу почтить меня уведомлением.

С совершеннейшим почтением и преданностью имею честь быть Вашего Превосходительства покорнейшим слугою.

Князь Александр Голицын.

№ 3101. С.Петербург, 21 октября 1822[221].

Академическим библиотекарем были, в частности, представлены следующие сведения об уроне, нанесенном Клапротом собраниям Библиотеки.

Литера «А».

Ведомость книгам, рукописям и ландкартам, взятым из Библиотеки Санкт-Петербургской Императорской Академии Наук Господином Клапротом и им паки в оную не доставленным, на получение коих однако же имеются в Академии данные им собственноручные росписки.

1. Рукописи.

№ 202 Старого Китайского каталога: Словарь Маньчжурский с китайским и российским. 1 том в листе. По росписке от 25 января 1810.

№ 37. Общего каталога рукописей BKyeri Geographia Mangjurica et Mungalica. 1 том. По росписке 14 января 1807.

2. Китайские Книги и Ландкарты.

№ 142 Старого Китайского каталога: Китайский Атлас Китая в 32 листах. росписка 8 мая 1805.

№ 198 Старого Китайского каталога: Старый Китайский словарь 1 том. Росписка 14 января 1807

№ 158 Старого Китайского каталога: Иап-тап-Люй Хронология Китайских императоров. 2 тетради. Росписка 25 мая 1809.

От № 133 по старому и № 121 по новому каталогу: Tai-thsing-i-thoung-tohi или Всеобщая Китайская География, Последний, т.е. 25-й том. Росписка 10 августа 1810.

№ 124 Старого каталога: Китайская тетрадь пяти разных династий. Первая тетрадь взята по росписке 21 марта 1810; три тетради взяты под роспиську 8 ноября 1809, но потом вычеркнуто. Сего сочинения нет всех пяти томов в Академии.

3. Книги и ландкарты.

Abulfedae Anales Muslimici

Соч. Ф.Ф. Рейсхе (том) № 34 Каталога Seriptores historiae Graecae Росписка 26 марта 1809

<...>

Атлас Российской империи 1807 г. Росписка 7 декабря 1809.

Литера «В». Ведомость Китайским и другим сочинениям, о коих явствует, что г. Клапрот взял их из Библиотеки Санкт-Петербургской Императорской Академии наук, но кои в оной ныне не находятся, не смотря на то, что они на росписках г. Клапрота вымараны, или не показаны по бумаге от 23 декабря 1810 года в отдаче.

№ 184. Старого Китайского Каталога: Hai-phian Китайский словарь, 1 том.

От № 190 Старого, 187 Нового Китайского каталога: Tchouan-tscu-wei Словарь старинный Китайский в 12 тетрадях; 3 и 4 тетради.

№ 199 Старого Каталога: Ou-fKng-youan-yen. Китайский словопроизносительный словарь.

Сии три номера на росписи 8 мая 1805 года вымараны.

№ 109 Старого Китайского каталога: Маньчжурский перевод романа Kug-feing-miy. 4 тома – взято по росписи от 8 июня 1809 года и показано в отдаче на бумаге от 23 декабря 1810.

№ 120 Старого Китайского каталога: Zi-dai-gu-vin-dsian 8 томов взято по росписке 5 апреля 1807 и показано в отдаче на бумаге от 23 декабря 1810.

№ 121 Старого Китайского каталога: Zi-schi-gan-dsian 4 тома взято по росписке 10 августа 1810, и по бумаге 23 декабря 1810, показано в отдаче...

Помимо это в списке указано две арабские рукописи, в том числе перевод 1736 года (*№ 58 Старого Катологa рукописей*) Абдул-Гази-Багадур Хана *Родословная книга Монголо-Татарско Турецкая*[222].

Вывезенные из России материалы послужили источником трудов Юлия Клапрота, изданных в 20-х – 30-х гг. XIX в.

В отличие от Ж.-Н. Делиля, сосредоточившего практически все вывезенные из России материалы в своей родной Франции, Клапрот раздробил свою коллекцию, распродав ее по разным странам. Ранее мы отмечали маньчжурские карты, вывезенные Клапротом из Рос-

Рис. 12. Ю. Клапрот. Карта части Внутренней Азии.., составленная по большей части по картам, созданным по приказу императора Цунь-луна отцами Галлерстейном (?), Феликсом де Роша и Эспинья

сии и хранящиеся теперь в Национальной библиотеке Франции в Париже. Помимо этого нами установлено, что большую коллекцию своих карт немецкий востоковед продал в 30-х – 40-х годах XIX в. Британскому Музею (теперь они хранятся в Картографической библиотеке Британской библиотеки). Среди них имеются довольно крупномасштабные изображения районов Казахстана и Центральной Азии от озера Зайсана до озера Иссык-Куля, явно основанные на работах иезуитов де Роша и де Эспинья, рассмотренных выше, и на составленной по их съемкам «Карте Азии и Европы, иногда известной как атлас Цяньлуна...» 1760-1761 г.г., до Клапрота неизвестных в Европе.

Среди карт коллекции Ю. Клапрота, хранящихся в Департаменте восточных рукописей и печатных книг Британской библиотеки (Лондон), наиболее интересны в этом плане «Карта Омской провинции в Северной Татарии» [223] и два листа «Карты провинции Или» [224]. На «Карте Омской провинции...» китайская граница показана проходящей по западному побережью озера Зайсана, вблизи южного берега озера Ала-Куля и приблизительно посередине озера Балхаша; на Иртыше изображены русские форпосты. На картах провинции Или китайские пограничные посты показаны западнее Балхаша и Зайсана, но восточнее Ала-Куля; южнее Ала-Куля их линия замыкается горами вокруг озера Иссык-Куль. В печатном виде Ю.Клапрот »утвердил» такое изображение границы Китая в Центральной Азии на своей «Карте части Внутренней Азии.., составленной по большей части по картам, созданным по приказу императора Цяньлуна отцами Галлерстейном (?), Феликсом де Роша и Эспинья», изданной в 1819 году[225] (Рис. 12).

К началу XIX в. в России накопился значительный материал о Казахстане и Центральной Азии и, в том числе, о районах, расположенных на рубежах независимых мусульманских владений и Китайской империи. Этот материал позволил изобразить эти территории относительно подробно и достоверно на многолистой карте Сибири, составленной гр. Мантейфелом, и издававшейся коллежским ассесором Максимовичем в 1806-1807 г.г. Гравирование карты не было завершено, но ее центральноазиатские листы вполне закончены[226]; на них показана линия передовых китайских постов, проходящая немного западнее озера Зайсан и доведенная на юге до городов «Адхиана» (Андижан ?) и «Ходжана» (Ходжент ?). Возможно, что эта карта не была завершена и выпущена в свет из-за того, что было признано необходимым провести дополнительные исследования слабо изученных русскими территорий, особенно на юге Казахстана и Центральной Азии. Сибирская администрация уделяла значительное внимание таким исследованиям в конце XVIII – начале XIX веков.

Проекты захвата британских колоний в Индии; усиление российского проникновения в Центральную Азию в начале XIX века

Именно в этот период российским властям неоднократно предлагали проекты захвата британских индийских колоний. Так, в 1791 году француз М. де Сент-Жени предложил Екатерине Великой (явно не без желания спровоцировать конфликт между двумя империями) проект военной экспедиции в Индию. В соответствии с этим проектом, российские войска должны были идти через Бухару и Кабул, объявляя, что их целью является восстановление господства Ислама во всем его величии периода империи Великого Могола. По мнению Сент-Жени такой лозунг должен был обеспечить вступление под российские знамена войск мусульманских ханств и способствовать восстанию в Индии против британского владычества. Российская императрица серьезно изучала этот план, но по совету Потемкина не стала приводить его в исполнение. Ее сын Павел I был весьма склонен претворять в жизнь подобные проекты, и в 1800 году договорился с Наполеоном о завоевании Индии объединенными силами Франции и России. В специальном меморандуме Павел I выдвинул следующие обоснования этого похода: *Страдания, от которых стонет население Индии, вызвали у Франции и России живейший отклик; и два правительства решили объединить свои силы для того, чтобы освободить Индию от тиранического и варварского ига англичан. В соотвествии с этим правители и народы всех стран, через которые будут проходить объединенные армии, не должны испытывать страха, напротив это предоставляет им возможность помочь всеми их силами и средствами такому плодотворному и славному предприятию; так как цель этой кампании во всех отношениях столь же справедлива, сколь несправедлива была цель Александра Великого* [Александра Македонского], *когда он желал завоевать весь мир*[227].

Основным автором проекта *О походе на Индию для ликвидации там английского господства* был Наполеон, который в качестве главной цели похода видел изгнание англичан из Индостана, для развития в этой стране промышленности и торговли (конечно в первую очередь французской). В связи с тем, что завоевание должно было осуществляться по суше, оно обеспечит открытие новых торговых путей. В заключение Наполеон высокопарно заявляет, что *если данное предприятие увенчается успехом, то тем самым будет увековечен 1801 год и правители, замыслившие это*. Наполеон считал, что в данном мероприятии должны участвовать на паритетных началах Франция и Россия, которые создают экспедиционные корпуса по 35000 человек. Следовательно, в кампании предполагалось использование семидесятитысячного войска.

Наполеон направил для выбора путей рекогносцировочную группу под руководством генерала Гардена. Этой экспедицией было представлено 124 маршрута возможного продвижения войск, из котрых 86 было пройдено отрядом Гардена. На основании этих данных Наполеон разработал следующий маршрут: Корпус Рейнской армии в 35 тыс. человек спускается по Дунаю до устья. Затем войска пересаживаются на российские суда и следуют Черным морем до Таганрога. Далее армия поднимается по берегу Дона до Пятихатки, переправляется через Дон и идет на Царицын. Отсюда на кораблях корпус достигает Астрахани, где встречается с русской армией. Далее обе армии на купеческих судах переправляются по Каспийскому морю до Астрабада и через город Герат, Феррах и Кандагар достигают правого берега Инда. Предполагалось, что продолжительность всего похода для французов составит 120 дней. Павел выбрал другой – сухопутный вариант: Дон, Оренбург, Бухара, Хива, видимо Мерв и Герат, где армии соединяются и далее продвигаются вместе.

Интереснее всего то, что проект начал осуществляться и, если бы не убийство Павла, трудно сказать, чем бы кончилась эта кампания. Во всяком случае, атаман Войска Донского генерал Орлов получил приказ начать поход, имея 25 тыс. регулярных войск и 10 тыс. казаков. Войскам объявили – если они завоюют Индию, то в награду получат все захваченные богатства. В поход выступил 41 полк, две роты конной артиллерии, 500 калмыков, а всего 22507 человек, то есть значительно меньше намеченного Павлом числа солдат. Первого марта 1801 года *с великими трудностями* выступили в путь. 18-го переправились через Волгу, а 25 марта получили извещение о смерти Павла и приказ о возвращении на родину. Дальнейшие переговоры Наполеона с Александром I закончились неудачно, а позже пути двух империй надолго разошлись и их совместные действия стали невозможны[228]. Для подготовки этих неосуществленных проектов российские власти собирали все возможные сведения о странах, через которые предполагалось продвижение «освободительной» армии и, прежде всего – об Афганистане. Из материалов подобного рода очень характерена сохранившаяся в Архиве внешней политики Российской империи *Выписка из объяснения Греческого митрополита Хрисанфа Неопатрасского, представленного Светлейшему князю Платону Александровичу Зубову, во время войны с Персиею в 1796 году.* В этой справке греческий иерарх сообщал, в частности, следующее:

Теперь спешу обратиться к Кабулу, ибо устал как бы сказать с досады взирая, что толь изящными странами наслаждаются люди толь грубые и в совершенном невежестве погруженные. – В Кабуле воздвигнул свой престол Афганский государь за пятьдесят лет до смерти Назыр-Шаха. О крепости сего имени [т.е. о Кабуле], *яко не заслуживающей уважения, не могу ничего сказать, поелику простая женщина овладеть оною может, бросив туда несколько яиц. Государь се-*

го владения чрезмерно богат дорогими каменьями и жемчушами, денег же не имеет, – едва может содержать себя своими доходами. Войско имеет всегда в готовности до двадцати тысяч, а не более. – Вкратце сказать все драгоценные каменья и жемчуги Монгольского государства ныне хранятся у него. – Министры однакож его весьма богаты как в деньгах, так и в драгоценностях. – Когда выступает он на войну, они снабжают его людьми, войском и всем нужным; ибо власть их в правлении далеко распространяется. – В случае нужды число войска их может быть собрано до пятидесяти тысяч человек; – но пять тысяч россиян чрез два часа сражения истребят оное и возьмут самого государя с женами и имуществом его. – Ружья их с фитилями, некоторая же часть войска вооружена копьями, а другие действуют стрелами. Имеют с собою и пушек несколько, которые однакож по истине вовсе неупотребительны по чрезвычайной тяжести и по неискусству канониров. – Главнейшая сила их состоит во многих верблюдах, из коих на каждом прикреплен род фалконета, который сидящий на верблюде всадник оборачивает на все стороны и в действии сем они довольно искуссны и сия часть воинства есть важнейшая у Афганского государя. – Войско его вообще состоит из одной конницы и все нужное имеет каждый навьюченное на лошади. – То же войско, которое содержится всегда в готовности составлялось из пленников, кои суть остатки от Назыр-Шаха, после смерти коего Ахмет-Шах покорил их похитив государство и все сокровища надыровы; сии пленники состоят из грузинцов, Армян, Персиян, Аравитян и Хамбесов (Абессинцов). Дураниды же, о которых говорят, что они такж афганцы, служат при войске волонтирами, и как они довольно обогатились, то дорожа жизнею своею, держутся всегда ариенгарда. – Индейские купцы, находящиеся в Кабулу, столь чрезвычайно богаты, что многие из них имеют по два, по три, по пяти и по десяти миллионов капитала; есть также и из Афганских начальников многие богатые. Вся торговля тамошних краев состоит в руках индейцев, кои в промыслах своих имеют всевозможную защиту и охранение от главнейших афганских начальников и от самого Государя их. – Кабул изобилует натуральными продуктами и скотом. Народ тамошний большею частию кочует в Аулах с стадами своими по подобию Киргиз Кайсаков[229].

Совершенно очевидно, что сведения, приведенные в цитированной выше справке, не могли не стимулировать желания российских властей распространить свои владения как можно ближе к границам такой богатой и, судя по сообщениям греческого митрополита, такой слабой страны как Афганистан, территория которой была отделена от Российской империи лишь полосой раздробленных центральноазиатских владений, которые все более и более попадали в сферу ее геополитических интересов. С другой стороны, активно рассматривался альтернативный вариант пути к английским владениям в Ин-

дии, вариант, так же как и предыдущий, имевший все предпосылки к развитию благодаря уже начавшемуся в XVIII веке движению русских из Сибири в восточную часть среднеазиатского региона, окаймленного горными системами Куэнь-Луня и Тянь-Шаня, образующими естественные границы Китайской империи на западе. В качестве одного из возможных путей осуществления этого варианта в российском внешнеполитическом ведомстве рассматривался *Проект на открытие путей, ведущих из России в Индию, предложенный Кабульским жителем Мехти Рафаиловым 1812-го года*, в котором, в частности, утверждалось следующее: *...Падет само собою чинимое Тибетцами на сем пути препятствие, ежели та черта Малой Бухарии, на которой стоят города Кашгар, Яркенд и Хотен, поступят во владение России. Не могу оставить без замечания, что путь на сближение Индии с Россиею чрез означенные города Малой Бухарии, есть по всем уважениям первой и единственный своею удобностию, легкостию в пропитании и спокойствием от встречающихся смежных народов, коих один Российской ружейный выстрел может устрашить и разогнать многие тысячи, – а по таковой способности должно полагать оной и в числе ближайших.*

Дабы овладеть столь богатым для российской торговли приобретением, рано или поздно, но неминуемо надобно будет с помянутой полосы Бухарии Китайцев подвинуть. – Ежели миролюбивая мера не будет к тому достаточна, то можно привести их к тому одним страхом, удерживая еще вооруженную руку от удара.

Полезно для сего случая употребить сыновей Сарим-Сак-Ходжи. Принятие их под покровительство Российского двора, ободрит все магометанские там народы и калмыков; китайцы же будут объяты страхом и робостию. – Первым принять оружие против последних, совершенно будет зависеть от воли высокого Российского Министерства[230].

Мехти Рафаилов укрепляет свои доводы в пользу вторжения России в Малую Бухарию (которая в то время представляла собой китайскую провинцию Сиюй), описанием природных богатств этих районов, замечая, в частности что *река Хотен, на котором стоит город сего имени, влечет вместе с водами своими самородное чистейшее в свете золото, которым пользуются многие природные жители, доставая оное различными способами.* Из этих же районов доставляется белая яшма для Пекина. Рафаилов отмечает также месторождения меди около Кульджи и Аксу и утверждает, что золото добывается на реке Или. Отмечая хорошее развитие земледелия, скотоводства и меновой торговли в Малой Бухарии, он утверждает, что только местными средствами там можно содержать до 60000 русского войска. Мехти Рафаилов подчеркивает связи киргиз-кайсаков Средней Орды с Кульджой, которая является центром их меновой торговли с китайцами, торговли, по утверждению афганского информатора, – прину-

дительной со стороны китайцев и невыгодной киргиз-кайсакам. Следует заметить, что самостоятельный интерес представляет собой весьма достоверное описание Малой Бухарии и системы ее китайской пограничной охраны, в котором, в частности отмечено следующее: *Оканчивая степь и недоехав мало расстояние до Кашгара, встретятся уже китайские ортанги, или их сторожевые посты, не допускающие никого из подданных Российских проникнуть в свою границу, разве под именем и видом Бухарцов, Ташкенцов и прочих азиатцов; в чем производят они строжайшее наблюдение и исследование, начиная от ноина* [офицер – начальник над стражею] *до самого Джан-Джунга* [Цзянцзюнь – Генерал-губернатор]. *Мелочная китайская политика, будучи в мыслях устрашить все соседственные народы, покушающиеся на их границы, учредила свои ортанги и дорогу к оным, в местах трудных, гористых и неприступных, дабы во всех приближающихся вложить мнение, сколь неудобен приступ к их границам и с какою невозможностию должен бороться тот, ктобы отважился силою овладеть оными. – Между тем вправо и влево от сей дороги, на расстоянии 10-ти и 15-ти верст, находится земля совершенно открытая, ровная и способная ко всякому проезду. В тайности от Китайцев содержимые открытые места не только известны мне, когда я имел случай помощию некоторых издержек проезжать оными, но многим Сибирским жителям и провождающим караваны Казакам-Линейным. – По внутренности Малой Бухарии проезд так удобен и легок, что всюду ехать можно без затруднения и спокойно в самых дорожных экипажах*[231].

Мехти Рафаилов предлагает даже свой проект *О средствах на понижение высокомерия Китайцев*. В частности, по его мнению, *Успешное в том начало положить могут ходжи. – Интерес России требует приняв их под свое могучее покровительство, хотя под рукою охранять их, и всеми возможными мерами подвигам их против Китайцев вспомоществовать. – Ежели они в своем предприятии, не встретят помешательства со стороны ханов Большой Бухарии и Кокандского, то явясь на сцену, и с малым числом вооруженных людей, не замедлят увидеть себя предводителями великого ополчения: ибо все калмыки, татары, большая часть Киргис-Кайсаков и прочих там народов, к ним соединятся.*

Вместе с сим явлением ходжей, или и прежде онаго, деятельно приступить к мерам, на избрание нового для калмыков Далай-Ламы; и оживить сего бессмертного человека в пределах Российских.

Для достижения такого предмета не должно щадить никаких усилий и денежных трат: поелику всякое в сем случае пожертвование приносит в свое время важные плоды. Далай-Лама есть Божество всех идолопоклоннических народов в Великой Татари и Индии.

Но в таком действии держаться надо верных мер иначе не можно, как призвав в совет искусснейших лам и почетнейших из Князей

подданной России Орды Астраханской. – Надеяться можно, что они будут верными и усердными сподвижниками в предприятии сем. – Из их суждений яснее откроется, нужно ли будет для достижения успеха, обсылка [так в источнике – А.П.] *с Калмыками Китайскими подданными.*

Ручаться можно, что появление таких двух священных бичей к наказанию Китайцев, каковы Далай-Лама и Ходжа, справедливо заставит их укротить свое высокомерие и трепетать опасности неизбежной.

Равномерно из числа первых действий к подрыву интересов Китайских должно быть уничтожение менового их торга с Кирзиз-Кайсаками Средней Орды, и обращение оного в пользу подданных Российских.

Нет никакого важного затруднения достигнуть сей цели.

Я смею представить мои услуги, и ежели удостоин буду доверенности, с готовою покорностию приму препоручение всех султанов помянутой Орды привести в Россию, для торжественного утверждения верноподданства своего оной. Они будут орудием, заставить подданных своих, производить означенный торг в Российской границе, какое к тому место, за благо признано будет удобным. Поелику же с Российской стороны, торгующее там купечество, сами собою не может вдруг такого значущего количества товаров представить на мену киргизам, какое им нужно, то необходимость и самая ощутительная польза, должны первоначально озаботить сею обязанностию, самое Российское Правительство.

Когда деятельные примутся меры, и все учреждено будет на вышепредлагаемом порядке, тогда с достоверностию поручиться можно, что китайской меновой двор в Кульдже совершенно упразднится и весь торг их с киргизами примет течение свое в Россию, не далее как в два года. Мехти Рафаилов особо подчеркивает важность такого «поворота» потока товаров для перспективы снабжения российских войск в поддержке ходжей и продвижении в Центральную Азию. Дальнейшая стратегия Российской империи в этом направлении представляется Рафаилову следующим образом: *...Среди произведенных в действо без явного участия России, всех возможных средств на устрашение Китайцев, т.е., когда Ходжа вооруженною рукою будет у них оспаривать владение Малою Бухариею; когда Далай Лама станет с Российской границы посылать благославление и повеление Калмыкам на разорвание их оков, и когда движение войск Российских, произведет в большое обозрение всех притесненных Китайцами; тогда не бесполезно будет отправить в Пекин Российское посольство, для окончания миролюбивым образом восставшего замешательства, и где можно будет одними переговорами выиграть у Китайцев желаемые бухарские города Кашкар, Яркенд и Хотен, приняв весь труд на себя, с сей сто-*

роны обеспечить и защитить против татар Китайскую границу. – Думается, что при таких обстоятельствах отправленное посольство будет Китайцами принято гораздо благосклоннее и дружественнее. При неудаче переговоров, Рафаилов считал необходимым послать русский корпус в поддержку восставших в Сиюй, а в качестве отвлекающего маневра – совершить военный демарш на Амуре. Продолжение этой кампании представляется автору проекта совсем простым: *Для покорения Тибета и спокойного оным обладания, довольно одного российского батальона...*, далее – завоевать Кашмир и *покровительствовать индейских синков, владетельных князей Пенгаба. Они искренне и усердно притекут под знамена Великого Ее* [России] *Монарха, дабы под покровительством оных, укрыть и утвердить политическое свое существование, близкою опасностию угрожаемое.* Автор проекта брался быть посланцем императора к сингхам и далее на юг. В заключении своего проекта, направленного лично министру иностранных дел России, Мехти Рафаилов просит о вступлении в российское подданство и о принятии его на службу в МИД[232].

К сожалению нам не удалось установить с полной уверенностью, был ли принят на российскую службу Мехти Рафаилов, хотя представленные им материалы свидетельствуют о ценности такого сотрудника для российского внешнеполитического ведомства, если только не предположить, что он был английским агентом, но для такого подозрения нет вообще никаких документальных подтверждений. Далее в нашем повествовании мы встретим (в 1825 году) российского подданого с похожим именем и квалификацией, но окончательного вывода об идентичности этих двух людей сделать невозможно.

Судя по всему, рассмотренные грандиозные планы расширения торгового и политического влияния России на территории, находившиеся между ее владениями и Индией, где все более расширялась власть англичан, весьма серьезно рассматривались росийскими властями, причем в качестве «гуманных» поводов для продвижения вглубь центральноазиатских стран выдвигались обычные для колониальных держав претензии на введение там более цивилизованных форм правления, отмена рабства, а в конкретном случае российского приграничья – необходимость спасения из мусльманского ига множества подданных империи, теми или иными путями попавших в Бухару, Хиву, Коканд и другие мусульманские государства Центральной Азии. Последний из перечисленных поводов стал, в известной мере, основой официального обоснования (особенно для зарубежных стран) активной внешней политики России в этом регионе. Состояние положения с подданными России хорошо видно из текста официального послания Оренбургского военного губернатора князя Волконского императору Александру I.

Его Императорскому Величеству
Генерала от кавалерии и Оренбургского военного губернатора князя Волконского
Рапорт !

Рассматривая дела предместников моих, я приметил, что киргиз-кайсаки по склонностям к хищничеству знатное количество людей увлекли из пределов российских в течение прежних годов; сверх сего известно, что некоторые из подданных Вашего Императорского Величества, совратившись с путей обязанностей своих, удалились за границы, жили и проживают многие еще посреди степей Киргизских, в Хиве и Бухарии. Стараясь сколь возможно обезопасить линию здешнюю от нападений киргизских, и доводя народ сей по мере удобности средств к порядку и покорности российскому правительству, я между тем долгом поставил употребить способы разными посредствами возвращать пленных и беглецов в отечество. Предприятие сие произведено в действие с желаемым успехом, и в течение прошедшего 1805 года вывезено, выкуплено и вышло разных наций подданных Вашего Императорского Величества триста тридцать восемь человек, да неподданных шесть человек, о чем подносится всеподданнейшая у сего ведомость. Люди сии определены на жительство по их желанию и по рассмотрению пограничного начальства в разные места. Представляя все сие Монаршему воззрению, имею щастие во всеглубочайшем благоговении донесть Вашему Императорскому Величеству, что при последнем из вышедших отсель карáванах, я, руководствуясь Высочайшею волею, объявленною мне Господином товарищем министра иностранных дел Князем Черторижским, отправил и еще для сего же самого предмета в Киргизскую степь, в Хиву и Бухарию верных конфидентов [т.е. конфиденциальных агентов. – А.П.], *снабдив их приличными на сей случай наставлениями, и какой произойдет успех, буду иметь щастие всеподданнейше донести Вашему Императорскому Величеству.*

Из Оренбурга, Марта 21 дня 1806 года[233].

Заметим, что прямое указание царя о необходимости направлении в среднеазиатские страны *конфидентов* было дано 11 июля 1805 года[234].

В первые годы XIX в. эпизодические связи России с центральноазиатскими странами участились, причем иногда инициаторами этих связей были сами среднеазиатские правители. Так, в 1802 году в Санкт-Петербург прибыл бухарский посланник Диван Беги Иш Мугаммед Байкшиев с просьбой разрешить бухарцам ездить на поклонение в Мекку через территорию Российской империи. В ответной ноте от 18 февраля 1803 года бухарскому посланнику сообщалось, что *...Бухарцам ездить через Россию в Мекку на поклонение Государь Император всемилостивейше отовсюду позволяет, только бы по-*

лучаемы были, откуда следует, надлежащие для сего паспорта...[235] Паломники должны были следовать через Оренбург, Троицк, Петропавловск и Астрахань. Очевидно, что выполнение этого постановления значительно расширило круг бухарцев, контактировавших с русскими на долгом пути по южным окраинам страны в Мекку, что, в свою очередь, способствовало культурным контактам и накоплению знаний о территориях соседних стран. Естественно, однако, что наибольший объем географо-картографических сведений, находивших отражение не только в практических знаниях соседних народов, но и в письменных источниках, поступал от участников ряда торговых, посольских и разведывательных миссий, сообщалось учеными-путешественниками и отрядами казаков, проводивших рекогносцировки в северных пограничных районах Центральной Азии.

Так, в 1800 году в Ташкент были направлены *Берг-гешворены штата Колывановских заводов Поспелов и Бернашев*. Эти горные офицеры были пышно приняты в Ташкенте и провели там целых три месяца[236]. Составленное Поспеловым по результатам поездки описание маршрута с пройденных стран включает разделы, раскрывающие географические особенности киргиз-кайсакских степей, наблюдения о характере, материальной культуре, верованиях и образе жизни киргиз-касаков, рекомендации по маршрутам через Киргизскую степь к Ташкенту; *Минералогическое замечание гор от Российской границы по пути к Ташкентскому владению*; описание водного режима рек Цуя, Тюндюк, Талды, Нура, Сарысу и Атасу; соображения по поводу перспектив заселения и сельскохозяйственного освоения Киргизской степи русскими колонистами.

В *Общем замечании о местоположении степи Киргиз-Кайсаков* отмечается, в частности, следующее:

Степь, обитаемая Киргиз-Кайсаками, при реке Иртыше соединяется с Российской границей и идет по левому берегу течения оной реки. Ниже же крепости Омской, разделяется линией, называемой Горькой, и далее Оренбургской. – С другой стороны граничит от вершин реки Иртыша с Китайскою империей, далее с Хивинским, Ходжанским, Ташкентским и Бухарским владениями. – Она сколько известно занимает нарочитую часть в Азии, но по сие время кроме некоторых путей нельзя описать оной с Географической точностию: ибо враждебные поступки населяющего народа, приводят в опасность как торговое сообщение, так и всякого, кто бы решился войти в гнездо сие по многим примерам хищное.

При особливых посредствах Управляющего Сибирскою Линиею по Высочайшему соизволению предпринятых, проходя чрез пространство оной степи, рассматривая естественное положение земли, качество оной и способность к произведениям, так же избыточество и образ жизни обитателей, всему тому замечания постепенно объясняются.

Сия степь хотя преимущественно отличается ровным местоположением своим, но имеет многие пригорки и увалы, кои суть следствие более наводнением произведенные, и оне так как и вся степь состоит из разнородных каменных пород. Между тем при вершинах реки Иртыша, горы, отделившиеся от Малого Алтайского хребта, в разных отраслях, среди одной степи проходят к северозападу на довольное расстояние, и которые по мере своего продолжения уменьшаясь, преображают местоположение в степное.

Вся поверхность этой степи покрыта кипечною травою и местами различным мелким терновником. – Впрочем каменистое основание не делает способности к другим произведениям. – К сему можно отнести и маловодие сего края, ибо многие озера и ключи в летнее время изсыхают, почему обитатели принуждены копать неглубокие колодцы, в коих вода местами пресная и местами от солонцов горьковатая, однакож по привычке для людей и скота без вреда употребительна. – Но где горы продолжаются, тут между ними довольно есть речек и ключей, и на черноземных мягких подолах растут луговые травы; по всем таковым выгодностям можно бы быть и хлебопашество произвожено. А в рассуждении имеющихся лесов, кои отчасти есть и годные к строению, соделались бы и другие для жизни лучшие выгодности, о чем особо объяснено.

Между тем в общем положении сей степи относительно ее удобности к обитанию, надлежит исключить ту часть, которая следует к полудни за пространством гор. Она именуется Битпаком, и покрыта боле терновником и отчасти полынной травой; по причине же неимения воды не населяется; а для случайного прохождения выкопаны колодцы, или весною довольствуются скопившеюся от растаяния снегов; таковая степь продолжается до реки Цуя, на расстоянии в поперешнике 180 верст. За нею следует пещаная в 50 верст. – По пути же к Бухаре, подобная сей пещаная степь находится гораздо обширнее и также не населяется. – Оттуда уже как к Бухарии, так и к Ташкенту начинаются удобные к обитанию места. Хотя степь Киргиз-Кайсаков неспособна к лучшим произведениям, но имеет все нужное, особливо по образу кочевой жизни, каковую оные ведут. – Она совместнее по их скотоводству, составляющему лучшую часть собственного избытка; по действию же нравов их, оне предпочтут свое положение всем другим правилам жизни... [237]

В 1803-1804 г.г. поручик Гавердовский прошел путь от крепости Орской к Сыр-Дарье; отряд казаков под командованием Мамедиарова в 1811 г. совершил путешествие в Коканд через реки Сарысу и Чу, побывал в Туркестане и Ташкенте; сибирский казак, переводчик Путимцов в том же 1811 г. достиг города Кульджи; Филипп Назаров в 1813-1814 гг. пересек Ферганскую долину. Участники указанных походов доставили подробные маршрутные описания и карты, *путевые*

записки, *обозрения пути* и прочие материалы, дававшие первые конкретные картографические сведения о территории Центральной Азии, главным образом, по линии их маршрутов[238]. Отчетные материалы этих экспедиций собирались в основном в канцелярии губернаторства в Омске. Сборник такого рода источников сохранился до настоящего времени в РГВИА в виде *Собрания заграничных описаний, путешествующих в разные времена чрез Сибирскую степь... полкового квартирмейстера Незнаева и казацкого атамана Волошанина 1771-го года, капитана Гренинга 1791-го года, подпоручика Телятникова 1797 г. (в Ташкенте), Мамедьярова 1811-го года, пятидесятника Вяткина, пограничного толмача Назарова и губернского секретаря Бубенкова 1813-го года; в Омске 16 июня 1816 года*[239]. В этот сборник, как мы видим, наряду с уже рассмотренными нами материалами конца XVIII в. вошли описания путешествий 1811 и 1813 годов. По первому из этих путешествий в Российском государственном военно-историческом архиве и Архиве истории внешней политики Российской империи сохранилась также *Путевая записка с замечанием мест, ведущих от Сибирской линии в город Коканд и обратно, по коим следовала казачья команда Сибирского линейного войска в управлении переводчика коллежского регистратора Мамедиярова. 1811 года.*[240]

По заданию Министерства иностранных дел России по итогам этого путешествия Павлом Катенским и Мамедияровым сразу по возвращении были составлены *Общие сведения о Кокане..*, в которых, в частности сообщалось следующее: *Кохан. Княжество Западное. Образ жизни сего народа, нравы, вера и одеяния во всем сходствуют с Магометанскими народами. Малорослы, злы, забиячливы. Торг производят с Малой Бухариею – откуда получают чай, полотна и пр. От главного Малобухарского города Яркенда, на запад лежит княжество сие на 40 дней езды. Земля их окружена горами, тесные к ним проходы делают их от соседей безопасными. Народ сей разговаривает весьма нечистым татарским языком. На китайском языке много об них сказано неосновательно... Китай по своей системе считает и сей народ от него зависящим, но сие сумнительно...*[241]

В «*Собрание заграничных описаний...*» по неизвестным нам причинам не попал отчет о поездке бухтарминского чиновника Путинцова в Кульджу, но в Российском государственном военно-историческом архиве сохранилась отчетная *Карта, представляющая путь коллежского регистратора Путинцова, от крепости Бухтарминской до пограничного китайского города Кульджи и обратно, которые означены: передний красною и обратной синею линеями. Соч. 1812 года, генваря*[242] (масштаб 20 верст в дюйме). На этой карте нанесены китайские пикетные дороги, частью из которых пользовался Путинцов в своем путешествии. *Китайская линейная* (т.е. пикетная) *дорога* становится к этому времени одним из обязательных элемен-

тов содержания русских карт Казахстана и Центральной Азии. Ее изображение имеется, в частности, на всех картах, создававшихся администрацией Колывано-Воскресенских заводов. Например, на *Карте, представляющей местоположению рек Иртыша и Бухтармы также и крепости Бухтарминской Зыряновского рудника с находящимися около онаго приисками. Сочинена декабря дня 1814 года унтер-шихтмейстером Нечкиным*[243], китайская линейная дорога нанесена на левом (южном) берегу реки Нарына.

Карты Центральной Азии начала XIX века; экспедиции И.П. Шангина, Н.Н. Муравьева и Э.А. Эверсмана

В этот период значительные обобщающие картографические работы по Центральной Азии проводил принятый в 1803 году на российскую службу немецкий ученый из Веймара, доктор философии Иоганн Генрих Лоренц (Лаврентий Иванович) Панснер (Johann Heinrich Lorenz Pansner) (умер в 1819 г.). Сразу по приезде в Россию этот ученый решил посвятить себя географии и картографии Центральной Азии. Цель его исследований, а также серьезность подготовки к ее воплощению в жизнь очень хорошо характеризует следующее ходатайство (май 1803 г.) директора Военно-топографического Депо Генерального штаба генерала Сухтелена, направленное в Департамент азиатских дел Министерства иностранных дел России, тайному советнику С.Л. Ласкареву:

Милостивый государь Сергей Лазаревич,

Принятому в Российскую службу доктору философии Панснеру чином коллежского ассесора и причисленному в собственное Его Императорского Величества Депо карт для предпринятых им путешествий и деланию ученых открытий, нужно будет употредление Татарского языка, то Государь Император соизволил мне указать снестись с Вашим превосходительством дабы Вы чрез знающих совершенно татарский язык подали ему Панснеру, способ к изучению онаго.

Впрочем с совершенным почтением и преданностью пребывать честь имею Вашего Превосходительства, милостивого государя покорнейший слуга.

Генерал Сухтелен.[244]

К сожалению, очень мало известно о деятельности Лоренца Панснера в России, но он, очевидно, играл заметную роль в петербургском научном сообществе, о чем, в частности свидетельствует тот факт, что именно на его квартире в Михайловском (Инженерном) замке 19/7 января 1817 года состоялось открытие Русского минералогического общества[245]. Самым ярким итогом деятельности Л. Пан-

снера в России явились его картографические труды, в первом из которых, в 1816 году, были обобщены географические и картографические труды чиновников алтайских горных заводов в виде «*Подробной карты Колывано-Воскресенской горной округи, составленной из новейших частных карт Барнаульской горной архивы по масштабу общей подробной карты России (20 верст в дюйме), под руководством состоящего при Депо карт надворного советника Л. Панснера.*»[246] На листе № 1 этой карты показаны китайские пикеты и пикетные дороги на реках Бухтарме и Нарыне.

Под руководством Лоренца Панснера была создана также широко распространившаяся печатная «*Карта части Средней Азии, содержащая земли Киргис Кайсаков, каракалпаков, трухменцов и бухарцов. Сочинена при Депо карт. 1816.*» в масштабе 50 верст в дюйме[247] (Рис. 13). Эта карта имеется также и в зарубежных хранилищах, в частности, в Картографической библиотеке Британской библиотеки[248].

Карта Панснера включает десять листов большого формата, имеет градусную сетку с делениями через 1 градус. Географическое содержание ее противоречиво. Наряду с новыми материалами (в частности отражавшими результаты иезуитских съемок в Центральной Азии 1759-1761 гг.) в значительной мере отражены и устаревшие, а также книжные сведения, заимствованные из средневековых источников. Создатели карты, хорошо понимая, что составляют первое в своем роде произведение, интересное также для зарубежных читателей, поместили на нем помимо русских латинские названия населенных пунктов и рек.

На юге страны на *Карте части Средней Азии...* нанесена мощная разветвленная речная сеть (река Теджен, или Охус, и река Тус с Себрудом, впадающая в глубоко врезанный залив Каспия) и показаны города с названиями, заимствованными у географов античности: Сага Лацавен (Мерхеле), Неза, Заверх, Антиохия, Маргиана или Марви. Недоумение вызывает изображение меридиональных горных цепей в пустыне Каракум, между Аму-Дарьей и Каспийским морем, что несомненно заимствовано с карт Птолемея. Река Зеравшан дана под названием Сага; она изображена как приток Аму-Дарьи и берет начало в *Белых горах*, проходит через озеро Таран, принимая ряд притоков, в том числе Тиз, Нуру, Ванкан-Дарью.

Особого внимания заслуживают новые сведения, впервые нашедшие отражение на опубликованной карте и, в том числе, материалы маршрутных описаний и карт начала XIX в. Маршруты пересекают северо-восток страны, вдоль них показан рельеф, колодцы, речки и ручьи, урочища и поселения. На части Казахстана и Центральной Азии, примыкающей к китайским владениям, нанесены китайские пикеты и пикетные дороги, в том числе – пикетная дорога от Чугучака на юг с пикетами «Цаган Тогой», «Эргиту» и др. (листы №№ 3,

КАРТА
ЧАСТИ СРЕДНЕЙ АЗИИ
ЗЕМЕЛЬ КИРГИЗЪ-КАЙСАКОВЪ, КАРАКАЛПАКОВЪ,
ТУРКМЕНЦЕВЪ и БУХАРЦОВЪ
ПРИ ДВУХЪ КАРТЪ
Аральско
Каспийское

Рис. 13. Лоренц Панснер. Карта части Средней Азии, содержащая земли Киргис Кайсаков, каракалпаков, трухменцов и бухарцов. Сочинена при Депо карт. 1816

6, 9). На некоторых экземплярах карты имеется отмывка китайской границы по линии западнее озера Зайсан, далее – по Аягусу, южным берегом озера Балхаш и на юг, оставляя озеро Тюскель (Иссык-Куль) в китайских пределах[249]. Таким образом, *Карта части Средней Азии...* наряду с рассмотренными выше материалами Клапрота способствовала утверждению на мелкомасштабных картах более реалистичного отображения истинных пределов распространения китайского влияния в Казахстане и Центральной Азии.

Карта части Средней Азии.., имея большое значение для формирования общих представлений об этих новых для России и других европейских государств районах, не могла целиком удовлетворить практические запросы администрации сибирских линий и руководства алтайских горных заводов в отношении географической информации о территориях, в направлении которых шло расширение российских владений. Поэтому с изданием в 1816 г. карты Панснера, исследования Центральной Азии и Казахстана со стороны России не только не прекратились, но получили дальнейшее развитие.

Большое значение для изучения геологии, географии и в особенности минеральных богаств Северного и Центрального Казахстана имела экспедиция И.П. Шангина в составе военно-рекогносцировочной экспедиции под началом командира 1-го казачьего полка, прикрывавшего западный фланг Новоишимской линии, и исполняющего обязанности войскового атамана, майора Ф.К. Набокова в 1816 году. Физико-географические и общегеологические асследований Шангина кратко проанализированы с использованием архивных материалов В.А. Есаковым[250] и В.В. Тихомировым[251]. Наиболее детальное исследование недолгой жизни Ивана Петровича Шангина (1784/1785-1822) и его экспедиции проведено в статьях и книге Е.Ф. Бурнштейна[252].

Выше мы видели, что территории Киргиз-кайсакских степей и районов, расположенных к востоку и югу от них, еще со времен Петра I рассматривались как весьма перспективные в плане *песочного золота*, свинца, серебра и других минеральных богатств. С началом Отечественной войны 1812 года интерес к этим «стратегическим сырьевым районам» усилился. В частности, слухами о свинцовых рудах за Иртышом заинтересовался осевший в Семипалатинске сибирский золотопромышленник и купец Степан Попов, но его поиски не увенчались успехом. Год спустя комендант Троицкой крепости Феофилатьев и директор таможни Чекалов, обнаружив у казахов свинцовые пули, разузнали о горе Кургасын (свинцовой) вблизи Улы-Тау. Организованные в 1814-1815 гг. экспедиции, для сопровождения которых выделялось до 1400 казаков, вывезли более 6000 пудов свинцовой руды Кургасына и около 100 пудов медной, добытой поблизости. На Урале, в Миассе, из этих руд выплавили несколько сот пудов свинца и восемь пудов меди[253]. Рапорт Ф. Набокова генералу Г. Глазенапу об открытии им в степях медных, серебро-свинцовых руд и золота

(1815 г.)[254] и донесение генерала министру финансов ускорили организацию новой военной экспедиции и прикомандирование к ней алтайских горняков во главе с И. Шангиным.

Военная экспедиция, направленная *по Высочайшему соизволению* командиром отдельного Сибирского корпуса генерал-лейтенантом Григорием Глазенапом, должна была произвести рекогносцировку территории казахов Среднего жуза между Новоишимской пограничной линией и озером Балхаш, составить маршрутную карту, наметить возможные будущие места возведения крепостей и укрепленных линий *в глубине заграничной степи*. Военный отряд включал семь офицеров, 16 *нижних чинов*, 156 казаков и канониров, шесть деньщиков и фельдшера. Помимо обычного стрелкового оружия, отряд был вооружен пушкой-единорогом со 120 зарядами и транспортировался с помощью 350 лошадей на 50 фурах и повозках[255]. Научно-поисковую часть экспедиции составляли берггешворен (*посвященный в горное дело*) 12-го класса Иван Петрович Шангин, унтер-шихтмейстер 14-го класса Ретивой, унтер-штейгер Соснин и семь берггауэров (квалифицированных горнорабочих) с Алтая[256]. Следует заметить, что академик Паллас, побывав в 1771-1773 гг. на окраинах Казахских степей и описав древние меднорудные копи по Ишиму, подчеркивал необходимость научного изучения райнов расположенных южнее тех территорий, который ему удалось посетить. Пожелание о таком путешествии он позднее включил в проект экспедиционных исследований, представленный в Санкт-Петербургскую Академию наук[257].

Научная часть экспедиции Шангина-Набокова в определенной мере способствовала выполнению намеченной П.С. Палласом программы.

Помимо геолого-разведывательных отряду Шангина было поручено проводить съемочные работы для составления карты обследованных местностей. Отряд был снабжен *пристойным числом математических и горных инструментов, также и путевою лабораториею*, однако отсутствие астрономо-геодезических приборов не позволяло производить астрономическое определение географических координат по ходу маршрута. Поэтому съемка производилась посредством измерения расстояний мерным шнуром и углов поворотов маршрута астролябией. Этот астролябический ход, составлявший главную плановую основу съемки, дополнялся созданием триангуляции в местной системе координат путем измерений углов треугольников, образуемых между вершинами холмов в окрестностях маршрута. Данные съемки дополнялись наблюдениями офицеров военных отрядов и опросом жителей. На стоянках производился пробирный анализ на серебро и золото. Рудные тела прослеживались шурфами и *прорезами* (наподобие канав), используя взрывные работы. Для выявленных месторождений составлялись *петрографические планы*, которые вместе с генеральными топографическими и *пе-*

трографической картами в масштабе 25 верст в дюйме были впоследствии включены в рукописный *Атлас И.П. Шангина*[258]. Следует заметить, что вклад *Атласа* в картографическую изученность территории Казахских степей очень ярко выявляется при сравнении его содержания с составленной по указанию генерал-лейтенанта Глазенапа рукописной *Картой, представляющей часть Пермской, Оренбургской, Тобольской, Томской, Иркутской губерниев и всю Сибирскую линию со штатными крепостями и разного рода кардонными укреплениями, с показанием к оной линии степи кочующих Киргиз Кайсаков, часть Китайского государства, и по смежности с оным Бухарское и Ташкентское владение с наложением разных заграничных путей и с показанием ниже линейного маршрута, снятого из разных карт. Сочинена в Омске; апреля 30 дня 1816-го года*[259]. Помимо того, что карта отображает систему обороны Сибирской линии и показывает большинство маршрутов русских экспедиций в Центральную Азию в конце XVIII – начале XIX века, на ней показаны китайские пикеты и пикетные дороги, а также нанесена граница китайских владений, проходящая западнее Зайсана, но восточнее Тускеля (Иссык-Куля). На крайнем юге граница Китая проведена по хребту «Белюртау» (Болор), под которым, по-видимому, понимался современный Кашгарский хребет[260].

Экспедиция выступила 1 мая 1816 года из крепостей Ново-Ишимской линии: отряд Шангина с охраной – из крепости св. Петра (ныне г. Петропавловск), военные отряды – из Пресновской и Пресногорьковской. Отправление из разных пунктов объяснялось необходимостью более детального (в масштабе 10 верст в дюйме) картографирования местностей прилегающих к линии. Через три недели у оз. Зеренды, затем у горы Имантау они соединились. В дальнейшем, горный отряд, поисковые и рекогносцировочные группы неоднократно отходили от основного маршрута[261]. На завершающем этапе экспедиция выполнила важное политическое поручение верховного руководства России. Дело в том, что в 1815 году, император Александр I, обеспокоенный сближением хана Средней Орды Вали с Китаем, назначил вторым ханом лояльного султана Букея, земли которого простирались от гор Каркаралы по реке Нуре на запад. Члены экспедиции должны были посетить Букея, убедиться в его лояльности и уверить его в поддержке России. Помимо всего прочего они, как оказалось, вполне оправданно, расчитывали на информацию Букея относительно минеральных богатств, находящихся в его владениях. Пройдя областью водораздела бассейнов Нуры, Сарысу и оз. Балхаш, 21 августа экспедиция перевалила через водораздельную гору Тоганбай, установила контакты с ханом Букеем, обменявшись подарками. Затем от Букея прибыл поручик Лаузан с предложением показать удаленный рудник Конысбай. С помощью казахов горнякам экспедиции удалось обнаружить и исследовать целый ряд рудников. После

прощального визита к Букею, отряды экспедиции, отсалютовав из единорога горам Кызылтау, двинулись в обратный путь[262].

За шесть месяцев отрядом было пройдено около 3000 верст – от крепости Св. Петра (Петропавловска) на севере до Прибалхашья и от гор Улытау на западе до Иртыша. Экспедиция Шангина-Набокова была важным этапом в истории географического изучения и освоения недр казахских степей. Карты *Атласа* Шангина отразили основные орогидрографические черты региона, опровергнув, в частности существовавшие в европейской картографии с конца XV в., т.е. со времени появления в Европе картографических материалов *Руководства по географии* (II в. новой эры) Клавдия Птолемея, представления о соединении Урала и Алтая широтным хребтом (или системой хребтов), преграждавшим путь в Центральную Азию. Однако *Атлас* остался в распоряжении военного ведомства России, а карты, предоставленные этим ведомством Александру Гумбольдту во время его путешествия 1829 года от Урала к Алтаю вдоль границы (проникнуть в казахские степи он не смог), все еще отражали чисто теоретические построения Птолемея и не соответствовали истинной картографической изученности этих территорий российскими путешественниками и картографами, включая И. Шангина. Неудивительно, поэтому, что опубликованная Александром Гумбольдтом по результатом его путешествий в России карта в части Центральной Азии оставалась чисто теоретическим построением великого немецкого географа. (Рис. 14). В материалах полевых съемок И.П. Шангина не только картографически отображено отсутствие единого хребта к востоку от Улытау, но и преобладание в большей части бассейна Нуры именно широтных или близких к ним по простиранию пластов горных пород и сложенных ими холмов и горных гряд, разделенных поперечными долинами. Алтайский геолог попытался дать этому объяснение в соответствии с теориями Бюффона и взглядами П. Палласа (с которым поддерживал научные контакты его отец, член-корреспондент Санкт-Петербургской Академии наук П. Шангин). И.П. Шангин считал, в частности, что превращение существовавшего здесь прежде морского бассейна в сушу последовало *с возвышением дна, действием беспрерывных механических и химических осадков происшедшего...* [263]

Наиболее значительными были результаты поисков и обследований Шангиным рудных объектов, многие из которых впоследствии разрабатывались. Полученные им данные относятся к Кокчетавскому, Улытаускому, Джезказганскому, Сарысу-Тенизскому, Северо-Прибалхашскому рудоносным районам, Спасской и Успенской рудоносным зонам в современном понимании. Особенно значительны данные о полезных ископаемых. Из 30 *рудников* и *приисков*, нанесенных на карту Шангина, идентифицируются на местности 23, в основном серебро-свинцовые и медные. Впервые в этом регионе были

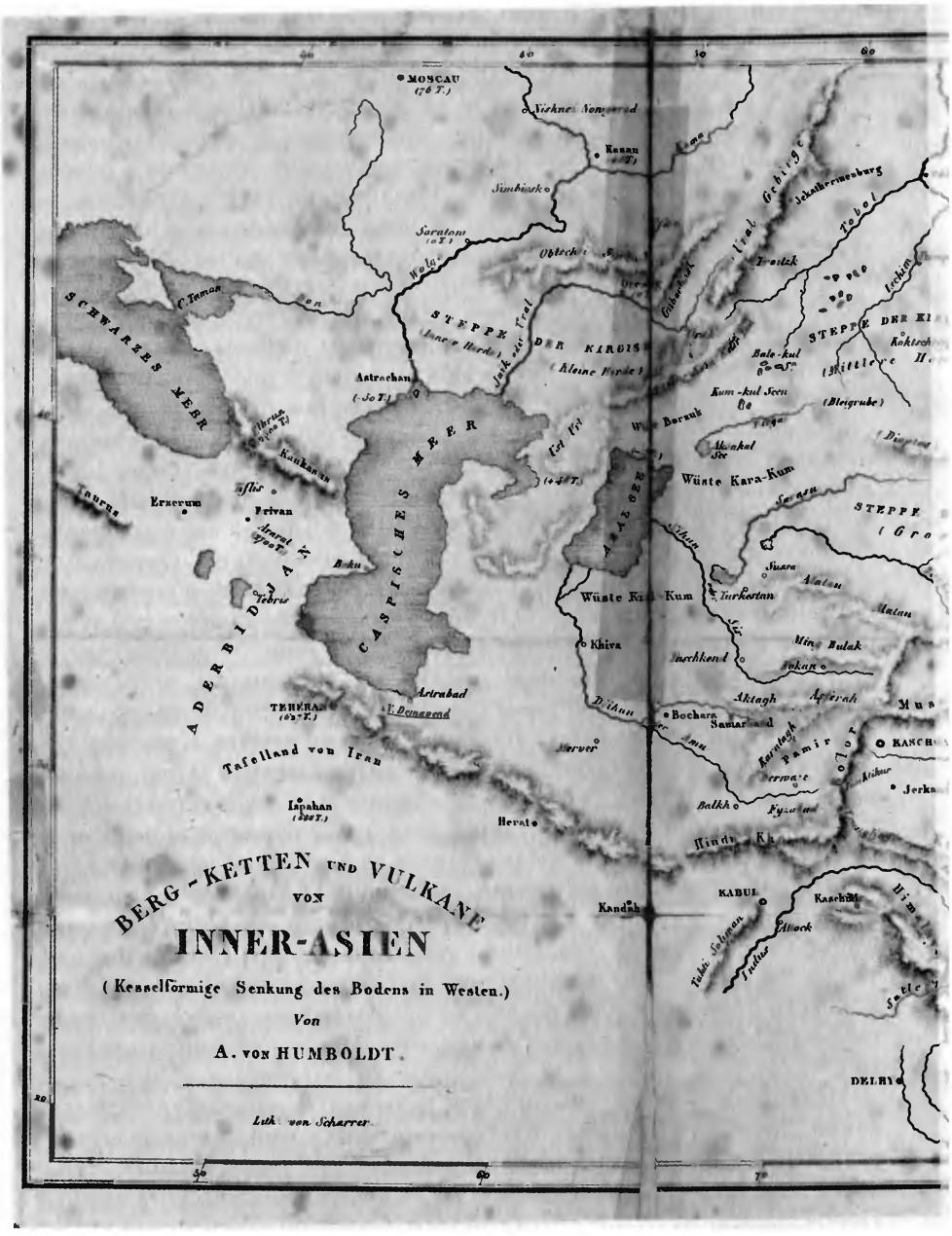

BERG-KETTEN UND VULKANE
VON
INNER-ASIEN
(Kesselförmige Senkung des Bodens in Westen.)
Von
A. von HUMBOLDT.
Lith. von Scharrer.
MOSCAU
SCHWARZES MEER
CASPISCHES MEER
ARALSEE
STEPPE DER KIRGISEN
Wüste Kara-Kum
Wüste Kara Kum
Tafelland von Iran
Astrabad
Khiva
Bochara
Samarcand
Pamir
KABUL
Kandahar
Herat
Erzerum
Tiflis
Baku
Tebriz
Astrachan
Kasan
Orenburg
Jekaterinenburg
Troitzk
Tobol
Irtisch
Jerkan
Aktagh
Aperah
Jerkend
Yarkand
Suara
Turkestan
Balkh
Kaschgar
Jerka
DELHY

Рис. 14. Карта Внутренней Азии Александра фон Гумбольдта. 1832 г.

описаны железные руды, медистые песчаники, вольфрамит в кварцевых жилах, поделочные яшмы и порфиры, *зеленый агат* (хризопраз [?])[264].

Материалы Шангина были использованы для доклада Департаменту горных и соляных дел. Императорский кабинет не решился финансировать дальнейшую разведку и освоение рудных богатств в полупустынном и неспокойном крае, отказавшись от монополии на добычу и переработку серебросодержащих руд, что привело к началу деятельности частных предпринимателей (С. Попова и др.), особенно после учреждения в степях начиная с 1824 г. *внешних округов*, центры которых с военными поселениями были намечены на одной из карт *Атласа* Шангина.

Помимо геологичесих образцов, И.П. Шангин собрал и систематизировал одни из первых гербариев флоры казахских степей (43 вида, среди которых были и новые). Получены также интересные данные по археологии и этнографии казахов. Сохранились, в частности, записанные И. Шангиным материалы по генеалогии казахских родов (*шежире*).; позднее их собирали Г. Потанин, Ч. Валиханов и другие исследователи[265].

К сожалению, как это нередко бывало в России и до, и после Шангина, основные материалы исследований экспедиции остались неопубликованными и хранятся сейчас в Российском государственном военно-историческом архиве. Это – *Дневные записки путешествия в степи Киргиз-Кайсаков Средней Орды Колывано-Воскресенских заводов берг-гешворена Ивáна Шангина. Часть первая*[266] и упоминавшийся ранее *Атлас И.П. Шангина*[267]. Вторая часть *Дневных записок* до настоящего времени не обнаружена. В печати того времени, материалы экспедиции нашли отражение лишь в трех публикациях, освещающих итоги исследований И.П. Шангина весьма неполно[268].

В 20-х годах XIX в. в Центральную Азию был направлен ряд крупных экспедиций и посольств, имевших целью укрепить торговые и дипломатические отношения с центральноазиатскими ханствами. В задачу экспедиций входил также сбор подробных сведений о центральноазиатских землях и создание более точных карт, а поэтому они проводили не только описания и глазомерные съемки маршрутов, но и астрономические определения географического положения мест, полуинструментальные съемки местности, а также прокладывали нивелирные маршруты.

Первые более точные сведения о географии юго-западной и центральной части центральноазиатской территории сообщил капитан Н.Н. Муравьев (Карский) (1794-1866), совершивший в 1819-1820 гг. по распоряжению наместника Кавказа генерала Ермолова путешествие от города Баку к восточным берегам Каспия, а затем от Красноводского залива в Хиву, для возобновления отношений с туркменами *в видах направления через их земли торгового движения на Хиву*

и Бухару, к Северной Индии[269]. Обследовав берега Каспия, экспедиция двинулась вглубь центральноазиатских пустынь, совершив на верблюдах трудное, полное опасностей путешествие от Красноводского залива в Хиву и обратно. Пройдя в общей сложности более 1400 км., Муравьев благополучно закончил свое путешествие и сразу же приступил к его описанию. Его книга[270], написанная живым и ярким языком, была встречена с большим интересом. В ней впервые сообщались сведения о центральных областях практически неизвестной в то время страны. Большое значение имеют картографические материалы Муравьева, составившие *Атлас к путешествию*. В 1823 году труд Муравьева был переведен на французский язык и получил высокую оценку зарубежных ученых. В 1821 г. Н.Н. Муравьев вновь посетил Центральную Азию и произвел инструментальную съемку Красноводского и Балханского заливов, а также окружающей их местности. В результате были составлены подробные карты этих районов[271].

Одновременно с экспедицией Н.Н. Муравьева в 1820 г. проводила широкие географические исследования центральной части территории Центральной Азии экспедиция при русском посольстве в Бухару, возглавлявшемся А.С. Негри (1784-1854). В подготовке и проведении этой экспедиции значительную роль играл немецкий ученый, впоследствии (с 1842 г.) член-корреспондент Петербургской академии наук, Эдуард Александрович Эверсман (Aleksandr Fridrikh Eduard Eversmann)(1794-1860 гг.). Э. Эверсман жил в России с 1814 года и, не смотря на блестящее образование, полученное в Марбургском, Берлинском и Дерптском университетах, и звание доктора философии (Галле, 1816 г.), он работал по контракту в относительно скромной должности главного врача на Златоустовском казенном заводе. Время подготовки экспедиции совпало с предложением Эверсмана отправиться для научных исследований из Оренбурга в страны Центральной Азии с выходом через Тибет, Кашмир и Белуджистан в Индию. Идеи Эдуарда Эверсмана понравились Оренбургскому военному губернатору, графу Д.А. Гурьеву, который направил программу ученого и сведения о нем министру иностранных дел графу К.В. Нессельроде.

Характеризуя Э.А. Эверсмана, оренбургский военный губернатор подчеркивал, что *он имеет весьма основательные и обширные познания, как по медицинской так и по другим частям, в особенности по всем отраслям естественных наук, что кроме университетских дипломов доказал он достаточно и на опыте, исправляя в течение двух лет должность главного врача при Златоустовской оружейной фабрике с успехом и рвением*. В Оренбургском крае Эверсман к этому времени провел три года, причем, как подчеркивает граф Гурьев, *в первый год пребывания своего здесь, получая содержание от отца, проходил он часть Уральских гор и Башкирии, и собирая раз-*

ные естественные произведения, отправил два транспорта оных в Берлин. В этот период он в совершенстве овладел русским и татарским языками и, *не ограничивая исследований своих наблюдениями в Уральских и Башкирских горах, он предположил отправиться в Бухарию и другие азиатские земли, для того, чтобы по его выражению, удовлетворить свое любопытство и сделаться наукам полезным и ученому свету известным.* В течение целого года Эверсман, опираясь на всестороннюю поддержку Петербургской Академии наук, безуспешно пытался заинтересовать российские власти в своем проекте. Отец Эверсмана обратился в Пруссию, и начинание Эдуарда Эверсмана получило одобрение министерства просвещения в Берлине. Сам же молодой ученый даже при положительном решении в Пруссии, предпочитал российскую поддержку. Он был готов отправиться в путешествие при полном отсутствии какой-либо официальной помощи на собственные средства с караваном под видом *русского или польского татарина*[272].

Составленный ученым *Проект словестного наставления отправляющемуся путешествовать по Азии Доктору Еверсману* представляет собой, по сути дела программу историко-географических и политико-административных исследований этих практически неведомых европейцам стран, причем с уверенностью можно утверждать, что программа эта во многом определила как содержание последующих документов подобного рода, так и самих российских научно-экспедиционных и разведывательных работ последующего периода. В *Проекте,* в частности, указывалось выяснить следующее.

1) Подробности о нынешнем состоянии Кокандского ханства, пространство его владений, естественные оного богатства, торговля, правление, качество настоящего владельца; отношение сего государства к его соседям.

2) Положение Туркестана и Ташкента.

3) Известия о Бухарии, преимущественно торговля сего государства и его внешние отношения между прочим к Хиве, Персии, Афганцам и Порте Оттоманской; личные достоинства Мир-Гейдер Хана, его наследника и министров; их расположение к России; состояние евреев и вообще разных племен, обитающих в Бухарских владениях.

4) Разыскания о реках Сыре или Сигуне /Jaxartes/ и Аму или Джигуне /Oxus/, о их источниках, направлении и величине; о могущих находиться в них известнейших мелях и порогах, о судоходстве по оным; с которых мест делаются оные способными к плаванию; какие суда на сей конец выгоднее; находятся ли в близости оных рек леса и какого рода.

Сличение мест из древних писателей Страбона, Плиния и других, передавших нам известия, с новейшими сведениями о сплаве в свое время индейских товаров по реке Джигуну в Каспийское море,

оттуда до устьев Куры /Cyrus/ и далее. Которую из рек, впадающих с левой стороны в Аму или Джигун должно признать за древний Икар /Icarus/ реку, на которой нагружались на суда товары, шедшие из Индии в Европу; разрешение, или, по крайней мере, ближайшая развязка известной проблемы о прежнем впадении реки Аму в Каспийское море, и о последовавших переворотах естественных или искусственных в направлении рукавов ее и устьев.

5) Древнейшие и новейшие известия, относящиеся до торговых караванных путей, идущих от берегов Каспийского моря в Индию и в сопредельные оной земли.

6) Обозрение известных в Бадахшане богатством своим гор.

7) Кабул, Кандагар, Кашмир, Латак (в Тибете) и Панджаб, подлинное положение обитающих там народов, их домашние занятия, особливо торговля, их внешние отношения, дружественные или неприязненные, – Афганцев к Персии, Бухарии и Индии, а Панджаба к английской Ост-Индской компании и Латака – к Китаю; равным образом сведения об отношениях Белюджского [правителя] *к афганцам и персам.*

8) Наблюдение, где в каких Российских и вообще европейских произведениях имеют большую надобность.

Изложенные сим образом примечательнейшие статьи, объяв и впечатлев в память свою, Г Еверсман может уже взять направление, которое обстоятельства ему позволят, и, по мере возможности, обозревать предметы, на вид ему поставленные, распространяя повсюду (с крайнею однако осторожностию и благоразумием, для личной безопасности) справедливое мнение о терпимости русского правительства, о покровительстве, которым пользуются в России чужестранцы, и о важных выгодах, кои наипаче азиатцы от торговли с нашим отечеством всегда с верностию получить могут.

Время странствования Г Эверсмана не определяется... [273]

Проект Э.А. Эверсмана получил полное одобрение высших российских властей и указом от 2 марта 1820 года император Александр I повелел ассигновать ученому на его осуществление 3000 рублей серебром, с последующей выплатой еще 1500 рублей ежегодно[274].

Назначение посольства в Бухару несколько изменило планы Эверсмана: 19 июля 1820 года ему было предложено войти в состав миссии в качестве врача, а по ее завершении – продолжить исследования в соответствии с его проектом[275].

С самых первых дней похода Э.А. Эверсман стал заниматься исследованиями, сильно выходившими за пределы его официальных обязанностей медика. Так, уже 26 ноября 1820 года посланник Негри с удовлетворением отмечал: *приятное уведомление получил я от доктора Эверсмана. – Он сделал открытие в 100 верстах от Оренбурга земляного и каменного угля, что обещает здешнему краю,*

скудному строевым и дровяным лесом весьма выгодные последствия[276]. Это месторождение находилось у речки Узун-Бурте, причем, как отмечено в рапорте Эверсмана *место сие нанесено на карту поручиком Тимофеевым с совершенною точностию*. На детальные обследования каменноугольных месторождений был направлен горный инженер, а тем временем Э.А. Эверсман с капитаном бароном Георгом Мейендорфом и натуралистом Пандером занимались обследованием устья реки Сыр-Дарьи[277].

1 июня 1821 года Эверсман, в соответствии с условиями его контракта с русским правительством, направил прусскому консулу барону Шлецеру сбор семян среднеазиатских растений для их последующей систематизации и изучения в Берлинском университете[278].

Эверсман никуда далее Бухары не пошел, а вернулся в Оренбург; ему пришлось это сделать потому, что *Бухарское правительство быв уведомлено известным бухарцем Назарбаем Байкшиевым (который имеет чин нашего титулярного советника), что доктор Эверсман путешествует не для торгу, а должен быть подкупленный Россией лазутчик, дало повеление умертвить доктора на границе владения*. Об этом случайно узнал командовавший конвоем миссии гвардии капитан Циолковский. Эверсман решил осуществить свой план, направившись позже с Сибирской миссией в Китай[279].

В целом посольство Негри имело очень большое значение для исследований вдоль маршрута экспедиции и в Бухаре. Съемками занимались капитан Георг (Егор Федорович) Мейендорф (? – 1874), поручик В.Д. Вольховский и капитан А.К. Тимофеев; геолого-географические исследования производили Э. Эверсман и Х. Пандер. Была выполнена съемка маршрута от Оренбурга до Бухары и в обратном направлении до крепости Орской, всего протяженностью около 2800 верст. Бухара с окрестностями была снята глазомерно в масштабе 100 сажен в дюйме[280]. По данным съемки была составлена *Маршрутная карта от г. Оренбурга до гор. Бухары и обратно* в масштабе 1 верста в дюйме (1: 42000) на 132 листах[281] и обзорная *Карта части Киргиз-Кайсацкой степи и Туркестана. Составлена по распросам и рекогносцировкам Гвард. Ген. штаба капитаном бароном Мейендорфом 1-м, поруч. Вольховским и свиты Его Императ.Величества по квартирмейстерской части Штаба капитаном Тимофеевым 1820 и 1821 г.г.*[282], опубликованная в 1826 г. на французском языке под названием *Карта Бухарского ханства и части Киргизских степей*[283]. На карте Бухарской экспедиции положение некоторых объектов уточнено по сравнению с картой 1816 г. Так, впервые показано, что истоки Зеравшана находятся среди горных хребтов, простирающихся в широтном направлении, а впадает он в озеро, расположенное на 39° 10' с.ш., что соответствует действительности. С большой тщательностью и детальностью на карте нанесены дороги,

связывающие Оренбург с Бухарой (дорога Чиклинская) и Бухару с Орской крепостью (дорога Кубанская).

Таким образом, благодаря многочисленным экспедициям и разведывательным поездкам во внешнеполитическом ведомстве России создался весьма значительный архив сведений о Центральной Азии, и оказалось, что в этом отношении Главный штаб, непосредственно отвечавший за военно-географическое изучение местности, не обладал в такой степени современной и достоверной информацией, какая была в распоряжении Министерства иностранных дел. Для исправления этого положения, руководство Главного штаба обратилось в Министерство иностранных дел со следующей просьбой.

Господину Малиновскому, № 433 Июня 27 дня 1825 года.

Начальство Главного Штаба Его Императорского Величества занимается исправлением географических карт и вернейшим, сколько можно, полным означением мест, досель упущенных, или неправильно показанных. Сей труд преимущественно относится до сопредельной нам Азии. Уверен будучи, что для оного находятся обильные материалы в Архиве, управлению Вашего Превосходительства вверенному, я покорнейше прошу Вас, милостивый государь приказать собрать всякого рода записки, описания, предположения, инструкции и др. бумаги, какие только есть с царствования Петра Великого до новейшего времени касательно Каспийского и Аральского морей и народов близ оных живущих, трухменцов, каракалпаков, хивинцев, бухарцев и киргизов Меньшей Орды, а также касательно отправления Бековича-Черкасского к восточным берегам Каспийского моря. Учинив распоряжение об укладке надлежащим образом помянутых бумаг, Ваше Превосходительство много обяжете доставлением оных сюда, как можно наипоспешнее.

Пребываю...

Князь Волконский[284].

Министерство иностранных дел направило в Главный Штаб все географические и картографические материалы, необходимые для обновления карт и описаний этих районов. Следует признать, что предоставление этих материалов не сильно сказалось на количестве и качестве издаваемых Главным Штабом карт, но, по крайней мере те офицеры, которые служили непосредственно в российском центральноазиатском приграничье и участвовали в военно-рекогносцировочных походах, получили доступ к новейшим материалам МИДа.

В частности, среди переданных в Главный Штаб карт числились следующие:

– *План двум профилям вновь прожектированным крепости на Восточном берегу Каспийского моря и укрепнению острова Агазы. Соч. Лодыженского;*

– *Сибирская пограничная линия с Китаем, присланная в Коллегию в 1726 году* [по-видимому, это карта Аргуньской границы, согла-

сованной с китайцами Владиславичем-Рагузинским по условиям Кяхтинского договора. – А.П.];

- Карта, означающая границу между Россиею и Китаем 1729 года;

Чертеж, учиненный в бытность у Зенгорского владельца Голдана Череня посланником;

- Карта о спорных землях с Зюнгорами;

Карта Китая, присланная из Парижа, вместе с сообщенною при сей карте запискою, которая и приложена к сей карте для сохранения... [285]

Значительный интерес для нашей темы имеет описание народов российского центральноазиатского пограничья, предоставленное МИДом Главному Штабу. В связи с тем, что это описание вполне отражает сформировавшиеся в тот период в российском внешнеполитическом ведомстве представления об этих народах, считаем целесообразным привести его текст полностью.

1. Мунгальский [народ] *китайской подданный закона идолопоклоннического,* [буддисты-ламаисты – А.П.] *находится при границах Сибирских, от Селингинска. Сей народ весьма многочисленный и употребляется от Китайцев в войске, которого из оного до ста тысяч собрано быть может.*

2. Зенгорской Калмыцкой народ, закона идолопоклоннического [буддисты-ламаисты – А.П.], *был смежный с Сибирью по реке Иртышу. Оный имел своих ханов и владельцев самовластных, которые завладев многими окольными народами, а напоследок и Малою Бухариею, в которой семь городов: Кашкар, Учь, Аксу, Куца, Эркень, Хотон, Керея, чрез 40 лет продолжали войну с Китайским Государством, а при том, усильные делали претензии и на здешние крайние места по Иртышу лежащие, в том числе и на Колывано-Воскресенский завод; но в 1746 году, по смерти главного их владельца сделалось междоусобие, которым случаем с Китайской стороны воспользовались и Зенгорский народ войсками их истреблен совершенно, а места их заняты от Китайцев, причем на реке Или, где наперед сего главные Зенгорские владельцы пребывание имели, и город Китайцами построен.*

3. Киргиз-Кайсацкой народ, закона магометанского; сей народ разделяется на три орды: большую, среднюю и меньшую. Большая находится вблизи Малой Бухарии и была в подданстве у Зенгорских владельцев, а ныне китайцами покорена, о том известия еще нет; а Малая Бухария, которою владели Зенгорские владельцы, как известно в их китайское подданство приведена, а средняя и меньшая орды, считаются в здешнем подданстве и кочуют средняя за Сибирскими границами близ реки Тобола и Иртыша и в вершине Ишима, а меньшая на Заяцкой степи близ Яицких казаков и Оренбургской линии до Каспийского моря, а в них главными находятся, в меньшой

Нурали Хан; а в средней Аблай Солтон; в обеих же тех ордах считается до 40 тысяч кибиток или семей. Итак, во время нужды легко может их собраться до 30000 человек с огненным и другим оружием, только хан и владельцы их великой силы у них не имеется, а в важных делах поступают по совету старейшин и народа. Между тем, что касается до Средней Орды, то оная всячески с Китайской стороны привлекается чрез частые в оную от посылки с подарками, также и учрежденным для них в Зенгории торгом.

4. Каракалпацкой народ, закона Магометанского кочующий за Киргиз-Кайсацкою Меньшою Ордою, у Аральского озера, на восточной стороне оного, около реки Сыр-Дарьи и имеет у себя двух ханов, и всем народа до 10 тысяч кибиток быть имеет. Впрочем, хотя сей народ в 1742 году чрез своих посланцев в Орскую крепость присягу учинил о бытии в здешнем подданстве, и для подтверждения того и сюда ко Двору Императорскому нарочные посланцы присланы, но с того времени поныне никакой с здешней стороны с сим народом за неспособностию пересылки не было.

5. При оном же Аральском озере находится народ, называемый по тому озеру аральцы Здесь об нем только известно, что он управляется особливым ханом и состоит не в великом числе, питаясь по большей части так, как и каракалпаки, скотоводством и пашнею, хотя и кочевые.

6. За сим же Аральским озером находится владение Хивинское, оное от Оренбурга в полуденную сторону расстоянием по обыкновенной с караванами на верблюдах езде тридцати днях, и путь простирается туда по безводным местам. В сем владении считается городов до десяти, а именно Хива (сама собою), Гурьян, Везирькент, Шабак, Казабат, Ханки, Ургенчь, Адарус, Бектак, Каксара. Хивинское владение управляется ханом, к чему часто избираются из Киргиз Кайсацких Султанов; при случае войны могут хивинцы не малое число войска собирать, имея к тому способ от окольных народов, а впрочем управляются по большей части в купечестве, имея разные щелковые и бумажные фабрики, а при том и песошное золото в своих руках, и как сами сказывают, то есть у них и одна гора, содержащая золото близ Аральского озера в двух днях езды от Хивы.

7. Бухарское владение, или Большая Бухария лежит так как и Хивинское в рассуждении Оренбурга в полуденной стороне, куда из Хивы и водяной ход есть по реке Улазарье и между ими расстояние семь дней. Тамошний Бухарской и Хивинской народы Закона Магометанского и к купечеству весьма склонны, причем у них и собственные червонные есть, а серебрянные деньги получают из Персии. В сем владении есть Хан, но сколько тамошний народ многолюден о том и о других тамошних обстоятельствах неизвестно.

Бухарцы и Хивинцы каждого года приезжают в Оренберг с товарами, только имеют в том препятствие от киргиз-кайсаков, ко-

торые нередко также их караваны по своему своевольному и варварскому соображению грабят и в том Оренбургскому с азиатами торгу немалое препятствие чинят.

8. За Оренбургскою же Губерниею к Каспийскому морю находится народ, называемый трухменцы, который оттуда простирается кочевьем своим к Аральскому озеру и к самой Хиве. Народ сей закона Магометанского и управляется своими старшинами; но впрочем самый бедный и упражняющийся между собою во взаимном воровстве.

9. В Оренбургской губернии находится здешний подданный Башкирский народ, живущий деревнями и закона магометанского. Сей народ разделяется на четыре дороги Нагайскую, Казанскую, Сибирскую и Осинскую; оной довольно многочисленный, о чем подлинно известно, яко о внутреннем народе, надобно быть в Правительствующем Сенате, а доныне по разным причинам происходили от них неоднократные бунты, которые усмиряемы были Российскими войсками.

10. Калмыцкий народ, при реке Волге в Астраханской губернии кочующий и находящийся в идолопоклонничестве]буддисты-ламаисты – А.В.], *в котором по примерному исчислению в 1737 году было более 40 тысяч кибиток или семей, а как после бывшего по смерти хана Дондук Омбы в сем народе замешатания с 1742 года оный в покое пребывал, то до ныне умножиться мог, а в оном ныне находится главный наместник Ханства Убаши.....* [286]

Российские исследования в Восточном Туркестане; образование органов российского управления в Центральной Азии

Российские власти продолжали исследования в Восточном Туркестане. Так, в 1821 г. с купеческим караваном был направлен из Семипалатинска в Кашгар преподаватель военно-сиротской школы Лещев. Им был составлен *Маршрут Омского военно-сиротского отделения смотрительского помощника 14-го класса Лещева, командированного в 1821 году из кр. Семипалатной, при купеческом караване под прикрытием казачьего отряда Киргизской степью по тракту к городу Кашгару, принадлежащему Китайскому государству. Учиненной направление дороги по компасу а расстояние примерно по ходу верховых лошадей по 6 верст в час, прочие ж описание по распросам едущих в караване торговцев и киргиз*[287]. Помимо текстового описания маршрута Лещев составил также маршрутную карту в масштабе 10 верст в дюйме[288], причем, в примечании к этой карте дано более развернутое описание методики съемки и получения информации

о местности, применявшейся Лещевым. Будучи преподавателем военно-сиротской школы (школы кантонистов), готовившей, в частности, и будущих топографов, Лещев излагал, очевидно, более или менее общепринятую методику глазомерных съемок, в условиях практически исключающих использование любых инструментов кроме компаса. В связи с этим приведем текст примечания целиком: *Направление пути назначалось по компасу, а расстояние шагами лошадей, полагая по шести верст в час: – на ровном местоположении убавлено на каждые 10 верст по 1 версте, увалами (увал значит небольшое пологое возвышение) по 1 1/2 версте, небольшими горами по 2 версты, средними горами по 2 1/2, а большими горами по 3 версты. Местоположение по сторонам снято глазомерно, а вдали по распросам у кигизцов и опытных купцов с караваном следовавших*[289]. В съемках помимо Лещева принимал участие *учительский помощник*, унтер-офицер Кошелев.

Партия Лещева и Кошелева побывала на Иссык-Куле и прошла на юг от него по долине реки Кызыл-Су. В верховьях реки Чарын они нанесли на маршрутную карту два *летних китайских караула*, вблизи которых проследовала экспедиция.

В 1822 г. была издана *Карта Азиатской России с показанием новейшего ея разделения, сочинена квартирмейстерской части подпорутчиком Поздняковым.* .(масштаб 100 верст в дюйме). [290] Центральная Азия на этой карте показана так же, как на карте 1816 года, в том числе и в плане отображения китайской границы, которая изображена проходящей по южному берегу озера Балхаш и западнее озера Тюскель (Иссык-Куль). В новом издании этой карты, осуществленном в 1825 году, граница Китая и Центральной Азии проведена еще западнее так, что весь Балхаш показан находящимся в китайских пределах[291].

Таким образом, благодаря интенсивным исследованиям конца XVIII начала XIX века в распоряжении русской администрации имелись обширные и достаточно достоверные сведения о центральноазиатских ханствах и территориальном распространении влияния Китая после завоевания Джунгарии. Установленным фактом было также весьма отрицательное отношение населения центральноазиатских ханств к китайским завоевателям. Характерным примером последнего является то, что в 1797 г. 15000 кибиток (т.е. семей) киргизов Средней Орды, находившихся вблизи владений китайцев, приняли российское подданство и были переселены по их просьбе в Кулундинскую степь – подальше от опасного восточного соседа[292]. В правительственных кругах России было признано, что существующая Сибирская линия, проходящая степями и полупустынями Казахстана, не может считаться постоянной границей, и поэтому в 1822 году[293], в утвержденном в качестве государственного закона *Уставе о Сибирских киргизах* объявлено, что Сибирская линия не должна была *составлять*

постоянного учреждения и оставаться на одном месте, но подвигаться вперед пока не окончит *постоянным утверждением себя на действительной государственной границе*[294]. Объявлялось также, что вся степь Киргиз-Кайсаков Средней Орды принимается под особое покровительство российского правительства[295]. Сибирская администрация приступила к организации на территории Средней Орды органов российского управления: в 1824 г. были образованы Кокчетавский и Каркаралинский приказы, в 1831 – Аягузский, в 1832 – Баян-Аульский и Акмолинский, в 1838 – Кокпектинский.

Вначале эти действия русских властей вызвали сопротивление китайцев. Так, в 1824 г. они выслали отряд в 300 человек, чтобы возвести султана Кокчетавского округа Габейдулу в ханское достоинство Средней Орды. Управляющий Омской областью распорядился не допускать китайцев в Каркаралинский округ и приказал арестовать султана Габейдулу. 28 июля русские разъезды обнаружили китайцев при урочище Баян-Аул. Девять дней отряды стояли ввиду друг у друга, но после объявления Габейдулой, что он принял подданство России, китайцы ушли[296].

В 1831 г. при подготовке к созданию Кокпектинского приказа, китайцы выдвинули свой пост на 40 верст к западу от урочища Кокпекты и своими разъездами обогнули значительную полосу земли, занятой киргизами, подданными России[297]. Этот инцидент нашел отражение на рукописной *Карте Пограничной части Омской области с означением на оной вновь предполагаемого приказа Кокпектинского и казачьих пикетов, расположенных между городом Усть-Каменогорском и помянутым приказом с нанесением также вновь перемещенных и сближенных с сим приказом двух китайских пикетов Буконского и Кулужинского*[298] (масштаб 20 верст в дюйме). На этой карте граница Китая проведена по Караталу, выведена на озеро Балхаш и далее – западнее озера Зайсан. Китайский пикет Кулужинский нанесен в районе озера Балыкликуль.

В этот период все большее внимание русских властей начинает привлекать Прибалхашье и территории, лежащие к югу от него. Киргизы Большой Орды, кочевья которых находились в районах между Балхашом и хребтом Алатау и от бассейна озера Ала-Куля до Тянь-Шаня, хотя вносили дань отрядам китайцев, которые посылались из Тарбогатая и Или вдоль *объездной границы*, но с начала XIX века неоднократно выражали желание принять подданство России. В 1818 г. желание их было исполнено и от султана Сюк, сына Аблай Хана, была принята присяга. Но просьба султана о направлении в степь русского отряда и затем об открытии приказа долгое время не исполнялась русскими властями во избежание недоразумений с китайским правительством. В то же время позиции самих китайцев слабели, и их место пытались занять кокандцы, начавшие высылать в кочевья киргизов Большой Орды свои отряды для сбора зякета[299]. Администра-

ция Сибирской линии внимательно следила за изменениями политической ситуации в Большой Орде, используя любые возможности для получения описаний и картографических материалов от лиц, хорошо знакомых с краем, а также продолжая интенсивные исследования территории специально снаряжаемыми партиями казаков или отдельными путешественниками в составе торговых караванов, посольств и т.п. Большое значение придавалось сбору китайских документов, отображающих позиции Цинской империи в Прибалхашье и на более южных территориях. Так, в 20-х годах XIX в. в Омске под руководством обер-квартирмейстера, генерал-майора барона Сильвергейма (Сильвервельма) была составлена *Карта Балхашского бассейна и части Илийской провинции, переведенная с китайского*[300]. На карте желтым цветом выделена линия китайских пикетов (по-видимому, постоянных) и показаны сами пикеты от *Улясуту* до *Тэкэс-сэкинь*. Это самый ранний из известных нам картографических документов, на котором нанесена и подписана гора *Хан-Тэнгри*.

В августе 1829 г. в Коканд совершил поход отряд казаков под командованием Н.И. Потанина (отца будущего исследователя Центральной Азии Г.Н. Потанина). В течение всего пути Потанин вел дневник, где тщательно отмечал все встреченные дороги и тропы и указывал их направление. Им производилась также попутная рекогносцировочная съемка, по материалам которой была составлена подробная карта путешествия, до настоящего времени не найденная[301]. Итоги путешествия Н.И. Потанина, по-видимому, нашли отражение на *Карте южной части Средней киргиз-кайсакской орды с прилежащими к оной азиатскими владениями*, составленной бароном Сильвергеймом в масштабе 80 верст в дюйме. На юге карта замыкается Памиром, на котором показано озеро *Рянг-Куль* (Ранг-Куль) и озеро Каракуль, неверно нанесенное восточнее Ранг-Куля. Довольно достоверно изображен район озера Иссык-Куля. Граница Китая нанесена лишь на участке от Чугучака до реки Или (в районе Кульджи). На Памире никаких границ не показано.

Итоги географических исследований и картографирования Центральной Азии в 20-х годах XIX в. нашли отражение на официальной *Карте Западной Сибири с показом политико-административного деления на губернии и области*, утвержденной царем Николаем I (15 сентября 1827 года)[302]. Граница Китая на этой карте нанесена западнее озера Зайсана, а на юге она завершается пикетной дорогой *Вайтанзы – Шарабулак – Цаган-Тоган – Ергету – Барлук – Умин-Булак*. Карта составлена в масштабе 80 верст в дюйме.

Усиленное внимание русской научной общественности к изучению Центральной Азии в 30-е годы XIX в. было привлечено путешествием в эти страны знаменитого немецкого ученого А. Гумбольдта (1829) и поездкой А.С. Пушкина в Оренбург. В связи с этим был опубликован ряд посвященных Центральной Азии книг, среди которых особое

значение имеет книга А. Левшина (1832); к ней была приложена *Карта земель, принадлежащих киргиз-казакам и Туркестана, составлена по новейшим обозрениям в 1831 году*, (Рис. 15) представляющая собой ценное научное произведение, основанное на обобщении новейших данных того времени – материалах экспедиций Н. Муравьева, Г. Мейендорфа, Ф. Берга и других. *Места доныне положительным образом мне не известные оставил я*, – пишет Левшин, – *пустыми*[303]. Следовательно, на указанной карте нет непроверенных книжных сведений, что повышает ее значение как достоверного документа, подводящего итог действительным знаниям[304]. Граница Китая на карте Левшина проведена западнее озера Зайсана, далее она пересекает Балхаш приблизительно посредине (от реки Каратал); южнее Балхаша граница не проведена, но надпись *Владения Китайского государства* начинается западнее озера Иссык-Куль.

Значительно расширились возможности исследования Центральной Азии после организации в 1830 году Отдельного Оренбургского казачьего корпуса, чинами которого проводились интенсивные экспедиционные исследования и маршрутные съемки. Одной из первых картографических работ офицеров корпуса была *Карта киргиз Кайсакской степи и Туркестана составлена из новейших обозрений при отдельном Оренбургском корпусе, 1831 г.* в масштабе 40 верст в дюйме[305] (автор: подполковник Генерального штаба Тимофеев). Китайская граница на этой карте показана точно так же, как и на карте Левшина. Аналогично показана граница на «*Карте Омской области, составленной при Сибирском отдельном Корпусе с новейших глазомерных съемок, произведенных чиновниками Сибирского линейного казачьего войска: сотником Шахматовым, сотником Петровым, сотником Герасимовым, хорунжим Рыбиным, хорунжим Дедовым и Топографом 1-го класса Козловым*[306]. Этот документ был составлен специально для включения в справку о положении дел по охране границ в Киргизской степи и о прохождении Китайской границы, направленную генерал-губернатором Западной Сибири И.Вельяминовым Вице-канцлеру графу К.В.Нессельроде (от 13 ноября 1831 г. за № 953, из г.Тобольска)[307]. О границе Китайского государства в справке говорится, что она *доходит до реки Каратал при устье речек Балыкты и Сарыбулак; и продолжаясь по сей реке до самого впадения ея в озеро Балхаш, пересекает оное на две части и за сим соединяется с киргизскою степью*[308].

Рис. 15. Восточная часть Карты земель, принадлежащих киргиз-казакам и Туркестана, составленой по новейшим обозрениям в 1831 году.

Начало британского проникновения в Западный Туркестан (1830-1840е гг.) и российские исследования этого периода. Миссии Бутенева, Никифорова и Данилевского в Хиву и Бухару; судьба английских агентов Стоддарта и Канолли

В рассматриваемый период в Западный Туркестан начинают проникать англичане: в 1831–1832 г.г. представитель английской торговой компании А. Борнс совершил путешествие из Балха через Бухару, Чарджуй (Чарджоу) и Мерв (Мары) к Каспийскому морю. Полученные им сведения были опубликованы на страницах русской печати. На всем пути Борнс вел тщательные наблюдения за общим характером местности, производил попутные инструментальные съемки и астрономические определения координат отдельных пунктов, определял превышения. Сверяясь с имевшимися картами, он указывал на замеченные им несоответствия и вносил изменения и уточнения. Так, Аму-Дарья, по его наблюдениям, проходит в полуградусе севернее Балха *между ним* (руслом) *и этим древним городом*, – пишет Борнс, – *нет гор, обыкновенно изображаемых на картах*[309]. О Зеравшане (по Борнсу, река Кохик) он пишет: *Она берет начало в возвышенных землях на восток от Самарканда и пройдя на север... образует озеро в области Каракул, но не впадает в Окс, как обозначается на наших картах*[310]. Как упоминалось, на карте Г. Мейендорфа 1820 г. уже было показано, что Зеравшан в Аму-Дарью не впадает. Наиболее ценным в работе Борнса были астрономические определения широт десяти пунктов: Балха, Окса, (при Ходжа Сала) Карши в Туркестане, Бухары, Мирабада (близ Каракула), Чарджуя (южный берег Окса, Балгуи (в степи), Ходжи Абдулы (на Мургабе). На карте, приложенной к описанию путешествия А. Борнса, южная часть Центральной Азии значительно уточнена достоверными сведениями. Однако районы, которые Борнс не посетил, изображены по западноевропейским источникам, часто ошибочным. Показано, например, что Аму-Дарья имеет в среднем и нижнем течении притоки Гирдвар, Шедрис, которых в действительности нет[311].

В 30–40-е годы XIX в. деятельность по изучению территории Центральной Азии значительно активизировалась. Однако, несмотря на увеличение количества съемочных работ и лучшее, чем прежде оснащение их инструментами, характер съемок остался прежним: инструментально снимались лишь главные маршруты, а пространство между ними – глазомерно и по распросам. Важной базой исследовательских экспедиций и освоения Прибалхашья стал основанный в 1831 г. на правом берегу речки Аягуз (восточного притока Балхаша) город Аягуз, а уже в 1834 г. астроном Федоров совершил отсюда экспедицию на южный берег Балхаша, к устью реки Лепсы. В 1840-1842 годах Г.С. Карелин (1801-1872) и Шренк смогли осуществить ис-

следования и маршрутные съемки в Семиреченском крае – части прежней Джунгарии – между рекой Или, Джунгарским Алатау и озером Балхаш[312]. С 1833 г. по 1846 г. в Оренбургском крае и прилегающих районах Центральной Азии работали следующие исследователи: В.И. Даль, Г.П. Гельмерсен, Я.В. Ханыков и Н.В. Ханыков, И.О. Васильев, капитан Ширков, Пл.А. Чихачев, Н.П. Иванин, Никифоров, Г.И. Данилевский, поручик Рейхенберг, Романов, Е.П. Ковалевский, А.Р. Гернгросс, А.И. Леман, К.Ф. Бутенев, Д. Богословский, Фелькнер, И.Ф. Бларамберг, Э.А. Эверсман, Лисенков, Родерик И. Мурчисон, Вернел. Их деятельность распространялась, главным образом, на северные окраины центральноазиатской территории, частично включая Хивинское и Бухарское ханства. Подготовка путешествия *уволенного из Кавалергардского Его Императорского Величества полка штаб-ротмистра* Платона Чихачева проходила при непосредственном участии высших властей Российской империи. Его прграмма была сильно пересмотрена на основании анализа полической ситуации и, в окончательном виде, – утверждена Николаем I:

Проект журнала о дозволении Г Чихачеву предпринять путешествие в Азию.

На подлинном журнале Собственною Е.И.В. рукою написано: исполнить. В Санкт-Петербурге 20 декабря 1838 г.

На основании Высочайшего повеления, объявленного Генерал-Адъютантом Графом Бенкендорфом, Вице Канцлер, Министр финансов и Министр народного просвещения входили в совокупное рассмотрение вопроса: можно ли дозволить Поручику Чихачеву предпринять путешествие в Азию, и в таком случае какие доставить ему для того способы со стороны правительства.

Из представленной Чихачевым записки явствует: что он имеет желание проехать чрез Константинополь, Малую Азию и Персию в Афганистан, а оттуда в Кашмир и Малый Тибет;

что настоящая цель его состоит в ученых исследованиях некоторых пунктов Азии и измерении высоты Гималайских гор;

что он, при свидании своем с господином Гумбольдтом, вызвался предпринять столь многотрудное путешествие для помянутой цели и что по содействию сего последнего, один из Прусских ученых изъявил желание ему сопутствовать для исследований по части Естественной истории.

По выслушанию предположения Чихачева Вице Канцлер объявил, что нынешнее положение дел в Средней Азии вообще, не благоприятствует подобного рода путешествиям в тех странах;

что в особенности происшедшие в Афганистане и сопредельных с ним землях в последнее время разные политические обстоятельства, требуют с нашей стороны крайней осторожности;

что появление в Афганистане русского путешественника, с какою бы то ни было целию, неминуемо подаст повод к разным подо-

зрениям и неблагонамеренным толкам, могущим иметь невыгодные для нашей политики последствия;

что по сим уважениям предположение поручика Чихачева ехать в Афганистан ныне решительно несовместимо с нашими интересами на Востоке;

что к тому же не зная азиатских языков, он на каждом шагу встречал бы там затруднения и почти непреодолимые препятствия и тем более возбуждал бы разные подозрения;

что впрочем нельзя не отдать должного решительности с какою Порутчик Чихачев желает предпринять путешествие многотрудное и сопряженное с большими лишениями удобств всякого рода;

что по уважению столь ревностного стремления к полезной цели, он полагал бы дозволить ему ехать в те части Азии, где появление его не может быть сопряжено с неудобствами для политических наших видов; но и в сим случае Вице-Канцлер находит, что для предупреждения всяких толков, порутчик Чихачев не должен скрывать предпринимаемого им путешествия, а напротив разглашать свое намерение, не вмешивая впрочем участия Правительства.

Наконец, что мы имеем уже более или менее сведений о тех местах Азии, которые представляют для нас особенную важность в политическом и торговом отношениях, а потому Вице-Канцлер считает излишним давать по сему предмету какие-либо наставления порутчику Чихачеву, если же он успеет собрать сам собою основательные сведения, любопытные для Правительства, то они конечно приняты будут с тем вниманием, какого будут заслуживать.

Приняв в соображение с одной стороны неудобства, представляющиеся ныне к посещению Средней части Азии, по причине объявленных Вице-Канцлером политических обстоятельств, с другой стороны похвальное стремление порутчика Чихачева к отдаленным всегда трудным путешествиям, а также, что подобные предприятия частных людей у нас вообще редки и заслуживают снисходительного обозрения со стороны правительства, – положено:

Дозволить ему предпринять путешествие в Азию, но не иначе как на следующих основаниях:

1) Цель путешествия должна быть исключительно ученая. Чихачев не будет вмешиваться ни в какие политические дела и не будет давать вида будто он послан от Правительства, а оставаться в качестве частного путешественника.

2) Согласно с мнением Вице-Канцлера, он не только не будет скрывать своего намерения, но напротив будет выставлять страсть свою к странствованиям и к ученым розысканиям, но как частное лицо, предпринимающее сие от себя и на свой счет.

3) Путешествие свое начнет он с Ост-Индских владений, ибо для посещения сего края не встречается важных препятствий; от-

туда он может при удобных обстоятельствах следовать в Тибет и к Гималайским горам.

В направлении своем он вообще обязан будет сообразоваться с указаниями, какие будут ему объявлены от Министерства Иностранных Дел, отнюдь не позволяя себе проникать в те места и страны, посещение коих по каким-либо уважениям признано будет несвоевременным или неудобным в политическом отношении; о чем пред отъездом будет предварен от Вице-Канцлера.

4) Министерство Иностранных Дел не дает ему никакого особенного поручения и следовательно, никакой инструкции; и вообще он не должен иметь при себе никаких бумаг, могущих обнаружить участие Правительства.

5) Министр Народного Просвещения, откроет ему, как частному же путешественнику, способ войти в ближайшие совещания с здешними учеными, дабы он мог воспользоваться их советами для своих розысканий.

6) На приглашение в спутники Берлинского Натуралиста, рекомендованного Гумбольдтом, не встречается никакого неудобства.

7) Оба они будут препоручены вниманию и покровительству наших Пограничных начальств, миссий и консульств, как частные путешественники, желающие обогатить ученый мир полезными сведениями.

8) В пособие Чихачеву отпустить из Государственного Казначейства 1500 червонцев и 3000 рублей ассигнациями и ему же ассигновать в Берлине для вспомоществования тамошнему натуралисту, который будет ему сопутствовать, 1000 прусских талеров.

Таковые заключения положено: представить чрез Вице-Канцлера на Высочайшее благоусмотрение Государя Императора.

Подписали: Гр. Нессельроде

Гр. Канкрин

Уваров[313].

Приведенный документ показывает, насколько осторожно относились российские власти к геополитической ситуации в Центральной Азии и как они, ограничивая Чихачева на бумаге чисто научными целями, всячески способствовали организации и проведению экспедиции, включая достаточно серьезную по тем временам денежную поддержку и обеспечивая помощь официальных российских пограничных властей и зарубежных представителей. Такая поддержка свидетельствовала прежде всего о том, насколько хорошо представители высшего руководства страны понимали значение расширения научных географических знаний о территориях, представлявших большой интерес для стремительно расширяющейся евразийской империи. Однако, в том виде, в каком изложена программа экспедиции в рассмотренном документе, ей не суждено было осуществиться. Тибет и Гималаи для России были еще далеки, а Средняя Азия требова-

ла все больше и больше внимания, и поэтому маршрут Чихачева был решением императора изменен, о чем сообщалось в следующем секретном послании графа Канкрина от 11 июня 1839 г., № 1415 на имя К.В. Нессельроде:

Милостивый Государь Карл Васильевич,

Государь Император известясь о намерении уволенного из Кавалергардского Е.И.В. полка штаб-ротмистра Чихачева посетить Центральную Азию, для исследования этого края в ученом отношении и желая успеха сему предприятию, соизволил оказать господину Чихачеву денежное пособие и предоставить ему присоединиться к Ученой экспедиции, снаряжаемой к Восточным берегам Аральского моря. Но вместе с сим Его Величеству благоугодно, чтобы участие Правительства в путешествии господина Чихачева не имело никакой гласности.

Высочайшую волю сию объявив Оренбургскому Военному Губернатору и господину Чихачеву и сообщая оную для Вашего Милостивый Государь сведения, честь имею быть с совершенным почтением и преданностью Вашего сиятельства покорнейший слуга,

Граф Канкрин[314].

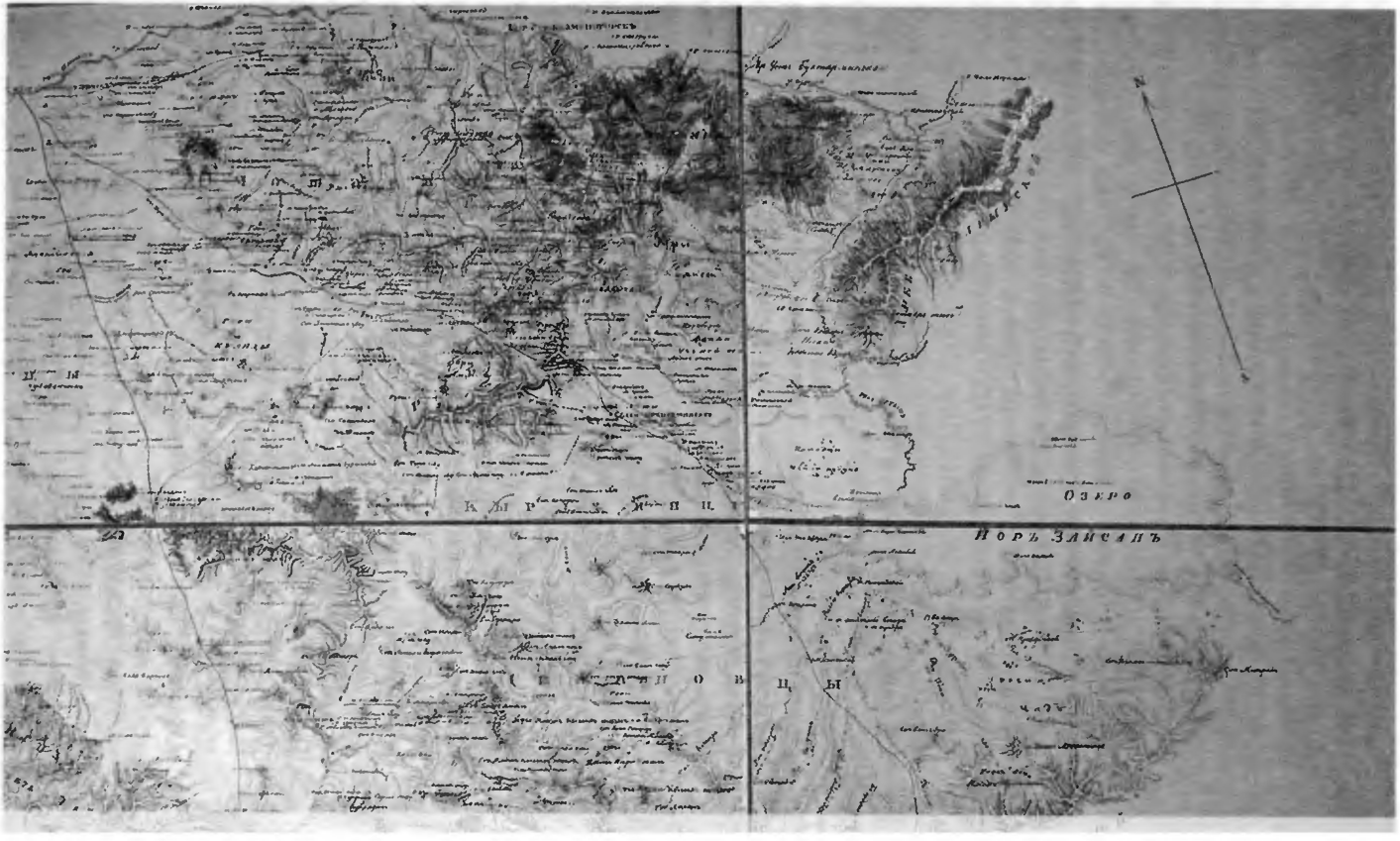
В южные районы в эти годы все чаше начинают проникать (со стороны Афганистана и Персии) английские агенты, посылаемые под видом исследователей, путешественников или купцов. Подробнее об этом рассказано в нашей книге, посвященной Памиру, здесь лишь отметим, что в 1839 г. английский поверенный в делах в Герате Тод послал в Хиву капитана Аббота, маршрут которого проходил от г. Мерва через пустыню Каракум в Новоалександровское укрепление. Аббот создал карту, изданную вместе с описанием путешествия в 1843 г. Тод послал также из Герата в Хиву, Мерв и далее капитана Шекспира[315].

В 1833 – 1834 г.г. по распоряжению генерала В.А. Перовского офицерами корпуса военных топографов была проведена инструментальная и глазомерная съемка Оренбургской пограничной линии.

В 1839-1840 гг., под предлогом обеспечения безопасности русских факторий на берегах Каспия и торговых караванов а также – необходимости освобождения подданных Российской империи из хивинского плена, была организована военная экспедиция под руководством генерала В.А. Перовского. В отряде было 5000 солдат и офицеров, 22 пушки; обоз включал помимо лошадей, 10000 верблюдов, при которых состояло 2000 казахов. Эту экспедицию постигла полная неудача, из-за того, что при ее организации большие надежды были возложены на то, что в зимнее время в пустыне легче передвигаться благодаря независимости от источников водоснабжения. Считалось, что русскому солдату не пристало бояться холода и поэтому кампания началась в конце августа, но, к несчастью зима выдалась значительно более суровой, чем обычно, возникли большие трудности с питанием верблюдов и даже те из них, которые находили корм, ста-

ли гибнуть от холода. Помио этого, туркмены и их казахские союзники смогли в процессе партизанских вылазок практически полностью парализовать снабжение русской армии продовольствием и транспортом. Из-за этих потерь, а также благодаря суровой зиме, русские были вынуждены начать отступление 1 февраляя 1840 года, не пройдя и половины расстояния до Хивы. Возвращение оказалось трагическим: продовольствие не прибыло во время, обоз был полностью потерян во время постоянных снежных буранов, и экспедиция возвратилась, не повстречав противника, но разбитая морозами в такой степени, что лишь одна треть всего ее состава, и та в исключительно тяжелом состоянии возвратилась в Оренбург. При этом из десяти тысяч верблюдов осталась в живых лишь одна тысяча. Несмотря на тяжелую неудачу, русские сразу же начали готовиться к следующему походу, но хивинцы, почувствовав серьезную угрозу, нависшую над их страной, летом 1840 года направили своего посланника в Россию с 418 русскими пленниками, причем хан издал указ, запрещающий в дальнейшем захват и покупку русских.

В 1840 г. астроном И.О. Васильев, следовавший с отрядом Перовского в Хиву, определил географическое положение Ак-Булакского укрепления у подножия Устюрта и *тем доставил важную опорную точку для приурочения съемок этого пространства*[316]. В 1840 г. А.А. Жемчужников продолжил маршрут от Ак-Булакского укрепления до урочища Каратамак (на берегу Арала) и уточнил географическое положение последнего. Помимо составления карт, военные топографы собирали статистические сведения и производили топографические описания, необходимые для продвижения войск. Эти материалы публиковались в специальных отдельных сборниках и содержали подробные и ценные данные о географии Центральной Азии, ее дорогах, населенных пунктах, геологии, почвах, растительности. Уточнение географических представлений о Казахстане и Центральной Азии в результате работ третьего десятилетия XIX в. нашло отражение на *Карте Средней Киргиз-Кайсакской орды, составленная в масштабе 20 верст в дюйме начальником рекогносцировки Киргизской степи подполковником генерального штаба бароном Сильвервельмом 25 апреля 1839 г.*, рукописные экземпляры которой сохранился в Российском государственном архиве Военно-Морского Флота и в Картографической коллекции Архива Русского географического общества (Рис. 16). [317] и на составленной в том же году при Сибирском отдельном корпусе *Карте Киргиз-Кайсакской степи*[318]. На обеих картах имеются китайские пикеты, а последняя из них дает также уточненную русскими исследователями линию прохождения китайской границы, которая показана западнее Зайсана, но значительно восточнее Балхаша. На этой же карте имеются пути русских исследователей и, в том числе, в районе Чугучака – сотника Портнягина, а восточнее Балхаша – заседателя Крапкина.


Озеро
Порь Зайсанъ

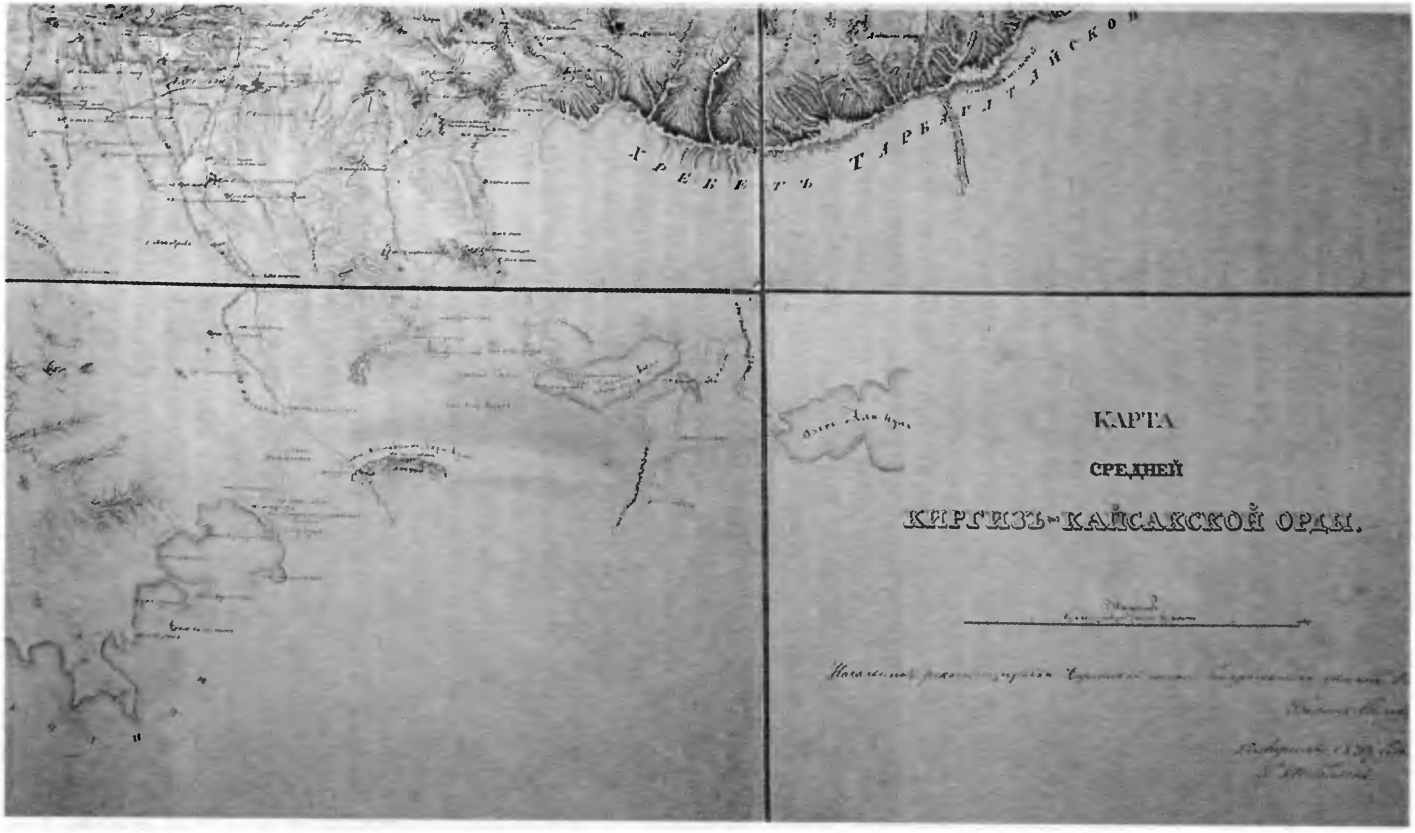


Рис. 16. Восточная часть Карты Средней Киргиз-Кайсакской Орды... 1839 г.

В 1839 году бухарский хан Насер-Улла направил ко двору Николая I своего посланника Балтакулибека Рахматбекова, через которого *ходатайствовал о присылке в Бухарию горного офицера для исследования тамошних руд и для отыскания металлов и дорогих камней....* [319] В ответ на эту просьбу в Бухару был отправлен инженер-капитан Ковалевский, который, однако, практически не смог выполнить возложенного на него поручения из-за военных действий с Хивой. В конце 1840 года было решено направить российское посольство для переговоров со среднеазиатскими правителями, изучения местности и наблюдения за всем происходящим. В качестве руководителя миссии был назначен капитан Генерального штаба Никифоров, который в то время находился в Оренбурге. Никифоров должен был выполнить роль *временного агента* в Хиве, а в качестве постоянного представителя (*агента*) России, был направлен член Оренбургской пограничной комиссии, поручик Аитов, *т.к. он имеет там родство, успел уже завести связи с приближенными к Хану лицами и без сомнения может быть полезен самому господину Никифорову. Всех помянутых лиц предположено отправить из Оренбурга, – вместе с возвращением находящихся здесь Бухарского и Хивинского Посланников, – в первых числах мая* [1841 г.] *(или и ранее, если это можно будет сделать), не ожидая впрочем обычного отхода караванов с линии...* [320] На усмотрение Оренбургского Генерал-губернатора В.А. Перовского предоставлялось решить вопрос о назначении конвоя миссии *из преданных нам киргиз или двух сотен казаков.* Начальником миссии в Бухару был назначен горный инженер, майор К.Ф. Бутенев 2-ой, который в связи с этим назначением *высочайше пожалован* чином подполковника.

11 февраля 1841 года Управляющий Корпусом горных инженеров выдал Бутеневу следующую секретную инструкцию.

В прошедшем году отправлена была из Оренбурга в следствие Высочайшего соизволения на просьбу хана Бухарского, особая Экспедиция горная для исследования и розыскания в Бухарии тамошних руд металлов и дорогих камней. – Экспедиция сия не могла по случаю Военных с Хивою действий достигнуть цели своей и возвратилась в Оренбург. Ныне же Государь Император по поводу повторного ходатайства Хана Бухарского и по случаю благоприятного изменения обстоятельств в степи, – Высочайше повелеть соизволил: отправить вновь в Бухару в начале весны сего года Горную Экспедицию как для исполнения данного уже Хану согласия, так и для вящего при настоящем благоприятном положении дел сближения с сим Ханством. В состав экспедиции имеют быть назначены: два инженера, один штейнгер и двое мастеровых от ведомства Горного, да сверх того переводчик, топограф, шесть казаков и восемь киргизов со стороны Министерства иностранных дел и Оренбургского военного губернатора, коим предоставлены

и ближайшие рапоряжения по заграничному отправлению всей экспедиции.

Избрав Ваше Высокоблагородие Старшим офицером Бухарской Экспедиции и испросив на сие назначение Высочайшее Государя Императора Соизволение – я предлагаю Вам к исполнению следующее:

1., По получении Вами из Министерства иностранных дел (куда уже приказано было Вам явиться) надлежащих наставлений, Вы отправитесь в город Оренбург и там явитесь не позже исхода марта сего года к господину Военному губернатору, генерал-адъютанту Перовскому, от коего получите Вы дальнейшее отправление и будете снабжены всем необходимым для проезда чрез степь.

2., В г. Оренбурге принять в команду Вашу назначенных для помощи в возложенном на Вас поручении и потребованных уже прямо в тот город с Златоустовских заводов: поручика Богусловского 2-го, назначаемого к Вам помощником, одного штейгера или унтер штейгера, знакомого с отысканием и разработкою золотоносных песков, и двух мастеровых горных, из коих одного хорошо знакомого с промывкою золота, а другого с железною и особенно с булатною ковкою. Сверх сих лиц дан Вам будет от Министерства иностранных дел и Военного губернатора Оренбургского переводчик, топограф, шесть казаков и восемь киргизов. Люди сии будут конечно снабжены всем нужным со стороны местного их начальства; относительно же нижних чинов горных, то поручается Вам наблюсти – чтобы они одеты были прилично и единообразно, например: в зеленых полукафтанах с светлосинею выпушкою и буде по местным обстоятельствам нужно, то и с саблею.

3., Прибыв в Бухарию, Вы займетесь, по желанию и указанию Правительства той страны, отысканием и разведкою месторождений полезных, а главнейшее дорогих минералов и по мере возможности учреждением самой добычи оных, соображая при сем действия Ваши с местными обстоятельствами и со способами края, доселе в горном отношении вовсе нам неизвестного. Впрочем, по одним уже общим о Бухарии сведениям полагать можно, что главнейшим предметом горных изысканий Ваших должно быть введение в сей стране золото-промывного производства, Вам и помощнику Вашему достаточно известного; затем особо полезным может представиться учреждение в Бухарии некоторых простых механических и гидравлических устройств и движителей, коими в последнее время предпочтительно занимался поручик Богословский 2-ой, наконец заслуживает внимания обработка булата, в Бухарии издавна известная, у нас же недавно, но значительно усовершенствованная в Златоусте, откуда назначается Вам нарочно один мастеровой, делом сим занимавшийся. Впрочем в числе подарком, кои Вы с собою возьмете и на которые отпущена в ведение Азиатского Де-

партамента особая сумма, весьма желательно, чтобы были и некоторые образцы нашего Златоустовского булатного оружия.

4., Во время пребывания Вашего за границею, надлежит Вам стараться собрать по-возможности сведения о геогностическом устройстве почвы Бухарии, о замечательных естественных произведениях страны сей, о климате и физическом состоянии ея; о горном богатстве оной, особенно в драгоценных металлах и камнях, о торге сими последними, хотя бы из соседственных стран получаемыми, например: бирюзою; – о состоянии тамошних горных производств, в том числе об обработке стали хоросанской или индейской, для коей бухарцы имеют, сколь известно, хорошие способы; о торге в Бухарии металлами и изделиями наших горных заводов; – о тамошних ценах на оные, сравнительно с нашими ценами; – о местах сбыта оных; – о средствах к расширению сего сбыта: уменьшением ли продажных цен, улучшением ли способов перевозки или же изготовлением изделий сообразно вкусу азиатскому и потребностям тех стран; наконец о тех из произведений наших заводов горных, кои могли бы составить новый и выгодный предмет сбыта в Бухарии и соседних с нею землях.

Особенно приложите Вы старание к собранию сведений: не производится ли в Бухарии и соседственных с нею странах торг хищническим золотом уральским или сибирским и буде оный существует, то какими главнейшими путями производится и в какой мере можно считать его значительным? Независимо от сего Вы займетесь собранием сведений вообще об азиатской торговле нашей, на каковой предмет прилагается здесь особая от Департамента мануфактур инструкция.

5., Всякой раз, как представится удобный случай, Вы не оставите донесть мне (разумеется с надлежащею на случай утраты донесения осмотрительностью) – о главных Ваших занятиях и успехах оных; а по возвращении Вашем в Россию, представите Вы как все означенные выше сведения, так полный в занятиях и успехах горных розысканий Ваших отчет, с приложением путевого журнала, который Вы должны исправно вести поденно во время всей командировки Вашей. – Отчет же по поручениям, кои Вы получите от Министерства иностранных дел и Департамента Мануфактур, представите отдельно по принадлежности. Избрав Вас для означенного выше поручения, требующего особой осторожности, наблюдательности и расторопности, – я остаюсь уверенным, что Вы употребите все Ваше благоразумие и особую деятельность к успешному исполнению онаго.

В заключение уведомляю Вас для сведения и зависящего исполнения:

1). Что Вам и горным чинам при Вас назначенным Высочайше положено следующее со дня командировки каждого с места служе-

ния по день возврата на границу России, заграничное содержание: Вам по 50 червонцев в месяц, поручику Богословскому 2-му по 30, штейгеру по 5 и каждому мастеровому по 3 червонца в месяц с оставлением всем вообще горным чинам окладов по внутреннему положению получаемых; сверх того на подъем каждому пожаловано невзачет полугодовое его заграничное жалованье.

2). Что всем горным чинам, в команду Вашу вверяемым, имеют быть выданы пред отправлением, прогоны до Оренбурга, полугодичное по внутреннему положению жалованье; о количестве сих выдач и о времени отправления из Златоуста означенных чинов, господин Горный Начальник Златоустовских заводов известит Вас в Оренбурге, для надлежащего при дальнейших расчетах сведения.

и 3). Что до отъезда Вашего из Петербурга, Вы получите от Корпусного Штаба следующие Вам до Оренбурга прогоны и по чину за полгода внутреннее содержание, – прочие же денежные суммы, на содержание Ваше, спутников Ваших и на снаряжение экспедиции назначенные, Вы получите от Министерства иностранных дел и господина Оренбургского Военного Губернатора, коим и обязаны будете отчетом в тех суммах.

При самом переходе Вашем чрез границу в степь, Вы не оставите донести мне о благосостоянии и снаряжении поручаемых Вам чинов и за тем все донесения, кои Вам представится возможность переслать по выступлении Вашем за границу, Вы представите под открытою печатью чрез господина Оренбургского Военного Губернатора[321].

Приведенный нами текст инструкции Бутеневу со стороны его горного начальства свидетельствует о том, насколько широкий спектр вопросов, связанных с изучением, состоянием и освоением природных ресурсов Бухарии требовалось исследовать в процессе экспедиционных работ. Причем, помимо этих геолого-рессурсных изысканий, экспедиция должна была уделить значительное внимание состоянию рынков сбыта, движению товаров, потребностям в российских *произведениях* в Центральной Азии, а также – степени присутствия на азиатских рынках товаров английского производства из Индии. Все эти задачи были тесно связаны с основными (политико-дипломатическими) заданиями миссии, сформулированными Министерством иностранных дел в *Инструкции отправляемому в Бухарию Корпуса Горных Инженеров Подполковнику Бутеневу*, утвержденной 6 марта 1841 года Николаем I.

Цели миссии Бутенева в этой инструкции определены, в частности, следующим образом.

Итак, видимый повод Вашей посылки в Бухарию состоит в исполнении ходатайства Хана о присылке к нему чиновника для исследований по горной части. Но вместе с тем на Вас возлагаются и поручения двоякого рода: 1). Собрание положительных и досто-

верных сведений о Ханстве Бухарском и прилегающих к оному землях; 2) постановление с Бухарским владельцем некоторых условий взаимных отношений его с Россией.

Дабы доставить Вам более силы в переговорах Ваших с Насер-Уллою, признано удобнейшим, чтобы Вы имели значение Посланца, снабженного надлежащим уполномочием от Российского Правительства. В таком смысле писаны Грамота к Хану и письмо к Визирю, с коих Вы получите для сведения и руководства Вашего точные копии.

На сем основании Вы возложите все горные исследования на командируемого с Вами инженер-поручика Богословского 2-го, сами же будете только распоряжаться оными, что по усмотрению обстоятельств не лишит Вас однакож возможности делать внутри Бухарии разные поездки под предлогом наблюдения над действиями поручика Богословского 2-го и снабжения его советами и надлежащими указаниями по горной части...

*...Бухария, по положению своему в отношении к России и по торговым нашим видам, есть одно из тех ханств Средней Азии, в которых должно быть упрочено политическое влияние Империи. Но для достижения сей цели необходимо вточности знать какие преимущественно должны быть избраны к тому пути; и из этого проистекает истина, что нужно о помянутом ханстве приобретать всякого рода сведения, кои могли бы служить основанием для дальнейшей системы действий наших...*В ряду таких сведений требовалось, в частности, выявить влиятельных лиц, наиболее благоприятно настроенных в отношении России. Особое внимание предписывалось уделять информации *об отношениях Бухарского ханства к прочим независимым владениям Средней Азии и в особенности к Хиве и Коканду; об отношениях их с Кундузом, Кулумом, с Китайским Туркестаном; о том, какое влияние произвели на Бухарцев последние события в Афганистане и разрыв Англии с Китаем, какое Бухарцы имеют понятие о действиях англичан вообще в Азии и т.п. – Независимо от сего Вы не оставите по возможности собирать всякие любопытные подробности о соседственных с Бухариею странах и народах, о политическом их быте и о степени значения, коими они между собою пользуются. В сем отношении для нас наиболее любопытны и, вместе с тем, наименее известны владения: Кокандское, Кундузское и Кулумское.* На основании всего этого должны были быть сформулированы рекомендации по мерам укрепления влияния и торговли России в регионе. В частности, о торговле требовалось выяснить нельзя ли через Бухарию наладить коммерческие связи с другими странами Азии, а так же – *Проникают ли в Бухарию английские мануфактурные произведения и если проникают, то в какой мере и из каких мест?, по каким ценам продают их изделия и как они добротою своею сравнительно с нашими?...До какой*

степени можем мы надеяться на выгодное соперничество товаров наших с товарами английскими? Что доставлять из России и что из Бухары?...Какие меры могут быть приняты для уменьшения вывоза из России звонкой монеты?..[322]

Миссии К.Ф. Бутенева и Никифорова были организованы в период значительной активизации деятельности английских исследователей и агентов на территории Центральной Азии. Детали этой активности будут рассмотрены ниже, но особого внимания заслуживают обнаруженные нами в Архиве внешней политики Российской империи, не придававшиеся ранее широкой огласке материалы экспедиции Бутенева о его контактах с английскими офицерами Стоддартом и Канолли, задержанными среднеазиатскими властями в этот период. Выяснение судьбы Стоддарта и Канолли и возможная помощь в их освобождении были поставлены в числе задач Бутенева. История вопроса и связанные с ним проблемы ясно изложены в переписке министра иностранных дел России К.В. Нессельроде с Оренбургским генерал-губернатором В.А. Перовским.

17 марта 1841 года Нессельроде обратился к Перовскому со следующим секретным посланием.

№ 728б 17 Марта 1841 г.

Милостивый Государь Василий Алексеевич,

Великобританское правительство несколько уже раз просило содействия нашего к освобождению задержанного в Бухаре Английского подполковника Стоддарта. Получив в недавнее время известие, что Стоддарт не захотел сам воспользоваться предстаящую ему возможность ехать в Россию, по той единственной причине, что освобождение его было бы следствием заступления чуждого ему Правительства, Лорд Палмерстон снова обратился к нашему посланнику в Лондоне с ходатайством о возобновлении наших домогательств в пользу Стоддарта.

С одной стороны, имея ввиду исполнить дружеское ходатайство Англичан, с другой, принимая в соображение, что присутствие Стоддарта в Бухарии и самое принятие им Мусульманского вероисповедания, могут подать повод к разным неблагоприятным для нас собственно последствиям, Министерство поручает Подполковнику Бутеневу настоять в Бухаре об освобождении Стоддарта и об отправлении его с одним из первых караванов в Россию.

При сем имею честь препроводить к Вашему Превосходительству, за открытою печатью, предписание по сему предмету на имя Господина Бутенева и следующее к тому предписанию запечатанное письмо от Маркиза Кленрикарда к Стоддарту, – покорнейше прося Вас, Милостивый Государь, приказать передать все то Господину Бутеневу.

Основываясь на объяснения бывшего здесь бухарского Посланника, мы имеем причину надеяться, что Наср-Улла не будет проти-

виться высылке Стоддарта в Россию, а письмо Кленрикарда вероятно убедит его не придаваться неуместному самолюбию и воспользоваться представляющимся случаем к освобождению.

А потому мне остается покорнейше просить Вас, Милостивый Государь, в случае приезда Стоддарта на Оренбургскую линию, учинить зависящее от Вас рапоряжение о благосклонном его приеме, и доставить ему средства следовать безостановочно в Санкт-Петербург; на каковой конец снабдить его нужною суммою денег (которую Лорд Кленрикард вызвался возвратить) и командировать для сопровождения его сюда благовоспитанного офицера и чиновника, который умел бы говорить по-английски.

О последующих распоряжениях Ваших я буду иметь честь в свое время ожидать Вашего уведомления[323].

Помимо цитированного выше предписания Оренбургскому Генерал-губернатору, министр иностранных дел России, Вице-канцлер Нессельроде счел необходимым направить письмо лично подполковнику Бутеневу, в котором, в частности отмечалось, что Стоддарт ... *был прислан туда в 1839 году Ост-Индским правительством, по-видимому, с тою целью, чтобы убедить Хана Бухарского не подавать помощи бывшему Владетелю Кабула Дост-Могаммед Хану...* Нессельроде подчеркивал также, что Стоддарт ...*состоит в личном родстве с одним из наших Военных начальников (с генералом Феньшели) и потому уже имеет право на наше участие, что Россия находится в дружбе и союзе с Англиею, что Англичане сами просили нашего содействия к возвращению Стоддарта, что присутствие сего офицера в Бухаре не принесет тамошнему правительству никакой пользы, и что напротив того насильственное удержание его в Бухаре может иметь вредные последствия, ибо может служить для Англичан поводом возбуждать против Бухарии приближенные к ней Азиатские владения...* Помимо этого, Вице-канцлер проинструктировал Бутенева следующим образом относительно содержания его переговоров с Ханом по поводу судьбы англичанина: *Вы можете даже упомянуть, что освобождение Стоддарта отнюдь не влечет за собою возвращения отнятых у него денег и вещей, и что Вы принимаете на себя расходы по его отправлению в Россию. В отношении к самому Стоддарту Вы должны поступать ласково, но вместе с тем и осмотрительно*[324].

Перед отправлением миссии Бутенева в нее было приказано включить *чиновника, близко знакомого с характером Бухарцев и с выгодами и потребностями России в Средней Азии.* В качестве такого чиновника был назначен Ханыков, в отношении которого подчеркнуто, что *продолжительное занятие последним предметом и сверх того практическое знание Персидского Языка соделывают состоящего в Азиатском Департаменте Министерства Иностранных Дел Титулярного Советника Ханыкова наиболее способным к исполнению вышесказанной обязанности...* [325]

Итак, в мае 1841 г. из Оренбурга к Сыр-Дарье двинулись две миссии: одна под начальством капитана Никифорова в Хиву; другая под начальством горного инженера Бутенева в Бухару. Обе миссии до Сыр-Дарьи сопровождала партия топографов под руководством Бларамберга. Никифорову поручалось помимо дипломатических переговоров собрать военно-топографические сведения. Его маршрут шел от устья Сыр-Дарьи на хивинскую крепость Джан-Кала и по Куван-Дарье на юго-восток к Кинчаку (южнее пути Муравина 1741 г.) По маршруту производилась съемка местности и уточнялось расположение городов в Хивинском ханстве. На обратном пути была проведена съемка маршрута от Айбугира до Оренбурга. Главные результаты работы Никифорова – топографические материалы (маршрутные съемки, планы, путевые журналы), *всего снято около 3000 верст по протяжению*[326]. Подлинный план Хивы, выполненный глазомерно во время пребывания там миссии Никифорова, сохранился в Картографической коллекции Русского географического общества (рис. 17).

С российской миссией в Бухару возвращался посланник Эмира – Мулла Муким Бек, который, к сожалению, умер в Нижнем Новгороде *от старости и болезней*[327]. Это печальное событие несколько омрачило прибытие миссии Бутенева в Бухару, однако принята она была хорошо, и общее доброжелательство к миссии было подчеркнуто тем, что ее членам было дозволено *проехать верхом чрез внутренний двор дворца – преимущество, которым пользуется в Бухаре один только Главный Визирь*[328]. В письме Перовского Нессельроде от 25 октября 1841 года сообщалось, в частности, следующее:

Для помещения миссии отведен был лучший дом во всей Бухаре – прежний дворец брата ханского Мир-Хуссейна, и Эмир приказал объявить Агенту, что он может располагать домом по своему усмотрению и требовать всего, что пожелает; для прислуги назначено было множество людей под начальством Мирзы-Закерия, известного по запискам Виткевича, содержание же посольству вначале производилось натурою, а потом заменено было отпуском ежесуточно 104-х танег. Эмир 11 августа прислал своего медика для совещания о начале полевых разведок. По предварительным условиям их предположено было начать с горы Нукай, лежащей к северо-востоку от Бухары, но вследствии Эмир приказал отправить господ Лемана и Богословского для розысканий прямо в Самарканд и Карши, что и исполнено 25 августа. Сверх того по распоряжению Эмира отправлен в те же города для поднесения подарков правителям их титулярный советник Ханыков вместе с состоящим при Миссии топографом[329]. Позднее сам эмир пошел в Самарканд для присоединения к его войскам, воевавшим против Коканда.

Членам миссии была предоставлена необычайная для того времени и азиатских стран свобода действий и поведения, им даже было разрешено носить восточную одежду.

ПЛАНЪ
ГОРОДА КИЕВА.
въ 1811 году.
N
S.

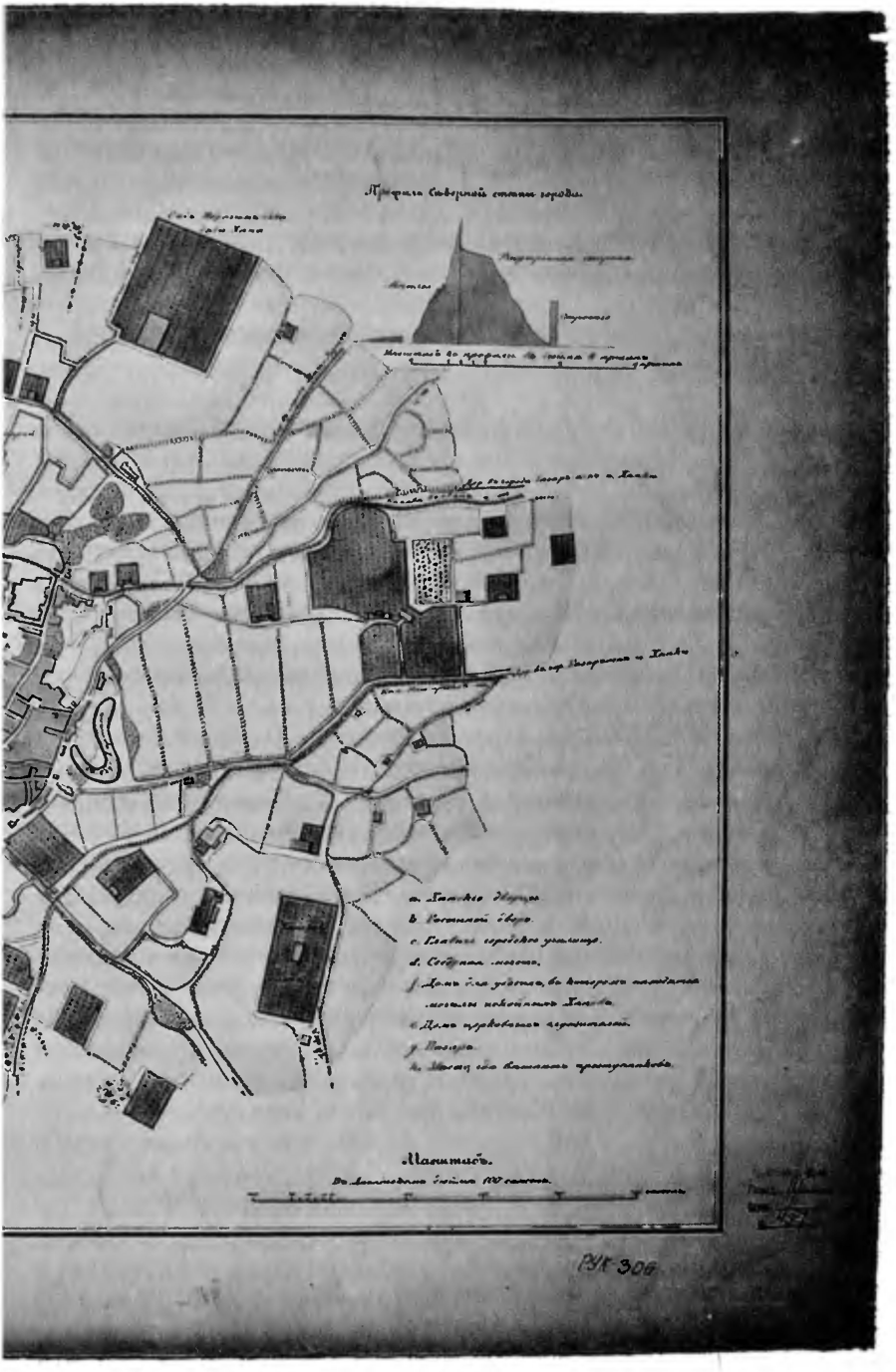


Рис. 17. План города Хивы снят глазомерно в 1841 г. Рукопись из Картографической коллекции Русского географического общества. Рук. 306. Публикуется впервые.

В предварительном отчете о деятельности миссии Бутенев осторожно отмечал, что *в ученом отношении результаты исследований миссии будут несомненно очень любопытны. Восточная часть Бухарии не осмотрена еще ни одним европейцем, а совокупное наблюдение господ Лемана, Богославского и Ханыкова дадут, вероятно средства хорошо узнать ее.* Эти предварительные оценки важности работ горной партии экспедиции оправдались, хотя и не во всем. В своем итоговом рапорте в Министерство иностранных дел России Бутенев следующим образом описывает проведенные партией работы и их итоги.

В Азиатский Департамент Министерства иностранных дел
Подполковника Бутенева 2-го
Рапорт.

Нужным считаю донести Сему Департаменту об успехах занятий горной разведочной партии, действовавшей в Бухарии в прошлом 1841 году.

Эмир Бухарский не допустил меня лично отправиться на сии разведки, почему я командировал на сей предмет господина штабс-капитана Богословского 2-го с нижними горными чинами, присоединивши к нему находившегося при миссии натуралиста Лемана с двумя чучельниками а равно для съемки бывшего со мною топографа унтер-офицера Яковлева и с ними трех человек из числа находившихся при мне в конвое уральских казаков.

Вместе с данным им от Эмира чиновником Юз-Баши Рамазаном они отправились из Бухары 25-го августа и, следуя вверх по реке Зеравшану, чрез города Кармине, Катта-Курган, Самарканд, Пенджакент, Урамитан, Варзаминор и Сарвады, достигли самых юго-восточных истоков Зеравшана, откуда обратно чрез вершину реки Каттардарьи и крепость Киштут на Пенджакент и от сего города возвратились обратно в Бухару прежнею их дорогою.

Результаты действий их состоят в геогностическом исследовании строения тамошних гор, в осмотре некоторых старых оставленных рудников, в осмотре разработок гита в окрестностях Самарканда и, наконец, в открытии многих месторождений медных руд в вершинах Зеравшана. Но самое важнейшее открытие состояло в приисках некоторых пластов каменного угля отличного качества. Уголь сей горит под землею и на поверхности делает возгон серы, которою и пользуются бухарцы; Месторождения каменного угля находятся близ берега Зеравшана между деревнею Фонч и крепостию Сарвазы.

Находившийся при миссии топограф Яковлев сделал съемку всего пространства, пройденного горною партиею и сверх того план города Самарканда с его окрестностями, а Корпуса горных инженеров штабс-капитан Богословский 2-ой составил всему этому пространству подробное геогностическое описание, которое в скором

времени будет им представлено ко мне, и тогда я не замедлю доставить его в сей Департамент.

Подполковник Бутенев[330].

В этом маршруте разведка на золото в россыпях по реке Зеравшану была практически безуспешной из-за болезни мастеров-старателей. Сопровождавшие поисковую партию узбеки отнюдь не всегда оказывали поддержку ее работе, в частности Бутунев подчеркивал, что *в продолжении сего пути обнаружился злой и сварливый нрав, сопровождавшего их Юз-баши Рамазана, который хотел совершенно распоряжаться как путешествием, так и занятиями их. Часто брал он путь в противность желаниям их и надеждам на открытия, препятствовал собирать минералы и растения, заставлял делать большие и утомительные переходы в то время, когда они находили нужным отдых для больных людей команды их; имея от Эмира сумму для стола всем находившимся в Горной партии, он кормил их очень дурно, а часто заставлял совершенно голодовать, и, при этом, даже не позволял в селениях покупать им съестные припасы на собственные деньги, и даже были примеры, что он делал им угрозы. Подозрения его особенно обращены были на господина Богословского 2-го, от которого он во весь путь не отъезжал ни на шаг, и во всяком поднятом с земли камне думал видеть золотую руду и отбирал его от него. Зато, пользуясь сим, имел более свободы господин Леман, однако Рамазан и на него делал часто нападения и однажды едва не сбросил в воду все собранные им гербарии. В каждой травке, срываемой Леманом, они воображали кажется тоже золото, и помощник Рамазана срывал себе другую подобную, если же такой вблизи не было, то он отнимал от Лемана сорванную им, так, что наконец он не иначе мог собирать растения как с особою хитростию, скрывая то, которое было ему в самом деле нужно. Замечательно, что по окончании путешествия Рамазан отвез к Эмиру все камни, отнятые им у Богословского, и все растения, взятые от Лемана, не зная ни названий им, ни употребления; сверх того все растения эти были обломаны, испорчены и связаны в одну кучу, как сено.*

Зато удачнее всех шли при этом занятия топографа Яковлева, подвергавшегося наименьшему надзору от бухарцев, хотя он должен был производить съемку в совершенной тайне, так как вообще это дело считается в Азии самым опасным. Иногда он делал путь свой без всякого надзора, когда же подъезжали к нему бухарцы, он всегда умел с достаточною ловкостию обмануть их бдительность, взять компасом направление дороги и на замечательные предметы в окружности, и все это нарисовать и заметить в своей книжке. Зато при открытии его занятий он подвергся бы наибольшим неприятностям...

При возвращении их из гор в Самарканд, Рамазан уехал к Эмиру, находившемуся в то время при войске против коканцов, а они оста-

вались в Самарканде, причем топограф Яковлев и успел воспользоваться свободным временем для съемки плана Самарканда с окрестностями...

Я предлагал Эмиру сделать разведки на золото по Аму-Дарье, или послать горную партию в горы Нуратау, но от него не последовало на сие разрешения.

На другой день по отправлении Горной партии из Бухары, т.е. 26 августа, уехал оттуда в Самарканд и Карш находившийся при миссии Титулярный Советник Ханыков для осмотра сих мест и собрания о них географических и статистических сведений. Предлог к сему был выдуман им самим и состоял в отвозе подарков Правителям сих двух городов, подобно тому как от Бухарского Правителя присылаются подарки Оренбургскому Военному Губернатору[331]. Эта поездка Ханыкова оказалось вполне успешной, а собранные им материалы нашли отражение в представленном им а Азиатский департамент описании и карте Бухарского ханства с планами Бухары и Самарканда, составленными топографом Я. Яковлевым[332]. Позже Н. Ханыков обобщил собранные им сведения, а также все данные из известным ему иностранных и русских источников в своей книге[333], и (совместно с его братом Яковым Ханыковым) на *Карте Средней Азии.*

С картографическими работами братьев Ханыковых возник, весьма неприятный для них инцидент, неясно по каким причинам спровоцированный Оренбургским Военным губернатором генерал-лейтенантом Обручевым. История этого неблаговидного *дела*, раздутого вокруг двух талантливых сотрудников Азиатского департамента МИДа хорошо прослеживается по хранящемуся в Архиве Внешней политики Российской Империи материалу, называющемуся: *О доставлении в Военное Министерство показаний, по его запросу отобранных от Коллежского ассесора Николая Ханыкова, брата его Надворного Советника Якова Ханыкова, принимавших участие в составлении Николаем Ханыковым Карты Средней Азии, по подозрению в намерении Ханыковых издать в Лондоне и Париже карту Турана, мемуары и другие материалы, собранные при составлении Карты*[334].

Начало этого некрасивого дела было положено следующим письмом князя Чернышева от 11 декабря 1842 года за № 4881 из Департамента Генерального штаба военного министерства на имя графа К.В. Нессельроде:

Милостивый государь Граф Карл Васильевич,

Оренбургский военнный губернатор уведомляет, что, узнав об отправлении унтер-офицера Оренбергского линейного № 3-го батальона Агеева в Санкт-Петербург, в исходе прошедшего октября месяца, к служащему в Азиатском департаменте Коллежскому Ассесору Ханыкову отличной Карты Турана, в масштабе 50 верст в дюйме, со внесением всех съемок и рекогносцировок, имеющихся в Архиве Генерального штаба Оренбургского корпуса, он приказал

немедленно отобрать на квартире означенного унтер-офицера все карты и бумаги, между коими найдена еще не отправленная карта также Турана, но в меньшем масштабе 100 верст в дюйме; а из бумаг с сделанного ему допроса открылось, что означенный унтер-офицер составлял многие другие карты, в прилагаемом у сего списке показанные, и представлял таковые Надворному советнику и Коллежскому Ассесору Ханыковым.

По справке, сочиненной в Штабе Оренбургского Корпуса, каким образом Унтер-офицер Агеев имел возможность составлять карты, оказалось, что Генерал-Адъютантом Перовским поручено было, состоящему при нем Надворному советнику Ханыкову, служащему также при Министерстве иностранных дел, составление статистики Оренбургского края и посему предоставлено ему было пользоваться всеми нужными материалами из Архива, – а Унтер-офицеру Агееву, разжалованному из топографов, находиться при господине Ханыкове.

При том Генерал-Лейтенант Обручев извещает, что по дошедшим до него слухам, Надворный советник Ханыков, находящийся ныне за границей, намерен напечатать в Лондоне или Париже карту Турана, в масштабе 50 верст в дюйме, отправленную ему Агеевым.

Из справки, сделанной в Военно-топографическом депо, видно, что всех карт, показанных в списке отправленными к господам Ханыковым, имеется в Депо только одна карта Бухарского Ханства и два плана г. Бухары и Самарканда, но и эти планы и карта представлены Генерал-Лейтенантом Обручевым в прошедшем августе месяце; и потому полагать должно, что показанные в списке отправленными к Ханыковым составляют другой экземпляр.

Сообщая о всем вышеизложенном Вашему Сиятельству имею честь покорнейше просить Вас, милостивый государь, о приказании отобрать от господ Ханыковых все рукописные карты, планы и мемуары, какие у них находятся, под строжайшею ответственностию как за утайку какого-либо предмета, так и за выпуск оного в свет, – и о распоряжениях Вашего сиятельства по сему предмету почтить меня уведомлением.

С совершеннейшим почтением и преданностию имею честь быть Вашего Сиятельства покорнейший слуга,

Князь Чернышев[335].

К письму приложен следующий *Список картам и планам, отправленным по показаниям унтер-офицера Линейного Оренбургского батальона № 3 Агеева в С.Петербург, на имя господ Надворного советника и Коллежского ассесора Ханыковых.*

Господину Надворному советнику Ханыкову

Две карты Турана, в 50 верстном масштабе, из коих одна была совершенно окончена, а другая в карандаше, отправлены в исходе октября сего года.

Карта Орографическая Оренбургской губернии, на одном листе, в 50 верстном масштабе.

Карта Сибирских съемок, в 32 верстном масштабе.

Господину Коллежскому Ассесору Ханыкову

Карта Средней Азии в 50 верстном масштабе, составленная в 1841 году и взятая господином Ханыковым в С.Петербург.

Два плана Бохары и Самарканда, посланные господину Ханыкову 8 августа текущего года; планы эти были составлены: первой в 250 сажен, а второй в одну версту на дюйм.

Карта Хивинского ханства в 50 верстном масштабе, в 1840 году.

Карта Бохарского ханства в масштабе 50 верст в дюйме.

Подписал: Генерал-лейтенант Обручев[336].

В ответ на эти инсенуации был направлен *Директору Азиатского Департамента Министерства Иностранных дел, Господину Действительному Статскому Советнику и Кавалеру Сенявину*

Коллежского Ассесора Ханыкова

Рапорт.

Бывший Оренбургский Военный Губернатор Генерал-Адъютант Перовский предписанием от 22 ноября 1841 гога, поручил мне принять участие в имеющей составляться при Отделении Генерального Штаба Отдельного Оренбургского Корпуса, карте Средней Азии, вместе с тем предписал допустить меня к пользованию материалами всех подведомственных ему архивов. Скорый отъезд генерал-майора Жемчужникова (под непосредственным руководством коего должна была составляться означенная карта) в отпуск, а затем перевод его в Отдельный Сибирский Корпус начальником штаба, были причинами, что карта сия не была составлена; я же, имея все потребные к тому материалы (в копии) в сборе, один составил карту Средней Азии и имел честь представить ее Генерал Адъютанту Перовскому по возвращении его из Санкт Петербурга; обратив не нее свое благосклонное внимание, он пожелал, чтобы я и брат мой, состоявший тоже при нем в откомандировке, пополнили ее материалами, вытребованными по сношению его с Военным Министерством из Отдельного Сибирского Корпуса, скорый отъезд мой помощником при агенте нашем в Бухару не позволил мне принять участие в сем последнем поручении, которое и было исполнено братом моим в течение осени и зимы 1841 и 42 годов; при отъезде господина Оренбургского Военного Губернатора из Оренбурга в Петербург, а потом за границу, карта сия не была вычерчена, отчего он предписанием от 7-го минувшего мая, приказал своей канцелярии распорядиться, чтобы по возвращении моем в Оренбург, унтер-офицер Агеев передал мне все имеющиеся у него планы и карты, равно как и следующие к ним материалы, состоящие из некоторых печатных карт и некоторых копий на восковой бумаге частных съемок, произведенных в различные времена в Киргизской степи,

топографами Отдельного Оренбургского корпуса. Канцелярия Оренбургского Военного Губернатора немедленно привела в исполнение таковое предписание, и по приезде моем из Бухары уведомила меня о том повесткою от 11 июля № 67 В следствии такового распоряжения Генерала Адъютанта Перовского, взяты мною были от Агеева при отъезде моем в С.Петербург планы Бухары и Самарканда, карты Бухарского Ханства и Средней Азии, карту же Турана, по просьбе его я оставил у него для окончательной отделки, прося начальника Штаба Генерала-Майора Рокасовского и Правителя Канцелярии Оренбургского Военного Губернатора полковника Середу, переслать мне ее по окончательной отделке, что и было ими исполнено 31-го минувшего октября. Планы Бухары и Самарканда и Карту Бухарского Ханства я представил немедленно по приезде моем в С.Петербург, при записке, составленной мною о Ханстве в Азиатский Департамент Министерства иностранных дел, карту же Турана, полученную мною около 20 ноября, я немедленно отдал в переплет, затем, никому ее не показывая и не сообщая, представил ее в Азиатский Департамент, где она и теперь находится. Что касается до той же карты в карандаше и до карты Средней Ази, то имею честь представить их с сим вместе в Департамент. Относительно Карты Хивинского Ханства, вычерченной унтер-офицером Агеевым, я долгом считаю почтительнейше донести Вашему Превосходительству, что она представлена была мною немедленно по составлении ее в декабре 1840 года господину Командиру Отдельного Оренбургского Копуса, и составлена была не из письменных каких-нибудь документов, имевшихся в штабе, а по словесным рассказам возвратившихся из Хивы пленников в 1840 году. Затем у меня никаких планов и мемуаров не имеется, о чем имею честь почтительнейше донести Вашему Превосходительству.

Коллежский Ассесор Ханыков.

13 декабря 1842 года[337]. [автограф].

Приведенные Ханыковым данные были подтверждены в письме Нессельроде Чернышеву от 18 декабря 1842 года (№ 3450), и возникшее на пустом месте обвинение против братьев Ханыковых было полностью опровергнуто. Статистическое описание Бухарии Н. Ханыкова решено опубликовать за счет Министерства Иностранных дел России[338]. По неясной нам причине, генерал-лейтенант Обручев продолжал создавать сложности для Ханыковых, о чем свидетельствует, в частности следующее письмо Перовского Сенявину.

№ 2, Рим 2/14 февраля 1843 года.

Милостивый Государь Лев Григорьевич,

Вашему Превосходительству уже известно, что согласно с желанием господина Вице-Канцлера, я поручил в ноябре 1840 г. находившемуся при мне Министерства иностранных дел советнику Ханыкову заняться составлением карты северной половины Средней

Азии, как из съемок в степи произведенных, так и из материалов самим Ханыковым собранных. Ныне сказанный чиновник Рапортом от 8 декабря 1842 г. донес мне, что карта окончена и представлена им в Азиатский департамент, но что большая часть материалов, служивших ей основою, задержана в Оренбурге Генерал Лейтенантом Обручевым.

Так как мне известно, что материалы эти действительно были собраны самим Ханыковым и могут быть нужны для пояснения представленной им карты, я вместе с сим обратился к Господину Военному Министру о предписании Генерал Лейтенанту Обручеву возвратить удержанные документы в Азиатский Департамент, о чем и считаю долгом, Вас, Милостивый Государь, уведомить.

Покорнейше прошу Ваше Превосходительство принять уверение в совершеннейшем моем почтении и преданности.

Василий Перовский.

На этом, насколько нам известно, была поставлена точка в неблаговидном «деле» братьев Ханыковых, а Николай Ханыков смог завершить свой труд по итогам поездки в Бухарию с использованием всех собранных им материалов[339].

Возвращаясь к итогам миссии Бутенева, следует подчеркнуть, что ее руководитель особенно отметил отличную работу топографа Яковлева и, ходатайствуя о его награждении, он воспроизводит следующие детали маршрута съемки и условий, в которых эта съемка производилась.

О топографе 2-го класса унтер-офицере Якове Яковлеве, который при примерно отличном поведении и усердии, в продолжении командировки его со мною, несмотря на многоразличные затруднения и присмотр за ним бухарцев, произвел глазомерную съемку пути Миссии, начиная от урочища Майлибаша на реке Сыр, чрез Куван и Яню-Дарью, Кызыл-Кум, ключ Баккали, ключ Тюбелик до Кагатана и оттуда заселенным пространством Бухарии до Бухары; после, будучи оттуда командирован мною с Горною партиею, произвел такую же съемку до Самарканда и далее до вершин реки Зеравшана и до Медной горы, где на обратном пути, другою дорогою и в ширину успел снять значительную часть Горного пространства; потом, при возвращении Миссии в Россию, он сделал съемку нового пути ее от Бухары чрез Вартанзи и колодцы Чакар-Ата до Назарбай-Кудук, затем опять новый путь Миссии от Колодцев Джусалисай чрез Юз-Кудук до Баккали. Некоторые новый части пути между Куваном и Сыр-Дарьей, по последней реке от урочища Кингтюбя до Майлибаша и за Майлибашем весь путь Миссии чрез Айгиряк, Алты-Кудук, Терекли, Чока-Давлей, Сарыкуль, Джабысай до Улу-Иргиза, по сей реке вверх, по реке Чить-Иргизу, по Каинды, чрез Мугоджарские горы, до урочища Биштамак. Кроме того, во время пребывания в Бухарии составил карту сего Ханства с окрестными владениями

и планы городов Бухары и Самарканда с окрестностями. Исключая сих прямых обязанностей, на походе Миссии он занимался постоянно вместе с урядником Ротновым раздачею нижним чинам провианта и мясной порции и вообще с примерным усердием исполнял все отдаваемые ему приказания.

В награду за такие труды его, я просил о производстве его, Яковлева, в прапорщики, для сравнения его с младшими сверстниками, топографами Челпановым и Петровым, бывшими с господином капитаном Никифоровым в Хиве, и по возвращении произведенными в прапорщики[340].

Помимо детальных отчетов о работе Миссии, и описаний Бухары, представленных Бутеневым и Ханыковым, члены миссии составили так же: *Некоторые замечания о Киргизах в отношении их к России* (Бутенев[341]), *Заметки о городе Самарканде* (Богословский[342]), *Торговля Бухарии* с детальным описанием маршрутов торговых караванов (Ханыков[343]) и *Записка о возможности и средствах похода на Бухарию с войсками* (Бутенев)[344]. Все эти материалы представляют собой замечательные историко-географические источники.

Членами миссии было обнаружено, что у эмира *в числе 700 человек пехоты около 100 человек русских и сверх того несколько персиян и афганцев*[345].

Значительный интерес представляют собой сведения, полученные членами российской миссии от Стоддарта и Канноли, так же, как и детали трагической судьбы этих английских путешественников, оставшиеся неведомыми их соотечественникам. В предварительном отчете миссии, направленном из Бухары (письмо № 413 от 14 октября 1841 г.), по этому поводу сказано следующее:

В нынешнем году возвратился в Кокан посланец тамошняго хана, бывший в Константинополе; цель посольства неизвестна; – с ним выехал в ханство итальянец, искусный в литье пушек; вскоре по приезде он, было, тяжело заболел, но был вылечен доктором Великобританского агента Конноли. Последний действительно пробрался из Хивы в Ташкент, где и встречен тамошним Беклербегом с почестию и пользовался совершенною свободою, но прибыв по разрешению хана в Кокан, содержался долго в строгом заключении на своей квартире, и хотя потом получил право ходить по городу, однако с большими ограничениями; ныне, как слышно, бухарский эмир, по просьбе Конолли разрешил ему прибыть в Бухару.

Сверх того Полковник Стоддарт утверждает, что Нассер-Улла отправил к Великобританскому правительству посольство с предложением союза.

Товаров Английских в Бохаре немного и те дурной доброты. Русские же, хотя тоже не отличного качества, но, по свидетельству миссии преобладают на всех базарах и даже значительно вывозятся из Бухары в Персию, Кабул, Кашмир и Кокан.

Пленников наших, по замечанию Подполковника Бутенева, довольно, он надеется их выручить и просит о присылке к нему нужной суммы на содержание их в пути[346].

Полковник Стоддарт в это время жил в помещении русской миссии и находился с ней *в самых дружественных отношениях*. Из общения с англичаниным и своих собственных источников русские, в частности, выяснили, что *весьма вероятно, что результатом войны будет присоединение Кокана к Бухарии, так как брат нынешнего Кокандского владельца – Султан Махомед Хан, в пользу которого, по-видимому, начаты были военные действия, впал в немилость у Нассыр Уллы. Вероятность этого политического переворота подтверждается и письмом к Полковнику Стоддарту Великобританского агента Конолли, который пробрался в Джюзех, получил от эмира разрешение прибыть в его лагерь и, по-видимому, желает падения* [кокандского хана] *Мохамед-Али*[347].

В своей справке *Сведения об англичанах Стоддарте и Конолли, находящихся в Бухарии*, датированной 13 августа 1842 года, подполковник Бутенев, со слов Стоддарта, следующим образом объясняет причину злоключений английского полковника по прибытии его в Бухару.

Стоддарт предполагал пробыть в Бухарии не более трех месяцев. На пути в Бухару от Герата, близ Меймуны он встретил одного невольника, только что захваченного в плен и ведомого на продажу. Различными средствами, особенно настояниями и угрозами, он успел освободить его, и даже по этому случаю имел очень сильное объяснение с владельцем Меймуны, которого хотел он одними словами убедить в уничтожении невольничества и торговли невольниками в его владениях. Это обстоятельство Стоддарт считает главною причиною всех его бедствий, ибо слухи об освобождении им одного невольника скоро везде распространились и со всех сторон к нему начали сбегаться невольники, требуя от него свободы... И, помимо этого, *даже самый въезд его в город* [Бухару] *должен был произвести на бухарцев неприятное впечатление и возбудить неудовольствие хана, ибо въезжая в своем мундире, он курил в это время кальян, строго запрещенный бухарским толкованием Корана.* Неблагоприятным для Стоддарта был и тот факт, что его поселили *в доме Имани-Реиса, должность эта означает чиновника, имеющего главный надзор по духовной части и за народною нравственностию; сверх того Рахман-верды был главным закятци, т.е. сборщиком таможенных пошлин... Несмотря на преклонные лета его, он был предан сладострастию в высшей степени и, сверх того, любил опиум, который он пил в разных видах и курил с табаком*[348].

Незадолго до отъезда русской миссии из Бухары в судьбе Стоддарта и Конолли происходит резкий поворот, по-видимому объясняющийся тем, что до эмира бухарского дошли сведения о сокруши-

тельном поражении англичан в Афганистане и их изгнании из Кабула. В рапорте Бутенева от 27 января 1842 года сообщалось следующее:

Приехавший сюда в Октябре прошлого года Английский Подполковник арестован и все имение продано с публичного торга; вместе с ним засажен вновь также и подполковник Стоддарт. Однако эмир еще прежде их ареста, обещал мне отпустить их со мною в Россию[349].

Судьба английских агентов весьма интересовала российское внешнеполитическое ведомство и поэтому от членов миссии было потребовано сообщить детали о их деятельности в Средней Азии. Во исполнении этого требования, руководитель миссии подполковник Бутенев, своим письмом Нессельроде от 9 мая 1842 года за № 390 сообщил следующее.

Милостивый государь, граф Карл Васильевич.

В дополнение к отношению моему от 9 мая за № 385, чёсть имею сообщить Вашему Сиятельству некоторые подробности относительно арестования в Бохаре Полковников Стоддарта и Конолли.

Последний еще из Кокана писал к Стоддарту о желании своем проехать в Бухару. Стоддарт показал это письмо Эмиру, и Носсер-Улла, известясь, по слухам, что советы Конолли были главною причиною военных неудач Бохарцев в Кокане, рад был случаю отомстить ему за это, а потому скрыв свое негодование, поручил Стоддарту пригласить его соотечественника. В первые дни после приезда последнего с ним обошлись очень ласково и даже назначили содержание по 4 тилля в сутки; но вскоре представился Эмиру случай сбросить личину, а именно: получено было из Кабула письмо к Хану от Пальмерстона, в котором последний извещал Носсер Уллу о готовности Великобританского Правительства предать забвению проступки Хана и что Генерал Губернатору Восточной Индии уже предписано отправить в Бухару уполномоченного агента. Вместе с этим письмом дошло до Хана первое известие о потерях англичан в Кабуле. Слух этот придал Эмиру смелость, сделав вид, что он обижен получением письма от Английского Визиря, а не от самой Королевы, Хан объявил Конолли и Стоддарту, что должен признавать их не дипломатическими лицами, но шпионами, вследствии чего приказал обоих заключить в тюрьму, а имущество их продать с публичного торга.

При этом погибли драгоценные географические сведения, собранные Конолли и все результаты астрономических наблюдений его.

Покорнейше прошу Ваше Сиятельство принять уверения в совершенном моем почтении и преданности.

Василий Бутенев[350].

Полный аналитический обзор деятельности Конолли и Стоддарта в Центральной Азии был представлен российскому правительству в подлинной справке Ханыкова, обнаруженной нами в Архиве внешней политики Российской Империи и, насколько нам известно, никогда ранее не публиковавшейся[351]. Текст справки Ханыкова помещен в Приложении № 5.

Миссия Бутенева выступила из Бухары в обратный путь 8 апреля 1842 года. Приходится признать, что практически по всем внешнеполитическим позициям миссия не имела успеха. В рапорте Бутенева Перовскому от 15 апреля 1842 года по этому поводу сообщается, в частности, следующее.

Относительно заключения трактата Эмир отвечал, что если Государь Император прежде его подпишет сей трактат и пришлет к нему в Бухару с отправляющимся в Россию Бухарским посланцем, то и Эмир утвердит его. Касательно отпуска русских из Бухарии Эмир обещает отослать их всех обратно в Россию, как скоро будет заключен акт. Понижение таможенных пошлин Эмир обещает произвести в таком случае, когда прежде того таможенные пошлины будут понижены для бухарских купцов в России. Наконец об англичанах Визирь объявил, что они подали Эмиру письмо, в котором писали, что их королева желает быть в дружбе с Бухариею, почему Эмир написал сам письмо к королеве, и когда получится ответ ее, то их обоих отпустят из Бухары прямо в Англию...[352]

С Бутеневым не были отпущены даже трое престарелых свободных русских, один из которых был безногим. *Несообразность и даже неприличие поступков и ответов Бухарского владельца Бутенев предписывает тому, что он возгордился прошлогодними успехами своими над кокандцами и мечтает лишь о совершенном завоевании Коканда и о принятии титула Падишаха Туркестанского*[353].

Несмотря на явную неудачу в выполнении внешнеполитических задач, возлагавшихся на Миссию Бутенева, рассмотренные выше материалы этой экспециии и деятельность всех ее членов в целом были оценены весьма высоко российским правительством. Глава Миссии подполковник Бутенев был награжден Орденом св. Станислава Второй степени и 400 червонцами, Богословский – Орденом Св. Станислова Третьей степени и 200 червонцами, Николай Ханыков – *Всемилостивейше пожалован* 400 червонцами. Унтер-шихтмейстер Козлов получил 120 рублей, а находившиеся под его началом мастеровые – по 60 рублей[354]. Переводчик Костромитинов, возвратившийся *к прежней своей должности по преподаванию восточных языков* в Неплюевском Оренбургском военном училище, был произведен в чин коллежского регистратора[355]. Топограф Яков Яковлев награжден 75 рублями[356]. Не были забыты и *нижние чины*: урядник Уральского Казачьего войска Василий Ротнов и казаки конвоя Михаил Зверев, Иван Чираков, Елистрат Мордовин, Демид Сосновцов, Мукш

Мукуканов, Ларь Аристов, Егор Лоботрясов, Михаил Алферов, и Иван Морковцев получили по 60 рублей каждый. Такие же награды получили *чучельники* – урядник Оренбургского Казачьего войска Скорняков и казак Волженцов[357]. Киргизы – *Таминского рода Давлет-Гильдинского отделения Мал-Гильды Утепов* награжден Золотой медалью и *Чаклинского рода Джанклычского отделения Ходжа Берген Джантуаров* – Серебряной медалью на *Анненских лентах*.[358]

Если, как мы видели выше, сотрудники Миссии Бутенева были вознаграждены за их работы в Бухаре, то недовольство российских властей внешнеполитическими результатами посольства, нашло яркое выражение по отношению к следовавшему с Бутеневым в Россию бухарскому посланнику Худояр-Беку. Император Николай I, разгневанный полным пренебрежением Бухарского хана к требованиям российского посланника, не только не принял Худояр-Бека, но даже запретил ему ехать из Оренбурга в Санкт-Петербург. Бухарский посланник пробыл в Оренбурге до 4 февраля 1843 года и отправился в Бухару без каких-либо результатов[359].

Хивинская миссия капитана Никифорова, возвратившаяся в Оренбург с посланниками Хивы 4 декабря 1841 года, с точки зрения внешнеполитической имела больший успех, чем миссия Бутенева в Бухару. Совершенно очевидно, что Никифоров очень хорошо подготовил почву для полного успеха следующей миссии в Хиву под руководством подполковника Г.И. Данилевского (1801-?), состоявшейся в 1842-1843 гг., к рассмотрению которой мы теперь переходим.

При отъезде Никифорова из Хивы с ним отправились хивинские посланцы Вещь Нияз Бай и Ижбай Бабаев. После того, как они были приняты Императором Николаем I, Данилевскому было поручено возвратиться с ними в Хиву для заключения договора с Ханом. В инструкции русскому посланнику сообщалось, в частности, следующее: *Преждевременная кончина капитана Никифорова* [на пути из Оренбурга в Москву] *лишила нас, к сожалению, любопытных подробностей о ходе переговоров его с Ханом Хивинским; те же сведения, кои могли быть собраны после смерти сего офицера от лиц, сопровождавших его в Хиву, были также сообщены Вам для прочтения и указания Вам, какие именно предметы встретили со стороны Хана сопротивление*[360]. В частности, хан не соглашался на условия России, ограничивающие влияние хивинцев на степные народы. Посольству Данилевского было велено не настаивать на этих условиях, но подчеркнуто, что оно *имеет еще ту главнейшую цель, чтобы укрепить Аллах Кули-Хана в доверии к бескорыстным видам Российского правительства и таким образом приуготовить пути по утверждению в Хиве нравственного нашего влияния, необходимого для сохранения спокойствия на границах Империи*[361].

Главной задачей миссии Данилевского было завершить начатые Никифоровым переговоры, причем добиться того, чтобы в договоре

с Хивинским Ханом были подтверждены торговые привилегии России с установление постоянной пошлины на русские товары, не превышающей 5% . В качестве условной границы между владениями ханства и Российской Империи предлагалось принять Сыр-Дарью, причем в дальнейшем не допускать хивинцев собирать зякет с *киргизов* (казахов) на северном берегу этой реки и далее северной окраины Усть-Урта: *Следовательно река Сырдарья, северный берег Аральского моря и северный чинк Усть-Юрта составляли бы род границы владению хивинцев над киргизами, и за то хивинцы должны ответствовать за грабежи, если бы таковые были произведены на юг от сей границы*[362]. Если Никифорову предписывалось установить постоянное представительство России в Хиве, то в отношении миссии Данилевского такое требование уже не выдвигалось, так как внешнеполитическое ведомство империи решило, что на том этапе становления отношений с ханством временные поездки дипломатических чиновников с караванами в Хиву представлялись предпочтительнее установлению постоянной миссии[363].

В состав миссии были включены два топографа, переводчик, натуралист Базенер *для исследования Хивинского ханства по части Естественной истории*, 20 казаков и 10 *киргизов* (казахов). Так же, как Бутеневу, Данилевскому предписывалось обратить особое внимание *на приобретение географических, статистических и других сведений* о Хивинском ханстве и соседних странах[364].

Данилевскому была выдана особая инструкция по поводу переговоров о персидских невольниках, находившихся в Хиве[365]. Вопрос этот в это время приобрел особую остроту в связи с тем, что персидский двор официально обратился к российскому правительству с просьбой содействовать в освобождении персов, причем в адрес Хивы содержалась угроза решить эту проблему силой оружия. Никифорову поручалось обсудить с хивинцами ситуацию с персидскими невольниками после решения вопросов, непосредственно касающихся России, но у него не было возможности обсудить эту проблему. Персидский шах воздержался от начала войны против Хивы, лишь уступив настояниям русских и английских дипломатов, направив в Хиву для переговоров своего представителя Могамед-Али-Хана с сотрудником английской миссии в Тегеране Томсоном (Thomson), которому были переданы письма от послов Англии и России в Персии.

Данилевскому было предписано сообщить Хивинскому Хану о решимости Персии применить силу оружия для освобождения невольников и о вмешательстве России и Англии для предотвращения этой войны. При этом, представитель России в Тегеране, Полномочный Министр Статский Советник Граф Медем был готов оказать хивинцам содействие в переговорах. В случае, если Данилевский застанет в Хиве персидского посланника и Томсона, ему было велено относиться к ним дружественно и помогать, но ни под каким видом не до-

пускать вмешательства англичанина *в дела наши с Хивою, ибо Государь Император не желает иметь посредников в делах, касающихся собственно до Российской Империи*[366].

Специально для работы миссии были подготовлены следующие три детальных справки:

1. *Росписание Родов и отделений Малой Киргизской Орды и мест кочевий их. 1842 года.* Заверено Ханыковым.

В *росписании* указана *Подведомственность*, т.е. от кого зависят роды; *Время перекочевания*; *Места кочевок* (зимних и летних); *Роды*; *Отделения*[367].

2. *Настоящее состаяние Малой Киргизской орды.* Заверено Ханыковым[368].

3. *Значение Среднеазиатской торговли для России*[369].

Миссия Данилевского выступила из Оренбурга 1 августа 1842 года. Помимо указанных выше лиц в Оренбурге к отряду был прикреплен фельдшер. Российские представители были встречены на границе почетными сановниками ханства и 300 всадниками. Начиная от Ургенча и Ташауса миссию размещали в ханских домах. По пребытии в Хиву 18 октября 1842 года россиянам было предложено на выбор два ханских дома, из которых Данилевский выбрал загородный. Хан вернулся в Хиву 25 октября и принял их *очень милостиво*[370]. Однако миссия Данилевского прибыла в Хиву в неспокойное время. Сразу вскоре после их приезда, Алла Кули Хан, воспользовавшись отсутствием Эмира Бухарского, занятого войной с Кокандом, пошел вверх по Аму-Дарье воевать против Бухары. 21 ноября 1842 года Данилевский сообщил, что хивинский хан захватил много пленников из деревень на Аму-Дарье, а бухарский эмир, возвратившись после нескольких неудач в Коканде, направил ему посланцев. Причем, незамедлительно последовало военное возмездие: бухарцы захватили хивинское укрепление, находящееся на Сыр-Дарье *и перерезали всех хивинцев, не успевших спастись бегством*[371]. 23 ноября Алла-Кули-Хан Хивинский умер, а 25-го того же месяца его сын Инак-Рахим-Кули принял звание хана. Война продолжалась, и в окрестностях озера Алакуля хивинский хан захватил несколько тысяч бухарцев – мирных жителей с женами и детьми, однако под Чарджуем он потерпел поражение[372].

В донесении от 30 декабря 1842 года Данилевский сообщает, что Эмир Бухарский пытался добиться от Рахим-Кули-хана провозглашения его нейтралитета в отношении войны Бухары с Кокандом, возвращения плененных им бухарцев и предлагал свои руку и сердце одной из дочерей покойного Алла-Кули Хана. Хивинцы от этого наотрез отказались[373]. В отношении России новый хивинский хан, однако, проявил полное желание идти навстречу требованиям своего северного соседа: Данилевский заключил с ним 27 декабря договор, *в тот самом виде, в каком предложен был в самом начале переговоров*, т.е. целиком удовлетворявший все запросы российской стороны[374].

В своем полном отчете о миссии[375] Данилевский сообщает, в частности, что предшественник Алла-Кули-Хана *Махомед-Рахим-Хан присоединил, силою оружия Мерву и Саракс к Хивинскому ханству и те племена туркмен, которые кочуют на их обширных равнинах с запада. Водворение в пределах Ханства нескольких тысяч персиян, такое же число ямшидов и бухарцев, упрочение власти над завоеваниями Махомед-Рахима и некоторое развитие земледельческой деятельности в Ханстве суть главные результаты управления Алла-Куля.* Данилевский, в соответствии с полученной им правительственной инструкцией, ходатайствовал об освобождении 1500 семейств персиян, однако хан согласился на освобождение находившегося лично у него родственника мешедского правителя Мохамед-вали-Хана.

В целом прием российской миссии проходил с необыкновенной доброжелательностью, ярким свидетельством чего был тот факт, что Данилевскому всегда предлагалось сидеть в присутствии Хана, что было сильным отступлением от восточного протокола. При завершении миссии ее руководитель получил от Хана денежный подарок в 300 тилль (4500 рублей серебром), по 50 тилль было выдано натуралисту и переводчику, а помимо этого – еще 150 тилль – на раздачу остальным членам миссии. На заключительной аудиенции, состоявшейся 30 декабря 1842 года, хан расспрашивал Данилевского о некоторых европейских державах и, особенно, об англичанах *изъявляя в откровенных выражениях свою недоверчивость к ним*[376].

На обратном пути к России – *Направляясь на Кунград и обозрев часть устья Аму-Дарьи, миссия поднялась на Усть-Урт около урочища Аджибая; перешла кратчайшим путем эту плоскую возвышенность, вышла на Ак-Булак, большую и малую Хобун(ы) и 11 февраля 1843 года поле 43-х дневного слудования по степи, достигла благополучно Крепости Илецкой Защиты*[377].

В 1848 году в Центральной Азии появился английский архитектор и художник Томас Уитлам Аткинсон (1799-1861 гг.), который, по сути дела был первым иностранцем, наблюдавшем начало колонизации Россией приграничных районов с Китаем. В частности, отмечая активность этого процесса он пишет следующее: *На этом месте быстро растет новый город Верное. Россия, окружая, таким образом цивилизацией киргизские орды, приведет, в конечном итоге к моральной революции в этой стране. Сельское хозяйство и другие отрасли производства будут внедрены русскими крестьянами, которых никто не может превзойти в способности приспосабливаться к обстоятельствам. Он (крестьянин) изобретателен, может приложить руки к любым занятиям; и, на самом деле с помощью лишь топора и пилы он построит себе как жилище, так и мебель. Он и портной и сапожник, выращивает свой собственный лен, а его жена и дети прядут и ткут свою собственную ткань. Короче, суще-*

ствует крайне мало потребностей, которые эти люди не могли бы удовлетворить [собственными силами]. *Обычно он хороший охотник и понимает как пользоваться своей винтовкой и поэтому он всегда может добыть пищу в местах, где есть на кого охотиться. Это дает ему уверенность в его новом положении и делает его опасным для врага, в случае нападения. При обретении свободы, его природные способности разовьются, и тогда он не уступит европейцу ни в таланте, ни в производительности. Я желаю ему свободы!*[378] Далее Аткинсон рассуждает о необходимости завоевания центральноазиатского рынка англичанами из Индии, путем устройства ярмарок в главных городах. Он приводит детальный список товаров, необходимых в регионе, и описывает исход калмыков с Волги в 1771 году[379]. Целая глава в книге Аткинсона (глава 2) посвящена описанию караванных и казачьих путей, в том, числе проходящих по китайским пикетным дорогам. К книге приложена карта, иллюстрирующая маршруты английского путешественника. (Рис. 18).

[1] *Pierce Richard A.* Russian Central Asia, 1867-1917: A Study in Colonial Rule. Berkeley, Los Angeles, 1960. P. 8-9.

[2] Ibid. P. 9-11.

[3] *Бейсенова А.С.* Исторические основы географических исследований Казахстана. (Алматы, 2001). С. 16.

[4] *Геродот.* История в девяти книгах. Пер. и примеч. Т.И. Стратановского. Л., 1972. (Цит. по: *Бейсенова А.С.* Указ. соч. С. 17).

[5] *Бейсенова А.С.* Указ. соч. С. 17.

[6] *Федчина В.Н.* Как создавалась карта Средней Азии. М., 1967. С. 5-6; *Андрианов Б.В., Федчина В.Н.* Комплексное историко-географическое изучение Средней Азии // Проблемы исторической географии России. Вып. 3: Вопросы исторической картографии и картографического источниковедения. М., 1983. С. 133.

[7] *Curzon George N.* The Pamirs and the Source of the Oxus. L., [1897]Ю P. 63.

[8] *Федчина В.Н.* Указ. соч. С. 6-7.

[9] *Ptolemais [Ptolemy], Klaudios.* Ancient India as secribed by Ptolemy / being a translation of the chapters which describe India and central and eastern Asia in the treatise on geography written by Klaudios Ptolemaios, the celebrated astronomer; with introduction, commentary and index by J.W. McCrindle; edited by Ramchandra Jain, with conculturuum, reference & appendices. Rev. ed., in 2 vols. New Delhi, [1974]. P. 274–276; Древние авторы о Средней Азии: Хрестоматия. Под ред. Л.В.Баженова. Ташкент, 1940. С. 125.

[10] *Ptolemais [Ptolemy], Klaudios.* Op. cit. P. 277–278.

[11] Nordenskiöld A. E. Facsimile atlas to the early history of cartography... Transl. J.A. Ekelötand, C.R. Markham. Stockholm, 1889; Facs. ed. N.Y., 1961.

[12] *Мамедбейли Г.Д.* Основатель Марагинской обсерватории Насирэддин Туси. Баку, 1961.

[13] *Федчина В.Н.* Указ. соч. С. 9-10.

[14] *Андрианов Б.В., Федчина В.Н.* Комплексное историко-географическое изучение Средней Азии. С. 134.

RUSSIA
VOLOGDA
PERM
TOBOLSK
TARTARS
OSTIAKS
BEREZOV
SEA OF KARA
GULF OF OBE
Steppe of Ishum
Kirghis Steppe
Kassak Steppe
KIRGHIS
KARAKALPAKS
BOKHARA
HAN NANLOO
Gobi or Desert
Makhai Desert
Sandy Desert
LITTLE TIBET
Yarkhoto
Tak
MONGO

Рис. 18. Карта путешествия Аткинсона (1860 г.)

[15] *Lelewel J.* Géographie du Moyen Age. Atlas. Bruxelles, 1850.
[16] *Андрианов Б.В., Федчина В.Н.* Комплексное историко-географическое изучение Средней Азии. С. 134-135.
[17] Федчина В.Н. Указ. соч. С. 16.
[18] Собрание путешествий к татарам и другим восточным народам в XIII, XIV, и XV столетиях. Плано Карпини. Пер. и изд. Д. Языкова. СПб., 1825. С. 66-67.
[19] Там же.
[20] *Bagrow L.* Italians on the Caspian // Imago Mundi. V. XIII. 1956.
[21] Материако для историко-географического атласа России, изданные Археологической комиссией (СПб., 1871. С. 5.
[22] Там же. С. 111.
[23] Там же. С. 5.
[24] *Федчина В.Н.* Указ. соч. С. 20-21.
[25] *Baron S.H.* William Borough and the Jenkinson Map of Russia (1562) // Cartographica. 26, 2. 1989. P. 72 – 87; *Idem.* Explorations in Muscovite History. Hampshire, 1991. Ch. 11; *Idem.* The Lost Jenkinson Map of Russia (1562). Recovered, Redated and Retitled // Terrae Incognitae. 25. 1993. P. 53–65.
[26] *Федчина В.Н.* Указ. соч. С. 21.
[27] *Берг Л.С.* Очерк истории исследования Аральского моря // Избранные сочинения. М., 1960. Т. III.
[28] *Постников А.В.* Схватка на «Крыше Мира»: политики, разведчики и географы в борьбе за Памир в XIX века. Монография в документах. М., 2001).
[29] *Федчина В.Н.* Указ. соч. С. 23.
[30] *[Ибн Фадлам]* Путешествие Ибн Фадлана на Волгу, изд. И.Ю. Крачковским, М.; Л., 1939.С. 55-78.
[31] *Sharaf al-Zaman Tahir al-Marvazi.* Shafar al-Zaman Tahir al-Marvazi on China, the Turks, and India... transl. by V. Minorsky. L., 1942. P. 36, 118-120; См. так же: *Толстой С.П.* Древний Хорезм. М., 1948. С. 15; *Раджабов С.* Роль великого русского народа в исторических судьбах народов Средней Азии. Ташкент, 1955. С. 21; *Allworth Edward.* «Encounter», Central Asia; a century of Russian Rule. NY; L., 1967. P. 1-2.
[32] Полное собрание русских летописей. Лаврентьевская летопись. 2 изд. Л., 1926. Т. I. С. 85.
[33] Повесть временных лет (летопись Нестора). Т. I–II. С.; Л., 1950.
[34] *Беляев Д.И.* О географических сведениях в древней России // Записки ИРГО. Кн.VI. СПб., 1852. С. 59.
[35] Повесть временных лет.
[36] Там же. Стб. 266.
[37] Федчина В.Н. Указ. соч. С. 24.
[38] Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою Ордами и с Турцией. Т. I (1474-1505 гг.); Т. II (1508-1571 гг.). СПб., 1884. С. 82.
[39] *Карамзин Н.* История государства Российского. 4 изд. Т. IX. СПб., 1834. С. 634.
[40] *Катанаев Г.Е.* Киргизские степи, Средняя Азия, Северный Китай в XVII-XVIII вв. по показаниям, разведкам, доезжим записям, отчетам, исследованиям западносибирских казаков и прочих служилых людей // Записки Западно-Сибирского отделения Имп. Русского географического общества. Кн. XIV. Вып. I. Омск, 1893. С. 25.
[41] Там же.
[42] *Lobanov-Rostovsky,* Prince *Andrei.* Russia and Asia. NY., 1933. P. 64.
[43] *[Jenkinson Anthony]* The voyage of Master Anthony Jenkinson, made from the citie of Mosco in Russia, to the citie of Boghar in Bactria, in the yeere 1558: written by him-

selfe to the Merchants of Lonndon of the Muscovie companie. E.D. Morgan, ed. // Early Voyages and Travels to Russia and Persia. L., 1886. P. 87.

[44] *Венюков М.* Опыт военного обозрения русских границ в Азии. СПб., 1873. Вып. I

[45] Статейный список посольства в Бухарии дворянина Ивана Хохлова. Сборник Князя Хилкова. СПб, 1879. См., также: *Schuyler Eugene.* Turkestan. Notes of a journey in Russian Turkestan, Khokand, Bukhara and Kuldja by Eugene Schuyler. Phil. Dr Member of the American Geographical Society and the Imperial Russian Geographical Society, etc.. 2 vol. NY, 1876. Vol. 2. P. 273: *In 1620 Ivan Khokhlof was sent on a mission to the Bukharan Khan, Imam Kuli. In his instructions it was said that if any duties or payment should be demanded in order to admit him to the Khan, he should not pay them, but should return; and that if the Khan invited him to his table he was not to accept the invitation except on condition that no other foreign envoy should be there, or if any should be there, that they should sit below him. Khokhlof penetrated to Samarkand, and was there received by the Khan. On going into the palace one of the officials desired to take the Tsar's letter from Khokhlof's hand, who refused to give it up. On presenting to the Khan the compliments of the Russian Tsar, and seeing that he did not stand up at the mention of the Tsar's name, he remarked to him that in similar cases out of respect to the name of the Tsar all kings were accustomed to rise. The Khan immediately complied, excising himself on the ground that it was so long since he had received a Russian envoy and had heard the words of the Tsar, that he had forgotten, and assuring him at the same time that the omission was unintentional, and that there was no unfriendliness or real want of respect.*

[46] *Жуковский С.В.* Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие // Труды Общества Российских ориенталистов. № 2. 1915. С. 19.

[47] Статейный список посольства в Бухарии дворянина Ивана Хохлова. Сборник Князя Хилкова. С. 369; *Schuyler Eugene.* Op. cit. P. 328: *...About the same time the Cossacks of the Yaik or Ural, who were in the habit of robbing everybody thay met, plundered some Khivan merchants, and having found out of them about their city and its unguarded state, quikly went through the stappe and actually took the town of Urgentch. They loaded a thousand cards with spoils, and carried off nearly a thousand women. Their succes proved their ruin, for on their way home they were attacked and cut off from water; they were compelled to abandon everything, and were killed nearly to a man, and the memory of their exploit lives only in tradition.*

[48] *Schuyler Eugene.* Op. cit. P. 328: *A second expedition of the Cossacks had the same fate, and the third fared even worse. Being caught by a severe winter the Cossacks lost the road, and were obliged from hunger to kill and eat each other, while the survivors were captured and enslaved by the Khivans.*

[49] Цит. по: *Lobanov-Rostovsky,* Prince *Andrei.* Op. cit. P. 66: *The Czar of Balkh, SoupconKuli Khan wants to be friendly with the Great Emperor, Czar and Grand Prince Alexis Mikhailovich, autocrat of Great, Little and White Russia. Soupcon Kuli Khan says that if the Great Czar desires to send envoys of travellers to Balkh, India or and other state, he will accord them protection and let them through his domains. The Indian road passes through Balkh and goes through inhabited lands. There are no brigands, no harm can occu and there are no duties levied.*

[50] См.: Хождение за три моря Афанасия Никитина 1466–1472 гг. Под ред. В.Д. Грекова и В.П. Андриановой-Перетц. М., 1944; *Семенов Л.С.* Путешествие Афанасия Никитина. М., 1980 и др.

[51] *Lobanov-Rostovsky,* Prince *Andrei.* Op. cit. P. 67-68.

[52] *Ханыков Я.В.* Пояснительная записка к карте Аральского моря и Хивинского ханства и их окрестностей // Записки Императорского Русского Географического общества. V. СПб, 1851. С. 310-311.

[53] *Уляницкий В.А.* Сношения России с Средней Азией и Индией в XVI-XVII вв. По документам Московского Главного Архива Министерства Иностранных дел // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете. Кн. 3 за 1888 (1889). С. 45-46.

[54] Книга Большому Чертежу. Подгот. к печ. и ред. К.Н.Сербиной. М.; Л., 1950. С. 49–50.

[55] Там же. С. 50.

[56] *Татищев В.Н.* История Российская с самых древнейших времен. М., 1768. С. 506-507.

[57] *Мясников В.С.* Империя Цин и Русское государство в XVII в. М., 1980. С. 71.

[58] Там же.

[59] *Титов А.*Сибирь в XVII в. Сборник старинных русских статей о Сибири и прилежащих к ней землях. М., 1890. С. 30.

[60] Там же. С. 55.

[61] *Гольденберг Л.А.* Подлинная роспись Чертежа Сибири 1667 г. // Труды ИИЕиТ. Т. 42. Сер. История геолого-географических наук. Вып. 3. М., 1962. С. 193-194.

[62] *Федчина В.Н.* Указ. соч. С. 44.

[63] *Ханыков Я.В.* Указ. соч. С. 297.

[64] *Федчина В.Н.* Чертеж (карта) Средней Азии из кабинета Петра I // Сборник докладов научной конференции аспирантов и младших научных сотрудников. М., 1958.

[65] *Федчина В.Н.* Как создавалась карта Средней Азии. С. 46.

[66] *Княжецкая Е.А.* Новые сведения об экспедиции Александра Бековича-Черкасского в Среднюю Азию // Изв. АН СССР. Сер. географическая. М., 1960. № 1; *Княжецкая Е.А.* Судьба одной карты. М., 1964.

[67] *Федчина В.Н.* Как создавалась карта Средней Азии. С. 48-49.

[68] *Lobanov-Rostovsky,* Prince *Andrei.* Op. cit. P. 74.

[69] *Schuyler Eugene.* Op. cit. Vol. 2. P. 329: *...In 1713 a certain Hadji Nefes, a Turkoman, came to Astrakhan, where he bacame converted, and told many stories of the gold which was to be found along the valley of the Amu Darya, and how the Uzbeckks had closed the old channel of the stream which had flowed into the Caspian, and suggested to the Russians to break down the dam and restore the river to its former channel. At the same time, Peter the Great received information from Prince Gagarin, the Governor of Siberia, that in Little Bukhara there was gold sand. The mines in the Ural and in Siberia had not yet been discovered, and this information exceted at once the interest of the great moarch, who ordered two expeditions to be fitted out, one from Siberia into Little Bukhara, and another to Khiva under Prince Bekivich.*

[70] *Lobanov-Rostovsky,* Prince *Andrei.* Op. cit. P. 75.

[71] *Schuyler Eugene.* Op. cit. Vol. 2. P. 329: *...Prince Bekovich occupied three years with surveys of the eastern shore of the Caspian and establishment of various fortified positions, and it was not until June 1717 that he moved over the steppe towards Khiva with an army of 3,500 men, 6 guns, and a train of 200 camels and 300 horses. When about a hundred miles from that city on the banks of the Amu Darya, he had a decisive battle with the Khivans, which lasted three days and ended in their complete defeat. The Khan surrendered himself entirely to the nercy of the Russians, and after obtaining the full confidence of Prince Bekovich, proposed to him to go and take actual possession of Khiva, after dividing his army into several parts for greater conveinience of provisioning it. This was no sooner done than the Khivans treacherously fell upon the separate portions of the expedition, massacred them almost without exception, and sent the dead of Prince Bekovitch as a present to the Amir of Bukhara, who, however, refused to accept it.*

[72] *Allworth Edward.* Op. cit. P. 9; Narrative of the Russian Military Expedition to Khiva Conducted by Prince Alexander Bekovich Cherkasski in 1717. L., 1873. P. 21-39.
[73] *Lobanov-Rostovsky,* Prince *Andrei.* Op. cit. P. 77-78.
[74] *Allworth Edward.* Op. cit. P. 9-10.
[75] РГВИА. Ф. ВУА. № 23293.
[76] *Берг Л.С.* Аральское море. Опыт физико-географической монографии. СПб., 1908.
[77] *Федчина В.Н.* Чертеж (карта) Средней Азии из кабинета Петра I.
[78] *Федчина В.Н.* Как создавалась карта Средней Азии. С. 55.
[79] *Свенске К.* Материалы для истории составления Атласа Российской империи, изданного в 1745 г. // Записки Имп. Академии Наук. Т.9. Кн.II (Приложение). СПб., 1866. С. 113-114.
[80] *Миллер Г.Ф.* Известие о ландкартах до Российского государства с пограничными землями касающихся. СПб., 1761. С. 487.
[81] *Baddeley John F* Russia, Mongolia, China, Being some Record of the Relations between them from the XVIIth Century to the Death of the Tzar Alexei Mikhailovich A.D. 1602-1676, rendered mainly in the form of Narratives dictated or Written by the Envoys sent by the Russian Tzars or their Voevodas in Siberia to the Kalmuk and Mongol Khans and Princes; and to the Emperors of China with Introductions, Historical and Geographical. Also A series of Mapsshowing the progress of Geographical knowledge in regard the XVIth, XVIIth and early XVIIIth Centuries, the texts taken more especially from Manuscripts in the Moscow Foreign Office Archives... 2 vol. [L., 1919]. P. CLXIX.
[82] РГВИА. Ф. ВУА. № 1358 (ч.2) Материалы по Западной Сибири – Исторический очерк распространения русского владычества в Западной Сибири. Л.76.
[83] Сибирский вестник. № XI. 1820. С. 113-136.
[84] *Руссов Степан В.* Путешествие из Оренбурга в Хиву самарскаго купца Рукавкина в 1753 году, с прибавлением разных известий о Киве с отдаленных времен доныне // Журнал Министерства Внутренних Дел. Том XXXIV. № 10. 1839. С. 368.
[85] РГВИА. Ф. ВУА. № 18319. Карта Джунгарии, составленная шведом Ренатом... С. 7-8.
[86] РГАДА. Ф.192. Тобольская губерния. № 37б (подлинник), 37 и 37а (копии).
[87] *Княжецкая Е.А.* Первые русские съемки Западной Сибири // Изв. ВГО. Т. 98. Вып. 4. Л., 1966.
[88] РГВИА. Ф. ВУА. № 18319. Л. 8-9.
[89] Миллер Г.Ф. Известие о песочном золоте в Бухарии и проч. // Ежемесячные сочинения. СПб., 1760.
[90] Paris, Archives Nationales. Fond 2JJ 77 Manuscrits de M. Delisle. Ukraine, Crimée, Mer Noire. File: Mémoires sur la Contachie communiqués par Jean Ounkowsky, capitaine d'artillerie, en 1722-1723. Путешествие Унковского в Джунгарию и комментарии к карте владений контайши, составленной геодезистом Яковом Филисовым в 1722-1723.
[91] Bibliothèque nationale. Département des cartes et plans. Rés, BB, 124, 148 (3): Boucharie (Boukharie) par le Captain Doubrovin, le juillet 1730.
[92] *Baddeley John F.* Op. cit. N.19.
[93] РГВИА. Ф. ВУА. № 18319. Л. 1.
[94] РГВИА. Ф. ВУА. № 18319. Л. 10, Nouvel Atlas de la China, par M-r d'Anville a la haye, à Paris, 1737.
[95] *Федчина В.Н.* Как создавалась карта Средней Азии. С. 64.
[96] РГАДА. Ф. 192. Атласы. № 7.
[97] *Федчина В.Н.* Как создавалась карта Средней Азии. С. 69.

[98] Там же.
[99] Там же.
[100] ГАОО. Фонд 3. Оп. 1. № 30. Л. 93-98
[101] Там же. № 73. Л. 17-20.
[102] РГВИА. Ф. ВУА. № 1358 (ч.2) Материалы по Западной Сибири – Исторический очерк распространения русского владычества в Западной Сибири. Л. 76 об.–77.
[103] *Khodarkovsky, Michael.* Where two worlds met: the Russian state and the Kalmyk nomads, 1600-1771. Ithaca, 1992. xiii+[3]+278+[1]p. maps. Pages 232-235. Сведения по истории ойратов (калмыков) и географии западных областей Монголии приводятся Н.Я. Бичуриным (о. Иакинфом) в его «Описании Чжунгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии» (СПб, 1829 г.) и в «Историческом обозрении ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени» (СПб,1834 г.); новое издание: *Бичурин Н.Я.* Историческое обозрение ойратов или калмыков с 15 столетия до настоящего времени. Элиста, 1991.
[104] *Schuyler Eugene.* Op. cit. Vol. 1. P. 338-339.
[105] *Baddeley John F.* Op. cit. P. CXC.
[106] Ibid. P. CLXIX, CXC.
[107] Ibid. P. CXC.
[108] РО РНБ. Ф. Дорн. № 757.
[109] Там же. Ф. Китайск. н.с. № 93.
[110] РГВИА. Ф. ВУА. № 1358, ч. II. Л. 77.
[111] Там же. Л. 77-77 об.
[112] Там же. Л. 77 об.
[113] Там же. Ф. 416. Оп. 1. № 4737 *Карта выкопирована. ис карты сочинена в прошлом 1765 году бывшим на сибирских линиях покойным господином генерал-поручиком и кавалером Шпрингером с показанием во оном Зенгорском владении ныне имеющихся от китайского государства горотка и караулов, которые значат на карте краской красной под лит. А*
[114] Там же. Ф. ВУА. № 1851. *Топографическое описание степной стороне заселенной Киргиз-Кайсаками и владениев (с журналами Безносикова, Путинцева, Бурнашева, Поспелова, Телятникова и др.).* Л. 125.
[115] Там же. Ф. 416. Оп.1. № 530. *Карта, сочиненная 1765 описания инженера-прапорщика Зеленова и полку Луцкого вахмистра Спицына...* (масштаб 20 верст в дюйме).
[116] Там же. Ф. ВУА. № 20239.
[117] Там ж., № 20249 (масштаб ок. 30 верст в дюйме)
[118] Там же. № 20249 (масштаб ок. 30 верст в дюйме).
[119] Там же. № 20629.
[120] Там же. № 20264 и № 24681. 1784 г.
[121] Гос. архив Республики Алтай. Ф. 50. Оп. 18. № 5697.
[122] АВПРИ, Ф. СПб. Гл. Арх. II-33, Опись 74, 1780 г.. № 1: *Сведения о Большой Бухарии, собранные переводчиком Мамедьяром Бекчуриным.* Л. 1–4.
[123] Там же. 1785 г.. № 1.
[124] Там же. Л. 1–15 об.
[125] Там же. Л. 14 об.
[126] РГВИА. Ф. ВУА. № 20237 и 20238.
[127] Там же. № 20261.
[128] Там же. № 20268.
[129] Архив РАН (Санкт-Петербургское отделение). Ф. Р. IX. Оп. 1а. № 160.

[130] Там же Оп.1. № 53 (русский вариант). № 54 (латинский вариант). № 55 – то же под названием: «Карта р. Иртыша от вершины до Омской крепости с положением прежде неизвестных древних селений Зюнгорских калмык. Соч. И. Исленьев, 1778». То же: РГВИА. Ф.ВУА. № 24157 (масштаб 100 верст в дюйме. Материал имеется за рубежом, например: Карт. б-ка. Брит. б-ка. № 49652 (I).

[131] Карт. б-ка. Брит. б-ка, СХП. /14.

[132] РГВИА. Ф.ВУА. № 25584.

[133] Там же. № 25585 и 24692.

[134] АВПРИ. Ф. СПб. Гл. Арх. II-33. Оп. 74. 1802 г.. № 9: *Замечания о Хиве бывшего в ней в 1793 году майора Александра Бланкенагеля*. Л. 5–10.

[135] Там же. Л. 5–15 об. Французская версия: Л. 17–20 об. Автор: Le Major Alexandre Blanekennagel. Материалы экспедиции Бланкенагеля в Хиву были впервые частично изданы в 1858 г. русским востоковедом В.В. Григорьевым: *[Бланкенагель А.]* Путевые заметки майора Бланкенагеля о Хиве в 1793-1794 гг. С примечаниями В.В. Григорьева // Вестник Императорского русского географического общества. Часть 22. 1858. С. 87-116.

[136] АВПРИ. Ф. СПб. Гл. Арх. II-33, опись 74, 1813-1814 г. № 4: *Об экспедиции в Киргизскую степь под управлением подполковника Феофилатьева и надворного советника Чекалова, для освидетельствования свинцоваго и серебряного рудников*. Л. 37–37 об.

[137] РГВИА. Ф. ВУА. № 24698.

[138] АВПРИ. Ф. СПб. Гл. Арх. II – 21. ОП. 66, 1800 г.. № 2: *О поездке в Ташкент двух горных офицеров: Бурнашова и Поспелова. 1800-1802 гг.* Л. 16 об. – 43.

[139] РГВИА. Ф.ВУА. № 24697. *Карта кочующих киргис кайсаков и смежных владений, представляющая путь унтер-офицера Безносикова в 1794, 795, 796 и 797 годах до города Бухара, Ташкента и обратно к разным форпостам, с унтер-офицером Бурнашевым* (конец XVIII в.)

[140] Библиотека Русского географического общества. Рук. 69.

[141] АВПРИ. Фонд СПб. Гл. Арх. II – 21. Оп. 66, 1800 г.. № 2: О поездке в Ташкент двух горных офицеров... Л. 1.

[142] Там же. Л. 42-43.

[143] Там же. Л. 22 об.

[144] Там же. Л. 16 об.-43.

[145] Там же. Л. 16 об.

[146] Там же. Л. 18.

[147] РО РНБ, Эрм.собр.. № 271.

[148] Bibliothèque nationale de France's Department of Manuscripts, Anglais 63, M. Boglés # 3. Memorandum about Thibet, ou «Relation de l'ambassade de M. Bogle [George Bogle] auprès du Grand Lama du Tubet». «Offert à la bibliothèque du Roi, ce 28 août 1822, par L. Langlès.» В конце документа указано, что он завершен в Бейхаре 9 июня 1775 года (Beyhar, the 9th of Yune 1775).

[149] *Turner*, Captain *Samuel*. An account of an Embassy to the Court of the Teshu Lama in Tibet by Captein Samuel Turner. L., 1800.

[150] *Markham, Clement R.* Memoir on the Indian Surveys; by Clements R. Markhman, C.B., F.R.S. 2nd ed. L., 1878. P. 419: *The discovery of the journals and other papers of Mr. George Bogle, who was sent on a mission to Tibet by Warren Hastings, and of Mr. Manning, the only Englishman who ever visired Lhasa, furnished a good deal of usful work for the Department during the year 1876. The preparation of an official work on Tibet was sanctioned...*

[151] *Markham, Clement R.* Narratives of the Mission of George Bogle to Tibet, and the Journet of Thomas Manning to Lhasa. edited with notes, an introduction, and lives of

Mr. Bogle and Mr. Manning, by Clement R. Markham, C.B., F.R.S. S.l.: Trübner, 1876).

[152] *Teltscher, Kate.* India Inscribed: European and Britis Writing on India, 1600 – 1800. Oxford UP, 1995; Web site: Romantic Circles – Home / Praxis Series / The Containment and Re-deployment of English India / Kate Teltscher, «Colonial Correspondence: The Letters of George Bogle from Bengal, Bhutan and Tibet, 1770-81.»

[153] Web site: Romantic Circles – Home / Praxis Series / The Containment and Re-deployment of English India / Kate Teltscher, «Colonial Correspondence: The Letters of George Bogle from Bengal, Bhutan and Tibet, 1770-81.»

[154] Oriental and India Office Collection, British Library (OIOC,BL), Eur E226/6: Private Commissions to Mr Bogle, MSS, Indeed before his departure, Bogle had been specifically instructed by Hastings *to keep a diary, inserting whatever passes before your Observation which shall be characteristic of the People, the country, the climate, or the road, their Manners, Customs, Buildings, Cookery, &c., or interesting to the Trade of this Country, Carrying with you a pencil and Pocket-book for the purpose of minuting short Notes of every Fact or Remark as it occurs, and putting them in order at your Leisure while they are fresh in your Memory.*

[155] Bibliothèque nationale de France's Department of Manuscripts, Anglais 63, M. Boglés # 3. Memorandum about Thibet ou «Relation de l'ambassade de M. Bogle [George Bogle] auprès du Grand Lama du Tubet». «Offert à la bibliothèque du Roi, ce 28 août 1822, par L. Langlès.» P. 10.

[156] Там же. С. 12: *This is a service so well established, that their people submitt to it without murmuring, neither sex, nor youth nor age exempts from it. The burden is fastened under the arms upon their backs with a short stick to support while they rest themselves, naturally strong and accustomed to this kind of labour, it is astonishing what loards they will carry. A girl of 18 travelled one day 15 or 18 Miles with a burden of 70 or 75 Pounds weight. We could hardly do it without any weight at all.*

[157] Там же. С. 18-21.

[158] Там же. С. 30: *The Lama's Territory by all accounts in a very different Situation. Its trade with China, and its productions, hold out Temptetions to an Invader, while the Openess of the Country would render it more difficult to withstand his Attacks. This I believe is the real Source of Teshoo Lama's Obstacles to my Journey. The Emperor's Order is only the Veil that covers it. Parade certainly excites this Jealousy, and Awakens Attention; it serves to encrease Teshoo Lama' apprehensions of China, if serious, or to give them a Plausibility, if Pretended.*

[159] Там же. С. 31: *...that when any Turks or – Russians arrived a Guard the Chinese was placed over each; that there was a guard of 1000 Chinese at Lahasa, and that the Lama's Country was held under and protected by that Court.*

[160] Богл не объясняет смысла своего предложения, но не исключено, что под термином Enrize он хочет зашифровать сугубо колониальный слоган – English Rize (Rise).

[161] Bibliothèque nationale de France's Department of Manuscripts, Anglais 63, M. Boglés # 3. Memorandum about Thibet ou «Relation de l'ambassade de M. Bogle [George Bogle] auprès du Grand Lama du Tubet». «Offert à la bibliothèque du Roi, ce 28 août 1822, par L. Langlès.»: *I have made war with the word Fringy which is the name the People here continue to give the English and take any opportunity of attacking it, and Substituting Enrize in its place. The very sound is pityfull, and by comprehending the English, along with every other European Nation, makes them Answerable for what the Portugeze did two Centuries ago; it is enough if we can Answer for ourselves.*

[162] Там же. С. 170: *The more I see of the Booteeas the more I am pleased with them the Common People, are good humored down right and I think thoroughly trusty.*

The Statesmen has some of the Architect belongs to their Profession. They are the best built Race of Men I ever saw, many of them very handsome with Complexions, and as fair as the French...

163 Там же. С. 35.

164 Там же. С. 36-37: *I mentioned that the Manners and Customs of the Country as well as the Plants and Animals were Matters of Curiosity to the Governor, and he had directed me to attend to them but I protested to him that the Force and Number of the Troops, or the Strength of the Country were points so tottaly indifferent that the Governor had desired me not to make the smallest enquiry about them; considering from the Distance of the Countries, the Opposition of the Clemate, and other Circumstances that Bengal had as little to fear from Thibet, as Thibet had from Bengal... I told him to represent strongly to the Lama, the Slight be unmeritedly threw upon Governor by refusing me Admittance into his Country. And with all the different arguments I used I endeavored to interweave his own Interest, as the best Stimulus to his Zeal.*

165 Там же. С. 37-38: *I was honoured with your Letter on my way to Tassesudden, and my heart was rejoiced with the accounts of your Welfare. Your Servants who now return to your Presence will inform you of the Satisfaction, which the Governor my master received from your letter, and that, by your interposition a Peace was Concluded between English and the Debe Riajah, which will last for ever, In this time of general Satisfaction I am arrived thus far, with an Answer from the governor, and some tokens of his regard. He is desirous of Cultivating the Friendship of a Man, whose prayers are offered up for the good of Mankind, and whose Offices are employed in accommodating their differences. For this Purpose I am sent. If I am refused admittance into your Presence my heart will be cast down, and the Head of the Governor will be covered with Shame. Being without a Munshy, I am unable to write further particulars; but the Gosseine will represent them to your enlightened mind.*

166 Там же. С. 159-160.

167 Там же. С. 38: *The Deve Kajah, on the War with the English applied to his Neighbours for assistance representing it is as a Common Couse; that the English «attacked him today and would attack them tomorrow.»... Teshoo Lama was also solicited but being averse from War, and Bloodshed, he refused his assistance and employed his mediation to bring about the Peace.*

168 Там же. С. 51: *13 October (?) 1774 I left Tasheshujon... with W. Hamilton, Mena Settar a Native of Cashmire who had joined me from Rung Poor, and spoke the Language of the Country; a Messenger of TeshooLama who had been sent for me and a servant of the Debe Rajah who was to attend me to the Borders of his Country.*

169 Там же. С. 53.

170 Там же. С. 60.

171 Там же. С. 173.

172 Там же. С. 73: *As I remember what a great discovery the Cutting of Straw was considered in England, I mention this only to show, that Nations indervalued by Europeans, can without the Asistance of Royal Societies, find out the useful arts of Life; and for the rest, whither they be of advantage to mankind, or otherwise is a Question above my reach.*

173 Там же. С. 74-75.

174 Там же. С. 77: *Desheripgay is sitiated in a narrow Valley, and at the foot of an abrupt and Rocky Hill. The Palac is small It is only two Stories High; and is surrounded on three Sides by Rows of small Appartments, with a wood Gallery running round them which are together form a Small Court flagged with Stone. All the Stairs are broad Ladders, The Roofs adorned with Copper Gilt Ornaments and on the front*

of the House – three round Brass Plates. An Emblem of Om, Ham, Hoong. The Lamas Apartments at the Top. It is small and hung round with different Coulered Silks, Views of Potallo, Jeshoo Loomboo at.c. About two miles of Desherigay is the Castle of Chamnamning.

[175] Там же. С. 174.

[176] Там же. С. 79-80: *Teshoo Lama, is about forty Years of age, of low Stature, and tho' not corpulent rather inclining to be fat. His complection is finer than that of most of Thebetans, and his arms are as white as those of European. His hair, which is jet black is cut very short; his Beard and Wiskers never above a month long. His Eyes are small and Black, the expression of his contenance is smiling and good humored. His father was a Thebetian, his Mother a near Relation of the Rajah's of Ladack. From her he learned the Hindoston language, of which he has a moderate knowledge, and is fond of Speaking it. His disposition is open, candid and generous. He is extremely merry, and entertaining in conversation, and tells a pleasent Story with a great deal of humor and Action. I endavoured to find out his Charades. Those defects which are unseperable from Humanity, but he is so Unuversally belowed, that I had no success, and not a man could find in his heart to speak ill of him.*

[177] Там же. С. 84-85.

[178] Там же. С. 174-175: *Teshoo Lamas Character and abilities, his having discovered and placed the Present Delay Lama in the Chair at Potalo; his being favoured by the Emperor of China, and his having obtained from him the appointment of Gesub Kembocay, the Present Chief give him great influence. The Seat of Government, howeever at Lahassa. The Emperor of China is Paramont Sovereign, and is represented by two Chineze Officers who are changed every two Years. These Men are to report to their Court the State of this country, but I am told, seldom interfere in the management of it, which during Delay Lama's Minority is entrusted to Gesub and four ministers. Teshoo Lama has a Number of Villages and Monasteries belonging to him which are scattered over Thibet, and intermixed with those of the Delay Lama. To attempt to explain the nature of a Goverment where so many different Interests are blended together would oblige me to enter into Details which as my imperfect Knowledge of the Country might hardly justify.*

[179] Там же. С. 182: *About Seventy Years ago the Emperor of China acquired the Sovereighnty of Thibet in the way that Sovereignties are geberally acquired; by interfeering into Quarrels betwee two conflicting Parties.*

[180] Там же. С. 188: *The Present Emperor is of Violent and imperious Temper... He has partly by arts, unworthy of a great Monarch reduced the Calmacks to strict subjection...But for these several Years past, and the Quarrels about the boundarries, and Migration of Subjects between him and the Court of Petersburg, are likely to come to a Rupture, when I imagine he will get himself heartily drubbed, The Lama is endavoring to prevent it; but the Chinese seem to be in the wrong, and the Emperor's haughty mind cannot stop to make concession.*

[181] Там же. С. 86.

[182] Там же. С. 96: *From the day of our arrival at Teshoo Loombo till the 18th January [1775] the Lama was engaged in receiving Visits and presents. Among the rest of his Votaries were a large Caravan of Calmacks, who offered up to his Shrine, Ingots of Silber, Furs, pieces of Silk and dromedaries. They remained about a month at Teshoo Loombo and then proceeded to Lahasa, where they spent about ten dys, and they returned to their own country which was about three Months Journey to the Northward.*

[183] Там же. С. 101: *The Cielings of the Gallery is covered with satins, of a Variety of Patterns, some Chinese, some Calmack, some European, brought through Russia and over land.*

[184] Там же. С. 102-103: *He said he liked the Russians for their Emnity to the Chineze who were a base treacherous and Scoundrally People. I confess, I was a good deal surprised... till I discovered that he had been in the Service of Wang Coosho, the last of the Thibet Rajahs, who about twenty five years ago, was treacherously put to death by the Chineze at Lahassa.*

[185] Там же. С. 106.

[186] Там же. С. 109: *I know not but I could not help sometimes fancying that it much resembled an European.*

[187] Там же. С. 111: *The Tartarian Lama, who has been sent as Envoy from the Great Urga Lama, called by the Hindoos Taranot, he is a Native of Ladack, but has resided long in Tartary, is a pleasant and entertaining Man, and brought me a Potfull of Tea and a Handkerchef. I wanted to return his Visit, but he excused himseld on account of his attendance on Teshoo Lama. He remained sometime after the Departure of the Calmack Pilgrimage for Lahassa, and paid me another Visit before he set out.*

[188] Там же. С. 113-114.

[189] Там же. С. 130. *I will plainly confess, said he, that my reason for at first refusing your admittion was that many people advised me against it. I had heard also much of the Power of the Fringies; that the Company was like a great king, and fond of War and Conquest...*

[190] Не исключено, что Тешу Лама имеет ввиду отцов-иезуитов – участников съемок проводившихся в 1756-1760 гг. по указу китайского императора, Цяньлуна. Правда неяно, как тибетцы могли выдворить из страны представителей Империи, являвшейся сюзереном Тибета, тем более, что иезуиты имели высокие титулы китайских мандаринов.

[191] Bibliothèque nationale de France's Department of Manuscripts, Anglais 63, M. Boglés # 3. Memorandum about Thibet ou «Relation de l'ambassade de M. Bogle [George Bogle] auprès du Grand Lama du Tubet». «Offert à la bibliothèque du Roi, ce 28 août 1822, par L. Langlès.» P. 133 -136: *He asked me if Russia was near England, I unswered that it was at a good distance and many Intermediate Powers between them... He enquired if we worshiped the cross or Christ making a cross with his fingers, and adding that formearly some Fringy Padres were at Lahassa who worshiped the Chist but they bred disturbances and were turned out of the country...He produced some Russian coines and concluded with mentioning the disputes which often exist between that country and China about their Boundaries, and the Subjects [of] that Desert from one Frontier to the other... He observed Charitably that we all Worshiped the same God but under different Names, and all aimed at the same Object although we pursued different ways. – The answer I gave him was in the same tolerating Spirit. – For I am not sent as a Missionary; and after so many able and Ingenious Jesuits, dressed in the Habits of Apostles, and armed with Beads & Crusrfixes, have tried in vain to convert unbelieving Nations, I am not so arrogant as to think my labors would be successfull.... He showed me a Plan of Teshoo Loomboo, his Palace and of Potallo, that of Dalay Lama. They were in no link of Symmatry.*

[192] Там же. С. 147: *That the English were far from that Quarrelsom People, which some evil minded Persons represented them to be; and wished not for extent of Territories; that as they entrusted with the management of Bengal, they only wished that it should remain in Tranquility.*

[193] Там же. С. 179: *Goats, which produce the Shacol Wool; 8 lowtailed Cattle; 8 sheep; 8 dogs. NB. The Wool of these Goats grows under the long Hair with which they are covered. It is exported to Cashmire from the adjacent Provinces of Thibet, and the White Shawls are manufactured of it. The Sheeps Wool is made into narrow coarse cloth of a Variety of Kinds. They are also used in carrying burdens, one meets flocks of them from the Debe Rajah's Country with two Bags, hung across their Backs con-*

taining each 10 or 12 Pounds of rice. The Cattle that produce Cow Tails are also natives of Tartary, and are every where employed in Transporting Goods. For there are no wheel carriages in Thibet.

194 Там же. С. 6-7: *The Calmacks, who with their wifes and families annually repair in numerous Tribes to pay their Devotions at the Lama's Shrines bringing their camels loaded with furs, and other Siberian goods.*

195 Там же. С. 186-187.

196 Там же. С. 124: ***A necessary Caution.*** *The above Memorandums ought to be read with Grains of Allowance, I Have attempted to set them down faithfully, but I cannot answer for myself, for I am apt to be pleased, when I see others desirous of pleasing me, to think a think is very good when it is the best I can get, and to turn up the white side of every thing. A Man more sagacious and distinguishing then myself, might probably give a more different Account of his Reception in Thibet. But I could only put down what occurred to myself. If my Temper has warped me it was not my intention.*

197 *Richardson, H.E.* George Bogle and his Children // The Scottish Genealogist. 29. 1982. P. 73-83.

198 OIOC, BL, MSS Eur E226/77(h): Bogle to Hastings, 5 December 1774; MSS Eur E226/77(i): Bogle to George Bogle Senior, 8 January 1775.

199 Web site: Romantic Circles – Home / Praxis Series / The Containment and Re-deployment of English India / Kate Teltscher, «Colonial Correspondence: The Letters of George Bogle from Bengal, Bhutan and Tibet, 1770-81»

200 ГАДА ПНР, Картографическая коллекция. № 551-9, Atlas Moderne ou Collection de Cartes sur toutes les parties du geobl Terrestre par Plusieurs Auteurs & & & Paris, 1762, n 24: L, Asie divisee eu ses principaux etats .

201 Карт. б-ка, Брит. б-ка. Maps 141. a.1.2. Asia agreeble to the most approved Maps and chart by T.Kitchin Geogr. hydrographer to his Majesty. Publ. as the Acts Directs, 8th Oct. 1774, London.

202 Карт. б-ка, Брит. б-ка, CXII/17-b; ГАДА ПНР, 542-32 «Imperii Russici pars Orientem Spectans. Tab. II da ex optimis Subsidiis delineata a.C. Mannert Norimbergae. Proftat in Officina L.G. Schneideriana ab Imperatore Augosto Speciali privilegio ornata, 1794.

203 Карт. б-ка, Брит. б-ка. СХП /16 (конец XVIII в.). Carte Générale de L'Empire de Russie.

204 Путешествие во внутренность Китая и в Татарию, учиненное в 1792", 1793", 1794" годах Лордом Макартнеем, посланником английского короля при Китайском императоре... Пер. с франц. Ч. I. М., 1804. С. 376.

205 РГВИА. Ф. ВУА. № 20295. Ostlicher Theil des Russischen Reiches oder Sibirien mit den Kurilischen & Aleutischen... von F.L. Gutsefeld, Nürnberg, 1805.

206 Карт. б-ка, Брит. б-ка. № 60330 (3). A New Map of Chinese and Independet Tartary from the latest Authorities by John Cary, Engraved, 1806 (London).

207 Ягеллонская библиотека (г. Краков), M 8/9 Charte von China und den angränzenden Ländern und Völkerschaften so wie sie dem letzten Kaizer Tschien-Long unterworfen waren. Aus der Englischen Beschreibung der Gesandschaftsreise des Grafen Makartney ent... und reduziert. Prag, 1812. Abregé de Géographie Moderne... par S.F. Lacroix, géographie ancienne par J.B. Barbie du Bocade.., P., 1811.

208 Клапрот, Герих Юлиус /Klaproth, Heinrich Julius/ (1783-1835 гг.) родился в Берлине в октябре 1783 года в семье известного химика Мартина Генриха Клапрота. С ранней юности он целиком погрузился в изучение азиатских языков, и уже в 1803 году завершил получивший широкое распространение *Asiatisch Magazin* (Weimar, 1802-1803). Эта публикация во многом способствовала успеху его обращения в Санкт-Петербургскую Академию с предложением о

своих исследованиях по востоковедению. В 1805 году он входил в состав посольства графа Головкина в Цинский Китай. Посольство хотя и не имело дипломатического успеха, но доставило в российскую столицу значительные научные материалы, среди которых были китайские карты и описания, добытые Клапротом, а также – его собственные этнографические и географические наблюдения, которые были им произведены не только по пути посольства, но также во время довольно длительного периода, проведенного в районах русско-китайской границы. По возвращении из посольства Юлиус Клапрот был командирован Санкт-Петербургской академией на Кавказ для этнографических и лингвистических исследований (1807-1808 гг.). В течение последующих четырех лет он участвовал в подготовке ряда ориенталистских публикаций Академии. В 1812 году Клапрот переехал в Берлин; но в 1815 году он навсегда обосновался в Париже, а в 1816 году Александр Гумбольдт выхлопотал для него у прусского короля звание и жалование профессора азиатских языков и литературы, с разрешением оставаться в Париже столь долго, сколь потребуется для завершения и публикации его работ. Юлиус Клапрот скончался в Париже в августе 1835 года.

209 АВПРИ. Фонд СПб. Гл. Арх. II. Оп. 66. 1804 г.. № 1: *О предложении Доктором Философии Клапротом услуг своих России для распространения сведений о Сибири и Китае.* Перевод. Л. 2 – 3. Подлинник на французском языке – Л. 5 об.

210 РГВИА. Ф.447. Оп.1. № 110. Казахстан и Средняя Азия показаны на лл. 1, 8, 16.

211 АВПРИ. Ф. СПб. Гл. Арх. II-26. Оп. 71, 1799-1808. № 2: *О поднесении Государю Императору переводчиком Владыкиным карты Китая, плана Пекина, трех, составленных им словарей Маньчжурско-Русского, Китайско-Маньчжурского и Русско-Китайского и двух им же переведенных с Китайского языка книг: «Летописей Китайских царей» и «Собрание указов Китайских императоров» и карты Китая, переведенной на Русский язык и о пожалование за сие Владыкину награждений.*

212 АВПРИ. Ф. СПб. Гл. Арх. II-26. Оп. 71, 1799-1808. № 2. Л. 1-1 об.

213 Там же. Л. 2.

214 Там же. Л. 3, 6-6 об., 9, 12.

215 Там же. Л. 20.

216 См, например: Bibliothèque nationale. Department des cartes et plans: Rés.[Ge D 25949, Ge D 25948: Asia Centrale [1759-1772].

217 АВПРИ. Ф. СПб. Главный Архив. II-26. Оп. 71, 1816 год. № 4: *О китайских лексиконах, взятых академиком Клапротом из Библиотеки Московского архива, – об исключении Клапрота из числа членов Академии Наук, потере им посему случаю права на Русское дворянство и об отыскании во Флоренции ящщика с книгами Клапрота, оставленного им в заклад.* Л. 16-16 об.

218 Там же. Л. 31.

219 Там же. Л. 17.

220 Там же. Л. 33-33 об.

221 Там же. Л. 32-32 об.

222 Там же. Л. 35-36 об.

223 Департ. восточных рукописей и печатных книг Брит. б-ка, 11. 706. Plut. CLXXXIX.H (1909). Cartes de la Chine, Cochin Chine, Tartarie, etc.. F. 5 (Омская провинция в Северной Татарии).

224 Там же. F. 37, 38 (Или).

225 РГВИА. Ф. 447. Оп.1. № 250, Carte D'une parte de L'Interieur de L'Asie; Premiere partie... Dressée en grande partie les cartes levées d'après les ordres de l'Empereur

Khian-Loung. Par Les Pères Hallerstein, Felix-da-Rocha et Espinha. Traduit du Chinois par Jules Klaproth, 1819.

226 РГВИА. Ф.ВУА. № 20297. Карта Сибири. Сочинена гр. Мантейфелом. Издаваема коллежским ассесором Максимовичем, но гравировкою не кончена в 1806 и1807 годах. Л.4-5.

227 *The suffering under which the population of India Groans have inspired France and Russia with liveliest interest; and two governments have resolved to unite their forces in order to libirate India from the tyrannical and barbarous yoke of English. Accordingly the princes and peoples of all countries through which the combined armies will pass need have no fear; on the contrary, it behaves them to help with all their strength and means so beneficent and glorious an undertaking; the object of this campaign being in every respect as just, as that of Alexander the Great was unjust, when he wished to conquer the whole world.* (IOLR, MSS, Eur F 112/610; *Curzon George N.* Russia in Central Asia in 1889 and the Anglo-Russian Question by Hon. George N. Curzon, M.P. Fellow of all Souls College, Oxford. Second Ed. (L.; N.Y., 1889. P. 324).

228 Детали этого проекта и попытки его осуществления см.: Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Выпуск 16, (СПб, 1885); Выпуск 23, (СПб., 1886).

229 АВПРИ, СПб. Гл. Арх. II-33, 1809-1837 г. опись 74. № 1: Географические, исторические и статистические сведения об Афганистане. Л. 2-3.

230 Там же. № 3. Л. 1–4об.

231 Там же. Л. 1об.

232 Там же. Л. 6-16об.

233 Там же. № 5. Л. 1-2. В деле приведена *Ведомость этих* [возвращенных] *лиц*: Л. 8-9.

234 Там же. Л. 4.

235 АВПРИ, СПб. Гл. Арх. II-21, 1802 г. Оп. 66. № 1: *О дозволении Бухарцам ездить в Мекку чрез Оренбург, Троицк, Петропавловск и Астрахань и постановленных на это правилах.* Л. 2

236 АВПРИ, СПб. Гл. Арх. II-33, 1802 г. Оп. 74. № 8: *Выписка из описания пути в Ташкент в 1800 году Берг-гешворенов штата Колывановских заводов Поспелова и Бурнашова, составленного Поспеловым в 1802 г.* Л. 9об.

237 *Федчина В.Н.* Как создавалась карта Средней Азии. М., 1967. С. 79.

238 АВПРИ, СПб. Гл. Арх. II-33, 1802 г. Оп. 74. № 8: *Выписка из описания пути в Ташкент в 1800 году Берг-гешворенов штата Колывановских заводов Поспелова и Бурнашова, составленного Поспеловым в 1802 г.* Л. 1 – 2об.

239 РГВИА. Ф. ВУА. № 24668.

240 РГВИА. Ф. ВУА. № 24729; АВПРИ. Ф. СПб. Гл. Арх. II-33. Оп. 74, 1811-1812. № 1: *Общие сведения о Кокане, составленные Павлом Катенским и переводчиком Мамедьяровым и список городов, состоящих во владении Кокандского Бека Омар-Мухаммеда.* Л. 7 -10.

241 АВПРИ. Ф. СПб. Гл. Арх. II-33. Оп. 74, 1811-1812. №1: *Общие сведения о Кокане, составленные Павлом Катенским и переводчиком Мамедьяровым и список городов, состоящих во владении Кокандского Бека Омар-Мухаммеда.* Л. 1.

242 РГВИА. Ф. ВУА. № 24732.

243 Госархив Алтайского края. Ф. 50. Оп. 18-1. № 891; РГВИА. Ф. ВУА. № 20299б (изд. 1817 г.)

244 АВПРИ. Ф. СПб. Гл. Арх. II-21. Оп. 66, 1803 г. № 2: *О доставлении Коллежскому Ассесору Панснеру средств к изучению татарского языка.* Л. 1.

245 http:www.mineral.ras.ru/hist_e.html: The History of the Russian Mineralogical Society.

[246] РГВИА. Ф. ВУА. № 21017.
[247] Там же. № 20646, 20647 (л.7); Карт. отдел ГПБ им. М.Е.Салтыкова-Щедрина (шифр: К I-Росс / 54 4; Карт. отдел БАН (шифр 1931/216); РГИА. Ф.1424. Оп.1. № 44; ЦГА Каз. ССР. Ф.689. Оп. 1. №3.
[248] Карт. б-ка, Брит. б-ка, Maps 143. cc.41.
[249] РГВИА. Ф. ВУА. № 20647.
[250] *Есаков В.А.* География в России в XIX – начале XX вв. (Открытия и исследования земной поверхности и развитие физической географии). М., 1978.
[251] *Тихомиров В.В.* Геология в России первой половины XIX века. Часть 1. (М., 1960).
[252] *Бурнштейн Е.Ф.* У истоков рудного Казахстана // Природа. № 6. 1999. С. 27-39; *Он же.* Экспедиция И.П. Шангина в Казахские степи в 1816 году // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отд. геол. Т. 75. Вып. 3. 2000. С. 57-63; *Он же.* Начало высшего горного образования в России и первый отечественный горный инженер // Региональная геология, глубинное строение и металлогения. СПб, 2000): 52-53; *Он же.* Шангины – исследователи Южной Сибири и Казахских степей. Отв. ред. Е.Е. Милановский. М., 2003. 230 с. с илл. – (Научно-биографическая литература).
[253] *Бурнштейн Е.Ф.* У истоков рудного Казахстана. С. 30.
[254] *Чухров Ф.В.* Зона окисления сульфидных месторождений степной части Казахстана. М., 1950. 244 с.; *Бурнштейн Е.Ф.* Экспедиция И.П. Шангина в Казахские степи в 1816 году. С. 58.
[255] *Бурнштейн Е.Ф.* У истоков рудного Казахстана. С. 28.
[256] Там же. С. 30.
[257] *Паллас П.С.* Проект экспедиционных исследований, представленный в 1775 г. в Конференцию Академии наук // Труды АН СССР. Вып. 4. М.;Л., 1940. С. 133-135.
[258] РГВИА. Ф. ВУА. № 18539: Атлас И.П. Шангина. 37 лл; *Бурнштейн Е.Ф.* Экспедиция И.П. Шангина в Казахские степи в 1816 году. С. 58.
[259] РГВИА. Ф. ВУА. № 25995.
[260] Подробнее об этом см.: *Постников А.В.* Схватка на «Крыше Мира»: Политики, разведчики и географы в борьбе за Памир в XIX веке (Монография в документах).. М., 2001.
[261] *Бурнштейн Е.Ф.* Экспедиция И.П. Шангина в Казахские степи в 1816 году. С. 58.
[262] *Он же.* У истоков рудного Казахстана. С. 35-38.
[263] Цит. по: *Бурнштейн Е.Ф.* Экспедиция И.П. Шангина в Казахские степи в 1816 году. С. 63.
[264] *Бурнштейн Е.Ф.* Начало высшего горного образования в России и первый отечественный горный инженер. С. 53.
[265] *Он же.* Экспедиция И.П. Шангина в Казахские степи в 1816 году. С. 63.
[266] РГВИА. Ф. ВУА. № 18539, 1816 год.
[267] РГВИА. Ф. ВУА. № 18539: Атлас И.П. Шангина. 37 лл.
[268] [*Шангин И.П.*] Извлечение из описания экспедиции, бывшей в Киргизскую степь в 1816 г. // Сибирский вестник Гр. Спасского. 1820. IX. Кн. 1, 2, 3; XI, Кн. 7; *Шангин И.П.* Исторические известия об открытии диоптаза с кратким описанием месторождения оного // Труды Санктпетербургского минералогического общества. Т. 1. СПб., 1830. С. 390-399; *Schangin I.P* Historische Mitteilung über die Dioptasentdeckung und kurze Beschreibung dessen Lagers. Schriften der in StPetersbourg destifteten Russischen Gesellschaft für die gesamte Mineralogie. Bd. 1. 1842. S. 124-131.
[269] *Гродеков Н.И.* Война в Туркмении. СПб., 1883. С. 89.

[270] *Муравьев Н.Н.* Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 г.г. Гвардии генерального штаба капитана Николая Муравьева, посланного в сии страны для переговоров. Ч. 1-2. М., 1822; *Murav'ev N.* Voyage en Turcomanie et à Khiva, fait en 1819 et 1820. Par M.N. Mouraviev... contenant le journal de son voyage, le récit de la mission dont il était chargé... tr. du russe par M.G. Lecointe de Laveau... revue par M.M. J.B. Eyriè et J. Klaproth. P., 1823. vi, 398 p., front., fold. map, fold. tab.; *Murav'ev N. N.* Journey to Khiva: through the Turkoman country / by Nikolay Murav'yov. L., 1977. xvii, 177 p., [13] leaves of plates (2 fold.): ill.

[271] *Федчина В.Н.* Как создавалась карта Средней Азии. С. 82-83; РГВИА. Ф.386. Оп. 1. № 2154, Топографическая карта путей, совершенных экспедицией в Киргизскую степь. Масштаб 1 верста в дюйме, 123 л.

[272] АВПРИ. Ф. СПб. Гл. Арх. II-21. Оп. 66, 1820-1821 гг. № 2: *Об отправлении доктора Эверсмана из Оренбурга в страны Средней Азии, с предложением окончить путешествие это выходом через Тибет и Кашмир и Белугжистан, в Индию, а оттуда возвратиться в Россию.* Л. 1-7 – *Записка Оренбургского военного губернатора о докторе Эверсмане от 6 января 1820 г. на имя Министра иностранных дел Графа К.В. Нессельроде.*

[273] Там же. Л. 11-15.

[274] Там же. Л. 16.

[275] Там же. Л. 23.

[276] Там же. Л. 26-26об.

[277] Там же.. Л. 27об. – 33.

[278] Там же. Л. 34.

[279] Там же. Л. 35 – 35об.

[280] *Федчина В.Н.* Как создавалась карта Средней Азии. С. 84.

[281] РГВИА. Ф. 386. Оп. 1. № 2158: *Топографическая карта путей, совершенных экспедицией в Киргизскую степь.* Масштаб 1 верста в дюйме, 123 л.

[282] РГВИА. Ф. ВУА. № 20300; *Федчина В.Н.* Как создавалась карта Средней Азии. С. 84.

[283] *Meyendorff C.* Voyage d'Orenburg a Boukara fait en 1820. P.,1826.

[284] АВПРИ. Ф. СПб. Гл. Арх. II-33. Оп. 74. 1819-1828 гг.. № 2: *О доставлении Начальству Главного Штаба Е.И.В. разных географических карт Азии...* Л. 3 – 3об.

[285] Там же. Л. 2.

[286] Там же. Л. 31-33.

[287] РГВИА. Ф. ВУА. № 20648. 49 л.

[288] ГРВИА. Ф.386. Оп. 1. № 5864: *Маршрут от крепости Семиполатной Киргизскою степью по тракту к городу Кашкару.* В обобщенном виде материалы Лешева нашли отражение на *Маршрутной карте Пограничной части Омской области с означением владений, принадлежащих Китайскому государству и дикокаменным кыргызцам. Составлена с карты Средней Азии и пополненная со сведений чиновников 14-го класса Лещева, хорунжаго Шахматова и лекаря Зильберштейна, находившихся для обозрения предполагаемого путеследования купеческих караванов. Город Омск 1826-го года.* Масштаб ок. 50 верст в дюйме. *Подписал обер-квартирмейстер полковник Дьяконов.* – РГВИА. Ф.422. Оп. 1. № 699.

[289] РГВИА. Ф. 386. Оп. 1. № 5864.

[290] РГВИА. Ф. ВУА. № 20301.

[291] РГВИА. Ф. ВУА. № 20303; Ягелонская б-ка (Краков), шифр М 9/13: *Генеральная карта Азиятской России по новейшему разделению на губернии, области и Приморские управления, с показанием путей российских море-*

ходцев, соч. корпуса военных топографов поручиком Позняковым и издана Военно-топографическим депо 1825-го года.

292 РГВИА. Ф. ВУА. № 1358 (ч. 2) *Материалы по Западной Сибири (составлены при Азиатской части Главного штаба генерального штаба полковником Белявским), СПб.: Тип.шт. войск Петр. военного округа.* Л.77 об. (с.8).

293 ПСЗР, 1822 г.. № 29127. Устав о Сибирских киргизах. Ст. 316.

294 Там же.

295 Там же. Ст. 285.

296 РГВИА. Ф. ВУА. № 1358 (ч.2). Л.78 об. (с. 10).

297 Там же.

298 РО ГНБ. Ф. 342. № 999.

299 РГВИА. Ф. ВУА. № 1358 (ч. 2). Л. 79 (с. 11).

300 РГВИА. Ф. ВУА. № 25587.

301 *Федчина В.Н.* Как создавалась карта Средней Азии. С. 87.

302 РГВИА. Ф.ВУА. № 25673 и ф. 416. Оп. 1. № 540.

303 *Левшин А.* Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. Ч. I. СПб., 1832. С. 25.

304 *Федчина В.Н.* Как создавалась карта Средней Азии. С. 87.

305 РГВИА. Ф. ВУА. № 20667.

306 РГИА. Ф. 1264,оп.1. № 261. *По представлению генерал-губернатора Западной Сибири о взаимоотношениях России с Китаем в связи с вопросами об охране границ в Киргизской области.*

307 Там же. Л. 7.

308 Там же.

309 *Борнс А.* Путешествие в Бухару в 1831, 1832 и 1833 г.г. Остиндской компанейской службы Александра Борнса. [СПб] ч. 1, 1848; Ч. II, 1849 ; Ч. III, 1850. С. 268.

310 Там же. С. 232.

311 *Федчина В.Н.* Как создавалась карта Средней Азии. С. 91-92.

312 РГВИА. Ф. 417. Оп. 1. № 32; Записки Военно-топографического Депо, ч. XXIV. СПб., 1863. С. 23.

313 АВПРИ. Ф. СПб. Гл. Арх. II-21. Оп. 66; 1838 год. № 2: *Об отправлении отставного штаб-ротмистра Платона Чихачева в страны Средней Азии.* Л. 23 – 27об.

314 Там же. Л. 40-40об.

315 *Федчина В.Н.* Как создавалась карта Средней Азии. С. 92.

316 A narrative of the Russian Military Expedition to Khiva under General Perofski in 1839. Calcutta, 1867. P. 150, 165-157, 163); *Ханыков Я.В.* Пояснительная записка к карте Аральского моря и Хивинского ханства с их окрестностями // Записки ИРГО. Кн. V. СПб., 1850. С. 334.

317 РГА ВМФ. Ф. 1331. Оп. 2. № 103; Архив РГО, Картографическая коллекция

318 РГВИА. Ф. ВУА. № 20307.

319 АВПРИ. Ф. СПб. Гл. Арх. I-5. Оп. 4. 1840-1846 гг. № 3: *Об отправлении полковника Бутенева в Бухарию и о пребывании его там.* Л. 89.

320 Там же. Л. 6 – 6об.

321 Там же. Л. 67 – 71об.

322 Там же. Л. 89 – 94об.

323 АВПРИ. Ф. СПб. Гл. Арх. I-5. Оп. 4, 1840-1846 гг.. № 3: Об отправлении полковника Бутенева в Бухарию и о пребывании его там. Л. 113-115.

324 Там же. Л. 119-120: *Из письма Вице-канцлера Бутеневу, от 17 марта 1841 г.* № 727.

325 Там же. Л. 140.

[326] Посольство в Хиву капитана Никифорова в 1841 г. // Военный сборник. 1861 г. № II.
[327] АВПРИ. Ф. СПб. Гл. Арх. I-5. Оп. 4. 1840-1846 гг. № 3: *Об отправлении полковника Бутенева в Бухарию и о пребывании его там.* Л. 97об.
[328] Там же. Л. 154 – 154 об.: *Из секретного письма Перовского Нессельроде от 25 октября 1841 г. о прибытии миссии в Бухару (доложено императору).*
[329] АВПРИ. Ф. СПб. Гл. Арх. I-5. Оп. 4. 1840-1846 гг. № 3: *Об отправлении полковника Бутенева в Бухарию и о пребывании его там.* Л. 154об. – 155об.
[330] Там же. Л. 286 – 286об.
[331] Там же. Л. 225-228.
[332] Там же. Л. 287: *Рапорт Н. Ханыкова от 31 июля 1842 года Директору Азиатского департамента Министерства иностранных дел России Льву Григорьевичу Синявину.*
[333] *Khanykov N.* Bokhara; its amir and its people. Tr. from the Russian of Khanikoff. By the Baron Clement A. de Bode. L., 1845. xxvi, 21, 316 p.
[334] АВПРИ. Ф. СПб. Гл. Арх. II-26. Оп. 71, 1842 г.. № 1.
[335] Там же. Л. 1 – 2об.
[336] Там же. Л. 3 – 3об.
[337] Там же. Л. 4 – 4об.
[338] Там же. Л. 5 – 6.
[339] Там же. Л. 7 – 7об.
[340] АВПРИ. Ф. СПб. Гл. Арх. I-5. Оп. 4. 1840-1846 гг. № 3: *Об отправлении полковника Бутенева в Бухарию и о пребывании его там.* Л. 293-294.
[341] Там же. Л. 390-408.
[342] Там же. Л. 412-415об.
[343] Там же. Л. 321-368.
[344] Там же. Л. 421-451об.
[345] Там же. Л. 156 – 157об.
[346] Там же. Л. 157 – 157об.
[347] Там же. Л. 16 об. – 166.: *Из письма Перовского Нессельроде от 21 декабря 1841 г.* за № 43.
[348] Там же. Л. 232-234.
[349] Там же. Л. 174об.
[350] Там же. Л. 180 – 181.
[351] Там же. Л. 213-219 – Справка Ханыкова об английских агентах Стоддарте и Конолли (автограф); подписана 7 августа 1842 г., получена МИД России за № 2286, 9 августа 1842 г.
[352] Там же. Л. 263-263об.
[353] Там же. Л. 170.
[354] Там же. Л. 305 и 387об.
[355] Там же. Л. 471.
[356] Там же. Л. 452.
[357] Там же. Л. 294-295, 297.
[358] Там же. Л. 295об.
[359] АВПРИ. Ф. СПб. Гл. Арх. I-5. Оп. 4. 1842 г. № 2: *Об отправлении в Хиву подполковника Данилевского.* Л. 87.
[360] Там же. Л. 17-17об.
[361] Там же. Л. 19-20.
[362] Там же. Л. 27-28.
[363] Там же. Л. 29об. – 30.
[364] Там же. Л. 31-37.
[365] Там же. Л. 63-70.

[366] Там же. Л. 69.
[367] Там же. Папка 2. Л. 6 – 10.
[368] Там же. Л. 13 оборот – 20.
[369] Там же. Л. 21 – 49об.
[370] Там же. Л. 82.
[371] Там же. Л. 34.
[372] Там же. Л. 36-38.
[373] Там же. Л. 41.
[374] Подлинник договора на русском и персидском языках см.: АВПРИ. Ф. СПб. Гл. Арх. I-5. Оп. 4. 1842 г. № 2: *Об отправлении в Хиву подполковника Данилевского*. Папка 2. Л. 47-48.
[375] АВПРИ. Ф. СПб. Гл. Арх. I-5. Оп. 4. 1842 г. № 2: *Об отправлении в Хиву подполковника Данилевского*. Папка 2. Л. 56-70об.: *Отчет о действиях Российской Имепраторской Миссии в Хиве.*
[376] Там же. Л. 70.
[377] Там же. Л. 71об.
[378] *Atkinson T.W* Travels in the Regions of the Upper and Lower Amoor and the Russian on the Confines of India and China. With Adventures among the Mountain Kirghis; and the Masjours, Manyargs, Toungous, Touzemts, Goldi, and Gelyaks; the Hunting and Pastoral Tribes. By Thomas Witlam Atkinson, F.G.S., F.R.G.S... N.Y., 1860. P. 289-290. *The new town of Vernoje is rapidely springing up on this spot. Russia is thus surrounding the Kirghis hordes withh civilisation, which will ultimately bring about a moral revolution in this country. Agriculture and other branches of industry will be introduced by the Rissian peasant, that whom no man can better adapt himself to circumstances. He is ingenious, can turn his hand to any occupation; indeed, by the aid of his axe and saw alone he will build his dvelling, and he be his own cabinet-maker. He is his own tailor and shoemaker, grows his flax, and his wife and children spin and weave their linen. In short, there are few necessaries which these people cannot prepare. Generally he is a good hunter, and understands the use of his rifle; he can thus procure food wherever game is found. This gives him confidence in his new position, and makes him formidable to an enemy if molested. When once made a free agent his natural capabilities will be developed, and then he will not be behind any European, either in genius or industry. He has my wishes for his freedom!*
[379] Ibid. P. 292-295.

Глава 2

Географические исследования и картографирование в период, непосредственно предшествовавший разграничению и в процессе установления границы между Россией и Китаем в Казахстане и Центральной Азии (середина XIX – начало XX в.)

Продолжение присоединения центральноазиатских владений к Российской империи и географические исследования; работы И.И. Захарова и Т.Ф. Нифантьева

В 1851 г. во главе с Е.П. Ковалевским (1809-1868) была снаряжена русская миссия в Кульджу. Посольство было удачным и завершилось заключением 20 августа 1851 г. Кульджинского договора. Этот договор регулировал, главным образом, условия торговли между Россией и Китаем. Относительно границ ничего определенного решено не было, и только достигнуто понимание, что «пределы Китая» начинаются лишь за его пикетами[1].

Важным этапом в фактическом присоединении Семиречья к России явилось освоение Заилийского края, что закрепляло позиции русских в Старшем казахском жузе, усиливало их влияние в делах с Кокандом, обеспечивало торговые пути в Кашгарию, Тибет, Центральную Азию[2]. В 1854 г. в Заилийском крае было заложено укрепление Верное. Освоение Заилийского края дало возможность оказать помощь казахам Старшего жуза и северным киргизам в борьбе с Китаем и Кокандом. Началось заселение края русскими крестьянами-переселенцами из центральных и сибирских губерний, казачеством. В 1856 г. введенное здесь приставство преобразовывается в Алатавский округ с центром в Верном. С основанием этого укрепления земли северных киргизов стали прилегать к территории, фактически вошедшей в состав России. 26 сентября 1854 г. прииссыккульские киргизы обратились к губернатору Западной Сибири с прошением о принятии их в подданство России. 17 января 1855 г. в Омске они принесли присягу на верность и с этого времени 10 000 кибиток прииссыккульских киргизов стали подданными России и вошли в Алатавский округ[3]. В 1857 г. в районе Аулие-Аты и Чикмента произошло совместное выступление казахов и киргизов против кокандского гнета. Складыва-

лась благоприятная обстановка для успешного продвижения России в северную часть Киргизии. В 1859 г. в пограничном районе Старшего Жуза и северной части Киргизии возводится укрепление Кастек. Отсюда началось продвижение русских войск через Чуйскую долину к кокандским крепостям Аулие-Ата, Чикмент и Ташкент[4]. Тылы этого продвижения были обеспечены еще в 1853 г. взятием кокандской крепости Ак-Мечети, на месте которой был основан форт Перовский[5], о чем мы расскажем подробнее ниже.

Наряду с военными топографами и геодезистами значительную роль в обеспечении быстрого продвижения России в этих районах, а также их освоения в 50-е годы XIX в. играли ученые путешественники и натуралисты. Так, горный инженер А.Г. Влангали в 1849 и 1851 г.г. проводил экспедиционные исследования в Киргизии. Он изучил орографию территории и установил общее направление горных хребтов[6]. Им также были собраны подробные сведения о характере русел и направлениях семи рек, впадающих в озеро Балхаш. Основываясь на тщательных наблюдениях, Влангали подчеркивал, что ранее существовавшее мнение о чрезвычайной возвышенности края ошибочно и что самая высокая отметка местности до озера Зайсан не превышает 1500 футов (500 м.); это соответствует и современным данным. На основании своих исследований Влангали подразделил Семиречье на двечасти: восточную (возвышенную) и западную (низменную). Им составлены первые геогностические (геологические) карты изученного района, на которых указан рельеф, выходы горных пород и наличие полезных ископаемых[7]. Влангали сообщает и о местонахождениях соляных озер и солонцов, а также о распространении лесов. Материалы А.Г.Влангали значительно пополнили картографические представления о территории восточной Киргизии. После него на картах этого края стали изображаться достоверно рельеф, высоты и направления горных хребтов.

Весной 1856 г. из Семипалатинска на озеро Иссык-Куль направилась военно-научная экспедиция М.М.Хоментовского, в которой принимал участие известный казахский ученый Чокан Чингисович Валиханов. В составе экспедиции работала также группа топографов во главе с Яновским. Экспедиционный маршрут проходил через город Верный (Алма-Ата) и долину реки Чилик, затем по реке Чарын, далее вверх по долине реки Каркары, через перевал Салташ в долину реки Тюп и по ней к озеру Иссык-Куль. Таким образом путешественники пересекли Семиречье и Джунгарию. Ч. Валиханов по пути вел дневник, который послужил основанием для ряда его научных трудов. Он старался проследить сложную систему рек, пересекающих Семиреченский край, установить места их истоков и устий, отмечая даже небольшие притоки. На основе своих наблюдений Валиханов подтвердил предположение Влангали о том, что озеро Балхаш и Алаколь сравнительно недавно составляли общий водоем.

Главной задачей экспедиции было изучение озера Иссык-Куль, в связи с чем была произведена первая русская топографическая съемка его восточного и северо-восточного берега до реки Зауку и положены на карту все северо-восточные притоки[8]. Заметим, что первые сведения об этом озере в русской литературе были приведены Нифантьевым в его работе *Сведения о дикокаменных киргизах*.

В 1858-1859 гг. географические работы Ч.Валиханова были продолжены. Он вместе с П.П. Семеновым пересек центральный Тянь-Шань по меридиану с севера на юг. Маршрут проходил через перевал Теректы, города Кашгар и Янги-Гиссар и кончался близ Яркенда. Путешественники доставили географические сведения об обширной ранее неизвестной европейцам территории, занятой пустыней Такла-Макан. Ч.Валиханов первым произвел физико-географическое районирование исследованных районов Киргизии, выделив высокогорные районы, широкое нагорье (или сырт) и западную часть – горные хребты и цепи, чередующиеся с речными долинами и ущельями. На основании своих наблюдений Ч.Валиханов составил схематические карты центральноазиатской территории, нанеся от руки речную сеть, города и горы[9].

Данные, полученные в процессе экспедиционных исследований конца 40–50-х годов XIX в. позволили составить вполне достоверное представление о районах, в которых должно было проходить русско-китайское размежевание. Наибольшее значение среди материалов этих экспедиций имели, конечно, картографические документы, к рассмотрению которых мы теперь приступим.

Следует заметить, что при подготовке к установлению границы с Китаем на территории Киргизии и Казахстана русские военные, востоковеды и дипломаты старались помимо проведения специальных полевых исследований собрать все литературные и картографические источники по этому району, при этом весьма значительное внимание уделялось китайским материалам. Очень видную роль в выявлении и анализе последних играл известный русский синолог, российский консул в Кульдже Иван Ильич Захаров (1814-1885 гг.). Будучи в течение двух лет в составе русской духовной миссии в Пекине, И.И. Захаров имел возможность пользоваться источниками, недоступными для других европейцев, в том числе – материалами астрономических определений, произведенных в Центральной Азии в 50-х годах XVIII в. иезуитами де Роша и де Эспинья и их картами. В частности, как было отмечено ранее, по-видимому, именно И.И. Захаров вывез из Пекина хранящиеся в настоящее время в Отделе рукописей Российской Национальной библиотеки в Санкт-Петербурге *Карты всего Китая и отдельных провинций*[10], изданные в 1842 г. по картам де Роша и де Эспинья. На этих картах в границах Китая показан весь Балхаш и Иссык-Куль. Естественно, что астрономические наблюдения иезуитов и их карты, выполненные в XVIII в. не могли отвечать требовани-

ям, предъявлявшимся к информации о местности во второй половине XIX века, тем более, что речь шла об определении прохождения линии границы между двумя соседними державами, каждой из которых требовались доказательства своих прав на владение приграничными территориями.

Первоначально, на основании литературных источников и китайских карт создавались чисто «кабинетные» картографические произведения вроде *Карты озера Иссык-Куль и сопредельных с ним стран. Составлена действительным Членом имп. Русского географического общества Яковом Ханыковым. 1852 года*[11], которая была в 1853 г. *издана с дозволения Военно-топографического депо*[12]. На этой карте нанесена пикетная дорога от Чугучака и граница от Уласты до хребта *Али-Тау*. В районе Иссык-Куля граница Китая не показана, но надпись названия китайских владений заходит на иссык-кульскую котловину.

Первые инструментальные топографические съемки в Заилийском крае были проведены в 1855 г. Материалы этих съемок сохранились в Российском государственном военно-историческом архиве под названием *Съемка южной части Заилийского края от оз.Иссык-Куль Копальского и Алатавского округов* (масштаб 2 версты в дюйме), 32 оригинала[13]. Эти съемки охватили районы к западу от Иссык-Куля, а 1856 г. во время упомянутой выше экспедиции М.М. Хоментовского была проведена съемка и картографирование самого озера Иссык-Куль и районов к востоку от него. Из материалов этой экспедиции сохранились две карты с топографичнскими описаниями, а именно: *Топографическая съемка частей Земли дикокаменных киргизов Заилийского края и Китайских владений, заключающая 19500 квадр. верст, снятой в 1856-м году корпуса военных топографов поручиком Яновским с топографом 2-го класса Вираксиновым и Коноваловым* (масштаб 5 верст в дюйме); карта заверена *исправляющим должность пристава Большой Орды полковником Хоментовским*[14] и *Карта топографической съемки восточной и западной частей Заилийского края* (масштаб 5 верст в дюйме, 1857 г.)[15]. С работами этой же экспедиции по-видимому, связана снятая в масштабе 5 верст в дюйме *Рекогносцировка юго-восточной части Семиреченской области. Составлена по маршрутам капитана Ларионова*, охватывающая район южнее Иссык-Куля и Каракола[16]. В 1858 г. была проведена также *Инструментальная съемка Алатавского и Копальского округов*[17], к этому времени уже утвержденных в составе России.

На основании всех этих работ в городе Омске при штабе Отдельного сибирского корпуса были составлены две карты, послужившие основными обзорными документами, использовавшимися при проектировании прохождения линии русско-китайской границы в Казахстане и Центральной Азии. Это *Карта Тянь-Шаньского хребта в Западном крае Китайской империи, на основании китайских карт*

и описаний сего края, составлена консулом в Кульдже И. Захаровым и корпуса топографов поручиком Нифантьевым... (масштаб 25 верст в дюйме[18]) и *Карта Западного края Китайской империи.* тех же авторов (масштаб 50 верст в дюйме[19]). Обе рукописные карты выполнены исключительно тщательно и художественно. На них показаны русские и китайские пограничные пикеты, причем среди китайских пикетов различными знаками выделены «постоянные», «временные» и «снятые»; нанесены русские и китайские пикетные дороги, в том числе дорога, соединяющая пикеты Бакты, Маниту, Сары-Булак, Чаган-Тогой, Эргэту, Барлук. Китайская граница показана проходящей по этой дороге, а южнее – по Тянь-Шаню через пик Хан-Тэнгри и восточнее озера Иссык-Куль. На севере в пределы Китая включено озеро Зайсан.

Карты 1858 г. И.И. Захарова и Т.Ф. Нифантьева (1817 – после 1869) в целом довольно достоверно отображали общие оро-гидрографические особенности Семиречья и районов Тянь-Шаня, прилегающих к озеру Иссык-Куль, однако их астрономо-геодезическое обоснование было крайне несовершенным, так как ограничивалось пунктами с координатами широты, определенными иезуитами еще в XVIII в., точность которых естественно не могла быть выяснена даже приблизительно, и двумя пунктами, координаты которых были определены астрономически русскими геодезистами, а именно: устье реки Конурулен в Иссык-Куль и урочище на реке Каратал в Копальском округе[20].

Имея в виду необходимость проверки китайских определений и составления точной карты Русской Джунгарии, для которой не имелось необходимых данных для ее обоснования, Военно-топографическое депо совместно с Русским географическим обществом снарядило в 1859 г. экспедицию *для пополнения вышеказанного пробела, исполнение которой возложено было на генерального штаба капитана Голубева* .[21] Инструкция для этой экспедиции была составлена Географическим обществом[22]. Для того времени экспедиция была очень неплохо экипирована инструментами. В распоряжении геодезистов и топографов имелись: большой и малый отражательный круги Пистора, три карманных хронометра Дента и один бокс-хронометр, малый теодолит-универсал, три барометра, пять ртутных термометров и зрительная труба[23]. Во время следования экспедиции по местностям, где еще не было топографических съемок, прапорщиком Мотковым была произведена маршрутная съемка, а именно: на пути от реки Каркары мимо озера Бородабеун-нор, через буддийский монастырь Сумбэ, до реки Текес и на пути в Кульджу, от прохода Иоген-Таш, через пикет Борохуджир и городок Хоргос до Кульджи[24]. В Российском государственном военно-историческом архиве нами обнаружены подлинные материалы этих съемок под названием *Маршрут следования иссык-кульской экспедиции от устья реки Каркары до китайского монастыря Сумбе и устья реки Урте Муссарт, снятый глазомерно*

топографом 1-го класса Мотковым 2м в 1859 году (масштаб 3 версты в дюйме) [25]. Помимо автора, карту подписал Голубев.

Участниками экспедиции А.Ф. Голубева впервые были определены географические координаты некоторых китайских пикетов, а также укрепления Верное, устья реки Каркары в Кеген, монастыря Сумбэ, пункта на реке Текес, устья реки Туб на Иссык-Куле, устья реки Кутемалды в Иссык-Куль, укрепления Кастек, укрепления Илийского. При поездке в Кульджу определены: город Капал, пикет Алтынмель, поселение Коксу, город Кульджа и поселение Чубар-агач, станица Урджар, город Чугучаг[26].

В Сумбе Голубев определил астрономический азимут «вершины группы Хан-Тенгри, который оказался равен 10 градуса (считая от юга к западу)[27]. Результаты астрономических определений экспедиции сведены в специальную *Таблицу географического положения точек, определенных в Семиреченском и Заилийском краях*[28]. Для нашей темы в этой таблице несомненный интерес представляют координаты китайских пикетов к западу от Чугучака, по которым впоследствии прошла договорная линия границы. Следует заметить, что астрономические определения экспедиции Голубева были высоко оценены известным русским астрономом О.В. Струве. По его оценкам, погрешности определения долготы у Голубева не превышали 1 -2 « времени[29]. К этим оценкам, однако, надо относиться с большой осторожностью, так как, строго говоря, Голубев не имел возможности добиваться столь высокой точности, ибо не располагал достаточным временем для проведения многодневных астрономических определений долготы и широты.

В 1859 г. в районе будущей русско-китайской границы начал инструментальные съемки поручик Нифантьев (участвовавший ранее в создании карты Захарова) и топографы второго класса Размазин и Лошаков. Они составили в масштабе 5 верст в дюйме *Карту топографической съемки пространства между озером Балхашем и хребтом Алатау от реки Каратала до китайских пределов, заключающего 51 360 кв. верст снятого инструментально* .[30], на которой нанесена *условная граница Китайского государтва* и пикеты *Барлык караул* и *Токты караул*.

Определения А.Ф. Голубева (1832-1866) и съемки Моткова, Нифантьева, Размазина и Лошакова, по-видимому, были использованы при составлении Специальной карты Западной Сибири, изданной в 1859 г. под руководством оберквартирмейстера Сибирского отдельного корпуса подполковника И.Ф. Бабкова (1827-1905)[31]. Русско-китайская граница в Семиречье на карте не показана, но на листе № X1У-14 детально отображена пикетная дорога и китайские караулы, в том числе Барлук (Чурлук), Цаган-Тогой, Сары-Булак, Маниту и др.

Новые сведения о Центральной Азии, полученные в 50-х годах X1X в. быстро нашли отражение на русских мелкомасштабных кар-

тах. В качестве примера здесь можно назвать *Генеральную карту Киргизских степей Западной Сибири с показанием путей от пограничных станций и укреплений к Пишпеку и Ташкенту* (1859 г.[32]) и *Карту Азиатской России, составленную по новейшим сведениям и хромолитографированную при военно-топографическом депо в 1860 г*[33]. В примечании к последней указывается, что *карта эта основана на съемках, произведенных в Оренбургском крае, в Сибири и частию на материалах карты, составленной русским генеральным консулом в Кульдже – Захаровым...* Несмотря на мелкий масштаб этих официальных печатных карт, на них нашли отражение китайские пикеты и пикетные дороги в Семиречье. Не случаен заголовок первой из упомянутых нами мелкомасштабных карт, в котором основной целью ее создания объявляется *показание путей от пограничных станций и укреплений к Пишпеку и Ташкенту*. Здесь непосредственно выражена направленность территориального расширения русских центральноазиатских владений.

В 1859 году в пограничном районе Старшего жуза и северной части Киргизии возводится укрепление Кастек. Отсюда началось продвижение русских войск через Чуйскую долину к кокандским крепостям Аулие-Ата, Чимкент и Ташкент. В 1860 году русский отряд вошел в Чуйскую долину. Здесь 26 августа был взят Токмак, а 4 сентября после пятидневной осады – Пишпек. В октябре у Узун-Агача были разбиты значительные силы кокандцев, что обеспечило продвижение русских войск вглубь территории алатаусских киргизов[34].

Пекинский договор и Чугучакский протокол о русско-китайской границе и связанные с ними съемки и картографические работы (1860 -1864 гг.)

Второго (14) ноября 1860 г. был подписан *Пекинский дополнительный договор об определении русско-китайских границ, порядке дипломатических сношений и торговле в Кульдже*[35], где впервые, в общих чертах в Статье 2 была определена не установленная ранее граница между Россией и Китаем на западном участке.

Граничная черта на западе, – говорится в этой статье, – *доселе неопределенная, отныне должна проходить, следуя направлению гор, течению больших рек и линии ныне существующих китайских пикетов, от последнего маяка, называемого Шабиндабага, поставленного в 1728 году . по заключению Кяхтинского договора, – на юго-запад до озера Цзай-сан, а оттуда до гор, проходящих южнее озера Иссык-Куль и называемых Тэнгеришань или Киргизнын Алатау, иначе Тяньшаньнаньлу (южные отроги небесных гор), и сими горами до Коканских владений,*[36].

Совершенно очевидно, что эта формулировка не определяла конкретного прохождения линии границы на местности, а лишь выдвигала основной принцип разграничения – географический – и намечала главные природные ориентиры. В соответствии с этим границу планировалось провести по горным хребтам и крупным рекам, а при отсутствии таких естественных ориентиров она должна была следовать *линии ныне существующих китайских пикетов*. В качестве крупных географических ориентиров в договоре фигурируют озера *Цзай-Сан* (Зайсан) и Иссык-Куль, а также горы: *Тэнгеришань или Киргизнын Алатау, иначе Тяньшаньнаньлу (южные отроги Небесных гор)*»(т.е. Тянь-Шань). Требовалось конкретизировать прохождение линии русско-китайской границы на местности, и в мае 1861 года полномочные комиссары цинского Китая обратились к генерал-губернатору Западной Сибири А.Н. Дюгамелю с просьбой прислать русских уполномоченных в Чугучак. 29 июня 1861 г. Особый комитет в Петербурге принял решение отправить в Чугучак русских комиссаров по разграничению с Синьцзяном. Уполномоченным России был назначен обер-квартирмейстер корпусного штаба в Омске полковник И.Ф. Бабков, а его помощником- капитан И. Андреев. Позже были утверждены: вторым комиссаром – военный геодезист капитан А.Ф. Голубев, третьим комиссаром – русский генеральный консул в Кульдже И.И.Захаров, а управляющим делами комиссии – известный астроном К.В. Струве. В переговорах также участвовал К.А. Скачков. Цинскими уполномоченными были: командующий левым крылом улясутайский цзяньцзюнь Мин И, тарбагатайский хэбэйамбань (помощник корпусного командира) Мин Сюй, сановник Хабцисянь и бригадный командир Болгосу[37]. Первая встреча русских и цинских уполномоченных состоялась в Чугучаке 15 августа 1861 года. В августе-сентябре того же года состоялось еще несколько встреч, в результате которых была достигнута договоренность об открытии официальных переговоров в следующем году.

Ранее было показано, что Россия еще до заключения Пекинского договора придавала большое значение географическому изучению и картографированию территории, по которой должно было проходить разграничение с Цинской империей. Однако, эти работы в большистве случаев имели рекогносцировочный характер, а российской разграничительной комиссии требовались более детальные сведения о приграничной местности. Поэтому перед самым началом переговоров в Чугучаке весной 1862 г. по линии проектируемой русско-китайской границы под руководством И.Ф. Бабкова были проведены детальные топографические съемки в масштабе 2 версты в дюйме (1: 84 000). Подлинные материалы этих работ обнаружены нами в РГВИА. Это: *Съемка по протяжению Русско-Китайской границы от северных отрогов Алатавских гор до хребта Тарбогатайского*[38], выполненная топографом Нифантьевым, и *Съемка юж-*

ного берега озера Зайсана и реки Черного Иртыша, снятая под руководством обер-квартирмейстера Отдельного Сибирского корпуса Генерального штаба полковника Бабкова, корпуса топографов подпоручиком Стрельниковым с топографами 2-го класса Лошаковым и Ларионовым в 1862 г., масштаб в дюйме 2 версты[39] По материалам этих съемок непосредственно для обеспечения работы разграничительной комиссии была составлена *Отчетная карта топографической съемки части западной русско-китайской границы, заключающей 20,678 кв. верст снятой инструментально под руководством обер-квартирмейстера Отдельного Сибирского корпуса генерального штаба полковника Бабкова, корпуса топографов поручиком Нифантьевым и подпоручиком Стрельниковым с топографами 2-го класса Размазиным, Антипиным, Лошаковым и Ларионовым в 1862 году* в масштабе 5 верст в дюйме (1: 210 000)[40]. Внимательное рассмотрение этих материалов убеждает в их значительной ценности для нашей темы.

Какие же данные могут быть получены с использованием этих источников? Во-первых, они объективно отображают географические представления периода, предшествовавшего заключению Чугучакского протокола. Во-вторых, давая такие общие представления, эти карты являются по-существу единственными материалами того времени для реконструкции на современной местности положения объектов, на сегодня полностью или частично утраченных. Естественно, что наиболее важными из таких объектов для нас являются те, которые вошли в текст Чугучакского протокола, а впоследсвии – Петербургского договора. Мы имеем ввиду прежде всего постоянные китайские пикеты и пикетные дороги. Очевидно, что этим объектам при съемках Бабков не мог не уделять первостепенного значения. На двухверстных полевых брульенах и отчетной пятиверстной карте показаны все китайские посты и пикеты, а также дороги с подразделением на «пикетные», «караванные» и «кочевые». Помимо этого выделены: «фермы китайцев«, «могилы киргизские», «золотые прииски» и «каменноугольные копи». Рельеф изображен в условных горизонталях (линиях форм) на полевых брульенах и отмывкой – на отчетной карте. Оценить абсолютную точность этих картографических документов не представляется возможным прежде всего потому, что нам не известны инструктивные и отчетные материалы по их созданию. Однако, смело можно утверждать, что их относительная точность и достоверность были достаточно высоки. Справедливо это прежде всего в отношении взаимного расположения различных объектов внутри отдельных листов (топологии). Правильность передачи ориентировки и взаимного расположения объектов в пределах одного листа достигалась тем, что топографы команды Бабкова развивали местную геометрическую триангуляцию с точным измерением базиса и последующим построением сети на мензульном планшете: на поле-

вых брульенах сохранились изображения базисов и направлений графической триангуляции.

Для инструментальных ходов вероятнее всего использовались существовавшие на местности дороги и, в том числе, пикетные. Конечно, не имея отчетных материалов съемок и полевых журналов, мы не можем установить, по каким конкретно дорогам прокладывались инструментальные ходы, но не исключено, что, учитывая важность поставленной задачи и исходя из общих требований действовавших тогда инструкций, ходы пролегали по большинству из нанесенных на планшеты дорог. Очевидно, что общее астрономо-геодезическое обоснование съемок Бабкова состояло из астропунктов, определенных экспедицией капитана Голубева в 1859 г. Помимо этого в 1862 г. специально для обеспечения работ комиссии капитан Голубев провел определение координат китайских пикетов: Бахты, Маниту, Чиган-Тогой, Барлык, Тохта. Учитывая все выше сказанное, можно утверждать, что, во-первых, все нанесенные на картографические материалы Бабкова объекты (в том числе, пикеты и пикетные дороги) вполне достоверны, то есть они бессспорно существовали на местности в момент съемки, и во-вторых, что эти объекты могут быть перенесены на современные топографические карты (и местность) по мало изменившимся со времени съемки контурам, надежно отождествляемым на картах Бабкова и современной местности. Перенесение по координатам в данном случае по сути дела невозможно из-за недостаточной точности определения географических координат из астрономических наблюдений в то время.

Естественно, что при подготовке к переговорам в Чугучаке в распоряжении Бабкова имелись все материалы съемок Прибалхашья и более южных районов 1858-1859 гг., рассмотренные нами выше. Слабо изученными русскими все еще оставались территории Коканда, на границах которого должна была в соответствии с Пекинским договором замыкаться русско-китайская граница. В 1861 г. М. Венюков составил новую *Карту Кокандского ханства.* в масштабе 10 верст в дюйме[41]. Хотя в заголовке карты и утверждается, что она составлена *по новейшим сведениям*, это схематичное картографическое произведение дает по сути дела лишь распределение различных родов ханства, а географическое распространение его владений не показывает вовсе, так как границы на ней отсутствуют.

Таким образом, перед началом переговоров в Чугучаке в распоряжении русской комиссии имелись относительно достоверные географические и картографические сведения о территориях от Зайсана до южных районов Прииссыккулья. Кокандские владения, расположенные южнее, были почти неизученными.

Конкретные переговоры по разграничению начались в Чугучаке 26 июля 1862 г. Пытаясь помешать реализации условий Пекинского договора, китайские уполномоченные прежде всего стремились снять поня-

тие о различии между постоянными и временными цинскими пикетами и настаивали на признании пикетами чуть ли ни всех разъездов своих военных отрядов и караулов в Семиречье – до Лепсинска и Аягуза включительно[42]. Как отмечал в своих воспоминаниях Бабков, *обозначение границы по линии постоянных китайских пикетов имело для нас особенно важное значение. в том отношении, что при соблюдении этого условия в местности, сопредельной с оз. Зайсан, где постоянные пикеты от Тарбагатайского хребта следовали по прямой линии на север к пикету Манитулгатул-хан и далее к Чингистаю, к владениям России должны были отойти богатый Курчумский и Зайсанский край с оз. Зайсан и низовьями реки Черный Иртыш*[43].

Цинские комиссары пытались также использовать то место в Пекинском договоре (китайский текст), где, по явному недосмотру русских переводчиков, направление пограничной черты от последнего знака уже установленной русско-китайской границы – Шабин-Дабага – указывалось на Запад, прямо к озеру Зайсан, хотя в той же статье договора на русском языке совершенно точно и правильно отмечалось, что *граничная черта на западе, доселе неопределенная*, должна проходить от Шабин-Дабага *на юго-запад до озера Цсайсан*. Несмотря на то, что уже при первом взгляде на карту выяснялась несообразность толкования направления граничной черты, которое содержалось в китайском тексте договора, цинские комиссары старались его отстаивать в расчете на включение в состав Цинской империи значительных территорий Западной Сибири и Казахстана[44]. Этой же задаче были подчинены различного рода экскурсы в историю взаимоотношений маньчжуро-китайцев с казахским, киргизским и другими народами, которые делались цинскими эмиссарами. Здесь китайцы попытались использовать в качестве документов, подтверждающих их точку зрения, старинные карты, на которых фигурировал китайский пограничный знак Лебуши на реке Лепса, поставленный якобы еще во времена императора Цяньлуна (1736-1796 гг.), и все Семиречье обозначалось как владение Цинской империи. Скорее всего, в этом случае китайские эмиссары использовали рассмотренные нами ранее работы иезуитов де Роша и де Эспинья 1756-1760 гг. и основанные на них карты второй половины XVIII – начала XIX в. Как мы видели, эти материалы, а также русские рукописные карты, составлявшиеся в Сибири в этод период, действительно в известной мере могут свидетельствовать о наличии маньчжурской юрисдикции в Семиречье, включая Балхаш во второй половине XVIII в. Со временем власть маньчжуро-китайцев в этих районах слабела, и к середине XIX в. она уже не распространялась западнее линии постоянных китайских пикетов, изображение которых имеется на большинстве китайских и русских карт второй половины XVIII – начала XIX в.

В доказательство «неоспоримых прав« на Лепсу цинские власти ссылались также на какие-то «таблички», якобы оставленные маньчжурами

чжуро-китайскими войсками еще в прежние времена в окрестных холмах. На самом деле эти «таблички» были наспех зарыты цинскими чиновниками уже во время переговоров.

Непосредственно в процессе проведения переговоров по заданиям русских эмиссаров продолжались географические исследования и картографирование южных, еще недостаточно изученных территорий края, в котором проходило разграничение. Так, летом 1863 г. по заданию Бабкова и под его руководством была проведена рекогносцировка путей в Кашгар на Тянь-Шане южнее озера Иссык-Куль. Во время рекогносцировки велись маршрутные съемки в масштабе 5 верст в дюйме, по материалам которых с привлечением других источников была составлена карта *Рекогносцировка путей из Заилийского края в Кашгарию, снятая прикомандированным к корпусу топографов армейской пехоты прапорщиком Колмогоровым в 1863 году и заключающая в себе полуинструментальной съемки 17 800 кв. верст, распросной 200 кв. верст и дополненной со съемки 1862 года 1 500 кв. верст. Река Улахол и Буамское ущелье сняты в 1862 году*[45]. Помимо этой крупномасштабной карты было составлено подробное описание маршрутов рекогносцировк[46]и и две отчетные карты с с изображением путей отрядов[47]. Сведения, полученные во время рекогносцировок вместе с другими материалами, имевшимися в распоряжении Бабкова, легли в основу *Карты страны, лежащей между Заилийским краем и Кашгарией, 1863 года*, составленной в масштабе 20 верст в дюйме и подписанной И.Ф. Бабковым[48]. На этой карте вполне достоверно показаны территории, расположенные к югу от Иссык-Куля.

Снова была предпринята попытка картографирования Кокандского ханства: Бабкову доставлена *Карта Кокандских владений составлена по распоряжению корпуса топографов Штабс-Капитаном Акшеевым в 1862 и 1863 г.* (масштаб 40 верст в дюйме)[49]. Эта карта очень схематична и изобилует грубыми ошибками, так например, озеро Кара-Куль показано на ней значительно севернее Ташкента и форта Перовского, а река Аму-Дарья вообще не нанесена. На юге Кокандские владения замыкаются горами широтного протяжения и никаких признаков Памира на карте нет.

Одновременно с проведением Чугучакских переговоров продолжался процесс расширения русских территориальных владений в Киргизии. В 1862 г. подданство России приняли киргизы восточной части Чуйской долины. В этом же году началось восстание против кокадского владычества в средней части Чуйской долины, население которой обратилось за помощью к начальнику Алатавского округа. 24 октября 1862 г. был вторично взят Пишпек, что окончательно уничтожило власть кокандцев в Чуйской долине и обеспечило дальнейшие наступательные операции русских отрядов на Аулие-Ата. В 1863 г. были взяты кокандские крепости Джумгал и Куртка, что способствовало переходу в октябре 1863 г. шести тысяч кибиток киргизов Централь-

ного Тянь-Шаня в подданство России. В 1863 – 1864 гг. были заняты кокандские укрепления Сузак, Чулак-Курган, Аулие-Ату и Чимкент, а отрядом Веревкина – Туркестан. Соединение Сибирской и Сырдарьинской линий упрочило господство России в Старшем жузе и у киргизов в Чуйской долине и Иссык-Кульской котловине. В 1864 г. на озере Иссык-Куль возводится Аксуйское укрепление и в этом же году принимают подданство 10 тысяч кибиток киргизов долины Сусамыр и Кетмень-Тюбе[50].

25 сентября 1864 г. состоялось подписание протокола об установлении русско-китайской государственной границы на огромном участке от Алтая до Тянь-Шаньского хребта. Пограничная линия, намеченная этим протоколом, проводилась с учетом рельефа местности и в зависимости от местонахождения постоянных китайских пикетов.

Относительно прохождения граничной линии на местности протокол гласит следующее: *...провести границу по хребтам гор большим рекам и китайским в настоящее время существующим пикетам и, составив карту граничной местности, красною чертою на оной обозначили граничную линию между двумя государствами. Почему и составили сей протокол, в котором написаны имена мест, обозначающих граничную черту, на теперешнем съезде определенную, и правила для оной границы, изложенные в нижеследуюших статьях:*

1. Начиная от граничного знака Шабин-дабаха сначала вести границу на запад, потом на юг по Саянскому хребту; достигнув западной оконечности хребта Танну-ола, поворотить на юго-запад, следуя по Сайлюгемскому хребту, а от гор Куйтун идти на запад по большому Алтайскому хребту. Дошедши до гор, лежащих между двумя реками Калгуты (по – китайски Халюту), находящимися на севере от озера Цзайсан-нор, поворотить на юго-запад и, следуя помянутыми горами, привести границу к горе Чакильмес, находящейся на северном берегу озера Цзайсан-нор. Отсюда, сделав поворот на юго-восток: вести границу по берегу озера Цзайсан-нор и по берегу реки Черный Иртыш к пикету Маниту-Гатулхан.

На всем этом пространстве, для обозначения граничной межи между двумя государствами, принять за основание водораздел, так чтобы все земли, по которым текут реки на восток и на юг, отмежевать к Китаю, а все земли, по которым текут реки на запад и север отмежевать к России.

II. От пикета Маниту-Гатулхан, следуя на юго-восток, подвести границу к горам Сауры (по-китайски Сайри-Ола), далее идти сначала на юго-запад, а потом на запад по Тарбагатайскому хребту. Дошедши до перевала Хабар-асу, (по-китайски Хамар-дабахань), поворотить на юго-запад и, следуя по пикетной дороге, вести границу по пикетам: Кумурчи, Кара-булак, Бокту, Вэй-тан-цзы (по-русски Коктума), Маниту, Сары-булак, Чаганъ-тогой, Эргэту, Барлук, Модо-Барлук. Отсюда границу вести по долине, которая находится между хребтами

Барлук и Алатау; далее между пикетами Аруциндалан и Кабтагай провести границу по самой возвышенной точке этой долины и, наконец, упереть в восточную оконечность гор Алтан-Тэбши.

На всем пространстве, для обозначения граничной межи между двумя государствами, принять за основание водораздел, так чтобы все земли, по которым текут воды на восток и юг, отмежевать к Китаю, а все земли, по которым текут воды на запад, отмежевать к России.

III. От осточной оконечности гор Алтан-Тэбши вести границу на запад по большому хребту гор, называемых общим именем Алатау, именно по вершинам гор: Алтан-Тэбши, Со-даба, Кукэ-том, Хан-качагай и других. На этом пространстве все земли, по которым текут реки на север, отмежевать к России, а все земли, по которым текут реки на юг, отмежевать к Китаю.

Достигнув гор Конгор-обо, служащих водоразделом рек: Сарбакту, текущей на восток, Кок-су (по-китайски Куке-олом), текущей на запад, и Куйтун (по-русски Усек), текущей на юг, сделать поворот границы на юг.

«На этом пространстве все земли, по которым текут на запад реки Кок-су и другие, отмежевать к России, а все земли, по которым текут на восток реки Сарбакту и другие, отмежевать к Китаю.

«Отсюда, следуя по вершине гор Кой-тас, находящихся на западе от реки Куйтун, и достигнув того места, где река Тургень, по пикетам: Бро-хуцзир, Куйтун, Цицихань, Хоргос и довести оную до пикета Или-бирай-цикинь. Здесь, перейдя через реку Или, вести границу на юго-запад к пикету Чунь-цзи; а отсюда, поворотив на юго-восток, привести оную на место истока реки Тэмурлик. Затем, сделав поворот на восток, вести границу по вершине хребта Тэмурлик, иначе называемого Нань-шань, и обогнув кочевья киргизов и бурутов (дикокаменных киргизов) на месте истоков реки Кэген (по-китайски Геген), сделать поворот на юго-запад.

На этом пространстве все земли, по которым текут на запад реки Кэген и другие, отмежевать к России, а земли, по которым текут на восток реки Унду-булак и другие, отмежевать к Китаю.

После того, следуя на юго-запад, вести границу по вершине гор Кара-тау и, дошедши до гор Бирю-баш (по-китайски Бир-баши), вести границу по речке Дарату, текущей на юг к реке Тэкэс. По переводе границы через реку Тэкэс, вести оную по реке Нарын-халга и потом упереть в Тянь-шаньский хребет. Отсюда, следуя на юго-запад, вести границу по вершинам гор Хан-Тэнгери, Савабци, Кукуртлюк (по-китайски Гунгулук), Какшал (по-китайски Как-шань) и других гор, находящихся на юге от озера Темурту-нор и известных под общим именем Тяньшаньского хребта, отделяющего Туркестан от кочевьев Бурутов, и упереть оную на Цун-линский хребет, который находится на Кокандских пределах.

IV На местах, которые после состоявшегося теперь определения границы по хребтам гор, большим рекам и постоянным пикетам, отошли к Российскому государству, и следовательно, находятся по сию сторону граничной межи, прежде были китайские пикеты, как-то: в Улясутайском и Кобдинском округах, на северной стороне Большого Алтайского и других хребтов: Укэк и прочие пикеты; в Тарбагатайском округе на северной стороне Тарбагатайского хребта: Олон-булак и прочие пикеты и на северной стороне Алатауского хребта: Ару-циндалан и прочие пикеты; в Илийском округе: Конур-Олен (по китайски Конгоро-Олон) и прочие пикеты. До постановки граничных знаков китайское начальство может попрежнему посылать на оные своих солдат для охранения. В будущем же году, коль скоро съедутся уполномоченные с обех сторон для постановки знаков, помянутые пикеты должны быть перенесены вовнутрь, на китайскую сторону границы, в течение одного месяца, считая со времени постановки граничного знака в той местности, откуда должен быть перенесен пикет[51].

Помимо приведенного описания прохождения русско-китайской границы в Чугучакском протоколе установлен порядок демаркации границы на местности путем установки пограничных знаков смешанными комиссиями, которые должны были начать свою работу в поле через 240 дней после размена экземплярами протокола. При установке пограничных знаков уполномоченные смешанных комиссий должны были *наблюдать следующее правило: где граница проходит по большим горам, там принимать вершины гор за граничную черту, а где по большим рекам, там берега рек служат граничною чертою; где же граница проходит поперек гор и рек, там всюду вновь поставить граничные знаки. Вообще же по всей границе, при постановке граничных знаков, принимать во внимание направление течения вод и ставить знаки смотря по местоположению. Если, например, по хребтам гор нет прохода и, следовательно, трудно было бы там ставить знаки, то принимать за основание граничной черты хребет гор и направление текущих вод. На долине же, при постановке граничных знаков, оставлять 30 сажень (китайских 20 сажень) промежуточной земли.*

Всякие произведения гор и рек по левой стороне поставленных граничных знаков должны принадлежать Китаю, все же произведения гор и рек по правую сторону граничных знаков должны принадлежать России[52].

Из рассмотрения этого инструктивного требования к членам смешанных комиссий совершенно очевидно, что за границу в Чугучакском протоколе принималась не линия на местности, а полоса, имеющая на сухопутных равнинных участках ширину, равную 30 саженям (64 м.), на реках ширина этой полосы определялась шириной реки, а при прохождении границы по хребту – шириной его водораздельной части.

Так как основным принципом разграничения по Чугучакскому протоколу был географический, что, как мы видели, неоднократно подчеркивалось в тексте этого документа, по-видимому, было бы желательно каким-то образом учесть изменения, которые могут произойти в природной среде со временем. Однако, в отношении естественных изменений (например, перемещения русел рек) природы в Чугучакском протоколе не сказано ничего, и лишь сделана попытка воспрепятствовать искусственному изменению течения рек. В пункте VIII протокола по этому поводу сказано следующее: *После постановки граничных знаков по всей теперь определенной между двумя государствами границе, если встретится такая местность, где исток реки находится в пределах Китайского, а течение ее в пределах Российского государства, то со стороны Китайского государства не должно переменять прежнее русло и запирать течение ее, и наоборот, если исток реки в пределах Российского, а течение ее в пределах Китайского государства, то со стороны Российского государства также не должно переменять прежнее русло реки и запирать течение ее*[53]. Это требование было вполне оправданным в условиях засушливого Семиречья, где поливное земледелие целиком зависело от поступления воды горных рек.

Помимо текста протокола *уполномоченные комиссары* составили карту границы *в четырех экземплярах и, написав на оной имена пограничных мест на двух языках – русском и маньчжурском засвидетельствовали оную подписом и приложением печатей*[54]. Договорная *Карта государственной границы с Западным Китаем* составлена в масштабе 25 верст в дюйме (1: 1 050 000) исключительно на основании русских источников, большинство из которых представляли собой рассмотренные нами выше карты, создававшиеся под руководством Бабкова специально для обеспечения работы разграничительной комиссии. Имея, как минимум, в пять раз более мелкий масштаб, чем исходные картографические материалы, договорная карта могла служить, естественно, лишь для иллюстрации Чугучакского протокола, не говоря уже о том, что южнее долины Нарына она географически совершенно недостоверна. Однако, основные ориентиры, определяющие прохождение граничной линии, на *Карте государственной границы с Западным Китаем* имеются и прежде всего это – китайские пикеты, упомянутые в тексте договора.

Подводя итоги первого этапа русско-китайского разграничения в Центральной Азии, Министерство иностранных дел России в своем отчете царю за 1864 г. сообщало: *проведением западной границы с Китаем... к державе Вашего величества присоединены мирным путем на вечные времена обширные земли (до 64 тыс. квадратных верст), представляющие большие выгоды как по своим природным богатствам, так и по географическому положению. На юге вновь присоединенной границы к русским владениям отошел бассейн реки Нары-*

на, по которому лежит один из ближайших путей в Кашгар. Кроме того, южная часть граничной линии представляет важные стратегические выгоды в том отношении, что все горные проходы, ведущие в Малую Бухарию (Восточный Туркестан), остаются в наших руках, и что граница, проходящая менее чем в ста верстах к северу от Кашгара и упираясь в хребет Цунь-Линь, тем самым замыкает нашу новую средне-азиатскую границу, соединяющую Оренбургскую и Сибирскую линии[55].

Русско-китайская граница, намеченная Чугучакским протоколом 1864 года, имела, однако, ряд неудобств, прежде всего потому, что при ее проведении не учитывались этнографические факторы, не принимались во внимание родоплеменные связи населения района, по которому проходила граница. Пятая статья Чугучакского протокола устанавливала, что казахи считаются подданными того государства, на территории которого к моменту разграничения оказались их кочевья. Такой подход к разграничению неизбежно оставлял многие роды или части родов Среднего и Старшего жузов на территории Китая, а некоторые роды, перешедшие в подданство России, теряли свои кочевья, оказавшиеся в пределах Цинской империи.

Дунгано-Уйгурское восстание в Синьцзяне; Илийский вопрос (1864 – 1881 гг.)

Реализации условий Чугучакского протокола в намеченные им сроки (то есть, через 240 дней после его заключения) помешало дунгано-уйгурское восстание в Синьцзяне. Начавшись под лозунгом религиозной войны мусульман против «неверных» китайцев, борьба сразу приняла необычайно ожесточенный характер и до основания потрясла всю военно-бюрократическую машину цинов в Синьцзяне. Под влиянием мусульманских агитаторов в дунгано-уйгурском восстании приняли участие и многочисленные выходцы из Казахстана и Центральной Азии – казахи и киргизы, пришедшие из России. На протяжении 1864-1865 гг. борьба дунгано-уйгурских повстанцев привела к полной ликвидации китайского колониального господства в Центральной Азии. В Синьцзяне образовались три независимых феодально-теократических владения: Йеттишар (Семиградье) с центром в Кашгаре, Таранчинский султанат с центром в Кульдже и дунганский союз городов с центром в Урумчи. Наиболее крупным и сильным владением являлось государство Йеттишар, во главе которого стоял выходец из Коканда Якуб-бек, объединивший под своей властью весь Восточный Туркестан. Дунгано-уйгурское восстание вынуждало русскую администрацию, опасавшуюся распространения движения на центральноазиатские народы, активизировать свое продвижение на юг.

В 1865–1866 гг. русские войска заняли Ташкент, Ходжент и Джизак. Для управления центральноазиатскими владениями России 11 июня 1867 г. было образовано туркестанское генерал-губернаторство с центром в городе Верном[56]. События в Синьцзяне развернулись именно в тот момент, когда правительство России только начинало работу по военно-административному и хозяйственному устройству вновь присоединенных областей Центральной Азии. Дунгано-уйгурское восстание создавало угрозу для позиций России в Центральной Азии и Казахстане и могло повлечь за собой потерю того влияния, которое она приобрела в Синьцзяне в результате заключения Кульджинского, Пекинского и Чугучакского пограничных актов. Российское правительство провозгласило политику невмешательства в дела Цинской империи в Синьцзяне, надеясь таким путем добиться большего простора в маневрах по налаживанию отношений с Китаем.

Китайские власти неоднократно обращались к пограничным властям России за помощью против дунгано-уйгурских повстанцев, но военный губернатор и командующий войсками Семипалатинской области Г.А. Колпаковский заявлял, что не имеет права *переступать государственную границу*[57] и вмешиваться во внутренние дела Китая.

Тем временем из-за частых самовольных переходов населения как с русской, так и с китайской сторон, почти на всем протяжении русско-китайской пограничной полосы в Центральной Азии создалось напряженное положение. Чтобы его устранить, нужна была демаркация государственной границы.

Прежде чем перейти к рассмотрению работ по демаркации, проводившихся в 1869-1870 гг., расскажем кратко, какие географо-картографические исследования проводили русские ученые и топографы в период после заключения Чугучакского протокола.

Основное внимание в это время уделялось исследованию труднодоступных горных районов Тянь-Шаня. Мы отмечали, что еще в 1858 г. первым из европейцев посетил Тянь-Шань П.П. Семенов (1827-1914), который в своих последующих трудах дал верное представление об орографии горных районов Тянь-Шаня как сложной системы хребтов, разделенных поперечными и продольными депрессиями. Работы П.П. Семенова-Тян-шанского в 1864-1868 гг. были продолжены Н.А. Северцовым, совершившим путешествие по южным районам Тянь-Шаня до озера Иссык-Куль[58]. А.В. Каульбарс (1844 – после 1920), исследовавший в 1869 г. южный Тянь-Шань, провел глазомерную съемку в районе долин Нарына и Таласа и вычислил превышения для 33 пунктов[59].

Управление вновь присоединенной страной и ее хозяйственное освоение требовало целенаправленного картографического изучения ее территории. В связи с этим в 1867 г. при штабе Туркестанского военного округа был организован военно-топографический отдел, в задачу которого входило составление точной карты всей Центральной

Азии[60]. Для осуществления этой цели прежде всего необходимо было соединить сеть астрономических пунктов Центральной Азии с точными съемками на базе триангуляции в Европейской России, что и было осуществлено в 1867 г. экспедицией под руководством Тилло; это дало твердую основу (базис в 2000 верст) для всех дальнейших картографических работ в Центральной Азии. В 1869 г. К.В. Струве продолжил эту важнейшую работу для составления географически точной карты Центральной Азии. Для определения направления Зеравшана им были вычислены широты ряда пунктов (Джизак, Самарканд, Катта-Курган и другие); эти данные послужили основой для определения долгот и широт по всей территории Зеравшанского округа[61].

В 1869-1870 гг. русские уполномоченные во главе с И.Ф. Бабковым и представители цинского правительства провели демаркацию границы от перевала Шабин-Дабага до Тарбагатайского хребта. Это было зафиксировано в следующих документах: 1) Протокол с описанием государственной границы от перевала Богосук до горы Ак-Тюбе, подписанный 1 августа 1869 г., 2) Протокол с описанием государственной границы от перевала Богосук до перевала Шабин-Дабага, подписанный 23 августа 1869 г., 3) Протокол с описанием государственной границы от горы Ак-Тюбе до прохода Хабар-Асу, подписанный 31 июля 1870 г[62]. К каждому из протоколов была составлена карта соответствующего участка границы в масштабе 25 верст в дюйме. При составлении этих карт использовались крупномасштабные материалы прошлых лет, а также полевые брульены съемок, проводившихся непосредственно во время работы комиссии. Так, в 1866 г. была составлена двухверстная карта под названием *Съемка юго-восточной части Зайсанского края, снятая инструментально, под руководством помощника Начальника штаба Западно-Сибирского Военного округа генерального штаба полковника Бабкова корпуса военных топографов капитаном Стрельниковым с топографами Матусовским и Барановым*[63], на которой во время демаркации были нанесены пограничные столбы Бай-мурчи (Бай-мурза), Керегентас и Чаган-обо. Эта карта, по сути дела, является единственным достоверным источником для реконструкции местоположения указанных пограничных столбов на момент их установления, в связи с чем ее значение как источника для восстановлении на местности договорной линии границы совершенно очевидно. Непосредственно во время работы демаркационной комиссии были составлены карты: *Топографическая съемка пограничного пространства, прилегающего к государственной границе между Россией и Западным Китаем от урочища Ак-Тюбе до верховьев реки Котан-Олун, 1869 г.* (масштаб 2 версты в дюйме[64]) и *Маршрут от китайского пикета Юстык до пограничного столба С[Ш]абин-Дабага, снятый глазомерно под руководством поручика Мирошниченко топографом Токарским, 1869 г.* (масштаб 5 верст в дюйме)[65].

Непосредственно после заключения Чугучакского протокола и особенно в связи с дунгано-уйгурским восстанием русские власти в Туркестане приступили к организации охраны границы с Китаем. Результаты этой работы хорошо видны на *Карте Семиреченской области с показанием отрядов, расположенных на китайской границе*, составленной пограничным начальством в 1867 г. в масштабе 50 верст в дюйме[66]. На карте выделены места расположения пограничных отрядов и постов, их численность, состав и вооружение.

Рассмотрим теперь, каким образом изменения границ в Центральной Азии в соответствии с Чугучакским протоколом и последующей частичной демаркацией находили отражение на мелкомасштабных картах, издававшихся в России и за ее пределами.

Первым русским официальным изданием, на котором нашла отражение чугучакская граница, была *Карта Туркестанского генерал-губернаторства*, составленная в масштабе 50 верст в дюйме «*при Азиатской части Главного штаба, корпуса военных топографов штабс капитаном Люсилиным под руководством генерального штаба подполковника Нарбут 186. .г.* (после 1867 г.) и изданная картографическим заведением А. Ильина в Петербурге[67]. На карте указано, что при ее составлении использовались следующие материалы: *восток и юго-восток на основании астрономических определений гг. Голубева и Струве, рекогносцировок Тарбагатайского хребта и оз. Нор-Зайсана, а также последней рекогносцировки полковника Полторацкого в 1867 году к Музартскому проходу и в Занарынский край и подполковника Проценко в 1863 году между Иссык-Кулем и Нарыном. .*» Заметим, что подлинные материалы рекогносцировки Полторацкого хранятся в Российском государственном военно-историческом архиве[68].

Русско-китайская граница на Карте Туркестанского генерал-губернаторства показана в полном соответствии с Чугучакским протоколом, поэтому южнее Коканда она не изображена, а географическое отображение этих южных территорий крайне недостоверно. Иначе оно и не могло быть, так как в распоряжении составителей для показа Кокандского ханства в то время имелись лишь опросные карты этого владения, рассмотренные нами выше. Озеро Кара-Куль на карте Люсилина изображено восточнее Болорского хребта – в Кашгарских пределах.

Граница по Чугучакскому протоколу нашла также отражение на *Генеральной карте Западной Сибири с Киргизскою степью, составленной про штабе отдельного Сибирского корпуса и гравированной в 1848 г. (исправлена в 1869 г.)* (лл. II и IV), на которой помимо самой линии границы нанесены форпосты, пикеты и караулы[69].

За изменениями территориальных владений России в Центральной Азии в этот период очень внимательно следили англичане, одним из ярких свидетельств чего является составленная и изданная Большой тригонометрической съемкой Индии под руководством подпол-

ковника Дж.Т. Уолкера в 1868 г. четырехлистная карта *Туркестан с прилегающими частями Британской и Русской территорий, закартографированный на основе съемок, выполненных британскими и русскими офицерами к 1867 г.*[70] На листе № 2 этой карты, составленном в масштабе 50 миль в дюйме дано примечание: *Русская граница и военные губернаторства взяты с карты А. Ильина, изданной в Санкт-Петербурге и полученной в августе 1868 г.* Повидимому, имеется ввиду рассмотренная нами выше *Карта Туркестанского генерал-губернаторства*, составленная Люсилиным.

На втором листе английской карты *Туркестан* . . показан участок русско-китайской границы, определенной Чугучакским протоколом от пер. Робат (южнее Иссык-Куля) до района Чугучака. Нанесены китайские пикеты, в том числе, фигурирующие в протоколе (Бахты, Маниту, Сарыбулак, Цоган-Тогой и другие), и пикетные дороги. Граница показана проходящей немного западнее дороги, соединяющей эти пикеты. В районе Хан-Тэнгри граница нанесена по южному отрогу хребта через гору Тэнгри-Хан с высотой 21 000 футов.

В том же 1868 г. в Топографическом депо Военного министерства Великобритании была издана *Карта Киргизской степи (областей Оренбургской, Сибирских Киргизов, Семипалатинской и Туркестана), и стран, пограничных с цетральноазиатскими владениями России, составленная с русских карт*[71], на которой граница по Чугучакскому протоколу показана так же, как на предыдущей карте.

Дальнейший процесс складывания русско-китайской границы в Центральной Азии был серьезно осложнен развитием исламского движения в Синьцзяне. Это движение вызывало серьезное беспокойство правительства России. Особую тревогу оно испытывало в связи с откровенно захватническими устремлениями Якуб-бека, использовавшего в своих целях панисламскую идеологию и провозгласившего себя главой *борцов за веру* («Аталык газы»). Он все чаще начинает вмешиваться в дела принарынских киргизов, принявших русское подданство, а также берет курс на расширение границ государства Йеттишар за счет Кокандского ханства и Семиреченской области Туркестанского края, ведет среди киргизского и казахского населения антирусскую пропаганду, строит в приграничной полосе укрепления[72].

Что касается отношений с Кокандским ханством, где усиливались феодальные междоусобицы, то правитель Йеттишара умело их использовал и систематически из года в год отодвигал свои границы все далее на запад и северо-запад. По словам весьма компетентного в истории вопроса А.Н. Куропаткина, *кокандская граница, еще не так давно проходившая в 88 верстах от Кашгара, была передвинута Якуб-беком сначала до Уксалыра, а потом до Улугчата, где он построил укрепление. Не довольствуясь этим, правитель Джеты-шаара позже занял укрепление Награ-чалды, Егин и, наконец, Иркештам, расположенный примерно в 180 верстах от Кашгара*[73]. Передовые посты

Якуб-бека выдвинулись даже в укрепления Нура и Ойтал, стоявшие на пути в Фергану[74]. Столь же интенсивно развивалось наступление Якуб-бека и в юго-западном направлении, в районе Сарыкольского хребта. Так, уже в 1866 г. здешний правитель Алаф-шах признал свою зависимость от Йеттишара[75]. Наконец, Якуб-бек начинает серию наступательных операций на восточных границах своего владения, на дунганский Союз городов, и пытается завязать политические связи с Таранчинским султанатом. Откровенные намерения кашгарского правителя подчинить себе Кульджу, прекращение русско-китайской торговли в Центральной Азии и напряженное положение на границе, где происходят частые столкновения между русскими войсками и таранчинскими отрядами, вынуждают русское правительство отказаться от политики нейтралитета по отношению к событиям в Западном Китае. Немалую роль в изменении позиции русского правительства играл тот факт, что в результате активного давления со стороны британского посла в Стамбуле, турецкий султан признал за Якуб-беком право именовать себя эмиром, что на деле означало усиление позиций Турции (традиционного врага России в тот период) в Центральной Азии[76].

22 июня 1871 г. русские войска, при молчаливом одобрении со стороны правительства Китая, почти без всякого сопротивления заняли стратегически важный район Джунгарии – Илийский край с центром в Кульдже. При появлении русских войск под началом генерала Колпаковского, таранчи начали поголовную резню китайцев и дунганей, но их действия были сразу же решительным образом пресечены русскими, что в частности нашло яркое отражение в следующем официальном отчете китайскому правительству, направленном очевидцем событий китайским ученым Лю Ци Ханем:

Ядра и снаряды русской армии летели как ливень, как тучи саранчи. Туркестанцы были побеждены и в полной растерянности возвратились в Кульджу. Дзянь Цзинь Семи Рек [генерал Колпаковский] всячески умиротворил тех кто остался, как китайцев так и маньчжуров, никому не причинив вреда. Ни единая травинка, ни одно дерево, ни птица, ни собака не получили никакого повреждения, ни один волос не упал ни с чьй головы... К счастью небо не позволило погибнуть человеческой расе. Теперь вождь Великой Российской Империи Дзянь Цзинь Семи Рек со своей армией воодушевленный гуманизмом и справедливостью успокоил всех. Эта незначительная иностранная держава спасла нацию от воды и огня, покорила все четыре страны без малейшего вреда, так, что дети не напугались и люди покорились не без удовольствия и радости[77].

Русское правительство с самого начала рассматривало занятие Илийского края как временную меру, продиктованную интересами России в Центральной Азии и долженствующую в известной мере помочь цинским властям справиться с положением в Джунгарии[78]. Тем не менее, правительство Цинской империи уже вскоре после вступле-

ния русских войск в Кульджу поднимает вопрос о передаче ему Илийского края. Русско-китайские переговоры по этому поводу начались в городе Сергиополе (Аягуз), куда весной 1872 г. прибыли уполномоченный правительства России генерал Д.Н. Богуславский (1826-1893) и илийский губернатор Жун-Цзю-ань. Инструкция, данная Богуславскому, предусматривала, что для *получения обратно Кульджи китацы должны были предварительно согласиться на исправление границ, обозначенных Чугучакчким договором, по хребтам, окаймляющим долины рек Или, Эмиля и пересекающим долину Черного Иртыша*[79]. Это предложение было подготовлено по результатам специально снаряженной экспедиции и съемок, проведенных под руководством капитана Сомовского. В Библиотеке Русского географического общества нам удалось обнаружить подлинную рукописную *Карту речной области Черного Иртыша, бассейна озера Улюнгур, с притоком Урунгу и горной страны Саура, составленную на основании буссольной съемки и распросных сведений во время экспедиции на Булун-тохой* (масштаб 10 верст в дюйме, 1872 г.)[80]. На карте показаны три варианта предложений по новому прохождению границы; все предложения включали в состав России озеро Улюнгур. Экспедиция Сомовского шла через проход Керегентас – далее – Булун-Тохой на озере Улюнгур и по верховьям Черного Иртыша до города Тулты. На карте Сомовского показаны пограничные столбы *Катан Аши* (в районе Бай-мурзы), *Керегентас*, *Сар-тологой*, *Сары-булакский*, *Май-капчагай*. При подготовке инструкции Богуславскому, по-видимому, также использовались данные, полученные отрядом генерал-майора В.А. Полтарацкого (1830-1886) во время его похода в долину реки Эмиля[81] и, в частности, – рекогносцировочная съемка подпоручика З.Л. Матусовского (1842 – после 1888) от Чаган-Обо к пикету Яматы: *Маршрут от урочища Чаган-Обо до сел. Олон-булак, снятый глазомерно подпоручиком Матусовским в 1871 году* (масштаб 10 верст в дюйме). На этой карте нанесен пограничный столб Бай-мурза и Баргасутайский. По ходу заметим, что карта Матусовского свидетельствует о большой географической наблюдательности ее автора, который заметил на плоском перевале Бай-мурза участок высохшего русла в направлении реки Карагайлы и показал его как часть пропадающего (неопределенного) течения реки Баймурза, допуская таким образом возможность ее течения по другую сторону водораздела, в бассейн Карагайлы. Хотя это наблюдение и ошибочно, ибо как в настоящее время, так и в 70-х годах XIX в. река Баймурза не может и не могла течь в этом направлении; однако, как показывают данные непосредственного геоморфологического обследования на местности, проведенного нами совместно с сотрудником Института географии АН СССР В.С. Карякиным, эта река в более древние времена бесспорно текла в бассейн Карагайлы, о чем свидетельствует хорошо выраженное в рельефе старое русло, замеченное Матусовским.

Возвращаясь после этого небольшого отступления к переговорам Богуславского, нам остается только сказать, что уполномоченный цинского правительства не принял русских предложений об исправлении границы, намеченной Чугучакским протокотом, и переговоры в Сергиополе прекратились.

Тем временем все большее внимание правительства России правлекают кокандские дела. Обострение англо-русских противоречий в Центральной Азии усилило стремление царских властей закрепить Кокандское ханство за собой в качестве вассала Российской империи. Поэтому русская администрация еще с середины 60-х годов начинает готовить заключение соответствующего договора. Он был подписан между генерал-губернатором Туркестана фон-Кауфманом и кокандским ханом Худояром 13 февраля 1863 года[82].

Временная оккупация русскими войсками Илийского края, приведшая к изменению всей военно-политической обстановки в Западном Китае, и урегулирование русско-кокандских отношений прежде всего оказали влияние на положение государства Йеттишар. Они положили предел экспансионистским устремлениям Якуб-бека в пограничных с Казахстаном и Центральной Азией районах Джунгарии.

Хотя временный характер присоединения Илийского края был для всех очевиден, однако обеспечение эффективной администрации и хозяйственной деятельности в его пределах требовало от русских властей постановки географических и картографических работ на новых территориях. Обладание Кульджинским районом открывало помимо того новые пути и возможности для проведения географических исследований в соседних районах Семиречья и Джунгарии. Прежде всего, в 1871-1872 гг. топографами Скасси, Лазаревым, Шамановским, Истревым и Благодаревым была проведена пятиверстная *Полуинструментальная съемка Кульджинского района*[83],заложившая основу достоверного отображения этой территории на географических картах. В 1871 году из Кульджи была направлена экспедиция под руководством Шепелева, которой предписывалось исследовать *все пространство нашей границы от Тянь-Шаня до Тарбагатая*[84]. В частности, капитан Шепелев совместно с прапорщиком Поздиным занимались съемками Музартского перевала, по результатам которых была составлена карта *Инструментальная съемка Музартского прохода, снятого под руководством генерального штаба капитана Шепелева II-го Туркестанского линейного батальона прапорщиком Поздиным 1871 г.* (масштаб 5 вест в дюйме[85]) и *Распросный маршрут от Музартского перевала до горы Ак-су* в масштабе 40 верст в дюйме[86].

По материалам рассмотренных выше работ, проводившихся в 1871-1872 гг. в порядке подготовки к переговорам в Сергиополе, а также дополнительных съемок, в 1873 г. была создана рукописная *Отчетная карта речной области Черного Иртыша, составленная по маршрутным съемкам, произведенным капитаном Сосновским*

и штабс-капитаном Матусовским (масштаб 20 верст в дюйме)[87]. На карте нанесены маршруты экспедиции Сосновского в 1871 г. и Матусовского в 1871 и 1872 гг., показаны пограничные столбы: *Керегентас*, *Чаган-Обо*, *Сар-Тологой*, *Сары-булак*.

В 1874 – 1876 гг. в Кульджинский район *для геодезических и зоологических исследований* был направлен уже знакомый нам по работам конца 50-х годов XIX в. в Семиречье штабс-капитан Ларионов[88]. Ларионов провел астрономическое определение координат ряда пунктов в Илийском крае, а также выполнил съемку южного склона Барлыкских гор, Мазарских минеральных вод, ущелья Джиралты и ряда горных проходов в Тянь-Шаньском хребте в северной части Кульджинского района[89]. Материалы съемки перевалов на Тянь-Шане сохранились в Российском государственном военно-историческом архиве[90].

Распространение власти России на Хивинские и Бухарские владения

В 1873 году, Россия решила укрепить свои позиции во внутренних районах Средней Азии, для чего считалось совершенно необходимым окончательное покорение Хивинского ханства. Учитывая прежние неудачи, на этот раз планировалось наступление с трех сторон: 1) С Кавказа через Красноводск или низовья Атрека; 2) Из Оренбурга от реки Эмбы, через Усть-Кут и 3) Со стороны Ташкента в направлении от Джизака к урочищу Мын Булак. Начав движение около 1 марта, вступить в Хивинское ханство к 1 мая, где Оренбургский и Кавказский отряды должны были соединиться. Император потребовал *чтобы отрядные начальники были крайне осмотрительны в своих действиях, дабы все принимаемые ими меры не смогли иметь последствием продолжительного пребывания наших войск в Ханстве, так как по наказании Хивы, владения ея должны быть очищены нашими отрядами*[91]. Заметим, что маршруты всех российских отрядов, с местами ночлегов и колодцев показаны на специальной карте, составленной на основе *Карты Кызыл-Кумов, исследованных в 1872 году*, масштаба 20 верст в дюйме, сохранившейся в Архиве внешней политики Российской империи[92].

5 марта 1873 года Туркестанский генерал-губернатор генерал-адъютант фон-Кауфман официально сообщил эмиру Бухарскому о начале похода «возмездия» против Хивы вдоль границ Бухары; в письме, в частности сказано следующее: *Пришлите мне ответное письмо с надлежащим верным человеком, который во время движения нашего на Хиву состоял бы при мне как посланник дружественного соседа, с которым я мог бы посоветоваться и чрез которого я сообщал бы Вам о ходе дел. Присылкой такого человека в отряд народ успокоился бы, увидев в этом доказательство прочных дружеских отно-*

шений между нами. Письмо это посылаю с известным Вам Бердыкумом Чигиром, которого прошу Ваше Высокостепенство немедленно отправить с известием о Вашем здоровии[93].

12 марта в Джизаке (*Дизаке*) войска были встречены двумя посланцами эмира Бухарского с подарками и письмом, в котором ничего о походе на Хиву не было, т.к. эмир, по-видимому, еще не получил депешу от генерал-губернатора. Одному из посланцев, знакомому фон-Кауфману мирзе Гиссамеддину Марахуру было предложено остаться при российских войсках, а на следующий день получено официальное известие от эмира, (получившего к этому времени письмо генерал-губернатора) с разрешением использовать этого бухарского вельможу и впредь в качестве официального представителя Бухары. У российских войск большие проблемы возникли с их основным транспортом – верблюдами, из-за холодов, бескормицы и дождей. Верблюдов, по договоренноостью с эмиром, поставляли бухарцы, и фон-Кауфмана должны были ожидать у колодца Балты-Салдырь от 200 до 300 верблюдов, и еще до 1000 верблюдов *когда войска достигнут Тамды, или в Буканских горах*, должны были предоставить киргизы[94]. Бухарский эмир выслал 300 верблюдов и, судя по всему этим дело и ограничилось. До отправления в поход основного отряда русских войск вперед была направлена рекогносцировочная партия под началом подполковника артиллерии Иванова для поисков путей к Аму-Дарье *так равно и посылка лазутчиков и расследование всех известий о намерениях и действиях неприятеля*. Разведчики узнали, что хивинцы под руководством Саддыка намеревались послать *шайку* для засыпки и порчи колодцев по пути русского войска. Для предотвращения этой диверсии фон-Кауфман выслал вперед полторы сотни уральских казаков *при четырех ракетных станках*, под началом подполковника Главацкого для соединения с Оренбургской казацкой сотней подполковника Иванова в Тамды[95].

19 марта 1873 года в послании российскому представителю в Тегеране предписывалось уведомить персов о необходимости укрепиться на границе по Атреку, в связи с беспорядками в Хиве.

Российские войска продолжали свое продвижение к Хиве без какого-либо серьезного сопротивления со стороны войск хана. 26 мая хан Сеид-Магомет-Захим Хан прислал фон-Кауфману письмо, *...повторяя прежние заявления о дружбе, расположении к нам; о том, что он уже исполнил все требования о высылке бывших в плену в Хиве русских и потому не понимает, зачем русские вступили в его владения с трех сторон; просит... остановить движение вперед войск, отойти назад и выяснить ему наши требования и условия мира.*

Оставив это письмо без ответа – продолжал фон-Кауфман свой рапорт военному министру, – *я приказал посланцу ехать обратно в Хиву и объявить Хану на словах, что движения войск я не остановлю, а переговоры с ним буду вести в Хиве...*

На последнем ночлеге Туркестанского отряда пред Хивою, вечером 28 мая, ко мне в лагерь у Янги-арыка, явился новый посланный от Хана двоюродный брат его, Инак-Иртазали-Хан. Он представил мне письмо от Сеид-Рахим-Хана, коим Хан объявлял себя сдающимся со всем ханством Белому Царю, уполномачивая родственника своего, Инака Иртазали выслушать от меня все условия мира и наши требования, и представить по ним соответствующие ответы. На словах Инак-Иртазали передал мне просьбу Хана приказать Генерал-Лейтенанту Веревкину, подошедшему уже с войсками к Хиве и открывшему по городу каннонаду, прекратить стрельбу, так как Хан предает себя, город Хиву и все Ханство на милость Государя Императора и просит милости и прощения.

Объявив посланному, что заявление наших требований и условия мира я желаю лично передать Хану, а потому и прошу его со свитою в 100 человек выехать ко мне навстречу утром 29 мая, когда я с Туркестанскими войсками буду подходить к Хиве, я, вместе с тем, передал Инаку Иртазали, для отправки в Оренбургский отряд, предписание мое Генерал-Лейтенанту Веревкину, коим сообщая ему о заявлениях Хана и моем ему предложении, я предлагал прекратить пальбу по городу и не открывать огня, если по отряду Генерала-Лейтенанта Веревкина не будут стрелять из города[96].

Посланник сообщил фон-Кауфману, что Хан не может гарантировать повиновения туркмен-йомудов.

29 мая войска генерал-губернатора Туркестанского Края подошли к садам, окружающим Хиву, где были встречены высшими сановниками ханства во главе с Сеид Эмир-Уль-Умаром, который был дядей Хана и вторым человеком в государстве. Посланники объявили, что Хан, не дождавшись ответа фон-Кауфмана, выехал из Хивы с йомудами, а население Хивы провозгласило Ханом, находившегося в заключении семь месяцев среднего брата Хана – Ата Джана *под регенством старика дяди и тестя бывшего Хана, Сеид Эмир-Уль-Умара. – эта последняя личность, весьма почтенных, за 70 уже лет, в настоящее время, представляя из себя слабого, хилого старца, издавна, еще при отце настоящего хана и во все время ханствования Сеид-Магомет-Рахим Хана, был всегда представителем мирной партии в Хиве, настаивавшей в Хана на необходимости жить в добрых, соседских с Россиею отношениях...* Размышляя над этим, выгодным для России предложением, фон-Кауфман сожалеет, что на деле этим человеком невозможно воспользоваться, т.к. его организм разрушен действием *опиума и гашиша*[97].

29 марта российские войска в парадном строю и под звуки марша вошли в Хиву. Кауфман следовал в сопровождении *Их Императорских Высочеств* [Великих князей Александра и Константина Романовых. – А.П.]. Выяснилось, что Хан оставил гарем и все свое семейство во дворце. *Войска под началом генерал-майора Головачева, вошедшие*

в город, занимали его 30, 31 мая и 1 июня, и утром 2 июня перешли в свои лагеря, оставив в городе занятыми [ворота] *Хазарапские, Шах-Абатские и ворота в Крепость.* Генерал-лейтенат Веревкин, не мог участвовать в торжественном занятии города, так как буквально накануне был ранен в лицо.

Приказом от 2 июня Кауфман запретил своим войскам *всякие фуражировки, все необходимое для них приобретается от жителей и на городском базаре за деньги.*

1 июня Фон Кауфман написал Хану письмо с *советом* прибыть в лагерь русских, и уже 2 июня Хан явился к российскому полководцу. Кауфман принял его с почетом и *допустил к управлению страной.* Приезд Хана, находившегося до того у туркменов-йомудов, представлял собой большую дипломатическую победу россиян, так как туркменская конница, перешедшая к тактике партизанской войны, продолжала оставаться основной опасностью для оккупационных войск. 3 июня, на следующий день после появления Хана в ставке Кауфмана, туркмены-йомуды выслали туда же свою депутацию с просьбой о мире.

Еще при подходе русских войск хан издал манифест об освобождении рабов, уже не говоря о русских невольниках, которым была предоставлена полная свобода еще раньше. В переговорах Хана с Генерал-губернатором Туркестанского края, все эти решения были подтверждены и усилены полным запрещением рабства и торговли людьми на Хивинском рынке. Однако воплощении в жизнь этих гуманных постановлений в полном объеме осложнялось тем фактом, что иранцы-невольники представляли собой основную рабочую силу Хивы в сельском хозяйстве[98].

Результаты переговоров фон-Кауфмана с Хивинским Ханом нашли отражение в *Положении об управлении Хивинским Ханством на время пребывания там русских войск*, подписанном Генерал-Адъютантом фон-Кауфманом I-м 6 июня 1873 г. в городе Хиве.

1. Сеид Магомед Рахим Хан остается по прежнему Владетелем Хивинского Ханства.

2. Хан, через Казы-Киляна и Казыев ханства, ведает судебною частию, т.е. делами как уголовными так и тяжебными, и действует в данном случае на основании законов Шарихата [шариата] *и народных обычаев.*

3. Правители городов, провинций и вообще все лица по управлению ханством, назначаются и сменяются ханом.

4. Для ведения дел административных и финансовых в ханстве образуется Совет (Диван), под председательством самого хана.

5. В состав совета ханства назначаются, по усмотрению командующего войсками семь членов, которые могут быть им сменяемы по мере надобности и замещаемы другими.

6. Из семи членов четыре назначаются из русских и три из сановников Ханства.

7 При Совете полагается иметь двух секретарей из туземцев для ведения дел и письменного изложения решений Совета, и одного переводчика.

8. Совет имеет коллегиальный характер, в котором дела решаются большинством голосов. При разделении голосов на равные части, голос Хана дает перевес.

9. Дела, возникающие по отношениям русских войск к населению, по расквартированию, довольствию и вообще, касающиеся русских, приводятся в исполнение не иначе как по утверждении решения Совета Командующим войсками.

10. Командующий войсками оставляет за собою право – предлагать обсуждению и решению Совета те вопросы, которые он признает нужным ему задать.

11. Вопросы, предлагаемые командующим войсками, обсуждаются и решаются Советом не в очередь, т.е. немедленно.

12. В первое время Совет Ханства собирается ежедневно; в следующее – когда вопросы, касающиеся административного и финансового устройства ханства будут приведены в порядок; Совет собирается в определенные дни, назначенные командующим войсками, или созывается Ханом для решения вопросов экстренных и неотлагательных.

13. Место для заседаний Совета выбирается вблизи расположения русских войск, вне города.

14. Решения Совета приводятся в исполнение ханом, чрез тех административных лиц, которые будат находиться в разных пунктах ханства.

15. Совет имеет право возлагать на одного из своих членов наблюдение за приведением в исполнение своих решений[99].

В тексте *Положения* ничего не говорится о решении вопроса с рабами, но уже 12 июня 1873 года Постановлением Совета Хивинского Ханства было объявлено о безусловном освобождении рабов и отправлении (желающих) персов на родину, причем в сответствии с текстом постановления *Богатые персияне обязаны снарядить в дорогу беднейших рабов, лишенных возможности лично обеспечить себя.* Помимо постановления Совета сам хивинский Хан сделал следующее *Объявление:*

Я, Сеид-Магомед Рахим Богадур Хан, во имя глубокого уважения к Русскому Императору, повелеваю всем моим подданным предоставить немедленно всем рабам моехо Ханства – полную свободу. Отныне рабство в моем Ханстве уничтожается на вечные времена. – Пусть это человеколюбивое дело послужит залогом вечной дружбы и уважения всего моего славного народа к великому народу русскому.

Эту волю мою повелеваю исполнить во всей точности под опасением самого строго наказания. Все бывшие рабы отныне свобод-

ны, должны считаться на одинаковых правах с прочими моими подданными и подлежат одинаковым с ними взысканиям и суду за нарушение спокойствия в стране и беспорядки – почему я и призываю всех их к порядку. Бывшим рабам предоставляется право жить где угодно в моем ханстве или выехать из него куда пожелают; для тех, кои пожелают выехать из Ханства, будет обявлена особо принятая для этого мера. Женщины-рабыни освобождаются на одинаковых началах с мужчинами; в случае споров замужних женщин с мужьями – дела разбираются казыями по Шари-гату.

На подлинном приложена печать Саид Магомед Рахим Богадур Хана[100].

Следует признать, что подписанное фон-Кауфманом *Положение* и все его прочие действия в отношении Хана и его приближенных, свидетельствуют о весьма продуманной и взвешенной политике этого, безусловно талантливого, российского администратора. Дело в том, что Генерал-Губернатор Туркестанского края великолепно знал о том, чего стоят заверения Хана в вечной верности Белому Царю, так как, буквально в день подписания *Положения*, он, разобрав архив ханской канцелярии, официально обратился в Министерство иностранных дел России со следующим письмом (на котором имеется многозначительная надпись: *«Государь Император изволил вскрыть и читал 15 июля 1873 г.»*)

Его Превосходительству П.Н. Стремоухову.

Хива 6 июня 1873 года.

Милостивый государь Петр Николаевич.

В числе бумаг, найденных по занятии нами Хивы в одной из внутренних комнат Ханского дворца, оказалось между прочим подлинное письмо Лорда Northbrook-а от сентября минувшего года. Очевидно Хан, предвидя столкновение с нами, обратился к англичанам за помощью против русских, но, как видно из письма, получил отказ. Совет Лорда Northbrook-а о немедленном и безусловном освобождении всех русских, находившихся в плену в пределах Ханства, Хан не поспешил исполнить, и сделал это только тогда, когда чрез Бухару дошла до него весть о приготовлениях наших к походу в Хиву. Известно, что он посылал в тоже время посланников к бухарскому Эмиру и даже к Худояр-Хану с просьбою помочь ему людьми и оружием в предстоящей борьбе с русскими. Первый, хотя и принял Хивинского посланца, но задержал его до того времени, когда он уже узнал о моем движении из Дизака на Хиву с туркестанским отрядом; в ответном письме Эмира говорилось, что он из-за Хивы не намерен ссориться с Россиею, с которою живет в добром согласии, и что Хан сам во всем виноват, так как не послушался вовремя добрых советов Эмира. Что же касается посланца, отправленного в Коканд, то он даже не был принят Худояр-Ханом; ему приказано было немедленно выехать из пределов Ханства.

Препровождая при сем копию с вышепомянутого английского документа, не могу не обратить внимания Вашего Превосходительства на следующее обстоятельство: В письме к Хивинскому Хану Лорд Northbrook говорит о согласии и дружеских отношениях между Русским и Великобританским Правительствами, тогда как в письме Sir John Lawrence-а к Бухарскому Эмиру, написанном, как мне помнится в 1866 году, на персидском языке подобраны другие причины к отказу в помощи. Мне кажется переписка моя, затеянная с Шир-Али-Ханом Кабульским по поводу прибытия к нам Сердера Абдуррахман-Хана, повлияла на содержание и на форму письма Ост-Индского Вице-Короля.

Кроме английского письма найдена также целая кипа турецких писем из Константинополя. Я приказал просмотреть и разобрать эти документы, и если в них окажется что-либо интересное, то не примину сообщить в Министерство Иностранных Дел. Остается сожалеть о том, что в Ханской канцелярии не существовал обычай хранения отпусков [черновиков] *с ханских писем.*

Прошу Ваше Превосходительство принять уверение в совершенном моем почтении и таковой же преданности...

К. Фон Кауфман[101].

Не все в Хивинском походе было полностью благополучным. Экспедиция Красноводского отряда окончилась полной неудачей из-за недостаточных запасов питьевой воды. Война обошлась казне в 7500000 рублей, причем фон-Кауфман полагал, что часть этой суммы может быть покрыта оговоренной с хивинскими властями контрибуцией в 2 миллиона рублей, но, по твердому мнению Генерал-Губернатора эту контрибуцию ни в коем случае не надо было взымать с оседлого сельскохозяйственного населения ханства, а наложить ее целиком на хана, его окружение и воинствующих кочевников-туркменов, составлявших основную боевую силу страны и более всего досаждавших караванам. Причем фон-Кауфман настаивал на немедленном взымании с туркменов 750 – 800 тысяч рублей и заявлял, что *если туркмены добровольно не внесут причитающейся с них части, всего вероятнее, то я буду производить с войсками набеги для их разорения. Хотя такою мерою цель пополнения наших затрат по экспедиции не будет достигнута, и 800 тыс. рублей мы не получим с туркмен, тем не менее погром, произведенный нами в их среде, будет иметь в будущем, большое и нравственное, и материальное значение. В случае, если туркмены заплатят 800 тыс. руб., тогда остальные затем 1200000 руб. я нахожу справедливам взыскать собственно с хана разложив уплату этих денег с причитающимися процентами на 7 лет, по 200 тыс. руб. в год*[102]. Если же правительство Хивы не сможет обеспечить получения денег с туркменов, Кауфман считал необходимым взыскать всю контрибуцию с самого хана (доходы которого составляли по расчетам Туркестанского

генерал-губернатора 400 тыс. руб. в год), распределив оплату на 10 лет[103].

Для укрепления российского военного присутствия в Хивинском ханстве, фон-Кауфман предлагал целиком оккупировать дельту и правый берег реки Аму Дарьи, причем часть территории ханства на восточном правобережье Аму-Дарьи он считал целесообразным передать бухарскому эмиру «в уплату» за его активную поддержку, оказанную русским во время хивинской кампании. Для обеспечения безусловного военного контроля на правом берегу Аму-Дарьи предлагалось полностью занять Кунград и Шараханы, создав на них постоянные российские военные форпосты. Все эти меры были одобрены императором, хотя с оккупацией Шараханы он велел повременить[104].

Освобожденные из рабства персияне, стали доставлять своим освободителям множество неприятностей, и поэтому русские спешили переправить их на родину до отвода своих основный вооруженных сил из ханства, на территории которого итак продолжалась вооруженная борьба. 15 июля была проведена экспедиция против туркмен-йомудов, закончившаяся их полным разгромом. Остатки туркмен бежали к Мерву и Атреку. Эта последняя успешная военная операция позволила фон-Кауфману заключить 12 августа 1873 года официальный мирный договор с хивинским ханом, в котором, в частности указывалось, что *1. Сеид-Мухамед-Рахим-Богадур-Хан признает себя покорным слугою Императора Всероссийского. Он отказывается от всяких непосредственных дружеских сношений с соседними владениями и Ханами и от заключения с ними каких-либо торговых и других договоров, и без ведома и разрешения высшей русской власти в Средней Азии не предпринимает никаких военных действий против них. 2. Границею между русскими землями и хивинскими служит Аму-Дарья, от Кукертли вниз по реке до отделения от нее самого западного протока Аму-Дарьи, а от этого места по сему протоку до впадения его в Аральское море; далее граница идет по берегу моря на мыс Ургу, а оттуда вдоль подошвы южного чинка Усть-Урта по так называемому старому руслу р. Аму...* Помимо этого в договоре указывалось, что весь правый берег Аму-Дарьи с населяющими его народами отходит к России, причем исключительное право судоходства по этой реке предоставляется только русским, а хивинцы и бухарцы могли пользоваться этим водным путем лишь с разрешения российских властей. Для обеспечения судоходства россияне имели право устраивать порты и фактории на левом берегу Аму-Дарьи. Помимо этого договором были сняты все торговые ограничения: как российские купцы во всех хивинских городах, так и хивинцы во всех городах Российской империи получили право беспошлинной торговли. Наряду с обязательным освобождением от рабства всех невольников, хивинские власти были обязаны возвращать всех беглых из России[105].

Персы приняли более 6000 своих соотечественников, освобожденных из Хивы[106].

Британское правительство восприняло с большим беспокойством факт фактического присоединения Хивинского ханства к владениям Российской империи, которые таким образом вплотную приблизились к сфере колониального влияния Великобритании. Дело в том, что еще в 1869 году, для установления каких-то пределов распространения российской власти в Туркестане, Англия предложила России начать переговоры о разделе сфер колониального влияния двух империй в Центральной Азии. Не вдаваясь в детали этих переговоров, изложенные в нашей книге *Схватка на Крыше Мира: политики, разведчики и географы в борьбе за Памир в XIX веке*[107], заметим только, что после длительных дискуссий, продолжавшихся с перерывами с 1869 до 1873 года, в качестве условной границы распространения российского влияния на юге было принято течение реки Аму-Дарьи, причем в ее истоках, Российское правительство, после длительных споров, согласилось, или вернее *не отказалась* признать английскую демаркационную линию, которая (без достаточно веских на то оснований) включала во владения Афганистана памирские княжества Бадахшан и Вахан[108].

Завоевание Хивы возродило беспокойство британских властей, в связи с чем российскому внешнеполитическому ведомству в январе 1874 года была направлена официальная депеша, в которой не только выражалась отмеченная озабоченность, но излагалась британская версия развития переговоров Гранвилля с Горчаковым о заключения соглашения о разделе сфер влияния России и Англии в Центральной Азии. Завоевание Хивы и, ранее Бухары, не нарушали договоренностей Российской империи и Великобритании о разделе сфер влияния в Центральной Азии, но британские власти, опираясь на сообщения из Персии, Афганистана и на определенные тенденции развития российской политики в Туркестане, вполне обоснованно предполагали, что следующим шагом империи будет завоевание Мерва и продолжение непримеримой борьбы с туркменами, которая может коснуться пограничных районов как Персии, так и Афганистана. Именно такое развитие событий вызвало наибольшую обеспокоенность английских властей, разъяснению позиции которых посвящена значительная часть аналитической справки британского внешнеполитического ведомства, переданной министру иностранных дел России князю Горчакову[109]. Текст этого, безусловно, интересного, исторического документа, обнаруженного нами в Архиве внешней политики Российской Империи, помещен в Приложении № 2.

Хивинский поход способствовал расширению географических знаний об этих, ранее практически неизвестных районах. Для фон-Кауфмана изучение вновь присоединенного края имело не меньшее значение, чем организация в нем твердой администрации. Практически обе

задачи были нераздельны, поэтому неудивительно, что Туркестанский генерал-губернатор сразу же наметил следующий план действий:

Пользуясь настоящею стоянкою нашею под Хивою, я предполагаю посылать в разные стороны и по разным направлениям партии для производства астрономических и топографических работ. Часть этой партии уже отправлена в настоящее время в район между Хивою, Шейх-Арыком, Шураханами, Ханками и Новым Ургенчем. Отчет о результатах как этих работ, так и произведенных уже во время следования Туркестанского отряда от Хал-Ота до Хивы, я буду иметь честь своевременно представить Вашему Высокопревосходительству. Приняты также меры для собирания географических, статистических, этнографических и прочих сведений о Хивинском Ханстве[110].

Для центрального правительства России и руководства Туркестанского края была ясна необходимость создания надежной транспортной связи метрополии и новых владений, отделенных от европейской части страны зоной трудно преодалимых пустынь и полупустынь. В связи с этим было принято решение о скорейшей постройке железной дороги через Оренбург на Ташкент и Фергану[111].

Детали Хивинской кампанияя стали известны за рубежом практически сразу же по ее завершинии, благодаря тому, что корреспонденту «Нью Йорк Геральд» Дж. Мак Гахену удалось добиться у российских властей разрешения на посещение Средней Азии в составе военного отряда. Мак Гахен начал свое путешествие с поверенным в делах США в России Юджином Шулером (Eugene Schuyler), который совершал поездку в Ташкент, а затем из Ак-Мечети (Форта Перовский) практически на свой страх и риск добрался до экспедиционного корпуса барона фон-Кауфмана. Описание военной экспедиции, похода американца через пустыню Кызыл-Кум и взятия Хивы было опубликовано Мак Гахеном уже в 1874 году[112]. В 1875 году в Хиву направился еще один англичанин, капитан королевской кавалерийской гвардии Фред Бёрнаби, который удостоверился в достаточной прочности позиций русских в завоеванных районах. Изданная Бёрнаби по итогам этого тяжелого зимнего путешествия книга содержит много ценных наблюдений автора о быте казахов, узбеков, таджиков и других народов Центральной Азии, с которыми ему приходилось общаться, а также – о характере русской колонизации края, казацких войсках и русском офицерстве, в котором он, в частности отметил значительный рост антигерманских и антиавстрийских настроений, сказывавшихся даже на неприязненном отношении к российским офицерам, выходцам из Прибалтики, количество которых в армии, по мению некоторых русских *было совершенно непропорционально населению Балтийских провинций по сравнению с населением большей части Империи*[113]. Как подавляющее большинство других британских авторов того периода, капитан Бёрнаби явно сгустил краски описывая уг-

розу индийским владениям британской короны со стороны Российского Туркестана: в его книге неоднократно встречаются суждения о якобы неодалимом желании российского офицерства не останавливаться на достигнутом, а продвигаться на юг, через Персию и Афганистан, для «освобождения» Индии от британского господства.

Присоединение к России территории Кокандского ханства, Ахал-Текинского оазиса и Мерва

К середине 70-х годов XIX в. относится окончательное закрепление России на территории Кокандского ханства. Для того чтобы выяснить ситуацию в ханстве, а также отношение властей его к России, фон-Кауфман направил в начале зимы 1875 года своего представителя А. Вейнберга к Худояр-Хану. Посланник генерал-губернатора, сообщая о весьма неучтивом приеме, оказанном ему властями ханства, высказывал следующие суждения о ханстве в целом и необходимых, по его мнению, мерах по усилению влияния России в Туркестане:

При подобных отношениях ханства к нам, невольно является вопрос, чем выразилось влияние русских на наших соседей в продолжении десятилетнего владения нами Туркестанским Краем ? – К сожалению нельзя указать на какие либо действительные результаты, – мы остались им совершенно чужды и лишь необходимость заставляет владетелей [поддерживать] *нежеланные, вероятно, отношения.*

Мне кажется, что одной из лучших мер к сближению с нами соседних ханств послужила бы обязательная отправка в Россию на воспитание малолетних сыновей эмира Бухарского, Хана Кокандского, а также влиятельнейших и богатейших из тамошних семейств. Молодые средне-азиатцы, получив у нас воспитание в русском духе и окончив курсы образования, при возвращении на родину невольно сделались бы пионерами русской цивилизации и незаметным образом содействовали бы действительной перемене образа мыслей и взгляда своих соотечественных на Россию и русских.

В заключение сообщенных мною сведений о Коканде не могу не упомянуть о поразившей меня обработке почвы и густоте населения Ханства. – Все пространство от г. Коканда до Андижана чрез Маргелан и Ассаки представляет сплошной сад, поля тщательно размежеванные, прекрасно орошены арыками, что местами вызывает могучую и роскошную растительность. Дорога, окопанная канавами и обсаженная тутовыми деревьями и талом, вьется прекрасною аллеею, каждые 10 минут или четверть часа встречаются деревни и усадьбы, – а как во всех этих кишлаках каждую неделю бывают базарные дни, то движение между этими местностями постоянное и непрерывное; – я ничего подобного нигде не видел, разве на

Рейне или в Швейцарии. – Но не смотря на веселый и праздничный вид природы, люди смотрят там уныло и угрюмо, – всякий знает, что собственность его ничем не гарантирована и всякий день может быть отобрана в пользу ненасытного владыки. Фон-Кауфман направил 26 января 1875 года соображения и рекомендации А. Вейнберга А.М. Горчакову[114].

Внутренние междоусобицы и, особенно, угроза со стороны Якуббека привели к тому, что новый владетель ханства Насреддин вынужден был 22 апреля 1875 года подписать договор с генерал-губернатором Туркестанского края К.П. фон Кауфманом, по которому он признавал себя *покорным слугой императора всероссийского*, отказывался от всяких непосредственных связей с соседними владениями и т.п. Земли на правобережье Сыр-Дарьи и Нарына – Шаманганское бекство и ряд соседних районов были включены в состав Российской империи[115].

19 февраля 1876 г. в Петербурге был обнародован указ о включении территории Кокандского ханства в состав Туркестанского генерал-губернаторства. После ликвидации ханства русское правительство стало считать себя преемником его прав, что прежде всего касалось территорий, бывших в разное время под контролем кокандских ханов. Это являлось в глазах администраторов Туркестанского края достаточным правооснованием для продвижения русских войск в Южную Киргизию и в Приалтайскую долину. Подавляющее большинство обитавших там племен добровольно приняло подданство России. В результате ликвидации Кокандского ханства и включения его территории в состав Туркестанского края к Российской империи были присоединены не только Ферганская долина, но и Южная Киргизия до предгорий Памира. Русские владения непосредственно соприкоснулись с государством Йеттишар на значительном пространстве. С другой стороны, в 1875 – 1876 гг. китайцы начали карательные экспедиции против повстанцев в Синьцзяне, которые протекали весьма успешно. Китайские войска, разгромив дунганей в Урумчи и Манасе, начали подготовку похода в Восточный Туркестан. Русские власти в Туркестане спешили установить границу с государством Йеттишар до его падения, возвратив при этом территории Киргизии, захваченные в свое время кашгарскими отрядами. Детальное рассмотрение переговоров с Якуб-беком дано в нашей книге *Схватка на Крыше Мира...*, здесь лишь отметим, что достигнутые с ним договоренности не могли быть реализованы из-за смерти Якуб-бека, а затем и полной ликвидации в 1878 г. государства Йеттишар цинскими войсками.

Победы китайских карателей в Синьцзяне не могли не оказать влияния на решение вопроса об Илийском крае. На протяжении 1873 – 1875 гг. цинское правительство не прекращало попыток всячески усложнить положение русской администрации на временно занятой ею территории. По мере окончания военных операций Пекин ставит

илийский вопрос все более настойчиво и определенно[116]. Это побудило и русское правительство вплотную заняться выработкой условий передачи Китаю Илийского края.

19 марта 1876 г. на совещании под представительством военного министра Д.А. Милютина было решено, что передача Кульджи китайцам возможна в том случае, если они: «а) возьмут Урумчи и Манас; б) дозволят нашим купцам проникать в центр империи; в) вознаградят их убытки и удовлетворят претензии нашего посольства; г) допустят восстановление в Кульдже нашего консульства; д) объявят амнистию всем жителям Илийского края; е) уступят нам долину реки Текеса, прилегающую к Музартскому проходу.[117]» Последний пункт, по-видимому, был включен в определенной степени благодаря новым данным, полученным, в частности, экспедицией капитана Шепелева 1871 г., выяснившей благоприятные природные условия долины реки Текес и удобство Музартского перевала. Прежний проект пересмотра Чугучакского протокола было решено снова попытаться осуществить, если китайцы проявят уступчивость относительно перечисленных выше пунктов[118].

Готовясь к переговорам с китайцами, начало которых затянулось до 1879 г., русские власти в Туркестане продолжали интенсивные исследования в пограничных территориях. Так, в 1876-1877 гг. в Западный Китай «для собирания точных сведений» был даже направлен русский разведчик коллежский ассесор Головкин, который наряду с информацией об успехах действий цинских карателей против дунганей доставил также рукописную карту Тянь-Шаня и районов к востоку от него, выполненную им по собственным наблюдениям[119].

Помимо географических исследований, туркестанские власти продолжали укреплять самые южные границы империи и предприняли, под руководством только что вернувшегося после блестящих побед над турками на Балканах генерал-адъютанта М.Д. Скобелева (1843-1882), решительные действия по присоединении Ахал-Текинского оазиса и Мерва (1879-1882 гг.). 10 июня 1880 года Скобелев доложил фон-Кауфману о взятии Бами, но, в тоже время, он был вынужден признать, что появление русских вызвало значительное недовольство туркменов. Коротко и жестко «белый генерал» сообщал: *В лагере пойманы шпионы, семь человек будут повешены; также йомудские старшины, в случае измены их племен... Туркмены высказывают более единства, чем можно было бы предполагать первоначально. Это есть последствие прошлого и быть может иностранного влияния*[120]. Следует, однако заметить, что и без иностранного влияния действия Скобелева не могли не вызвать недовольства местных жителей, хотя бы потому, что его войска по пути полностью собирали урожай, а все, что не могли забрать уничтожали[121].

В то же время, с самого начала кампании англичане проявляли нескрываемый интерес к развитию событий, так уже 21 ноября 1879 го-

да чиновник Министерства иностранных дел Щелкунов сообщил российскому посланнику в Тегеране Н.А. Зиновьеву следующее: *Приехавший на днях из Лондона секретарь Великобританской миссии Ларком отправляется завтра вместе с высланным из Чикишляра и проживающем в Астеробаде корреспондентом О'Донованом в лагерь к губернатору, откуда имеет намерение проехать в Полиош Тепе и к устью Атрека. По возвращении из этой поездки О'Донован отправляется в Хоросан*[122]. Несколько позднее (20 января 1880 года) Щелкунов теллеграфировал из Астрабада Зиновьеву следующие дополнительные сведения о деятельности англичан: *Мне удалось получить от англичан слудующие сведения: корреспондент О'Донован, отправившийся в Степь для собрания сведений о потерях, понесенных нами при последнем нападении текинцев, уже две недели проживает в Гюмюш Тепе, где занимается раскопками. Кроме того, по поручению Чорчила, он старается склонить йомудов, которые принимают его за официального агента Англии, действовать заодно с текинцами и приискать туркменина, который решился бы отвправиться в Ахал и обяснить, что они могут нанести нам большой вред, подвергая порче Чикишляр-Астерабадскую* [телеграфную] *линию. Помимо тайного агента английского из туркмен, в Чикишляре есть секретный корреспондент газеты»Таймс», который по словам Чорчила и О'Донована, сообщает в Лондон ложные сведения о действиях наших в степи. Я уведомил об этом полковника Маламу. Запрещение вывоза хлеба из Шахруза, Астерабада и Мазанзерама, вызванное дороговизною, Чорчиль приписывает настояниям Английского консульства. Бесприятственный вывоз в Чикишляр ячменя, дров и прочего был причиною заметного охлаждения между Каргузаром и Чорчилем, который лично выразил мне нерасположение к Мирзе Джевад Хану и недоверие к его обращениям к Мири Пенджа, он старается действовать через О'Донована и Сертипа Вели Хана...*[123]

В донесении Скобелева от 23 мая 1880 года сообщается: *Несколько дней назад привели ко мне индейца, родом их Кашмира, он, путешествуя из Тегерана в Мешед попал в Чекишляр. Личность с видом, визированным Английским посольством в Тегеране, казалась настолько подозрительною, что я счел необходимым не дать ему возможности пробраться в Персию. Теперь он содержится в Форте Александровском*[124].

Следует заметить, что, как и подавляющее большинство русских офицеров, служивших в Туркестане, Скобелев (часто вполне оправданно) был склонен видеть происки англичан в любом сопротивлении местных народов расширению российских центральноазиатских владений, причем этот, безусловно выдающийся генерал, был, надо признать, явно не вполне объективен в отношении своих оценок относительной «привлекательности» российского господства, в сравнении

с британским. В этом отношении весьма показательны суждения, высказанные генерал-адъютантом Скобелевым в его письме российскому посланнику в Тегеране И.А. Зиновьеву:

...Мне в особенности, как русскому, чрезвычайно ценно все устранить, что могло бы возбудить подозрения Персидского Правительства, и, косвенным образом, тем самым усилить значение Англии.

Мое глубокое убеждение выработавшееся во время почти беспрерывной службы в Средней Азии, что наше значение и сила в этих краях держится на слишком прочных основаниях, чтобы нам пришлось прибегать, для поддержания своего обаяния, к тем чрезвычайным мерам, дипломатическим, финансовым и военным, к которым вынуждено обращаться правительство Великобритании.

Положение его в Азии не имеет ничего общего с нашим собственным, и начало его следует искать в том насильственном и нравственно неправом положении дел, которое Англия поддерживает в Индии с начала нынешнего столетия.

Русская Держава, слава Богу, вносит за собою в Азию мир, начала равноправности, личной и имущественной свободы; она опирается не на привилегированные классы, а на трудящуюся массу.

Теперь конечно еще рано думать о введении гражданского управления в Закаспийской степи, но я льщу себя надеждою, если Государю благоугодно будет возложить это дело на меня, тогда столь ценная и многолетняя опытность Вашего Превосходительства не оставит нас в этом трудном деле[125].

13 января 1881 года Скобелев сообщил телеграммой о взятии крепостей Геок-Тепе и Донгиль-Тепе. Следует признать, что, пожалуй, ни одна другая кампания российских войск в Центральной Азии не сопровождалась таким количеством жертв, о чем, в частности свидетельствует следующее официальное донесение Скобелева из Геок-Тепе:

Из Геок-Тепе ухожу немедленно. Это сплошное кладбище, в котором погребено более 10 тыс. трупов, с наступлением жаров стоять будет немыслимо. Даже теперь трупный запах очень силен[126].

Завершив взятием Геок-Тепе главный этап кампании, генерал-адъютант Скоблев предложил в своей депеше, датированной 26 марта 1881 года (г. Келет) начальнику Главного штаба Генералу Обручеву следующий план действий на будущее:

Став на предписанное в будущем, как в политическом, так и в стратегическом отношениях, нам важен Дерегез, как удобный путь, ведущий по Герату; зато относительно пограничной черты с Бужнурдом и Кучаном думаю, что можно быть до крайности уступчивым. Удобная в смысле географическом и экономическом, граница, на основании уже оконченных съемок была бы Гяурса по водоразделу, через Кельте-чинар, верховья реки Фирузы на Хейрабат, Зейдаршахтей-рабат, река Ширингай и по Атреку, но чрез это пришлось бы присоединить большие кишлаки Кифар и Мугамедибад

и много селений, расположенных по правому берегу Атрека. Этого, вероятно, без протеста со стороны Персии сделать не удастся; входить же в непосредственные отношения с Ильханиями, наше правительство не желает. Между тем, если уже решиться настаивать относительно Персии, то важнее всего создание вассального Атека и утверждение нашего влияния в Дерегезе, а не в местности по Атреку. Следовательно, встав всецело на почву полученных указаний..., можно было бы признать границею от верховьев Гяурской воды к верховьям вод Анаурской, на которой стоит Кельтечинар, далее по водоразделу к верховьям вод Фирозинской, Чулинской и Гермабской и выйти на гору Мисанов, откуда пустынным хребтом Копет Дага на верховья Чиндыра, и если бы Персидское правительство отстаивало Карыкалэ, то без неудобства относительно наших интересов далее к верховьям Сумбара, причем, Карыкалу отдать Персии за это. Ставлю первостепенно важным вопросом, чтобы к России отошло все течение Аннуйской воды с Килятечинаром, причем перевал должен быть в наших руках. Отсюда идет удобная колесная дорога к Мешаду, по плодородной стране. Командировал по этому пути в Мешед Генерального Штаба Подполковника Мельницкого для составления военного описания. Считаю возможным, раз общие политические соображения того требуют, всякие за тем уступки кроме Кельтечинара и перевала, было бы желательно не предрешать вопроса до получения от меня чрез курьера донесения после моей поездки согласно маршрута, о котором докладываю Военному Министру. Все съемки и распросные карты будут приложены к этому донесению и заключаю, как признак персидского настроения и громадности завоеванного нами обояния в Курдских провинциях, достоверно известно, что Яр Магомед Хан Буджнурский получил указание от Рукнуддфуле, что Нухури и Каракоила персидские. По получении сведения о взятии Геок-Тепе Шуджауддауле заявил нашему агенту Таирову в Кучане: «Теперь все надежды на русских, что они дадут, тем и будем довольствоваться». Магомед Али Хан Дегезский прямо заявил мне, что был бы рад, если бы Дерегез принадлежал России, о чем мною уже донесено посланнику. Полковник Зюльфагар Хан о состоящих войсках донес в Тегеран, что с покорением Теке покорились нам и соседние персидские области, так как массы народа являются в место расположения наших войск и сближаются с нами. Зюль-Фагар Хан просил принять меры, затрудняющие сближение персидских подданных с русскими[127]

Не все в российском высшем руководстве были уверены в целесообразности окончательного присоединения Ахал-Текинского оазиса и дальнейшего продвижения вглубь Средней Азии. Так, управляющий Министерством иностранных дел Статс-секретарь Н.К. Гирс в письме представителю России в Персии И.А. Зиновьеву вообще высказывал сомнение в необходимости окончательного завоевания Ахал-Текин-

ского оазиса, на что Зиновьев ему решительно возражал, следующим образом аргументируя свою точку зрения:

Если бы туркмены и поняли это [необходимость смириться с присутствием русских и прекращения разбойных нападений на караваны], *то нет сомнения, что английские агенты, успевшие завести с ними тайные сношения и которые будут конечно напрягать все усилия свои к тому, чтобы подорвать между ними наше влияние, не замедлят разъяснить им как значение нашего отступления, так и все проистекающие из оного последствия.*

Не следует забывать, что одной из причин, побудивших нас к движению на восток от Каспийского моря, послужила признанная нами необходимость произвести впечатление на Англию и предупредить с ее стороны возможные против нас замыслы в Средней Азии. Таково было соображение, послужившее поводом к предпринятой в 1878 году экспедиции к Ходжа-Кале, каковая экспедиция и привела нас к убеждению в необходимости сломить текинцев.

Нельзя поручиться, что в будущем мы не будем вынуждены прибегнуть к подобным мерам по отношению к Англии, а между тем опыт нынешней экспедиции и затруднения, кои нам пришлось преодалеть, достаточно доказывают, что никакая диверсия против Англии не может иметь успеха в Средней Азии, пока на пути нашем к Великобританским владениям в Индии будет существовать независимое текинское население.

Англичане хорошо понялц это и этому именно соображению следует приписать усилия их агентов сгруппировать население Ахал-Текинского оазиса и восстановить оное против нас. Добровольно отказаться от приобретенных дорогою ценою районов нынешней экспедицией было бы тем неосторожнее, что по настоящее время остается неразрешенным весьма важный вопрос в Средней Азии: будущее Афганистана[128].

Российские дипломаты в Персии, так внимательно следившие за деятельностью английских агентов, в тоже время были весьма недовольны жесткой политикой военного начальства Закаспийского края, – генерал-адъютанта Скобелева, в частности, Щелкунов, с возмущением сообщал фон-Кауфману о том, что Скобелев насильственно принуждал персидских туркменов, кочующих по южному берегу Атрека, и йомудов принимать российское подданство[129]. Эти факты, а также жестокость Скобелева при взятии им Геок-Тепе были восприняты крайне отрицательно генерал губернатором Туркестанского края генерал-адъютантом фон-Кауфманом, и по его настоянию «белый генерал» был отозван из Туркестана и заменен генерал-лейтенантом Рербергом[130].

К этому времени российский император вообще был склонен остановить дальнейшее продвижение российских владений в южном направлении, удовольствовавшись Ахалтекинским оазисом. Сообщая об

этом российскому посланнику в Тегеране, министерство иностранных дел объясняло, что *к такому образу действия побуждают нас миролюбивые стремления нынешнего английского кабинета в Среднеазиатской политике, вполне соответствующие желанию Государя Императора. Поэтому Его Величеству угодно, чтобы вы отнюдь не вступали в какие-либо переговоры с Персидским правительством насчет Саракса, тем более уже сообщали здешнему Английскому послу о решении не двигаться вперед и предупредили его, что рассчитываем на прекращение всяких происков со стороны английских агентов в Мерве*[131].

14 июля 1881 года император одобрил решения Особого совещания по Текинскому вопросу, во время которого было принято решение об окончательном присоединении Ахал-Текинского оазиса и о не обходимости заключения договора с Персией, подтверждающего этот факт[132]. 9 декабря 1881 года в Тегеране была заключена *Конвенция между Россией и Персией о разграничении к Востоку от Каспийского моря*[133]. Конвенция включала ряд секретных статей, относящихся к району Атека, в одной из которых, в частности отмечено, что *В видах представления Туркменам как населяющим ныне Атек, так и имеющим поселиться в последствии в местности этой, возможности заниматься земледелием, Правительство Его Величества Шаха Персидского обязуется не отводить воду речек и ручьев, текущих с гор в Атек, в количестве, превышающем потребности персидского населения*[134].

В 1883 году была назначена русско-персидская разграничительная комиссия, которая должна была на местности делимитировать и демаркировать границу, установленную между двумя государствами на основании Конвенции 1881 года. Деятельность комиссии продолжалась с 1883 по декабрь 1885 года[135], и была осложнена существованием секретных статей Конвенции и особенно тех из них, которые предоставляли русским некоторые, не очень четко определенные права на персидский район Старого Серахса.

Уже в июне 1882 года в Серахсу прибыл наместник Хорасана с пятитысячным отрядом для того, чтобы заложить три крепости в Старом Серахсе, Кизылкое и Зурнадафе. Оправдывая эти действия персы настаивали на том, что граница была определена в Конвенции лишь до Серахса. Русские резко воспротивились такой трактовке, и 17 августа 1882 года шах согласился с требованиями России, и прекратил военную акцию на Серахсе[136].

В самом начале 1884 года положение России в этом регионе значительно укрепилось благодаря окончательному присоединению Мерва к владениям Российской империи. 7 января 1884 года Начальник Закаспийской области генерал-лейтенант А.В. Комаров (1839-1904) в своем письме № 128 на имя генерал-адъютанта князя А.М. Дондукова-Корсакова (1820-1893) доложил следующее:

Алиханов [Максуд (1846-1907)] *сообщает 1-го января в Общем собрании состоялось постановление четырех Мервских ханов и большинства народа, коим Мерв повергает себя к стопам Государя Императора, безусловно окончательно принимает русское подданство и просит прислать Русского начальника. Просьбу об этом везут четыре хана, шестнадцать* [почетных лиц].

Все дело совершено мирым путем. За Теджент перешли только Штаб Ротмистр Алиханов, двадцать пять казаков и десять текинских фараджиев.

Мервцы просят Государя Императора прощения прежних заблуждений и об амнистии бывшим аламанцам. Донося об этом прошу приказаний Алиханову арестовать в самом Мерве трех афганцев, возбуждавших народ против русских. Он полагает, что это английские агенты. Вчера они доставлены сюда[137].

Решение этого вопроса было передано на рассмотрение *Особого совещания представителей Министерств иностранных дел и Военного с участием Командующего войсками Кавказского военного округа.* Результаты этого совещания сообщаются в следующем документе:

Копия с весьма секретного письма Министра иностранных дел к Военному Министру от 28-го января 1884-го года за № 11.

На происходившем вчера в Министерстве иностранных дел совещании решено было предоставить Начальнику Закаспийской области отправить отряд для занятия Мерва в случае, если мера эта, по мнению его, оказалась безусловно необходимой для обеспечения полной покорности нам населения долины Мургаба и для создания там прочного порядка.

Так как означенное решение обусловлено было соображением, что сами Мервцы добровольно выразили готовность признать себя подданными Государя Императора, то необходимо, чтобы вступление наше в означенную область, к возможности коего Англия всегда относилась с крайним предубеждением, являлось не как предприятие, вызванное честолюбивыми замыслами, кои приписывают нам англичане, а как естественное и неизбежное последствие того могучего обаяния, коим пользуется в глазах населения Средней Азии Император Всероссийский. Появление войск наших на Мургабе должно сохранить за собою вполне мирный характер, а для этого необходимо, чтобы оно совершилось без серьезных столкновений и без кровопролития.

Хотя сообщенные генерал-лейтенантом Комаровым сведения и дают полное основание предполагать, что именно в этих условиях должно произойти занятие Мерва, при всем том, в виде особой важности шага этого, мне казалось бы нелишним, в дополнение к переданным уже Начальнику Закаспийской области указаниям, поставить ему на вид необходимость принять все зависящие от него предосторожности к предупреждению кровопролития, а, в случае, если

бы выяснилось, что мервцы, вопреки увериям их старшин и ханов, не прочь попытаться оказать сопротивление войскам нашим, то обождать движением сих последних и употребить предварительно нравственное давление с целию устранения возможности вооруженного столкновения.

В надежде, что Ваше Высокопревосходительство не оставите признать существенную важность вышеизложенных соображений, непосредственно вытекающих из тех, кои высказаны были на вчерашнем совещании, я обращаюсь к Вам, Милостивый Государь с покорнейшею просьбою благоволить сообщить мне Ваше заключение[138].

Алиханов был временно назначен Начальником нового округа. Ханы и уполномоченные Мервского народа принесли в Ашхабаде *присягу верноподданства Его Императорскому Величеству*, сообщение о которой по указанию императора было опубликовано в *Правительственном вестнике* от 2 февраля 1884 года[139]. В Санкт-Петербург были направлены подписанные тексты официального обращения мервцев и их *Клятвенного обещания* на персидском языке и в переводе, котрые хранятся в Архиве внешней политики Российской имеприи[140]. В ответ на это российские власти направили в Мерв *Ханам, старшинам и всему народу Мервскому, рода Отамыш и Точтамыш* сообщение о приеме их в российское подданство, в котором, в частности подчеркнуто: *Вероисповедание Ваше остается неприкосновенным. По этому вопросу не требуется никаких разъяснений. Всему свету известно, что миллионы мусульман, подданных Великого Государя никогда еще не были стесняемы в свободном отправлении взглядов своей веры.* Все бывшие ханы оставлены полными властелинами в своих владениях с дополнительным жалованием от царя. Всем мервцам предоставлялись равные с русскими права. Среди обязательств, накладываемых империей на своих новых подданных подчеркнуто, что *Захват в плен кого-бы то нибыло и продажа людей на будущее время строго воспрещяется... Теперь же возлагается на население Мерва обязанность, как только настанет удобное время, очистить все колодцы на главных караванных дорогах в Хиву и Бухару до пределов этих ханств и ответственность за безопасное следование караванов как по этим дорогам, так и в Персию и Афганистан, до границ Мерва*[141].

Чиновники российского Министерства иностранных дел были совершенно правы, когда предсказывали весьма негативную реакцию со стороны Англии по поводу присоединения Мерва. Реакция эта последовала незамедлительно и была облачена в форму обширной ноты Британского внешнеполитического ведомства, в которой приведена история расширения российских владений в Центральной Азии и сделана попытка доказать, что увеличение территории этих колоний шло вразрез обещаниям российского МИДа и нарушала договоренности

России с Великобританией[142]. Полная копия этого документа и его перевод приведены в Приложении № 3.

Следует подчеркнуть, что англичане, предвидя присоединение Мерва к России, заранее старались этому воспротивиться, используя идею сопротивления мусульман распространению влияния «неверных» (православных) русских. Действия их агентуры в этом направлении очень хорошо показаны в специальной справке *О Сиях-Пуше и Афганцах*, направленной Генерал-лейтенантом Комаровым Генерал-адъютанту князю Дондукову-Корсакову из Ашхабада 7 февраля 1884 года за № 917[143]:

Два года тому назад между Сарыками на Иол-Этане появился умный, ловкий и грамотный человек, в громадной синей чалме, с постоянно завешанным лицом, носящий все 40 имен Мусульманских святых, ставший скоро известным под прозванием «Сиях-Пуша» (носящий черную одежду) и начавший лично и чрез посредство четырех прибывших с ним афганцев, пропаганду о необходимости укрепить в первоначальной чистоте Мусульманскую религию, упадку которой он приписывал силы и успехи христианских государств. Приобрев сторонников, частию этими проповедями, а еще более обещаниями крупных вознаграждений со стороны имеющаго прибыть за ним мусульманского государя (полагают Эюб-Хана), Сиях-Пуш отделил своих агентов с поручением в Мерв, где в пользу его тоже составилась партия с Каджар-Ханом во главе. Бродя по оазису, агенты всюду старались убедить народ, что для спасения религии и свободы следует отстранится от русских, не останавливающихся ни перед какой ложью, чтобы в конце концов сделать Мусульман своими рабами и обратить их в Христианство. Как сообщала Гюльджамал Алиханову, агенты не ограничивались словесною проповедью, а имели при себе прокламации, или уничтоженные ими, когда они предвидели захват их Алихановым, или увезенные с собою, успевшим скрыться одним из них по прозванию Мансур (помощник Сиях-Пуша); остальные три агента, чрез отряд доставлены в Асхабад, где на допросе показали о себе: <u>один</u>, Искандер Хан, что он капитан Афганской службы, бежавший с Эюб-Ханом и живший сначала в Мешеде на содержании от персидского правительства, но когда оно оказалось недостаточным, перешедший к сарыкам, со своим нукером Зариф Ханом. Цель его была пробраться в Бухару, для чего выслеживал туда караван из Мерва; <u>другой</u> Ходжа Яхия выдал себя за Сеида и Медика, приехавшего в Мерв хлопотать о возвращении ему отбитых с товаром четырех верблюдов; а в Асхабаде его прозывают торговцем; из Мерва Ходжа Яхия намеревался ехать в Чарджуй для выкупа проданного туда аламанщиками его прикащика, и <u>третий</u>, Харф Хан, встретился с Искандер-Ханом у Сиях-Пуша, которого навестил из любопытства, и согласился с Искандер Ханом пробраться через Мерв в Бухару. С Ходжа Яхия познакомился в Мер-

ве; у сарыков все они были с тою же целью найти попутный караван. По словам некоторых туркмен сам Сиях-Пуш агент Англии, так как он называл англичан самыми лучшими из гяуров, обещал от них помощь оружием, деньгами и войском, и на самом деле действовал в их пользу. По другим отзывам в Сиях-Пуше подозревается Афганский Принц, подготовляющий почву для своего родственника Эюб Хана. Есть впрочем еще сведение, что всех Сиях-Пушей более 20 человек, что сначала всего четыре из них появлялись в Мерве; все они проводят идею независимости и самостоятельсности под обещанием доставки орудий и ружей для борьбы с русскими. Неудача в Мерве заставила их перебраться к Сарыкам, где они наняли для себя 40 всадников, но за неплатеж им жалования были закованы в цепи; впрочем в скором времени кто-то прислал за них выкуп Сары Хану в 120 туманов. Оставшись после того на Иол-Этане для проповеди, проповедники эти в тоже время занялись чеканением фальшивых Персидских и Хивинских Хранов.

Однако Сиях-Пуш с оставшимися на свободе сообщниками продолжали борьбу с русскими и сделали своим опорным центром крепость Коушит-Хан-Кала, о чем российские власти были во-время уведомлены. В направлении крепости был отправлен небольшой отряд, и, как сообщает в секретной телеграмме из Мерва от 6 марта 1884 года надворный советник Чарыков, *после ночного нападения, при коем три залпа положили конец сопротивлению, отряд занял 3 марта крепость Коушит-Хан-Кала, сочувственно сопровождаемый ханами, почетными лицами. Сиях-Пуш, Калжар Хан, три сообщника их пойманы ханама; Ахмед Шах выдан Сарыками; производится спрос. Повсеместное спокойствие: жители занимаются полевыми работами, торговлею и постройкою русского укрепления. Отправлен туземцами караван в Бухару; уездное управление открыто. Сарыки Иолатана просят принять их в русское подданство наравне с Мервцами. Отдельно не могут существовать, обеспечивать свою безопасность и благосостояние. Для выяснения положения посланы в Иолатан Лессер и Махмут-Кули-Хан...*[144]

В телеграмме от 12 марта 1884 года Чарыков высказывает мнение о том, что *Саях-Пуш не английский агент, но тайно служивший Эюб Хану мусульманский проповедник уроженец Британской Индии. Подготовлял для Эюба подчинение Туркмен и священную войну*[145]. Как бы то ни было, 26 августа 1884 года *Высочайше повелено во избежание нарушения спокойствия на границах Закаспийской области водворить на жительство Сиях-Пуша, Шир Али и Ахмед-Шаха в Новгородской губернии и Каджар-Хана – в Калужской*[146].

В 1884 году персы снова предприняли попытки к объединению Нового (на левом берегу Теджена) и Старого (на правом берегу) Серахсов в одно поселение и рассматривать их как единый населенный пункт, находящийся на территории Персии. 12/25 мая 1884 года Мель-

ников сообщил из Тегерана, что он *получил известие от Насирбекова, что Хорасанскому Генерал-Губернатору предписано из Тегерана немедленно приступить к заселению Старого Серахса, не щадя издержек на это дело*. Российский посланник считал, что персидское правительство *действовало, вероятно по наущению Томсона* [английского представителя в Тегеране][147].

Российские власти очень оперативно отреагировали на это сообщение и предприняли практические шаги для присоединения Старого Серахса к владениям империи. 10 июня князь Дондуков направил военному министру телеграмму следующего содержания:

Солорские поселенцы из Мерва под прекрытием двух казачьих сотен заняли Старый Серахс, куда перешло семь сотен семейств зурабских солоров. На запрос посланника в Тегеране отвечал, что наш отряд останется в Старом Серахсе до введения управления и устройства этой части территории и что вообще срок пребывания его там будет зависеть от образа действий Шахского правительства. Желательно настоять, чтобы Персия не мешала переселению зурабских солоров к Старому Серахсу. Афганский отряд двинулся для занятия не принадлежащего ему Пендже. Сарыки согнали скот с гор и готовятся уходить в Ислатану. Движение Афганцев предрешает вопрос о границе[148].

9/21 июня 1884 года российское представительство в Тегеране направило в Министерство иностранных дел России секретную телеграмму следующего содержания:

Télégramme secret de Mr Meluikoff Téhéran, le 6/21 Juin 1884

Шах умоляет Государя Императора поддержать его престиж в Хорасане, поколебленный появлением нашего отряда в Старом Серахсе. Считая этот пункт принадлежащим Персии, Шах предложил вывести оттуда отряд и переселенцев-туркмен на небольшое расстояние, обещая после переговоров, уступить его нам. – Я заявил посланному ко мне от шаха с этим поручением Яхтя-Хану, что не признавая прав Персии на Старый Серахс и основываясь на условиях секретной конвенции, я не могу допустить каких-либо переговоров насчет Старого Серахса. Предполагаю, что отряд наш послан на время для защиты переселенцев, я обещал Шаху ходатайствовать об удалении его в том только случае, если шах гарантирует безопасность туркмен, поселенных нами в Старом Серахсе. В виду вышеизложенного прошу генерала Майера задержать наш отряд в Старом Серахсе[149]. К телеграмме была приложена справка Зиновьева, в которой доказывается, что на основании секретной Конвенции от 9 декабря 1881 года (статьи 3 и 4), шах не имеет прав на население берегов Теджена, а войскам России предоставлено неограниченное право прохода через Серахс, при этом Зиновьев добавляет, что *Проход через Серахс открывает нам доступ на правый берег Теджена, т.е. в Старый Серахс, который поэтому не может считаться персид-*

ской территорией[150]. В своем письме Гирсу от 10 июня 1884 года Зиновьев еще более решительно настаивает на недопущении занятия персами Старого Серакса, в частности он пишет: *В случае занятия Старого Серахса персиянами положение наше было бы несравненно хуже: мы лишились бы весьма плодородной местности, где можно с удобством поместить избыток населения Мервского оазиса, и при том были бы совершенно отрезаны от среднего течения Теджента, обладание которым открывает нам доступ в долину Герата.*

При том в отношении с азиатцами решительность есть лучший залог успеха, и поэтому, убедившись в тщетности своих честолюбивых планов, шах по всей вероятности преклонится пред свершившимся фактом и пред могуществом России[151].

15 июня 1884 года Зиновьев, предлагает решительно предостеречь шаха от привлечения англичан к делу о Старом Серахсе, формулируя следующее обращение к российскому посланнику в Тегеране, тайному советнику Мельникову, которое, судя по заметке на полях этого проекта, было *Высочайше Одобрено*:

На случай, если Вы заметите малейшие признаки желания Персидского Правительства вмешать в дело это англичан, предупредите его категорически, что подобное вмешательство окончательно испортит дело и заставит нас заявить за собою исключительное право распоряжаться Старым Серахсом по нашему благоусмотрению[152].

Следует заметить, что российская сторона тщательно подготовилась к присоединению Старого Серакса, специально изучив историю, географические и этнографические особенности территории. Одним из результатов этого исследования явилась составленная по поручению генерал-лейтенанта Комарова *Карта окрестностей Серакса; масштаб 1 верста в английском дюйме. Снимал в январе 1884 года штаб ротмистр Алиханов*[153]. В объяснительной записке к этой карте сказано следующее:

Земли, прилегающие к Теджену верст на 20-ть на юг и настолько же на север от пункта, называемого ныне Сераксом, составляли в течение последних двух столетий достояние Туркмен, которые со времен Надыр-шаха ни разу не признавали над собою власти Персии. Прибрежные полосы были снабжены на всем этом протяжении ирригационными каналами, начинавшимися от плотины, расположенной у обрывов, называемых Кизил-Кая. Как возведение плотины, так и проведение каналов было делом первых обитателей этого района Туркмен Сарыков, почему произошло и самое название Серакс, как полагают искаженное от первоначального Сарык-су (вода Сарыков). Впоследствии территория Серакса перешла в руки туркмен Салуров, крепость которых и до сего времени носит название Салыр-Кала. Последними, более сорока лет владели страною текинцы, построившие на правом берегу реки огромную крепость Коу-

щут-Хан-Кала. В 1857 году текинцы, вместе с Коушут-ханом ушли отсюда и заняли Мерв.

Персы задумали в это время поход на Мерв, окончившийся в 1860 году совершенным истреблением сорокатысячной армии Хамзе Мирзы, и на оставленной текинцами земле, на левом берегу реки и на 14 верст южнее Коушут-Хан-Калы построили опорное укрепление Персидский или Новый Серакс. Укрепление это сомкнутое. Ограда его имеет правильное звездообразное очертание, происходящее от 12 бастионных фронтов, расположенных по элипсису, и состоит из глинобитной стены, которая не выдержит и трех орудийных выстрелов. Протяжение линии огня около двух врест. Перед стеною тянется ров. Вооружение укрепления состоит из шести негодных медных пушек на полусгнивших лафетах с изломанными колесами, а гарнизон из 500 оборванных сарбазов с старыми ударными ружьями. Внутренняя ограда такой же профили, как и главный вал, отделяет южную часть укрепления и составляет здесь цитадель, в которой помещаются комендант и так называемая Кярхана или склад пороха и разного артиллерийского имущества. Средину внутреннего пространства укрепления занимают две-три сотни скученных и грязных лачуг, в которых помещаются, как сарбазы, так и земледельцы. Остальное вплоть до ограды – бахчи и посевы. Ворот двое: северные заделаны наглухо, а противоположные им южные запираются на ночь тяжелыми замками и сообщение с укреплением прерывается до солнечного восхода из опасения туркменских набегов.

Новый Серакс служит узлом дорог идущих: на север-запад на Чаача и далее в Атек и Ахал; на юго-запад в Мешед, на юг по берегу Теджена – к Кизил-Кая и далее в Афганистан; и, наконец, на север в Мерв. Эта последняя дорога проходит на протяжении шести верст между пахатными полями и пересекает затем Теджен, который течет здесь на северо-запад в глубоком русле с обрывистыми берегами. Далее она тянется по правому берегу реки в четырех верстах от Гузара (место переправы) вступает в развалины Коушут-Хан-Калы, ограда которой обнимает несколько квадратных верст; южный фас укрепления составляют береговые обрывы Теджена. До занятия Мерва кала эта служила оплотом 30000 кибиток текинцев Коушут Хана. На запад от Коушут-Хан-Калы и в нескольких шагах от ее ограды персы заложили в 1882 году форт, названный Рукнабаром; он представляет из себя обыкновенную текинскую калу квадратного очертания, несколько более сильной профили и могущую вместить гарнизон от полуторы до двух рот. По внутреннему обводу ограды начаты постройкою казармы, но как они, так и башни и ворота калы не достроены; работы приостановлены впредь до окончательного разграничения земель Атека – по настоянию начальника Закаспийской области. Форт занят караулом из 17 полувооруженных оборвышей. Место для Рукнабара

выбрано весьма удачно. Он стоит на Мервской дороге и на полуострове, образуемом крутыми обрывами правого берега Теджена; топливо и подножный корм его окружают в изобилии.

Уступка Персии какого-либо пункта на правом берегу Теджена, и в особенности Старого Серакса или Коушут-Хан-Калы была бы тем более крупною ошибкою со стороны России, что, во-первых, земли эти всегда принадлежали туркменам, если не признавать древних прав Персии; во-вторых, в высшей степени плодородный район Серакса с готовыми оросительными канавами обладает всеми условиями для того, чтобы в непродолжительном времени принять вид населенной территории; в-третьих, текинцы Мерва сожалеют об оставлении Старого Серакса, и для того чтобы занять его снова в числе нескольких тысяч кибиток, ждут только разрешения, откуда бы оно не последовало. Наконец заселение Старого Серакса некоторою частью Мервских текинцев будет иметь то последствие, что поредеет скученное теперь население Мерва (что неудобно и в административном отношении), и все удобные земли на север от Атека заселятся более равномерно. Персия будет окончательно отброшена от туркменского района и в наши руки перейдет одна из лучших караванных дорог, идущая из Мешеда в Мерв чрез Таш-Рабат. Оазисы сарыков Елатан и Пендже, охваченные таким образом русскими владениями, немедленно изъявят покорность, и наша граница подойдет к Афганистану[154].

Рассмотренная справка и карты были полностью одобрены военным министром 24 апреля 1884 года[155].

В конечном итоге Россия наотрез отказалась отвести свои войска и туркмен из Старого Серакса[156], хотя, в связи с проходившими в это время переговорами с Англией по поводу Афганской границы, российское Министерство иностранных дел считало возможным согласиться на временный вывод войск из района Старого Серакса, при условии благоприятных для этого обстоятельств[157].

Сами по себе переговоры с Великобританией по поводу северной границы Афганистана стали насущной необходимостью для обеих сторон, в связи с тем, что в результате российских завоеваний в этом регионе, территории подвластные Империи вышли на северную афганскую границу. Переговоры с Англией по этому поводу были весьма сложными, что хорошо иллюстрирует приводимая ниже *Копия с всеподданнейшего Доклада Министра иностранных дел, Статс-Секретаря Гирса от 23 октября 1884 года.*

На подлинном Собственною Его Императорского Величества рукою написано «Съ» [т.е. – «смотрелъ»] *Гатчино 25 октября 1884 г.*

В виду особого оборота, который приняло дело о разграничении Афганистана, встреченных со стороны Английского правительства по вопросу об определении пограничной зоны, подлежащей исследованиям обоих Комиссаров, явилась потребность выяснить меры,

к коим нам предстоит прибегнуть на случай неудачи переговоров с Англиею. Равным образом и на окраинах Закаспийской области возникли вопросы, требующие безотлагательного разрешения и касающиеся нашего положения в Атеке, а равно устройства управления вновь занятых нами местностях: Старом Серахсе и Иолатане.

Как те, так и другие вопросы подлежали совместному обсуждению Министерств Иностранных дел и Военного, по соглашению моему с Генерал-Адъютантом Ванновским, они были рассмотрены 19-го сего месяца в Особом Совещании при участии лиц от обеих ведомств.

Подвергая при сем на Всемилостивейшее воззрение Вашего Императорского Величества журнал означенного Совещания, беру смелость испрашивать Высочайшее соизволение на приведение в исполнение изложенных в оном заключений.

На подлинном Собственною Его Императорского Величества рукою написано «Читал».

19 Октября в Министерстве иностранных дел состоялось Особое Совещание для обсуждения вопросов, находящихся в связи с предстоящим определением афганской границы и с положением окраин Закаспийской области.

На совещании этом присутствовали: Министр Иностранных дел Статс-Секретарь Действительный Тайный советник Гирс, Военный Министр Генерал-Адъютант Ванновский, Начальник Главного Штаба Генерал-Адъютант Обручев, Начальник Азиатского департамента Тайный Советник Зиновьев, генерал-майоры Зеленой и Куропаткин и Инженер, надворный советник Лессар.

На открытии Совещания на обсуждение онаго были предложены Министром Иностранных дел следующие вопросы.

I. О мерах, которые признано будет полезным принять в виду предстоящего прибытия в Серахс, на левом берегу Герируды, Английского Комиссара по разграничению с Афганистаном Генерала Лемсдена, и его конвоя, а также на случай попыток со стороны Афганцев к территориальным захватам на окраинах южной Туркмении.

II. Возбужденный Главноначальствующим Гражданскою Частию на Кавказе в рапорте на имя Военного министра от 4 октября 1884 года. № 3012, вопрос об учреждении в Мервском Округе Приставств Серахского и Иолатанского и о временных штатах для них, и III. Выработанные Министерством Иностранных дел предложения, имеющие целию упрочить русское влияние в Атеке.

I. Согласно имеющимся сведениям, Английский комиссар, уже выехавший из Тегерана, предполагает прибыть около 5/17 будущего ноября в Серахс, куда, по всей вероятности, прибудет вскоре после него и назначенный в распоряжение его военный конвой, состоящий из 400 человек регулярного индийского войска и 900 приблизительно человек вооруженной прислуги /camp-followers/, как заявил о том Английскому Парламенту Помощник Статс-Секретаря по Иностран-

ным Делам. С другой стороны, приготовления, потребные для снаряжения русского отдела пограничной Коммиссии, не дозволяет Коммиссару нашему Генералу Зеленому явиться в Серахс ранее будущего февраля, а, помимо этого, дальнейшее направление настоящего дела, зависит также и от исхода возникшего между Императорским и Лондонским Кабинетами разногласия по предмету способа производства работ по разграничению и предварительного определения пространства зоны, подлежащей исследованиям Коммиссаров. В виду обстоятельств этих и в случае невозможности войти с Великобританским правительством в соглашение относительно зоны, нельзя не предвидеть, что Английский коммиссар решиться может быть единолично предпринять исследование местностей, в пределах которых должна быть проведена пограничная черта Афганистана, и что, в то же время, Афганцы, утвердившиеся уже в оазисе Пендже, попытаются воспользоваться отсутствием противудействия с нашей стороны для новых территориальных захватов, с тем, чтобы отодвинуть границу свою по возможности на север, как того желают в Англии. – Хотя Министерством Иностранных Дел и сделаны были Великобританскому послу представления как по этим пунктам, так и относительно невозможности, в коей мы находимся, допустить проход английского конвоя через ту часть правого берега Герируды, где вновь расположились поселения Туркмен-Салоров, и хотя представления эти будут и за сим повторены с надлежащими твердостью и настойчивостью, как здесь, так и в Лондоне, при всем том осторожность требует не полагаться в этом случае исключительно на благоразумие Англичан, но и принять с нашей стороны надлежащие меры к отстранению неблагоприятных для нас последствий, кои может повлечь за собою означенный выше оборот дела. В таковых мерах встречается тем более потребности, что, даже помимо каких-либо враждебных нам со стороны Англичан замыслов, одно появление многочисленного английского конвоя близ местностей, лишь недавно вошедших в пределы владений наших, а именно Мерва, Иолатана и Серахса, может воздействовать на бесспорно существующие среди масс туркменского населения недовольные элементы и поощрить сии последние к попыткам вызвать волнения. – Исходя из этой точки зрения, Особое Совещание признало необходимым сосредоточение в названных выше пунктах военных сил, достаточных для того, чтобы помешать приходу английского конвоя в местности, где среди масс туркменского населения уже введено нами управление, и, в случае встретившейся потребности, выставлять передовые посты и высылать разъезды в пространство, заключающееся между этими местностями и фактическою границею Афганистана.

Признав, с своей стороны, основательность соображений этих, военный министр заявил, что в старом Серахсе, находятся ныне две

стрелковые роты, что по прибытии в Мерв 17-го Туркестанского линейного баталиона, в Серахс будут направлены еще две роты, а, сверх того, туда же будет отправлен взвод горной артиллерии. Таким образом в непродолжительном времени как в Мерве, так и в Серахсе может находиться по баталиону пехоты, а сверх того и казачий полк, расположенный частию в Мерве и частию в Иолатане. Вместе с сим Военным Министерством сделано будет с командующим войсками Кавказского Округа сношение о том, чтобы ко времени прибытия Коммиссии, кавалерия в Серахсе была по-возможности усилена. Средства эти окажутся, по всей вероятности, достаточными для осуществления вышеизложенных предложений и, в виду этого Генералу-Адъютанту князю Дондукову-Корсакову, согласно заключениям Совещания, будет предложено предписать Начальнику Закаспийской области: 1) Не допускать прохода Английского Конвоя чрез туркменские поселения, по Герируду и Мургабу, где нами введено уже управление, полагая, что на первое время поселения эти едвали могут распространиться южнее пункта, лежащего против Доулет Абаза – на Герируде и Имана – на Мургабе, 2) не препятствовать свободному передвижению английского отдела Коммиссии и состоящего при нем Конвоя южнее двух упомянутых пунктов, хотя бы там и встретились кочевки Туркмен, зависящих от имеющих утвердиться в Серахсе и Иолатане Приставств, или же наши отряды и разъезды, высылка коих может быть вызвана какими-либо потребностями, и 3) в случае получения положительных сведений о попытках Афганских вооруженных сил перейти на север за Бахутский хребет или же двинуться из Пендже вверх по Мургабу, немедленно выдвинуть передовые посты к Зульфакар-Дербенду, на правом берегу Герируды, и к Даш-кепри на Мургабе, вменив в обязанность начальникам отрядов избегать вооруженных столкновений с Афганцами, не выбивая сих последних из занятых ими местностей, без особого на то приказания Высшего Начальства и удерживая за собою лишь те пункты, которые будут заняты нами ранее.

За сим, согласно с предложением Военного Министерства, Особое совещание признало необходимым, чтобы на время работ по разграничению был выставлен к какому-либо пункту, лежащему ниже афганского пограничного поста на Аму-Дарье – Ходжа Салеха, отряд из одной роты пехоты и сотни казаков от Туркестанских войск в видах нравственного воздействия на население, как степей, так и пограничных местностей Афганистана.

Что касается вновь заявленных Персидским Правительством притязаний на часть правого берега Герируды, против Зурабада, то до сих пор не имеется сведений о том, чтобы Персидские власти сделали какую-либо попытку к занятию означенной местности, и потому Министр Иностранных дел полагает возможным ограничиться пока внушением Шахскому Правительству, чрез Посланника

нашего в Тегеране, что всякая подобная попытка вызовет наше неудовольствие и вынудит нас к противудействию.

В виду первостепенной важности интересов, находящихся в связи с вышеизложенными вопросами, особое совещание признало безусловно необходимым безотлагательно принять меры к облегчению сношений с окраинами Закаспийской области, Серахсом и Мервом, каковая цель, по мнению Совещания, может быть достигнута лишь постройкою телеграфной линии от Асхабада в Серахс и оттуда в Мерв.

II. Из поступившего в Военное Министерство от Главноначальствующего Гражданскою Частию на Кавказе рапорта явствует, что, вслед за занятием нами Иолатана и Серахса, управление населением в этих пунктах оставлено было за местными ханами, но что ныне, с усложнением политических отношений, с увеличением населения в обоих пунктах и ввиду отдаленности сих последних от Мерва, оказывается необходимым иметь в Иолатане и Серахсе русских начальников, которые были бы в состоянии следить за совершающимися событиями, взвешивать значение их для наших политических видов, вести дело устройства местнóго населения согласно указаниям высшей администрации и вообще служить разумными и деятельными помощниками Начальника Мервского округа на южных пограничных его окраинах. – Руководствуясь соображениями этими, Генерал-Адъютант Князь Дондуков-Корсаков, согласно предствлению Начальника Закаспийской области, предложил теперь же учредить в Мервском округе два Приставства: Иолатанское и Серахское с приставами из офицеров немусульманского исповедания, оставив за получающими из казны содержание туземными ханами роль помощников приставов. – Вызываемый образованием этих двух Приставских управлений ежегодный расход подлежит, по мнению Главноначальствующего Гражданскою Частию на Кавказе, ассигнованию из Государственного Казначейства, но будет возвращаться сборами, коими предполагается обложить Сарыкское и Салорское население по введении в нем русского управления.

Соглашаясь с мнением Военного Министерства, Особое Совещание признало необходимым безотлагательное осуществление предположений Генерал-Адъютанта Князя Дондукова-Корсакова и, в этих видах, полагало испросить Высочайшее соизволение на утверждение представленных Главноначальствующим Гражданскою частию временных штатов помимо Государственного Совета.

Вместе с тем, в виду предстоящего появления английского коммиссара с конвоем на правом берегу Герируда, Совещание признало полезным по телеграфу потребовать от Генерал-Адъютанта Князя Дондукова-Корсакова сведений о крайних пределах поселений Салоров и Сарыков в Серахсе и Иолатане, на которые распространяется власть поставленных нами туземных ханов.

III. По мнению Министерства Иностранных дел, положение, которое мы занимаем по отношению к Атеку, далеко не удовлетворяет нашим настоящим потребностям, каковое мнение разделяет и главноначальствующий гражданскою частию на Кавказе, как явствует из составленной им после объезда Закаспийской области записки. Положение это создалось вслед за занятием нами Ахал-Текинского оазиса, когда по политическим соображениям признавалось неудобным немедленно приступить к фактическому занятию Атека и не предвиделось в скором времени необходимости нашего нового движения вперед. Условия эти совершенно изменились в настоящее время. Атек стал связующим звеном между центром Закаспийской области, Асхабадом, и нашими новыми приобретениями, Мервом и Серахсом, и потому является безусловная необходимость упрочить в нем наше значение. Затем опыт доказал, что мы не можем охранять в Атеке порядок и благоустройство, полагаясь лишь на бдительность агента нашего в Мохаммедабаде. Агент этот оказался не в силах помешать захватам персиянами земли и воды в ущерб Туркменскому населению и лишь после больших усилий Министерству Иностранных Дел удалось восстановить нарушенные права туркмен при посредстве Коммиссара нашего по разграничению с Персиею Полковника Кузьмина-Карабаева.

Для упрочения достигнутых сим последним существенных результатов и для предупреждения со стороны Персиян новых захватов, необходимо иметь в Атеке более компетентного Представителя русской власти, и к применению в этом смысле существующего порядка вещей было бы тем удобнее приступить в настоящее время, что сами Персияне находят большие неудобства в теперешнем переходном положении Атека и предлагают нам заменить секретные статьи Конвенции 9 декабря 1881 года открытою конвенциею.

Не предрешая ныне же этого последнего вопроса и, признавая полезным, впредь до окончания переговоров наших с Великобританским Правительством по разграничению Афганистана, сохранить в главных чертах состоявшееся между нами и Персиею соглашение по предмету Атека, Министерство Иностранных дел предлагало бы допустить нижеследующие изменения:

1. Упразднить Агенство в Мохаммед-абаде, а, равным образом, и агенство в Буджнурде и Кучане, которое вследствие коренного изменения положения в Закаспийской Области, утратило уже свое значение и может быть без всяких неудобств закрыто в виду существующего предположения учредить при Начальнике Закаспийской Области должность дипломатического чиновника для сношения с пограничными персидскими властями;

2. Для надзора за Атеком, для защиты туркмен от насилий персиян и для сношений с сими последними назначить из офицеров наших Коммиссара для пограничных сношений, который имел бы место-

пребывание в одном из пунктов Атека, хотя бы в Кахкаче, и при котором состоял бы небольшой военный конвой.

и 3. Из имеющей образоваться от упразднения Агенств в Мохаммедабаде и Буджнуре суммы отделить часть на уплату содержания Коммиссару по пограничным делам в Атеке, а остальную предназначить на удовлетворение некоторых потребностей наших по сношениям с Персией, как например на выдачу известной суммы в распоряжение Агента нашего в Мешеде для уплаты корреспондентам его в Афганистане и на другие надобности по ближайшему усмотрению Министерства Иностранных Дел.

Вместе с тем Министерство полагало бы несколько изменить положение нашего коммерческого Агента в Мешеде в видах увеличения его значения в глазах Персидских властей, в чем встречается потребность в особенности в виду того, что Английское Правительство имеет в Мешеде Агента, коему присвоен титул векили-доуле, т.е. Правительственный Поверенный.

Вышеизложенные предположения Министерства Иностранных дел признаны были Совещанием как нельзя более целесообразными, и Военный Министр нашел необходимым безотлагательно вступить с Главноначальствующим Гражданскою частию на Кавказе в сношения для выяснения условий, касающихся учреждения должности Пограничного Коммиссара в Атеке, а именно – размеров содержания, которое должно быть присвоено должности этой, круга деятельности Коммиссара, его местопребывания и т.д.

Все вышеизложенные заключения Совещание признало необходимым повергнуть на Всемилостивейшее воззрение Государя Императора чрез Министров Иностранных дел и Военного[158].

Тем временем англичане пользовались любой возможностью для получения сведений о положении и действиях русских в Закаспийской области. В 1885 году российские власти получили документальное подтверждение шпионской деятельности Великобритании. 16 июля 1885 года военный министр П. Ванновский направил в МИД Н.К. Гирсу следующее официальное сообщение.

Милостивый государь Николай Карлович,

Главноначальствующий Гражданскою частью на Кавказе уведомил 4-го сего июня № 1922, что у торгующего в Мерве Персидскоподданного еврея Юсуфа-Ифирагим-оглы найдены прилагаемые в подлинники и переводе четыре документа, изобличающие его в передаче Английскому Агенту в Мешеде сведения о положении дел в Закаспийской области.

Генерал-адъютант князь Дондуков-Корсаков, признавая в следствии сего дальнейшее оставление в области Юсуфа-Ифирагим-оглы вредным, просит в видах прекращения шпионства, о высылке Юсуфа административным порядком в одну из северных губерний Империи с воспрещением возвращения в Закаспийскую область.

Как видно из помянутого донесения № 1922, еврей Юсуф-Ифирагим-оглы выслан из Мерва в Асхабад, где и содержится арестованным на местной гауптвахте, впредь до особого распоряжения..[159].

Характер деятельности пойманного лазутчика хорошо виден, в частности, в следующем документе, обнаруженном у Юсуфа-Ифирагим-оглы:

Перевод письма еврея Гаджи Абдурахмана, состоящего на службе при английском консуле в Мешеде, Мирза-Абас-Хане, проживающему в Мерве Гератскому еврею Юсупу Ифирагим оглы от 15 чила Джамадул аваля месяца.

Друг мой Юсуп. Кланяюсь и желаю тебе здоровья. Я послал тебе письмо и, надеюсь, ты его получил. Твои два письма – одно на мое имя, а другое, вложенное в него на имя Хана Вакалю-Довля, от 4 числа Джамазул Аваля месяца я получил 15 числа того же месяца и передал Его Высокостепенству Вакалю-Довля, который поручил мне написать тебе следующее: «Содержание вашего письма понял и очень доволен.»

Присматривайтесь ко всему и сообщайте чаще. Куда уехал Аликанов? Сколько войска и орудий прибыло с генералом из Асхабада. Какие он имеет намерения, останется ли в Мерве или поедет в Пенде? Сообщите обо всем этом. Старайтесь также получать известия из Бухары и сообщайте немедленно. Узнавайте и сообщайте обо всем. Теперь много есть такого, о чем нам нужно знать. Это слова Вакею-Довля, которые я написал тебе по его приказанию. Занимайся в Мерве торговлею, а между тем следи за всем и сообщай, что услышишь новое немедленно. Если ты нуждаешься в чем-либо, напиши и мы исполним. Прежние письма наши ты получил, надеюсь получишь и это. Сообщай обо всем. При этом прилагаю текст в Бухару, отошли его со всадником или караваном[160].

Судя по приведенному и еще трем письмам, обнаруженным у Юсуфа-Ифирагим-оглы, его информация признавалась англичанами полезной, но не столь уж экстраординарно важной. Понимали это и российские власти, ограничившиеся высылкой разведчика в Вологодскую губернию под надзор полиции, а в 1889 году, в ответ на его многочисленные ходатайства на имя императора *Высочайше повелено: выдворенного на жительство в Вологодскую губернию персидского подданного еврея Юсуфа-ифирагима-оглы выслать в Персию и воспретить ему появляться в пределах Империи*[161].

Окончательно граница России с Афганистаном на этом участке была определена в результате работы англо-российской комиссии по демаркации в 1885 году.

[1] Русско-китайские договорно-правовые акты. 1689-1916. Под общей редакцией академика В.С. Мясникова. М., 2004. С. 59.

[2] *Валиханов Ч.Ч.* Собрание сочинений, т. IV, (Алма-Ата, 1968): 20.
[3] *Бекмаханова Н.Е.* К характеристике источников «Исторической карты Казахстана пер. пол. XIX в.» // Проблемы исторической географии СССР. Вып. III: Вопросы исторической картографии и картографического источниковедения. М., 1983. С. 175.
[4] Там же.
[5] РГВИА. Ф. ВУА. № 1358 (ч. 2). Л. 81: 15.
[6] *Влангали А.Г* Геогностические поездки в восточную часть Киргизской степи в 1849 и 1851 гг. СПб.,1853.
[7] РГВИА. Ф. ВУА. № 19393.
[8] *Федчина В.Н.* Как создавалась карта Средней Азии. М., 1967. С. 103.
[9] Там же; *Валиханов Ч.Ч.* О состоянии Алтышаара или шести восточных городов Малой Бухарии в 1858-1859 гг. // Записки ИРГО. СПБ., 1904; *Он же.* Очерк Джунгарии // Собр. соч. Т.1. Алма-Ата, 1961.
[10] РО ГПБ им. М.Е.Салтыкова-Щедрина. Кит. н. с. № 93.
[11] РГВИА. Ф.416. Оп. 1. № 458.
[12] РГАДА. Ф. 192. Оп. 3. № 238.
[13] РГВИА. Ф. 386.оп. 1. № 5830.
[14] Там же. № 5818.
[15] Там же. № 5819.
[16] Там же. № 5859.
[17] Там же. № 5831.
[18] Там же. Ф. 447. Оп. 1. № 237.
[19] Там же. № 240 и № 238.
[20] Там же. Ф. 417. Оп.1. №32. С. 24.
[21] Там же.
[22] Архив РГО. Ф.1 – 1858 г. Оп.1. № 23. *О снаряжении экспедиции в Заилийский и Балхашский край.*
[23] Там же; РГВИА. Ф.417. Оп.1. № 32. С. 24.
[24] РГВИА. Ф. 417. Оп.1. № 32. С. 36.
[25] Там же. Ф. 386. Оп.1. № 5851.
[26] Там же. Ф. 417. Оп. 1. № 32. С. 28-29.
[27] Там же. С. 141-142.
[28] Там же. С. 149.
[29] Там же. С. 142-143.
[30] Там же. Ф. 386. Оп. 1. № 5821.
[31] Там же. Ф. ВУА. № 20327 а; листы с изображением русско-китайской границы IX, 16; X, 16; XI, 16; XI, 15; XII,15; XII, 14; XIII, 14; XIV, 14; XIV, 13; XV, 13; XVI, 13; XVII, 13; XVII, 12; XVII, 11.
[32] РГВИА. Ф. ВУА. № 19268.
[33] Там же. Ф. 416. Оп. 1. № 583.
[34] *Бекмаханова Н.Е.* К характеристике источников ... С. 175.
[35] Русско-китайские отношения 1689-1916. Официальные документы. СПб., 1916. С. 34-40.
[36] Там же. С. 35.
[37] *Прохоров А.* К вопросу о советско-китайской границе. М., 1975. С. 140.
[38] РГВИА. Ф. 386. Оп. 1. № 6014.
[39] Там же. Ф. 420. Оп. 1. № 128. Л. 12, 13.
[40] Там же. Ф. ВУА. № 25602.
[41] РГАДА. Ф. 191. Оп. 2 – Средняя Азия. № 4, *Карта Кокандского ханства, составленная по новейшим сведениям М.Венюковым, 1861 г.*

[42] *Бабков И.Ф.* Воспоминания о моей службе в Западной Сибири. 1859–1875. Б.м., б.г. С. 214.
[43] Там же. С. 199.
[44] Там же. С. 204.
[45] РГВИА. Ф. 386. Оп. 1. № 5833; Там же. № 5824 (экземпляр, подписанный Бабковым).
[46] РГВИА. Ф. 422. Оп. 1. № 731. *О рекогносцировке путей в Кашгар. 7 июля 1863 – 29 ноября1863 г.*, на 61 л.
[47] Там же. Л. 57. *Рекогносцировка путей из Заилийского края в Кашгарию, произведенная в 1863 году* (масштаб 10 верст в дюйме) – показаны пути отрядов в 1862 и 1863 гг.; Там же. Ф. ВУА. № 19394. *Отчетная карта движения Кашгарского рекогносцировочного отряда от укрепления Кастека до укрепления Куртка.* Масштаб 40 верст в дюйме (заверена Бабковым).
[48] РГВИА. Ф. 386. Оп. 1. № 6041.
[49] Там же. № 6552.
[50] *Бекмаханова Н.Е.* К характеристике источников ... С. 176.
[51] Русско-китайские договорно-правовые акты. 1689-1916. Под общей редакцией академика В.С. Мясникова. М., 2004. С. 96-99.
[52] Там же. С. 98-99.
[53] Там же. С. 99.
[54] Там же. С. 100.
[55] АВПР. Ф. Отчеты МИД, (1864): 224-225.
[56] РГВИА. Ф. ВУА. № 1358 (часть 2). Л. 81об.
[57] Там же. С. Ф. 447. Оп. 1. № 7. Л. 114-118; 124-128.
[58] Архив ГО СССР. Ф. 1 – 1864 г. Оп. 1. № 12. *О командировании Н.А.Северцова в Заилийский и Зачуйский края*; *Северцов Н.А.* Об орографии Средней Азии // Изв. ИРГО. Т. VIII. № 1. СПб., 1872.
[59] *Каульбарс А.В.* Материалы по географии Тянь-Шаня, собранные во время путешествия в 1869 г. // Записки ИРГО. Т. V. СПб., 1875.
[60] *Федчина В.Ф.* Как создавалась карта Средней Азии. С. 109.
[61] Там же. С. 110.
[62] Русско-китайские договорно-правовые акты. 1689-1916. С. 107-117.
[63] РГВИА. Ф. 420. Оп. 1. № 128. Л. 14.
[64] Там же. Ф. 386. Оп. 1. № 2131.
[65] Там же. № 5235.
[66] Там же. № 1087.
[67] Там же. Ф. ВУА. № 21021.
[68] Там же. Ф. 386. Оп. 1. № 5825. *Рекогносцировка Занарынского края и пути в Кашгарию (12 тыс. кв. в.), снятая инструментально под руководством генерального штаба подполковника Полторацкого топографом Матусовским в 1867 г.* Масштаб 5 верст в дюйме (оз.Чатыркуль – укр. Куртка-Кашгар).
[69] РГВИА. Ф. ВУА. № 20326.
[70] РГАДА. Ф. 192. Оп. 6. № 142.; Карт. б-ка, Брит. б-ка, Maps. 148. d. 7. India Office Libr., L. XV I-a, Turkestan with the adjoining portions of the British and Russian territories in 4 sheets. Compiled and Photozincographed under the orders of Lieutt-Colonel J.T.Walker R.E.F.R. and Superintendent Great Trigonometrical Survey of India at his Office in the Dehra Doon, Dec. 1867. Масштаб 50 верст в дюйме.
[71] Б-ка Правления Индии. (India Office Libr. and Records], M. XI. 6. Map of the Kirghis-Steppe (regions of the Orenburg and Siberian Kirghizes and off Semipalatinsk and Turkestan) and off the Countries conterminous with the Central Asiatic

Possessions in Russia. Copied from Russian Maps. Top. Depot, War Office (сост. 1868).

[72] *Куропаткин А.Н.* Кашгария. Историко-географический очерк страны, ее военные силы, промышленность и торговля. СПб., 1879. С. 148; АВПРИ. Ф. СПб. Главный архив, 1-9, 1865-1878 гг. № 14. Л. 17.

[73] ЦГА Уз.ССР. Ф.1. С/2. № 171. Л. 135.

[74] *Корнилов Л.Г* Кашгария и Восточный Туркестан. Ташкент, 1903. С. 21.

[75] *Куропаткин А.Н.* Указ. соч. С. 148.

[76] *Lobanov-Rostovsky,* Prince *Andrei.* Russia and Asia. NY, 1933. P. 184.

[77] *Schuyler E.* Turkistan. Vol. II. NY, 1877. P. 187-188; *Lobanov-Rostovsky,* Prince *Andrei.* Op. cit. P. 186-187: *The balls and bullets of the Russian army flew like a shower, like a flight of grasshoppers. The Turkistanis were defeated and in great confusion returned to the sity of Kulja. The Dzian Dzin of the Seven Rivers [General Kolpakovski] quited in every way those who remained, both Chinese and Manchus, not harming anyone. Not even a single blade of grass nor a single tree nor a fowl nor a dof received any harm or injury, not a hair was touched... Happily heaven did not permit the human race to end. Now the leader of the Great Russian Empire, the Dzian Dzin of the Seven Rivers with his army inspired with humanity and truth quieted everyone. This petty foreign power saved the nation from water and fire, subdued the whole four countries without the least harm so that children are not froghtened and the people submitted not without delight and ecstasy.*

[78] РГВИА. Ф. 447. Оп. 1. № 9. Л. 2-3.

[79] АВПР. Ф. СПб., Главный архив, 1–9, 1878-1879 гг. № 8. Л. 233.

[80] Б-ка РГО, карт. колл.. № К-17491. Рук. 65.

[81] РГВИА. Ф. ВУА. № 6843. *О движении отряда под начальством генерал-майора Полтарацкого за западно-китайскую границу в долину реки Эмиля (21 сент. 1871 – 1 февраля 1872 г.)* на 102 л.

[82] АВПР. Ф. СПб., Главный архив, 1–9, 1878-1879 гг. № 15, ч. II. Л. 319.

[83] РГВИА. Ф. 386. Оп. 3. № 1104.

[84] РГВИА. Ф. ВУА. № 6841. *Дело о командировании капитана Шепелева для собрания сведений о положении дел на западной китайской границе.*

[85] Там же. Л. 87.

[86] Там же.

[87] Б-ка РГО, карт. колл. Л4 15/4; К-15827.

[88] ЦГА Каз. Ф. 21. Оп. 1. № 85. *Дело о командировании Ларионова в Кульджинский район для геодезических и зоологических исследований. 22 апр. 1874 – 30 апр. 1875 г.*, 406 л.

[89] Там же Л. 204.

[90] РГВИА. Ф. 386. Оп. 3. № 1266. Л. 1-7. *Съемки горных проходов в северной части Кульжинского района штабс-капитана Ларионова.* Масштаб 2 версты в дюйме.

[91] АВПРИ. Ф. Среднеазиатский стол. Оп. 485, 1873. № 160: Поход на Хиву Л. 1–2.

[92] Там же. Л. 39.

[93] Там же. Л. 37-38.

[94] Там же. Л. 96-97.

[95] Там же. Л. 97об..

[96] Там же. Л. 205 – 207об.

[97] Там же. Л. 208 – 209об.

[98] Там же. Л. 211 – 219об.

[99] Там же. Л. 223-224об.

[100] Там же. Л. 233-233об.

[101] Там же. Л. 187 – 190. В письмо вложена копия с письма Лорда Нортбрука (листы 188-188 оборот): См. Приложение № 1.
[102] Там же. Л. 263.
[103] Там же. Л. 263-263об.
[104] Там же. Л. 263 оборот-265.
[105] Там же. Л. 295-297об.
[106] Там же. Л. 299.
[107] *Постников А.В.* Схватка на «Крыше Мира»: политики, разведчики и географы в борьбе за Памир в XIX веке (монография в документах). М, 2001.
[108] АВПРИ. ИДА. Ф. 701. Оп. 1. № 67. Л. 3. См. также: IOLR, MSS. Eur. F.111/144. Correspondence with Russia respecting Central Asia. Printed to both Houses of Parliament by Command of Her Majesty. 1873. Sheet 15: Letter from St.Petersburg, 19/15 January, 1873.
[109] АВПРИ. Ф. Среднеазиатский стол. Оп. 485, 1873. № 160: Поход на Хиву. Л. 323 – 332об. Полный текст – Приложение №. 2
[110] Там же. Л. 228-228об.
[111] Там же. С. Л. 364 – 365об.
[112] *Mac Gahan J.A.* Campaigning on the Oxus, and the fall of Khiva. NY, 1874. X, 438 p.
[113] *Burnaby F.* Ride to Khiva: Travels and Adventures in Central Asia. By Fred Burnaby, Captain Royal Horse Huard. With Maps and Appendix, containing, amongst other information, a Series of March-Routes, translated from Several Russian Works. Third edition. L.; P.; NY, 1876. P. 331.
[114] АВПРИ. Ф. Среднеазиатский стол. Оп. 485, 1873. № 160: Поход на Хиву. Л. 337–345.
[115] АВПР. Ф. СПб. Главный архив, 1–9, 1875 – 1878 гг. № 13. Л. 40.
[116] РГВИА. Ф. 447. Оп. 1. № 9. Л. 3-5.
[117] Там же. Л. 4.
[118] Там же.
[119] ЦГА Каз. Ф. 21. Оп. 1. № 205. Л. 47 об.-48.
[120] АВПРИ. Ф. Среднеазиатский стол. Оп. 485, 1879-1882 гг. № 573: Ахал-Текинский оазис (экспедиция Скобелева). Л. 16 об.; 23.
[121] Там же. Л. 23.
[122] Там же. Л. 31.
[123] Там же. Л. 131б – 132.
[124] Там же. Л. 519.
[125] Там же. Л. 557-558: *телеграмма М.Д. Скобелева И.А. Зиновьеву, Красноводск, 11 сентября 1880 г.*
[126] Там же. Л. 43, Донесение № 1216, получено 28 февраля 1881 года.
[127] Там же. Л. 44а – 44б.
[128] Там же. Л. 663 – 666.
[129] Там же. Л. 303-303 оборот: телеграмма от 16 марта 1881 года.
[130] Там же. Л. 202.
[131] Там же. Л. 740 – 745 об. – Протокол особого совещания по Текинскому вопросу.
[132] Там же.
[133] Там же. Л. 758-766 об. – Полный текст Конвенции.
[134] Там же. Л. 764.
[135] Там же. Л. 876-891 – *Отчет о деятельности назначенной в 1883 году русско-персидской разграничительной комиссии, представленный секретарем русского отдела Комиссии, Коллежским Секретарем Похитоновым 28 декабря 1885 года.*

[136] Там же. Оп. 485, 1882. № 668: [Занятие Старого Серахса]. Л. 52 -68: *Телеграмма советника российского посольства в Тегеране К.М. Агрипопуло.*
[137] Там же. Оп. 485, 1884-1885. № 670: *Выход Мервских туркмен в русское подданство, о занятии Мервского оазиса русскими войсками...* Л. 5 – 5об.
[138] Там же. Л. 31 – 32.
[139] Детали военной операци по завоеванию Мервского оазиса изложены в специальной справке: АВПРИ. Ф. Среднеазиатский стол. Оп. 485, 1884-1885. № 670: *Выход Мервских туркмен в русское подданство, о занятии Мервского оазиса русскими войсками...* Л. 233–237об.
[140] Там же. Л. 53–58об.
[141] Там же. Л. 60–61об.
[142] Там же. Л. 62–80об.
[143] Там же. Л. 98–99об.
[144] Там же. Л. 104–104об.
[145] Там же. Л. 113.
[146] АВПРИ. Ф. Среднеазиатский стол. Оп. 485, 1882. № 668: *[Занятие Старого Серахса]*. Л. 45.
[147] Там же. Л. 24–24об.
[148] Там же. Л. 9–9об.
[149] Там же. Л. 11–15об.
[150] Там же. Л. 4–4об.
[151] Там же. Л. 27–28об.
[152] Там же. Л. 92.
[153] Там же. Л. 91–94.
[154] Там же. Л. 96.
[155] Там же. Л. 97об.
[156] Там же. Л. 154 об. – 155.
[157] Там же. Оп. 485, 1884-1885. № 670: *Выход Мервских туркмен в русское подданство, о занятии Мервского оазиса русскими войсками...* Л. 221 – 232 об.
[158] Там же. Оп. 485, 1885-1889. № 632: *Об удалении из Закаспийской области торговавшего в Мерве персидско-подданного еврея Юсуфа Ифирагим-Оглы, уличенного в передаче Английскому Агенту в Мешеде сведений о положении дел в означенной области.* Л. 1 – 1об.
[159] Там же. Л. 3 – 3об.
[160] Там же. Л. 16.
[161] *Галкин М.Н.* Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому Краю. СПб, 1869. С. 161.

Глава 3

Национальная и религиозная политика туркестанских властей по отношению к народам Центральной Азии

Формирование российского порубежья в Центральной Азии вполне естественно привело к тому, что в числе захваченных казахами, туркменами и узбеками рабов оказывались русские солдаты, казаки и поселенцы. Некоторая часть этих пленников оставалась на долгие годы во власти центральноазиатских правителей, причем многие из них ценились как солдаты и использовались в войсках. Русские пленники изучали местные языки, создавали семьи, принимали иногда мусульманство и практически полностью включались в иную этническую среду. По мере расширения российских владений такие пленники нередко возвращались на родину, создавая слой русского населения приграничья с существенно измененным национальным самосознанием. Количество возвращаемых из неволи пленных иногда было весьма значительным, так, например, только в 1840 году из Хивы было отпущено около 500 русских[1]. Естественно, что в среде освобожденных пленных, несмотря на возвращение, как правило, к христианству, не могло не проявляться влияние долгих лет жизни в иной культурно-этнической и языковой среде[2]. Присутствие этих «перемещенных лиц» в населении российского центральноазиатского фронтира создавало определенные предпосылки для облегчения формирования смешанного населения.

К концу XVIII – началу XIX века наиболее многочисленным кочевым народом Центральной Азии были казахи. Кочевники-животноводы с патриархальным обществом, они занимали территории от степных районов Сибири до Сыр-дарьи на юге. Казахи являются тюркским народом с примесью монголоидной крови. Их предки принадлежали к тем многим тюркским племенам, которые были завоева-

ны Чингиз-Ханом, а впоследствии составили значительную часть его полчищ, продвигавшихся далее на запад. После развала монгольской империи в XV веке степные кочевники, входившие в ее состав, образовали новые объединения и получили с того времени общее название *казахов*. В России они долгое время назывались *киргизами*, которые на самом деле принадлежали к другой группе кочевых народов, о чем уже в 1827 году писал А.И. Левшин (1799-1879), в статье «Об имени киргиз-казахского народа и отличии его от подлинных или диких киргизов» («Московский вестник», часть IV, 16), где он доказывал неправомерность употребления и дальнейшего сохранения за ними этнонима «киргизы»[3]. Такое неправильное этническое наименование изначально произошло из-за стремления русских избежать путаницы в названиях, в связи с тем, что *казаками* именовались люди, преимущественно славянского происхождения, селившиеся в российском южном приграничье и в Сибири, начиная приблизительно с XV столетия. Оба термина – казак и казах – имеют в своей основе одно и тоже тюркское слово, и в дореволюционной России они даже писались одинаково. Для избежания дальнейшей путаницы, с 1920-х годов народы, называвшиеся ранее неправильно киргизами, обрели свое истинное этническое имя, с несколько измененным произношением и написанием, т.е. *казаки* стали называться *казахами*, а слово "казаки" стало применяться лишь как название особой группы приграничного славянского населения в Центральной Азии, Сибири и на Дальнем Востоке. Практическое совпадение значений этнического названия казахи и регионального наименования первоначально беглых славян – казаки – представляется нам отражением вполне реального положения периферийных географических мест этих двух групп населения, одинаково отдаленных от тех, весьма различных по этническому составу и происхождению групп стран и народов, которые изначально включали тех и других. Периферийность («фронтирность») положения казаков и казахов не могла не влиять на особенности их восприятия своего места среди других народов, т.е. на особенности национального самосознания, в определенной мере сближая эти представления.

Волею судеб именно казаки и казахи стали теми группами населения будущего Российского Туркестана, которые первыми вступили в контакт в процессе первоначально стихийного продвижения казаков на территории казахских кочевок еще в XVIII веке. Длительное (иногда конфликтное) сосуществование казаков и казахов не могло не повлиять на формирование их «идентичности» в колониальный период. С развитием российской колонизации Казахстана и Средней Азии в XIX веке относительная «однородность» вольного казакского населения стала сильно меняться в связи с политикой целенаправленого переселения сибирских казаков и крестья из центральных областей России в Центральную Азию. Американский путешественник и журналист Евгений Шилер, побывавший в этих краях в 1875-1876 гг., сле-

дующим образом описывает особенности российской колонизации казахских и киргизских земель.

Российские колонии в наибольшей степени располагаются вдоль северного отрога Александровских гор [северная часть Тянь-Шаня – А.В.], *в окрестностях Токмака, на северном и восточном берегах озера Иссык-Куль, вдоль шоссейной дороги, ведущей из Верного в Сергиополь. Сырдарьинская и Зеравшанская провинции еще не открыты для колонизации, главным образом потому, что там еще не были урегулированы вопросы землевладения. По пути я проезжал через многие из этих колоний, останавливаясь в некоторых из них и вступая в разговоры с фермерами, которые в большей части были крестьяне из Воронежской, Тамбовской и Саратовской губерний. Они казались вполне довольными своей судьбой; и действительно, что касается по крайней мере их физического благополучия и избавления от налогов, они стали значительно более зажиточными, чем были в Европейской России. Земли им распределялись либо бесплатно, либо по низкой цене и с большой рассрочкой платежей, и они освобождены от всех налогов и поборов на ряд лет. Они предприняли переселение на собственный риск, обычно используя собственных лошадей или быков. Плодородие почвы и личная независимость, возможная на этом удаленном приграничье, все более и более привлекают эмигрантов, и в прошедшие два или три года численность колонистов значительно возросла... Важно различать русские колонии и казацкие поселения. Первое было добровольным, но последнее – принудительным* [здесь американский путешественник имеет ввиду поселения казаков, непосредственно вслед за завоеванием центральноазиатских владений, а не стихийную колонизацию XVIII века. – А.П.]. *Как только этот район был аннексирован,* [власти] *посчитали необходимым услить его казацкими станицами, для того чтобы создать население, способное обрабатывать землю и, в то же время имеющее силы охранять ее от киргизов и кокандцев. Для того чтобы обеспечить эту потребность, были выделены по определенной квоте казаки из Уральского, Оренбургского и Сибирского войска, из которых была сформирована новая линия вдоль Иртыша, часть которой впоследствии стала известна как Семипалатинские казаки. В добавок к этим «настоящим» казакам, из различных мест России были мобилизованы и посланы на фронтир крестьяне, которым были выданы строительный и сельскохозяйственный инвентарь для постройки домов и обработки земель, их снабдили также оружием и сказали, что они находятся на правительственной службе и должны считать себя казаками. Такие новобранцы составляют большинство Семиреченского казачьего войска. Не имея тех традиций, которыми гордятся донские и уральские казаки, они не обладают также подобным боевым духом и с трудом поддерживают свою организацию; фактически сибирские казаки рассматриваются как*

наихудшие из казацких войск на службе в Центральной Азии. Проезжая их поселения, можно было заметить, что они казались значительно менее независимыми, чем обыкновенные русские крестьяне и что они ведут более праздную и бесполезную жизнь, предаваясь либо охоте, либо удовольствиям трактиров, в то время как их жены должны были заботиться о семейном достоянии. С другой стороны, они умудрились сохранить свойственный им «шик», который иногда проявляется в курьезных формах. Например, вдоль всего Иртыша казаки, казалось, считали, что очень достойная вещь говорить по-татарски, таким же образом, как представители благородного общества в Санкт-Петербурге и Москве на публике предпочитают говорить по-французски. Поэтому иногда было занятно слушать, как они отвечали на наши вопросы на хорошем русском языке, а затем начинали беседовать друг с другом по-татарски[4]. Представляется, что отмеченное американским путешественником умение и желание казаков говорить по-татарски свидетельствует о их долгой фронтирной жизни и значительном изменении в национальном самосознании этих солдатов-хлебопашцев, глубоко «включенных» в языковую среду окружающих их, таких же, как татары, тюркоязычных народов и представляющих эту среду вполне естественной. Следует заметить, что, скорее всего, Евгений Шилер в случае со свободно говорящими по-татарски казаками встретил не недавних переселенцев из Сибири, а потомков тех сибирских казаков, которые осуществляли стихийную колонизацию казахских земель еще в XVIII веке.

Наши архивные исследования показывают, что изменения в «идентичности» были обоюдными, причем процессы христианизации отнюдь не играли в них той значительной роли, которую им склонны придавать некоторые современные исследователи (в частности H. B. Paksoy в его безусловно выдающемся исследовании, сопровождающем научную публикацию памятника тюркского эпоса *Алпамыш*)[5]. Следует заметить, что влияние ислама, перед приходом русских было весьма различным среди разных народов Центральной Азии: оно было большим среди оседлых земледельцев (узбеков и туркменов), чем среди кочевников-животноводов (казахов, киргизов и части таджиков). Говоря о миссионерской деятельности, следует иметь ввиду, что по крайней мере до начала XX века, по существовавшим тогда строгим правилам Синода русской православной церкви, миссионерам запрещалось проводить христианизацию среди населения, считавшегося исповедующим христианство в любой форме, исламу, буддизм или иудаизм, т.е. – одну из мировых религий. В их задачи входила борьба со староверами и обращение в христианство язычников (главным образом племен Сибири и Алтая). Для укрепления своей власти в Туркестане русские использовали ту религию, которую считали господствующей в Центральной Азии, т.е. – ислам.

Причем активные меры колониального начальства по введению во всех частях своих новых владений единообразного мусульманства путем насаждения повсеместно медрессе и мечетей под началом проповедников и учителей из Казани, привело к значительному усилению ислама среди тех народов (главным образом казахов и киргизов), где он до того исповедовался весьма условно и поверхностно. Этот факт весьма обеспокоил российские власти в Туркестане в начале XX века, судя по обнаруженному нами в Российском государственном историческом архиве (Санкт-Петербург) секретному циркуляру Синода (1909 года) *О магометанстве в Киргизской степи и об управлении духовными делами киргизов*, который был направлен высшим чинам Правительствующего Синода (всего восемь экземпляров) Военным министерством в 1865 году вместе с предложениями *О распространении христианства в Киргизских степях*[6]. Эти документы были результатом работы специальной комиссии, созданной по распоряжению императора, и ранее они не были известны исследователям. В связи с важностью этих документов для нашей темы приводим их тексты с небольшими сокращениями в Приложении № 7

С самого начала расширения российских колониальных владений в Центральной Азии, перед руководством новых обширных колоний встал вопрос о наиболее разумном характере управления покоренными народами. Следует заметить, что сами военачальники, осуществлявшие (часто для воплощения в жизнь своих честолюбивых планов) завоевание, следовали при установлении местной администрации давним российским традициям основой которых было сохранение в более или менее неизменном виде существовавших на присоединенных землях местных властей, форм управления и религий. В Центральной Азии, при формировании новой линии для заполнения разрыва в системе обороны между Фортом Перовского и Верным, полковник, а впоследствии генерал Черняев впервые применил эти традиции и, *проявив значительный здравый смысл, управлял вновь присоединенной территорией с насколько возможно небольшими изменениями местных обычаев и закона, посредством официальных представителей местного населения*[7]. Российское центральное руководство, со своей стороны, создало специальную комиссию состоявшую из товарища министра финансов А.К. Гирса (1815-1880) и полковников Дандевилля, Гейнса и Проценко для того, чтобы изучить особенности и потребности резко различавшегося по обычаям сельского кочевого и городского оседлого населения недавно присоединенных территорий. Члены этой комиссии в течение двух лет путешествовали по этим районам и выявляли желания и интересы населения. Эта комиссия, получившая известность под названием Степной комиссии, провела весьма полезную работу и к весне 1867 года подготовила доклад о своей работе и проект усовершенствования управления новыми землями, который был представлен на обсуждение комитета, включавшего

представителей военного министерства, министерства внутренних дел и министерства иностранных дел под председательством военного министра. Комитет принял проект Степной комиссии с небольшими изменениями и решением о проведении его в жизнь в течение трех лет; в действительности основные положения этого проекта с некоторыми изменениями и дополнениями действовали вплоть до 1917 года. Наиболее важным из изменений, внесенных комитетом, было отделение Туркестана от провинции, управлявшейся генерал-губернатором Оренбурга и прибавление к нему части Сибирской провинции Семипалатинска, известной под названием Семиречье, и установление в этом новом административном районе управления генерал-губернатора, подчиненного непосредственно императору.

Основные положения этого проекта заключались в следующем.

Генерал-губернатор Туркестана назначался непосредственно императором и обладал в основном теми же полномочиями, которыми обладали генерал-губернаторы в других частях империи, с теми исключениями (усиливавшими власть этого высшего регионального администратора), которые были специально оговорены в проекте. Помимо этих исключений, в случае необходимости он имел право вообще на время прекратить действие основных положений по администрации края, или делать из них исключения. В тоже время он являлся главнокомандующим войск края и обладал полными полномочиями для ведения официальных дипломатических сношений с соседними странами. Под его началом находилось две области Сырдарьинская и Семиреченская, управлявшиеся военными губернаторами, назначавшимися по представлению Военного министрства и имевшими в целом те же права и обязанности, что и губернаторы в других частях империи. Военный губернатор Семиречья одновременно являлся Атаманом Семиреченского казачьего войска. В вопросах администрации военным губернаторам помогали Областные Правления, состав которых формировался самими губернаторами.

Сырдарьинская область была поделена на Казалинский, Перовский, Туркестанский, Чимкентский, Аулие-атинский, Кураминский и Ходжентский уезды, причем Ташкент представлял собой отдельную административную единицу. В состав Семиреченской области входили Сергиопольский, Копальский, Вернинский, Иссык-Кульский и Токмакский уезды. Во главе уездов стояли уездные начальники, которые исполняли в отношении как русского, так и коренного населения все полицейские и административные функции. Хотя формально эти начальники имели те же права и обязанности, что и их коллеги в Европейской России, но на деле их положение было значительно более сильным и независимым. Кочевое население, главным образом казахи и киргизы были поделены на аулы и волости, причем в аул входило от одной до двух сотен семей, в то время как волости могли включать почти в десять раз большее количество семей. Эти административные

единицы управлялись руководителями и старейшинами, избиравшимися самим населением под наблюдением уездных начальников, которые имели право смещать избранных администраторов за плохую работу. Среди оседлого населения для управления избирался один аксакал на каждую значительную деревню путем голосования жителей этой деревни; в городах аксакал избирался в каждом из отдельных районов города. В обязанности аксакала входили те же полицейские функции, которые исполняли старейшины среди казахов и киргизов. Правосудие должно было осуществляться судами трех типов: военным, который должен был разбирать дела местного населения, которые касались деятельности по подготовке национальных восстаний против центральной власти, нападений на военные посты или транспорты, убийства христиан а также лиц, выразивших желание принять христианство, убийства официальных лиц. Для суда над русскими и туземцами, совершившими преступления, не входившие в компетенцию военных судов, а также для разбирательства споров между русскими и местным населением, устанавливались суды, действовавшие на основании общих законов Российской империи. Для разрешения споров и менее тяжких преступлений, совершенных представителями местного населения, туркестанцам разрешалось создавать свои собственные суды. В судах кочевников, судья именовались *биями*, избиравшимися всем населением и судившими в соответствии с племенными и национальными традициями. Эти суды разбирали также дела по *барранде* (угону скота) и убийствам в среде кочевых народов. В городах было разрешено сохранить институт *кази*, или туземных судей, которые решали дела на основании Шариата (мусульманского закона); но эти судьи были сделаны выборными.

Для управления муниципальными и общественными делами, а также для сбора налогов в городах и деревнях, населенных коренными жителями Сырдарьинской области, были введены *экономические поселковые правления*, члены которых избирались на три года одновременно с аксакалами, и, несмотря на то, что они находились под общим управлением аксакалов и районных начальников, предполагалось, что они должны были иметь свободу действий, и никакие решения, касающиеся местных потребностей или налогов не могли быть приняты без их согласия. Некоторые из налогов, взимание которых практиковалось при исламском правлении были сохранены, в частности налоги на землю *харадж* и *танап*, причем их объем определялся в одну десятую часть урожая. *Зекат* (таможенный сбор) был установлен в размере двух с половиной процентов от стоимости всех товаров импортируемых в страну и таким же налогом облагался торговый капитал купцов. Кочевое население должно было платить с каждой кибитки налог в размере двух рублей 75 копеек. Помимо этого местное население должно было оплачивать труд их собственных чиновников, поддержание в порядке мостов и почтовых дорог, постройку тюрем и пра-

вительственных зданий; их также облагали так называемым земским или поселковыми налогом, размер которого устанавливался российскими властями, а взимался он напрямую с городов и деревень поселковыми правлениями[8]. Как нередко бывало и ранее в России и ее колониях, принятый четкий порядок администрации, на деле искажался и значительно усложнялся деятельностью коррумпированных чиновников и непониманием местным населением новых административных институтов, особенно тех из них, которые, как например выборы представителей местной администрации, отсутствовали в национальных традициях управления народов Центральной Азии. В этом отношении весьма убедительны суждения американского путешественника Евгения Шулера, который, в частности, подчеркивает следующее: *...Безотносительно от того, какие институты русские могут ввести в Центральной Азии, было бы безнадежно ожидать чего либо подобного хорошему управлению, пока либо не изменится тип чиновников, либо они не будут подчинены строгой дисциплине и контролю. Представляется, что для русского администратора невозможно понять такую вещь как законность. Они очень строги в соблюдении форм закона в той их части, которая относится к правилам делопризводства, заполнения и официального заверения соответствующими подписями документов, но нарушают эти формы сразу же, как только им это покажется более простым и удобным для них самих. Я имею ввиду не только чиновников в Туркестане; многие государственные деятели и политики в Европейской России уделяют большое внимание вопросу о том как добиться того, чтобы администрация действовала в строгих рамках законности. Кажется, что основным принципом утвердившимся в их чиновничьих сердцах, является убеждение, что закон и уважение к закону очень хорошие вещи в обычной повседневной жизни, но как только появляется обстоятельство, которое по мнению чиновника является исключительным, закон для него становится непрактичным, и в этом случае следует применить то, что он называет административным методом. Для тех, кто был воспитан на уважении к закону, эти постоянные выходы за рамки и нарушения законности, представляются едва ли понятными. На центральноазиата, которые конечно не имеет представления о том, что такое российский закон и каким образом он нарушается, произвол чиновника оказывает и подобный, и, в то же время отличающийся эффект. Этот произвол и административные методы редко одинаковы в двух соседних районах, и местные жители не могут не рассматривать все систему как безответственную тиранию наихудшего сорта*[9].

Что касается личного отношения русских к представителям завоеванных ими народов Центральной Азии, следующие наблюдения того же американского путешественника представляются весьма показательными: *Русские всегда проявляли определенные способности в об-*

ращении с полуцивилизованными народами. Они лично никогда не относились к туземцам с тем презрением, которое характерно в отношениях представителей англо-саксонской расы с народами низшей культуры и цивилизации. Это совершенно очевидно из того, что они [русские] *без колебаний вступают в социальные отношения с ними. Отсутствует то ощущение громадной разницы, которое разделяет, или которое, по мнению некоторых, должно разделять низшую от высшей, или правящей расы, так, что русские офицеры и чиновники не только принимают туземцев в своих домах, но, в действительности встречают их и обращаются с ними, как с равными по социальному положению. Не исключено, что в некоторых случаях это может принижать авторитет российских официальных властей, так как я иногда видел, что туземцы проявляли меньше уважения в отношении русских офицеров в своих делах с ними, чем было бы дозволено при общении русских равного социального статуса. В действительности можно сказать, что представители коренного населения относятся к русским более отчужденно, нежели русские к ним, что объясняется частично скорее религиозным, нежели расовым антагонизмом...*[10]. *В городах русские предприняли* [активные] *меры санитарии, построили больницы, а во время эпидемии холеры хорошо организованные меры массового лечения и изоляции больных привели к великолепным результатам в предотвращении дальнейшего распространения заболевания. Все это местные жители стали* [по достоинству] *оценивать... Что же касается религии, поведение русских достойно самой высшей похвалы. Никаких ограничений не было наложено на мусульманскую веру и практику, за исключением того, что дервишам было запрещено появляться на улицах, так как они считались возмутителями общественного спокойствия. Не было предпринято никаких попыток к распространению христианства; и, хотя в Ташкенте и в различных гарнизонах действуют церкви, а в крае имеется епископ, генерал Кауфман быстро покончил со всеми миссионерскими проектами*[11].

Со временем, однако, стало ясно, что результатом поощренияя «правоверного» мусульманства в Центральной Азии явилось усиление «исламской компоненты» в национальном самосознании народов Центральной Азии. Для российских владений такое развитие событий представлялось опасным не только из-за общего усиления панисламизма, но и по вполне очевидной региональной угрозе, возникавшей в связи с тем, что после установления государственной границы с Китаем (в 1865–1884 гг.) (см. ниже), пограничная провинция Цинской империи Синьцзян, населенная этнически близкими туркестанским народами, исповедовавшими ислам, была постоянной угрозой в связи с многочисленными восстаниями этих народов, принимавшими всегда форму национально-религиозных движений. В результате подавления этих восстаний маньчжурами, в Туркестан поступало большое коли-

чество беженцев, которые, как не без основания полагали туркестанские власти, способны были еще более усилить воинствующий ислам в российских владениях. Пришлое население из Синьцзяна (таранчи, дунгане и др.) бесспорно влияло на формирование «идентичности» народов российского туркестанского порубежья, которое превратилось в исключительно многонациональный регион с весьма пестрыми культурно-историческими традициями.

Результатом такого развития стало то, что местные православные власти попытались усилить миссионерскую деятельность среди центральноазиатских народов и, особенно среди тех многочисленных мусульман, которые в период дунганского восстания перебрались в российские пределы. В 1865-1867 годах Томский епископат активно переписывался с Синодом Русской Православеной церкви по этому поводу. В частности, 9 октября 1867 года епископ Томский и Семипалатинскиий Алексий писал следующее: *Из числа бумаг, оставшихся после кончины предместника моего, поступило ко мне в минувшем Августе месяце отношение от 25 июля 1865 года за № 20-м Господина Председателя Комиссии, командированной по Высочайшему Повелению для изучения начал будущего устройства управления Киргизскими степями. Комиссия сия между прочим обязана была обратить особое внимание и на меры, долженствующие приостановить дальнейшее усиление Ислама и усилить распространение христианской веры в той стране, не возбуждая тем волнения и неудовольствия в мусульманском населении.* Меры эти, однако, приняты не были, главным образом потому, *что при учреждении в Томской Епархии Алтайской церковной миссии для обращение в христианство инородцев Бийского округа, изъявлено было от Генерал Губернатора Западной Сибири Вельяминова несогласие на проповедание Евангелия между киргизами* [казахами], *обитающими в степи. В настоящее время, вопреки мнению Генерал Губернатора Вельяминова, я нахожу тем более возможным и благотворным делом отправить в киргизские степи Семипалатинской области миссионеров для обращения мусульман в христианство, что в прошедшем году несколько тысяч их изъявили желание креститься, как лично объявил мне в бытность мою в Семипалатинске губернатор сей области Генерал Майор Колпаковский* [12].

Конечно сообщение Г.А. Колпаковского о желании нескольких тысяч казахов быть обращенными в христианскую веру является наверняка сильным преувеличением, однако стремление некоторой части дунган и таранчей, перебравшихся из Синьцзяна, быть крещенными для того, чтобы избегнуть будущей депортации в Китай вполне реально и объяснимо. Прямым свидетельством такой мотивации является сообщение генерала Хрущева о том, что *несколько тысяч инородцев Семипалатинской области, пожелавшие принять Православие, принадлежали к китайским эмигрантам, перешедшим в наши*

пределы во время Дунганского восстания[13]. Как бы то ни было, ходатайство епископа было удовлетворено, и Священный Синод разрешил учредить в крае миссионерский стан во главе со Стефаном Ландышевым, под началом которого находилось два священника со знанием местных языков[14]. Миссия эта, однако, не была установлена из-за отсутствия средств, но, как сообщает сам епископ: *Вследствие сего, не расчитывая на скорое открытие миссии в степях киргизских,... я предписал священникам, живущим на границе китайской, заботиться о присоединении к Православной Церкви и крещении калмыков и киргиз, не ожидая особого моего на то разрешения, испрошение коего, по дальности расстояния от Томска мест пребывания населения и священников могло бы только повредить делу; между тем счел нужным и сам видеть пограничные с Китаем места для чего, обозрев сперва Барнаульский и Кузнецкий округи, на расстоянии 1056 верст, я отправился в укрепление Верное, отстоящее на 2000 верст от Томска. На пути к сему укреплению пред городом Копалом я встретил тысячи калмыков, возвращающихся по распоряжению китайского и нашего правительства в разоренный Чугучак и другие прежние места их обитания. Предполагая, что наступающая стужа, по крайней нищете и совершенной наготе многих эмигрантов, заставит их остаться на зиму в пределах России, я лично приказал Благочинному Урфиарской станицы и Священнику города Сергиополя располагать китайцев к принятию Христианской веры, а замечая усиливающуюся пропаганду мусульманских мулл, священнику Лепсинской станицы, в коей поместилась большая часть эмигрантов, изъявивших желание остаться в пределах России и принять Христианство, лично также подтвердил без замедления учить таковых истинам веры и крестить. Благодарение Богу труды мои и сотрудников моих не остались без успеха: священник Лепсинской станицы Иоанн Покровский, знакомый немного с языком татарским, на коем говорят киргизы и калмыки, обратил в христианство 50 лиц мужского и 35 женского пола, а на возвратном пути из Верного в Копал, 14 лиц мужского и 3 женского крещены мною и бывшим при мне духовенством; всего же просвещено Св. Крещением 102 человека*[15]. В общей сложности, к концу 1868 года было обращено в христианство 328 человек, т.е. весьма скромное количество, по сравнению с теми тысячами, которые якобы желали креститься.

На этом «эксперименты» местного начальства с обращением мусульман в христианство не закончились и, по настоянию Колпаковского, в станице Лепсинской, Токмаке и укреплении Аксуйском были образованы небольшие миссионерские школы для совместного обучения местных жителей и русских. В качестве учителей в эти школы назначены студент Духовной Академии Петр Макушин и студент Семинарии Анемпофист Заводовский, причем протоиерею Ландышеву поручено непосредственно заниматься миссионерской деятельнос-

тью[16]. После заключения в 1881 году Санкт-Петербургского договора России с Китаем, по которому, в частности, Цинской империи передавался временно окупированный Россией Илийский край, вопрос с беженцами, не желавшими возвращения в Синьцзян, приобрел особую остроту, что позволило местным российским церковным властям снова поставить вопрос об усилении миссионерской деятельности среди беженцев и других местных жителей – мусульман и ламаистов. Позиция и предложения по этому вопросу иерархов русской православной церкви в Туркестане очень хорошо видны из следующего письма епископа Александра на имя генерала-губернатора Туркестана, генерал-лейтенанта Герасима Алексеевича Колпаковского:

26 ктября 1881 года, г. Верный.

Ваше Высокопревосходительство,

Милостивый Государь!

Пользуясь снисходительным позволением Вашего Высокопревосходительства, – для лучшего направления дела, предпринимаемого на пользу церкви, в частных письмах подкрепляя его такими доводами, которые не всегда удобно могут быть помещаемы на листах официальной бумаги, – беру смелость в настоящий раз, во 1-х, покорнейше просить Ваше Высокопревосходительство о том, чтобы ходатайство мое пред Святейшим Синодом об учреждении на Иссык-Куле миссионерского монастыря, единовременно с этим письмом посылаемое, получило санкцию Священного Собора Иерархов, хотя бы только покамест в принципе, но по-возможности скорую в тех видах, чтобы не потерять нам навсегда единственно во всем крае пригодное для монастыря место, усмотренное мною на Северном берегу Иссык-Куля, в урочище Курмакты. Когда недавно, в конце истекшего лета, Господин И.д. Начальника Края великодушно и искренно выражал готовность всеми от него зависившими мерами содействовать устройству и обеспечению проектируемого мною миссионерского монастыря, успокоительные сведения из Кульджи позволяли надеяться, что выселение в наши пределы Дунган и Таранчинцев ограничится несколькими сотнями семейств. В последнее же время, по мере приближения к нашим границам Китайского Принца крови, назначенного богдыханским правительством для приема Кульджинского района, паника между дунганами и таранчинцами до того увеличилась, что они почти поголовно спешат записаться в переселенческие списки. В начале самой ранней весны будущего года, побережья р. Или и Иссыккульского озера, как ближайшие к китайской границе, имеют быть отмежеваны этим выходцам. Крайне необходимо поэтому, чтобы до наступления этого времени об урочище Курмакты, испрашиваемом под проектируемый миссионерский монастырь, возникла по крайней мере официальная переписка; в противном случае спасти эту прекрасную местность от захвата и избавить ее от слишком близкого соседства с воинственными при-

шельцами будет весьма трудно даже для самой администрации Края.

Вторая моя просьба касается самого существа задумываемого на Иссык-Куле учреждения. В виду настоятельнейших нужд епархии и края, предполагаемый миссионерский монастырь должен выполнять две следующие задачи: а) иметь в своих стенах, по меньшей мере двух-трех лиц священного сана, всегда готовых и способных выполнять обязанности приходского священника и законоучителя школы и, б) чрез собственно так называемых миссионеров, вооруженных знанием, постепенно сближать инородческое население с русскою народностью, подготавливая оное, таким образом, к принятию Христианства. Для выполнения первой задачи готовятся иеромонахи, окончившие курс в Семинарии; для успешного же направления и решения второй – необходимы люди с академическим образованием. Не нахожу в себе достаточной смелости для того, чтобы решительно утверждать пред Вашим Высокопревосходительством – которая из этих задач настоятельнее и важнее? Насколько, с одной стороны, кажется мне опасным – особенно в настоящее смутное время, – оставлять некоторую часть русского населения, на более или менее продолжительное время, без пастырского руководства и надзора; настолько, с другой стороны, видится мне обязательно ясно, что с каждым днем и часом мы теряем благоприятный момент для благотворного воздействия на инородческие массы, еще не охладевшие в своем к нам расположении и доверии. В этих мыслях утверждают меня свежие факты из недавно оконченной поездки по епархии, предпринятой с целью обозрения церквей и приходов Ферганской области и Заравшанского края. Одновременно вспоминаются мне две картины, далеко различествующие между собою по характеру и колориту, но сходные в том, что, в свое время, в одинаковой мере будили в душе моей горькое чувство сознания бессилия и беспомощности. С одной стороны, православные жители, не одних только глухих поселков, но и уездных городов, удаленные от приходской церкви и священника на сотни верст, со слезами на глазах заявляющие: «умираем без покаяния; новорожденные нами по году остаются некрещенными; покойничков хороним сами, без славы; дети наши вырастают не имея понятия о том, что такое Храм Божий и проч.» – с другой стороны коренные жители Ферганы и Зеравшана, по одному слуху о приезде русского епископа, в шелковых халатах и пышных чалмах спешащие к нему навстречу, приветствующие его сочувственными умными речами, в каждом кишлаке подносящие ему хлеб-соль, устраивающие иллюминацию в честь его прибытия и всем этим как бы говорящие: останься с нами, научи нас служить верой и правдой Белому Царю, угождать властям, жить между собою в ладах, и проч., и проч.,.. Кому отдать предпочтение? К кому прежде поспешить на помощь? Чьи нужды настоятельнее и неотложнее? –

Думается мне, что миссионерский монастырь, устроенный по вышеизложенной мною мысли, мог бы удовлетворить хотя бы в некоторой степени, тех и других. – Посему покорнейше прошу позволения Вашего Высокопревосходительства, – в том случае, если Святейшему Синоду благоугодно будет благославить учреждение на Иссык-Куле миссионерского монастыря, – проектированный личный состав миссии таким образом: Начальник миссии и его помощник – с академическим образованием, три иеромонаха из окончивших курс семинарии.

Что же касается эконома, ризничаго и иеродьякона, то они могут быть и не из ученых.

В надежде на милостивое содействие предпринимаемому делу, смею честь пребывать

Вашего Высокопревосходительства, Милостивейшего Государя, покорнейший слуга и усердный богомолец,

Епископ Александр.

26 Октября 1881 года. г. Верный[17].

Предложения епископа Туркестана было в целом одобрено Священным Синодом, но его воплощение в жизнь сильно замедленно отрицательным отношением Миссионерского общества, которое строго придерживалось официальной линии поддержки государством существовавших в Туркестане религий: ислама и ламаизма (буддизма)[18]. Однако, несмотря на противодействие Миссионерского общества, Иссыккульский Троицкий миссионерский мужской монастырь Пржевальского уезда Семиреченской области все-таки был открыт и вполне успешно функционировал вплоть до Октябрьской революции[19].

[1] О нескольких судьбах таких русских пленников рассказано, в частности, в книге: *Галкин М.Н.* Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому Краю. СПб, 1869.

[2] *Бейсенова А.С.* Исторические основы географических исследований Казахстана. Алматы, 2001. С. 66-67.

[3] *Schuyler E.* Turkestan. Notes of a journey in Russian Turkestan, Khokand, Bukhara and Kuldja by Eugene Schuyler. Phil. Dr Member of the American Geographical Society and the Imperial Russian Geographical Society, etc.. 2 vol. NY, 1876. P. 150-152.

[4] *Paksoy H. B.* ALPAMYSH: Central Asian Identity under Russian Rule. (Hartford, CT: Association for the Advancement of Central Asian Research, Monograph Series, 1989); *Rancour-Laferriere D.* Russian nationalism from an interdisciplinary perspective: imagining Russia. Lewiston, NY. P., 2000.

[5] РГИА. Ф. 796. Оп. 148. № 1209. Л. 25–31об.

[6] *Schuyler E.* Op. cit. Vol. 2. P. 203: *...General Tchernaief with a great good-sense administered the newly acquired territory with little change as possible from native usage and native law, and by means of native officials.*

[7] Ibid. P. 203-206: *At the same time, in order to learn the special necessities of that part of the steppe which had been newly annexed, as well as of the city population, which was so different in character from the nomads, a special commission was appointed, consisting of Mr. Giers and Cols Dandeville, Geins, and Protsenko, which devoted*

itself for two years to travelling over the country and to studying the wishes and interests of the population. This commission – known as the Steppe Commission – did very good service, and in the spring of 1867 was ready with a report and a project for better government of the country. The experience of two years had also been useful in showing the Government what was necessary to do. The project was referred to a committee composed of delegates from the Ministries of War, of the Interior, and of the Foreign Affairs, under the presidency of the Minister of War, was accepted with modifications, and was put in force for a term of three years. The most important of the changes decided upon by this committee were to detach Turkistan from the province administered by the Governer-General of Orenburg, and to add to it a part of the Siberian province of Semipalatinsk, now known as Semiretch, and place them under the rule of a separate Governor-General, who should report only to the Emperor at St. Petersburg, and who should have full powers granted to him in certain respects so as to meet emergenvies... The main features of this project are as follows. The Governor-General is appointed directly by the Emperor, and has much the same powers as Governor-General in other parts of the country, with the exceptions provided for by the project. He has besides the right in case of need to suspend the regulations or to make exceptions to them. He is at the same time commander-in-chief of the forces, and possesses full power to carry on diplomatic relations with the neighbouring countries... Under him are the two provinces of Syr Darya and Semirech, each governed by a Military Governor...appointed on the nomination of the Ministry of War, and having a general position similar to that of Governors of provinces in other parts of the Empire. The Military Governor of Semirech is at the same time the Ataman of the Semiretch Cossacks. These Governors are assisted by a council known as the Privincial Regency, appointed, with the exception of the heads of departments, by the Governor. The province of the Syr Darya was divided into the districts of Kazala, Perovsky, Turkistan, Tchimkent, Aulie-ata, Kurama, and Hodjent, besides the city of Tashkent, which forms a separate administrative division, and that of Semiretch into the districts of Sergiopol, kopal, Vierny, Issyk Kul, and Tokmak. At the head of each of these departments or Uyezzds is a Prefect or commandant, who has both the police and the general supervision of all the inhabitants of the district, Russian as well as native... Although originally resembling in fanctions the district police officials in the provinces of European Russia, they now occupy a much more powerful and independent position. The nomad population, chiefly Kirghiz, is divided into auls and volosts, the auls comprising from one to two hundred families, and the volosts about ten times as many. These subdivisions are governed by administrators and elders chosen by the people themselves, and under the supervision of district prefects, who have power to remove them in case of failure of duty. Among the settled population one aksakal, literally «greybeard», is chosen over each considerable village by the vote of the people themselves; and in the cities each ward has its own aksakal, whose duties are the same as those of the elders in the police administration among the Kirghis. Justice is administered by courts of three kinds – military court, which judges natives for inciting to rebellion, attacks on the post or on military transports, and for the murder of Christians, or of persons who have declared a desire to become Christians, as well as for murder of officials. For the trial of Russians and for that of natives for most other criminal offences, as well as for the settlement of disputes between Russians and natives, courts are established on the basis of the general laws of the Empire. For all disputes between each other, and for some of the lesser crimes, the natives are courts of their own. In the courts of the nomad population...the judges are called Biis, elected by the population, and judge according to the tribal and national traditions. These courts also decide cases of baranta or pillage, and of murder when commited by Kirghiz on each other. In the towns the Kazis, or native judges, deciding according to

the Shariat or Mussulman law, are allowed to remain; but as they;...they are made elective by delegates from the population...For the management of the municipal and the communal affairs of the cities and villages in the province of the Syr Darya inhabited by natives, and for collecting the taxes, there were instituted «economical communal regencies», the members of which are elected for three years at the same time with the aksakals; and although they are under the general direction of the aksakals, and of the district prefects, they are supposed to have a freedom of action, and no regulation pertaining to the local needs or to the taxes is thought to pass without their assent. Some of the taxes imposed during Mussulman rule are retained, such as the haradj and tanap, or taxes on land, and its products being fixed at one-tenth of the harvest. The zekat, or customs duty, was fixed at 2.5 per cent. on the value of all goods imported into the country, and the same tax is imposed on the trading capital of merchants. A tax is imposed on the nomad population of two rubles seventy-five kopeks for each kibitka or family. As the native inhabitants have to provide for the payment of their own officials, as well as for the repairs of bridges and post-roads, and for the erection of prisons and Government buildings, another tax is imposed upon them, called the zemsky, or communal tax, the amount of which is to be settled by the police administration and by the Russian officials, and is then levied directly on the towns and villages by the Communal Regency.

[8] Ibid. P. 245-246: *...No matter what institutions the Russians may introduce into Central Asia, It would seem hopeless to expect anything like good government until either tha character of the officials is changed or they are submitted to a stricter discipline and inspection. It seems almost impossible for a Russian adminisrator to conceive of such a thing as legality. They are strict in observing the forms of law so long as they relate merely to modes of procedure and to the filing and sinature of papers, but overstep it at once the moment it seems easier or more convinient for them to do so. I am not now referring only to officials in Turkistan; how to confine the administration within the strict limits of legality is a subject which has exercised many statesmen and political studients in European Russia. It seems to be a principle firmly implanted in their official breasts that law and respect for law are very good things for ordinary everyday life, but that the moment a circumstance arises, which in opinion of the official most nearly concerned is exceptional, law is no longer practicable, but that what he calls administrative methods must be employed. To those who have been brought up to respect the law this constant overstepping and transgression of legality seems scarcely conceivable. On the Central Asiatic, who of course has no idea of what Russian law is or in what way it is transgressed, the arbitrary action of the officials produces a similar and yet different effect. This arbitrary action and these administrative methods are seldom alike in two adjoining districts, and a native can hardly help regarding the whole system as an irresponsible tyranny of the worst sort.*

[9] Ibid. P. 233: *The Russians have always displayed a certain facility in dealing with half-civilised peoples. Personally they have not so much of that contemptuous feeling towards the natives which so marked in the dealings of the Anglo-Saxon race with people of lower culture and civilisation. This is plainly shown from the fact that they do not hesitate to entertain social relations with them. There is not that feeling of the vast difference which separates, or which in the opinion of some should separate, an inferior from a superior and ruling race, so that Russian officers and officials are willing not only to receive natives in their houses but to receive them and meet them upon terms of social equality. It is questionable whether in some cases this does not diminish the authority of Russian officials, for I have sometimes seen natives display less respect towards Russian officers in their dealing with them than would have been permitted to Russians of similar social rank. Indeed, it may be said that the natives hold*

aloof from the Russians rather than the Russians from the natives, a circumstance in part due to an antagonism of religion rather than to a difference of race.

[10] Ibid. P. 235: *...Sanitary measures in the cities have been taken by the Russians, hospitals have been established, and during the cholera time a well organised method of visitation attended with excellent results was arranged for the purpose of preventing the spreading of the disease. These things the natives begin to appreciate... As far as religion is concerned tha conduct of the Russians is deserving of the highest praise. No restrictions have been placed on Mohammedan worship or practice except that the Dervoshes have generally been forbidden to appear in the streets, being considered disturbers of the public peace. No efforts have been made to spread Christianity; and although churches exist in Tashkent and in various garrisons, and there is a bishop of the province, General Kaufmann has speedily put down all missionary projects.*

[11] РГИА. Ф. 796. Оп. 148б. № 1209. 9 октября 1867 г.: *По донесению Преосвященного Томского о мерах к обращению Киргизов в Христианство, и об учреждении для сего Миссии. Здесь же об обращении Калмыков в Православие.* Л. 1-2.

[12] Там же. Л. 20об.

[13] Там же. Л. 7об.

[14] Там же. Л. 9-10.

[15] Там же. Л. 22-23.

[16] Там же. Оп. 51, 2 отдел, 3 стол, 1881 г. № 372: *По ходатайству Первосвященного Туркестанского об учреждении на Северном берегу озера Иссык-Куля миссионерского монастыря. 17 декабря 1881 г.* на 27 листах. Л. 1-2об.

[17] Там же. Л. 18об.

[18] *Шимановский И.С.* [Из дневника настоятеля Иссыккульского монастыря]. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сборник документов. М., 1960. С. 418-420.

[19] РГВИА. Ф. ВУА. № 21022.

Глава 4

Отображение изменений государственных границ в результате присоединения центральноазиатских ханств к России. Решение илийского вопроса и завершение официального формирования русско-китайской границы в Центральной Азии

Рассмотрим кратко, каким образом изменение границ в Центральной Азии отражалось на мелкомасштабных картах, издававшихся в 70-х годах XIX в. в России и за рубежом.

В 1871 году в Ташкенте была опубликована *Карта Туркестанского военного округа, составленная и литографированная при Туркестанском военно-топографичнском отделе*, на которой показана русско-китайская граница в соответствии с Чугучакским протоколом Южнее Текеса и Иссык-Куля никаких границ на этой карте не нанесено[1]. В следующем году эта карта была переиздана[2],причем это издание в отношении показа границ следует признать крайне неудачным и не отражающим истинное положение дел в Центральной Азии. Начать с того, что даже договорная чугучакская граница показана на ней грубо приблизительно и с ошибками. Пожалуй наиболее серьезной из таких ошибок является изображение горы Хан-Тэнгри на территории Китая. Южнее Кара-беля отмывка красной линии государственной границы России идет на северо-запад, включая втерриторию Йетишара (а соответственно, и Китая) не только все Кокандское ханство, но и районы к югу и западу вплоть до Аральского моря. Совершенно очевидно, что такой показ объясняется лишь небрежностью составителей, тем более непростительной, что карта может считаться официальным изданием Туркестанского военного округа, составленным картографами военно-топографического отдела. Ошибки рассмотренной карты были исправлены на *Карте Туркестанского военного округа, составленной при Туркестанском военно-топографическом отделе в 1877 г. по новейшим сведениям хромолитографированной в Картографическом заведении военно-топографического отдела*

Главного штаба (масштаб 40 верст в дюйме)[3]. Граница на этом издании показана в соответствии с Чугучакским протоколом; в районе Или специальным знаком выделена граница Кульджинского района, присоединенного к России. Помимо этого в районе Черного Иртыша наряду с существующей Чугучакской границей нанесен вариант прохождения пограничной линии, с которым Россия выходила на новые переговоры с Цинским Китаем[4]. Карта Туркестанского военного округа 1877 г. явилась также первым официальным изданием, констатировавшим факт присоединения Коканда к России, причем новая южная граница российских владений показана на ней проходящей южнее памирского озера Кара-Куль.

Факт оккупации Илийского края Россией нашел отражение на большинстве мелкомасштабных карт Азиатской России. Так, на новом издании *Карты Туркестанского генерал-губернаторства, Хивинского, Бухарского и Кокандского ханств с пограничными частями Средней Азии*, осуществленном подполковником Люсилиным около 1875 г., Илийский край показан входящим в состав Российской империи, а на остальных участках русско-китайская граница дана в соответствии с Чугучакским протоколом, причем нанесены китайские пикеты и пикетные дороги, упомянутые в тексе этого документа[5]. Коканд на карте Люсилина показан еще самостоятельным, в его границы на юге включены долины рек Кок-су и Кызыл-су. а также – Алайская долина. Восточные районы Памира, включая озеро Кара-Куль, даны в пределах Йеттишара. (Рис. 19)

Присоединение Кульджинского района к России зафиксировано и на зарубежных картах 70-х годов XIX в. В качестве примера назовем английскую карту *Центральная Азия с Китайской империей и Японией* (около 1875 г.)[6], на которой Илийский край показан входящим в состав Российской империи. (Рис. 20)

Переговоры о возвращении Китаю Илийского края и заключение Петербургского договора (1879-1881 гг.)

Весной 1879 г. между Россией и Китаем открылись официальные переговоры по илийскому вопросу. Накануне переговоров, 4 марта 1879 года, состоялось межведомственное Особое совещание, где было решено наряду с другими «компенсациями» за возвращение Кульджи потребовать от цинского правительства уступки России юго-западной части Илийского края с укреплением Борохудзир и долиной реки Текес с прилегающим к ней Музартским проходом; исправления пограничной черты со стороны Чугучака так, чтобы долина Черного Иртыша отошла в русское владение; нового определения границы со стороны Кашгара с удержанием за Россией поста Иркештам и частич-

ной уступкой китайцам территории, захваченной Якуб-беком у кокандцев[7].

9 июля 1879 года Особое совещание вновь подтвердило принятое ранее решение. Кроме того оно рассмотрело вопрос о поселении в той части Илийского края, которая должна была отойти к России, дунган и представителей других народностей, не пожелавших оставаться в подданстве Китая[8]. Этот вопрос возник в связи с тем, что к этому времени стало известно о беспокойстве среди населения Илийского края и о его намерении уйти в пределы России вместе с русскими войсками. На имя русских властей в Туркестане поступали многочисленные петиции и прошения илийских уйгур и дунган о принятии их в российское подданство[9].

Русско-китайские переговоры завершились 20 сентября 1879 г. подписанием в Ливадии так называемого Ливадийского договора о возвращении Китаю Илийского края. По условиям этого договора Китай уступал западный участок долины реки Или и долины реки Текес для, *поселения в них жителей Илийского края, которые пожелают принять российское подданство*, а также район Музартского перевала через Тянь-Шань. Цинское правительство должно было взять кроме того обязательство выплатить России 5 млн. рублей в качестве компенсации за расходы по оккупации и управлению краем[10]. В качестве приложения к Ливадийскому договору была составлена в масштабе 40 верст в дюйме *Карта пограничной полосы, определенной в VII-й и VIII-й статьях договора между Россией и Китаем, заключенного в Ливадии сентября двадцатого дня тысяча восемьсот семьдесят девятого года*[11], подписанная со стороны России Н. Гирсом и Е. Бюцовым, а со стороны Китая – Чун-Хоу и заверенная 10 октября 1879 г. начальником ВТО Главного штаба Э.И. Форшем и начальником Картографического заведения генерал-майором О.Э. Штубендорфом.

Ливадийский договор не был ратифицирован Китаем. Особое недовольство цинские правящие круги выражали территориальными уступками в пользу России и, прежде всего, уступкой долины реки Текес и стратегически важного Музартского перевала, который связывает кратчайшим путем Илийский край с Восточным Туркестаном. Чжилийский генерал-губернатор в своей докладной записке по поводу Ливадийского договора писал: *Весьма много связано с вопросом об Или. По трактату, о котором идет речь, Китай получает только два иероглифа – «И» и «Ли», а взамен того отказывается от 2000 ли настоящей земли у Новой границы... Обладание Новой границей поставлено в такие условия, как будто мы не должны владеть ею; для получения Или мы должны подписать трактат, позор которого всецело останется на нас...* Некоторые влиятельные китайские сановники высказывались даже за войну с Россией. Цинские власти начали укреплять границы Китая и закупать оружие за границей, а вблизи Кульджинского района размещать войска. Решительные от-

ветные военные мероприятия проводятся и со стороны России, которая также увеличивает свои вооруженные силы на границах с Китаем и посылает на Дальний Восток эскадру под командованием адмирала С.С. Лесовского[12]. В комплекс мероприятий по укреплению центральноазиатской границы и подготовки к возможным военным действиям естественно входили и картографические работы. Снова были предприняты рекогносцировочные съемки недостаточно исследованных участков русско-китайской границы и, в частности, на крайнем юге была проведена съемка и составлена карта *государственной границы от перевала Иттык до перевала Ходжент* (северо-западная и северная граница Кашгара)[13]. На карте, составленной в масштабе 5 верст в дюйме, детально показаны орография и реки на этом участке, нанесены все перевалы; изображение границы отсутствует, так как главным назначением карты было обеспечение возможности изучения местности для планирования передвижения войск в сторону Китая.

Укрепляя пограничную охрану, военное начальство Семиреченской области организовало съемки и составление карт местностей, в которых дислоцировались казачьи пограничные отряды; так в 1880 году была составлена десятиверстная *Карта окрестностей Бактинского отряда*[14]. Помимо карт стратегически важных районов на русской территории военный губернатор Семиреченской области требовал в июне 1880 г. предоставить ему карту с обозначением на ней важных в военном отношении местностей за границей и, в том числе – района Актама, Сарлытама и других[15].

В 1880 году была проведена, также в спешном порядке, *Глазомерная съемка верховьев рек Кок-су и Ак-су с их притоками, с показанием горных путей, ведущих из Китайских пределов Бороталинской долины в Копальский уезд Семиреченской области* и составлена пятиверстная карта[16]. И, наконец, также весьма срочно, в марте 1880 года Туркестанским военно-топографическим отделом была составлена и издана непосредственно для обеспечения возможных военных действий десятиверстная *Карта Кульджинского района и пограничной с Китаем полосы...*[17]» На листах №№ I, IV, V, VIII, IX, X этой карты показана русско-китайская граница по Чугучакскому и Ливадийскому протоколам, нанесены китайские пикеты и пикетные дороги. В том же 1880 году была начата топографическая рекогносцировочная съемка Кульджинского района, завершенная в 1881 году и изданная лишь в 1900 году[18]. Для нашей темы эта карта представляет интерес тем, что на ней в относительно крупном масштабе (2 версты в дюйме 1: 84000) показан район устья Хоргоса в Или на период, непосредственно предшествовавший окончательному установлению границы в этом районе.

Активные мероприятия по усилению боевой готовности со стороны Китая и России имели, однако, в основном демонстративный характер, так как ни цинское, ни российское правительства не желали

доводить дело до разрыва. Летом 1880 года были начаты новые переговоры о передаче Илийского края Китаю, для чего в Петербург прибыл крупный цинский сановник, китайский посланник в Лондоне и Париже Цзэн Цзицзэ (маркиз Цзэн)[19].

Учитывая трудность предстоящих переговоров, прежде всего по вопросу о реке Текес и Музартском перевале, Особое совещание, состоявшееся 13 августа 1880 года, по предложению военного министра Д.А. Милютина, остановилось на требовании небольшого участка территории в западной части Илийского края[20]. 30 ноября на очередном заседании Особого совещания было решено пойти на уступки китайской стороне и в торговых вопросах, продолжая переговоры в миролюбивом духе[21]. Для обеспечения работы Особого совешания и подготовки к переговорам, по требованию Д.А. Милютина составлялись специальные карты, на которых особенно тщательно предписывалось изобразить: *а) пространства в долине Черного Иртыша, б) Илийской и Текесской долины, и в) Границы Кашгарии*[22]. Из подготовленных по приказу Милютина картографических материалов в деле Особого совещания *О заключении трактата с Китаем* сохранились две карты, на одной из которых, представляющей собой фрагмент карты Центральной Азии, нанесены от руки *граница до отпадения Западных провинций от Китая* и *новая граница по последнему договору* (Ливадийскому). На второй карте даны: *граница до занятия Кульджи*; *граница, предлагаемая генералом Кауфманом* и *граница по Ливадийскому договору*[23].

Петербургские переговоры маркиза Цзэна с русскими дипломатами Гирсом, Жомини и Бюцовым продолжались почти семь месяцев.

Представитель Китая Цзэн Цзицзэ сразу заявил, что вопрос о *полном* возвращении Илийского края является для цинского правительства *самым важным*. Особое внимание он уделил району реки Текес, заявив: *Общее мнение высших и низших классов в Китае признает, что при уступке этого района возврат Илийского края – одна видимость. На передачу его России невозможно согласиться.* По поводу требования русской стороны об уступке России западной части Илийского края для расселения в ней беженцев, маркиз Цзэн хотя и заявил, что в этом вопросе *не имеется прецедентов*, но согласился передать *западную окраину Или по уже вырешенной границе* (речь шла об условиях Ливадийского договора 1879 г.). После долгих споров представители русского правительства изъявили готовность *уступить реку Текес Китаю*, который, однако, должен был предоставить за это *в виде компенсации... соответствующую территорию.* По-видимому, такой компенсацией явилось согласие маркиза Цзэна на пересмотр русско-китайской границы в районе озера Зайсан и реки Черный Иртыш. По предложению китайского представителя на этом пространстве было решено наметить среднее прохождение граничной линии.

В отношении разграничения Ферганской области с Восточным Туркестаном в переговорах сразу проявилось стремление китайского уполномоченного продолжать притязания на земли, захваченные у Коканда Якуб-беком. Русские дипломаты со своей стороны старались опереться на переговоры А.Н. Куропаткина в 1876-1877 гг. в Кашгаре и достигнутое им *соглашение* с Якуб-беком.

Наконец, была достигнута договоренность о том, что в процессе будущего разграничения Ферганской области с Восточным Туркестаном следует *придерживаться линии, теперь контролируемой обеими сторонами*[24].

12 февраля 1881 г. был подписан Петербургский договор о возвращении Россией Китаю Илийского края с центром в городе Кульдже и о предоставлении российским купцам торговых льгот и привилегий в Китае и Монголии. Относительно прохождения линии границы в договоре сказано следующее:

Статья VII

Западная часть Илийского края присоединяется к России для поселения в оной тех жителей этого края, которые примут российское подданство и, вследствие этого, должны покинуть земли, которыми владели там.

Граница между владениями России и принадлежащею Китаю Илийскою областью будет следовать, начиная от гор Беджинтау по течению реки Хоргос до впадения ее в реку Или и, пересекши последнюю, направится на юг к горам Узун-тау, оставив к западу селение Кольджат. Оттуда она направится на юг, следуя по черте, определенной в протоколе, подписанном в Чугучаке в 1864 году.

Статья VIII

Ввиду обнаружившихся недостатков известной части граничной черты, определенной в протоколе, подписанном в Чугучаке в 1864 году, оба правительства назначат комиссаров, которые по взаимному соглашению изменят прежнее направление границы таким образом, чтобы указанные недостатки были устранены и чтобы между Киргизскими родами, подвластными обеим империям, было произведено надлежащее разграничение.

Новой граничной черте дано будет, по возможности, направление среднее между прежнею границею и прямою линиею, пересекающею Черный Иртыш по направлению от гор Куйтун к хребту Саур.

Статья IX

Для постановки граничных знаков как на граничной черте, определенной в предыдущих статьях VII и VIII, так и на участках границы, где знаки еще не выставлены, будут назначены обеими договаривающимися сторонами комиссары. Время и место съезда комиссаров будут определены по соглашению между обоими правительствами.

Оба правительства назначат также комиссаров для осмотра границы и постановки граничных знаков между принадлежащею Рос-

сии областью Ферганскою и западною частью принадлежащей Китаю Кашгарской области. В основание работ комиссаров будет принята существующая граница[25].

Работы по делимитации и демаркации границы по условиям Петербургского Договора. Новомаргеланский протокол 1884 г.

Ход дальнейшего разграничения между Россией и Китаем в Центральной Азии определялся общими условиями Петербургского договора, который был ратифицирован Китаем в мае, а Россией в августе 1881 г. После обмена ратификационными грамотами началась работа русских и китайских комиссаров по демаркации пограничной линии, а также передача Илийского края цинским властям. Протокол о сдаче-приеме Или был подписан 10/ 22 марта 1882 г. На протяжении 1882 – 1884 гг. была проведена работа по демаркации почти всей линии русско-китайской границы в Центральной Азии и подписан ряд специальных протоколов и пограничных карт.

В процессе демаркации границы русские топографы под руководством и при участии пограничных комиссаров провели новые съемки пограничной полосы и составили маршрутные карты, послужившие основой официальных пограничных карт соответствующих участков. Перейдем теперь к рассмотрению этих работ.

Уже в 1881 г. в Туркестанском военно-топографическом отделе на основании всех имевшихся материалов была составлена рукописная *Карта пограничной с Китаем полосы* в масштабе 5 верст в дюйме[26], охватывающая, главным образом, приграничные районы Семиречья. Изображение границы на карте отсутствует, но приграничные территории показаны довольно подробно с выделением объектов, важных для демаркации границы, и, в том числе, китайских пикетов: *Вайтень-цзы, Маниту, Сары-булак, Цаган-тогой, Бахты, Эргиту, Тасты, Модо-Барлук (Кусак).* Автор карты штабс-капитан Родионов. Этот документ широко использовался во время работ разграничительной комиссии. Помимо пятиверстной карты была составлена также десятиверстная *Отчетная карта съемки по протяжению русско-китайской границы от северных отрогов Алатавских гор до хребта Тарбогатайского*[27].

Первый протокол о разграничении России с Китаем на основании Петербургского договора был составлен в долине реки Баратолы на урочище Галимту 16 октября 1882 г.; в нем была зафиксирована демаркация границы от верховьев реки Нарын-Кола до Карадабана. Протокол подписан с русской стороны генерал-майором А.Е. Фриде, а с китайской – сановником Чаном.

Для обозначения линии границы на ней ставились пограничные столбы, имевшие более сажени в высоту (более 2 м.) и диаметр 5-6 вершков (около 30 см). Топографическими работами при А.Е. Фриде занимались штабс-капитан Стрижевский и классный топограф, титулярный советник Петров. При съемках использовались: *мензула с принадлежностью, кипрегель, бусоль Стефана, планшетная доска...*[28] Как явствует из рапорта Г.А. Колпаковского начальнику Главного штаба, обязанности между топографами распределялись следующим образом: *В то время как штабс-капитан Стрижевский делал предварительные рекогносцировки местности, собирал топографические данные и ставил знаки, топограф титулярный советник Петров вел по следам его, придерживаясь поставленных знаков, инструментальную съемку местности пограничной полосы*[29].

При демаркации на этом участке было выяснено, что «карта», приложенная к Чугучакскому договору, мало подходила вообще к тому, что найдено и разведано в действительности; а потому, придерживаясь договора, следовало вести границу через указанные в нем пункты, местонахождение которых определялось распросами и указаниями местных жителей[30]. При этом *для укрепления уверенности в правоте отмежевания части Текеской долины к пределам Семиречья генерал-майор Фриде собрал распросные сведения о кочевках кара-киргизов, земли которых по Чугучакскому договору должны быть отмежеваны к нашим владениям*[31]. Во время работ на участке севернее реки Или капитан Стрижевский первым из русских прошел в верховья реки Хоргос, причем *знак на перевале Карамуз-гезень между реками Ойсу и Уртаксары поставлен одним Стрижевским; китайский чиновник Чин-Дарин отказался сопровождать его в горы*[32].

По материалам съемок Стрижевского и Петрова, а также, по-видимому, с использованием рассмотренной выше *Карты пограничной с Китаем полосы* 1881 г., непосредственно в процессе разграничения на участке от Нарын-Кола до Карадабана в 1882 г. была составлена *Карта пограничной полосы между Семиреченской областью и Илийским краем* в масштабе 5 верст в дюйме[33], которую следует считать наиболее достоверным материалом для определения положения пограничных знаков №№ 1-33 на момент их установки, ибо, как было показано выше, топограф Петров вел *инструментальную съемку местности пограничной полосы, придерживаясь поставленных знаков* непосредственно после их установки.

В качестве официального двухстороннего документа по окончании работ на участке штабс-капитаном Стрижевским была составлена *Карта Государственной границы, между Семиреченской областью и Илийским краем, проведенной в 1882-м году, во исполнение С.Петербургского трактата 12-го февраля 1881-го года, Полномочными комиссарами: со стороны Российского правительства – Генерального штаба Генерал-майором Фриде, со стороны Дайцинского*

правительства – сановником Чаном. Составлена со съемок, произведенных инструментально, одновременно с проведением Государственной границы, Классным топографом Титулярным Советником Петровым и штабс-капитаном Стрижевским (масштаб 25 верст в дюйме)[34]. Карта подписана полномочными комиссарами А. Фриде и Чаном и заверена их печатями. Как и все остальные официальные мелкомасштабные пограничные карты, этот документ лишь в самых общих чертах иллюстрирует прохождение русско-китайской границы и, по сути дела, совершенно не может быть использован для точной локализации на местности положения пограничных знаков и прохождения договорной линии границы.

Протоколом, составленным в Кашгаре 25 ноября (7 декабря) 1882 г. полномочным комиссаром генерал-майором В.Ю. Мединским и Баркульским меэнь-амбанем Ша, было уточнено прохождение границы от перевала Бедель до верховьев реки Нарын-Кол. Для обеспечения работы комиссии и составления пограничных карт топографом Рудневым со стороны Китая была проведена рекогносцировочная съемка в масштабе 5 верст в дюйме, по итогам которой была создана карта *Работы по разграничению с Китаем и съемки от Барлыкских гор чрез пер. Моузарт до пер. Белеуты произведены по указаниям полномочных комиссаров генерал-майора Фриде и генерал-майора* Мединск*ого по 5 ноября 1882 года* (масштаб 5 верст в дюйме)[35]. Эта карта послужила основой русского варианта договорной карты того же масштаба. На карте работ по разграничению с Китаем район юго-восточнее Хан-Тенгри показан как *часть неисследованная*. Сам пик Хан-Тенгри нанесен в верховьях реки Кум-арык. Интересно заметить, что хребет Кок-Шаал, изображенный лишь в той своей части, которая видна из примыкающей к нему с китайской стороны равнины, трактуется как горный массив, не имеющий сквозных долин в сторону России. Однако, имеется одно немаловажное исключение, а именно: верховья реки Узун-Гуш (современное название – Кузен-узенгегуш) показаны неопределенно и хребет Кок-Шаал на этом участке прерван. Заметим, что на официальной *Карте пограничной с Китаем полосы от пер. Бедель до пер. Суек*, составленной военным топографом титулярным советнико Рудневым и подписанной генерал-майором Мединским[36], трактовка прохождения горного хребта на этом участке изменена: верховья Узун-Гуша показаны совершенно определенно замыкающимися неразрывным горным хребтом. Китайский вариант официальной карты, несмотря на резкое отличие картографической традиции, основу которой составляет полуперспективное изображение гор, однозначно изображает *Савабцинский Тянь-Шань* как непрерывную горную цепь.

Хотя официальные карты и упомянуты в тексте протокола, но они остались односторонними документами. Помимо официальной *Карты пограничной с Китаем полосы...* за подписью Мединского имеет-

ТРГОПОЛЬ
Пески Низъ
Пески
Сары-кумъ
Пески
Ташъ-кара
кумъ
Пески
Участы
кумъ
Пески
Сардаталъ
кумъ
Оз. Аякъ-куль
Оз. Урта-куль
Оз. Кекрели-куль
КОПАЛЪ

Ташкентъ
Ташкентъ
Ташкентъ

ся еще обзорная *Карта Разграниченного участка между Российскими и Китайскими владениями, начиная от верховьев реки Нарын-кола до перевала Бедель*, составленная в масштабе 20 верст в дюйме[37]. На этой карте, созданной для внутреннего использования и приложенной к письму Мединского от 23 июня 1883 года верховья Узун-гуша показаны снова неопределенно, а хребет Кок-шаал в этом районе прерван.

Изложенное выше позволяет сделать предположение, что в период разграничения на участке от верховьев Нарын-кола до перевала Бедель топографами демаркационной комиссии не исключалась возможность существования сквозной долины (реки Узун-гуша), прорывающей хребет Кок-шаал. Однако, в *Протоколе описания государственной границы между Россией и Китаем на участке от перевала Бедель до перевала Уз-бель*, заключенном 22 мая (3 июня) 1884 г., относительно района южнее пер. Бедель сказано, что *граничная межа направляется на запад по хребту Кокшал, не имеющему в себе никаких горных проходов*. По-видимому для того, чтобы эта формулировка не противоречила картографическим документам, на русской разменной *Карте пограничной с Китаем полосы от пер. Бедель до пер. Суек* верховья Узун-гуша показаны замыкающимися непрерывным хребтом Кок-шаал, что также вполне отвечало китайской разменной карте.

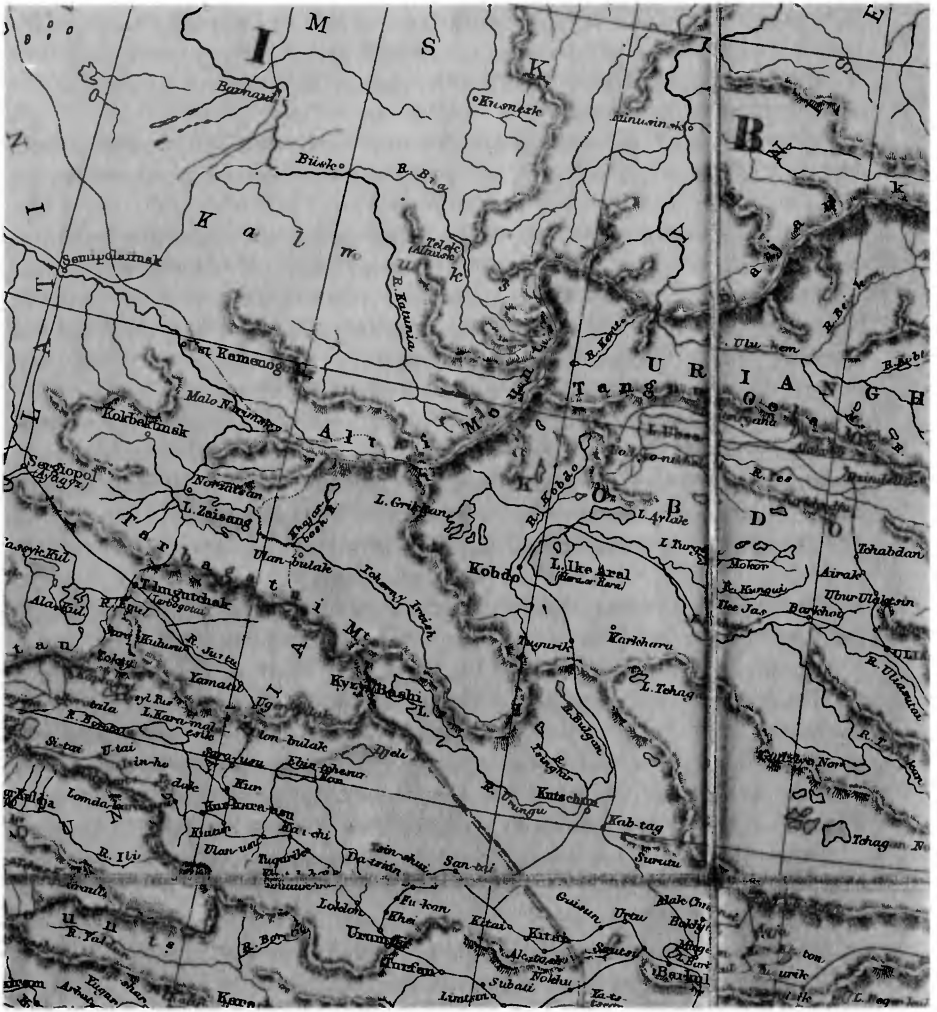
31 июля (12 августа) 1883 г. на урочище Сары-Улен-Чибор в долине реки Кабы был составлен *Протокол об изменении границы между Россией и Китаем на участке от горы Мус-Тау до р. Ак-Каба*, в соответствии с которым граница России отодвигалась на восток от берега озера Зай-Сан до устья реки Алкабек в Черный Иртыш. Русский вариант протокола подписан полномочными комиссарами генерал-лейтенантом И. Бабковым и полковником М. Певцовым. В соответствии с этим протоколом 23 августа (4 сентября) 1883 г. было составлено *Описание государственной границы между Россией и Китаем на участке от р. Ак-Каба до р. Алкабек*, подписанное полковником Певцовым, и, 1/13 сентября 1883 г. – *Описание государственной границы между Россией и Китаем на участке от устья р. Алкабек до горы Мус-Тау*, заверенное с русской стороны тем же комиссаром. Для обеспечения работ демаркационной комиссии на этом участке топографами военно-топографического отдела Омского военного округа Петровым, Топорковым, А. Богдановым, Куртуковым и Сибирцовым была проведена рекогносцировочная съемка района предполагаемого прохождения границы в масштабе 5 верст в дюйме. Подлинные материалы этих работ пока не обнаружены, выявлены лишь копии конца XIX в., составленные, по-видимому, землемерами и хранящиеся в настоящее время в Восточно-Казахстанском областном государственном архиве (г. Усть-Каменогорск) под названием «Топографическая съемка пограничной части Китайских владений к востоку от озера

Зайсана»[38]. Судя по изображению двух базисов (длиной 8 верст 100 саж. и 7 верст 325 саж.) съемка производилась на основании графической триангуляции в местной системе координат, привязанной к системе географических координат с помощью астропунктов[39].

Основой карт послужили оригинальные съемки 1882 г., проводившиеся под руководством Певцова и лишь *от Зайсанского поста до горы Ак-Тюбе, от слияния рек Нарын-Каба с Ак-Кабой до озера Каноса и от последнего до реки Кабы у горы Кара-Чек взято с маршрута помощника астронома классного топографа Чуклина*[40].

На картах синим цветом показаны реки, коричневым – дороги. В карандаше нанесены горизонтали, причем рисунок их выполнен небрежно, без традиционной в то время «укладки» в соответствии с тальвегами долин и гребнями возвышенностей, и это однозначно свидетельствует о том, что рассматриваемые карты являются копиями, а не подлинниками, причем копиями, выполнявшимися весьма поспешно и небрежно. Проект границы нанесен на картах фоновым кантом, показаны основные географические объекты, вошедшие впоследствии в описание границы и договорную карту. В том числе: реки Бас Теректы и Алкабек (без названия), реки Ак-Каба и Улькун Уласты (с названиями), урочища Азыл-енке и Бырыкэу. В части, касающейся прохождения линии границы, рельеф и основные географические объекты, изображенные на этих картах, показаны так же, как на договорной *Карте государственной границы с Западным Китаем*, составленной в 1883 г. в масштабе 20 верст в дюйме и подписанной русскими и китайскими комиссарами. За неимением подлинной карты съемок 1882 г. рассмотренные документы из Усть-Каменогорского архива могут быть использованы для уточнения географических представлений о пограничной территории в период проведения границы. Следует только помнить, что это *копии*, причем *копии*, составлявшиеся, вероятно, землемерами для выявления возможностей сельскохозяйственного освоения приграничных земель (о чем свидетельствуют имеющиеся на некоторых листах фоны разных типов земель). На таких *копиях* вполне возможны пропуски, ошибки в отождествлении контуров (например, дорога может быть показана рекой и т.п.), неточные названия урочищ.

21 сентября (3 октября) 1883 г. в городе Чугучаке А.Фриде и Шентай подписали *Протокол разграничении территории между Россией и Китаем и постановки пограничных знаков на участке от перевала Карадабан до перевала Хабар-Асу*. Участок, на котором была демаркирована граница в соответствии с этим протоколом, как было показано выше, впервые был детально закартографирован топографом Нифантьевым еще в 1862 г. В 1881 г. на эту территорию была составлена пятиверстная *Карта пограничной с Китаем полосы*. Как это не удивительно, ни эта карта, ни двухверстная съемка Нифантьева не были в распоряжении русского пограничного комиссара генерал-майора



Фриде в период подготовки к демаркации и проведения границы на участке от Карадабана до Хабар-Асу поэтому, *во избежание задержек в переговорах и действиях по разграничению,* . генерал Фриде *признал необходимым произвести предварительную инструментальную съемку для предстоявших работ по проведению границы между Сергиопольским уездом и Тарбогатайским округом, – Барлыкской горной страны и всего пограничного пространства от Карадабана до Хабарасу, придерживаясь пунктов, указанных в трактате, заблаговременно* ., для чего был командирован в поле капитан Стрижевский[41]. Итогом этих работ явилась многолистная карта *Съемка пограничной полосы от пер. Кара-даван в Ала-Тау до перевала Хабар-Асу в хребте Тарбогатайском, произведенная инструментально в 1883 году одновремен-*

Рис. 20. Центральная Азия с Китайской империей и Японией (около 1875 г.), (Карт. отд. ГБЛ, Ки 51/ 1-27 Central Asia with the Chinese Empire and Japan. London-Liverpool, [1875]),

но с проведением государственной границы полномочным комиссаром со стороны России Генерального штаба генерал-майором Фриде и со стороны Китая сановником Шеном. Снимал 3-го Западно-Сибирского линейного батальона капитан Стрижевский (масштаб 5 верст в дюйме). На карте показана государственная граница, пограничные столбы, развалины китайских пикетов. Интересно отметить, что в 1886 году при проведении глазомерных съемок долины реки Эмэля *от пограничного знака Маниту до Дорбульджина, с прилегающей к ней на юг степью, а также восточной части горной страны Барлыка, хребта Джаира*

и долины реки Намын-гол» съемка Стрижевского по тщательном сличении с брульенами Нифантьева (1862 г. – А.П.), признана вполне удовлетворительною...[42] Из этого суждения совершенно очевидна прежде всего высокая оценка современниками двухверстных съемок Нифантьева, и эта оценка, очевидно, может быть распространена на производные от нее материалы и, в частности, на *Карту пограничной с Китаем полосы*, составленную в 1881 г. в военно-топографическом отделе Туркестанского военного округа.

На основании обнаруженного нами в Центральном государственном историческом архиве Казахстана рапорта Фриде[43] выявляются довольно важные детали работы разграничительной комиссии, свидетельствующие о том, что не на всех участках делимитированная в поле граница строго соответствовала пунктам договора, определявшим ее прохождение на местности. В частности, так как пикета Карабулак в натуре найдено не было, генерал-майор Фриде убедил китайцев: что это не отдельный пикет, а ключ при пикете Бакту и, таким образом, граница от выхода реки Кара-Китат из гор была направлена прямо на Бакту (Бахты)[44]. Далее генерал Фриде пишет: *Начиная с пограничного знака № 48 знаки (по два на развалинах каждого пикета) столбы деревянные поставлены благоприятно для нас с отрезкою части земель в нашу пользу, а именно: № 48 ближе к последне* [так в подлиннике. – А.П.] *указанным мною капитану Тихменеву развалинам, которые следовало считать руинами пикета Вайтанцзы. № 47 поставлен ближе сада сарта Ишана, так что не только запруда, на которой расходятся арыки, остались у нас, а также места стоянки аулов. № 46 удалось поставить значительно выше отдельного дерева на ключе Узун-агач, оставив на нашей территории мельницу крестьянина сел.*[ения] *и все место зимовки султана Кубелека (Темирхана). Удачной постановкою этих трех знаков в сторону китайцев удалось отмежевать к нам полосу прекрасных покосов ширины в поперечнике версты в три, длина этой полосы видна по плану. № 42 поставлен выше места пикета версты на три благодаря чему пашни широкой долины реки Тастов версты три длиною отошли к нам; кроме того этим знаком отмежевано и устье р. Бухат-булака с частию лесных дач*[45]. Хотя *чиновник Лю-Куан (Лю-Гайдай), расставаясь с капитаном Тихменевым, объявил ему, что все знаки поставлены верно, правильно и согласно с протоколом*, двухсторонних протоколов установки знаков и планов их положения на местности составлено не было, в связи с чем действия генерала Фриде на этом участке официально могут рассматриваться лишь как односторонние, а установленные им знаки не могут считаться договорными.

Упомянутые в рапорте Фриде картографические приложения до настоящего времени не обнаружены. На пятиверстной карте капитана Стрижевского, составлявшейся непосредственно во время работ по разграничению, показана лишь граница, делимитированная Фриде,

и установленные им столбы, а положение развалин китайских пикетов «исправлено» в соответствии с соображениями русского пограничного комиссара. Нами, однако, обнаружен один картографический документ, зафиксировавший как истинное положение китайских пикетов, так и установленную Фриде русско-китайскую границу. Речь идет о составленной пограничными властями непосредственно после разграничения карте русско-китайской границы, хранящейся в настоящее время в Российском государственном военно-историческом архиве[46]. Карта была создана специально для показа устройства охраны границы. Основным ее содержанием является размещение и состав пограничных войск. На интересующем нас участке основу этого документа составляет рассмотренная ранее *Карта пограничной полосы с Китаем* масштаба 5 верст в дюйме, составленная при Туркестанском военно-топографическом отделе в 1881 г., на которую дополнительно нанесено изображение границы и пограничных отрядов. На участке от знака № 48 до знака № 42 линия границы, показанная на карте, проходит восточнее китайских пикетов приблизительно на три версты, что совпадает с данными, приведенными в рапорте Фриде.

Рассмотренная карта является одним из многочисленных примеров того, что с делимитацией границы картографирование приграничных территорий не прекратилось. Продолжение этих работ прежде всего было связано с необходимостью организации надежной системы охраны русско-китайской границы, причем на первом этапе наибольшее внимание пограничные власти уделяли изучению создававшейся китайцами сети пограничных постов и караулов вдоль новой границы. Уже в 1883-1884 гг. под руководством генерал-майора Фриде был составлен ряд описаний и карт китайских караулов на различных участках границы[47]. Из этих материалов сохранилась *Карта государственной границы, проведенной в 1882-м году с показанием мест расположения китайских пограничных караулов в Илийской провинции*[48].

Русские казаки, направлявшиеся на охрану новой государственной границы, со своей стороны должны были детально изучить и закартографировать охраняемый участок. Например, служивший на джаркентском участке границы полковник Симонов следующим образом описывает начальный период организации пограничной охраны: *тотчас же по высылке сотен на границу, было приступлено к изучению пограничной полосы и к съемке местности, в районе которой стояли посты. К осени 1883 г. каждая сотня уже имела отчетные планы своего участка, а в 1885 году, все эти отдельные съемки были соединены в одну общую карту. Все сотни, расположенные на постах, за исключением полусотни в Нарын-коле, были размещены в юртах, выставленных киргизами по распоряжению губернатора. Но, к сожалению, эти прекрасные жилища киргизов, благодаря ветхости кошем, не могли защищать казаков от холода, а большинство юрт даже от дождя и снега, почему каждая сотня, еще до наступ-*

ления холодов, приступила к устройству полууглубленных землянок. Такие же землянки были выстроены на каждом посту под кухни, очаги, склады под фураж и провиант и казачье имущество, и все это казаки устраивали на собственный счет без всякого денежного отпуска от казны..[49].

Допущенные генерал-майором Фриде «вольности» при демаркации русско-китайской границы имели далеко идущие последствия. Китайские пикеты, названия которых входили в официальный русско-китайский договор о границе, со временем исчезли без каких-либо следов на местности, что создало ситуацию «потерянного» участка границы. Автору настоящей работы пришлось провести специальное исследование для восстановления на современном ландшафте вероятнейшего положения этих пикетов. Исследование это выполнялось для советских официальных организаций, отвечавших за подготовку переговоров с КНР по русско-китайским пограничным вопросам. Специальная межведомственная комиссия, в составе которой мы работали, должна была, насколько возможно, точно реконструировать на современном ландшафте линию прохождения государственной границы, определенную официальными пограничными актами, заключенными между Российской и Цинской империями в XVII–XIX вв. Положение этой линии в некоторых местах изменилось в течение длительного периода, прошедшего со времени формирования границы, настолько, что в 80-е годы XX века договорная линия границы не всегда совпадала с той границей, которая официально охранялась советскими пограничниками. В некоторых местах она была «потеряна» из-за исчезновения или уничтожения пограничных знаков (пирамид, столбов) или местных ориентиров (отдельно стоявших деревьев, островов и т.п.), упоминавшихся в официальных русско-китайских пограничных договорах и протоколах делимитации и демаркации границ. Один из наиболее протяженных «потерянных участков» линии границы расположен в полупустынном районе Казахстана к вотоку от озера Алаколь в предгорьях хребтов Саур и Тарбоготай.

В общей сложности это участок протяженностью более 40 км, и ни одно из китайских укреплений здесь не сохранилась.

Таким образом, строго говоря, никто не мог утверждать что-либо определенное о прохождении пограничной линии в этом районе, пока не будет найдено точное положение на местности следов этих фортов. Поэтому от нас требовалось установить вероятнейшее положение китайских пикетов XVIII века на современном ландшафте. Исследования автора по этой теме потребовали длительного времени, но они увенчались полным успехом, достигнутым главным образом благодаря весьма высокой «географической точности» русских топографических карт, созданных в период делимитации границы. Главными источниками для нас послужили рассмотренные ранее *Съемка по протяжению Русско-Китайской границы от северных отрогов Ала-*

тавских гор до хребта Тарбогатайского[50], и *Отчетная карта топографической съемки части западной русско-китайской границы, заключающей 20,678 кв. верст снятой инструментально под руководством обер-квартирмейстера Отдельного Сибирского корпуса генерального штаба полковника Бабкова, корпуса топографов поручиком Нифантьевым и подпоручиком Стрельниковым с топографами 2-го класса Размазиным, Антипиным, Лошаковым и Ларионовым в 1862 году* в масштабе 5 верст в дюйме (1: 210 000)[51].

Изучение подлинных архивных документов, связанных со съемкой и составлением этих карт (полевых дневников и отчетов, инструкций, одна из которых рассмотрена нами ниже, и корреспонденции), показало, что хотя они были созданы на основе рекогносцировочных методов геодезического обоснования (астрономические определения координат и триангуляция в местной системе координат), их геометрическая точность и, особенно, географическая достоверность были исключительно надежными. Мы имели возможность получить убедительные доказательства этого во время наших полевых работ в районе государственной границы.

Громадная территория, на которой проводились наши исследования, включавшая всю протяженность советско-китайской границы, была обеспечена специально составленной Военно-топографическим управлением генерального штаба Советской Армии новейшей картой масштаба 1:50000, созданной на основе данных аэрокосмического зондирования с привлечением наиболее совершенных автоматических фотограмметрических и картографических систем. Таким образом, во время полевых работ у нас были как соответствующие листы этой карты, так и точные копии указанных старых карт. Буквально с первых шагов нашего обследования мы обнаружили, что старинные материалы были значительно богаче в отображении существенных и типичных элементов ландшафта, чем новейшие военно-топографические карты. Район наших работ представлял собой полупустыню, весьма бедную хорошо определяемыми природными контурами. Эта бедность в контурах была весьма очевидна на современной карте, которая показывала лишь пески и редкие горизонтали рельефа. Старинные материалы оказались значительно более подробными и достоверными в плане отображения характерных элементов полупустынного ландшафта. Так, на них подробно показаны даже такие детали, как небольшие сухие русла сезонных водотоков, полигональные глиняные поверхности, солончаки и постоянные дюны, закрепленные ксерофитной растительностью. Один, особенно показательный, пример преимуществ старых карт в географической точности мы получили в районе бывшего китайского пикета Сары-Булак. Этот пограничных форт располагался вблизи небольшого ручья (Сары-Булак по-казахски означает желтый, или мутный, ручей [поток]) в предгорьях хребта Саур. На «Отчетой карте топографической съемки части западной русско-китайской границы...» в окрестнос-

тях пикета, с помощью дополнительных горизонталей, показан весьма необычный для этого района горный склон, осложненный многочисленными небольшими холмами. Эти холмы, вероятнее всего, образовались как оползневые формы рельефа на наклонных увлажненных слоях галечника. Мы обнаружили эти холмы на современном ландшафте, но современная военно-топографическая карта масштаба 1:50000 (т.е. – в четыре раза крупнее масштаба использованной нами карты девятнадцатого века) показывала в этом районе абсолютно ровный склон.

Только благодаря таким малозаметным, но важным природным контурам, как оползневые бугры, сухие русла водотоков, районы полигональных глиняных поверхностей, солончаки и постоянные дюны, изображенным на старых русских картах, составленных в 1862 году, военные топографы нашего отряда смогли нанести на современную местность вероятное положение каждого из десяти китайских пограничных пикетов. Для проверки наших результатов из Института археологии АН СССР была приглашена группа археологов. Им не было сказано, что именно предполагалось найти в окрестностях десяти отмеченных шестами точек, но археологи в результате раскопок действительно обнаружили вблизи каждого из шестов фундаменты каких-то строений, которые по результатам детальных исследований были в официальном отчете однозначно квалифицированы ими как остатки оборонительных сооружений, построенных в китайской традиции и датируемых второй половиной XVIII века. Таким образом, независимая археологическая экспертиза помогла доказать дипломатам, что мы действительно нашли на местности «потерянную линию границы», которая была официально делимитирована в соответствии с русско-китайским Чугучакским протоколом. Помимо большого прикладного результата, описанная экспериментальная полевая работа доказала правильность разработанной нами методики историко-географических исследований и источниковедческого анализа старых карт и других материалов топографо-геодезических работ.

Вернемся теперь к рассмотрению истории картографирования приграничных районов установления русско-китайской границы по условиям Пекинского договора.

В процессе делимитации и демаркации границы по условиям Пекинского договора с китайской стороной была достигнута договоренность о передаче России в аренду на 10 лет Барлыкских гор. Хозяйственное использование этой территории, представляющей собой богатые горные пастбища, требовало картографического, географического и даже хозяйственно-этнографического исследования района. Выполнение этих работ было поручено в 1886 г. штабс-капитану КВТ Закржевскому и классному топографу Богданову. Инструкция топографам была составлена полковником Певцовым[52]. Съемки проводились в долине реки Эмэля «от пограничного знака Маниту до Дорбульджина, с прилегающей к ней на юг степью, а так-

же восточной части горной страны Барлыка, хребта Джаира и долины реки Намын-гол».

Рассмотрим вкратце пункты инструкции по этим съемкам, характеризуюшие относительную ее точность и достоверность, тем более, что предписываемая в них методика, по-видимому, аналогична той, которая использовалась во время рекогносцировочных съемок, проводившихся при демаркации границы полковником Певцовым, входившим, как мы видели, в состав пограничной комиссии.

Относительно техники выполнения работ в инструкции предписано следующее: «Оба съемщика должны производить съемку глазомерно в масштабе 5-ти верст в дюйме буссолями Стефана, имея тщательно разграфленные планшеты. Азимут пути следования нужно брать по возможности чаще, а переезды от одной точки стояния инструмента до другой стараться делать по прямым линиям. Измерение пройденных расстояний на равнинах и слегка волнистых местностях рекомендуется производить по оборотам колеса передков, ведомых лошадью или еще лучше верблюдом... В горах, вместо непосредственного измерения расстояний, необходимо производить буссолью триангуляцию, измеряя предварительно тщательно выверенной тесьмой небольшие базисы от 250 до 500 саж.»

«На маршруты следует наносить по обе стороны пройденного пути сколь возможно широкие полосы местности причем важнейшие ориентировочные пункты по сторонам должны быть определены засечками. Для расширения своих маршрутов съемщики не должнв ограничиваться нанесением одних лишь видимых с магистрального направления предметов, а стараться всеми средствами пополнять их распросными сведениями, которые следует по мере возможности проверять показаниями об одном и том же предмете нескольких лиц. Наиболее же важные предметы, не видимые с пути следования, съемщики обязаны осматривать лично, сворачивая для этого с магистрального направления и показывая пунктиром такие побочные пути[53]».

В качестве астрономо-геодезического обоснования Закржевскому предписывалось определить астрономически координаты ряда пунктов, причем «все определяемые пункты нужно непременно приурочивать к весьма заметным и мало изгладимым временем предметам (устья рек, вершины гор и сопок, каменные могилы и т.п.).[54]»

Помимо карт топографам предписывалось составлять подробное описание, в котором отражался племенной состав населения, описывались места зимних и летних кочевок и другие характеристики животноводства, отдельно характеризовалось хлебопашество.

Подлинные материалы съемок 1886 г. сохранились в Российском государственном военно-историческом архиве под названием «Глазомерная съемка части Китайской территории, заключающей в себе: долину реки Эмеля от пограничного знака Маниту до Дурбульджина, восточную часть Барлыкских гор, горы Майли и западную часть гор

Джаир. Произведена Корпуса военных топографов Штабс-капитаном Закржевским и классным военным топографом титулярным советником Богдановым в 1886 г.[55]» По этим материалам была составлена обзорная карта Барлыкских гор с прилегающими долинами в масштабе 10 верст в дюйме, на которой, в частности, показаны пограничные столбы №№ 36 – 45[56]. В том же 1886 г. была проведена «Глазомерно-маршрутная съемка от города Каракола (Пржевальск) через перевалы Джергес, Базычук, Тургень, Ак-су и Беркут к леднику Семенова и через перевалы Каш-Ка-тур, Сарт-Джа, Нарын-Кол, Лайлы, Кабкак, Мынь-тур, Тес, Отрук и Каракыр обратно» (масштаб 5 верст в дюйме)[57]. Все эти работы в сочетании со специальными съемками позволили в 1886 г. издать двухверстную топографическую «Карту пограничной линии и передовых постов Семиреченской области»[58].

Российские географические исследования в Восточном Туркестане в период установления границы с Китаем

Следует заметить, что занимаясь активно изучением приграничных с Китаем районов, российское руководство в течение всего этого периода продолжало интенсивные исследования территорий Центральной Азии, расположенных восточнее линии российско-китайской границы, причем эти исследования, целью которых, во многих случаях было проникновение на Тибет, принесли наибольшую известность российским путешественникам.

Упоминавшийся нами ранее просвещенный казах, офицер русской армии Чохан Валиханов в 1858-1859 годах под видом купца проник в запретный в то время для европейцев город Кашгар. Если бы путешественник был опознан как подданный России, пришедший сюда в качестве ученого-исследователя, его ожидала бы немедленная казнь.

Первые, по настоящему научные исследования в Восточном Туркестане были проведены ведущим российским географом XIX века, Петром Петровичем Семеновым-Тян-Шанским (1827-1914 гг.). Семенов был ключевой фигурой в Императорском Русском географическом обществе (основанном в 1845 году). С 1849 года и до его кончины в 1914 году он непрерывно принимал участие в деятельности географического общества, сначала в должности библиотекаря (1849-1851 гг.), затем – секретаря секции физической географии (1856-1860 гг.) и председателя этой секции (1860-1873 гг.). В 1873 году он был назначен Вице-Президентом общества, и с этого времени Семенов стал фактическим руководителем научной деятельности Русского Географического общества.

При подготовке в своему центральноазиатскому путешествию, П.П. Семенов перевел со своими дополнениями книгу Карла Риттера *Die Erdkunde von Asien. Bd 1: Der Norden und Nord-Osten von Hoch-Asien* (Bln, Reimer, 1832), опубликованную под названием *Землеведение Азии Карла Риттера. Том 1: Общее введение и восточная окраина восточной нагорной Азии*[59].

В мае 1856 года П.П. Семенов отправился в свое восемнадцатимесячное путешествие из Санкт-Петербурга через Нижний Новгород, Казань, Екатеринбург, Омск, Барнаул, Змеиногорск и Семипалатинск в недавно основанное русское поселение Верное (теперь Алматы), куда он прибыл в августе 1856 года. Далее он, в сопровождении казачьего конвоя, отправился для исследований высокогорных плато и хребтов, окружающих озеро Иссык-Куль. В 1856-1857 годах (с перерывом на зиму, проведенную в Барнауле) Семенов исследовал западные отроги хребта Заилийский Алатау, Чуйскую долину, Боамское ущелье, горы Кунгей-Алатау и Терскей-Алатау, достигнув истоков реки Нарын (главного притока реки Сыр-Дарьи). Он был первым европейцем поднимавшимся по склонам горного массива Хан-Тенгри, в котором он открыл обширную группу ледников. В результате этого путешествия он детально исследовал рельеф и геологическое строение Тянь-Шаня, сделав вывод о том, что гипотеза Александра фон Гумбольдта о вулканическом происхождении этих гор не верна. Следует, однако, заметить, что в результате современных исследований, черты древнего вулканизма на Тянь-Шаня обнаружены.

Благодаря путешествиям П.П. Семенова, его геологическим и биологическим коллекциям а также – топографическим и метеорологическим наблюдениям с акварельными иллюстрациями, выполненными экспедиционным художником Павлом Кошаровым, географическая наука обогатилась обильными исходными данными о практически неизвестных европейцам районах Центральной Азии. Помимо этого большое значение имела этнографическая информация и анализ социальной и экономической жизни кочевых народностей киргизов. Флористические коллекции Семенова были впоследствии изучены такими ботаниками, как Е.А. Регель, А.А. Бунге и Ф. Гердер в Петербургской Академии наук и Ботаническом Саду. Некоторые из привезенных Семеновым растений были ранее неизвестны науке и его имя было увековечено в их названиях. Экспедиционные дневники П.П. Семенова 1856–1857 гг. весьма четко формулировали стратегию расширения владений Российской Империи, которая была реализована на практике в последующие три десятилетия.

Летом 1857 года Семенов изучал вечные снега хребтов Ала-Тау и Тянь-Шаня, и на основе своих наблюдений он сделал вывод, что вечные снега присутствовали на высоте около 3370 метров над уровнем моря вдоль 41-42 параллели с.ш. Наблюдения на Кавказе давали среднюю высоту снеговой линии в 1080 м, в то время как в Пиренеях она

лежала на высоте 2550 м. П.П. Семенов на основании этого сравнения выдвинул предположение, что такие различия в высоте снеговой линии могут быть объяснены как различием в количестве атмосферной влаги на одной и той же географической широте в Гималаях и Центральной Азии, так и фактором значительной удаленности от океанического влияния.

Благодаря изучению Семеновым Тянь-Шаньских ледников, морфологии и направления рек, текущих с высокогорных хребтов в долины, а также отложений на берегах Иссык-Куля была осознана концепция более продолжительного периода климатических изменений. Неотъемлимым элементом такого понимания было признание былых изменений уровней центральноазиатских озер – особенно Арала и Каспийского моря – со всеми последствиями, которые эти изменения имели для речных систем всего региона. Александр фон Гумбольдт и другие ученые считали, что река Чу имеет своим истоком Иссык-Куль, но Семенов доказал, что какова бы ни была ситуация в далеком прошлом, в настоящее время озеро является бессточным, и что река Чу на небольшом расстоянии от современной береговой линии озера поворачивает от нее в противоположном направлении.

На основании длительных наблюдений высотной зональности флоры и адаптации к ней местных и привнесенных видов, Семенов выдвинул предположение о существовании пяти экологических зон, каждая из которых имела различный потенциал культурно-хозяйственного освоения для будущих российских колонистов. Его классификация района на степь, залесенные предгорные долины, промежуточные залесенные склоны, альпийские луга и высокогорья была не только описательным районированием, выполненным лишь для академических целей, но каждой зоне Семенов придавал то, что, по его мнению предопределяло ее долговременное экономическое значение, как для местного населения, так и для поселенцев. Он представлял себе последующее присоединение к России этих районов как гармоничный процесс, в котором обе культуры (местная и российская) будут процветать бок о бок и взаимно обогащать друг друга.

П.П. Семенов впервые опубликовал общие результаты своей экспедиции в *Вестнике Императорского Русского географического общества* в 1856-1858 гг.[60] Путешествие Семенова привлекло значительное внимание и признание зарубежного научного сообщества: переводы его статей были помещены в *Petermann's geogr. Mitt.* (1858) и в *The Journal of the Royal Geographical Society* (1861, 1869). Помимо этих публикаций, он включил свои новые данные в перевод второго тома труда Карла Риттера *Die Erdkunde von Asien. Bd 2: Der Nord-Osten und der Süden von Hoch-Asien.* (Bln, Reimer, 1833[61]) Подлинные полевые журналы путешествия Семенова хранятся в Архиве Русского Географического общества в Санкт-Петербурге. Они трижды были опубли-

кованы в советское время (в 1946, 1948 и 1958 гг.). Английское издание этих материалов, впервые включающее публикацию набросков и акварелей Павла Кашарова было осуществлено недавно Хаклюйским обществом в Лондоне[62].

Российский исследователь и путешественник Николай Михайлович Пржевальский (1839-1888 гг.) продолжил и расширил исследования Центральной Азии в районах к востоку от территорий, изученных П.П. Семеновым-Тян-Шанским. В 1870 году он отправился в свою первую центральноазиатскую экспедицию, маршрут которой пролегал из Кяхты через Угру (теперь – Уланбатор) в Монголии, затем пересекал Гоби и заканчивался в Калгане (Чань-чиа-ку) в 160 км от Пекина. Это путешествие сразу сделало имя Пржевальского хорошо известным за рубежом. В течение трех лет (7 ноября 1870 – 19 сентября 1873 г.) внимание российских и зарубежных средств массовой информации было привлечено к исследованиям и приключениям Пржевальского. Когда путешественник в течение длительного периода не имел связи с внешним миром, журналисты подняли тревогу и распустили слухи о его гибели. Первое путешествие Пржевальского оказалось самым продолжительным по времени и наиболее протяженным по расстоянию из всех его экспедиций. Н.М. Пржевальский прошел около 12000 км караванных путей. Результаты своих исследований он опубликовал в фундаментоальной двухтомной монографии[63].

Н.М. Пржевальский начал свое второе путешествие (12 августа 1876 – 20 декабря 1877 г.) из города Кульджа и пошел на юго-восток через Сырты Тянь-Шаня и пески пустыни Такла-Махан к подножьям гор А-эрх-чин и озеру Лоб-Нор. Это было самое короткое из его путешествий. Он покрыл расстояние немногим более 4000 км. Результаты экспедиции были обобщены в большой статье «От Кульджи за Тянь Шань и на Лоб Нор», опубликованной в *Известиях Императорского Русского географического общества*[64]. В 1878 году эта статья была выпущена в качестве отдельного издания ИРГО.

Третье путешествие Пржевальского в Центральной Азии (первое тибетское путешествие)(21 марта 1879 – 19 октября 1880 г.) началось от озера Зайсан и проходило через Хами к верхнему течению реки Хуанхэ. Маршрут путешествия имел протяженность около 7660 км, причем Пржевальский не дошел до своей заветной цели – столицы Тибета Лхасы около 270 км, так как не получил разрешения на посещение этого священного для тибетцев района. Пржевальский рассказал об этом путешествии и его научных результатах в своей книге[65].

Его четвертое (второе тибетское) и последнее завершенное путешествие в Центральную Азию (8 ноября 1883 – 20 октября 1885 г.) началось в Кяхте, откуда он прошел в монгольскую Угру. Затем Пржевальский пересек пустыню Гоби и прошел в Российский Туркестан, посетив величайшее горное озеро мира – Иссык-Куль. Во время это-

го путешествия экспедиция прошла расстояние в 7814 км, достигла истоков Хуанхэ, исследовала северные пограничные районы Тибета и путь вдоль Лоб-Нора в бассейн Тарима. Ход экспедиции и ее результаты описаны в последней книге Н.М. Пржевальского[66].

Помимо Н.М. Пржевальского, исследования Центральной Азии проводил М.В. Певцов (1842-1902). В 1876 году он обследовал Джунгарию между Булун-Тохоем и Гучэном, а в 1878-1879 годах прошел 4000 км по неизвестным районам Монголии и Гоби, провел маршрутную съемку и составил карту и подробное географическое описание. В 1889-1890 годах, в продолжении исследований, намеченных Пржевальским, экспедиция под руководством Певцова прошла маршрут в 10000 км по обширной области, примыкающей к Куньлуню, которая на карте четвертого путешествия Пржевальского обозначена как *местность совершенно неизвестная*. На карте Восточного Туркестана и северной окраины Тибетского нагорья появились изображения новых хребтов, рек, озер, Турфанской котловины, дно которой расположено на 154 метра ниже уровня океана. М.В. Певцов руководил тремя экспедициями по Джунгарии, Монголии, Гоби, Кашгарии, Куньлуню.

Почти одновременно с Певцовым была организована еще одна экспедиция Географического общества, возглавляемая Г.Е. Грумм-Гржимайло (1860-1936). В 1884-1887 годах он путешествовал по Алаю, Памиру, Тянь-Шаню, Кашгарии, Каракоруму. Эти путешествия описаны в работах *Очерк памирских стран*, *Памир и его лепидоптирологическая фауна* и других. В 1889-1890 годах Грумм-Гржимайло возглавил экспедицию в Центральную Азию. Его первая специальность – энтомолог, знаток насекомых, бабочек. Но Азия настолько увлекла его, что он в экспедициях занялся географическими, зоологическими и историческими исследованиями. Трехтомное сочинение Грумм-Гржимайло *Западная Монголия и Урянхайский край* поражает объемом и разнообразием информации.

Большие исследования Монголии и Китая провел Григорий Н. Потанин (1835-1920). В 1876-1877 и 1879-1880 годах он совершил экспедиции в Северо-Западную Монголию, в 1884 -1886 и 1892-1893 годах – в Северный Китай, Восточный Тибет и Центральную Монголию, в 1899-м – экспедицию на Большой Хинган. Наблюдательный географ и этнограф, Потанин собрал большой фольклерный материал, описал быт, материальную культуру кочевых и оседлых народов. Потанин записал свыше 300 произведений восточного эпоса, которые частично опубликовал в своей обработке, собрал подробный гербарий растений Центральной Азии, открыл много новых видов растений. Помощником Потанина по экспедициям была его жена А.В. Потанина (1843-1893), первая русская путешественница и исследовательница Центральной Азии. Она собрала ценный этнографический материал

и написала ряд важных работ по этнографии Центральной Азии. Она умерла во время путешествия 1893 года на берегах Янцзыцзяна.

Удивительное путешествие совершил в начале 20 века ученый-бурят Г.Ц. Цыбиков (1873-1930). Он первым из россиян пересек Центральную Азию из Кяхты до столицы Тибета – Лхасы. В те годы (1899-1902) пребывание там иностранцев было категорически запрещено. По поручению Русского географического общества Г.Ц. Цыбиков под видом буддиста-ламаиста отправился в Лхасу с караваном богомольцев на поклон к далай-ламе.

Исследованиями Центральной Азии занимался выдающийся геолог и географ Владимир А. Обручев (1863-1956). В 1892-1893 годах он принял участие в экспедиции Г.Н. Потанина. Выйдя из Кяхты он пересек Монголию, прошел весь Северный Китай, обследовал хребет Наньшань и закончил экспедицию в Кульдже. При исследованиях горной системы Наньшаня Обручев установил, что в восточном Наньшане насчитывается девять продольных хребтов (а не два-четыре, как полагали прежде). Вопреки мнению своих предшественников Н.М. Пржевальского и Ф. Рихтгофена Обручев показал, что в Центральной Азии нет морских отложений третичного возраста. Он развил гипотезу об эоловом происхождении лессов. По существу с Обручева начинается геологическое исследование Центральной Азии. В 1905-1906 и в 1909 годах ученый исследовал Джунгарскую впадину и окружающие ее хребты (Северо-Западный Китай). Обручев открыл в Джунгарии месторождения нефти, золота и других металлов.

В 1893-1895 годах самостоятельную экспедицию по исследованию Тянь-Шаня, Наньшаня, Северного Тибета и Хамийской пустыни соврешил участник третьего и четвертого путешествий Н.М. Пржевальского В.И. Роборовский (1856-1910). Экспедиция (в которой принимал участие П.К. Козлов) собрала большие зоологические, ботанические и геологические коллекции, положила на карту обширные области Центральной Азии. Этот путь закончился для Роборовского трагически: его разбил паралич. Руководить экспедицией стал другой участник четвертой экспедиции Пржевальского П.К. Козлов (1863-1935). В отделе карт и планов Национальной библиотеки Франции (фонд Географического общества Франции) сохранилось рукописное описание этой экспедиции, которое, судя по всему, было выполнено П.К. Козловым; полный текст этого описания помещен в Приложении № 4

В 1899 году Географическое общество поручило Козлову возглавить монгольско-тибетскую экспедицию (1899-1901). Эта экспедиция была исключительно плодотворной и принесла ему мировую славу. Маршрут ее пролегал через Монгольский Алтай, Центральную Гоби, гиганскую бессточную котловину Цайдам, Северо-Восточный и Юго-Восточный Тибет и далее, обратно через Монголию и Кяхту. Были

собраны ценнейшие материалы по орографии, геологии, о климате, растительности и животном мире, о малоизвестных и совсем неизвестных племенах. Козлов прошел в Юго-Восточный Тибет – Кам, горную, не исследованную в то время страну. Результаты экспедиции описаны в книге *Монголия и Кам*.

Съемки и картографирование в процессе работ по устройству русско-китайской границы; реакция англичан; изучение русскими китайской системы охраны границы; возникновение первых разночтений в трактовке линии прохождения государственной границы России с Цинским Китаем.

В 1888 – 1890 гг. активно продолжались работы по устройству охраны русско-китайской границы, в процессе которых проводились съемки местностей, удобных для размещения укреплений, разрабатывались проекты пограничных поселений. Сохранился, в частности, ряд планов отдельных мест в долинах Ат-Баши и Нарына к проектам соответствующих укреплений[67]. Пристальное внимание пограничное начальство привлекали коммуникации, ведущие от границы вглубь России и Китая. Так, в 1888 г. капитан корпуса военных топографов Щеголев произвел подробную рекогносцировку реки Или на протяжении около 90 верст от устья реки Хоргос до Борохудзирской переправы. Материалы этой рекогносцировки пока не обнаружены, имеются лишь упоминания о ее проведении в «Докладе комиссии, образованной для выбора мест под укрепления на западно-китайской границе Семиречья» от 10 ноября 1888 года[68].

Для детального изучения отдельных участков границы пограничное начальство и в более поздние годы предпринимало рекогносцировочные съемки силами линейных офицеров без привлечения военных топографов. Так, сохранился ряд планов, составленных по материалам рекогносцировок пограничных районов Туркестанского края, проведенных в 1891 г[69]. Из этих материалов для нашей темы представляют интерес два плана, составленных и вычерченных поручиком 4-го Туркестанского линейного батальона Качегаровым, а именно: «Рекогносцировка пути на пограничный перевал Тар-Кол 2-го августа 1891 года от слияния рек Саваярдына. Съемка по заметкам верхом с бусолью» (масштаб 2 версты в дюйме[70]) и «Рекогносцировка в пути на пограничный № 3 перевал Талгый. Съемка производилась по заметкам от слияния реки Когарта с ручьем Талгый 9-го августа 1891-го верхом, с бусолью» (масштаб 2 версты в дюйме)[71]. На этих планах по-

казаны соответствующие пограничные знаки, линия границы, перевалы, дороги и рельеф в условных горизонталях. Помимо этого имеются описания пограничных знаков и рисунки с их изображением. Так, о пограничном знаке на перевале Тар-Кол сказано следующее: «На высшей точке перевала находится пограничный знак Тар-Кол, на котором сделана надпись о проверке линии знаков в 1885 году. Пограничный знак представляет доску, высотою около сажени, обложенную внизу камнями. Пограничный знак становится виден уже с первой высоты подъема. Дорога с перевала в китайские владения и окружающая местность зарисованы мною с перевала на глаз, но направление определено бусолью»[72]. Рассмотренные планы вполне могут быть использованы в качестве дополнительного материала для реконструкции положения соответствующих знаков на местности.

Активность России на ее среднеазиатских границах с Китаем очень беспокоила англичан, которые весьма опасались, что следующим шагом русских станет завоевание Синьцзяна. Для выяснения возможностей Цинской империи проивостоять подобному завоеванию, в Китай был направлен руководитель военной разведки генерального штаба британской армии в Индии полковник Белл; его активным помощником стал молодой и честолюбивый Фрэнсис Янгхазбэнд, которому во время его путешествия из Пекина через пустыню Гоби в Восточный Туркестан и Индию предстояло на месте выяснить возможности Синьцзяна и в особенности гарнизонов Кашгара и Яркенда сопротивляться такому гипотетическому наступлению русских[73].

В Кашгаре Янгхазбэнд посетил российского консула М. Петровского, который произвел на него весьма сильное впечатление, в частности английский офицер рассказал следующее: *Я обнаружил, что М. Петровский живет в туземном доме, который благодаря его усовершенствованиям стал вельма комфортабельным. Он и его секретарь М. Лутч, приняли меня сердечно и послали за жившим поблизости мессионером М. Хендриксом* [M. Hendriks] *для того, чтобы он имел возможность увидеться со мною и послушать рассказ о моем путешествии из Пекина. Когда разговор перешел к Индии, я удивился обнаружив насколько хорошо М. Петровский знаком с этой страной. С гордостью он показал мне множество томов лучших ангийских авторов, посвященных индийской проблематике, а также самые свежие «Голубые Книги» о стране. Он регулярно получал и восхищался ежегодным парламентским докладом «Материальный и моральный прогресс Индии». Он был знаком с действующим эмиром Афганистана Абдул Рахманом в то время когда тот был беженцем в Самарканде; помимо этого он знал имена и многое из биографии большинства ведущих лиц в Кашмире. О центральноазиатском вопросе он говорил весьма свободно, и,* в частности, *сказал, что англичане всегда подозревали русских в далеко идущих планах относи-*

тельно Индии, но в действительности у них на уме не было ничего подобного.

Однако при всей доскональности знаний М. Петровского об Индии и центральноазиатских делах, я не уверен, что именно эти дела более всего его привлекали; и я склонен думать, что реально он больше всего любит научные занятия. В его библиотеке очень много научной литературы, а его комната полна самых различных инструментов среди которых, астрономический телескоп, барометры, разнообразные термометры, аппараты для измерения движений земной коры во время землятресений и различные другие инструменты. Очевидно, что этот человек обладает значительными познаниями[74]. На следующий день М. Петровский в сопровождении экскорта из 16 казаков-кавалеристов посетил Янгхазбэнда, и англичанин еще раз смог убедиться в широчайшей эрудиции русского консула, оказавшегося настолько интересным собеседником, что англичанин весьма сожалел о невозможности задержаться несколько в Кашгаре с тем, чтобы поближе с ним познакомиться[75].

В 90-х годах XIX века центральноазиатское пограничное начальство неоднократно занималось изучением и картографированием китайской системы охраны границы. В качестве примеров итоговых материалов подобных работ можно назвать Отчетную карточку китайских постов на нашей границе, 1892 г. в масштабе 10 верст в дюйме, а также – описание и карту китайских пограничных постов Джаркентского уезда, выполненные в 1894-1898 гг.

Несмотря на принимаемые пограничным начальством меры по укреплению охраны и обороны границы на отдельных ее участках по различным причинам стали возникать пограничные недоразумения и конфликты. Разрешение этих конфликтов требовало постановки специальных полевых работ с детальным картографированием спорных участков. Из таких участков, пожалуй, наибольшим вниманием пограничного начальства в 90-х годах XIX в. пользовался устьевой район реки Алкабека. В этом районе в период разграничения течение реки Алкабек раздваивалось: левое (восточное) русло имело название Алкабек, а правое (западное) – Китайка. Кабинским протоколом от 31 июля и Алкабекским протоколом от 23 августа 1883 года граница здесь была утверждена проходящей по Алкабеку (то есть по восточной протоке), а образуемый между протоками остров Кызыл-Уй-Енке таким образом отошел к России. На острове впоследствии была построена пограничная застава и ветеринарный пункт. Китайские власти до 1893 г. не предъявляли никаких претензий к прохождению границы в этом районе. Однако, в 1893 г. междуречье Кызыл-Уй-Енке, не без участия китайских властей, было захвачено подданными Китая – казахами-киреями, которые после разграничения 1883 г. ушли за Алкабек, но ранее пользовались плодородными землями урочища Кызыл-Уй-Енке. Захватив урочище киреи в том же 1893 г. перегоро-

дили реку Алкабек земляной плотиной, чтобы в период весеннего разлива большая вода Алкабека уходила в Китайку и не размывала оросительной системы и не уничтожала посевы. С тех пор китайские киргизы, а равно начальник Белезекского китайского поста «Маниту хатулгань», – стали утверждать, что рукав Китайка – есть подлинный Алкабек и что поэтому названный остров они считают принадлежащим Китаю.

Переписка военного губернатора Семипалатинской области через чугучакского консула с кобдосским хэбэй-амбанем о немедленном очищении острова от китайско–подданных киргизов не привела к благоприятным результатам. В деталях вопрос о прохождении границы на этом участке был изучен чиновником особых поручений по китайским делам А.П. Плаховым, которому было поручено также вести переговоры с китайцами при проверке знаков в 1895 г. Съемки и картографирование проводил подполковник Мельников. Материалы этих работ обнаружены нами в Центральном государственном историческом архиве Казахстана. Для определения положения пограничного столба в устье реки Алкабек наибольшее значение среди этих материалов имеет глазомерный набросок, выполненный подполковником Мельниковым в 1895 г. во время проверки пограничных знаков.

Спор о принадлежности острова Кызыл-Уй-Енке (Красная ольха) затянулся на многие годы. Вопрос об очищении острова от китайских подданных поднимался перед центральным китайским правительством в 1898 и 1899 гг., но китайские представители упорно отказывались признать договорное прохождение границы. Ввиду безуспешности наших миролюбивых предприятий осенью 1901 г. степной генерал-губернатор генерал-лейтенант Карпов приказал депутату с русской стороны чиновнику особых поручений надворному советнику Плахову совместно с помощником зайсанского уездного начальника объявить китайско-подданным киргизам, неправильно занимающим наш остров на Алкабеке, что им разрешается только перезимовать и что к 15 мая будущего года они должны оставить остров добровольно, иначе будут выдворены военною силой. Несмотря на то, что амбань сообщил русскому консулу в Чугучаке, что китайцы не смогут вывести своих подданных с острова к этому сроку, так как дороги будут еще занесены снегом, в мае 1902 г. на алкабекский остров после откочевки занимающих его киргизов на летние кочевья в предгорья Алтая, был выдвинут передовой казачий пост, причем зимовки, не перенесенные несмотря на неоднократные предложения, в китайские пределы, были уничтожены. На острове сразу же были выставлены русские казачьи пикеты, которые впоследствии решительно пресекали любые попытки занимать эту территорию. В августе 1904 года, при проверке погранзнака «Алкабек» русским представителем Плаховым и военным чиновником из Кобдо Гуй Лянь, китаец вновь пытался поднять вопрос о принадлежности урочища Кызыл-Уй-

Енке, но Плахову удалось отклонить эту попытку и добиться подписания протокола об осмотре знака на русском и китайском языке без всяких упоминаний о спорности острова. При проверке погранзнаков в 1910 году вопрос о принадлежности острова вообще китайцами не поднимался.

В 1912 году на урочище Кызыл-Уй-Енке был основан русский поселок Луговое.

Наиболее детально в дореволюционный период устьевая часть Алкабека была закартографирована при съемке Судоходной карты реки Черного Иртыша от устья реки Алкабека до оз. Зайсана. ., составленной по данным исследований 1910-1914 гг. описных партий управления Томского округа путей сообщения и изданной в Петрограде в 1915 г. На листе № 1 этого атласа показано в масштабе 1: 5 000 устье Алкабека. (Рис. 21). Детально отображено русло Черного Иртыша, сухое русло реки Китайки и проточное устье реки Алкабек. На левом берегу Алкабека изображены два пограничных столба, а на острове Кызыл-Уй-Енке – казачий пограничный пикет, таможенный и ветеринарный пункты. По нашему мнению, эта карта является наиболее подробным и достоверным источником для реконструкции на местности положения пограничного столба на 1910-1914 гг., а также для изучения исторических изменений русел Алкабека, Черного Иртыша и Китайки.

Повторный захват китайцами урочища Кызыл-Уй-Енке относится к 1920-1921 гг., когда, воспользовавшись обстановкой гражданской войны, они вторглись на советскую территорию и заняли участок западнее реки Алкабек до реки Китайки площадью около 60 кв. км. Захват урочища китайские власти оправдывали тем, что этот участок был продан им военкомом Зайсанского уезда Коротковым, который затем бежал в Китай. Обстановка, создавшаяся после захвата китайцами острова Кызыл-Уй-Енке, хорошо описана в Докладной записке о состоянии Алкабекского пограничного пункта Азиатского охранно-карантинного пояса, составленной ветеринарным врачом Орловским в 1925 г. В частности, Орловский пишет, что по берегам Алкабека и Черного Иртыша располагались карантинные полевщины для размещения скота перед ветеринарным осмотром, которые вследствие упомянутой выше передвижки границы с Алкабека на Китайку, в большей своей части отошли в Китай. На китайской территории оказались также ветеринарный дом и дом таможенного поста. Вся эта ситуация отражена также на составленном Орловским Схематичном наброске плана прежних ветеринарно-карантинных полевщин Алкабекского № 19 погранветпункта.

В 1902 году было составлено Наставление по охране государственной границы России с Западным Китаем, частью которого являлось описание различных участков границы, а также – соответствующие карты. В частности, в Государственном архиве Казахстана имеются

такие материалы на Семипалатинскую область. В 1910 году была составлена новая инструкция по охране государственной границы, более детальные описания и карты.

В конце XIX – начале XX в. значительное внимание начинает уделяться вопросам заселения приграничных территорий. В круг этих воросов входило детальное изучение природных ресурсов вновь заселяемых земель и их крупномасштабное картографирование. Из-за того, что подобные материалы являлись оперативными документами, широко использовавшимися в практической деятельности пограничников и земледельцев, весьма малое их количество сохранилось до нашего времени. Нам известно лишь несколько землемерных планов этого типа, которые могут быть использованы как дополнительный материал для реконструкции на местности положения отдельных пограничных знаков для периода составления планов. Так, в Центральном государственном архиве Казахстана хранятся три плана окрестностей пограничных казачьих постов 1899 года, составленных в масштабе 50 саженей в дюйме (1: 4200):

– План Семиреченской области Джаркентского уезда участка земли для постройки казарм на пограничном № 14 казачьем посту. На плане нанесены река Сюмба (Сюмбэ), кромка берега, казармы, конюшни и пограничный столб № 7.

– План Семиреченской области Джаркентского уезда участка земли для постройки казарм на пограничном № 6 казачьем посту. На плане показан участок берега реки Или, дорога в селение Кальджат. № 6 Кайрыманский пограничный пост, сторожевая вышка, пограничный столб № 24 и овраги.

– План Семиреченской области Джаркентского уезда участка земли для постройки казарм на пограничном № 15 казачьем посту, на котором показан участок поймы реки Текес; пограничный знак № 6 нанесен в пойме у самой реки; к северо-востоку показана бровка берега.

В Восточно-Казахстанском областном государственном архиве хранится ряд переселенческих планов масштаба 1 верста в дюйме (1: 42 000), составленных в 1903 г. Один из этих планов представляет несомненный интерес для нашей темы. Это – «План переселенческого участка Теректинского на урочище Урта-Теректы (Средняя Теректы) и части переселенческого участка Пограничного на урочище Бас-Теректы (Верхняя Теректы) Кальджирской волости, Зайсанского уезда Семипалатинской области». На плане изображен «Граничный знак» в месте слияния Ак-Таса и Бас-Теректы, причем этот знак, судя по изображению, был определен как геометрический пункт и, таким образом, точность его локализации не может вызывать сомнения. Помимо этого, детально изображена гидрография, границы переселенческих участков, категории земель, дан истинный меридиан и сетка прямоугольных координат. Имеется пояснительная надпись: Обмеже-

вано по истинному меридиану в 1903 году старшим топографом Гейнаром. В целом план выполнен исключительно тщательно и обладает высокой относительной точностью, в связи с чем его следует считать наиболее достоверным источником для определения места пограничного знака на 1903 г.

В качестве дополнительного материала для изучения освоенности русскими казаками приграничных земель может быть использован другой план из этого же архива. Мы имеем ввиду План переселенческого участка «Горного» и восточной части участка «Пограничного» при урочище Кызыл-ащи и речки Верхняя Теректы Кальджирской волости Зайсанского уезда Семипалатинской области, (масштаб 1 верста в дюйме). На карте выделено Кызыл ащи кезень – место стоянки инструмента на русско-китайской границе и показаны категории земель с подразделением на следующие типы: удобная степь, малоудобная степь, сенокос, пашни, пески, каменистые места, мешанный лес, хвойный лес.

В 1909 – 1910 гг. Переселенческое управление начало издавать десятиверстные карты на приграничные территории Семиреченской области. В частности, в 1909 г. была издана Карта Лепсинского уезда Семиреченской области, составленная на основании данных произведенного статистической экспедицией в 1909 году обследования. На карте нанесены пограничные столбы №№ 30 – 53, схематично показан рельеф, а основным ее содеожанием является изображение ареалов переселенческих участков. Аналогична по содержанию Карта Джаркентского уезда Семиреченской области. Составлена на основании данных произведенного статистическою экспедициею в 1910 году обследования, на которой без точной локализации имеются надписи пограничных столбов №№ 1 – 24. Обе эти карты могут быть использованы лишь как материал для изучения освоения Россией приграничных территорий и совершенно не пригодны для установления положения пограничных столбов из-за мелкого масштаба и схематичности.

В 1902–1903 и 1907–1908 гг. на Тянь-Шане провел детальные географические исследования известный немецкий альпинист и ученый Г. Мерцбахер. Материалы этих экспедиций имеют большое значение для точной аттрибуции географических названий на Тянь-Шане в тот период и, особенно, для определения, какая горная вершина называлась пиком Хан-Тенгри. В этой связи важнейшими для нас являются фотографии и карты Мерцбахера, выявленные в Архиве Русского географического общества (г. Санкт Петербург) и в Российском государственном военно-историческом архиве. Немецкий ученый подарил фотографии Русскому географическому обществу сразу после возвращения из экспедиции, и с тех пор они хранились в Архиве общества и, насколько нам известно, ни разу не использовались исследователями. Две фотографии из коллекции Мерцбахера однозначно показывают,

какая вершина в то время называлась пиком Хан-Тенгри. Это: специальное фото горы с собственоручной подписью Мерцбахера и Панорама Тянь-Шаня, на которой имеется как Хан-Тенгри, так и вершина, в настоящее время носящая название Пик Победы (на панораме эта вершина названия не имеет). Фотография Хан-Тенгри воспроизведена также в изданном Мерцбахером Атласе Тянь-Шаня (Мюнхен, 1928 г.), причем автор разъясняет, что фотография выполнена им с расстояния около 30 км на точке, имеющей высоту около 4500 м. На карте района Хан-Тенгри в этом же атласе (масштаб 1: 500 000), пик Хан-Тенгри подписан, а рельеф района отражен достаточно достоверно в горизонталях; высота Хан-Тенгри на карте и фотографии – 6950 м. Государственную границу России Мерцбахер провел на своей карте не через Хан-Тенгри, а по горе Николая Михайловича (высота 6200 м), оставив, таким образом, указанный пик в тылу России. Фотографии и карта Мерцбахера однозначно свидетельствуют о том, что пиком Хан-Тенгри в 1902–1908 гг. называлась конусная вершина вулканического происхождения, имеющая такое же название как на современных картах, так и на картах второй половины XIX – начала XX в В настоящее время уточнена лишь высота вершины, определяемая в 6995,2 м (см., например, топографическую карту масштаба 1: 50 000, К-44 – 65 – А, изд. ВТУ, 1982 г.). Материалы Г. Мерцбахера показывают также, что в период его экспедиций Хан-Тенгри считался высочайшей вершиной Тянь-Шаня, а гора, носящая в настоящее время название «Пик Победы», хотя и была известна (судя по фотографии), но современниками особо не выделялась среди окружающих гор и ни в коем случае не могла быть спутана с Хан-Тенгри.

Из других научных экспедиций начала XX века для нашей темы представляют интерес работы знаменитого русского и советского геолога В.А. Обручева и профессора В.В. Сапожникова, проведенные ими в Западной Джунгарии и на Монгольском Алтае в 1905 – 1909 гг. В работах экспедиции принимали участие сыновья В.А. Обручева – С.В. Обручев и В.В. Обручев, – а также топографы и геологи Н. Морев, Н. Кожевников и М. Усов. Главной задачей экспедиции было изучение геологии и полезных ископаемых Алтая и Западной Джунгарии, но, помимо этого, проводилось маршрутное картографирование и были составлены отчетные карты. Материалы экспедиций обобщены в книгах В.А. Обручева и В.В. Сапожникова. Для нас наибольший интерес представляют картографические материалы, помещенные в этих публикациях, а также – выходившие отдельными изданиями. В.А. Обручев, описывая работы экспедиции, отмечал, что ее отряды неоднократно пользовались китайскими пикетными дорогами, которые к тому времени были почти совершенно запущены (особенно, самая западная из них, проходившая на отдельных участках по территории России). При составлении маршрутных и итоговых карт в качестве основы использовалась двухверстка Семипалатинской об-

ласти за исключением небольшого участка у подножия Тарбогатайского хребта. О существовании двухверстки Семиреченской области участники экспедиции не знали. Из картографических материалов экспедиций Сапожникова и Обручева данные по русско-китайской границе имеются в следующих источниках:

1. Маршрутная карта Джунгарской экспедиции В.А. Обручева.

Составлена С. Обручевым по съемкам 1905 г. (Н. Морева, Н. Кожевникова и С. Обручева); 1906 г. (М. Усова) и 1909 г. (С. Обручева). Томск, 1911 г. (масштаб 1: 400 000). На карте нанесен китайский пикет Сары-Булак и показан маршрут 1909 г. вокруг сопки по ручью Сары-Булак

2. Карта Западной Джунгарии, составленная С. Обручевым по съемкам и дневникам экспедиций 1905, 1906 и 1909 гг. и существующим русским картам. Томск, 1911 г. (масштаб 1: 500 000). На карте показана русско-китайская граница и пикеты (Чаган-Тогой, Маниту, Бахты и др.) на участке от Джунгарских ворот до перевала Джембырбай.

3. Карта Монгольского Алтая в истоках Иртыша и Кобдо по маршрутам экспедиции профессора В.В. Сапожникова 1905 – 1909 гг. составлена на основании оригинальной съемки и других материалов В.В. Обручевым (масштаб 1: 840000). Изд. Географического заведения Ф.А. Брокгауза в Лейпциге. На карте показана самая северная часть русско-китайской границы в Центральной Азии, причем в районе устья Алкабека эта граница отображена неверно: она вычерчена по реке Китайке, названной рекой Алкабек, а восточная протока (истинный Алкабек) показана без названия. Заметим, что такое неверное изображение границы, целиком совпадающее с китайской трактовкой ее на этом участке, крайне редко встречается на русских картах.

Ранее мы отмечали, что в период установления границы по Тянь-Шаню на договорной карте хребет Кок-Шаал в районе долины реки Кузен-узенгегуш был показан непрерывным, хотя, судя по съемочным материалам Руднева можно предположить, что русские картографы подозревали о существовании сквозной долины на этом участке. Как нам удалось установить, лишь в 1911 году факт существования долины Чен-узенгегуш (Кузен-узенгегуш) был установлен окончательно во время специальной экспедиции поручика корпуса военных топографов Ледомского. Ледомский, насколько нам известно, впервые столкнулся с фактом проникновения китайцев за хребет Кок-Шаал. На карте глазомерной съемки, проведенной Ледомским (масштаб 5 верст в дюйме), показано место встречи его отряда с вооруженным китайским караулом в долине реки Чен-Терек (на российской стороне Кок-Шаала). Границы, установленной протоколом 1884 года, Ледомский фактически не нашел на местности, а китайско-подданные киргизы доказывали ему, что русская граница проходит от перевала Бедель по водоразделу рек Чен-Терек и Кичене-Терек, то есть, северо-западнее хребта Кок-Шаал-тау, но юго-восточнее гор Борколь-

дой. Вся эта ситуация нашла отражение на упомянутой выше карте Ледомского. Водораздельная линия хребта Кок-Шаал (его наивысшего снежного отрога) была нанесена Ледомским инструментальным методом.

В 1913–1915 гг. возникли недоразумения с китайской стороной на участке границы, проходящей по реке Хоргосу. В частности, в 1915 г. официально был решен вопрос по спорному острову, находящемуся вблизи выселка Николаевского Джаркентского уезда Семиреченской области. В деле Центрального государственного архива Узбекистана по этому вопросу имеются: Полевая записка, веденная в 1915 году межевщиком Семиреченского Областного правления коллежским секретарем Моховым по установлению государственной границы на р. Хоргосу, между Россией и Китаем по спорному острову, находящемуся вблизи выселка Николаевского Джаркентского уезда Семиреченской области; Доклад смешанной русско-китайской комиссии по проверке границы по р. Хоргосу 18 апреля 1915 года; рапорт и Схематичный план р. Хоргоса у пограничного поста № 4; Протокол смешенной комиссии по поводу инцидента у поста № 4; подлинник акта о невозможности ставить столбы у спорного острова Николаевского из-за начавшегося половодья; подлинник (на русском и китайском языке) протокола о разграничении на Хоргосе от 30 мая 1915 года.

Мы привели здесь лишь отдельные материалы, связанные с недоразумениями и конфликтами, возникавшими между Россией и Китаем в конце XIX – начале XX в. по поводу прохождения линии границы на разных ее участках. Рассмотрение всего массива источников по этому сложному вопросу не входит в задачу нашей работы, заметим лишь, что наиболее полный обзор конфликтов на западной русско-китайской границе в период до 1902 года приведен в специальной справке о различных участках границы и истории недоразумений на них А.П. Плахова, подготовленной им для степного генерал-губернатора.

Некоторые материалы начала XX века могут привлекаться в качестве дополнительных источников для установления системы охраны границы и положения отдельных пограничных знаков в тот период. Так, в 1910 г. был издан Кауфмановский сборник... в память туркестанского генерал-губернатора К.П. фон Кауфмана, в котором помещена пятиверстная карта района города Джаркента. На этой карте нанесены русские и китайские передовые посты у реки Хоргос, русские селения, место русско-китайского съезда.

В 1911 г. опубликован Маршрут г. Чугучак – Барлыко-Арасанские минеральные источники – с. Да-хе-ян-цзы, пройденные с 6-го по 15 июля 1911 г. генерального штаба подполковником Васильевым. На этом маршруте показаны русские и китайские пограничные пикеты, а также нанесены пограничные столбы №№ 43 – 45 и 33 – 35. Наконец, в 1912 г., по-видимому в порядке подготовки к изданию, был составлен красочный оригинал Карты пограничной полосы Казахстана с Китаем

от перевала Карадабань в горах Ала-Тау до перевала Хабар-Асу в хребте Тарбагатай (масштаб 5 верст в дюйме), обнаруженный нами в Российском государственном военно-историческом архиве. На этой карте подробно показан западный участок русско-китайской границы, нанесены пограничные столбы, подробно отражены приграничные ландшафты, причем рельеф изображен в горизонталях. Этот документ является весьма подробным и достоверным источником для определения местоположения пограничных столбов на начало XX века.

Отображение итогов русско-китайского разграничения на русских и зарубежных мелкомасштабных картах

Перейдем теперь к рассмотрению показа итогов русско-китайского разграничения в Казахстане и Центральной Азии на русских и зарубежных мелкомасштабных картах.

Сразу следует заметить, что центральноазиатский участок русско-китайской границы на русских мелкомасштабных картах показывался весьма обобщенно, а подчас и неверно. Так, на карте Азиатской России с прилегающими к ней владениями, составленной при военно-топографическом отделе Главного штаба в 1884 г. (масштаб 100 верст в дюйме), гора Хан-Тенгри, через которую в соответствии с договором должна была проходить граница, показана восточнее границы (то есть, на китайской территории).

В 1886 г. в Военно-топографическом отделе Главного штаба начались работы по составлению сорокаверстной «Карты южной пограничной полосы Азиатской России» (Рис. 22). При ее создании использовались все новейшие материалы, имевшиеся в распоряжении военно-топографической службы, о чем свидетельствует полная ведомость этих источников, сохранившаяся в Российском государственном военно-историческом архиве. Изданная целиком лишь к 1912 г., эта пятидесятичетырехлистная карта, являвшаяся официальным изданием, хотя и отобразила новую русско-китайскую границу довольно подробно, однако не избежала двух грубых ошибок, а именно: ледник и пик Савабцы показаны на ней восточнее границы (в то время как восточнее границы в соответствии с протоколом находилась лишь долина Савабцы, а ледник Савабцы являлся пограничным); вторая ошибка допущена в изображении границы на Памире, где она показана проходящей западнее Сарыкольского хребта. Подобным же образом ледник и пик Савабцы даны на карте Туркестанского военного округа и соседних владений (масштаб 40 верст в дюйме), литографированной при Туркестанском военно-топографическом округе в 1898–1899 гг. Еще более грубые ошибки допущены на четырехлистной стенной карте Европейской России и Сибири, «составленной по

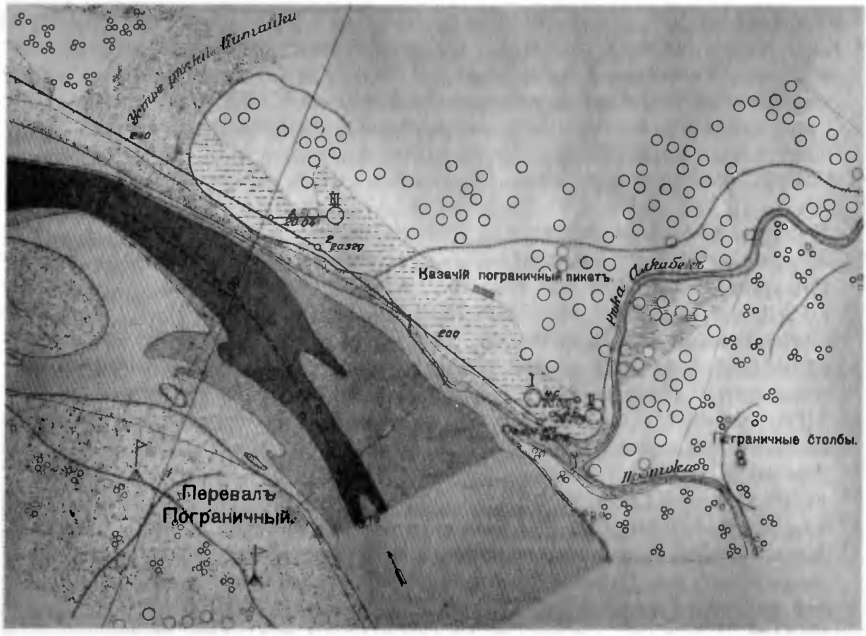


Рис. 21. Судоходная карта реки Черного Иртыша от устья реки Алкабека до оз. Зайсана.., составленная по данным исследований 1910-1914 гг. описных партий управления Томского округа путей сообщения (Петроград, 1915), лист № 1.

новейшим статистическим и географическим сведениям А. Шевелевым, полковником генерального штаба. С.Петербург, 1898» Эта карта, изданная для широкого круга читателей и хорошо представленная в зарубежных библиотеках, дает крайне устаревшие к дате издания границы с Китаем. Так, Илийский край показан входящим в состав России, а граница нашего государства в районе Зайсана нанесена по восточному берегу озера.

Серьезные ошибки в изображении русско-китайской границы в Центральной Азии имеются и на зарубежных картах. Например, на карте, приложенной в качестве иллюстрации к книге Генри Ланселла «Русская центральная Азия, включая Кульджу, Бухару, Хиву и Мевр» (Lansdell, 1885) пик Хан-Тенгри изображен на китайской территории, а граница проведена западнее.

[1] РГВИА. Ф. ВУА. № 20667; РГИА. Ф. 1424. Оп. 1. № 183. *Карта Туркестанского военного округа, составлена и литографирована при Туркестанском военно-топографическом отделе. 1872. Ташкент.* Масштаб 40 в. в дюйме.

[2] РГВИА. Ф. 486. Оп. 1. № 485 ; РГА ВМФ. Ф. 1331. Оп. 2. № 128.

[3] РГА ВМФ. Ф. 1331. Оп. 2. № 128.
[4] Карт. б-ка, Брит. б-ка. № 50315 (6.). *Карта Туркестанского генерал-губернаторства, Хивинского, Бухарского и Кокандского ханств с пограничными частями Средней Азии подполковника Люсилина (1875).*
[5] Карт. отд. ГБЛ, Ки 51/ 1-27 *Central Asia with the Chinese Empire and Japan. London–Liverpool, (1875),*
[6] АВПРИ МИД России. Ф. СПб., Гл. архив, 1-9, 1878-1879 гг. № 8. Л. 88.
[7] Там же. Л. 244.
[8] ЦГА Каз. Ф. 21, 1871-1882 гг. Оп. 1. № 702, св. 97. Л. 26-27.
[9] *Воскресенский А.Д.* Дипломатическая история русско-китайского Санкт-Петербургского договора 1881 года. М., 1995.
[10] ЦГАДА. Ф. 192. Оп. 3. № 394; РГИВИ. Ф. 386. Оп. 1. № 6101.
[11] *Воскресенский А.Д.* Указ. соч.
[12] РГВИА. Ф. 386. Оп. 2. № 580. *Копия карты (съемки) государственной границы от пер. Иттык до пер. Ходжент*, масштаб 5 верст в дюйме.
[13] ЦГА Каз. Ф. 21. Оп. 1. № 569. *Журнал военных и политических событий. 2 июля 1880 – ноябрь 1880 г.* 463 л. Л. 32-33.
[14] Там же. Л. 98.
[15] РГВИА. Ф. 386. Оп. 1. № 5858.
[16] Там же. Ф. 447. Оп. 1. № 244.
[17] Там же. № 246. *Рекогносцировка Кульджинского района 1880 и 1881 г. Литографирована при Туркестанском Военно-топографическом отделе в 1900 г. под редакцией полковника Родионова.* См. также РГИВИ. Ф. 386. Оп. 3. № 1105. Л. 1.
[18] *Воскресенский А.Д.* Указ. соч.
[19] РГВИА. Ф. ВУА. № 582. Л. 2-6.
[20] *Воскресенский А.Д.* Указ. соч.
[21] РГВИА. Ф. 846, с/ оп. 1 с. № 56. *О заключении трактата с Китаем. 22 авг. 1880 г. – 30 сент. 1881 г.* Л. 87 об. (Из записки Милютина от 5 декабря 1880 г.).
[22] Там же. Л. 88.
[23] Там же. Л. 134.
[24] *Воскресенский А.Д.* Указ. соч.
[25] Русско-китайские договорно-правовые акты. 1689-1916. Под общей редакцией академика В.С. Мясникова. М., 2004. С. 119–120.
[26] РГВИА. Ф. 386. Оп. 3. № 339.
[27] Там же. Оп. 1. № 6051.
[28] ЦГА Каз. Ф. 44. Оп. 1,№ 37323. *О пограничных знаках.. Из рапорта кап. Стрижевского военному губернатору Семиреченской обл.* Л. 10.
[29] РГВИА. Ф. 846/с. Оп. 1/6. № 71. *О разграничении с Китаем на основании Петербургского договора 1881 года и о связи пограничного пространства со стороны Западной Сибири и Туркестана.* Л. 124.
[30] Там же. Л. 124 об. – 125.
[31] Там же. Л. 125.
[32] Там же. Л. 130.
[33] АВПРИ; Центральный картографо-геодезический фонд «Роскартографии».
[34] Там же.
[35] РГВИА ф. 386. Оп. 3. № 340.
[36] АВПРИ; Центральный картографо-геодезический фонд «Роскартографии».
[37] Там же.
[38] Восточно-Казахстанский Облгосархив. Ф. 568. Оп. 5, св. 12. № 166-169.
[39] Там же. № 166.
[40] Там же. №. 169.

[41] ЦГА Каз. Ф. 64. Оп. 1. № 4949. *Рапорт Фриде с изложением хода и обстоятельств разграничения с Тарбогатайским округом.* Л. 172 об.

[42] Там же. Ф. 44. Оп. 1. № 38262. *Инструкция штабс-капитану корпуса военных топографов Закржевскому и классному военному топографу титулярному советнику Богданову, командированным для глазомерной съемки долины р. Эмиля от погранзнака Маниту до Дорбульджина, с прилегающею к ней на юг степью, а также восточной части горной страны Барлыка, хребта Джаина и долины реки Намын-Гол.*

[43] Там же. Ф. 64. Оп. 1. № 4949. *Рапорт Фриде* Л. 172 об.

[44] Там же. Л. 180.

[45] Там же. Л. 182 об.

[46] РГВИА. Ф. 386. Оп. 3. № 338, инв. 2219.

[47] РГА Каз. Ф. 64. Оп. 1. № 5076, на 82 л. *Дело о караулах, выставленных китайскими властями вдоль границы для ее охраны и мерах, принятых русскими властями для надзора за границею.*

[48] Там же. Л. 23.

[49] *Симонов* (полковник). Сибирские казаки на Китайской границе // Военный сборник. № 8. СПб, 1892. С. 359.

[50] РГВИА. Ф. 386. Оп. 1. № 6014.

[51] Там же. Ф. ВУА. № 25602.

[52] ЦГА Каз. Ф. 44. Оп. 1. № 38262. Л. 53-57 об. *Инструкция штабс-капитану корпуса военных топографов Закржевскому...*

[53] Там же. Л. 55 об.–56 об.

[54] Там же. Л. 57.

[55] РГВИА. Ф. 386. Оп. 3. №№ 1287, 1288, 1553.

[56] Там же. № 1439 (1886 г.)

[57] Там же. Кат. 3. № 5012/5853 (в настоящее время дело находится в МИД РФ.)

[58] *Гальков Ч.В.* Туркестанский военно-топографический отдел и его работы по картографированию Средней Азии (1867–1914). Дисс. канд. геогр. наук. Ташкент, 1958. С. 233.

[59] *Ritter C.* Die Erdkunde von Asien. Bd 1: Der Norden und Nord-Osten von Hoch-Asien B., 1832; *Риттер К.* Землеведение Азии. Т. 1: Общее введение и восточная окраина восточной нагорной Азии [Переведено с дополнениями П. Семеновым). СПб, 1856.

[60] Вестник Императорского Русского географического общества. Ч. 18, кн. 6, раздел 5; Ч. 23, кн. 5, раздел 2. СПб, 1856–1858.

[61] *Риттер К.* Землеведение Азии. Том 2: Пространство между Тянь-Шанем и Алтаем (Китайская и Русская Джунгария. Алтайская система с китайской тороны. История открытия и заселения Южной Сибири (Систем Алтая, Саяна и Кинея). СПб, 1859.

[62] Hakluyt Society, Second Series No. 189: Peter Petrovich Semenov Travels in the Tian'-Shan' 1856-1857. Edited and annotated by Colin Thomas. L, 1998.

[63] *Пржевальский Н.М.* Монголия и страна тангутов. Трехлетнее путешествие в Восточной нагорной Азии. СПб, Т. 1: 1875; Т. 2: 1876.

[64] *Он же.* От Кульджи за Тянь Шань и на Лоб Нор // Изв. ИРГО. Т. 13. №. СПб, 1877. 68 с.

[65] *Он же.* Из Зайсана через Хами и Тибет на верховья Желтой реки. Третье путешествие в Центральную Азию Н.М. Пржевальского. СПб, 1883.

[66] *Он же.* От Кяхты на истоки Желтой реки, исследование северной окраины Тибета и путь через Лоб-Нор по бассейну Тарима. 4-е путешествие. СПб, 1888.

[67] РГВИА. Ф. 1450/ с. Оп. 12/с. № 1: *О мерах по устройству государственной границы с Западным Китаем, 1884 – 1888 гг.* Л. 119-120.

[68] Там же. № 2. Л. 38.

[69] Там же. Ф. 422. Оп. 1. № 1338: *Различные рекогносцировки в Туркестанском крае 1891 года.*

[70] Там же. Л. 11.

[71] Там же. Л. 15.

[72] Там же. Л. 11–11 об.

[73] *Younghusband F.*, Sir. The Heart of a Continent: Commemorating the fiftieth anniversary of his journey from Peking to India by way of the Gobi Desert and Chinese Tuskestan, and across the Himalaya by the Mustagh Pass. L., 1937. P. xiii-xiv; Сам Янгхазбэнд рассказывает о целях этой разведывательной экспедиции следующее: *What then Colonel Bell wished to ascertain was how far the Chinese would be able to resist any further advance southward which the Russians might make. If the Russians attempted to invade Chinese Turkestan and came up against the Indian frontier along the crest of Himalaya, whould the Chinese be able to resist such an encroachment? Were there garrisons at Kashgar and Yarkand strong enough for that purpose? How far were the Chinese able and willing to strengthen them if they were too weak? It was to questions such as these that Colonel Bell wished to obtain an annswer; for upon the answers to them would depend the military action we would have to take in India.*

[74] Ibid. P. 151-152: *I found M. Petrovsky, the Russian consul, living in a native house, which, by improvements, he had made very comfortable. He and his secretary, M. Lutsch, received me very cordially, and sent for a missionary, M. Hendriks, who lived close by, to come and see me and hear the account of my journey from Peking. The talk turned on India, and I was astonished to find how well acquainted M. Petrovsky was with that country. He showed me with pride many volumes by the best English writers on Indian subjects, and the most recent parliamentary Blue Books on the country. The annual parliamentary report on the Material and Moral Progre of India was one which he took in regularly, and admired very much. He had known the present Amir of Afghanistan, Abdul Rahman, at the time he was a refugee in Samarcand, and he knew the names and a good deal of the personal history of most of the leading men in Kashmir. On the Central Asian question he spoke very freely, and said that we Englesh always suspected the Russians of designes upon India, but that in reality nothing was farther from their minds. But comprehensive as was M. Petrovsky's knowledge of India and Central Asian affairs, I am not sure that they were cjiefly attracted him; and I am inclined to think that his heart really lay in scientific pursuits. In his library were large numbers of books of science, and his room was full of instruments of various descriptions – an astronomical telescope, barometers, thermometers of all kinds, an apparatus for measuring the movements of earthquakes, and various other instruments. He was evidently a man of considerable attainmens.*

[75] Ibid. P. 153.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Приход России в Центральную Азию представлялся правителями Империи вынужденным и практически неизбежным. Такая позиция объяснялась рядом причин, внешне практически не связанных между собой. На первом месте, в ряду открыто не декларировавшихся мотиваций расширения империи были, конечно, экономические интересы расширения рынка сбыта для российских товаров. Торговля с «бухарцами» активно велась со времени завоевания Казанского в 1552 году и Сибирского в 1555 году ханств. Эта торговля расширяла географический кругозор русских правителей в азиатском порубежье, раскрывала возможности для проникновения вглубь совершенно неизвестных в то время в Европе районов Азии, приносила сведения о, якобы, неисчерпаемых богатствах этих стран, их серебре, золоте и т.п. Поэтому серьезные, на правительственном уровне попытки поисков этих богатств были предприяты еще при первом российском реформаторе Петре Великом, организовавшем в целом неудачные экспедиции Бековича-Черкасского и Бухгольца. Уже на этапе организации этих экспедиций стала явно прослеживаться другая цель, стимулировавшая изучение путей и продвижение на юг и восток, и, наряду с лейтмотивом этой цели, впервые стали явственно звучать «геополитические подголоски». Появилась иллюзия, владевшая умами российских политиков почти два столетия, что Центральная Азия – легкий путь к завоеванию «Жемчужины Британской Короны» – Индии. Проявившаяся наиболее ярко в правление императора Павла I, эта иллюзия позднее стала геополитическим оружием России в соперничестве с Великобританией, «оружием сдерживания» громадных амбиций Альбиона в его антиславянской политике на Балканах и в Турции, в Китае и бассейне Тихого океана в целом. Таким образом, постепенное, но не-

прерывное продвижение России вглубь Центральной Азии стало центральным элементом «Большой Игры» в Азии – холодной войны XIX века между Россией и Великобританией.

Борьба с Англией, постоянные «политические игры» России с Афганистаном, который после двух англо-афганских войн не мог испытывать особенно теплых чувств к своей соседке – «просветительнице» Индии Великобритании, осложнялась геополитическими противоречиями с Цинской империей, владения которой в результате завоевания ею Джунгарского ханства и образования Восточного Туркестана во второй половине XVIII века вплотную приблизились к зоне стихийного и организованного проникновения русских в Центральной Азии.

Следует заметить, что политика русских властей в отношении Китая сильно отличалась от их отношения к Британским владениям в Индии и интересам Англии в странах, находящихся к северу от этих владений. Две европейские империи смогли договориться в 1873 году о разделе сфер их колониального влияния в Центральной Азии, и эта договоренность, не имевшая полной силы межгосударственного договора, хотя бы потому, что касалась территорий, находившихся вне непосредственной юрисдикции любой из договаривающихся сторон, однако играла определенную роль, сдерживавшую амбиции офицеров обеих империй в отношении дальнейшего продвижения их границ, которое при несоблюдении договоренности могло привести к серьезному военному конфликту. Никаких договоренностей подобного рода между Россией и Цинским Китаем не существовало, поэтому между двумя империями было «дикое поле» мусульманских и буддийских (ламаистских) княжеств, к покорению которых стремились обе державы.

Еще в XVIII веке служащий российского внешнеполитического ведомства и, по-видимому, разведчик, Мехти Рафаилов предлагал использовать национально-религиозные движения (Далай-Лам и мусульманских Ходжей) для ослабления власти китайцев в Западном Китае и усиления позиций русских: «Ручаться можно, что появление таких двух священных бичей к наказанию Китайцев, каковы Далай-Лама и Ходжа, справедливо заставит их укротить свое высокомерие и трепетать опасности неизбежной».

В Индии Рафаилов предлагал тайно поддержать движение сингхов.

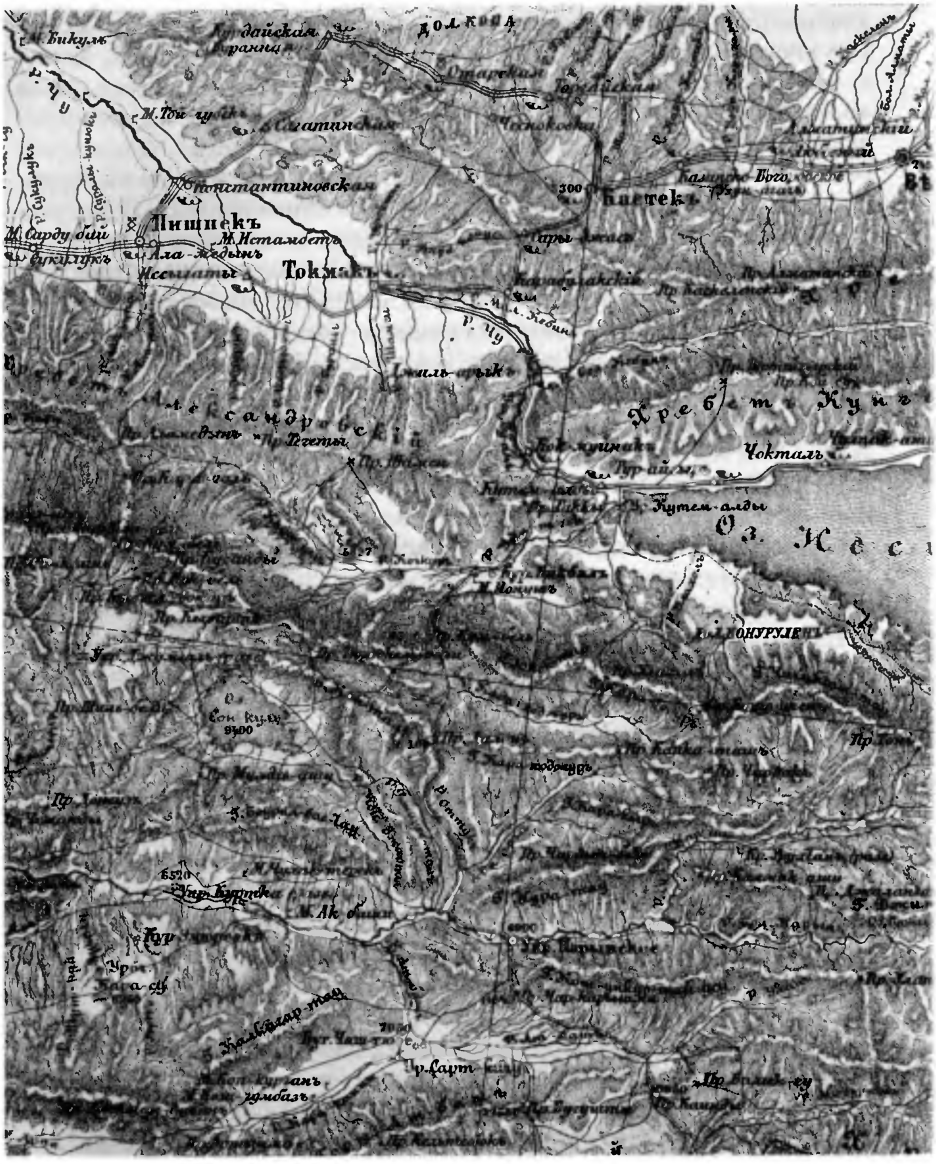
Уже в XVIII веке стало ясно, что соседство «диких», по мнению тогдашних русских властей, народов Центральной Азии, создает постоянную угрозу южным районам России, не только потому, что они препятствовали свободному перемещению российских торговых караванов в Хиву, Бухару, Коканд и другие страны региона, то также из-за большой привлекательности этих районов для разного рода вольных, или беглых крестьян и казаков из центральных областей России, границы с которыми, несмотря на наличие пограничных линий, охранявшихся казаками, практически не существовало. Особенно ярко про-

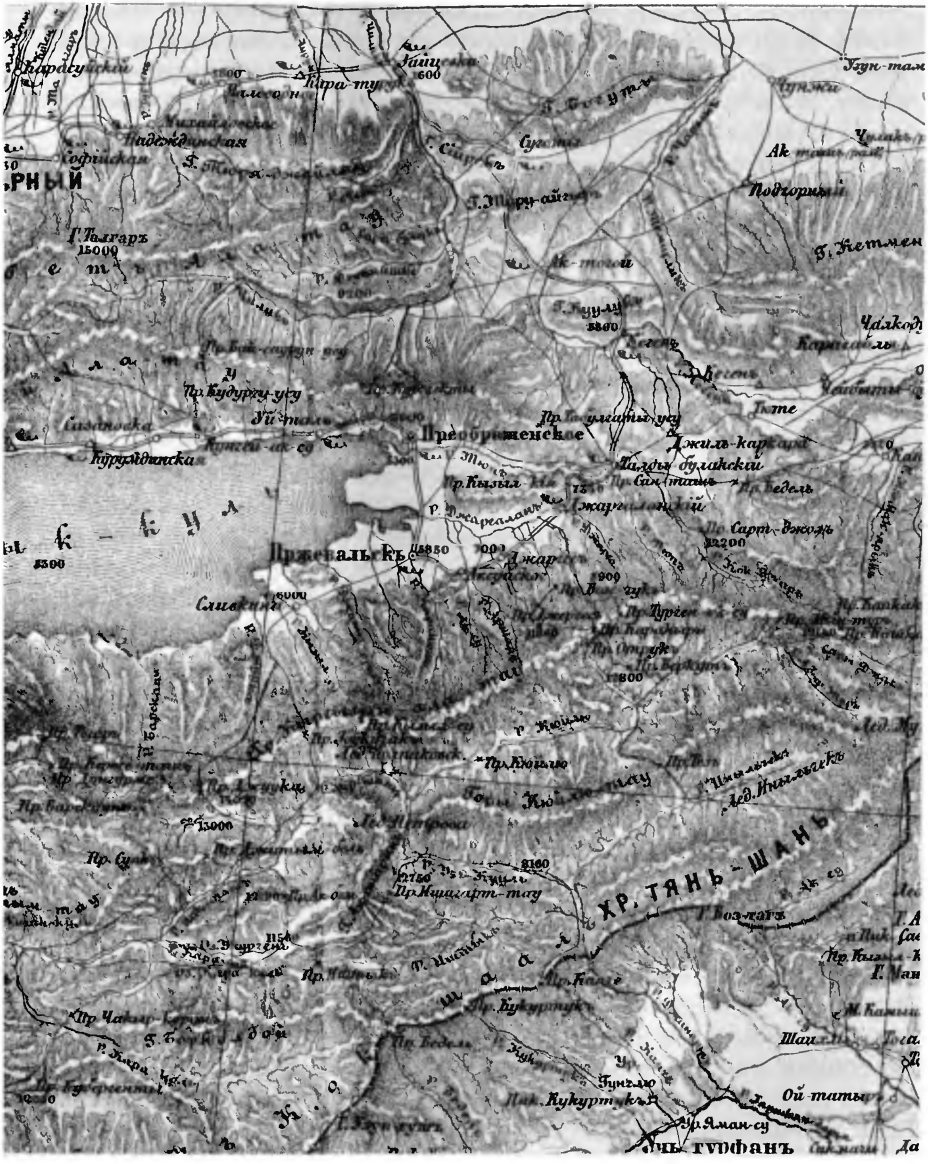
явились тенденции использования этих территорий как убежища от российских властей во время и после подавления крестьянской войны под предводительством Емельяна Пугачева 1773-1775 гг., когда массы крестьян и казаков бежали в Киргизскую степь от общей смуты и преследований царских властей.

Расширение торгового и политического влияния России на территории, находившиеся между ее владениями и Индией, где все более усиливалась власть англичан, весьма серьезно рассматривалось росийскими властями, причем в качестве «гуманных» поводов для продвижения вглубь центральноазиатских стран стран выдвигались обычные для колониальных держав претензии на введение там более цивилизованных форм правления, отмена рабства, а в конкретном случае российского приграничья – необходимость спасения из мусульманского ига множества подданных империи, теми или иными путями попавших в Бухару, Хиву, Коканд и другие мусульманские государства Центральной и Средней Азии. Последний из перечисленных поводов стал, в известной мере, основой официального обоснования (особенно для зарубежных стран) активной внешней политики России в этом регионе.

В правительственных кругах России было признано, что существующая Сибирская линия, проходящая степями и полупустынями Казахстана, не может считаться постоянной границей, и поэтому в 1822 году, в утвержденном в качестве государственного закона Уставе о Сибирских киргизах объявлено, что Сибирская линия не должна была составлять постоянного учреждения и оставаться на одном месте, но подвигаться вперед пока не окончит постоянным утверждением себя на действительной государственной границе.

Продвижение линии государственной границы сначала вглубь киргизских степей, а затем и на территории Центральноазиатских ханств, к сожалению, сопровождалось обычными для колониальных войн жертвами, причем большая их часть приходилась на долю хуже вооруженных и менее дисциплинированных войск местных государств. Россия тоже несла потери, но, чаще всего из-за недостаточного знания природных условий присоединяемых местностей. Следует, однако, признать, и это подтверждается иностранцами-очевидцами военных и последующих действий российских властей, что русские офицеры и солдаты лишь в очень редких случаях проявляли необузданную жестокость и притеснения по отношению к завоеванным ими народам. Редким исключением из этой общей практики была деятельность «белого генерала», героя освобождения Болгарии от турецкого ига (1877-78 гг.), генерала от инфантерии М.Д. Скобелева, который расправлялся с любыми, кто оказывал хотя бы малейшее сопротивление русским войскам. Даже закаленный в боях генерал-губернатор Туркестанского края барон фон-Кауфман не смог терпеть жестокости прославленного генерала и отправил его из Центральной Азии в Санкт-Петербург.


Пишпекъ
Токмакъ
Чокмалъ
Кутем-алды
Оз. Исс
Хребет Кунг
Пр. Тогуз-торо
Пр. Кастекъ
Пр. Кутемалды
Пр. Чокмалъ
Пр. Кунгей
Пр. Ак-бешимъ
Пр. Сарыджазъ
Пр. Джаманъ-Сай
Пр. Джаманъ-Сай
Пр. Джаманъ-Сай


Преображенское
Пржевальскъ
ХР. ТЯНЬ-ШАНЬ
Ак-тюз
Джиль-каргалы
Тюп
Подгорный
Ой-таты
Яман-су
Кокурт-кель
Чаркоф
Карагалы
Сливная
Тургень
Бедель
Джаргалан
Кызыл-Кия
Ак-тюз
Сарт-джоль
Кетмен
Гульча
Гунт-тамга
Чаркоф
Ташкенская
Кафирская
Надеждинская
Таштагаръ
Сусамыръ
Ташрабатъ
Кара-тау
Ташкурганъ
Чиганакъ
Кашгарская
Кашгарка
Ташкурганская
Кашгарская
Ташкурганская
Ташкурганъ
Кашгарская
Кашгарка

ства соотечественники, прожившие иногда по нескольку десятков лет в плену, принявшие ислам и имевшие смешанные семьи, вообще обладали весьма отличным от среднерусского самосознанием (идентичностью). Это же можно сказать о сибирских и семипалатинских казаках, долго служивших в непосредственном контакте с местными народами и часто, владевших их языками. Такое «смешение идентичности» не могло не сказаться на смягчении взаимоотношений между завоевателями и завоеванными. При этом, принятая еще при Екатерине Великой государственная политика способствовала терпимости в отношениях между русскими и местным населением. Во-первых Россия практически не вмешивалась в дела самоуправления местных правителей, отменив лишь рабство и право выносить смертные приговоры местными судьями. Во-вторых, Священный синод Русской православной церкви запрещал насильственное обращение в православие представителей мировых религий, и, в том числе ислама, который исповедовался большинством населения Средней Азии. Лишь в конце XIX – начале XX века, когда стало ясно, что в Казахстан и Киргизию, до того весьма умеренные в своих мусульманских чувствах, стал проникать мусульманский радикализм, русские власти всерьез обеспокоились и занялись миссионерской деятельностью на территории Туркестана. Другой побудительной причиной изменения миссионерской политики послужил массовый «исход» мусульманского населения на территорию России после передачи Илийского края Китаю в 1883 году.

Что касается государственной границы России с Цинским Китаем, формирование которой приходится на рассмотренный нами период, основным стремлением российских властей было обеспечение более или менее четко определяемой на местности линии границы, проходящей по природным рубежам, т.е. географический принцип делимитации на местности этой линии был господствующим. Этот принцип вполне отвечал существовавшим тогда в дипломатических кругах представлениям о «научной линии границы».

Следует, однако, подчеркнуть, что в практике делимитации границ в то время геометрическая линия границы фактически никогда не использовалась, так, в Чугучакском протоколе принималась не линия на местности, а полоса, имеющая на сухопутных равнинных участках ширину, равную 30 саженям (64 м.), на реках ширина этой полосы определялась шириной реки, а при прохождении границы по хребту – шириной его водораздельной части.

Русско-китайская граница, намеченная Чугучакским протоколом 1864 года, имела, однако, ряд неудобств, прежде всего потому, что при ее проведении не учитывались этнографические факторы, не принимались во внимание родоплеменные связи населения района, по которому проходила граница. Пятая статья Чугучакского протокола устанавливала, что казахи считаются подданными того государства, на территории которого к моменту разграничения оказались их коче-

вья. Такой подход к разграничению неизбежно оставлял многие роды или части родов Среднего и Старшего жузов на территории Китая, а некоторые роды, перешедшие в подданство России, теряли свои кочевья, оказавшиеся в пределах Цинской империи. Наследие такого подхода мы видим и в Новомаргеланском протоколе 1884 года. Некоторые участки границы были делимитированы и демаркированы практически в одностороннем порядке, а другие – без непосредственного осмотра линии (полосы) границы на местности. Значительные трудности вызвали позднее те районы, на которых граница была определена без достаточно достоверных знаний о территории и точных границ. Впоследствии, такие участки стали объектом постоянных споров России с Китаем, а в 1960-х годах эти споры привели к военным конфликтам дружественных до того государств. Сейчас, не без использования материалов Межведомственной комиссии, в которой посчастливилось работать автору настоящего труда, пограничные проблемы на всем протяжении центральноазиатской границы КНР со странами СНГ урегулированы, но, к сожалению, некоторые, весьма далекие от этого региона страны продолжают считать его зоной их национальных интересов и пытаются возобновить здесь «Большую Игру», чреватую в условиях современных военных технологий и международного терроризма весьма серьезными последствиями.

Приложения

№ 1[1]

Письмо лорда Нортбрука Саиду Мухамуду Рухиим Хану Правителю Хивы

АВПРИ. Ф. Среднеазиатский стол. Оп. 485, 1873. № 160: Поход на Хиву. Л. 188-188 об.

To His Highness
Syud Muhamud Ruheem Khan
Walee of Khiva.

My honored and valued friend, I have received from the hands of your Highness' envoy Ameenooddeed Bai, your friendly letter to Her Most Gracious Majesty, the Queen of England, written in the month of Zeekad 1288 Hijzee, corresponding with the month of January 1872, A.D., and am glad to hear of your Highness' prosperity.

Your envoy explained to me at a private audience to which he was admitted, the messages with which he was charged by your Highness.

My friend, it has been explained to your Envoy that Her Majesty the Queen is at peace and in friendly relations with his Majesty, the Emperor of Russia, and that I am unable to interfere in the matters to which your Highness' Envoy referred.

As a sincere well-wisher of your Highness however, I have in a friendly and private way expressed to your Envoy my conviction that your Highness would do well to set at liberty without delay and unconditionally, all Russian subjects who may now be in custody or under surveillance in your dominions, and enter into friendly communications with the Russian Governor General at Tashkend, with a view to remove all causes of misunderstanding. My friend, it is by candid explanations and mutual assurances that difficulties, arising between the Great Powers of Europe are removed, and I know of no course more likely to lead to the security and prosperity of your country, than that which I have suggested to your Highness' consideration.

My friend, I trust that if you act as I have suggested, your communications will be received with satisfaction by the representatives of His Majesty, the Emperor of Russia, for I have reason to believe that His Imperial Majesty desires to maintain and cultivate peaceful relations with countries which border his Empire.

It will give me much pleasure to forward the letter which Ameenooddeen brought from your Highness to Her Majesty the Queen.

It has been my endeavor to treat your envoy with the consideration and honor due to his high position as your Highness' Representative, and I have the honor to convey to you the assurance of Her Majesty's sincere desire for Highness' welfare, and for the peace and prosperity of your country and your subjects.

I have sent by his hands a few articles of English manufacture as mentioned below for your Highness' acceptance

I beg to express the high consideration I entertain for your Highness and to subscribe myself

Your Highness' sincere friend,

Northbrook

Simla, The ___September 1872....

Перевод

Его Высочеству

Саиду Мухамуду Рухиим Хану

Правителю Хивы

Мой высокочтимый и ценный друг, я получил из рук посланника Вашего Высочества Аминуддид Байя, Ваше дружественное письмо Ее Величеству королеве Англии, написанное в месяце Зикад 1288 Хиджры, что соответствует январю 1872 года после Рождества Христова, и рад слышать о благоденствии Вашего Высочества.

Ваш посланник объяснил мне в частной аудиенции, к которой он был допущен, те послания, с которые Вы, Ваше высочество, поручили ему.

Друг мой, Вашему посланнику было объяснено, что Ее Величество Королева находится в мире и дружеских отношениях с Его Величеством Императором России, и что я не могу вмешиваться в дела, которые имел в виду посланник Вашего Высочества.

Как искренний доброжелатель Вашего Высочества, я, однако по-дружески и приватно выразил Вашему посланнику свое убеждение в том, что Ваше Высочество поступит хорошо, отпустив на свободу безотлагательно и не выставляя никаких предварительных условий, всех российских подданных, которые могут находиться в заключении или под надзором в Ваших владениях, и что Вы начнете дружеские дискуссии с российским Генерал-губернатором в Ташкенте, с тем, чтобы исключить все причины непонимания.

Мой друг, при возникновении трудностей между Великими державами в Европе, они устраняются лишь посредством искренних объяснений и взаимных обязательств, и мне не известно иного пути, который бы вел с наибольшей уверенностью к безопасности и процветанию Вашей страны, чем тот, который я предлагаю на рассмотрение Вашего Высочества.

Мой друг, я верю, что, если Вы будете действовать согласно моему предложению, представители Его Величества, императора России с удовлетворением воспримут Ваши обращения, так как у меня есть основания верить в то, что Его Императорское Величество желает установить и культивировать мирные отношения со странами, пограничныеми с его империей.

Мне доставит большое удовольствие направить Ее Величестве королеве послание, которое было передано от Вашего Высочества Аминуддином.

Я старался обращаться с Вашим посланником с теми уважением и почестями, которых он достоин как чиновник, занимающий высокий пост Вашего представителя, и я имею честь передать Вам уверения в искреннем пожелании Ее Величества всяческого благополучия Вашему Высочеству, мира и процветания Вашей стране и Вашим подданным.

Я передал ему [посланнику] несколько вещей, изготовленных в Англии, которые упомянуты ниже, для Вашего Высочества.

Я прошу Вас принять мои выражения того высочайшего уважения, которое я испытываю к Вашему Высочеству, в чем и расписываюсь,

Искренний друг Вашего Высочества,

Нортбрук.

Симла, ___Сентября 1872...

№ 2

Копия донесения адресованного графом Гранвиллем лорду Августу Лофтусу, датированного 7 января 1874 (в Лондоне)

АВПРИ. Ф. Среднеазиатский стол. Оп. 485, 1873. № 160: Поход на Хиву. Л. 323-332 об.

Copie d'une dépêche adressée par la C-te Granville à L-d Augustus Loftus en date de Londres, le 7 Jaunvier 1874

Her Majesty's Government have received from Mr Doria, in his dispatch # 428 of the 20th ultimo a translation of the treaty of Peace concluded between G-e Kaufmann and the Khan of Khiva as published in the «Messager oficiee' of the 30 November/12 December.

By Article I the Khan of Khiva acknowledges himself to be the humble servant of the Emperor of Russia, and renounces the right to maintaining

diplomatic relation or of entering into commercial or other treaties with the neighboring Rulers and Khans; and he further engages not to undertake military operations against them without the knowledge and permission of the Russian authorities in Central Asia. By subsequent provision the whole of the territory belonging to Khiva on the right bank of the Oxus, together with the Delta of that river from the point where the most westerly branch leaves the main stream, are ceded to Russia, who is also to have the exclusive control of the navigation of the Oxus, and the right of establishing on the left bank of the river, factories, wharves and the necessary buildings for the formation of commercial posts in such localities as may be selected by the Russia authorities for the purpose& An indemnity of 2.200.000 Roubles is, moreover, exacted from the Khan, the payment of which is extended over nineteen years, i.e. till November 1892.

It also appears that a fort is in course of construction on the right bank of the Oxus, near Shourakhan, and about thirty miles distant from the town of Khiva, due East, to receive a Russian garrison.

Her Majesty's Government see no practical advantage in examining too minutely how far these arrangements are in strict accordance with the assurances given to me in January last be Count Schouvalow as to the intentions with which the expedition against Khiva was undertaken. They are not disposed to share in the exaggerated apprehensions which have at times been expressed in this country as to the British rule in India which may arise from the extension of Russian influence in Central Asia.

At the same time each step of that progress renders it more desirable that a clear and frank understanding should continue to exist between the two countries as to the relative position of British and Russian interests in Asia, and it is with that object that Her Majesty's Government think it right on the present occasion to review the communications which have passed on the subject, and the position of affairs as they as they stand in respect to the future. In so doing the are fulfilling the wish expressed by Prince Gortchacow in conversation with Sir A. Buchnan on the 2nd of November 1869 when he begged that «as both Governments are free from all arriere-pensées, ambitions views or unfriendly feelings towards each other, the more fully and frankly all questions connected with Central Asia are discussed between them, the more effectually will the mist be blown away, which through the misrepresentations of overzealous subordinates agents may at any time hang over them.»

In the spring of 1869 L-d Clarendon in several conversations with Baron Brunnow, drew attention to the rapid progress of the Russian troops in Central Asia, and made a proposal for the «recognition of some territory as neutral between the possessions of England and Russia, which should be the limit of those possessions, and which should be scrupulously respected by both Powers.»

Prince Gortchacow to whom Baron Brunnow and communicated L-d Clarendon's suggestions, replied that «the idea of maintaining between the possessions of the two Empires of Asia a zone to preserve them from any con-

tact had always been shared by the Emperor, and he authorized Baron Brunnow to reread to Her Britannic Majesty's Principal Secretary of State the «positive assurance that His Majesty looks upon Afghanistan as completely outside the sphere within which Russia may be called upon to exercise her influence. No intervention or interference whatever opposed to the independence of that state enters into his intentions.»

L-d Clarendon answered after expressing the thanks of Her Majesty's Government for the friendly feelings, which had prompted P-ce Gortchacow's communication, that the Secretary of State for India, having consulted those members of his council who were well acquainted with the countries in questions had arrived at a decided opinion that Afghanistan would not fulfil those conditions of a neutral territory that it was the object of the two Governments to establish, and that it was therefore thought desirable to propose that the upper Oxus should be the boundary line which neither Power should permit its forces to cross.

To the proposal, however, P-c Gortchcow objected in a conversation, which took place between him and Lord Clarendon at Heielelberg in the autumn of 1869 on the ground that a portion of the country south of the Oxus was claimed by the Ameer of Bokhara, and that they might lead to differences between the English and Russian Governments.

Further communications followed during the visit of Mr. Forsyth to St. Petersburg and these resulted in an understanding, the summery of which is thus stated by Prince Gortchacow in his Despatch to Count Brunnow of November 1, 1871.

1. That the territory in the actual possession, at the present moment of Shere Ali-Khan should be considered to constitute the limits of Afghanistan.

2. That beyond these limits the Ameer should take no attempts to exercise any influences or interference, and that the English Government should do all in their power to restrain him from any attempts at aggression.

3. That, on their part, the Imperial Government should use all their influence to prevent any attack by the Ameer of Bokhara upon Afghan territory.

P-c Gortchacow further stated in a conversation which he had with Sir P. Buchanan, on the 1st of November 1869, that he felt assured that the advice of Russia to the Khan of Khokand to live in peace with his neighbors would be followed; and with regard to Kashgaria, or Yarkend, he authorized the Indian Government to assure the Atalik Ghazee, who had recently established a Government in that Country, «that Russia had no Hostile intentions towards him, or any desire to make conquests in his territories.»

Some delay not unnaturally occurred in the settlement of the Boundary of Afghanistan, for it required an investigation into the condition of countries little known either to the British or to the Russia Authorities. Ultimately there was a difference of opinion between the two Governments upon the question whether Badakshan and Wakhan did or did not form part of the provinces held by the Ameer. Her Majesty's Government gladly take this opportunity of again acknowledging the friendly and conciliatory spirit shewn by the

Imperial Government in the acceptance by them of the views advanced on the part of the Great Britain as to the frontier line of Afghanistan at these and other points. – Those views were stated, as you are aware, in my Despatch to Yours Excellency of the 17th of October 1872, and the assent of the Imperial Government to the definition of the Afghan frontier, as therein laid down, will be found in P-ce Gortchcow Despatches to Baron Brunnow of December 7, 1872, and January 19, 1873. In each was the agreement arrived at between the two countries. On their part Her Majesty's Government may fairly claim that it has been faithfully executed to the full extent their power. The influence of the Government of India has been successfully exercised to dissuade the Ameer of Afghanistan from interference in the affairs of Bokhara, and from any attempt at encroachment on the territories beyond his frontier and their action in this respect has been acknowledged by the Russian Government. Advice of a similarly pacific character has been given by the Indian Government to the Ruler of Yarkand, and they have declined to exercise any interference in the affairs of Bokhara and Khiva, when appealed to more then once, by Envoys from those countries. Her Majesty's Government bear willing testimony to the fact that the action of the Russian Government on various occasions has been in accordance with the same policy, as for instance in the efforts made by their to discourage any aggression by the Khan of Bokhara on the territories of Afghanistan, and in refusal of G-e Kaufmann to give and countenance to the designs of Abdul Rahman Khan, nephew of the Ameer of the Afghanistan, upon the tranquillity of that country.

The Indian Government have repeated, and will continue to repeat, as opportunity may offer, advice in the same sense as that which they have hitherto given to the Ameer of Afghanistan, but it is not unnatural that that ruler should feel and express some uneasiness at the rapid advance of Russian Power to wards his frontier. His apprehension have been especially roused by the reported intention to send a Russian expedition to capture Merv and reduce the Turcoman tribes of those parts, and he has applied to the Government of India, for advice on the subject.

Rumors of such an expedition to be undertaken, in the ensuing spring, have reached Her Majesty's Government from various quarters. The plan has been recommended as you are aware by some of the most influential organs of the Russian press.

The Turcoman Tribes themselves state that they have received formal warning of such an intention from the Russian Authorities, and are perorated to have invoked the protection of Persia. It may indeed be true that such an expedition is as yet discountenanced and disavowed by the Government at S. Petersburg, but past experience shews that it would be unwise to look upon the project as being therefore, entirely out of the question.

Circumstances may occur, as they have more than once occurred before to force the Russian Government into a course to which they are in principle opposed. The difficulties of a Power like Russia, in dealing with wild tribes on its frontier such as those in the deserts bordering on Khiva, are well described

in Prince Gortchacow's Circular of the 21 of November 1864. As soon as one territory is subdued, and the populations immediately bordering on it are reduced, more or less to subjection, fresh aggressions are committed by more distant tribes. Fresh expeditions against these become necessary; and to give to these expeditions any lasting effect, fresh annexations and occupations are required. At the time of that circular, and in order to obviate the inconveniences thus set forth, the determination was announced to adopt for the Russian possessions in Central Asia a final line of frontier, stretching from Lake Issyk Kul to the Syr Daria, and embracing the town of Schemkind, which was to be fortified for the purpose. But in practice it was found impossible to adhere to this line. Expedition against Bokhara had soon afterwards to be undertaken. Tashkend, Khodjent, Teesakh and Samarkand were successively occupied.

Speaking to Lord Clarendon in September 1869, Prince Oligarchical stated that «the Emperor considered, and he entirely shared His Majesty's opinion that extension of territory was extension of weakness, and Russia had no intention of going further south», as a proof of this determination he added that it was the intention of the Emperor not to retain Samarkand. Difficulties, however, interfered with the restoration of Samarkand to the Ameer of Bokhara; first, in regard to the payment of the indemnity due by that country to Russia, and later as to the protection of Russian interests, which had grown up among the population, and as to the guaranties to be obtained against misconduct on the part of its future rulers; and although Sir A. Buchanan reported in July 1870 that Prince Orloff had been authorized by the Emperor to confirm the assurances given by Prince Gortchacow in the preceding year, still eventually as was confessed by Prince Gortchacow himself in February last, the Imperial Government found, after an occupation of four years' duration, and in view of advantages which it had conferred on the population of the City, that they could not with credit to themselves, nor in justice to the inhabitants, restore Samarkand to the Government of Bokhara, and on these grounds Russia has retained possession of it.

It is unnecessary to retrace the series of circumstances which in spite of the reluctance of the Russian Government, led to the recent expedition against Khiva.

In the face of these event it would be unwise not to contemplate the possibility that consideration of Self-defence, or the necessity of punishing acts of plunder and hostility may eventually give occasion for a Russian expedition against the Turcoman Tribes.

These tribes have now applied to the Ameer of Kabul for advice as to attitude which they should assume towards the Russians and he, in his turn, has consulted the Government of India as to the reply, which he should make. He has at the same time expressed his apprehensions that the result of a Russian expedition against Merv will be to drive the Turkomans to take refuge in the province of Badghees in Herat. This, the Ameer fears, will lay him open to a demand from the Russian Authorities that he shall either prevent the

Turcomans from committing aggressions, or permit the Russian forces to enter the territories of Afghanistan for the purpose of punishing the hostile tribes. An incident of this kind occurred, as you are aware, not long ago on the Persian frontier, and led to a correspondence between the Russian and Persian Governments.

The advice given by the Government of India has been in conformity with policy hitherto pursued. The Ameer has been warned that he should avoid taking any course, which would make him responsible for lawless or hostile proceedings on the part of the Turcoman tribes. The viceroy of India has at the same time endeavored to reassure him as to the safety of his territories from any aggression or attack on the Part of Russia.

In face of the agreement which exists between the two countries it is unnecessary for Her Majesty's Government to make any profession of their conviction that Afghanistan is perfectly secure from any hostile designs on the part of Russia. They think it best, however, to bring the fears entertained by the Ameer to the knowledge of the Russian Government, and to express their earnest hope that the question of any further expedition against the Turcoman tribes may be carefully considered in conjunction with the results which the Ameer of Cabul apprehends may ensue from it.

They think it right to state candidly and at once the independence of Afghanistan is regarded by them as a matter of highest importance to the welfare and security of British India, and to the tranquillity of Asia. Should the Turkoman tribes, be driven into the neighborhood of Herat, now or hereafter, in consequence of any military operations effected by Russian power, the Ameer might labor under a double hardship: first, in the disturbance of his dominions; secondly, if he were held responsible for controlling tribes of that wild race and restraining them from incursions upon the country from which Russia had expelled them. On one hand, it does not appear how he could justly be held responsible in such circumstances, and if he were so held, he would have a strong claim to consideration on the part of all such as rightly appreciate his position, on the other hand, questions might be raised which it was the object of the engagement entered into between Great Britain and Russia to obviate, and which it cannot be the interest of either country to review.

You will read this despatch to Prince Gortchacow, and give him a copy of it.

I am etc...

Перевод

Копия донесения адресованного от графа Гранвилля лорду Августу Лофтусу, датированного 7 января 1874 (в Лондоне)

Правительство Ее Величества получило от господина Дория при его донесении № 428 от 20-го сего [декабря] перевод договора о мире, заключенного между ген. Кауфманом и ханом Хивы, опубликованного в «Messager oficiee» от 30 ноября/12 декабря.

В Статье 1 хан Хивы признает себя скромным слугой Императора России и отказывается от прав устанавливать дипломатические отношения или заключать торговые или иные договоры с правителями и ханами, соседними с Россией; и далее он обязуется не предпринимать против них каких-либо военных действий без ведома и разрешения российских властей в Центральной Азии. Следующей договоренностью согласовано, что все территории, принадлежавшие Хиве на правом берегу Окса, а также его дельта от точки, где самая западная протока отделяется от главной реки, переходят к России, которая так же должна полностью и исключительно контролировать судоходство на Оксе, а так же имеет право устанавливать на левом берегу реки, фактории, пристани и все необходимые постройки для создания коммерческих складов в тех местах, которые российские власти сочтут необходимыми для обеспечения этих целей. Помимо этого у хана изымается 2 200 000 рублей в качестве контрибуции с рассрочкой оплаты на девять лет, т.е. до ноября 1892 года.

Судя по всему, на правом берегу Окса, около Шурахана, в тридцати милях к востоку от Хивы, строится форт для размещения русского гарнизона.

Правительство Ее Величества не видит практической надобности в слишком детальном исследовании вопроса, насколько эти условия строго соответствуют тем заверениям в отношении целей экспедиции, предпринятой против Хивы, которые были мне даны графом Шуваловым в прошедшем январе. Они [члены Кабинета] не склонны разделять те преувеличенные опасения, высказываемые в нашей стране в отношении [угрозы] британскому правлению в Индии, которая может возникнуть от расширения российского влияния в Центральной Азии.

В тоже время каждый шаг в этом прогрессе делает все более желательным, чтобы ясное и откровенное понимание между двумя странами продолжало существовать в отношении соответствующих позиций Британских и Русских интересов в Азии, и именно в связи с этим Правительство Ее Величества полагает правильным в сложившейся ситуации рассмотреть все предыдущие сношения по этому предмету и положение дел в плане их развития в будущем.

Делая это они [члены кабинета] выполняют пожелание, выраженное князем Горчаковым в разговоре с сэром А. Бьюкененом 2 ноября 1869 г., когда он заявил, что «так как оба правительства свободны от каких-либо arriere-pensées, амбициозных точек зрения, или недружественных чувств в отношении друг друга, чем более полно и откровенно будут обсуждаться все вопросы, связанные с Центральной Азией, тем более эффективно будет развеян туман, который из-за неправильной интерпретации слишком рьяных подчиненных агентов может иногда покрывать [эти проблемы].»

Весной 1869 года лорд Кларендон в нескольких разговорах с бароном Брюнновым, привлек внимание к быстрому прогрессу русских

войск в Центральной Азии и предложил «признать некоторую территорию в качестве нейтральной между владениями Англии и России, которая была бы пределом этих владений, и которую следовало бы строго уважать обоим державам».

Князь Горчаков, которому барон Брюннов передал предложения лорда Кларендона, ответил, что «идея установления между владениями двух империй в Азии некой зоны для предотвращения какого-либо контакта между ними, всегда разделялась Императором, и он уполномочил барона Брюннова повторить Главному государственному секретарю Ее Британского Величества «позитивные заверения, что Его Величество рассматривает Афганистан как [страну], находящуюся абсолютно вне сферы, в которой Россия могла быть призванной использовать свое влияние. В его намерения не входит каких-либо интервенции или вмешательства, противоречащих независимости этого государства.»

После выражения благодарности Правительству Его Величества за дружеские чувства, которыми было продиктовано письмо князя Горчакова, лорд Кларендон ответил, что Государственный секретарь по [делам] Индии, проконсультировавшись с членами его совета, которые были хорошо знакомы с обсуждаемыми странами, пришел к решительному мнению, что Афганистан не может выполнить условия нейтральной территории, установление которой было целью двух правительств, и, что поэтому представлялось бы желательным предложить верхнее течение Окса в качестве граничной линии, которую обе державы не разрешали бы пересекать своим войскам.

Однако, князь Горчаков в разговоре с лордом Кларендоном, который состоялся осенью 1869 г. в Хейлелберге, не согласился с этим предложением, на том основании, что на часть страны к югу от Окса притендует эмир Бухары, и что это может привести к разногласиям между английским и русским правительствами.

Дальнейший обмен мнениями имел место во время визита господина Форсайта в Санкт-Петербург, в результате которого было достигнуто взаимопонимание, сущность которого следующим образом изложена князем Горчаковым в его депеше графу Брюннову от 1 ноября 1871 г.

1. Что территории, которые в настоящий момент находятся под непосредственной властью Шер Алихана следует рассматривать как представляющие собой границы Афганистана.

2. Что за этими пределами эмиру не следует пытаться проявлять какие-либо влияние или вмешательство, и что английскому правительству следует использовать все свое влиение, для того, чтобы сдержать любые его попытки к агрессии.

3. Что со своей стороны императорскому правительству [России] следует использовать все свое влияние для предотвращения вторжения эмира бухарского на афганскую территорию.

Далее, князь Горчаков в разговоре с сэром П. Бьюкененом, 1 ноября 1869, заявил, что он уверен в том, что хан Коканда прислушается к совету России и будет жить в мире со своими соседями; а что касается Кашгарии или Яркенда, он уполномочил индийское правительство заверить Аталика Гази, который недавно установил правительство в этой стране, «что Россия не имеет по отношению к нему враждебных намерений, или какого-либо желания заниматься завоеваниями на его территориях».

Не противоестественно, что в отношении установления границы Афганистана произошла некоторая задержка, так как это потребовало изучения положения стран, малоизвестных как британским, так и русским властям. Различие в мнениях между двумя правительствами в особенности возникли по вопросу составляют ли Бадахшан и Вахан часть провинций, находящихся под властью Эмира. Правительство Ее Величества с радостью использовало эту возможность для того, чтобы снова отдать должное дружескому и доброжелательному духу, проявленным Императорским правительством в принятии им взглядов Великобритании в отношении пограничной линии Афганистана на этом и других участках. – Эти взгляды, как Вам известно, были изложены в моей депеше Вашему Превосходительству от 17 октября 1872 г., а признание Императорским Правительством определения Афганской границы, можно найти в депешах князя Горчакова барону Брюнову от 7 декабря 1872 и 19 декабря 1873 г. В каждой из них содержалось соглашение к которому пришли обе страны. Со своей стороны Правительство Ее Величества может справедливо утверждать, что оно честно осуществляло всю полноту своей власти. Влияние Правительства Индии с успехом было использовано для того, чтобы удержать эмира Афганистана от вмешательства в дела Бухары, а так же от каких-либо попыток продвижения на территории за его границами, и его [правительства] действия в этом отношении были одобрены русским правительством.

Индийское Правительство дало подобные советы миролюбивого характера Правителю Яркенда, и при неоднократных обращениях посланников Хивы и Бухары, [правительство] отказалось от какого-либо вмешательства в дела этих стран. Правительство Ее Величества с готовностью подтверждает, что действия Российского Правительства при различных обстоятельствах полностью отвечале той же политике, как, например, в случае предприятых им усилий по сдерживанию любых агрессивных действий хана Бухары на территориях Афганистана и в отказе генерала Кауфмана оказать какую-либо поддержку планам Абдул Рахман Хана, племянника Афганского Эмира, по нарушению спокойствия этой страны.

Индийское Правительство повторяло и будет повторять, при любой представляющейся возможности, советы в том же духе, как тот, который оно давало Эмиру Афганистана, но, вполне непротивоесте-

ственно, что этот правитель чувствует и выражает некоторое беспокойство быстрым продвижением Российской Державы в направлении его границ. Его беспокойство особенно возрасло, когда было получено сообщение о намерении послать российскую экспедицию для занятия Мерва и подавлении туркменских племен в этих районах; он обратился к Правительству Индии с просьбой о совете по этому поводу.

До Правительства Ее Величества доходят слухи из разных источниках о такой экспедиции, якобы планируемой на грядущую весну. Вам известно, что подобные планы развивались некоторыми из наиболее влиятельных органов российской прессы.

Сами туркменские племена утверждают, что они получили официальное предупреждение от российских властей о подобном намерении, и пытаются опереться на поддержку Персии. Конечно, вполне вероятно, что такая экспедиция еще не одобрена и будет отменена Правительством в Санкт-Петербурге, но прошлый опыт показывает было бы неразумным рассматривать этот проект, как нечто полностью невозможное.

Могут возникнуть некие обстоятельства, как они не раз возникали в прошлом, которые вынудят Русское Правительство предпринять действия, с которыми [ранее] оно было в принципе не согласно. Трудности державы, подобной России, в ее делах с дикими племенами на ее границе, такими как те, которые обитают в пустынях окаймляющих Хиву, хорошо описаны в Циркуляре князя Горчакова от 21 ноября 1864 г. Как только покорена одна территория и население в соседних с ней районах приведено более или менее в повиновение, более отдаленные племена начинают совершать акты агрессии. Против таких племен новые экспедиции становятся необходимыми, а для того, а чтобы эти экспедиции имели бы какой-либо длительный эффект требуются новые аннексии и оккупация. В период, когда был распространен этот циркуляр, для того, чтобы избегнуть те неудобства, о которых в нем говорилось, была объявлена решимость принять некую конечную линию границы российских владений в Центральной Азии, протягивающуюся от озера Иссык-Куль к Сыр-Дарье и охватывающую город Чимкент, который для этой цели должен был быть укреплен. Но на практике обнаружилась невозможность придерживаться этой линии. Вскоре потребовалось организовать поход против Бухары. Были оккупированы Ташкент, Тисах и Самарканд.Разговаривая с лордом Кларендоном в сентябре 1869 г., князь Горчаков заявил, что «Император рассмотрел и полностью разделяет мнение Ее Величества, что расширение территории является расширением слабости, и Россия не намеревается идти далее на юг», в качестве доказательства этой решимости он добавил, что в планы Императора не входило удержание Самарканда. Однако с передачей Самарканда эмиру Бухары возникли сложности; во-первых в отношении контрибуции которую эта страна была должна России, а позже – в отношении защиты

российских интересов, которые усилились среди населения, а так же – в плане получения гарантий на случай неадекватного со стороны будущих правителей; и, хотя сэр А. Бьюкенен сообщал в июле 1870 г. о том, что князь Орлов был уполномочен Императором подтвердить прошлогодние заверения князя Горчакова, однако, в конце концов, по признанию самого князя Горчакова в прошедшем феврале, Императорское Правительство, по прошествии четырех лет оккупации и ввиду преимуществ, которая она предоставляла населению города, пришло к выводу о том, что оно не может ни с честью для себя, ни из соображений справедливости в отношении населения, возвратить Самарканд правительству Бухары, и на этих основаниях Россия сохранила за собой обладание ею.

Нет необходимости перечислять серию обстоятельств, которые, несмотря на нежелание Российского Правительства, привели к недавней экспедиции против Хивы.

В свете последнего события было бы неразумно не учитывать возможности того, что соображения самообороны или необходимости наказания за акты грабежа и враждебности могут в конце концов предоставить случай для российсской экспедиции против туркменских племен.

Эти племена сейчас обратились к эмиру Кабула за советом относительно того какой линии поведения им следует придерживаться в отношении русских, и он, в свою очередь проконсультировался у Правительства Индии относительно его ответа на этот вопрос. Одновременно он выразил свои опасения, что в результате российской экспедиции против Мерва туркмены будут вытеснены и вынуждены укрыться в провинции Бадгхис в Герате. Эмир опасается, что [такое развитие событий] поставит его перед фактом требования со стороны русских властей, чтобы он либо предупредил туркменов против совершения агрессий, либо разрешил русским войскам войти на территорию Афганистана для наказания враждебных племен. Недавно, как Вы знаете, инцидент подобного рода случился на персидской границе и привел к переписке между российским и персидским правительствами.

Индийское Правительство дало совет в полном соответствии с политикой, которая осуществлялась до сих пор. Эмира предупредили о том, что ему следет избегать любых шагов, которые могли бы сделать его ответственным за беззаконные или враждебные действия со стороны туркменских племен. Со своей стороны вице-король Индии постарался убедить его в безопасности его территорий от любой аргрессии или нападения со стороны России.

В виду соглашения, которое существует между двумя странами, необходимо, чтобы Правительство Ее Величества имело гарантии, что Афганистан абсолютно гарантирован от любых враждебных намерений состороны России. При этом, оно считает, однако, необходи-

мым довести до сведения Русского Правительства опасения Эмира, и выразить его искреннюю надежду, что вопрос о любой следующей экспедиции против туркменских племен будет справедливо рассмотрен в свете опасений Эмира Кабула, которые могут быть вызваны этими действиями.

Они [члены Кабинета] полагают правильным искренне высказаться по поводу того, что независимость Афганистана рассматривается ими как вопрос, имеющий величайшее значение для процветания и безопасности Британской Индии а так же – мира в Азии. Если теперь, или впоследствии, в результате военной операции, инициированной российской державой, туркменские племена будут вытеснены в окрестности Герата, эмир может быть принужденным действовать под влиянием двойной угрозы: во-первых – беспорядков в его владениях; во-вторых – в условиях, когда он будет ответственен за контроль над племенами этой дикой расы и за удерживание их от вторжения на ту страну, из которой Россия их изгнала. С одной стороны, трудно себе представить, насколько справедливо при таких обстоятельствах его можно считать ответственным, но все-же, если кто-то так посчитает, он вправе расчитывать на понимание со стороны всех тех, кто правильно оценивает его положение, и с другой стороны, могут возникнуть вопросы по поводу соблюдения договоренности, достигнутой между Великобританией и Россией, пересмотр которой не входит в интересы каждой из сторон.

Прочитайте эту депешу князю Горчакову и выдайте ему ее копию.

За сим остаюсь...

№ 3

Нота Сэра Е. Торнтона де Гирсу от 29 февраля/12 марта 1884 г.

АВПРИ. Ф. Среднеазиатский стол. Оп. 485, 1884-1885 гг. № 670. Л. 62 – 80об.

Communication Anglaise.

Note de S.Exc, Sir E. Thornton И S.Exc. Mr. de Giers, en date de St. Pétersbourg, le 29 Février/12 Mars 1884.

I had the honor to report to Earl Granville on the 3rd/15th of February that Your Excellency had informed me that His Imperial Majesty had determined to accept the allegiance of the Merv Turcomans, and would send a Russian Officer to Merv for the purpose of administering the Government of that region and of establishing order therein; that the officer in question might perhaps be accompanied by a small escort, probably of natives but that the Russian Government hoped that it would not be necessary, for the present at least, to send any Russian troops in that direction.

A similar announcement which appeared in the English newspapers has excited much attention in the public mind in England, and formed the subject of a debate that took place on 22nd Ultimo in the House of Commons.

The views entertained by Her Majesty's present Government and by their predecessors in office in regard to the extension of Russian sovereignty over Merv are so well known to the Government of the Emperor that it is hardly necessary to repeat them here. But it may be convenient to recapitulate the communications which have passed between the Governments of England and Russia on the subject since the conclusion of the treaty with Khiva in 1873 called attention to the possibility of an eventual advance of Russia to Merv.

On the 7th of January, 1874, Lord Granville addressed a despatch to Lord A. Loftus expressing the views of Her Majesty's Government upon the Russian proceedings in Central Asia. His Lordship said that the apprehensions of the Ameer of Afghanistan had been roused by the reported intentions to send a Russian expedition to capture Merv and reduce the Turcoman tribes in those parts. Rumors of such an expedition had reached Her Majesty's Government and though it might be discountenanced and disavowed by the Government of St. Petersburg, it would be unwise, in the face of previous events not to contemplate the possibility that considerations of self-defence or the necessity of punishing acts of plunder and hostility might eventually give occasion for such an expedition. The Ameer, fearing that the result would be to drive the Turcomans to take refuge in the neighborhood of Herat which might bring him into collision with the Russian authorities, had applied for advice to the Government of India. The Viceroy had endeavored to reassure him as to the safety of his territories, but Her Majesty's Government thought it best to bring the Ameers fears to the knowledge of the Russian Government and to express their earnest hope that the question of any further expedition against the Turcoman tribes might be carefully considered in conjugation with the results which the Ameer apprehended might ensue from it.

Prince Gortchakoff's reply upon this point, contained in a despatch of the 21st January (o.s.) to Count Brunnow, was as follows:

«As regards the eventual danger pointed out to us by Lord Granville, and to which Shere Ali appears already to have called attention of the Government of India, namely that nomad tribes of Turcomans driven off by our troops may return to seek assistance or refuge on the territory of Herat, and may bring about a conflict between us and Afghanistan, I have told Lord A. Loftus that we had no intention of undertaking an expedition against the Turcomans; it dependent entirely on them to live on good terms with us, and even to derive profit from our proximity and from the outlets which we are endeavoring to make for peaceful commerce; but if these turbulent tribes were to take to attacking or plundering us, we should be compelled to punish them. This is a necessity which Her Majesty's Government know from their own experience, and which no Government in contact with wild populations can avoid.

We are in any case the first to wish that this punishment, if it becomes necessary, should be inflicted as near as possible to our own frontier.

Lord A. Loftus has received the same assurances from the mouth of our August Master, and has doubtless reported them to his Government.

I added that, although the eventuality pointed out by Shere Ali is scarcely probable, the Ameer of Cabul can assist in removing the possibility of it by making the Turkomans understand clearly beforehand that if they provoke rigorous measures by acts of depredation against us they cannot count upon any assistance or protection from him».

A change of Government took place in England in February 1874, and on the 13th April of the same year Count Brunnow communicated to Kird Derby a letter from Prince Gortchakow to the effect that the orders of the Emperor that no expedition should be undertaken against Teke-Turcomans, which meant in the direction of Merv, had been given in such peremptory terms that no local ambition would dare to take the liberty of transgressing them.

On the 12th of March, 1875, Count Schouvaloff, who inquired whether there was any inclination on the part of England to advance further in the direction of the Russian possessions, was informed by Lord Derby that the only case in which he could conceive such an advance as probable was in the event of any Russian movement tending to the occupation of Merv; he reminded His Excellency of the great importance which the Indian Government attached to that place, and of the danger to good relations that would ensure if it were meddled with. On the 11th May Count Schouvaloff communicated a note from Prince Gortchakoff, dated the 5th April, which contained a positive assurance that the Emperor had no intention of extending the frontiers of Russia such as existed at that time in Central Asia either on the side of Bokhara or on the side of Krasnowodsk and the Attrek. This note was however, accompanied by a Memorandum reviewing the correspondence which had passed on the subject with Her Majesty's Government, explaining the successive Russian advances, and claiming complete liberty of action over the territory between the Russian frontiers and Afghanistan.

In a Memorandum in reply, which was forwarded to Her Majesty's Chargé d'Affaires at St. Petersburg on the 25th October, Lord Derby stated that Her Majesty's Government fully accepted the assurances of the Imperial Cabinet as to the extension of the Southern frontiers of Russian territory, but they equally admitted the force of the arguments which had been advanced to explain the repeated annexations which, in spite of those assurances, had taken place. However sincere, therefore, the desire of the Russian Government to avoid future extension of territorial responsibilities, Her Majesty's Government could not regard the line of the Russian frontier as fixed and immovable. The recurrence of similar causes might lead to similar results, and Her Majesty's Government could not regard with indifference, and as a matter with which they had no concern, further occupation and absorption by Russia of the regions which still separated Afghanistan from the Russian territory. Regarding the maintenance of the Afghanistan as an object of the highest importance, they must reserve to themselves the most complete liberty of action under all future contingencies as to the measures which might in their opinion, be necessary to secure it. They could not but feel that such an event as the occupation of Merv, which bring the line of Russian territory into direct

contact with Afghan territory, would rouse the susceptibilities of the Ameer in the highest degree, and possibly involve him in a common cause of defensive action with the Turcoman tribes on his borders. This might lead to complications which would eventually bring about the very result which both Governments desired to avert, viz., the contact of the two Powers in Central Asia.

The Memorandum concluded by expressing the satisfaction with which Her Majesty's Government had received Prince Gortchakoff's assurances as to the Emperor's conviction that the extension of Russian territory towards the Afghan borders was contrary to Russian interests, and that formal orders had been given that all future actions in those regions was to be strictly confined to the defence of existing limits and the protection of property and commerce from pillage and brigandage.

This Memorandum was formally replied to by the Russian Government in a dispatch to Count Schouvaloff of the 3rd February, 1876 (o.s.), which without going into details, reiterated the sphere of Russia's actions, and stated that the two Cabinets, while retaining entire freedom of action, should be guided by a mutual desire to pay due regards to their respective interests and necessities by avoiding, as far as possible, any immediate contact with each other and any collisions between the Asiatic States placed within the circle of their influence.

The movements in the summer of 1875 of General Lomakine, who was engaged in a military reconnaissance of the Turcoman steppe, had led to renewed rumors of an intended expedition to Merv, and accordingly, on the 3rd August, Mr. Doria, Her Majesty's Chargé d'Affaires at St. Petersburg, mentioned the subject to Baron Jamini, whose language led Mr. Doria to believe that there was no foundation for the report, and His Excellency referred to the orders of the Emperor against any attacks on Merv.

In the autumn of 1876 General Lomakin left Krasnovodsk on a fresh reconnaissance, and the report of an expedition to Merv was revived but Her Majesty's Ambassador at St. Petersburg wrote on the 15th November, that Prince Gortchakoff had charged him to inform Lord Darby that there was no question of such an expedition or of occupying the place. In view, however, of the General's operations against the Téké-Turcomans in 1877 Lord Derby wrote to Lord A. Loftus on the 13-th June of that year, that they might ultimately end in the occupation of Merv, unless positive instructions to the contrary were at once issued by the Russian Government. He therefore instructed His Excellency to make a renewed representation to the Russian Government on the subject of the movements of the Russian troops, to recall to Prince Gortchakoff his observation of the 15th November, and to point out clearly, but courteously, that the occupation of Merv would be held by the general opinion of the inhabitants of the neighboring regions of Asia to announce a design on the part of the Emperor to extend His influence, if not his dominions, into territories with which Her Majesty's Government understood that it was not His intention to interfere. Such an impression might impose upon Her Majesty's

Government the necessity of making a corresponding advance, and they hoped, therefore, that His Majesty would issue stringent injunctions to His officers in those countries to abstain from advancing into the neighborhood of Merv.

On the 18th July (o.s.) Your Excellency replied, in a dispatch to Count Schouvaloff, which was, however, not communicated until after the lapse of several months, that the sole object of the expedition was to punish some Turcoman hordes quite distinct from the Tékés of Merv; that the most formal orders had been given to the Commandant of the column not to exceed instructions, which were merely to keep order on the frontier; and that in presence of these frank explanations any anxiety respecting Merv must fall to the ground.

In the spring of 1879 an expedition under General Lazareff left the eastern shore of the Caspian, the sole object of which, as Count Schouvaloff assured Lord Salisbury, on the 16th May was to affect a land communication by means of fortified posts between Krasnovodsk and Chikishlar. Lord Salisbury informed him that there were two points of view from which any such expedition might meet with objections on the part of England. «Her Majesty's Government», – he said, – «would take exception to any operation by which Merv was menaced», and would «object to any encroachments upon Persian territory». Count Schouvaloff replied that there was no intention of menacing Merv, or advancing nearer to it than a point 160 miles distant, and that Her Majesty's Government might rest assured that no infringement of Persia's rights was probable. His Excellency added, however, that this conversation was unofficial.

But on the 9th July, Your Excellency assured Lord Dufferin most positively that there was no intention on the part of the Russian Government to go to Merv, and in conversation on the same subject with Baron Jomini, the latter informed Her Majesty's Ambassador that the Russian advance was intended to stop at a point 150 miles upon this side of it. He added – «although we do not intend to go to Merv, or to do anything which may be interpreted as a menace to England, you must not deceive yourself, for the result of our present proceedings will be to furnish us with a base of operations against England hereafter, should the British Government, by occupation of Herat, threaten our position in Central Asia».

Simultaneously Lord Salisbury received similar assurances from Count Schouvaloff, who stated that he had informed his government of the intimation that Her Majesty's Government could not look without dissatisfaction upon operation which would have the effect of either threatening Merv or encroaching upon Persian territory, and he could only repeat the assurance that no design involving either result was entertained by the Imperial Government.

On the 30th July Lord Dufferin reported that Your Excellency had informed him that the Emperor had expressly approved the assurances you had given as to the non-advance of the Russian troops on Merv, and on the 12th August the Emperor personally confirmed to Lord Dufferin that statement.

When, however, Mr. Stanhope, Under-Secretary of State for India, said in Parliament that Her Majesty's Government held the solemn promise of the Russian Government that it was not their intention to march as far as Merv,

Your Excellency informed Lord Dufferin on the 15th August that you considered this language went too far; that although you had told the Ambassador and had authorized Count Schouvaloff to assure Lord Salisbury that an advance on Merv was not contemplated by the Russian Government, and formed no part of the existing program, you did mean to imply by you former remarks that under different circumstances, and in view of unforeseen contingencies, the occupation of the Merv might not become necessary; that in fact the Russian government had never intended by a solemn pledge given for all time to preclude themselves from ever going to Merv.

Lord Dufferin replied that he hoped these observations were not intended to impair the bonâ fide character of previous Ministerial assurances, or to imply a modification of those given by the Emperor. Your Excellency said that you did not desire your remarks to be so interpreted, and that the Ambassador might be satisfied Merv was in no sense the object of General Lazareff's expedition.

The repulse of the Russians at Geok-Tépé in September 1879 led to the organization in the following year of an expedition on a still more considerable scale, and the command was intrusted to General Skobeleff.

On the 21st December, 1879, Your Excellency admitted to Lord Dufferin that preparations for this expedition were on foot, but that it was undertaken with much repugnance by Russia. You incidentally mentioned a report that the Merv Turcomans had joined with the Tékés against the Russian troops, and said that it might become necessary to destroy the place, though he added that there could be no intention that any Russian troops should remain there. Nevertheless, an impression prevailed that the ultimate destination of the expedition was Merv; and in August 1880 Lord Dufferin again mentioned the subject to Your Excellency, when you replied that so far as General Skobeleff's present plans were concerned there was no change of intention, and you most emphatically denied that Merv was the object of the expedition.

After General Skobeleff's victory at Geok-Tépé in January 1881, Your Excellency observed to Lord Dufferin that the time had come for the Russian Government to show its moderation, and to take care not to allow itself to be entangled in further military operations in that quarter of the world, and these remarks were afterwards expressly approved by the Emperor.

In connection with a report which was immediately circulated, and turned out afterwards to be well founded, that General Skobeleff might advance to Askabad, 50 miles beyond Geok-Tépé, Lord Dufferin was assured both by yourself and General Miliutine, that even in such an event the policy of the Russian Government would be confined to the subjugation of the Akhal Téké oasis, and that an attack upon Merv was quite outside of any possible program.

On the 7th February the Russian Ambassador, Prince Lobanov, showed Lord Granville a despatch from his Government, written in the previous April, which contained some observations against the Turcomans. It stated that, in the opinion of the Russian Government, the importance of Merv had been much exaggerated; that they could not pledge themselves as to exact limits within which their military operations would be confined; that they had no

desire to push them as far as Merv, but if they found themselves compelled to do so, they certainly did not contemplate a permanent occupation, and would withdraw as soon as possible.

His Lordship replied that he noted the date of the despatch, otherwise it would have struck him that the information given did not go so far as the speech recently made by Your Excellency to Lord Dufferin, and already quoted. Upon this, Lord Dufferin wrote on the 16-th February that he considered the personal assurance given to him by the Emperor himself, to the effect that there was no intention on the part of Russia of advancing to Merv, as still extant, and in full force, and as never having been since qualified or with drawn by His Majesty or any of his Ministers. He had taken care from time to time to remind Your Excellency that this was the sense in which he continued to regard His Majesty's communication.

Shortly afterwards, however, Your Excellency, whilst contradicting a report in the *Times of India* that Russia was about to occupy Merv, told Lord Dufferin that the murder of two Russians by Merv Turcomans, and intrigues of the English at the place itself, made it uncertain what have to be done; and upon Lord Dufferin referring to the assurances he had so lately received, remarked that those assurances merely consisted in the statement that the Russian Government, at the time they were given, had no intention of going to Merv. Lord Dufferin replied that although the word *intention* was undoubtedly to be found in some of the phrases made use of, the general purport of his repeated conversations with yourself and with General Miluitine amounted to a serious bonâ fide, and unambiguous declaration on the part of the Russian Government that Merv was not to be attacked; that when the Emperor had deigned on two occasions to give him similar assurances, His Majesty had made use of the most unequivocal language, and an intimation of this kind, proceeding from so august a source, possessed a direct and abiding force which of necessity endured until it was formally retracted. Fortified by these considerations, and impressed by the sincerity and earnestness of Your Excellency's repeated asseverations upon this point, he had led his Government to consider the matter as having been placed beyond doubt, and he hardly saw in what language he could convey to them any intimation to a contrary effect. At all events, if the announcements which had been so frequently made to him, and which he had been requested to repeat in London, were to be annulled, he should expect the fact to be conveyed to him, not by hints and doubtful innuendoes, but in terms absolutely clear and explicit. On this Your Excellency reasserted your anxious desire to make the Russian policy in Central Asia conform to the program you had described to Lord Dufferin as the one which recommended itself to your own judgment.

A few days later Lord Dufferin called on Your Excellency, when you informed him that the Emperor had again authorized you to say that there was no question of an advance on Merv. «Not only do we not want to go there», – you said, – «but happily there is nothing, which can require us to go there. But», – you added, – «the Emperor trusts that you upon your part will render

a policy of abstention and moderation possible to us by not permitting English officers to haunt the oases and stir up the Turcoman population against us».

This remark referred to the proceedings of Captain Gill and Lieutenant-Colonel Stewart, but there was no foundation for the insinuation, for Captain Gill had been prevented by Her Majesty's Government from visiting the Turcoman country, and Colonel Stewart was known not to have extended his journey beyond the Persian district of Dereghez.

The arrival at Askabad of a deputation from Merv, and the reported dispatch of Russian Agents thither, formed the subject of representations by Lord Dufferin to your Excellency on the 30th March and the 15th April; your replies were that in any event there was no question of acquisition of the country, of which General Skobeleff's proximate return was a proof; and again, that the circumstances certainly did not imply the acquisition of any sovereignty over the Merv Turcomans by the Czar, and that Russia had no desire to acquire the Merv oasis.

On the 24th May an Imperial Ukaze announced the annexation to the Empire of the territory of the Téké Turcomans occupied by the Russian troops, but Her Majesty's Government failed during the summer to elicit from the Russian Government any statement of what the frontiers of these territories were.

In December 1881 a convention was signed between Russia and Persia relative to the Turcoman frontier as far as Baba Durmaz, and since that date communications have passed between Her Majesty's Government and Russia with a view to the settlement of the frontier still left undefined between Persia and the Turcoman country beyond that point to the frontier of Afghanistan, but the proposals of Her Majesty's Government have been met by the reply that the matter concerned Russia and Persia exclusively.

The Russian Government has however, expressed itself in favor of the definition of the Afghan boundary up to the Persian frontier. During these discussions Your Excellency has assured me that Russia had no intention whatever at present of advancing towards Merv, or of occupying any territory in that region beyond what was already in her possession. Your Excellency would, however, object to assertion by Persia of any rights over the district of Merv, and such a move might force the Russian Authorities to adopt more vigorous measures.

In April 1882 I mentioned to Your Excellency a report that some Russian Cavalry had gone towards Merv. You replied that they had merely gone as an escort to a caravan of Russian merchants, and that the most strident orders had been given to General Röhrberg to avoid as far as possible sending any troops beyond the limits of the territory then held by the Russian forces.

During a conversation with me on the 24th October last Your Excellency admitted that General Tcherniaieff employed a certain moral influence over the independent Turcomans in the interest of peace. You said that the different tribes at Merv were constantly quarreling amongst themselves, and had been recommended to submit to the authority of the Khan of Khiva; the greater number had consented to be governed by the person named by the Khan. This you insisted was the extent of Russian intervention.

On the 10th November a note appeared in the *Journal de St. Petersbourg*, in reply to an article in the French *Agence Kavas*, denying the intention of Russia to go to Merv, but repudiation any pretension on the part of Persia to occupy that territory.

The foregoing summary shows that up to the 15th February last, the day on which Your Excellency announced to me that the Emperor had determined to accept the allegiance of the Merv Turcomans, Her Majesty's Government had every reason to believe that the Russian Government were pledged not to take such a step under existing circumstances, although their more recent assurances had been accompanied by qualifications which reserved to Russia liberty of action in the event of changes not then foreseen, or regarded as possible, taking place at some future time in the state of affairs.

Her Majesty's Government are not aware that any such circumstances have occurred which can be held to create a pressing necessity for the course that had been decided upon; but even if such were the case, it seems entirely inconsistent with whole tenure of the mutual explanations between the two Governments that one of them should take a step which appears to be in contradiction with the assurances which have on so many occasions been received both from the Emperor and his Government, without any previous communication of their change of views.

Your Excellency in making the announcement to me, expressed a hope that the measures which were about to be taken would be to the advantage of the Turcoman territory and of the neighboring states of Persia and Afghanistan, and would be viewed by Her Majesty's Government as being adopted only in the cause of peace and good order.

You did not state in any detail what those measures were to be, and Her Majesty's Government cannot, therefore, express an opinion upon them; but in compliance with an instruction which I have received from Earl Granville, I have the honor to convey to Your Excellency His Lordship's hope, that an early opportunity will be taken of communication to Her Majesty's Government the proposals which the Russian Government may have to make to them in order to provide against the complications to which this further extension of the Russian sovereignty in the direction of the frontiers of Afghanistan may give rise.

I avail myself of this opportunity, etc.

Перевод

Английское сообщение.

Нота Его Превосходительства Сэра Е. Торнтона Его Превосходительству господину де Гирсу от 29 февраля/12 марта 1884 г., в городе Санкт-Петербурге.

3/15 февраля я имел честь доложить лорду Гранвиллю о том, что Ваше Превосходительство проинформировало меня о решении Его Императорского Величества принять альянс мервских туркменов

и пошлет русского офицера в Мерв для руководства правительством этого района и установления там порядка; что упомянутый офицер возможно будет сопровождаться небольшим экскортом, вероятно из местных жителей, но что российское правительство надеятся, что, по крайней мере в настоящее время не возникнет необходимости посылать какие-либо русские войска в этом направлении.

Подобное заявление, которое появилось в английских газетах возбудило значительное внимание в общественном сознании Англии, и явилось объектом дебатов в Палате Общин 22 числа сего месяца.

Мнения как действующего правительства Ее Величества, так и его предшественника в отношении раширения российской власти на Мерв настолько хорошо известны правительству Императора, что вряд-ли необходимо повторять их здесь. Но, возможно будет полезно в общих чертах рассмотреть переписку, которая имело место между правительствами Англии и России по этому вопросу так как заключение договора с Хивой в 1873 г. привлекло внимание к возможности продвижения, со временем, продвижения России к Мерву. 7 января 1874 г. лорд Гранвилль адресовал депешу лорду А. Лофтусу, выражающую мнение Правительства Ее Величества по поводу российских действий в Центральной Азии. Его сиятельство заявил, что у Эмира Афганистана появились опасения в связи с сообщениями о нрамерениях направить русскую экспедицию для завоевания Мерва и подавления туркменских племен в этих районах. Слухи о такой экспедиции достигла Правительства Ее Величества и, хотя они могли быть дезавуированы и отвергнуты Правительством в Санкт-Петербурге, было бы неразумно, в свете прошлых событий не рассматривать возможности, что соображения самообороны или необходимости наказания актов грабежей и враждебности могли со временем предоставить возможность для такой экспедиции. Эмир, опасаясь, что в результате такой экспедиции туркмены будут вытеснены для того чтобы укрыться в районе Герата, сто, в свою очередь может привести к столкновению с русскими властями, обратился за советом к правительству Индии. Вице-король смог уверить его в безопасности его территорий, но Правительство Ее Величества сочло за лучшее довести до сведения русского правительства опасения Эмира и выразить свою искреннюю надежду на то, что о любой последующей экспедиции против туркменских племен мог бы быть внимательно рассмотрен под углом зрения тех результатов, которые по опасению эмира могут последовать [из-за] такой экспедиции.

Ответ князя Горчакова по этому вопросу содержавшийся в депеше от 21 января того жу года графу Брюннову сводился к слудующему:

«Что касается подчеркнутой для нас лордом Гранвиллем будущей опастности, к которой Шер Али, судя по всему, уже привлек внимание Правительства Индии, а именно – что кочевые племена туркменов, вытесненные нашими войсками, могут двинуться в поисках укрытия

или поддержки на территорию Герата и вызвать этими действиями конфликт между нами и Афганистаном, я сказал лорду Гранвиллю, что у нас нет намерения предпринять экспедицию против туркменов; существование в хороших отношениях с нами даже извлечение дохода благодаря нашей близости и тем мерам которые мы предприняли для обеспечения путей для торговли, целиком зависит от них; но, если эти неуравновешенные племена начнут аттаковать или грабить нас, мы будем вынуждены наказать их. Правительство Ее Величества знает по собственному опыту о такой необходимости, которой ни одно правительство в контакте с диким населением не может избежать.

Мы, в любом случае, сами хотим, чтобы таковое наказание, если оно станет необходимым, было осуществлено насколько возможно ближе к нашей собственной границе.

Лорд А. Лофтус получил те же самые заверения из уст августейшего монарха и без сомнения доложил о них своему правительству.

Я добавил, что хотя последствия, на которые указывал Шер Али вряд ли вероятны, эмир Кабула может содействовать в предотвращении такой возможности, заранее ясно давши понять туркменам, что если они спровоцируют решительные действия актами грабежей и разбоя против нас, они не смогут расчитывать на какую-либо помощь или защиту с его стороны».

В феврале 1874 года в Англии сменилось правительство, и 13 апреля того же года граф Брюннов направил лорду Дерби письмо от князя Горчакова, основной идеей которого было то, что приказы императора относительно того, что никакие экспедиции не следует предпринимать против туркменов-теке, т.е. в направлении Мерва, были даны в настолько решительных терминах, что никакие местные амбиции [власти] не осмелятся взять на себя свободу противоречить им.

12 марта 1875 года, граф Шувалов, который интересовался не имеется ли какой наклонности со стороны Англии продвинуться далее в направлении российских владений, был проинформирован Лордом Дерби, что единственным случаем, при котором он мог себе представить возможным подобное продвижение, было бы такое развитие событий, при котором началось бы российское продвижение с намерением оккупации Мерва; он напомнил Его Сиятельству о громадной важности, которую Индийское Правительство придает этому месту, и об угрозе добрым взаимоотношениям, в случае вмешательства в дела этого региона. 11 мая граф Шувалов направил ноту от князя Горчакова, датированную 5 апреля, в которой содержалоссь решительное заверение в том, что Император не имеет намерения рапространять границы России в том виде, как они существуют в настоящее время в Центральной Азии со стороны Бухары, Красноводска и Аттрека. К этой ноте, однако был приложен Меморандум, рассматривающий переписку по этому поводу с Правительством Ее Величества, объясняющую последовательные продвижения России и претендующий на

полную свободу действий на территории между российскими границами и Афганистаном.

В ответном Меморандуме, который был направлен Послу Ее Величества в Санкт-Петербурге 25 октября, Лорд Дерби заявил, Правительство Ее Величества полностью принимает заверения Императорского Кабинета относительно расширения южных границ русской территории, и оно также полностью признает силу аргументов, которые были выдвинуты для объяснения последовательных аннексий, которые имели место, несмотря на [вышесказанные] заверения.

Поэтому, каким бы искренним не было желание российского правительства избежать будущего расширения его территориальной ответственности, Правительство Ее Величества не может рассматривать линию Российской границы как фиксированную и неподвижную. Появление вновь подобных причин может вести к подобным результатам, и Правительство Ее Величества не может рассматривать безучастно и как дело, к которому оно не имеет отношения, дальнейшие оккупации и поглощение Россией районов, которые все еще отделяют Афганистан от Российской территории. Рассматривая утверждение Афганистана как объекта высшей важности, оно [правительство] должно зарезервировать для себя в высшей степени полную свободу действий в отношении тех мер, которые по его мнению будут необходимы для обеспечения безопасности [Афганистана] при всех будущих осложнениях. Оно не может не чувствовать, что такое событие, как оккупация Мерва, которое приведет линию российской территории в прямой контакт с афганской территорией, не может не вызвать опасений эмира в высшей степени и, возможно, вовлечет его в общие оборонительные действия с туркменскими племенами на его границах.

Это может привести впоследствии к тем результатам, которых оба правительства желали бы избежать, т.е. – к контакту двух держав в Центральной Азии.

Меморандум завершался выражением того удовлетворения, с которым правительство Ее Величества восприняло уверения князя Горчакова в том, что Император убежден, что расширение российской территории в направлении афганских границ противоречит российским интересам и в том, что были даны официальные приказы по поводу того, что любые будущие действия в этих районах должны быть строго ограничены обороной существующих границ и защитой имущества и торговли от грабежей и насилия.

Российское правительство официально ответило на этот Меморандум депешей графу Шувалову от 3 февраля 1876 г. (по старому стилю), где, не вдаваясь в детали, рассмотрена сфера российских действий и заявляется, что обоим кабинетам, хотя и сохраняя за собою полную свободу действий, следует руководствоваться взаимным желанием отдавать должное интересам друг друга и необходимости избегать, настолько, насколько это возможно непосредственного контакта друг

и любых столкновений между азиатскими государствами, находящимися в сфере их влияния.

Летом 1875 года, перемещения генерала Ломакина, который проводил военную рекогносцировку Туркменской степи, привело к возобновлению слухов о планирующейся экспедиции на Мерв, и, соответственно, 3 августа, посол Ее Величества в Санкт-Петербурге, господин Дория, упомянул об этом деле Барону Джемини, ответ которого дал уверенность господину Дория в том, что оснований для этого сообщения не было, и Его Сиятельство сослался на приказы Императора, относительно исключения каких-либо нападений на Мерв.

Осенью 1876 года генерал Ломакин покинул Красноводск для новой рекогносцировки, и сообщение об экспедиции на Мерв возродилось, но посол Ее Величечства в Санкт-Петербурге написал 15 ноября, что князь Горчаков поручил ему проинформировать лорда Дерби, что вопрос о такой экспедиции или об оккупации Мерва не стоит на повестке дня. Однако, ввиду операций генерала [Ломакина] против туркменов-теке в 1877 г. лорд Дерби написал лорду А. Лофтусу 13 июня этого года, что эти операции в конечном счете могут закончиться оккупацией Мерва, в случае, если российское правительство сейчас же не выдаст определенных инструкций против таких [действий]. Он, поэтому, проинструктировал Его Сиятельство снова обратиться к российскому правительству по вопросу перемещения российских войск, напомнить князю Горчакову его соображения от 15 ноября и ясно, но вежливо дать понять, что взятие Мерва будет рассматриваться общественным мнением обитателей соседних районов Азии как объявление Императором о планах расширения Его влияния, если не его владений на территории, в судьбу которых, насколько понимало правительство Ее Величества, Он не желал вмешиваться. Такое впечатление может потребовать от правительства Ее Величества необходимости соответствующего продвижения, и оно надеется поэтому, что Его Величество даст строгие указания Его офицерам в этих странах воздержаться от продвижения в окрестности Мерва. 18 июля (старого стиля) Ваше Сиятельство ответил в депеше Графу Шувалову, которая, однако, не была сообщена [нам] в течение нескольких месяцев, что единственной целью экспедиции было наказание некоторых туркменских орд, абсолютно отличных от мервских теке; что в высшей степени официальные приказы были даны командующему колонной не превышать инструкций, которые состояли лишь в том, чтобы следить за порядком на границе; и, что при наличии таких откровенных объяснений, нет никаких оснований для беспокойства относительно Мерва.

Весной 1879 года экспедиция под началом генерала Лазарева покинула восточное побережье Каспия, причем в соответствии с заверением графа Шувалова лорду Солсбери от 16 мая, ее целью было установление сухопутного сообщения между Красноводском и Чикишляром с помощью укрепленных постов.

Лорд Солсбери проинформировал его, что имеются две точки зрения, с которых любая такая экспедиция может вызвать возражения со стороны Англии. «Правительство Ее Величества», – сказал он, – «было бы недовольно любой операцией, ургожающей Мерву», и будет «возражать против любых посягательств на территорию Персии». Граф Шувалов ответил, что намерений угрожать Мерву, или приближаться ближе чем на 160 миль к нему не было, и что правительство Ее Величества может быть спокойно насчет того, что какое-либо ущемление каких-либо прав Персии было вероятно. Его Сиятельство добавил, однако, что этот разговор был неофициальным.

Но 9 июля, Ваше Сиятельство заверил лорда Дафферина самым решительным образом, что со стороны русского правительства не было намерения идти на Мерв, и в разговоре на ту же тему с Бароном Джомини, последний проинформировал Посла Ее Величества о том, что наступление планировалось остановить на расстоянии 150 миль на расстоянии от него [с русской стороны]. Он добавил – «хотя мы не намереваемся идти на Мерв, или делать что-либо, что может трактоваться как угроза Англии, Вам не следует обманываться на тот счет, что результатом наших теперешних действий будет обеспечение нас впоследствии базой операций против Англии, в случае, если британской правительство, оккупируя Герат, поставит под угрозу наше положение в Центральной Азии».

Одновременно лорд Солсбери получил подобные заверения от графа Шувалова, который заявил, что он проинформировал свое правительство о том, что правительство Ее Величества не может наблюдать без неудовольствия за операцией, которая будет иметь эффект либо угрозы Мерву, либо посягательств на персидскую территорию, и он мог лишь повторить заверения в том, что никаких планов, имевших в виду любое из этих последствий, не вынашивалось Императорским Правительством.

30 июля лорд Дафферин сообщил, что Его Сиятельство проинформировал его о том, что император решительно одобрил заверения, которые Вы дали относительно непродвижения русских войск к Мерву, и 12 августа Император лично подтвердил лорду Дафферину это заявление.

Когда, однако, господин Станхоуп, заместитель госсекретаря по Индии, сказал в Парламенте, что правительство Ее Величества верит торжественному обещанию русского правительства, о том, что у них не было намерения продвигаться до самого Мерва, Ваше Сиятельство проинформировало 15 августа лорда Дафферина, что эта формулировка слишком решительна; что, хотя Вы сказали Послу и уполномочили графа Шувалова заверить лорда Солсбери, что наступление на Мерв не рассматривается русским правительством, и не составляет части существующей программы, вы не имели в виду утверждать Вашими бывшими высказываниями, что при иных обстоятельствах, и в слу-

чае непредвиденных осложнений, оккупация Мерва не может стать необходимой; что, на самом деле, русское правительство никогда не намеревалось посредством торжественного обещания, данного на все времена, предотвратить себя от того, чтобы когда-либо пойти на Мерв.

Лорд Дафферин ответил, что он надеется, что эти соображения не направлены в ущерб bonâ fide характеру предыдущих заверений министра, или предполагают изменение заявлений Императора. Ваше Сиятельство сказал, что ему не хотелось бы, чтобы его замечания интерпретировались таким образом, и что посол может быть спокоен насчет того, что Мерв ни в каком смысле не является целью экспедиции генерала Лазарева.

Поражение русских под Геок-Тепе в сентябре 1879 г. привело к организации на следующий год экспедиции в еще большем масштабе, а командование ею было доверено генералу Скобелеву.

21 декабря 1879 г., Ваше Сиятельство признался лорду Дафферину в том, что эта экспедиция готовится, но, что она предпринимается со значительным нежеланием со стороны России. Вы, между прочим упоминули о сообщении, что мервские туркмены объединились с теке против российских войск, и сказали, что может возниктуть необходимость уничтожить это место, но добавили, что может и не быть намерения, чтобы какие-либо русские войска там оставались. Тем не менее, преобладало впечатление, что конечной целью экспедиции был Мерв; и в августе 1880 г. лорд Дафферин снова упомянул об этой проблеме Вашему Сиятельству, на что Вы ответили, что в отношении теперешних планов генерала Скобелева, намерения не изменились, и Вы весьма решительно отрицали, что Мерв был целью экспедиции.

После победы генерала Скобелева под Геок-Тепе в январе 1881 г., Ваше Сиятельство заметил лорду Дафферину, что для русского правительства настало время показать терпимость, и позаботиться о том, чтобы не быть вовлеченным в дальнейшие военные действия в этой части света, и эти соображения впоследствии были решительно поддержены Императором.

В связи с сообщением, которое было немедленно распространено и оказалось впоследствии хорошо обоснованным, что генерал Скобелев может пойти на Ашхабад, в 50 милях за Геок-Тепе, лорду Дафферину были даны заверения Вами и генералом Милютиным, что даже в таком случае политика русского правительства будет ограничена лишь подчинением Ахал-Текинского оазиса, и что наступление на Мерв было вне какой-либо возможной программы.

7 февраля российский посол князь Лобанов показал лорду Гранвиллю депешу своего правительства, написанную в предыдущем апреле, в которой содержались некоторые суждения, направленные против туркменов. [В депеше] утверждалось, что, по мнению российского правительства, важность Мерва была сильно преувеличена; что пра-

вительство не может ограничить себя точными пределами его операции; что оно не желает расширять их до Мерва, но, если оно будет вынуждено сделать это, то при этом, конечно, оно не предполагает постоянной оккупации и [удалит войска], как только это станет возможным.

Его сиятельство ответил, что он заметил дату депеши, в противном случае его бы удивило, что представленная информация не включает недавнего обращения Вашего Сиятельства к лорду Дафферину и уже цитированного. По поводу последнего, лорд Дафферин написал 16 февраля, что он рассматривает как действующие, находящиеся в полной силе и с тех пор не измененные Его Величеством, или любым из Его министров личные заверения, данные ему самим Императором, по поводу того, что со стороны России нет намерения продвижения к Мерву. Он заботился о том, чтобы, время от времени, напоминать Вашему Сиятельству что он продолжает именно в этом смысле рассматривать заявление Его Величества.

Однако, вскоре после этого, Ваше Сиятельство, опровергая сообщение в газете *Times of India*, что Россия находится на грани оккупации Мерва, сказал лорду Дафферину, что убийство русских туркменами из Мерва и интриги Англии в этом городе, создает неопределенность в вопросе о том, что же следует предпринять; а при ссылке лорда Дафферина на завеерения, которые им были недавно получены, заметил, что эти заверения заключались лишь в заявлении о том, что русское правительство в тот период, когда они были даны, не имело намерения идти на Мерв. Лорд Дафферин ответил, что хотя слово *намерение* несомненно можно найти в некоторых из использованных фраз, основным содержанием повторных разговоров с Вами и с генералом Милютиным было серьезное bonâ fide и определенное заявление со стороны русского правительства о том, что Мерв не будет атакован; что, когда Император в двух случаях соизволил дать ему подобные заверения, Его Величество использовал в высшей степени определенные выражения, а заявления подобного рода, полученные из столь державного источника, обладают непосредственной и постоянной силой, которая неизбежно действует, до тех пор, пока не будет официально отменена.

Опираясь на эти соображения и будучи под сильным впечатлением искренности и честности повторных заверений Вашего Сиятельства по этому вопросу, он убедил свое правительство рассматривать это дело, как находящееся вне всяких сомнений, и он с трудом представляет себе в каких выражениях он может передать членам Кабинета какие-либо соображения противоположного свойства. При всех обстоятельствах, если заявления, которые были так дружески сделаны ему и которые его попросили повторить в Лондоне, должны быть аннулированы, ему следует ожидать того, чтобы этот факт был передан ему не посредством намеков и сомнительных предположений, но в выра-

жениях ясных и точных. В ответ на это Ваше Сиятельство снова подтвердил свое горячее желание приспособить русскую политику в Центральной Азии к программе, которую Вы описывали лорду Дафферину, как наиболее приемлемую с вашей точки зрения.

Несколькими днями позже, лорд Дафферин посетил Ваше Сиятельство, и Вы проинформировали его, что Император снова уполномочил Вас заявить, что вопрос о наступлении на Мерв на стоит [на повестке дня]. «Мы не только не хотим идти туда», – сказали Вы, – «но, к счастью нет ничего такого, чтобы потребовало от нас такого действия. Но», – прибавили Вы, «Император уверен, что Вы, со своей стороны будете культивировать возможную для нас политику невмешательства и умеренности, не разрешая английским офицерам проникать в оазисы и восстанавливать туркменское население против нас».

Это замечание относилось к действиям капитана Гилла и подполковника Стюарта, но никаких оснований для инсинуаций не было, так как правительство Ее Величества воспрепятствовало посещению капитаном Гиллом туркменской страны, а полковник Стюарт, как известно, не продолжил свое путешествие за пределы персидской провинции Дерегез.

Прибытие в Ашхабад делегации из Мерва и объявленное отправление русских агентов туда же, явились предметом обращений лорда Дафферина Вашему Сиятельству от 30 марта и 15 апреля; Вашим ответом на это было [заверение], что при любых обстоятельствах вопрос о присоединении страны не стоит, чему служило доказательством быстрое возвращение генерала Скобелева; и снова, что обстоятельства определенно не предполагали получение царем какой-либо власти над мервскими туркменами и, что Россия не желала приобрести оазис Мерва.

Императорским указом от 24 мая было провозглашено присоединение к территории Империи районов туркменов теке, занятых российскими войсками, но Правительству Ее Величества не удалось в течение лета получить от русского правительства какого-либо разъяснения по поводу того, где проходят границы этих территорий.

В декабре 1881 года между Россией и Персией была заключена конвенция относительно туркменской границы вплоть до Баба Дурмаз, и с тех пор переписка между Правительством Ее Величества и Россией имела целью установление границы все еще оставленной неопределенной междуу Персией и туркменской страной за пределами этого пункта до границы Афганистана, на предложения Правительства Ее Величества поступил ответ, что этот вопрос касается исключительно России и Персии.

Однако, российское правительство высказалось в пользу определения [линии] афганской границы до ее [соприкосновения] с персидской границей. В течение этих дискуссий Ваше Сиятельство уверил

меня, что у России нет намерения в настоящее время продвигаться в направлении Мерва, или занимать территории в районах за пределами тех, которые уже были в ее власти. Однако, Ваше Сиятельство возражал против признания за Персией каких-либо прав на район Мерва, и любые действия [направленные на воплощение в жизнь таких притязаний,] Персии могут вынудить Россию к принятию более решительных мер.

В апреле 1882 г. я упомянул Вашему Сиятельству о сообщении, что подразделение российской кавалерии отправилось к Мерву. Вы ответили, что они направлены лишь в качестве экскорта каравана русских торговцев, и что генералу Рёхрбергу был дан строгий приказ избегать, насколько это возможно, направление каких-либо войск за границы территории, в то время удерживаемой российскими силами.

Во время разговора со мною 24 октября прошедшего года Ваше Сиятельство признал, что генерал Черняев в интересах мира прибегает к определенному моральному влиянию на независимые туркменские племена. Вы сказали, что различные племена в Мерве постоянно ссорились друг с другом, и им было рекомендовано признать власть хивинского хана; большая часть из них согласились признать власть лица, названного ханом. И Вы настаивали, что это является единственным проявлением российского вмешательства.

10 ноября в *Journal de St. Petersbourg* появилась заметка в ответ на статью во французской *Agence Kavas*, отрицающая намерения России идти на Мерв, но отвергающая любые притязания Персии на занятие этой территории.

Приведенный обзор показывает что вплоть до 15 февраля прошлого года, т.е. до того дня, когда Ваше Сиятельство объявил мне, что Император намерен принять альянс туркменов Мерва, Правительство Ее Величества имело все основания верить, что российское правительство обещало не предпринимать такого шага при существующих обстоятельствах, хотя более недавние заверения сопровождались разъяснениями, которые резервировали для России свободу действий в случае непредвиденных изменений, или рассматривали как возможные в будущем при существующем положении вещей.

Правительство Ее Величества не знает о возникновении каких-либо таких обстоятельств, которые могли бы создать настоятельную необходимость для того курса, который было решено предпринять; но даже, если они имели место, представляется совершенно несоответствующим со всем духом взаимных объяснений между двумя правительствами, чтобы одно из них предприняло шаг, который кажется противоречащим заверениям, которые в столь многих случаях были получены от Императора и Его правительства, без предварительного сообщения об изменении их точки зрения.

Ваше Сиятельство, объявляя мне [об этом шаге] выразил надежду, что действия, которые планировалось предпринять будут во благо

туркменской территории и соседних государств Персии и Афганистана, и будут рассматриваться Правительством Ее Величества, как предпринятые лишь для обеспечения мира и правопорядка.

Вы не разъяснили в каких-либо деталях, в чем будут заключаться эти действия, и поэтому Правительство Ее Величества не может выразить о них своего мнения; но в соответствии с инструкцией, которую я получил от Лорда Гранвилля, имею честь передать Вашему Сиятельству надежду Его Сиятельства, что ближайшая возможность будет использована для сообщения Правительству Ее Величества тех предложений, которые русское правительство может выдвинуть для обеспечения [гарантий] от осложнений, которые могут возникнуть в результате дальнейшего расширения русских владений в направлении границы Афганистана.

Пользуюсь возможностью для того, чтобы засвидетельствовать... и т.д.

№ 4

Экспедиция Императорского Русского Географического общества в Центральную Азию под руководством капитана В.И. Роборовского в 1893/95 гг.

В 1893 г. Императорское Русское Географическое общество вслед за экспедицией Г.Н. Потанина снарядило другую экспедицию с целию ознакомления с неизвестными еще странами Центральной Азии и связи съемкою и астрономическими пунктами путей путешественников, направлявшихся внутрь Китая с моря, с путями двигавшихся туда с запада.

Это предприятие было поручено Штабс-капитану В.И. Роборовскому, два раза сопутствовавшему в путешествиях покойному генералу Н.М. Пржевальскому и последнюю экспедицию генералу М.В. Певцову. Под руководством таких опытных и замечательных людей, которым Роборовский был ближайшим сотрудником, он приобрел необходимые для путешествий знания и личный опыт.

Помощниками его были назначены: поручик П.К. Козлов, тоже сопутствовавший покойному Пржевальскому в его четвертом путешествии и генералу Певцову вместе с Роборовским; и учитель Каракунузской (в Семиречьи) дунганской школы П.Ф. Ладыгин, прекрасно знакомый с языками: китайским, манджурским и наречиями тюркского.

Из нижних чинов, составлявших конвой, экспедиции, было четыре солдата и четыре казака. Из них четверо уже участвовало в путешествиях генерала Пржевальского и генерала Певцова; кроме того наемный препаратор и работники в помощь нижним чинам.

Роборовский решил обследовать предстоящие его посещению страны, не движением вперед линейным, а, по возможности обширны-

ми площадями, делая разъезды из устраиваемых станций и складов, на которых устраивались пункты астрономических наблюдений, к которым привязывались съемки боковых разъездов, совершаемых Роборовским и Козловым, бравших в свои разъезды по одному человеку и, если удавалось, то туземца, который всегда служил не проводником, в кои зачислялся, а простым работником, ибо почти все они не отличались сведениями, необходимыми для проводника, и разъезды доверялись лишь опыту путешественников и бусоли. Такие поездки продолжались дней 20–30 и более и делались петли до 800 верст. Ладынин и препаратор – на лагерях или складах для приема и разнообразных сборов в ближайших окрестностях.

Экспедиция, снаряженная необходимыми им научными инструментами и различными препаратами для разнообразных коллекций, исполненная решимости и энергии на предстоящую трехлетнюю борьбу, в количестве 14 человек с проводниками, при 18 лошадях, 35 вьючных верблюдах, 2 собаках и 35 баранах, сердечно напутствуемая горожанами, простившись с европейской цивилизацией и родиной, выступила 15 июня 93 г. из г. Пржевальска на восток в прекрасные горы Тянь-Шаня, изобилующие вековыми лесами и кормными долинами. Прошла р. Текесом, среди мирного кочующего Каимакского населения. Несколькими перевалами от 12 до 14 тыс. футов а.в. [абсолютной высоты], пришла на Большой Юлдус, представляющий собою обширные и травянистые болотные пастбища обитающих здесь торгаутов. Местностью, непройденною еще европейцами, по р. Хайдык-Голу достигла низовьев ея, выбегавших из гор, сдавливающих ее восточнее Б. Юлдуса и носящих название Долын-добонг (70 перевалов) – они представляют собою утомительный путь. Б.Юлдус замечателен своими лошадьми-иноходцами, представляющими ценность у кочевников.

На меридиане западного берега оз. Баграм-Куля, не доходя до него, экспедиция вступила снова на верховья р.Алго, с прекрасною тополевою растительностью и травами по дну ее неширокой долины, населенной калмыками, кочующими со скотом. Р. Алю вывела экспедицию в сел. Имяилик через Токеут в Люк-чун Турфанского округа, расположенного у южного подножия Тянь-Шаня, у подошвы высочайшей горы Богдо-Ула. Местность эта представляет собою замечательную котловину, заслоненную с юга Хр. Чоль Таюм, с севера Тянь-Шанем, с востока песками Кули-тага а с запада – долиною р. Алю, и падающею ниже уровня океана на 102 метра. Длина ее с запада на восток до 150 верст, и ширина до 50-70 саж. Она представляет собою глинисто-солончаковые пространства, короткие местами каменисты, орошаемые несколькими речками, бегущими с Тянь-Шаня, а главным образом, каразами, искуственными подземными каналами, выводящими воду от подножий гор в удобных местах, где и скучиваются туземцы тюрко-монголы Чашну, магометанского вероисповеда-

ния, занимающиеся земледелием и садоводством; особенно славится хлопок, достигающий роста человека и виноград в селе Туёк. Вблизи гор Люк-чука Роборовский устроил первый свой склад и. при нем, метеорологическую станцию, которую снабдил необходимыми инструментами и поселил на нем наблюдателя, обученного предварительно, урядника Николая Шестакова, которого через два года, при обратном движении на родину, экспедиция должна была захватить с собой. Сама котловина была пронивелирована Роборовским в различных направлениях, и снята несколько подробнее съемкою, в масштабе 5 верст в дюйме. В ноябре пор. Козлов с двумя человеками был направлен из Люк-Чюна через пустыню на оз Лоб-Нор и Са-черод. Роборовский с караваном рискнул пройти древней китайской дорогой, теперь покинутой, но более короткой, по направлению г. Пигана и Хами, пролегающей дикой и почти безводной пустыней, страшно изборожденной ветрами чудовищной силы и, потому покинутой китайцами, по приказу одного из императоров. Дорога эта привела экспедицию в село Буга, лежащее на 25 верст южнее г. Хамии на той же реке. Отсюда Роборовский, вдвоем с туземцем, проехали по оз. Шон-нор, принимающее воды Хамийской речки, и ознакомился с дикой пустыней на 100 верст на запад-юго-запад. Из Бугаса экспедиция пошла на юго-восток, теряющейся постоянно древней дорогой; встретила и добыла двух диких верблюдов и, пройдя 150 верст, встретила горы Чоль-тога, засыпанные снегом, и принуждена была свернуть на восток, чтобы выйти на Хамийско – Сачероускую дорогу. Экспедицию донимали в декабре снега, пурги и морозы, переходящие 25 градусов Цельсия. Перейдя эту неприветливую пустыню, путешественники в начале января 1894 г. прибыли врознь [?] в Сачжоу. Козлов присоединился 28 января. С Лоб-нора он прошел в Сачжоу интересной дорогой давно неиспользуемой никем, и был первый европеец, посетивший после путешественника Марко Поло, прошедшего ею за 6 веков ранее. Козлов добыл 4 верблюдов.

Из Сачжоу Роборовский внедрился в пустыню на 180 верст к северо-западу. Затем другими разъездами в 600 с лишним верст, проследив оба склона Западного Нань-Шаня (Анесибар-ула) на 250 верст к Лоб-Нору, встретив интересные озера.

Козлов совершил поездку на восток, до Юй-МыньСяня, и ознакомился с северными склонамим Нань-Шаня и с нижним течением р. Сулий-Хэ.

12 мая экспедиция, оставив часть багажа и собранные коллекции на хранение китайским властям, отправилась в горы Нань-Шаня и, в течение периода до Октября, обследовала его довольно подробно, от меридиана Са-Чжоу до оз Куку-нора. Идя долиною Шарагольджи (р. Данг-хэ) на юго-восток восток, она устраивала 4 продолжительных (около 30 дней и более) склада, из которых Роборовский предпринимал поездки на юг, для обследования хребтов Гумбольдта, Риттера,

Южно-Кукунорской и др. неизвестных и на востоке, до Куку-нора, чтобы проследить и выяснить бассейн р.Бухайна. Козлов из тех же пунктов делал разъезды к северу.

В Наньмане найдено неизвестное до того озеро до 200 верст в округе, соленое, на высоте 13 тыс. ф[утов] а[бсолютной] в[ысоты]. Экспедиция встречала огромные стада диких яков, антилоп, табуны кучанов, много арголи, медведей, волков, лисиц, зайцев, моралов, кабаргу и др. Лесов нет; попадались только в восточной части, в области оз. Куку-нора. Луга альпийские везде встречаются довольно харошие. Золота в горах много, гл. обр. в Северном Нажо-шанду, где добывается алчными китайцами первобытными способами. В западной части гор кочуют Цайдашские монголы, в восточной – Куку-норские тангуты, гроза монголов, которых они грабят и убивают нещадно. Те и другие единоверцы буддисты. Перевалы в Нань-Шане многие проходят 14 тыс. ф[утов] а[бсолютной] в[ысоты]; большинство переходимы. Много снеговых групп; замечательна в восточном хребте Риттера Чурбу-чу-чин шараигын. Долины приподняты на 10-13 тыс. ф[утов] а[бсолютной] в[ысоты]. Климат убийственный: в течение всего лета выпадает снег и снеговая крупа, одевающие белым покровом землю; вода, оставленная на ночь в посуде, почти постоянно замерзает; растения, бабочки и др. насекомые оживают только к 9-10 ч. утра.

В октябре экспедиция спустилась из гор на юг, в сев. Цай даше, в Курлык. Жители занимаются скотоводством и торговлей, потому что живут на дороге богомолов, путешествующих с севера в Лхасу. В Курлыке Роборовский оставил всех верблюдов, излишние вьюки и 4 нижних чина для присмотра. Он снарядил караван на яках и взяв с собою Козлова, Ладыгина, препаратора и других 4 нижних чинов направился через Цайдам в Сы-Чуань. В Цайдаме, по р. Баин голу шел до Кумирни Шаир-ди, откуда впереди лежащие снега заставили сделать обход горами к сев. востоку и потом к юго западу, выведший на оз. Тохо-нор, лежащее на 13 тыс ф[утов] а[бсолютной] в[ысоты]; далее достигли оз. Кара-нор, лежащее на той же высоте, экспедиция медленно продвигалась вперед, по причине постоянной потери яков, не переносивших холодов, бурь и бескормицы, достигла р. Чуршинка и Хр. Ашко-илагина. Здесь, среди недружелюбных разбойничих тамгуопских племен, экспедиция поднималась до 17 тыс. ф[утов] а[бсолютной] в[ысоты]. Такия высота причинила несчастие экспедиции: при посещении высоких местностей Роборовский всегда страдает кровотечением из носа, но в настоящем случае, при тридцатиградусном морозе, сосуды, близкие к поверхности носовой полости, так сжались, что не дали возможности проникнуть через них крови, и она нашла выход в головной мозг, куда и излилась, вследствии чего Роборовский лишился способности движения всей правой стороны и пролежал в таком состоянии 8 дней. Движение вперед представлялось немыслимым. Решено поворотить в обратный медленный путь. 13-го февраля на

р. Чурмене, собравшиеся тангуты трех Хошунов, в количестве свыше 200 человек, решились днем пограбить караван и залпами открыли огонь, но были отбиты, потеряв до 50 человек раненными и убитыми. У путешественников пострадала от их выстрелов лишь одна палатка. 25 марта экспедиция была уже в Курлыке, откуда склонами южного Нань-Шаня передвинулась в Ур. Сыртын. По дороге Роборовский съездил в Махай за 200 врест. В первых числах августа прибыла в Сач-чжоу, через Хассийскую пустыню, при сильных жарах пришла в Бугас. Отсюда Козлов поспешил через Хами, восточную оконечность хребта Тянь-Шаня и 12 сентября в Мок-ион древней галечной дорогой. От сел. Кара-тюбе до кол. Сарык-камыш, Козлов описав дугу к оз. Шона-Нору; от Сарык-камыша Роборовский отделился от каравана к юго западу вглубь пустыни и через сел. Дыгой пришел в Люк-Чунг. Караван прибыл на другой день. Ровно два года вел свои наблюдения и записи, на устроенной станции в Люк-Чуне урядник Шестаков; прожил все это время среди туземцев, не имея все время никаких сведений о родине и не имевший ни одного случая дать о себе вести.

Караван пробыл в Люк-Чуне некоторое время. Козлов с 1 казаком был выделен и направлен через Тянь-Шань на Гучен, поперек Джунгарии на р. Урумчу, мимо оз.Улюнгура, и через Хр. Саур в Зайсан.

Роборовский с караваном прошел через оч Турфан, Урумчи, Манас и, по меридиану, к северу до р. Кобука; затем через Тарбогатай, Маирака, в Зайсан в конце ноября.

Результаты, достигнутые экспедицией следующие: 16000 верст съемки пройденных путей в масштабе 10 верт в одном дюйме; свыше 30 астрономических пунктов, кроме повторительных; наблюдения метеорологические и барометрические за все время путешествия исследованы фауна и флора, пройденных местностей; много фотографических снимков. Коллекция естественно-исторические: 250 шкур и 30 скелетов млекопитающих; 1200 яиц птиц; 450 экз. присмыкающихся и рыб; 30000 насекомых; 1300 видов растений (25000 экз.); 300 видов семя культурных и дикорастущих; свыше 300 №№ горных пород и почвы; множество распросных сведений всякого рода. Результаты работ в течении 2 лет на Лю-Чунской метеорологической станции (в отрицательной низменности)[2].

№ 5

Полный аналитический обзор деятельности Конолли и Стоддарта в Центральной Азии[3]

В 1838 году Английское Правительство, желая иметь верные сведения о политическом состоянии Туркестанских владений, прилежащих к Афганистану, отправило подполковника генерального штаба

королевской службы Чарлса Стоддарта в Бухару. Стоддарт, обративший на себя внимание покойного короля удачным исполнением возлагаемых на него поручений в Новой Голландии, Зеландии и Канаде, был помещен по личному желанию короля, господином Эллисом, военным секретарем вверенной ему миссии, с коею прибыл он в Персию и оставался там неотлучно до 1838 года. В последнее время занимался он обучением персидского войска, что и дало ему повод сопровождать шаха в поход противу Герата, где он находился во все время осады; при окончании ее, когда господин Мек-Ниль решился оставить лагерь Шаха, он получил от него инструкцию, 1000 Бухарских тилль (14350 рублей ассигнациями) и предписание ехать чрез Мейману в Бухару, с тем, чтобы пробыв там 3 месяца возвратиться в Лондон либо чрез Россию, либо чрез Индию. Тайной целью миссии состояла, сколько мне кажется, в том, чтобы, как мы выше заметили, узнать настоящее положение Среднеазиатских владений, близких к Афганистану, видимая же цель состояла, во-первых, в склонении владетеля Меймана Мизроб Хана, прекратить торг персидскими невольниками и во-вторых, освободив русских пленных, заключить с Бухарским эмиром дружеских трактат. Первое ограничилось неуспешными представлениями с его стороны, как самому Мизроб Хану, так и сыну его, главному начальнику отрядов, разоряющих северо-восточные границы Персии; второе же удалось еще менее. Он прибыл в Бухару 2 дня до праздника Рамазана; ему выслали Михмандара и отвели небольшую квартиру подле дома Махзум Берды Реиса, бывшего тогда первым сановником Ханства. Стоддарт почел нужным немедленно по прибытии, съездить к Реису, для передачи ему писем, данных ему Мек-Нилем на имя Хакима Куш Беги, известие о падении коего еще не достигло Герата во время отправления Стоддарта; это весьма оскорбило Реиса, однако он принял письма, хотя холодно, но довольно учтиво; на другой день Стоддарта снова потребовали к нему; но он отозвался, что не может на это согласиться, пока Реис сам не посетит его, как этого требуют обычаи его отечества; Мохзум Берды немедленно к нему приехал, но тут тон его сделался уже гораздо грубее, потому что первое слово его было: знает ли Стоддарт, что он убил всех врагов Эмира, желая тем дать почувствовать, что и ему легко подвергнуться той же участи, если он попадет в эту категорию. Следующий день, т.е. в первый день Рамазана, Михман Дар объявил Стоддарту, что Эмир желает его видеть и что ему надобно будет приехать на Регистан и там, спешившись ожидать прибытия Эмира из мечети; Стоддарт от этого положительно отказался, заметив, что таких знаков почтения в его отечестве не оказывают и своему Государю и что следовательно он не может этого исполнить, что он скорее решится идти пешком на Регистан; а раз уже он доедет туда верхом, он добровольно не сойдет с лошади перед Эмиром. Михмандар доложил об этом Реису и возвратился с разрешением сего последнего отпустить Стоддарта на встречу к Эмиру вер-

хом; таким образом он отправился в сопровождении небольшой свиты, привлекая всеобщее внимание своим красным мундиром, а еще более тем, что он въехал на Регистан, один из всех находившихся там, остановился ожидать верхом проезда Эмира. Эмир, возвращаясь из мечети, долго смотрел на Стоддарта, который держал все это время руку, приложенную к шляпе, не оказывая никаких других знаков почтения.Эмир, лишь только въехал во дворец, послал к нему Мяхрема спросить у него зачем он не сошел с лошади, и Стоддарт опять заметил, что это не английское обыкновение и что он не хочет и не может отступить от него; в ответ на это Эмир приказал ему сказать, что он очень им доволен и просит его к себе. Стоддарта привели во дворец и поставили в корридоре, ведшем в арзя хане, заставив его здесь подождать довольно долго. Эмир выслал к нему Шихаула (церемониймейстера) для введения в приемную залу; по узбекскому этикету обыкновенно два человека поддерживают под локти того, кто представляется Эмиру; но Стоддарт вообразил, что здесь, подобно тому, как некогда существовало в Турции, представляемого быстро подводили к Султану и, преклонив его, заставляли целовать руки его, решился во чтобы то ни стало спасти подполковника of the Royal Staff от такого унижения и, оттолкнув своих вожатых, рванулся вперед, но тогда Шихаул бросился на него и стал ощупывать его грудь, вероятно подозревая, что Стоддарт имеет при себе какое-нибудь оружие, могущее быть опасным Правителю Правоверных, освободившись от этого досмотра силою же, Стоддарт вошел к Эмиру.. Здесь сделал он новую неловкость по причине незнания придворных обычаев благородной Бухары; обыкновенно при выезде Эмира из дворца или при въезде его в оный, равно как при следовании его по улицам и при представлении ему нового лица, все присутствующие мусульмане, по возгласу Шихаула, или одного из Удайги – «молитесь об Эмире», начинают кричать краткую молитву в честь правителя правоверных, Стоддарт же понял, что слова молитвы об Эмире относились к нему, и, протянув руки перед собою, по мусульманскому закону, стал причитывать Эмиру все возможные блага. Наст-Улла, несмотря на весь комизм этой сцены, выслушал молитву его с большим вниманием, с произнесением при окончании оной «Аллаху окбарь», погладил свою бороду и принял от Стоддарта письмо; сей последний воспользовался этим случаем, чтобы довести до сведения Эмира, что кроме письма у него есть и словесные поручения, для сообщения коих он будет ожидать приказаний его. Насер Улла сказал ему, что об этом он поговорит с ним после, теперь же приглашал его отдыхать от дороги; конец этого дня и почти весь слудующий Стоддарт занимался собранием сведений о числе русских невольников, об их именах и месте жительства.

Вечером второго дня Рамазана, Михман дар объявил Стоддарту, что Реис желает его видеть, чтобы ему сообщить кое-какие приказания Эмира, он хотел было одеваться, т.е. переменить сюртук, бывший

на нем, на мундир, но Михмандар заметил ему что это будет лишняя потеря времени, которая огорчит Реиса, потому что тот спешит в Кагатан для встречи русского каравана, вследствии чего Стоддарт [пошел] к Реису как был; войдя во двор, находившийся перед Михман Хане (гостинной), он заметил там с некоторым удивлением присутствие 12 человек, видимо смущенных; но удивление это скоро дало место страху, когда он почувствовал, что они бросились на него и схватив его за плечи сзади, связали ему руки, повалили на пол и крепко держали, чтобы он не мог пошевелиться; в это время двери Михман Хане растворились и оттуда вышел Реис, с большим ножом в руках, Стоддарт, думая, что последний час его пробил, произнес по-персидски «да прости Вам Бог ваши грехи» и спокойно ожидал смерти. Реис подошел к нему и, уперши острие ножа в грудь его, долго стоял, не произнося ни одного слова и не покидая его глазами; наконец он стал его бранить, называя: шпионом, человеком, хотевшим купить Бухару, и т.д., потом еще раз грозился убить, несколько раз замахивался ножем и, ничего не сделав, приказал его унести. Когда Стоддарта вынесли, было уже совершенно темно, сырая дождливая погода, молчаливое шествие людей, его несших, по пустынным улицам, свет факелов, взятых некоторыми из его провожатых, все это вместе, по собственному его признанию, навело на него такой ужас, что он стал просить, чтобы его лучше зарезали здесь, на улице, что это для них все равно, а его избавят они от лишних мучений; Бухарцы засмеялись и сказали «ты верно знал, что тебя не убьют, а то бы не был так спокоен»; это действительно его несколько успокоило, но не надолго, потому что скоро они принесли его в совершенно темную комнату и, бросив на холодный каменный пол, вышли и заперли двери несколькими замками. Не прошло 2-х часов, как Стоддарт услыхал, что дверь его темницы открылась, вошел человек, тщательно закрывавший лицо свое халатом, в сопровождении нескольких других, несших зажженые сальные свечи, и сел против него на маленьком возвышении. Большие черные глаза вошедшего и сходство в росте, дали Стоддарту мысль, что это был сам Эмир; тем более он склонен был это думать, что все присутствовавшие относились к вошедшему с полузакрытым лицом, с большим раболепством; Стоддарт, приподнявшись кое-как, стал на колена, потому что совершенно подняться не мог и начал ему говорить, что он сделал дурно, заточив человека, приехавшего к нему с дружелюбными предложениями, что если бы он не хотел его принять, то лучше воротил бы его с дороги; а если опасался его по приезде в город, то приказал бы ему немедленно выехать и т.д. Молчаливый пришелец выслушал внимательно речь Стоддарта и, открывшись, сказал: «хорошо я передам слова Ваши Эмиру», и вышел, оставив его в недоумении, кто это был и зачем приходил к нему; впоследствии же узнал он, что это был Мир-Шаб, подосланный Эмиром, чтобы узнать, какое действие имело распоряжение его над Стоддартом. В ту же ночь пере-

несли его в «захдони ломки»[?], состоящее, как мы имели случай заметить в описании Ханства, из сухого колодца сажени в три глубиной, на дно коего опускают преступников и через то же отверстие подают им хлеб и воду. Тут нашел Стоддарт трех человек, посаженных сюда за кражу и разбой, из коих один сидел тут уже несколько лет. На другой день после заточения его в яме, спустился туда палач с приказом Эмира убить его, если он не примет мусульманство, и он решился его принять, думая, что это сколько-нибудь облегчит его положение[4]; но оно от этого нисколько не улучшилось, более двух месяцев провел он в этом подземелье, и оно оставило ему о себе вечное воспоминание, поразив тело его ужасными ревматизмами; оттуда был он перевезен к Мир-Шабу и содержался под строгим караулом, тут Эмир посылал к нему мулл для наставления его в Законе и тут же узнал он, что все вещи его отняты Эмиром, бумаги большею частью уничтожены, а инструменты и платья проданы, и что причина его заточения была та, что Реис уверил Эмира в подложности представленных им писем и в том, что он приехал в Бухару для одного шпионства и предательства. В течение 1839 и 1840 годов он был два раза заключаем в темницу, хотя уже не в яму. Первый раз эмир не объяснял причину заточения, во второй же он отозвался боязнью, чтобы не убежал в Хиву, где в это время находился капитан Шекспир, и по просьбе которого Алла Кул требовал выдачи Стоддарта; после третьего заточения Эмир взял его во дворец, поручив надзор за ним Достархаги Абдул Халику. Тут Стоддарт жил несколько повольнее, хотя все-таки находился под строгим присмотром и должен был терпеть обиды от всякого, кто хотел его обижать; это и прежние его страдания сделали то, что несмотря на крепкое свое сложение, он впал в сильную горячку; люди Достерханчи обрадовались, что он не может ходить и, следовательно, не может и жаловаться на них, перестали вовсе приносит ему пищу, и, таким образом, он наверно бы умер с голода, если бы Махзута Джунейт, доктор Эмира, посланный сим последним к Стоддарту, не стал [кормить] его умеренной, но здоровой и всякой день выдаваемой пищей. Более 6 месяцев не мог он оправиться от болезни; наконец он выздоровел и Эмир отдал его на руки Наиба Абду Самята. Здесь Стоддарт, как сам он признается, был свободнее чем где-либо; потому что Наиб, конечно, за деньги, доставил ему возможность писать в Кабул и получать ответы; но и тут жизнь его была несколько раз в опасности, потому что он замечал неоднократно, что Наиб хотел его отравить; но удерживался от этого надеждами, которые Стоддарт ему подавал на новые денежные выгоды. В эту эпоху Эмир, по-видимому, совершенно помирился со Стоддартом, беспрестанно оказывая ему знаки своего внимания, т.е.: заставляя наводить для себя амальгаму на зеркала, делать термометры, выдумывать свечи, горящие без дыма и т.д.; даже при отправлении Муллы Муким Бия, он спросил его, не хочет ли он ехать в Россию, впрочем трудно думать, что вопрос этот был чистосердечен,

потому что Эмир скоро изменил свое желание, получив от Стоддарта странный ответ, что он с охотою поедет, но в таком случае Английское правительство не почтет себя удовлетворенным [Последняя фраза в документе отмечена на полях рукописи красной чертой. – *А.П.*]. Сверх того в это время Эмир получил письмо из Константинополя с печатью Султана Абдул Меджида, в котором султан склонял его к освобождению Стоддарта и к отправке его в Константинополь; все обстоятельства вместе взятые побудили Эмира написать Английской королеве письмо, в котором он, как я слышал, спрашивал примирится ли она с ним, если он освободит Стоддарта. В 1841 году, когда письмо, писанное нами с Сыр-Дарьи визирю Абдул Калику, пришло в Бухару, Эмир громогласно говорил всем, что он отпустит Стоддарта и русских пленных с русским посланником, и в самом деле, вскоре после нашего приезда он возвратил Стоддарту книги и некоторые из вещей его, например, шпагу, треугольную шляпу и т.д. На другой день после моего отъезда из Бухары, т.е. 37 августа, подполковник Бутенев имел в первый раз случай видеть Стоддарта у Наиба, и вскоре затем были переданы ему письма, отправленные с нами на его имя, когда же Эмир поехал в поход против Кокана, то приказал Стоддарту явиться к русскому посланнику и жить у него, Достарханчи хотел было этому воспрепятствовать и оставить его у себя, и когда Мирза Зекерия, бывший тогда старшим закятчи, потребовал его вечером того дня во дворец, он побледнел и почти со слезами на глазах просил господина Бутенева не отпускать его, говоря, что его там убьют; господин Бутенев старался его успокоить и для большей верности отправил с ним во дворец переводчика Миссии, коллежского регистратора Костромитинова, приказав ему не выезжать из дворца пока ему не отдадут Стоддарта; твердое поведение господина Костромитинова и неосновательность желания визиря было причиною, что господин Стоддарт был возвращен и находился в доме Миссии до 30 октября, когда по просьбе Наиба Эмир приказал ему снова отправиться на жительство в Азизабад, где был помещен и соотечественник его Артур Конолли.

Артур Конолли поступил на службу Индейской Компании в 1830 году [отмечено на полях красной чертой. – *А.П.*] в 21-ый полк легкой Бенгальской каваллерии; совершив пред тем путешествие из Лондона в Калькутту через Россию, где он имел счастие представляться Государю Императору на параде, бывшем по случаю заключения мира с Турками; через Персию и Афганистан в Кабул пришел он с английскими войсками, и в конце 1840 года был отправлен в Хиву, вместе с афганским посланником, коему было поручено передать поклон Шаха Суджи, Алла Куян Хану. Истинная цель его поездки состояла вероятно в желании Английского Правительства поддерживать сношения, начатые капитанами Абботом и Шекспиром, равно, как кажется, ему поручено было узнать, чистосердечно ли отказалась Россия от повторения Хивинской экспедиции после выдачи пленных, или это ма-

ска, скрывающая приготовления к завоеваниям. Нам же Конелли говорил, что он послан был посредником между хивинцами и персиянами в деле о выдаче пленных, и, хотя ни та, ни другая сторона не просила посредничества англичан, они, по словам Конолли, решились это сделать сами от себя, понимая, как важно для них спокойствие Туркестана. Бухарские купцы, проведшие зиму с 1840 на 1841 год в Хиве, сказывали мне, что Конолли склонял хивинского хана на войну с Эмиром [подчеркнуто красным цветом. – *А.П.*] для того, чтобы освободить Стоддарта; впрочем это так невероподобно, что я привожу это мнение только потому, что оно некоторым образом имело влияние на судьбу его в Бухаре. Успех его в Хиве был ничтожен, хан не согласился на его совет выдать персиян и, как сам Конолли говорил, он остался доволен и тем, что с ним обращались вежливо и не мешали ему делать что он хочет. Весною 1841 года отправился он в Кокан в сопровождении хивинского посланника; тут уже кажется он решительно не имел никакого поручения, кроме того, чтобы собрать сведения о прилежащем этому ханству Китайском Туркестане, Хивинский же посол ездил к Мухаммяд Гали с требованием уступки половины Ак-Мяеджиди, по крайней мере так говорили Киргизы на Куван Дарье; сам Конолли объясняет свою поездку тем, что он встретил в Хиве одного значительного Коканца, с которым он познакомился еще в Константинополе, куда тот был отправлен посланником от Муххамяд Гали, и который пригласил его посетить свое отечество. Татарские купцы, находившиеся в Ташкенте во время проезда Конолли чрез этот город, сказывали нам, что Мяшкарь Кушь-Беги, правивший тогда этим городом, оказал ему самый ласковый прием; но в Кокане его приняли довольно сурово, сначала заперли его в особом, для него отведенном доме и впоследствии, хотя и позволяли выходить, но содержали его под строгим присмотром. Когда он узнал о намерении Бухарского эмира идти войною на Кокан, то он решился испросить у него позволения проехать в Афганистан через его владения; главная же цель его была, как кажется, сменить Стоддарта в Бухаре, в отпуске коего с нами никто не сомневался, и о чем, вероятно, сам Стоддарт ему писал. Стоддарт сообщил письмо Конолли Эмиру, и тот, давно желая иметь его в своих руках, потому что он, кажется был вполне уверен, что Конолли ездит во враждебные ему государства, чтобы восстановлять их противу него; прислал к Стоддарту в день своего отъезда в Кокан иниат намя на имя Конолли и другое на имя Джизахского Губернатора, в первой, он приглашал весьма благосклонно Конолли приехать в Бухару, а во второй он предписывал встретить его как посла и употребить все старания, чтобы первое из этих писем, несмотря на дурные отношения бухарцев с коканцами, достигло рук Конолли. Джизахский губернатор должен был обещать свободу одному из своих персидских невольников за верное доставление письма Эмира к Конолли, который, таким образом, получил его и немедленно стал тре-

бовать у коканского хана позволения выехать из его владений; пять раз Муххамед Гали позволял и запрещал ему это сделать, наконец в шестой разрешил его отпустить, но с тем, чтобы Конолли ехал на Ташкент, а не на Ходженд, боясь, что он увидит дорогу, по которой Эмир должен следовать к Кокану, и может быть полезен сему последнему советами. Таким образом Конолли чрез города Туркестан и Ташкент приехал в Джидзахчи, откуда написал Стоддарту письмо, спрашивая совета, что ему делать, и уведомил Эмира о своем прибытии в его владения. Эмир приказал ему явиться в свой лагерь в Ходжент, и Конолли немедленно туда отправился, но там уже не застал эмира и потому должен был следовать к местечку Мяхрем. Эмир, по приезде его в лагерь, потребовал его к себе, заставил ждать себя два часа, сидя на голой земле в особо поставленной палатке, и объявил взаключении всего, что не хочет его видеть и приказывает ему отправиться в лагерь к Наибу Абу-Самяту и следовать с сим последним в Бухару, куда он и прибыл 28 октября 1841 года. Стоддарт, находившийся тогда еще у нас, видя, что Конолли к нему не заехал и, получив от него извещение, что в этом помешал ему Наиб Абу Самят, заметив, что это будет совершенно противно узбекским обычаям и, следовательно, весьма не понравится Эмиру, просил господина Бутенева, чтобы он, со свей стороны, сделал какое-нибудь представление, дабы доставить ему случай видеться со своим соотечественником; вследствии чего господин Бутенев поручил мне передать просьбу господина Стоддарта визирю для сообщения Эмиру, что и было на другой день исполнено, и визирь обещал не замедлить присылкой ответа Эмира. Между тем Наиб, будучи весьма недоволен тем, что Стоддарт, находясь у нас, совершенно устранен от его опеки, воспользовался просьбою Конолли о выхлопотании ему позволения свидеться со Стоддартом и убедил Эмира перевести Стоддарта на жительство к нему, вместе с Конолли. В это время по Бухаре пошли слухи самые невыгодные для Конолли, например, на другой день после его приезда был у нас секретарь Эмира Миргасадык и сообщил мне, под видом глубочайшей тайны, что Конолли непременно попадет в беду и что его посадят в темницу; несмотря на это, 30 октября, т.е. в тот самый день, как Стоддарт от нас переехал к Наибу, я встретился случайно с Эмиром во дворце и он, разговаривая со мною, обещал сам от себя непременно отпустить Стоддарта с нами в его отечество, и вообще невозможно было заметить в нем ни малейшего сердца противу англичан. 3 ноября он в первый раз позвал Конолли к себе и, хотя лично с ним не говорил и не видался, но спрашивал его через Шихаула, зачем он приехал, что намерен делать и есть ли у него письма; на другой день он снова потребовал его и вместе с ним Стоддарта к себе и приветствовал их фразой, что таких Кафиров, каковы Инглизы, свет начинает узнавать только теперь; после этой милостивой аудиенции, они получили разрешение ехать к нам, но и тут, для большей безопасности от их действий, «исполненных

соблазна», как выражались бухарцы, им придан был шпион из Мяхрамов. Конолли благодарил Бутенева и всех чиновников нашей миссии за расположение, которое они оказывали Стоддарту во время его пребывания у нас и просил настаивать на том, чтобы его скорее отправили, и отправили бы через Россию, хотя Эмир, говоря с ним, спрашивал, не лучше ли его послать через Персию, и что это тем более будет приятно для Английского Правительства, что докажет всей Азии дружбу, существующую между нашими державами и даст может быть случай Стоддату личто благодарить ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА за милостивое участие, оказанное ИМ к судьбе его. 8 и 10 ноября господин Бутенев имел совещание с Эмиром, и тот многократно подтверждал готовность свою отпустить с нами Стоддарта, впрочем до 16, или 17 в судьбе англичан не произошло никакой перемены; около этого же времени слухи о худом окончании пребывания Конолли в Бухаре усилились и, вероятно вследствии этого Наиб, не желая, чтобы опала эта застала их у него в доме, причем и самому ему легко было бы подпасть гневу Эмира, представил ему, что для него обременительно содержание их на свой счет и просил его приказать отвести им квартиру в другом месте. Эмир на это согласился и велел визирю поместить их в доме Муххаммяд Шерифа Топчи Баши и отпускать им в день по 3 тилля. 20 ноября он призвал их к себе и стал упрекать Конолли в том, что он приехал к нему без писем и, вероятно, только для того, чтобы разузнавать Бухару и потом привести сюда войска; но, прибавил он, я посажу вас в тюрьму, и тогда пускай ваши посылают сюда солдат, вы увидите, что Узбекистан завоевать не так легко, как Афганистан; Конолли заметил ему, что он таким мнением обижает Английское Правительство, что если он приехал к нему, то это единственно потому, что ему не было другой дороги для возвращения в отечество и что Английское Правительство так сильно, что не имеет причины действовать обманом и, когда представители его уверяют Эмира в дружбе, то он должен быть уверен, что они излагают искренние мысли своего правительства; впрочем слова эти мало подействовали на Эмира и он, окончив аудиенцию свою в том же тоне, как и начал, отправил их к Шихаулу, где они, по собственному своему признанию, привезли Стоддарту письмо от Лорда Пальмерстона, в ответ на то, которое Эмир послал Королеве в 1840 году. В нем Лорд Пальмерстон предписывает Стоддарту сообщить Эмиру, что Королева желает забыть неудовольствия, возникшие между ними по поводу задержания ее подданного и что с отпуском Стоддарта должна восстановиться дружба между Англией и Бухарой, для поддержания коей Королева приказала Губернатору ОстИндских английских владений, как ближайшему к Бухаре доверенному лицу Правительства войти в сношения с Эмиром посылкой к нему агента. Стоддарт сообщил это письмо в подлиннике Эмиру и перевел его письменно по требованию сего последнего; вначале он принял этот ответ довольно благосклонно, потом же объ-

явил англичанам, что он им не доволен, потому что это писал визирь, а не Королева и что оно писано по-английски, а не по-персидски, что и заставляет думать, что смысл его выдуман ими самими; с тех пор отношения их становились все хуже и хуже, особенно после того, как пришло известие о побиении англичан в Кабуле и о смерти Бернса. 4 декабря он приказал Афганскому послу выехать из Бухары, а через неделю после того велел его задержать в Карши и, воротив в Бухару, посадил его в тюрьму; а 8 декабря 1841 года, призвав Стоддарта и Конолли во дворец, посадил их под караул в доме топчи-баши; вещи их были распроданы на базаре, а бумаги и книги, писанные на Европейских языках, были сожжены. Долго не имели мы о судьбе их положительных сведений, наконец, дней 45, или 50 после их заточения им удалось переслать господину Бутеневу письмо, в котором они описывают ужасное свое положение, требование, чтобы Конолли дал за себя 2000 тилль выкупа, от чего он, равно как и от принятия мусульманской веры, предлагаемой ему Эмиром, решительно отказался; в этом же письме сообщали они, что нашли случай писать из темницы господину Мек-Нилю в Тегеран. При прощании визирь объявил господину Бутеневу, что Эмир по благосклонности своей Англичан не отпускает с нами, ожидая положительнейших сведений из Кабула и ответа на новое письмо, которое он направил через Мешед Королеве. Это, очевидно, причины пустые, главная же цель его, сколько мне кажется, состоит в том: чтобы продержать их несколько времени у себя в виде аманатов [заложников] на случай каких-нибудь враждебных действий англичан противу Бухары, и когда он успокоится на этот счет, то нет сомнения, что он их умертвит, чтобы они не смогли рассказать своим соотечественникам, что видели и что терпели у него в плену.

Титулярный советник
Ханыков.
7 августа 1842 года.

№ 6

Галлерштайн, Августин. Неизданные письма из Китая (приложение к книге «218 случаев обмана, извлеченных из диссертации отца Бенедикта Четто "Об обманах китайцев"») (Буда, 1781): XXXIII-XLV[5]

Письмо 4.

Отправка из России в Пекин посланника ради определения границ и прояснения вопроса, могут ли российские юноши приезжать для проживания в Китай с целью изучать там язык. помощь миссионерам, оказанная на средства Петербургской академии. О том, какова

у китайцев религия придворных, властей и ученых. О том, сколько раз в год, где и в какое время Император приносит жертвы небу. Немного об особенностях корейцев.

Датировано 13-м сентября 1755 г., получено мною в Брюсселе 28 сентября 1757 г.

Как я хотел бы, чтобы Вы, Ваше Преподобие, получили бы как можно скорее и мои прошлогодние письма, и это письмо! Оно тоже пойдет через Сибирь и Россию. Доставивший его – это человек, которого сюда посылали от Петербургского двора ради определения границ [между Россией и Китаем] и для выяснения вопроса, можно ли будет сюда послать шесть русских юношей, чтобы они жили и учили китайский, а точнее татарский[6] язык. Ему удалось получить на это разрешение. Я передал с этим человеком письмо господину графу Кириллу Разумовскому, президенту Петербургской академии, который в своем любезнейшем письме ко мне предложил, чтобы мы все письма, которые только захотим послать, отправляли бы через Россию. Он добавил: *Я хотел бы, чтобы Вы не сомневались в нашем желании оказать Вам услугу*. И действительно, эта любезность мне оказалась как нельзя более кстати, потому что тогда в Кантоне не было ни одного корабля, да и в течение всего того года по причине возникшей между французуми и англичанами войны не ожидалось прибытия ни одного судна, на котором можно было бы безопасно переслать эти письма. Тот же, посланный из Петербурга, фамилия его Братищев[7], сообщим, помимо того, что русские выступили против Пруссии.

Даю теперь на вопросы, поставленные Вашим Преподобием, ответ: краткий, ибо посланный через три-четыре дня отъезжает.

(1) Какой религии следуют при китайском дворе, или каким религиозным обычаям, и каковы догмы этой религии? Отвечаю: религия эта – поклонение Небу или его верховному Владыке. Догматы же ее в особенности следующие: надлежит уклоняться от зла и творить благое; как ты хочешь, чтобы с тобой поступали, так и ты поступай с другими; все хорошее и плохое исходит от Неба; не лукавь в своем сердце, ибо высший Владыко следит за тобой; и другие, подобные этим догмы. Едва ли является при том догматом, что следует веровать в Бога, по отношению к которому в классических книгах (как мы их называем) невозможно найти текстов, подобных тем, какие там имеются о Небе или его верховном Владыке. Нет там и текстов, где Небу приписывалось бы нечто такое, чего нельзя было бы приписать Богу, за исключением того, что Верховный Владыка тождествен самому небу, и что небо это материально. Но и эти [два пункта] представляют собой комментарий толкователей, а не текст сам по себе; и когда мы их оспариваем и доказываем противное, китайцы без всяких затруднений соглашаются. Такова религия двора и всей империи, а также императора, поскольку он есть император: в то время как в качестве ча-

стного лица он даже и публично молится и поклоняется некоторым идолам. Далее о загробной жизни в этой религии не говорится ничего определенного. Когда ученик Конфуция спросил у того, что такое смерть, Конфуций ответил: *Если ты не умеешь жить, зачем спрашивать о смерти?* Тем не менее император в своих указах, издаваемых им по ходу его правления, согласно обычаям империи или ради общественного блага, часто использует такое выражение: *Если бы я этого не сделал, или – если я этого не сделаю, то как мне осмелиться предстать перед духами, или – перед душами моих предков, сущих на небе?*[8]

(2) Есть ли кто-либо вне двора, кто исповедует эту религию? Отвечаю: все китайцы придерживаются тех же догматов.

(3) Придерживаются ли те, кого там называют учеными, той же религии, что и придворные? Отвечаю: той же.

(4) Кто является служителями этой религии, и в чем заключаются их обязанности? Отвечаю.

Единственный и исключительный служитель этого культа – император. Его обязанности – в определенные времена года приносить жертвоприношение Небу или его верховному Владыке. День жертвоприношения предваряется трехдневным уединением и воздержанием. Последнее китайцы называют *чжайцзе*, что мы по большей части переводим «пост», но я предпочел бы перевод «воздержание», потомы что это отказ не только от еды, но и от сношений с женщинами. Добавлю, что у императора есть особый дворец или чертог, предназначенный исключительно для этого трехдневного воздержания; император проводит там в этот период по крайней мере ночи. Вельможи, помогающие при Жертвоприношении, проводят эти ночи в присутственных местах, каковые всегда представляют собой огромные здания. При начале ночи этих вельможей посещают два назначенных императором чиновника, чтобы проверить, на месте ли они. Замечу в скобках, что при императоре Канси один из его чиновников обвинил европейца, возглавлявшего Математический приказ, что он не соблюдал *чжайцзе*. На что император отвечал: он лучше соблюдает *чжайцзе* у себя дома, чем вы у себя в приказах. Далее, дни, установленные на каждый год для означенных жертвоприношений суть следующие: день сентябрьского [жертвоприношения]; день зимнего солнцестояния, когда император приносит жертву небу в месте, именуемом *Тяньтан* – Храм неба, (окруженном глухой стеной и расположенном приблизительно на расстоянии половины французского лье от центра города); в день весеннего равноденствияя император приносит тому же небу жертву в месте *Янтань* – Алтарь солнца, в северной части города; наконец в день осеннего равноденствия император совершает еще одно жертвоприношение в том же Храме неба, с целью испросить урожай земных плодов. если весенние дожди запаздывают, там же совершается жертвоприношение, чтобы испро-

сить дождь. В определенные годы производится еще одно жертвоприношенние, перед пахотой, в месте под названием *Сяньнунтань*, Алтарь первых земледельцев. В дни этого жертвоприношения сам император собственными руками берется за плуг, проводит борозду по земле, а после этого засевает ее семенами. Князья и вельможи ему помогают при этом, образуя в то же время хор, воздающий с помощью голосов и музыкальных инструментов хвалу и честь земледелию. По окончании церемонии император приносит жертвоприношение Небу. Место этого жертвоприношения расположено на юге столицы, к западу от Храма Неба. Все эти жертвоприношения совершаются на рассвете, длятся приблизительно по часу и прекращаются с восходом солнца. Ритуала я в точности не знаю; закалывают рыжих и черных быков, произносят молитвы и прошения. Весьма часто император исполняет все эти жертвоприношения собственноручно. Если он не может этого сделать, то отправляет вместо себя какого-либо князя, но всегда предполагается, что жертвоприношение совершено от лица императора.

(5) Имеются ли у китайцев какие-нибудь праздничные дни? Отвечаю: никаких, кроме перечисленных.

Ваше Преподобие спрашивает также, какими известиями мы здесь располагаем из Японии относительно положения там христианской веры? Отвечаю: совершенно никакими. Хотя Япония здесь столь близка, отсутствие известий оттуда столь полное, как если бы ее вовсе не существовало. К нам приезжают легаты из Сиамы, Кохинхины, Тонкина, даже с Рюкую (это острова, расположенные посредине между Филиппинами и Японией); ежегодно приезжают и корейцы; но никогда не поступает даже никаких вестей из Японии. Корейцы говорят, что в ясную погоду видят горы на Японских островах, но в остальном и они о Японии ничего не знают, точнее, будучи лукавейшими людьми в мире, не хотят ничего сказать. Все имеющееся время для разговора они употребляют на то, чтобы задавать вопросы, а из того, о чем их спрашивают, они ни на что не отвечают. Когда они приходят к нам в дом, то (и это каждый раз, когда они приезжают в Пекин) высматривают, где что спрятано; первым делом они просят дать им туши и кисть. Хотя по-китайски никто из них не говорит, они разговаривают с помощью письменных знаков, и задают вопросы. Мы отвечаем на эти вопросы в письменном же виде, чрез посредство кого-нибудь из слуг при миссии. Вопросы же они задают часто из астрономии, и очень умные. Если я прошу, чтобы они оставили мне свои вопросы и чтобы я смог на них ответить вскоре, они не оставляют мне ни единой написанной ими буквы и сами не остаются, но чаще всего потом снова возвращаются. Это люди сильные, мускулистые, хорошо сложенные, хорошие воины; одеваются они наподобие того, как в старину одевались китайцы: иногда в длинные рубахи, иногда в плащи. Китай никогда не мог превратить их страну в свою провинцию, но также и они никогда

не могли освободиться от ежегодной дани. Я написал бы и больше, если бы не боялся, что до окончания письма явится посланник с требованием почты.

Пекин, 6 октября, около полуночи. Год 1757.

Письмо 5

Благодарит за помощь, своевременно оказанную ему господином бароном Энгельсхоффеном. Вкратце описывает военные действия, которые китайский император, вопреки советам всех, открыл против ойротов и удачно завершил, при невмешательстве со стороны русских.

Молю всеблагого Бога, чтобы письмо это застало Ваше Преподобие здоровым и благополучным, подобно тому как и я, благоволением Божиим, получил живым и здоровым письмо, которое Ваше Преподобие отправил мне 23 декабря 1759 года, а шло оно до меня целый год. Получил я его вместе с приложенным к нему господином бароном фон Энгельсхоффеном вспомоществованием, за которое я и благодарю его, ибо оно пришло как нельзя более кстати. Здесь в Пекине за 50 золотых монет прокуратор французской миссии отец Иосиф Амио [9] щедро отвесил мне не меньше 73 унций чистого серебра.

В ответ на новости о военных событиях, подробно описанные Вашим Преподобием, сообщаю известия о происходящих здесь военных действиях. Наш монарх присоединил к своей империи всю область, заключенную на востоке, Тибетом и государством Великих Моголов на юге, Бухарским ханством на западе и русской Сибирью на севере. Северную часть этой области населяют татары, которых русские называют калмыками, мы же здесь – ойротами или джунгарами. В общем это татары-кочевники, живущие в юртах. Южнее с ними граничат (и даже платили им дань) какие-то магометане, по происхождению, как кажется, бухарцы. 20 лет назад, после того, как умер князь ойротов[10], которого русские называли Контайш[11], а его два сына стали враждовать друг с другом и оба были убиты, остальные князья разделились между собой, так что даже никакие двое из них не могли согласиться по поводу того, на что тот и другой претендовали; и в частности, все претендовали на верховную власть. Наш император решил, что следует извлечь пользу из этой распри, поскольку эти племена всегда были беспокойны и опасны как друг для друга, так и для своих соседей. Когда к нему обратился за помощью один из претендентов по имени Амурсана (а имя другого было Таваци)[12], то император послал на помощь Амурсане весьма небольшое войско, не меньше приблизительно пяти или шести тысяч человек, но не больше девяти или десяти тысяч. Таваци был взят в плен и уведен сюда, в Пекин; другой же претендент (Амурсана) решил, что теперь он – князь, и стал требовать, чтобы наше войско было отозвано. Император же решил, что он вместе с двумя (поддерживающими его) военачальниками сам погубил

свое дело своей дерзостью. Поэтому император велел начать действовать против Амурсаны. После нескольких сражений с переменным успехом Амурсана бежал в Сибирь, где на реке Тоболе умер от оспы. Затем император направил посланника со свитой в 100 человек к магометанам. Он потребовал, чтобы выплачивавшуюся ими прежде ойротам дань они отныне отсылали императору. В первом же городе, куда прибыл посол (ибо эти магометане живут в городах, поля же возделывают), он был убит, и перебита была вся его свита. И вот тогда уже император, значительно увеличив содержавшееся там войско и запасы вского рода, необходимые для военных действий, напал на этих магометан, захватил все их города и подчинил себе всю эту область[13].

Желая иметь карту всей этой новозавоеванной области (а еще во времена императора Кан Си здесь стали известны удобства карт), говорил, чтобы я сразу же и не откладывая отправлялся туда для составления ее описания. Из числа европейцев были здесь и такие, что меня заклинали привести возражения против этого поручения, [сказать, что я] хотя и дружествен императору, но все же иностранец, вообще не делать этого и тем самым сохранить покой. Наконец сам император издал указ, что для того, чтобы я сберег свое здоровье и силы, с этим поручением отправится тот, кто уже путешествовал со мной за несколько лет до того, когда я должен был составлять карту области под названием Муран, расположенной за Великой Китайской стеной; и что император присоединит к ним и других спутников, кого пожелает. Эти спутники были: отец Феликс де Роша, португалец, и вместе с ним отец Жозеф Эспинья, тоже португалец; составить надо было сначала карту области ойротов, затем и магометанскую. Они доставили императору карты, какие могли изготовить, и он остался доволен. Впрочем, область эта и населяющие ее народы были таковы, что не стоило их и описывать, не говоря уже о том, чтобы желать их присоединить, и в этом, возможно, была причина того, что за все время войны Россия, примыкающая к этой области с севера, вела себя спокойно.

Однако по этому случаю возникли некоторые споры между ней и здешним двором по поводу нескольких ойротских князей, бежавших в Сибирь. Наше правительство требовало их вернуть, а русское в этом упорно отказывало, и так, по-видимому, будет продолжаться и дальше. Ведь наше правительство опасается порвать отношения с русским, и русское с нашим предпочитает торговать, нежели воевать.

Упомянутая война продолжалась пять лет[14], от 1753-го до 1758-го года. Император предпринял ее по своему собственному усмотрению и желанию, вопреки голосам всех своих князей и вельмож; и все же ему удалось ее благополучно завершить. И так же, с помощью Божией, да расправится Его Августейшее величество со всеми своими врагами.

Я очень хотел бы написать побольше и особенно добавить к этому письмо к господину барону фон Энгельсхофену, оказавшему мне чрезвычайно своевременную помощь. Но я предполагаю воспользоваться тем, что император возвращается из Татарии и можно связаться с его главным сборщиком налогов, до которого я уже в течение года не могу добраться в связи с каким-то возникшим у него подозрением (по моему поводу). Осмелюсь ли просить также, чтобы Ваше Преподобие сообщили означенному барону, что я ему благодарен за его помощь и поздравляю его с его новым саном? Более не могу писать. Пекин, 29 октября 1761 г.

Письмо 6

Более подробное разъяснение предшествовавшего изложения событий войны с ойротами, возникшие из-за нее и по вопросу о границах трения между русским и китайским правительствами; дошел ли до Вены посланный туда через Россию дневник астрономических наблюдений; о том что император отослал в Европу картины, изображающие ойротскую войну, с тем, чтобы там они были гравированы на меди.

Письма, отправленные ко мне Ваши Преподобием в 1760 и 1761 гг., должным порядком и благополучно до меня дошли. Благодарение Богу и любезности Вашего Преподобия за то, что оказался доступным путь через Голландию, когда Португалия и Франция закрыты. Слышали мы здесь и о мире, заключенном в германской войне, однако ничего определенного не знаем об условиях этого мира.

У нас здесь также была война, о чем я не помню, чтобы писал Вашему Преподобию[15]. Она началась в 1753 г., а кончилась в 1757 г. Область с востока на запад от Китая до Бухары, а с севера на юг от Сибири до Индии заселяло татарское племя ойротов, обозначенных на географических картах как кочевники; русские называют их калмыками, мы же джунгарами. Главный их князь называется Кондайтш. Когда этот князь умер, два его сына поссорились из-за наследства и оба пали в сражениях. Их сменили в претензиях на престол два ближайших по крови их родственника, Таваци и Амурсана, из которых первый сумел изгнать второго. Тогда тот приехал в Пекин, прося императора помочь ему вернуть себе хотя бы часть царства. Когда он в достаточной мере разъяснил свои намерения императору, тот дал ему помощь, послав всего лишь четыре тысячи солдат. Однако им, под предводительством Амурсаны, удалось взять в плен Таваци (еще один князь ему изменил) и увести его в Пекин вместе с его двенадцатилетним сыном, который, когда его отца брали в плен, двоих убил. Император принял Таваци почетно, после того, как тот изложил свои права и обвинил перед ним Амурсану[16]. Амурсана же настаивал, чтобы император отозвал свои войска, коль скоро задача выполнена. Император отозвал часть войск, оставив двух военачальников с пятьюс-

тами солдатами. Амурсана напал на них и всех перебил. Император тогда выступил против Амурсаны; тот не имея возможности оказать сопротивление, бежал к русским в Сибирь, где и умер на реке Тоболе от оспы.

Император, принеся жертву предкам, захватил затем все земли ойротов, оставил там усиленный гарнизон и совершенно искоренил этот народ, из князей которого иные были переселены сюда, иные же бежали в Персию, Бухару и Сибирь. Император пожелал, чтобы двое европейцев были направлены для составления карты этой (вновь завоеванной) области. С этой целью поехали двое, те из нас, которые только и были в силах выдержать трудности такого путешествия: отцы Феликс де Роша и Иосиф Эспинья, оба португальцы. Они вернулись через год, составив карту без каких-либо астрономических наблюдений или геодезических операций. Тем не менее, имепратор был удовлетворен[17].

Между тем здешний военачальник уведомил императора, что к югу от ойротов живет народ магометан, обитающих в городах и плативших раньше дань ойротам; теперь же (сказал он) они должны платить дань Его Величеству. Император одобрил этот совет, и таким образом этот военачальник отправил одного со 100 солдатами, чтобы тот собрал упомянутую дань. Магометане убили правителя и всех его людей. Тогда военачальник сам выступил против них и захватил все их города, из которых главные: Джерген [по-видимому – Яркенд] и Кашгар. Те же двое отцов снова отправились, чтобы составить карту также и этой области. Война была закончена, и таким образом император уничтожил нацию, столь опасную для всех соседей, и захватил земли, простирающиеся на запад вплоть до 45-го градуса долготы, считая от пекинского меридиана. В дальнейшем император стал упорно требовать от русских выдачи упомянутых бежавших в Сибирь князей, а русские столь же упорно в этом отказывали. От китайского правительства к русскому было направлено несколько чрезвычайно резких нот; русское же правительство отвечало на эти ноты всегда с уважением и сдержанностью, но и всегда без какого-либо страха.

Кроме того, русские в эти же годы строили укрепления вдоль границы, разделяющей оба государства и простирающейся от Тихого океана до Каспийского моря, и устраивали какие-то засеки из крепких и толстых бревен, а также соорудили там несколько небольших укреплений, тоже деревянных, чтобы воспрепятствовать набегам и вторжениям со стороны татар[18]. Все это не нравилось китайскому правительствуу. Поэтому, когда было обнаружено, что в трех или четырех местах русские перешли линию границы, китайцы потребовали, чтобы они сами снесли все сооруженные ими в этих местах укрепления. Когда же русские отказались, император приказал, чтобы три укрепления были подожжены и спалены до основания. Относительно того, как это воспримет русское правительство, мы ожидаем на днях известий.

Я надеюсь, что дневник наблюдений, отправленный мною ж в прошлом году через Сибирь и Россию[19], благополучно прибыл в Вену. Передайте от меня привет всем, кто еще благоволит меня помнить. Пекин, 12 сентября 1764 г.

Далее замечу о том, что в самом письме забыл сказать. Наш (китайский) император хочет, чтобы в Европе были гравированы и отпечатаны шестнадцать картин, изображающих военные действия, которые в течение последних лет он вел против ойротских татар и их соседей, ранее подчиненных им магометан. В самом деле, по окончании войны император велел написать 16 больших картин и украсил ими свой дворец. После этого в его руки попало несколько гравюр работы аугсбургского резчика Ругендаа, на которых изображены такого же рода действия. Когда император рассмотрел эти гравюры, они ему понравились, и поэтому он приказал члену нашего ордена, Иосифу Кастильоне, миланцу (ему 78 лет, из них 49 лет он живет в Пекине, но до сих пор крепок и руками и глазами), а также богемцу отцу Игнатию Зихельбарту, французу брату Дионисию Аттире и римлянину отцу Дамаскину, из августианского ордена пропаганды веры, чтобы они перерисовали упомянутые большие картины в малом формате. Когда по истечении приблизительно двух месяцев первые четыре картины были готовы, император отослал их в Кантон, к императорскому наместнику, чтобы их передали на европейские корабли и отвезли в Европу.

На следующий год будут отправлены другие четыре картины, и так далее. По мнению брата Кастильоне, следует гравировать и печатать картины в Италии. Я же, поскольку все это дело не по моей специальности, в него не вмешиваюсь. Император желает также, чтобы с каждой отдельной гравировальной матрицы было снято и отпечатано всего лишь по сто оттисков, и чтобы эти оттиски были присланы сюда вместе с гравировальными матрицами; цену же за весь этот труд, какова бы она ни была, выплатит кантонский императорский наместник. Это, как я подумал, узнав об этом, Вашему Преподобию было бы интересно узнать, чтобы в том случае, ессли бы при Вас кто-нибудь стал об этом говорить, Вы были бы в курсе, как обстоит дело. Я со своей стороны буду очень рад, если Вы сразу же мне сообщите то, что узнаете о месте (изготовления гравюр) и о мастере, который этим будет заниматься[20].

Добавлю, что между изготовленными картинами есть большая разница по качеству: те, что рисовал брат Кастильоне, несомненно лучше всех; за ними следуют картины отца Зихельбарта и брата Аттире, а от них в свою очередь далеко отстают картины, нарисованные «римлянином», т.е. отцом Дамаскиным. Он пока еще неопытен.

Письмо 7

Выражает радость по поводу мира, заключенного в Германии, и надежду, что будет избран император [Священной] *Римской импе-*

рии. Затем отвечает на вопросы относительно дворцов Конфуция и мнения китайцев о бессмертии души. Наконец, просит прислать ему небольшие подарки для ублаготворения мандаринов, которые могут в большой мере способствовать или же повредить распространению христианской религии.

Ваше письмо, отправленное мне из Брюсселя 21 июня 1763 г., я вместе с суммой денег, переданной мне тем же человеком, получил в феврале 1765 г., несколько позже того, как мне представилась (последний раз) возможность писать Вашему Преподобию. Поэтому отвечаю на Ваше письмо теперь, воздавая должную благодарность Вашему Преподобию за Вашу доброту и попечение; и молю великого и наилучшего Бога, чтобы он сохранил на мое благо здравым и невредимым Ваше Преподобие, мою единственную поддержку[21] во всех этих обстоятельствах и волнениях столь бурного времени.

Возвратившемуся в Европу миру мы не можем не радоваться, и каков бы он ни был, да сделает Бог всеблагой, чтобы он продлился долго. И все это меня заставляет также надеяться на эрцгерцога Иосифа, так что я жажду услышать, как скажут: *Иосиф, римский император*....

№ 7

«Секретно»

О магометанстве в Киргизской степи и об управлении духовными делами киргизов

Когда киргизы поступили, в прошлом столетии, в подданство России, они были мусульманами только номинально: у них не было, на всем обширном пространстве их степей, ни одной мечети; не было своего духовенства; большинство народа не знало догматов своей веры и только высший класс: султаны, ходжи и некоторые родоначальники исповедывали ислам более сознательно. Вся связь киргизов с другим мусульманским миром ограничивалась тогда сношениями с средне-азиатскими ханствами, откуда торговцы, а иногда и духовные лица, ходжи, проникая в степь, поддерживали в киргизах некоторое понятие о мусульманской вере. С другими своими соседями, на севере, с татарами, киргизы были недружны, а с башкирами – в положительной вражде. В начале нашего владычества в степи, политические интересы требовали утверждения в киргизском народе и во всей Средней Азии убеждения в неприкосновенности их веры. Эта причина, вместе с желанием привлечь на свою сторону ханов, султанов и вообще влиятельных людей степи, привела к тому, что на первых же порах правительство наше не только оказывало исламизму полную терпимость, но даже и некоторое покровительство. Императрица Екатерина II неоднократными повелениями подтверждала пограничным начальникам Оренбургского края озаботиться постройкой мечетей,

заведением школ и назначением киргизам мулл. «Построение там [в степи] городов, тако ж, где прилично, для главнейших родов мечетей, школ и гостинных дворов весьма полезны и нужны» писала Императрица Барону Игельстрему. На этот предмет в 1782 году ассигнована была даже особая сумма. А дабы киргизы не посылали детей своих к Бухарцам для обучению магометанскому закону, предписывалось внушать, что нужные им муллы могут быть присланы из России. «Снабдение разных родов киргизских муллами не малую пользу в делах наших принести может, почему вы и постарайтесь определить оных, истребовав из казанских татар людей надежных».

В таком духе давались предписания и Начальнику Сибирской пограничной линии. Результатом всего этого было появление двух мечетей, выстроенных на счет казны: одной в Оренбурге, другой в Сибири у Иртыша, между гг. Павлодаром и Семипалатинском[22].С этого же времени началось влияние казанских татар на киргизов в религиозном отношении.

По мере того, как умиротворялась степь, усиливались торговые сношения киргизов с соседними частями России и Среднеазиатскими ханствами, усиливалась вместе с тем мусульманская пропаганда в крае.

Скоро во всех пограничных со степью городах: Оренбурге, Троицке, Петропавловске и Семипалатинске, поселились целые массы торговцев – мусульман (татар, бухарцев, ташкентцев и друг.); а с ними появились в означенных городах мечети, мусульманские школы и множество мулл, ахунов, ходжей и т.п.

В особенности мусульманская пропаганда продолжала проникать со стороны Средней Азии. Не только ходжи, но даже беглецы из ханств, находили радушный прием в аулах киргизов и проповедовали о ненависти к гяурам-русским. В орде скрывалось множество и наших беглых татар, выдававших себя за бухарских торговцев, или за имамов. Будучи по развитию своему, выше киргизов и гораздо более их фанатичны, среднеазиятцы и татары легко делались учителями степного народа в вере и в преподавании грамоты. В начале пятидесятых годов один из беглых русских татар, Мухамед-Шериф Мансуров, прибыв из Ташкента в Кокчетавский округ и выдав себя за имама (святого), начал проповедовать не тайно, но явно, завел мюридов (учеников) и произвел довольно сильное движение в народе; к счастию, он скоро был захвачен; подобный же проповедник появлялся потом и в Аягузском (ныне Сергиопольском) округе. Для ограничения хотя сколько-нибудь такой пропаганды, правительство нашлось наконец вынужденным воспретить[23] избрание киргизами мулл из татар, башкир и среднеазиатцев и преследовать вообще лиц, самовольно без определенных занятий, проживающих в степи. Но возможно ли уследить за проживанием таких лиц в аулах, кочующих по обширному пространству, когда цель пребывания в них легко прикрыть торговыми причинами?

С постепенным переселением русских поселений в Западной Сибири вглубь степи, доступ пропаганде еще более облегчился. При всех местопребываниях местных окружных приказов также основались колонии торговцев-мусульман, в главных торговых пунктах степи, в гг. Акмолинске, Копале, Верном. Колонии эти по численности скоро стали весьма значительными. При всех таких пунктах построились беспрепятственно мечети. Затем появились мечети среди самих кочевьев киргизов на некоторых их зимовках. Таким образом умиротворение степи, развитие в ней торговли, увеличение оседлости, столь благодетельной в других отношениях, все это повело вместе с тем невольно к усилению и мусульманской пропаганды среди киргизов.

В Оренбургской степи, где русских поселений, кроме небольших казачьих выселков при укреплениях Оренбургском и Уральском, нет, и где вообще страна менее замирена, магометанская пропаганда укрепилась слабее. Здесь до сих пор внутри степи нет мечетей, до сих пор еще нет утвержденных правительством мулл. Постройка мечетей здесь сдерживается[24], несмотря на просьбы киргизов; но, однако же, и в Оренбургской степи начали появляться магометанские молельни в некоторых частных жилищах, или под видом памятников над могилами умерших богатых киргизов. Хотя в Оренбургской степи нет указанных мулл, но зато всякий грамотный и сведущий в коране киргиз или татарин носит название муллы, руководит в совершении молитв и занимается обучением детей. В бытность Комиссии в этой степи, киргизы прямо заявляли о необходимости разрешения им свободной постройки мечетей, выбора мулл и путешествия в Мекку, при чем фанатическое настроение обнаружилось более других со стороны старшин средней части Оренбургских киргизов, ближайшей к Оренбургу.

В Сибирской степи развитие магометанства между киргизами гораздо значительнее. По сведениям, собранным Комиссиею, во время объезда этой степи, состояние магометанства здесь выражаетс следующими данными...[по всем округам]... мечетей 32, указных мулл[25] 40.

Из этого числа 15 мечетей находятся в городах и селениях, а 17 в волостях киргизов. Сверх того в городах: Сергиополе, Копале и Верном (перечисленных ныне в Туркестанский Военный Округ) в 1865 году было в каждом по одной мечети и при них указные муллы.

При всех мечетях устроены мусульманские школы, где мальчики обучаются татарской грамоте и правилам корана.

Кроме указных мулл, во всякой почти волости находятся неуказные муллы и сверх того неограниченное число грамотных киргизов, татар, ташкентцев и ходжей, исполняющих должность мулл и обучающих детей. Особенно много ходжей и азиатских выходцев находится в округах: Баян-аульском, Кокбектинском и Каркаралинском.

Большинство мечетей и школ при них выстроено инициативой и пожертвованиями пришлого элемента в степи, торгового класса среднеазиатцами и татарами, с ограниченным участием киргизов. Рус-

ское начальство, в видах политических, само содействовало построению мечетей при окружных приказах и покровительствовало подписке и пожертвованиям на этот предмет от киргизов, даже отдаленных от мест постройки мечетей. В городе же Семипалатинске, центре областного управления, число мечетей (8), сравнительно с местным мусульманским населением (около 3000 душ) поразительно велико. Нельзя не сказать, что веротерпимость наша зашла здесь, быть может, уже за пределы наших выгод.

Одни эти данные показывают, что магометанство Киргизской степи, под русским владычеством, постепенно возрастает. Но, чтобы не преувеличить значения этого факта, надо прибавить, что характер киргизского народа, во всей его массе, и в настоящее время, немного еще поддался мусульманскому духу; еще до сих пор особого рвения к закону Магомеда в массе не замечается, мечети мало посещаются; правила веры большинству до сих пор плохо известны; нелюбовь к татарам и особенно к башкирам еще очень заметна; вмешательство духовных лиц в семейные дела встречает почти всегда неудовольствие со стороны народа. Словом, надо было иметь в степи именно равнодушие киргизов к вере, их нефанатический характер, чтоб под двойным действием пропаганды из наших пределов и из Средней Азии, состояние магометанства ограничилось у них пока только вышеприведенными фактами.

Еще далеко до полного обращения киргизов в мусульманство; главною тому причиною кочевой быт народа.

Но нельзя не предвидеть, что если оставить дело в таком положении, то магометанство, проникшее уже в самую глубь степи, окажет наконец свое действие, – и киргизы, ныне далеко не фанатичный [народ], приведены будут к общему типу мусульманских народов, со всеми их отличительными чертами: изуверством, фанатизмом и отчуждением от цивилизованных народов.

В настоящее время еще не поздно принять меры для предупреждения такого результата ограничением дальнейшего развития исламизма в степи. Это тем более необходимо, что киргизский народ, по своему положению между массами мусульман внутренних наших губерний и массами их в середине Азии, может или соединить все эти части в сплошную единоверную территорию, или, напротив, при ослаблении в нем исламизма, разъединить их навсегда. Следовательно, вопрос о магометанстве в Киргизской степи имеет для России особую политическую важность.

В прошлом году Оренбургский Генерал-Губернатор, Генерал-Адъютант Крыжановский, обращал уже внимание правительства на этот вопрос. Во всеподданейшем отчете по вверенному ему краю, он доносил: «С передвижением границы нашей вглубь Средней Азии, все необозримое пространство от Казани до хребта Тян-Шана представляет вид страны, заселенной непрерывно несколькими миллионами му-

сульман, которые по догматам своего вероисповедания, видят в нас, христианах, своих естественных врагов. В Башкирах уже вполне укоренился исламизм, фанатический до изуверства, и их муллы приняли на себя роль пропагандистов в среде киргизов. Если благовременными мерами не остановить их действий, можно быть уверенным, что киргизы, бывшие в религиозном отношении так равнодушны, в скором времени заразятся тем же духом нетерпимости и фанатизма.»

По мнению Коммисии, казалось бы возможным в настоящее время безотлагательно произвести следующие преобразования в управлении духовными делами киргизов:

1) Необходимо упразднить связь, существующую в управлении духовными делами киргизов с духовным управлением татар и башкир.

На основании ныне действующего закона (Св. Зак. т. XI ч. 1 кн. 5) духовные дела киргизов и все их духовенство вверено заведыванию Оренбургского Магометанского Духовного Собрания, учрежденного в г. Уфе. Председатель этого собрания, Оренбургский муфтий (по силе статьи 1229), есть духовный глава магометан, принадлежащих к округу этого собрания; в пределы же этого округа включены магометане всех губерний, за исключением Западных, Таврической и Закавказского края, то есть – магометане всей восточной половины России, со включением, значит, и киргизов.

Не входя в разбор вопроса, на сколько удобно поддерживать подобный порядок духовного управления мусульманским населением в других частях Империи, Коммисия не может не обратить внимания на невыгоды такого порядка относительно собственно Киргизских степей.

Киргизы издавна имели весьма мало общего с татарами и особенно башкирами; напротив, они выказывали к ним всегда более или менее сильную неприязнь; мы видели ныне, что связь этих народностей в духовном отношении произведена самим же правительством искусственно, на что оно имело, в свое время, важные причины. Впоследствии, при введении порядка в управлении мусульманами в России, связь эта организована была законом в правильное подчинение киргизов одному духовному учреждению с Уфою и Казанью. Подчинение это в Оренбургской губернии, вследствие неимения там указных мулл и по другим причинам, осталось пока еще номинальным. Но в Сибирской степи, вследствие вышеприведенного закона, установились довольно частые сношения с Уфой по духовным делам; здесь определен также порядок, по которому избранный киргизским обществом в муллы, должен, для предварительного испытания в знании мусульманского закона, отправляться в г. Уфу, держать там экзамен и получить удовлетворительное свидетельство. Таким образом пропаганда из Уфы может иметь вид законного наблюдения за вероучением у киргизов. Киргизы, не имевшие никакого понятия о духовной иерархии, в силу закона приобрели в Оренбургском муф-

тии – главу духовенства. Воссоединение киргизов с татарами духовною, так сказать, связью не может быть полезно для России. Посылка избранных в муллы лиц производится обществами на свой счет; при дальности расстояния до Уфы и при других расходах, она ведет нередко к весьма значительным издержкам; были даже случаи жалоб на такой порядок, при чем испрашивалось позволение не посылать мулл в Уфу, а испытывать их, если нужно, в Областных Правлениях. При объезде степей, Комисия также получала заявления в том же роде.

Во внимание ко всем вышеизложенным обстоятельствам и для облегчения самих же киргизов, необходимо изъять их, в духовном отношении, из ведения Оренбургского Магометанского Духовного Собрания.

2) Местное управление духовными делами киргизов казалось бы более удобным установит на следующих основаниях: Заведывание духовными делами предоставить местным муллам, с подчинением их общему местному гражданскому управлению и чрез него Министерству Внутренних Дел. Особой административной организации местному киргизскому духовенству придавать нет надобности, т.е. не зачем назначать ни областных, ни уездных мулл. Строгая иерархическая градация в иноверческих духовенствах, в видах большого порядка в духовном уравлении, может повести к усилению их влияния и в других отношениях; при том в киргизской степи она не вызывается местной потребностью и обстоятельствами. Все муллы должны быть равны между собою и самое название указных мулл, существующее в Западной Сибири, необходимо отменить, так как других, не утвержденных нашей властию, мулл не должно быть.

3) Предоставив выбор духовных лиц самим обществам, необходимо установить избрание мулл только из киргизов.

Татары, башкиры и среднеазиатцы, как доказал опыт, не могут быть полезными орудиями нашего правительства и влияние их может развить в степном народе только фанатизм и отчуждение от русских.

Киргиз, по самой своей более свежей и добродушной натуре, никогда не может быть столь вреден на месте муллы, как татарин или бухарец.

4) Избрание на должность муллы казалось бы возможным не обусловливать необходимостью предварительного испытания в знании магометанского закона.

Правительству нашему незачем хлопотать, чтобы муллы были знатоками шариата и корана; для него необходима только благонадежность избранных лиц в гражданском отношении, а в этом смысле экзамены едва ли могут представить какое-либо ручательство. Предоставляя обществам самим судить о годности избранных им мулл, правительство сохраняет за собою утверждение и смену их, и местные власти всегда будут иметь средства, при надлежащем надзоре, преду-

предить, или прекратить уклонение деятельности мулл в невыгодную для наших интересов сторону.

5) Необходимо установить какую-нибудь норму для числа мулл и мечетей в степных обществах.

В этом отношении в настоящее время не принято определенных мер. Мы видели, что в Оренбургской степи излишнее стеснение в постройке мечетей и в избрании мулл порождает уже некоторый ропот, а в Сибирской есть округа, в которых имеется по нескольку мулл на одну волость. Определение нормы необходимо еще потому, что как содержание мечетей и мулл должно падать на счет общества, то излишнее их число поведет к обременению киргизов сборами. Если определить законом слишком ограниченное число мулл, напр.: на целый уезд не более одного муллы, то это может придать уездному мулле слишком большое значение; при невозможности ему одному исполнять духовные свои обязанности по всему уезду, он непременно изберет себе помощников, которые и заменят местных мулл, а он явится над ними старшим, т.е. указным муллою. Казалось бы удобнее всего разрешить избрание мулл, по мере поступления настоятельных о том просьб, киргизским обществам в составе не менее одной волости и утверждение их предоставить Областному Правлению. Возведение мечетей необходимо обусловить дозволением Генерал-Губернатора; число этих молелен, разумеется, ни в каком случае, не должно превышать норму строгой и действительной в них необходимости для местного населения. Недосмотр в этом отношении в г. Семипалатинске привел к странному факту, что этот город, существующий всего с прошлого столетия, наполнен несоразмерным с его мусульманским населением числом мечетей.

6) Обязанности мулл необходимо ограничить тесною сферою религиозного служения, исполнением только треб мусульманского исповедания.

В этом отношении законодательством нашим сделана весьма важная погрешность предоставлением муллам решения дел о браках и разводах, участия в разборе исков по завещаниям и разделам имуществ и вообще в семейных делах.

У киргизов, по их давним обычаям, брак есть чисто гражданская сделка; все семейные дела их издавна решались полюбовно, влиянием старших, или судом биев, при недоразумениях же киргизы прибегают не к муламм, а к русской власти. Как силен этот укоренившийся обычай, видно из того, что на невмешательство мулл в семейные дела составлялись киргизами общественные приговоры, которые хранятся в делах Областного Правления Сибирских киргизов.

По примеру других духовных лиц, на мулл возложена законом также обязанность ведения метрических книг: о родившихся, умерших и бракосочетавшихся. По роду жизни киргизов, разбросанности их кочевьев, обязанность эта едва ли возможна для точного исполнения,

и все сведения, доставленные муллами по этим предметам Приказам, всегда были гадательны. Но однако же, так как муллы могут все-таки хоть отчасти [быть] полезны своими сведениями в этом отношении для местного гражданского управления, то казалось бы сообразным на первое время не освобождать мулл от таковой обязанности, впредь до приискания других, более точных средств счисления киргизского народа, например помощью раскладочных аульных книг и т.п.

7) Необходимо принять меры к отделению, насколько возможно, обучения от религии и к направлению этого обучения в выгодную для России сторону.

По самой мусульманской религии духовная часть у магометан всегда соединена с обучением народа; все училища у них духовные, вся грамота начинается с Корана. В Киргизской степи то же явление. Выше было уже упомянуто, что при всякой мечети в степи устроена непременно школа, хотя в малом размере. Все муллы, как указные, так и неуказные, и множество разных других лиц, попавших в степь по самым разнообразным причинам, для приобретения себе средств существования или по рвению к вере, занимаются обучением киргизских детей; почти в каждом ауле есть такие грамотеи, особенно в местах близких к оседлым пунктам. Разумеется, при невежестве самих учителей, обучение это не ведет далеко в познаниях даже татарской грамоты; но в религиозном отношении оно постепенно ведет к усилению магометанства в степи. Факт существования в аулах значительного числа кочевых школ громко говорит о том, что киргизы хорошо понимают необходимость учения и за неимением других средств, учатся у мулл и у кого попало. Киргизы посылают детей своих и в сторонние школы, в Башкирию, степные города и казачьи селения, в которых имеются школы или муллы; отдают довольно охотно детей своих и в казенные школы, для киргизов существующие в Оренбургской степи и в городе Омске. Киргизы вообще охотно учатся и русскому языку. Таким благоприятным настроением киргизов надо воспользоваться и в видах парализирования исламизма в степи, чрез распространение образования и отвлечения киргизского юношества от их домашних невежественных мулл, умножить число русских школ в степи.

Кроме того казалось бы возможным открытие школ при мечетях разрешить не иначе, как с непременным условием обучения в них и русскому языку. В отношении же обучения по аулам едва ли возможно принять какие либо меры ограничения: все, что только можно здесь сделать, это следить строже, чем ныне, за пребыванием имамов и ходжей, приезжающих из Средней Азии и татарских пришельцев; не дозволять им образовывать между киргизами дервишеских и мистических обществ, какие напр. существуют, по слухам, в Баян-Аульском и Каркаралинском округах.

Все эти меры, нет сомнения, в состоянии принести благие результаты. Не воздвигая не только гонения мусульманской веры в степи,

что не может быть целью нашего правительства, не вводя даже особо крутых реформ, они могут дать возможность приостановить распространение исламизма в степи. Но меры эти все-таки пассивные; в виду наступательных действий мусульманской пропаганды, они недостаточны; необходимо более решительное средство, могущее одно с успехом одержать верх над мусульманством; это средство есть распространение в степи между киргизами христианства.

В последующей статье Комиссия пояснит, что и для осуществления этой последней, важнейшей меры, имеются в Киргизской степи благоприятные условия.

О распространении христианства в Киргизских степях

Высочайше утвержденною программою, между прочим, вменено Комиссии в обязанность представить соображения: «при каких условиях и обстоятельствах могло бы быть приступлено к распространению в киргизских степях христианства, не возбуждая тем волнений и неудовольствия?»

Этот важный вопрос уже не раз возникал относительно киргизских степей и в прежнее время; но тогда степи были неустроены и мало спокойны; при одном слухе об этой мере легкомысленный киргизский народ мог отшатнуться от нас в открытую южную сторону, к единоверным средне-азиатским ханствам, как отшатнулись в прошлом столетии калмыки от ложного слуха о рекрутчине. Поэтому неудивительно, что все предложения и попытки по введению христианства в степях были постоянно отклоняемы. Впрочем попыток таких было немного. В 1819 году иностранные миссионеры, шотландцы, намеревались было распространить свою деятельность на киргизов. Небольшое число их, потерпев неудачу на Кавказе, перенеслось в г. Оренбург, завело на дарованном им правительством участке земли свою усадьбу; но, прожив несколько лет безуспешно и здесь, в 1825 году выселилось, и казна принуждена была, из сожаления к ним, взять их постройки за 7 т. руб. сер. В тридцатых годах, в Сибирском ведомстве, Архимандрит Макарий, действовавший потом в Алтайской миссии, просил позволения проникнуть в киргизскую степь для проповеди Слова Божия, но предложение его было отклонено местным начальством, и последующие события вполне подтвердили справедливость этой осторожности. Начавшиеся скоро потом продолжительные волнения в степях, столь известные Кенисарийские смуты, доказали всю необходимость крайней предусмотрительности относительно киргизов, даже в административных мерах. Такое же дело, как распространение христианства, требовало особо-благоприятных обстоятельств, или, по крайней мере, полного замирения степей и установления в них административного порядка. Отсутствие же таких условий было причиною, что когда организованы были миссии для обращения язычников, в Сибири Алтайская, и в Оренбургском крае

для Тептерей, то действия этих миссий на киргизов не распространены. – В 1864 году, когда степи пользовались полнейшим спокойствием, а в Сибирском ведомстве и твердою администрациею, явилось опять предложение от частного лица: Екатеринбургский гражданин Пшеничников ходатайствовал, чрез С.-Петербургского и Новгородского Митрополита, об основании миссии для киргизов в г. Петропавловске, но и эта последняя попытка была отклонена Генерал-Губернатором Западной Сибири, Генералом Дюгамелем.

Таким образом, киргизские степи, не смотря на более нежели столетнюю принадлежность России, представляют до сих пор нетронутое поле для дела христианства. Быть может, этот вопрос еще долго оставался бы без разрешения, еслиб последние события на юге степей не придали ему большую вероятность успеха, изменив совершенно положение степей. С завоеванием нами части Средней Азии, степи сделались уже внутренними областями России; киргизский народ, охваченный повсюду нашими владениями, должен теперь предаться исключительно мирным занятиям и волей неволей подчиниться действию наших цивилизующих начал. При таких новых обстоятельствах, в ряду множества вопросов, возникших по гражданскому устройству киргизов, невольно рождается вопрос и относительно религиозной стороны этого народа: не настало ли теперь время для начала распространения христианства между киргизами?

Для ответа на этот вопрос недостаточно еще сослаться на одно изменившееся, в благоприятную для нас сторону, положение степей; надо показать данные, самые факты из жизни киргизов, по которым можно было бы удостовериться в степени вероятности успеха в степях дела христианства. В этом отношении Комисия может представить следующие данные:

1) Исследование состояния киргизского народа в религиозном отношении обнаруживает, что киргизы в мусульманской вере до сих пор еще не тверды. Не смотря на усилившуюся пропаганду в степи, ислам не успел еще вполне охватить жизнь киргизов, подвести их под общий тип мусульманских народов, которые живут, думают и чувствуют, руководствуясь правилами корана. (Степень их религиозности мы пояснили в предыдущей статье). Этот важный факт показывает, что главнейшие препятствия дело христианства может встретить не со стороны самого киргизского народа, но со стороны лиц, пропагандирующих ислам, – элемента, как мы видели большею частию пришлого: татар, средне-азиатцев и др., которые занимают у киргизов должности мулл и учителей.

2) Вследствие слабости мусульманства, киргизы не обнаруживают до сих пор относительно нас, русских, никакого фанатизма и отчуждения. Напротив, при своем приветливом, гостеприимном характере, они охотно вступают с нами в сношения, не смотря даже на то, что нередко действия степного приказного чиновничества и казачест-

ва могли произвести на них неприятное впечатление. У прилинейных киргизов последствия такого сближения заметны уже в образе жизни: они начали строить дома, заводить телеги и т.п., а в религиозном отношении они не выказывают ненависти и отвращения; в особенности это заметно у киргизов, живущих в близком соседстве и частых сношениях с русскими. По свидетельству лиц, хорошо знающих ордынцев, в том числе одного просвещенного священника[26],бывали случаи, что некоторые из киргизов ставили свечи св. Чудотворцу Николаю; другие брали у русских святую воду и кропили ею свой скот во время падежа и т.п. Как ни незначительны эти факты, но они показывают ясно отсутствие неблагоприятного настроения у киргизского народа к нашей вере.

3) Не смотря на то, что в обеих степях Оренбургского и Сибирского ведомств никаких мер для обращения киргизов в православие не принималось, и дело христианства предоставлено было естественному ходу обстоятельств, лучше сказать – случаю все таки ежегодно небольшая часть киргизов обращается к Христовой вере. Это и неудивительно: близкое соседство христиан, охвативших своими поселениями сначала только северную границу степей, а потом проникших вглубь их, должно было оказать свое действие. Разумеется, при отсутствии каких-либо мер покровительства христианской проповеди, случаи обращения киргизов не могли быть часты и многочисленны, и оттого все число крестившихся весьма незначительно; но факт, что принятие киргизами нашей веры случается ежегодно, весьма многозначителен. Что явление это происходило и в прежнее время, доказывает существование таких прилинейных станиц как Ямышевская и др., где в числе жителей много находится крестившихся киргизов.

Число воспривявших крешение [Оренбургских киргизов за период с 1855 по 1864 год было]...- 127 человек ; из них мужского пола 102, женского 25 человек; среднее число в год 13 человек.

В области Сибирских киргизов [за период с 1860 по 1864 год приняли крешение]... 109 человек; из них мужского пола 82, женского 27 человек, среднее число в год 22 человека.

Принимая в соображение, что в Семипалатинской области [сведений о крестившихся в которой не были предоставлены], судя по числу оседлых пунктов, соседних с киргизами, цыфра крестившихся была не менее, чем в области Сибирских киргизов, т.е. примерно 22 человек в год, выходит, что в то время, когда в Оренбургском ведомстве, при колонизации, существующей только по окраине степи, обращается в православие 13 человек в год, в Сибирском ведомстве, при более развитой колонизации степи, около 44 человек в год, а во всех степях обоих ведомств около 57 человек в год. Разумеется, эта цыфра, 57 человек в год, относительно более нежели полуторамиллионного населения степей, совершенно ничтожна, но она все-таки свидетельствует о действии христианства на киргизов, живущих около русских; она яв-

но указывает на возможность успеха нашей веры, если только обращено будет на это должное внимание.

Из нее видно также, что оставлять дело христианства в степи в нынешнем положении невозможно; ибо, в то время, когда христианство будет ежегодно приобретать крестившихся из киргизов 57, или даже пусть 100, 200 человек, в то же время число киргизов, от естественного размножения (полагая приращение от 0,5 до 1 %) будет увеличиваться 8 или 15 тысячами душ мусульман.

При таких фактах возможно ли долее откладывать дело распространения христианской веры в киргизских степях?

Правительство отклоняло до сих пор меры по введению христианства в степи, из опасения возбудить тем волнения и неудовольствия в среде киргизов. Но в настоящее время опасение это едва-ли может иметь место, ибо спокойствие в степях обеспечено и наше положение в них теперь твердо; а в то же время коран не успел еще проникнуть вполне в жизнь киргизов.

Присоединив громадные пространства, населенные иноверными народами, Россия не может не стремиться к их объединению. Россия должна испонить одну из задач, выпавших на долю русского народа, заключающуюся в просвещении Востока. Это её историческое право, которого не смеют у нее оспаривать даже западные враги. И чем дольше отсрочиваться будет время действия, тем труднее будет впоследствии начать, так как в это время ислам успеет вполне укорениться.

О необходимости распространения христианства в степях есть заявление даже одного из членов самого киргизского народа. Умерший в 1865 году, Ротмистр Чокан Валиханов, сын бывшего Кокчетавского старшего султана, известный своим путешествием в Кашгарию и образованием, в одной из своих неизданных записок (о мусульманстве в степи) говорит:

«Мы (киргизы) далеки от того, чтобы советовать русскому правительству вводить в степь христианство каким бы то ни было энергическим путем, точно также не предлагаем ему преследовать ислам; подобные крутые меры ведут всегда к противным результатам; но мы просим, требуем, чтобы правительство не покровительствовало религии, враждебной всякому знанию. Ислам, – говорит он, – не может помогать русскому и всякому другому христианскому правительству. Что может ожидать свежая, восприимчивая киргизская народность от татарского просвещения, кроме мертвой схоластики, способной только тормозить развитие мысли и чувства. Мы должны, во что бы то ни стало, обойти татарский народ и правительство должно нам в этом помочь. В мусульманстве мы видим свою гибель. Мы надеемся и верим, что народы монгольского типа, к числу которых принадлежим и мы, способны к полному восприятию европейской культуры». С такою мыслию жил и умер этот лучший представитель далеких степей и киргизского народа.

Кроме этого важного заявления, Коммисия может сослаться также на мнение одного из главных начальников, которым подчинена степь. Оренбургский Генерал-Губернатор, Генерал-Адъютант Крыжановский, во всеподданнейшем отчете, за 1866 г., в числе мер, необходимых для прекращения развития исламизма в степи, доказывал необходимость принятия мер к распространению здесь христианства.

Опираясь на эти важные мнения и на вышеизложенные данные, можно смело сказать, что настоящее время вполне удобно для начала введения христианства в степи и что откладывать долее это благое дело будет только напрасною тратою времени.

Опыт веков доказал, что лучшее средство для распространения христианства есть миссионерская деятельность. Поэтому, основание особого миссионерского общества для киргизских степей должно быть первой мерой правительства в этом отношении. В прежнее время христианская проповедь, не только у нас, но и за границей, составляла преимущественно удел духовного сословия. Но впоследствии, в большей части стран Западной Европы признано было полезным призвать на это дело и светских лиц, чувствующих призвание к этой деятельности; нашлись там люди, радушно отозвавшиеся на это дело; образовались целые общества: миссионерские, библейские и др.; собрались большие капиталы из частных пожертвований, и правительства, с своей стороны, начали отпускать значительные суммы на этот предмет. При помощи таких средств, при предприимчивости и энергии миссионеров, каталическая и протестанская пропаганды сделали большие успехи даже в отдаленных странах. В последнее время и у нас явилась подобная же деятельность, и у нас основались такие же общества, которые под покровительством Августейших Особ, в короткое время достигли блестящих результатов, напр., на Кавказе. Одно из таких обществ, находящееся под особым покровительством ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, имеет главною целью распространение христианства на востоке России; в уставе его, представленном правительству, предполагается распространить действия его и на киргизов. Вышеприведенные соображения доказывают, что теперь в степях уже имеются благоприятные условия, чтобы не откладывать более этого святого дела. А потому, общество оказало бы благодеяние, открыв свою деятельность и в киргизских степях. Быть может было бы еще лучше, если бы для обширных степей, с их многочисленным населением, составилось бы даже особое миссионерское общество; но это, разумеется, будет зависеть от средств и от степени участия в деле всего русского общества; бывшие примеры доказывают, что в этом сочувствии нельзя сомневаться, особенно в виду такой важной для России цели, как обращение в христианство многочисленного и способного киргизского народа.

Переходя затем к другим подробностям, Коммисия долгом своим считает обратить внимание на особые местные условия, которые, ка-

залось бы, необходимо иметь в виду для большего успеха миссионерства:

1) Так как дело распространения христианства требует в степях особой осторожности, а деятельность оффициально-духовных лиц может обнаружить киргизам цель правительства, то казалось бы удобнее, чтобы миссионеры в степи избраны были не исключительно из духовных лиц, но из частных, которым всегда будет легче иметь доступ в аулы, под видом торговцев, лекарей, или учителей. В этом отношении особенно полезна была бы медицинская практика, ибо болезненность сильно распространена между киргизами: горячка, тиф, оспа и другие, беспощадно истребляют киргизское население; а положение их женщин-родильниц совершенно безотрадно; вообще, степь представляет широкое поле для миссионеров-лекарей и повивальных бабок; сим последним еще легче можно проникнуть в киргизские семейства. Само собою разумеется, что, для успеха дела, миссионеры должны выучиться киргизскому языку, который не представляет особой трудности.

Большую пользу принесло бы также распространение книг Нового и Ветхого Завета и вообще духовного содержания, переведенных на киргизский или татарский язык: чтение их может приготовить почву для веры. Коммисия имела счастливый случай убедиться в этом, застав раз татар за чтением Евангелия на их языке. Книга эта попала им в руки из числа розданных Тобольским епархиальным начальством арестантам из татар.

Вообще, для миссионерской деятельности киргизские степи представляют обширное поприще. Действуя осторожно, без насилия и соблазна, силою убеждения, миссионерство, нет сомнения, не возбудит волнений в степи, особенно в то время, когда и в административном отношении страны эти получат ныне прочную, сильную организацию.

2) Для успеха христианства в степи необходимо устранение в законах формальностей по причислению киргизов, восприявших крещение к христианским обществам, и притом надо обратить внимание на устройство быта крестившихся. Законом нашим установлено правило приписывать крестившихся иноверцев к обществам мещан и крестьян, с целию, вероятно, предупредить этим возврат к прежней вере. В Сибирском Положении разрешено, впрочем, оставлять киргизов и в прежнем состоянии, но на деле все-таки большую часть крещенных приписывали в мещане или казаки. В Оренбургском ведомстве, в шестидесятых годах, возник даже целый вопрос о порядке выдачи билетов на жительство крестившимся киргизам до приписки их к обществам; при этом обнаружилось, что, вследствие бывшего тогда порядка, принявшие христианство терпели крайнее стеснение, подвергались иногда заключению и пересылались как арестанты. В 1865 году облегчены правила выдачи таким лицам билетов; но этого еще недостаточно. Необходимо дозволить крестившимся оставаться в прежних

обществах и состояниях, предоставляя им при этом право занимать кочевки около русских поселений, и только при добровольном желании перейти к оседлой жизни, приписывать их к русским обществам. Такая мера, по всей вероятности, принесет благие результаты, ибо до сих пор киргизы думали, что сделаться христианином, значит будто бы непременно сделаться мещанином или казаком. При новом порядке не потребуется даже выдачи каких-либо билетов новокрещенным, а все ограничится простым перечислением их из одного места в другое.

В отношении быта крестившихся надо обратить внимание на вопрос о нерасторжении браков при принятии христианства одною из сторон. Между киргизами многоженство не сильно распространено; большинство из них живет при одной жене; следовательно, вопрос здесь не так сложен, как кажется с первого взгляда. Духовное начальство оказало бы благодеяние для степей рассмотрением этого вопроса; если здесь не будет возможно положительное решение, то по крайней мере полезно было бы не строго преследовать это правило в степи для большого успеха самой же Святой Веры.

3) Необходимо установить строгое наблюдение за безопасностью крестившихся. Недостаток энергии в этом отношении (как, напр., было относительно еврейских обществ) и вследствие того боязнь мщения прежних единоверцев может сильно влиять на успех христианства. В судебной части Положения Коммисия проектировала строгие наказания за убийство крестившихся киргизов.

4) В деле христианства будут без сомнения полезны и местные приходские священники, на обязанности которых лежит утверждение крестившихся в правилах веры и наблюдение за несовращением их опять в магометанство. Комиссия долгом считает обратить внимание на положение нашего духовенства в степи в материальном отношении. Не говоря уже о невыгодах жизни в глуши степей, без средств воспитания детей и т.п., обстановка его сделается неудовлетворительною особенно теперь, когда, с предстоящим преобразованием гражданского управления в степи, содержание всех служащих там будет, по всей вероятности, увеличено. Более значительное обеспечение степных православных священников даст возможность привлекать туда людей развитых, проникнутых своим высоким назначением и поддержит уважение к ним в глазах ордынцев, привыкших ценить людей по их материальному достатку.

5) Наконец, необходимо усилить надзор за управлением духовной частию в степи. В настоящее время степь Оренбургского ведомства причислена к Оренбургской епархии, духовное управление которой находится в г. Оренбурге, на границе степи; в Сибирском же ведомстве: область Сибирских киргизов причислена к Тобольской епархии, а область Семипалатинская – к Томской. В прежнее время, когда колонизация степи не была столь развита, как теперь, такое положение соответствовало обстоятельствам; но, с поселением внутри степи зна-

чительного русского и в особенности, с предполагаемым открытием миссионерской деятельности, необходимо основать для степи или особую епархию, или, по крайней мере, назначить викариев в г. Омск (для областей Сибирского ведомства) и в г. Верный (для областей Туркестанского края). В нынешних же пределах Сибирских епархий едва-ли возможно близко надзирать за духовным управлением в степи. Но, без сомнения, мера эта подлежит более компетентному обсуждению духовного начальства.

[1] Переводы с английского языка выполнены А.В. Постниковым.

[2] Bibliothèque nationale de France. Department of Maps and Charts. Carton RE-RU # 924. Roborovsky (Vsevolod Ivanovich). Expédition de la Société russe de Géography en Asia cebtrale, 1893-1895... (1896?) (7 p. in Russian).

[3] АВПРИ. Ф. СПб. Гл. Арх. I-5. Оп. 4, 1840-1846 гг.. № 3: *Об отправлении полковника Бутенева в Бухарию и о пребывании его там*. Л. 213-219 – [Справка Ханыкова об английских агентах Стоддарте и Конолли (автограф); подписана 7 августа 1842 г., получена МИД-ом России за № 2286, 9 августа 1842 г.

[4] По принятии мусульманства *из Стоддарта сделался Истыдарт-Саид* (АВПРИ. Ф. СПб. Гл. Арх. I-5. Оп. 4, 1840-1846 гг.. № 3: *Об отправлении полковника Бутенева в Бухарию и о пребывании его там*. Л. 236.)

[5] Перевод с латинского языка, выполненный Б.А. Старостиным, книги: Imposturae CCXVIII in dissertatione R.P.Benedicti Cetto, clerici regularis e scholis piis, De Sinensium omposturis detectae et convulsae. Accedunt Epistolae Anecdotae R.P. Augustini e comitibus Hallerstein ex China scriptae. Budae, Anno 1781. P. XXXIII – XLV.

[6] Имеется ввиду маньчжурский язык, бывший в употреблении как государственный в канцеляриях династии Цин. – Примеч. перев.

[7] Братищев, Василий Федорович, русский дипломат. Был резидентом в Дербенте, а с 1756 по 1758 г. представителем русских интересов в Китае. Автор книги *Известие о происшедших между шахом Надиром и старшим его сыном Рекуллы-мирзою печальных приключениях в Персии 1741-1742*. (СПб., 1763).

[8] Каково было мнение древних китайцев о духах, об этом подробно рассказано в трактате отца Ноэля *История и разъяснение обрядов...* и т.д. (P. Noel. Hist. notitia retuum.. etc.) в главе третьей, где приведены слова и свидетельства из классических книг.

[9] Тот самый, чей труд вошел в составленные другими миссионерами *Записки о китайских делах* (Memoriae Sinicae).

[10] По-татарски – oloth.

[11] Иначе *Контайша*: *тайша* – общее имя для князей, употребляемое калмыками.

[12] Иначе: Та-ва-цзи.

[13] Сделаем здесь только следующее краткое примечание к сказанному: сам император Цянь Лун приказал вырезать на камне причины, ход и результаты этой войны в виде стихов на китайском языке. Отец Амио перевел их на французский язык, снабдил комментариями и отправил во Францию господину Бертену, министру и государственному секретарю. Этот перевод опубликован в издании: Mem. Chin., tom. 1, p. 329-399.

[14] Если считать ее началом ойротскую междоусобицу. Иначе рассматривает это император в своих (высеченных на камне) стихах, где этой войне приписана лишь четырехлетняя продолжительность.

[15] Странная ошибка памяти, поскольку, как мы видели ранее, еще в 1761 г. автор писал об этой войне тому же члену ордена.

[16] Амурсана просил императора, чтобы тот разрешил ему убить Таваци. Однако император, как у него это во всех таких случаях было в обычае, не стал выдавать Таваци Амурсане и сказал ему, что если он хочет облегчить себе дальнейшие дела, то надо сохранить Таваци жизнь. Однако спустя немного времени Таваци умер из-за душевного сокрушения. Вскоре и сын его также последовал за ним.

[17] Неясно, почему Августин Галлерштайн столь низко оценивает качество работы своих братьев по ордену иезуитов. Как было нами показано в основном тексте, другие авторы относились с большим доверием к съемкам иезуитов и их картам. В частности, в упомянутом выше труде отца Амио (Mem. Chi., tom 1, n. 399) точно указывает градусы и минуты как долготы, так и широты основных городов ойротов по отношению к пекинскому меридиану.

[18] Этноним татары здесь применяется в очень широком смысле (кочевых племен, маньчжурских отрядов и т.д.) – примеч. перев.

[19] Этот дневник автор вручил в 1763 году господину Иоанну Кропотову, русскому посланнику при китайском дворе, а тот передал его господину графу Кириллу Разумовскому. Разумовский впоследствии прислал его в Вену, где славнейший Максимилиан Хелл, императорский и королевский астроном, его опубликовал, о чем я выше уже говорил.

[20] Мне нигде не удалось обнаружить сведений о том, были ли доставлены в Китай эти медные матрицы, или же не были.

[21] В ряде писем, датированных 1764 годом, соответствующие изъявления часто предваряются выражением благодарности светлейшей королеве Португалии, матери короля Иосифа.

[22] Примечание автора циркуляра: *Мечети эти находятся: в Оренбурге при меновом дворе; на содержание служителей ее до сих пор отпускается от казны ежегодно по 110 руб. 31 коп.; в Сибири около выселка Подпускного; для охранения этой Высочайше пожалованной мечети от разграбления киргизов одно время принуждены были ставить сторожей из русских, как к казенному зданию.*

[23] Примечание автора циркуляра: *Административным распоряжением.*

[24] Примечание автора циркуляра: *Под предлогом поземельного неусройства в степи.*

[25] Примечание автора циркуляра: *Указными муллами называются лица, получившие свидетельства на утверждение (указы) от Оренбургского магометанского духовного собрания, или окружных приказов.*

[26] Примечание автора циркуляра: Богородской церкви, при тюрьме в г. Омске, отца И. Сотникова.

Литература

Азатьян А.А. Выдающиеся исследователи природы Средней Азии. М., 1960.

Андреев А.И. Я.П. Шишмарев: дипломат, путешественник, исследователь Монголии // Mongolica-VI. СПб, 2003. С. 119-123.

Андреев А.И. Буддизм в Петербурге в XIX в. // Три века Санкт-Петербурга. Энциклопедический словарь. Т. II. Кн.1. СПб, 2003. С. 119-123.

Андерсен В. Неравноправные договоры царской России с Китаем в 19 веке // Борьба классов. № 9. 1936. С. 102-112.

Андрианов Б.В., Федчина В.Н. Комплексное историко-географическое изучение Средней Азии // Проблемы исторической географии России. Вып. III: Вопросы исторической картографии и картографического источниковедения. М., 1983.

Арсеньев Ю.В. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария // Записки Русского Географического общества, отд. этнографии. Т. X. Вып. 1, Приложение V. СПб., 1882.

Афганское разграничение. Переговоры между Россией и Великобританией, 1872–1885. СПб, 1886.

Бабков И.Ф. Воспоминания о моей службе в Западной Сибири. 1859-1875. Разграничение с Западным Китаем, 1869 г. СПб, 1912.

Багров Л.С. Карты Азиатской России. Пг., 1914.

Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России. 2 изд. Л., 1925.

Бейсенова А.С. Исторические основы географических исследований Казахстана. Алматы, 2001.

Бекмаханова Н.Е. К характеристике источников «Исторической карты Казахстана пер. пол. X1X в.» // Проблемы исторической географии СССР. Вып. III: Вопросы исторической картографии и картографического источниковедения. М., 1983.

Беляев Д.И. О географических сведениях в древней России // Записки ИРГО. Кн. VI. СПб, 1852.

Беневени Ф. Посланник Петра I на Востоке: посольство Фловио Беневени в Персию и Бухару в 1718-1725 годах. Отв. ред. Н.А. Халфин; подг. текста, вступ. ст. и комм. В.Г. Воловникова. М, 1986.

Берг Л.С. Аральское море. Опыт физико-географической монографии. СПб, 1908.

Берг Л.С. Очерк истории исследования Аральского моря // Избр. соч. Т. III. М., 1960.

[Бичурин Н.Я.] *Иакинф* (1777-1853) Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. СПб, 1834.

[Бичурин Н.Я.] *Иакинф* (1777-1853). Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана: в древнем и нынешнем состоянии, переведено с китайского монахом Иакинфом. В 2 томах. СПб, 1829.

[Бичурин Н.Я.] *Иакинф* (1777-1853). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. В 3 томах. СПб, 1851.

[Бичурин Н.Я.] *Иакинф* (1777-1853). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Редакция текста, вступительная статья и комментарии А.Н. Бернштама и Н.В. Кюнера. В 3 томах. М., 1950-1953.

[Бичурин Н.Я.] *Иакинф* (1777-1853). Собрание сведений по исторической географии Восточной и Срединной Азии. Сост.: Л.Н. Гумилев, М.Ф. Хван. Чебоксары, 1960. 757 с.

[Бичурин Н.Я.] *Иакинф* (1777-1853). Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. 2 изд. Элиста, 1991. 127 с.

[Бичурин Н.Я.] *Иакинф* (1777-1853). [Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Выборки]. Средняя Азия и Восточный Туркестан. Сост. Н.Е. Акбаев. Алматы, 1997. 352 с.

[Бланкенагель] Путевые заметки майора Бланкенагеля о Хиве в 1793-1794 гг. С примечаниями В.В. Григорьева // Вестник Императорского русского географического общества. Ч. 22 (1858). С. 87-116.

Борнс А. Путешествие в Бухару в 1831, 1832 и 1833 гг. Остиндской компанейской службы Александра Борнса, [СПб], Ч. I: 1848; Ч. II, 1849; Ч. III, 1850.

Бояршинова З.Я. О происхождении слова «Сибирь» // Научные доклады высшей школы. Исторические науки. 1959. № 3.

Бурнштейн Е.Ф. У истоков рудного Казахстана // Природа. № 6. 1999. С. 27-39.

Бурнштейн Е.Ф. Экспедиция И.П. Шангина в Казахские степи в 1816 году // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отд. геол. Т. 75, Вып. 3. 2000. С. 57-63.

Бурнштейн Е.Ф. Начало высшего горного образования в России и первый отечественный горный инженер // Региональная геология, глубинное строение и металлогения. СПб, 2000. С. 52-53.

Бурнштейн Е.Ф. Шангины – исследователи Южной Сибири и Казахских степей. Отв. ред. Е.Е. Милановский. М., 2003. 230 с., илл. – (Научно-биографическая литература).

Валиханов Ч.Ч. О состоянии Алтышаара или шести восточных городов Малой Бухарии в 1858–1859 гг. // Записки ИРГО. СПб, 1904.

Валиханов Ч.Ч. Очерк Джунгарии // Собр. соч. Т. 1. Алма-Ата, 1961.

Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. Алма-Ата, 1968. Т. IV.

Васильев А.В. Забайкальские казаки. Б.м., б.г. Т. Ш.

Венюков М. О Памире и верховьях Аму-Дарьи. Б.м., б.г. [янв. 1861].

Венюков М. Опыт военного обозрения русских границ в Азии. Вып. 1. СПб, 1873.

Венюков М. Очерк географических исследований в Азиатской России // Военный сборник. 1877. Т. CXVI/ 7.

Веселовский Н.И. Очерки историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего. СПб, 1877.

Вестник Императорского Русского географического общества. Ч. 18, книга 6, раздел 5; Ч. 23, книга 5, раздел 2. СПб, 1856–1858.

Вестник ИРГО. 1858. Т. 22.

Влангали А.Г Рекогностические поездки в восточную часть Киргизской степи в 1849 и 1851 гг. СПб, 1853.

Военные действия против кокандцев в 1875 (и 1876) годах // Военный сборник, 1876 г. Т. CVII/ 1 и 2; Т. CVIII/ 3 (Приложена Карта Кокандского ханства).

Воскресенский А.Д. Дипломатическая история русско-китайского Санкт-Петербургского договора 1881 года. М., 1995.

Воскресенский А.Д. Царская Россия и Китай в исследованиях последних лет. (80–90-е годы XX в.). М., 1994.

Воскресенский А.Д. Современные концепции русско-китайских отношений и пограничнo-территориальных проблем в России и Китае (80-90 гг. XX в.). М., 1994).

Вязигин С.А. Сведения Клавдия Птолемея по географии Туркменистана. – Известия Туркменского филиала АН СССР, 1946. № 1.

Галкин М.Н. Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. (Санкт-Петербург: Издание Я.А. Исакова, 1868), 336 стр., 1 карта.

Галузо П.Г Туркестан-колония: очерк истории колониальной политики русского царизма в Средней Азии. Изд. 2-е, исправл. и дополн.. (Ташкент: Гос. издво УзССР, 1935), 222 с.

Гальков Ч.В. Туркестанский военно-топографический отдел и его работы по картографированию Средней Азии (1867 – 1914). Диссертация на соискание ученой степени кандидата географических наук. Ташкент, 1958.

Гафуров Б.Г История таджикского народа в кратком изложении. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г. Т. 1-2, изд. 3, (М., 1955).
Гафуров Б.Г Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. (М.: «Наука», 1972).
Геродот. История в девяти книгах. Перевод и примечания Т.И. Стратановского (Ленинград: Наука, 1972).
Гольденберг Л.А. Малоизученные источники по истории картографии России первой половины XVIII в. – Проблемы исторической географии России, вып. III: Вопрсы исторической картографии и картографического источниковедения. М., 1983.
Гольденберг Л.А. Подлинная роспись Чертежа Сибири 1667 г, – Труды ИИЕиТ, т. 42. История геолого-географических наук, вып. 3, М., 1965.
Границы Китая: история формирования. Под общ. ред. В.С. Мясникова и Е.Д. Степанова. (М., 2001).
Григорьев А. Подлинная карта Сибири XVII века. – Сборник Министерства народного просвещения, новая серия, ч. X1, октябрь 1907.
Григорьев В.В. Русская политика в отношении к Средней Азии. СПб., 1874.
Гродеков Н.И. Война в Туркмении. СПб., 1883.
Громбчевский Б.Л. Доклад о путешествии в 1889 – 1890 г . (с картой). – Изв. ИРГО, т.XXVII, вып. 2, СПб., 1891.
(Грумм-Гржимайло Г.Е.) Сообщение о путешествии на Памир. – Изв. ИРГО, т.XXШ, вып. 6, 1887.
Грум-Гржимайло Григорий Е., «Le Pamir et sa faune lepidopterologique», 1890).
Грум-Гржимайло Григорий Е., Путешествие в Китай 1896-1906.
Грумм-Гржимайло А.Г. Дела и дни Г.Е.Грумм-Гржимайло. М., 1947.
(Громбчевский Б.Л. и Грумм-Гржимайло Г.Е.) Пояснительная записка к карте Канджута, Раскема и Сарыкола. – Изв.ИРГО, т.XXV, вып. 6, СПб., 1889.
Гуревич Б.П. «Вторжение Цинской империи в Центральную Азию во второй половине 18 в. и политика России.» История СССР. № 2. (1973).
Гуревич Б.П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII – первой половине XIX в. (М.: Наука, 1979).
Гуревич Б.П. История «Илийского вопроса» и ее китайские фальсификаторы. Документы опровергают: против фальсификации истории русско-китайских отношений. (М.: Мысль, 1982): 423-459.
Гуревич Б.П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII – первой половине XIX в. 2-е, дополненное изд. (М.: Наука, 1983).
Дитмар Б.П. Исторический очерк изображения территории СССР в иностранной картографии до XVIII века. – Ученые записки Ярославского пед. института, вып. 6 (16), Ярославль, 1945.
Дополнение к актам истории, т.II. СПб., 1846.
Древние авторы о Средней Азии. – Хрестоматия под ред. Л.В.Баженова. Ташкент, 1940.
Духовская (*Варвара Федоровна Голицына*) Туркестанские воспоминания, Варвара Духовская. (С.Петербург: Р. Голике и А. Вильборг, 1913), 101 с.
Есаков В.А. География в России в XIX – начале XX вв. (Открытия и исследования земной поверхности и развитие физической географии). (М., 1978), 307 с.
Есаков В.А. Михаил Иванович Венюков, 1832-1901. (М.: Наука, 2002), 242 с.; ил.
Ефимов А.В. (ред.) Атлас географических открытий в Сибири и в Северо-западной Америке XVII – XVIII вв. М., 1964.
Ефремов Ф.С. Российского унтер-офицера Ефремова, ныне Коллежского Ассесора десятилетнее странствование и приключение в Бухарии, Хиве, Персии и Индии, и возвращение оттуда чрез Англию в Россию, писанное им самим. (Санктпетербург: печатано у Гека, 1786), 224 с.
Ефремов Ф.С. Странствование Надворного советника Ефремова в Бухарии, Хиве, Персии и Индии, и возвращение оттуда чрез Англию в Россию. Новое ис-

правленное и умноженное издание. (Санктпетербург: печатано на иждевении Р.Б[огдановича], 1794), 110 с.
Ефремов Ф. Девятилетнее странствование. Ред. Э.М. Мурзаев. (Москва: Государственное издательство географической литературы, 1952), 76 с., [1] лист иллюстраций.
Жуковский С.В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотление. Труды Общества Российских ориенталистов. №2, (1915).
Закрытие Китайской границы. – Всемирная иллюстрация, т.XVIII. №№ 448, 451, СПб., 1877.
Замысловский Е. Чертежи Сибирских земель. – Журнал Министерства народного просвещения, 1891, июнь.
[Ибн Фадлан] Путешествие Ибн Фадлана на Волгу, изд. И.Ю. Крачковчким, (Москва-Ленинград: Издательство АН СССР, 1939).
Иванов Д. Путешествие на Памир. – Известия ИРГО, т. XX, вып. 1-6, СПб., 1884.
Искандаров Б.И. Из истории Бухарского эмирата. (М., 1958).
Искандаров Б.И. Восточная Бухара и Памир во второй половине 19 в. Часть 1. (Душанбе, 1962).
Искандаров Б.И. «Изучение Памира в связи с историей сопредельных стран во второй половине 19 в.» Известия АН Тад.ССР, Отделение общественных наук. № 4 (46), (1966): 28-39.
Искандаров Б.И. Социально-экономические и политические аспекты истории памирских княжеств. (Душанбе: «Дониш», 1983).
Итоги и задачи изучения внешней политики России. (М., 1981).
Карамзин Н. История государства Российского, изд. 4, т. IX, СПб., 1834.
Канаев Г.Е. Киргизские степи, Средняя Азия, Северный Китай в XVII -XVIII вв. по показаниям, разведкам, доезжим записям, отчетам, исследованиям западносибирских казаков и прочих служилых людей. -Записки Западно-Сибирского отделения Имп. Русского географического общества, кн. XIV, вып. 1, Омск, 1893.
Каульбарс А.В. Материалы по географии Тянь-Шаня, собранные во время путешествия в 1869 г. -Записки ИРГО, т. V, СПб., 1875.
Кауфмановский сборник, изданный в память 25 лет, истекших со дня смерти покорителя и строителя Туркестанского края, генерал-адъютанта К.П. фон-Кауфмана 1-го. М., 1910.
Кедров И. Н. Спафарий и его арифмология. – Журнал Министерства народного просвещения, 1876, январь.
Кирилов И.К. Атлас Всеросийской империи. Л., 1959.
Китай и соседи в новое и новейшее время. (М., 1982).
Книга Большому Чертежу. Подгот. к печ. и ред. К.Н.Сербиной. М.-Л., 1950.
Княжецкая Е.А. Новые сведения об экспедиции Александра Бековича-Черкасского в Среднюю Азию. – Изв. АН СССР, сер.географическая, 1960. № 1.
Княжецкая Е.А. Первые русские съемки Западной Сибири. – Изв. ВГО, т. 98, вып. 4, Л., 1966.
Княжецкая Е.А. Судьба одной карты. М., 1964.
Колесников А.А. Русские военные исследователи Азии (XIX – начало XX века). (Душанбе: изд. Дониш, 1997).
Колесников А.А. Русские в Кашгарии (вторая половина XIX – начало XX в.). Миссии, экспедиции, путешествия. Бишкек: Раритет, 2006.
Костенко А. Исторический очерк распространения русского владычества в Средней Азии. – «Военный сборник», 1887 г., т. CLXXVI/ 8, т.CLXXVII/ 9 и 10, т.CLXXVIII/ 11.
Корнилов Л.Г Кашгария и Восточный Туркестан. (Ташкент, 1903).
Костенко А.Ф. Военно-научная экспедиция на Алай и Памир // Военный сборник, 1877, т. XX. № 4.

Куропаткин А.Н. Кашгария. Историко-географический очерк страны, ее военные силы, промышленность и торговля. СПб., 1879.
Лавров М.В. Туркестан: география и история края, составил М.В. Лавров. (Москва: Издательство Торгового дома «Думнов, Клочков, Луковников и Ко., 1914), IV, 198 с.
Лаппо И.И. Отзыв о труде Кордта. Материалы по истории русской картографии. СПб., 1908.
Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. – Вестник древней истории, 1947. №№ 1,2,3,4.
Лебедев Д.М. Очерки по истории географии в России XV и XVI веков. М., 1956.
Левшин А. (Алексей Ираклиевич, 1799-1879) Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. В трех частях (томах). (СПб., 1832).
Литвинский Б.А. Древние кочевники «Крыши мира». (М.: «Наука», 1972).
Мемедбейли Г.Д. Основатель Марагинской обсерватории Насирэддин Туси. Баку, 1961.
Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник. Под ред. Н.Маева, т. Ш, СПб.,1874.
Материалы для историко-географического атласа России, изданные Археологической комиссией. СПб., 1871.
Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. – Труды Историко-архивного института и Института востоковедения АН СССР, вып. 3,Л., 1932.
Медушевская О.М. Картографические источники XVII-XVIII вв. Учебное пособие по источниковедению СССР. М., 1957.
Международные отношения в Центральной Азии. Документы и материалы. Книга 1. (М.: Наука, 1989).
Международные отношения на Дальнем Востоке. Т. 1-2, (М., 1973).
Межов В.И. (1831-1896) Туркестанский сборник сочинений и статей, относящихся до Средней Азии вообще и Туркестанского края в особенности, составляемый В.И. Межовым. (С.Петербург: В.Безобразов, 1878-1888).
Мелихов Г.В. Экспансия Цинского Китая а Приамурье и Центральной Азии в XVII-XVIIIвв. – Вопросы истории, 1974. № 7.
М.В. «Путевые очерки Чжунгарии» Записки Зап.-Сиб. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ., кн. I, 1879.
Миллер (Г.Ф.) Известие о песочном золоте в Бухарии и проч. – Ежемесячные сочинения, (СПб.), 1760.
Миллер Г.Ф. Известие о ландкартах до Российского государства с пограничными землями касающихся. СПб., 1761.
Михайлов Н.И. К истории появления и распространения названия «Сибирь». – Ученые записки Московского университета, 1954, вып. 170, География. С. 113-119.
Муравьев Н.Н. Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 гг. Гвардии генерального штаба капитана Николая Муравьева, посланного в сии страны для переговоров, ч. 1 – 2, (М., 1822).
Мушкетов И.В. Туркестан. Геологическое и орографическое описание по данным, собранным во время путешествий с 1874 по 1880 гг. т. 1, СПб., 1886; т.II, СПб., 1906.
Мушкетов И.В. Туркестан. т. 1, изд.2, Птг., 1915.
Мясников В.С. Границы Китая: теоретические и историографические проблемы. Формирование границ Китая. Т. 1. (М., 1977): 12-74.
Мясников В.С. Империя Цин и Русское государство в 17 в. (М.: Наука, 1980).
Мясников В.С., Шепелева Н.В. Империя Цин и Россия в 17 начале 20 в. Китай и соседи вновое и новейшее время. (М.: Наука, 1982): 34-89.
Мясников В.С. Империя Цин и Русское государство в 17 в. Изд. 2, испр. и доп. (Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1987).

Мясников В.С. Об изучении истории внешней политики России. Новая и новейшая история. № 5. (1992): 3-22.
Мясников В.С. Межгосударственные отношения России с Китаем как форма межцивилизационного контакта. Научный альманах «Цивилизации и культуры». Вып. 2 – Россия и Востогк: цивилизационные отношения. (М., 1995): 215-233.
Мясников В.С. Договорными статьями утвердили: дипломатическая история русско-китайской границы XVII–XIX вв. М., 1996.
(Назаров Филипп). Записки о некоторых народах и землях средней части Азии Филиппа Назарова. СПб., 1821.
Наша среднеазиатская граница с Китаем. -»Всемирная иллюстрация», 1882 г., т.XXVIII. №№ 725, 726.
Новлянская М.Г И.К. Кирилов и его Атлас Всероссийской империи М.-Л.,1958.
Норденшельд А.Е. Первая карта северной Азии, основанная на действительных наблюдениях. – Записки Военно-топографического отдела Главного Штаба, ч. 44, СПб., 1889.
Новое время, 1892 г.. № 6021, (Об интересах Китая на Памире).
Обручев В.А. Пограничная Джунгария, т. 1, Томск, 1912.
Определение русской границы в Средней Азии. – Всемирная иллюстрация. 1885 г., т. XXXШ. № 842.
Отношение Китая к Памирскому вопросу. – Новое время, 1892 г.. № 5951.
Отношение Китая к Памирскому вопросу. – Туркестанские ведомости, 1892 г. № 41 (1126).
Ошанин В.Ф. На верховьях Мук-су. – Изв. ИРГО, 1880 г., т.XVI, вып. 1. С. 35.
Памирская экспедиция 1883 года. – Восточное обозрение, 1884 г.. № 16.
Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою Ордами и с Турцией, т. 1 (с 1474 по 1505 г.), т.II (1508 – 1571 гг.), СПб., 1884.
Певцов М.В. Очерк путешествия по Монголии и сев. пров. внутреннего Китая. Записки Зап.-Сиб. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ., 1883, кн. 7
Певцов М.В. Труды тибетской экспедиции (1895).
Попов А.Н. Сношения России с Хивой и Бухарой при Петре Великом. Сочинение А. Попова. (С.Петербург: В Типографии императорской Академии наук, 1853), iv, 188 с.
Посольство в Хиву капитана Никифорова в 1841 г. – Военный сборник, 1861 г.. № II.
Проблемы методологии и источниковедения истории внешней политики России (Историография). (М., 1988).
Роборовский Всеволод И. «Предварительный отчет об экспедиции в Центр. Азию в 1893-95» Известия Географич. Общ., т. XXXIV, 1898, вып. 1).
Пыляев. Старый Петербург. СПб., 1883.
Повесть временных лет (летопись Нестора). тт. I – II. С.-Л., 1950.
Покотило Н.Н. Путешествие в Центральную и Восточную Бухарию в 1886 году. – Изв. ИРГО, 1889, т. XXV, вып.V.
Полевой Б.П. Курбат Иванов – первый картограф Лены, Байкала и Охотского побережья (1640 – 1645 гг.). – Изв. ВГО, т. ХСП. № 1, Л., 1960.
Полевой Б.П. Географические чертежи посольства Спафария. – Изв. АН СССР, серия географическая, 1969 г.. № 1.
Положение с Памирским вопросом. – Новое время, 1892 г.. №№ 5770, 5784.
Посольство в Хиву капитана Никифорова в 1841 г. – Военный сборник, 1861 г.. № 11.
Проблемы методологии и источниковедения истории внешней политики России (Историография). (М., 1988).

Путешествие во внутренность Китая и Тартарию, учиненное в 1792-м, 1793-м, 1794-м годах лордом Макартнеем, посланником английского короля при Китайском императоре .(пер. с французского), М., 1804, ч. 1.

Радде Г Путешествие в юго-восточную Сибирь, совершенное по поручению ИРГО в 1855 – 1859 гг. – Записки ИРГО, 1861, кн. 6, отд. 2. С. 1 – 78.

Результаты Алайской экспедиции. – Всемирная иллюстрация, т. XVI, СПб., 1876. № 408.

Риттер К. Землеведение Азии, т. 1, СПб., 1856.

Русская историческая библиотека. т.XV, СПб., 1894.

Русско-китайские договорно-правовые акты. 1689-1916. Под общей редакцией академика В.С. Мясникова. М., 2004.

Русско-китайские отношения 1689–1916. Официальные документы. Пг., 1916.

Русско-китайские отношения. 1689-1916. Официальные документы. М., 1958.

Салищев К.А. Картоведение. М., 1976.

Паллас П.С. Проект экспедиционных исследований, представленный в 1775 г. в Конференцию Академии наук. Труды АН СССР. Выпуск 4. (М.-Л.; 1940): 133-135.

Пашино П.И. Туркестанский край в 1866 году: путевые заметки Р.И. Пашино. (С.-Петербург: Типография Тиблена, 1868), 176 стр.

Повесть временных лет (летопись Нестора). т.т. I-II (С.-Л., 1950).

Полное собрание русских летописей, «Лаврентьевская летопись» (Второе издание). (Ленинград, Издаваемое постоянной Историко-Археографическиой комиссией АН СССР, 1926).

Постников А.В. Развитие картографии и вопросы использования старых карт. М., 1985.

Постников А.В. Схватка на «Крыше Мира»: политики, разведчики и географы в борьбе за Памир в XIX веке (монография в документах). Общая редакция и пред. акад. В.С. Мясникова. М., 2001. 416 с., 8 л. карт.

Постников А.В. Схватка на «Крыше Мира» (политики, разведчики и географы в борьбе за Памир в XIX в.). Общая редакция и пред. акад. В.С. Мясникова. М., 2005. 512 с., ил.

Потанин Григорий Н. Очерки северо-запад. Монголии (1883).

Потанин Григорий Н. Тангутско-тибетск. окраина Китая и центр. Монголия. Б.м., б.г.

Пржевальский Н.М. Монголия и страна тангутов. Трехлетнее путешествие в Восточной нагорной Азии. СПб, Т. 1: 1875; Т. 2: 1876.

Пржевальский Н.М. «От Кульджи за Тянь Шань и на Лоб Нор,« Известия ИРГО, том 13. № 5, (Санкт-Петербург, 1877), 68 стр.

Пржевальский Н.М. Из Зайсана через Хами и Тибет на верховья Желтой реки. Третье путешествие в Центральную Азию Н.М. Пржевальского. (Санкт-Петербург: РГО, 1883).

Пржевальский Н.М. От Кяхты на истоки Желтой реки, исследование северной окраины Тибета и путь через Лоб-Нор по бассейну Тарима. 4-е путешествие. (Санкт-Петербург: РГО, 1888).

Прохоров А. К вопросу о советско-китайской границе, (М.,1975)

Раджабов С. Роль великого русского народа в исторических судьбах народов Средней Азии (Ташкент: Госиздат Узбекской ССР, 1955).

Риттер К. Землеведение Азии Карла Риттера. Том 1: Общее введение и восточная окраина восточной нагорной Азии [Переведено с дополнениями П. Семеновым). (Санкт-Петербург, 1856).

Руссов, Степан В. «Путешествие из Оренбурга в Хиву самарскаго купца Рукавкина в 1753 году, с прибавлением разных известий о Киве с отдаленных времен доныне» Журнал Министерства Внутренних Дел, Том XXXIV. № 10, (1839).

Русско-китайские отношения 1689-1916. Официальные документы. (СПб., 1916).
Сапожников В. Монгольский Алтай. (СПб., 1911).
Сборник договоров России с Китаем. 1689-1881 гг. (СПб., Изд. Мин-ва иностранных дел, 1889)
(Гедин С). В Центральной Азии. Путешествие Свена Гедина в 1893 – 1897 гг. в Памир, Тибет и Восточный Туркестан. Обработано А.Анненской. СПб., 1899.
Свенске К. Материалы для истории составления Атласа Российской империи, изданного в 1745 г. – Записки Имп. Академии наук, т. 9, кн. II (Приложение), СПб., 1866.
Северцов Н.А. Об орографии Средней Азии. – Изв. ИРГО, т. VIII. № 1, СПб., 1872.
Северцов Н.А. Орографический очерк Памирской горной системы. – Записки ИРГО, т.ХШ, СПб., 1886.
Семенов Л.С. Путешествие Афанасия Никитина. (Москва: Наука, 1980).
Серебренников А.Г Туркестанский край: сборник материалов для истории едо завоевания. Собрал А.Г. Серебренников. (Ташкент: Типография Штаба Туркестанского военного округа [1908 /?/ -1914]), 22 /?/ тома.
Симонов (полковник) . Сибирские казаки на Китайской границе. -Военный сборник. № VIII, СПб., 1892.
Скачков П.Е. Ведомость о Китайской земле. - «Страны и народы Востока», вып. 2, М., 1961.
Слухи в индийской печати о русских путешественниках. -»Туркестанские ведомости», 1884 г.. № 40.
Соглашения между Россией и Китаем о проведении и исправлении границ и пограничных делахю Известия Министерства иностранных дел. 1914. Книга IV (Петроград, 1914)
Спафарий Николай Милеску. Сибирь и Китай. Кишинев, 1960.
Статейный список Хилкова. Сборник князя Хилкова. СПб., 1879.
Статейный список посольства в Бухарии дворянина Ивана Хохлова. Сборник Князя Хилкова. (Санкт-Перебург, 1879).
Собрание путешествий к татарам и другим восточным народам в XIII, XIV, и XV столетиях. Плано Карпини. Пер. и изд. Д,Языкова, СПб., 1825.
Соколов А.П. Описи Каспийского моря с начала осьмнадцатого века по настоящее время. – Записки гидрографического департамента Морского министерства, ч. 10, СПб., 1852.
Сын отечества, 1822 г., т. 74.
Тагеев Б.Л. (Рустам Бек). Памирские походы 1892-1895 гг. Десятилетие присоединения Памира к России. Варшава, 1902.
Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времен. М., 1768.
Татищев В.Н. Избранные труды по географии России. М., 1950.
Титов А. Сибирь в XVII в. – Сборник старинных русских статей о Сибири и прилежащих к ней землях. М., 1890.
Тихвинский С.Л. (Отв. ред.) Внешняя политика России (Историография). Сб. статей. (М.: Наука, 1977).
Тихвинский С.Л. (Отв. ред.) Китай и соседи в новое и новейшее время. (М.: Наука, 1982). (М.: Наука, 1982).
Тихвинский С.Л. Век стремительных перемен. (М.: Наука, 2005), 541 с.
Тихомиров В.В. Геология в России первой половины XIX века. Часть 1. (М., 1960), 228 с.
Толстой С.П. Древний Хорезм, (Москва: Изд. МГУ 1948).
Уляницкий В.А. «Сношения России с Средней Азией и Индией в XVI-XVII вв. По документам Московского Главного Архива Министерства Иностранных

дел», Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете, книга 3 за 1888 (1889).
Федченко А.П. Путешествие в Туркестан. М., 1874-1888. – Известия Московского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, тт. 11, 19, 21, 26, 34.
Федченко А.П. Топографический очерк Зеравшанской долины. – Известия имп. общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. СПб., 1878, т. 8.
Федчина В.Н. Чертеж (карта) Средней Азии из кабинета Петра 1. -Сборник докладов научной конференции аспирантов и младших научных сотрудников. М., 1958.
Федчина В.Н. Как создавалась карта Средней Азии. М., 1967.
Флоринский В.М. Заметки о происхождении слова «Сибирь». -Известия Томского университета, 1889, кн. 1, отд.2.
Халфин Н.А. Английская колониальная политика на Среднем Востоке (70-е годы 19 в.), (Ташкент, 1957).
Халфин Н.А. Провал британской агрессии в Афганистане (19 в. – начало 20 в.), (М., 1959).
Халфин Н.А. Политика России в Средней Азии.(1857-1868). (М.: Изд-во восточной литературы, 1960).
Халфин Н.А. Присоединение Средней Азии к России (60-90-е годы XIX в.). (М.: Наука, 1965).
Ханыков Н. (Николай) (1819-1878). О населении киргизских степей, занимаемых Внутренней и Малой ордами. [Санкт-Петербург. 1844], 60 с.
Ханыков Я.В. «Пояснительная записка к карте Аральского моря и Хивинского ханства и их окрестностей» Записки Императорского Русского Географического общества, V, (Санкт-Петербург, 1851): 310-311.
Ханыков Я./В./ Список мест в северозападной части Средней Азии. ([Санкт-Петербург], 1850), [6], 41, 8 с.
Хождение за три моря Афанасия Никитина 1466-1472 гг. Под ред. В.Д. Грекова и В.П. Андриановой-Перетц (Москва: Изд-во АН СССР, 1944).
Хопкирк Питер. Большая игра против России: Азиатский синдром. Перевод с английского И.И.Кубатько. (Москва: РИПОЛ КЛАССИК, 2004), 640 с. с илл. Серия «Мир тайных войн».
Чайковский А. Туркестан и его река, по Библии и Геродоту: по поводу Аму-Дарьинского вопроса. (Владимир: А. Парков, 1884), 30 с.
(Чекановский А.Л.) Предварительный отчет о Ленско-Олекамском путешествии А.Л.Чекановского и С.И.Венгловского. – Изв. ИРГО, т. XII, вып. 2, СПб., 1876; Карта – Изв. ИРГО, т.ХШ, вып. 1, СПб., 1877.
Чухров Ф.В. Зона окисления сульфидных месторождений степной части Казахстана. (М., 1950), 244 с.
[Шангин И.П.] Извлечение из описания экспедиции, бывшей в Киргизскую степь в 1816 г. Сибирский вестник Гр. Спасского. 1820. IX, книги 1, 2, 3; XI, книга 7.
Шангин И.П. Исторические известия об открытии диоптаза с кратким описанием месторождения оного. Труды Санктпетербургского минералогического общества. Том 1. (СПб., 1830): 390-399.
Шарнгорст К.В. Астрономические определения капитана Б.Л.Громбчевского во время путешествия в Канджут и Раскем. – Изв. ИРГО, т. XXV, вып.6, СПб., 1889.
Шварц Л.Э. Подробный отчет о результатах исследований математического отдела Сибирской экспедиции Русского географического общества. СПб., 1864 (с картой).
Шибанов Ф.А. О некоторых вопросах из истории картографии Сибири XVII в. - Ученые записки ЛГУ, серия географических наук, вып. 5. № 104, 1949.

Шимановский И.С. [Из дневника настоятеля Иссыккульского монастыря]. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сборник документов. (Москва: Издательство АН СССР, 1960): 418-420.
Шоу Р. Очерки верхней Татарии, Яркенда и Кашгара. СПб.,1872.
Шульц. Современные сведения о реке Чу. – Изв. ИРГО, т. X. № 3,СПб., 1874.
Экспедиция капитана Б.Л.Громбчевского на Памиры. -Изв. ИРГО, т. XXV, вып. 5, СПб.,1889
Экспедиция Куропаткина в Кашгар. – Всемирная иллюстрация, 1877 г., т. XVII. № 436.
Экспедиция Северцова. – Всемирная иллюстрация, 1876 г., т.XVI. № 396.
Югай Р.Л. История развития географических и картографических представлений о пустыне Кызыл-кум. Ташкент, 1966.
Яковлева П.Т Первый русско-китайский договор 1689 года. М., 1958.

Abrege de Geographi Moderne . . .par S.F.Lacroix, geographie acienne par J.B. Barbie du Bocage . . ., Paris, 1811.
Ahrari, Mohammed E. with *Beal, James.* The new great game in Muslim Central Asia. (Washington, DC: Institute for National Strategic Studies, National Defence University: U.S. G.P.O. [distributor], [1996]) iii. 91 p.; maps.
Alder, Carry J. British India's northern frontier, 1865-1985. A study in imperial policy. [Imperial Studies], (London: Longmans Green, 1963).
Alder, Carry J. «Britain and the defence of India – the origins of the problem, 1798-1815.» Journal of Asian History, 6/1, (1972): 14-44.
Alder, Garry J. Beyond Bokhara. The Life of William Moorcroft. (London, 1985).
Alder, L., and *Dalby, R.,* The Dervish of Windsor Castle. The Life of Arminius Vambery. (London, 1979).
Allworth, Edward, «Encounter», Central Asia; a century of Russian Rule. (New York and London: Columbia University Press, 1967).
Andreev A.I. Soviet Russia and Tibet: The Debacle of Secret Diplomacy, 1918-1930s. Leiden; Boston; Brill, 2003. 433 p.
Andreev A.I. The Tsar's Generals and Tibet. Apropos of some «white spots» in the history of Russo-Tibetan relations. Tibet and her Neigbours: A History. London, 2003. P. 167-173.
Andreev A.I. Book review (retsenzia) of J. Siegel's «Endgame. Britain, Russia and the Final Struggle for Centraj Asia». London-New York, 2002 // JRAS. Seies 0, N 13 (1). 2003. Pg. 167-173.
Atkinson T.W Travels in the Regions of the Upper and Lower Amoor and the Russian on the Confines of India and China. With Adventures among the Mountain Kirghis; and the Masjours, Manyargs, Toungous, Touzemts, Goldi, and Gelyaks; the Hunting and Pastoral Tribes. By Thomas Witlam Atkinson, F.G.S., F.R.G.S....(New York: Harper & Brothers, Publishers, Franklin Square, 1860) in two volumes.
Baddeley John F. Russia, Mongolia, China, Being some Record of the relations between them from the XVIIth Century to the Death of the Tzar Alexei Mikhailovich A.D. 1602-1676, rendered mainly in the form of Narratives dictated or Written by the Envoys sent by the Russian Tzars or their Voevodas in Siberia to the Kalmuk and Mongol Khans and Princes; and to the Emperors of China with Introductions, Historical and Geographical. Also A series of Maps showing the progress of Geographical knowledge in regard the XVIth, XVIIth and early XVIIIth Centuries, the texts taken more especially from Manuscripts in the Moscow Forign Office Archives. 2 vol. London: Macmillan and Co., 1919.
Bagrow L.S. Sparwenfeld,s map of Siberia // Imago Mundi, 1947, v.IV.
Bagrow L. Italians on the Caspian // Imago Mundi, v.XIII, 1956.
Baron S.H. William Borough and the Jenkinson Map of Russia (1562), Cartographica 26, 2 (1989): 72 – 87.

Baron S.H. Explorations in Muscovite History. Hampshire, England, 1991, ch.11.
Baron S.H. The Lost Jenkinson Map of Russia (1562) Recovered, Redated and Retitled. Terrae Incognitae 25 (1993): 53 – 65.
Bassin, Mark. Turner, Solov'ev, and the «Frontier Hypothesis»: The Nationalist Signification of open Spaces. Journal of Modern History 65 (september 1993): 473-511.
Bellew H.W. Kashmir and Kashghar. London, 1875.
Bellew H.W The Rases of Afghanistan. Calcutta, 1880.
Burnaby, Fred. Ride to Khiva: Travels and Adventures in Central Asia. By Fred Burnaby, Captain Royal Horse Huard. With Maps and Appendix, containing, amongst other information, a Series of March-Routes, translated from Several Russian Works. Third edition. (London, Paris & New York: Casset Petter & Galpin, 1876).
Beal Rev.S. Travels of Fah Hian and Sung Yun. London, 1869.
Beal Rev. S. Life of H.T. London, 1888.
Beal Rev.S. Si-yu-ki, 2 vol., London, 1890.
Boulger Demetrius Charles. The life of Yakoob Beg; Athalik Chazi and Badaulet; Ameer of Kashgar. Dy Demetrius Charles Boulger, member of the Royal Asiatic Society. London, 1878. Map: Eastern Turkestan and its Neighbours Showing Trade Routes through Yakoob Beg,s Dominions.
Boulger, Demetrius Charles de Kavanagh. England and Russia in Central Asia: with two maps and appendices. (London: W.H. Allen, 1879).
Boulger D.C. Central Asian questions. Essays on Afghanistan, China and Central Asia. London, 1885.
Bonvalot, Gabriel. Du Caucase aux Indes, a Travers Le Pamir. Paris, 1889.
Buddhist Records of the Western World. London, 1890, vol.1, p. XI and XXIII – LXXI-II.
Burnaby, Fred. A Ride to Khiva: Travels and Adventures in Central Asia. By Fred Burnaby, Captain, Royal Horse Guards. With Maps and Appendix, containing, amonst other information, a Series of March-Routes, translated from Several Russian Works. Third edition. (London, Paris & New York: Casset Petter & Galpin, 1876), 487 p.
Burnes A. Travels in to Bokhara, London, 1834.
Cahen G. Les cartes de Sibirie au XVIII siecle.-Nouvelle Archives des missions scientifiques et litteraires choix de rapports et instructions. Paris,1911, Nouvelle serie, Fascicule I.
Chang, Luke T. China's Boundary Treaties and the Frontier Disputes. (London: Oceana Pablications, 1982).
Chavda, V.K. India, Britain, Russia; a study in British opinion, 1838-1878. (Delhi: Sterling Publishers, [1967]) vi, 245 p. maps.
«China and Russia Complete Border Demarcation.» OMRI Daily Digest 1, no. 202, October 17, 1995; «Kazakhstan Signs Pact with China.» International Herald Tribune. (April 27, 1994).
Clubb, Oliver Edmund. China and Russia: The Great Game. (New Yourk, London; 1971).
Cobbold Ralf P Innermost Asia, travel and sport in the Pamirs. London, 1900.
Curtis, William Eleroy. Turkestan: «the heart of Asia', by William Eleroy Curtis...pictures by Joun T. McCutcheon. (New York: Hodder & Stoughton, George H. Doran company, [c. 1911), 5 p. 1., 3-344 p.
Curzon, George N. The Pamirs and the Source of the Oxus. London,(1897).
Das Pamir Plateau und die angrenzenden Theile des Himalaya, Thian-Schan, Hindu-Kusch etc, Übersicht von D.Forsyth's Expedition nach Kaschgar, 1874. (Pet. Mitt., Ergänzungsheft, 52, vol.XI, 1876-7). Gotha, 1877.
Davies. Report on the Trade Routes of the North-West Frontier. Calcutta, 1862.
Danmore. The Pamirs. London, 1895.
Evans George de Lacu. On the Practicability of an Invasion of British India. London, 1878.

Fairbanks, Charles; Starr, Frederick S.; Nelson, Richard C.; Weissbrode, Kenneth. Stratefic Assessment of Central Eurasia. The Atlantic Council of the United States; Central Asia – Caucasus Institute, SAIS, (December 2000), 131 p.

Fischer. Afghanistan and Central Asian question. London, 1878.

Fleming, Peter. Bayonets to Lhasa. (London, 1974).

Fleming, Peter. Bayonets to Lhasa: The First Full Accaount of the British Invasion of the Tibat in 1904. (London, 1986).

Forbes A. Gruar. The Empire and Cities of Asia. London, (1873).

French, Patrick. Younghusband: The Last Great Imperial Adventurer. (London, 1994), переиздана в 1995 и 1997 гг

From Kulja across the Tian-Shan to Lob-Nor by Col. N. Prejevalsky. Tr. by Delmar Morgan, F.R.G.S. with intr. by Sir T. Douglas Forsyth, London, 1879 ; Map: Central Asia Shoving Prejevalsky,s journey in 1877, London, a.o. (1879).

From the Gulf to Central Asia: players in the new great game. Edited by Anoushiravan Ehteshami. (Exeter: University of Exeter Press, 1994) xvi, 242 p.; ill., maps.

Fuchs Walter. Der Jesuiten Atlas der Kanghsi zeit. Peking, 1947.

Giles H.A. Records of the Buddhistic Kingdoms. Oxford, 1886.

Gmelin J.G. Reise durch Sibirien, von Jahr 1733 bis 1743. Göttingen, 1751-1752. Th. 1–4.

Gordon T.E. The Roof of the World being the narrative of a journey over the high plateu of Tibet to Russian frontier. London, Edinburgh, 1876.

Hakluyt Society, Second Series No. 189: PeterPetrovich Semenov Travels in the Tian'-Shan' 1856-1857. Edited and annotated by Colin Thomas (London, 1998).

Holdsworth, Mary. Turkestan in the nineteenth century: a brief history of the khanates of Bukhara, Kokand, and Khiva by Mary Holdsworth. ([London]: Issued by the Central Asian Research Centre in association with St. Antony's College (Oxford) Soviet Affairs Study Group, 1959), ii, 81 p.

Hopkirk, Peter. The Great Game: On the Secret Service in high Asia. (London, 1990).

Hopkirk, Peter, Trespassers on the Roof of the World. The Race for Lhasa. (London, 1982)

Humboldt A. Asia centrale, 1843, t.2.

Huth, Paul K. Standing your ground: territorial disputes and international conflicts. (Ann Arbor: University of Michigan Press, c.1996). x, 275 p.

[Jenkinson Anthony], The voyage of Master Anthony Jenkinson, made from the citie of Mosco in Russia, to the citie of Boghar in Bactria, in the yeere 1558: written by himselfe to the Merchants of Lonndon of the Muscovie companie, E.D. Morgan, ed., Early Voyages and Travels to Russia and Persia (London: Hakluyt Society, 1886).

Iakinf Bicurin: russischer Monk und Sinologe: eine Biobibliographie. Herausgegeben von Hartmut Walravens. (Berlin: C. Bell,1988), ii, 70 leaves.

Julien Stanislas. Histoire de la Vi de H.T. Paris, 1853.

Julien Stanislas. «Si-yu-ki», 2 vols, Paris, 1857.

Kemp, P.M. ed. and tr. Russian traveters to India and Persia, 1624-1798: Kotov, Yefremov, Danibegov. Translated and edited by P.M. Kemp. (Delhi: Jiwan Prakashan, [1959]), x, 126 p.

Khanykov, N. (Nikolai). Bokhara; its amir and its people. Tr. from the Russian of Khanikoff. By the Baron Clement A. de Bode. (London: J. Madden, 1845), xxvi, 21., 316 p.

Khanykov, N. Notice de M.N. de Khanikof sur le livre de Marco Polo, edite et commente par M.G. Pauthier. (Paris: Impremerie Imperiale, 1866), 47 p.

Khodarkovsky, Michael. Where two worlds met: the Russian state and the Kalmyk nomads, 1600-1771. Ithaca, Cornell University Press (1992).

Krausse, Alexis. Russia in Asia: A Record and a Study. 1558-1899. By Alexis Krausse, Author of «China in Decay», etc. (London: Curzon Press; New York: Barnes & Noble Books, 1899); Second edition 1900, New impression 1973 by Biddles Ltd.. Guidford. Surrey. 411 p.

Landresse. Foue-Koue-Ki ou Relation des Royaumes Bouddhiques. Paris, 1836.
Lansdell Henry D.D. Russian Central Asia including Kuldja, Bokhara, Khiva and Merv, vol. 1, London, 1885. Map: To illustrate Dr. Henry Lansdell,s Russian Central Asia.
Lattimore, Owen, Inner Asian Frontiers of China, American Geographical Society. Research Series no. 21. (New: Americal Geographical Society, 1940).
LeDonne, John. The Russian Empire and the World, 1700-1917: The Geopolitics of Expansion and Containment. (New York, Oxford: Oxford University Press, 1997).
Lelewel J. Geographie du Moyen Age. Atlas. Bruxelles, 1850.
Levshin, A.I. Description des hordes et des steppes des Kirghiz-Kazaks, ou Kirghiz-Kaissaks, par Alexis de Levchin. Traduite du russe par Ferry de Pigny. Rev. et publiee par E. Charriere. (Paris: Impr. Royale, 1840), 514 p. illus.
Lobanov-Rostovsky, Prince *Andrei.* Russia and Asia. (New York: The Macmillan Company, 1933).
Mac Gahan J.A. Campaigning on the Oxus, and the fall of Khiva. (New York: Harper & Brothers, Publishers, 1874), X, 438 p.
Markham, Clement R. Memoir on the Indian Surveys; by Clements R. Markhman, C.B., F.R.S. (second ed.) (London, 1878).
Markham, Clement R. Narratives of the Mission of George Bogle to Tibet, and the Journet of Thomas Manning to Lhasa. edited with notes, an introduction, and lives of Mr. Bogle and Mr. Manning, by Clement R. Markham, C.B., F.R.S. (TrЯbner, 1876).
Mehra, P., The Younghusband Expedition. An Interpretation. (London, 1968).
Meyendorff C. Voyage d'Orenburg a Boukara fait eu 1820. (Paris, 1826).
Morgan Delmar E. The Pamir: A geographical and Political Sketch.- The Scottish Geographical Magazine, vol. VIII, Edinburgh, 1892.
Morgan, Gerald, Anglo-Russian Rivalry in Central Asia: 1810-1895. (London, 1981).
Morgan, Gerald, Ney Elias. Explorer and Envoy Extraordinary. (London, 1971).
Murav'ev N. Voyage en Turcomanie et à Khiva, fait en 1819 et 1820; Par M.N. Mouraviev... contenant le journal de son voyage, le récit de la mission dont il était chargé... tr. du russe par M.G. Lecointe de Laveau... revue par M.M. J.B. Eyriè et J. Klaproth (Paris: L. Tenré, 1823) vi, 398 p. front., fold. map, fold. tab.
Murav'ev, N.N. Journey to Khiva: through the Turkoman country / by Nikolay Murav'yov. (London: Oguz Press, 1977), xvii, 177 p., [13] leaves of plates (2 fold.): ill.
Nakamura Hiroshi. East Asia in old maps. (Tokyo), 1962. The Oxford Survey of the British Empire, vol. II, London, 1914.
Narrative of the Russian Military Expedition to Khiva Conducted by Prince Alexander Bekovich Cherkasski in 1717. (London: India Office, 1873).
Nordenskiöld A.E. Facsimile atlas to the early history of cartography ...Transl.J .A.Ekelötand, C.R. Markham. (Stockholm, 1889); Facs.ed.N.Y.: Kraus, 1961.
Paine S.C.M. Imperial Rivals: China, Russia, and Their Disputed Frontier, 1858-1924. (New York, London: M.E. Sharpe, 1966).
Paksoy H.B. ALPAMYSH: Central Asian Identity under Russian Rule. (Hartford, CT: Association for the Advancement of Central Asian Research, Monograph Series, 1989); Rancour-Laferriere, Daniel. Russian nationalism from an interdisciplinary perspective: imagining Russia (Lewiston, N.Y.: E. Mellen Press, c.2000).
Paquier J.B. Le Pamir. Paris, 1876.
Paquier J.B. Pamir et Kashgarie.- Bulletin de la Societe de Geographie, 1877, juin, c. 605-620; 1877 Dec.,c. 581-601.
Pierce Richard A. Russian Central Asia, 1867-1917: a Study in Colonial Rule. (Berkeley and Los Angeles: Unuversity of California Press, 1960).
Postnekove A.W Afghanistan and The Pamir dispute. Translated by M. Tahir Kani. (Munich: Verein zur Förderung der Afghanischen Kultur E.V, [2005]) – сокращенный перевод на язык Пушту книги: *Постников А.В.* Схватка на «Крыше Мира» (политики, разведчики и географы в борьбе за Памир в XIX в. Общая редакция и предисловие академика В.С. Мясникова. (М.: РИПОЛ классик, 2005).

Potagos Dr. Dix Annees de voyages dans l'Asie Central... etc. Traduction. Paris, 1885.
Prescott, J.R.V Map of Mainland Asia by Treaty. (Melbourne: Melbourn University Press, 1975).
Ptolemais [Ptolemy], Klaudios. Ancient India as secribed by Ptolemy/ being a translation of the chapters which describe India and central and eastern Asia in the treatise on geography written by Klaudios Ptolemaios, the celebrated astronomer; with introduction, commentary and index by J.W. McCrindle; edited by Ramchandra Jain, with conculturuum, reference & appendices. Rev. ed., in 2 vols. (New Delhi: Today & Tomorrow's Printers & Publishers, [1974]), liii, 468 p. First edition: London: Trübner & Co., 1885.
Quested, R.K.I. Sino-Russian Relations: A Short History. (Sydney: George Allen & Unwin, 1984).
Ravenstein E.G. Map of Turkistan comprising the countries between the Caspian and British India, London, 1873. Sheet from «The Illustrated London News», March 15 th, 1873.
Report of the Mirza,s Exploration from Caubul to Kashgar. By Major T.D. Montgomerie R.E. Gold Medallist. R.G.S. Deputy Supperintendent Great Trigonometrical Survey of India // The Journal of the Royal Geographical Society, vol. 41. London, 1871.
Richardson, H. E. George Bogle and his Children // The Scottish Genealogist 29 (1982): 73-83.
Ritter, Carl. Die Erdkunde von Asien. Bd 1: Der Norden und Nord-Osten von Hoch-Asien (Bln, Reimer, 1832)
Ritter. Erdkunde, vol. VII, Berlin, 1837.
Rawlinson, Sir *Henry C.* England and Russia in the East: A series of Papers on the Political and Geographical Condition of Central Asia. (London, 1875).
Schangin I.P. Historische Mitteilung über die Dioptasentdeckung und kurze Beschreibung dessen Lagers. Schriften der in StPetersbourg gestifteten Russischen Gesellschaft für die gesamte Mineralogie. Bd. 1. (1842): 124-131.
Sharaf al-Zaman Tahir al-Marvazi. Shafar al-Zaman Tahir al-Marvazi on China, the Turks, and India... transl. by V. Minorsky, (London: Royal Asiatic Society, 1942).
Schuyler, Eugene. Turkestan. Notes of a journey in Russian Turkestan, Khokand, Bukhara and Kuldja by Eugene Schuyler. Phil.Dr Member of the American Geographical Society and the Imperial Russian Geographical Society, etc.. 2 vol. (New York: Scriber, Armstrong & Co., 1876).
Schuyler, E. Turkistan. Vol. II, (New York, 1877).
Seaver, George, Francis Younghusband., K.C.S.I., K.C.I.E. 1863-1942. Explorer and Mystic. (London, 1952)
Selection from Records of the Government of India. Foreign Department, No. XXXIX, Calcutta, 1863.
Senkowskii, Joseph. Supplément à l'histoire générale des Huns, des Turks, et des Mogols, par M. Joseph Senkowskii. (St. Pétersburg, 1824).
Sheehy, Ann. Russia and China in the Pamirs: 18th and 19th Centuries // Central Asian Review. Vol. XVI, No. 1, (1968): 4-14.
Skelton R. A. Explorers, maps: Chapter in the cartographical record of geographical discovery. New York, 1970.
St.Martin V. de. Memoire Analytique sur la Carte de l'Asia centrale et de l'Inde. Paris, 1858.
Teltscher, Kate. India Inscribed: European and Britis Writing on India, 1600 – 1800. (Oxford UP, 1995).
Trotter, capt.,*H.R.E.* On the Geographical Results of the Mission to Kashgar under sir T.Douglas Forsyth in 1873-76 // Proceedings of the Royal Geographical Society, vol. XXII,lession 1877-78, Nos. I to VI, London, 1878.
Turner, Captain *Samuel.* An account of an Embassy to the Court of the Teshu Lama in Tibet by Captein Samuel Turner. (London, 1800).
Tzou, Byron N. China and the international law: the boundary disputes. (New York: Praeger, 1990). 158 p.

Vambery A. The Russian Campaign in Khokand // The Geographical Magazine, vol. III, No. IV, April, 1876; pp. 85-89, Map of Khokand (Ferghana) Carte Delvy-Bourdon (Madam de). Le Tour du Monde. (Paris, 1878).
Vámbéry, Armin. Travels in Central Asia. (New York: Arno Press, 1970), 493 p.
Voeikov A.I. La Turkestan russe / A. Woeikof.(Paris; Librairie Armand Colin, 1914), xii, 360 p., [16] leaves of plates.
Walker James Thomas. India. Great trigonometrical Survey. Account of the operations of the Great trigonometrical survey of India. Dehra Doon, 1870-1906.
Waller, Derek. The Pundits: British Exploration of Tibet and Central Asia. (Lexington, Kentucky; 1990).
Wolff, Joseph. Researches and Missionary Labours among the Jews, Muhammedans, and other Sect. By the Rev. Joseph Wolff. (London: Nisbet, 1835).
Wolff, Joseph. Narrative of a Mission to Bokhara, in the years 1843-1845, to Ascertain the Fate of Colonel Stoddart and Captain Conolly by the Rev. Joseph Wolff, D.D., LL.D., Vicar of Isle Brewers, Somersetshire. Fourth Edition. (London: Published for the author, by John W. Parker, West Strand, MDCCCXLVI /1846/), 515 pages.
*Wood, Herb*ert. The shores of Lake Aral, by Herbert Wood. (London: Smith, Elder, 1876), xxvii, 352 p.; maps.
Wood J. Journey to the source of the river Oxus. By Captain John Wood, New adition, ed. by his son. London, 1872.
Younghusband Francis, Sir. The Heart of a Continent: Commemorating the fiftieth anniversary of his journey from Peking to India by way of the Gobi Desert and Chinese Turkestan, and across the Himalaya by the Mustagh Pass. (London: John Murray, 1937).
Yule, Sir *H.* Marko Polo, vol. 1-2. (London).
Yule, Sir *H.* Cathay and the Way Thither. (London), 1866.
Yule, Sir *H.* Notes on H.T.,s Account of the Principalities of Takharistan. (London), 1872.

Список иллюстраций

1. Региональная карта к «Руководству по географии» Клавдия Птолемея. Ptolemy's regional map, 85-140.
2. Каталонская карта (фрагмент).
3. Карта Фра-Мауро (фрагмент).
4. Карта Антония Дженкинсона.
5. *Чертеж земли всей безводной и малопроходной каменной степи* из *Чертежной книги Сибири* (1701 г.) С.У Ремезова.
6. *Карта, составленная по сообщениям тобольского дворянина Фёдора Трушникова, бухарца Муллы Калпета, бухаретенина Мулланузрека, сбежавшего из тюрьмы контайши жителя Тобольска Григория Яцкого, красноярского дорянина Ильи Начивочникова и могих жителей Барабинского. – Cette carte a eté dresseé fur le rapport de Theodore Trouchnikov...* Из коллекции Ж.-Н. Делиля в Национальной библиотеке Франции (17683.RO$_S$GeB.B.124{153}). Публикуется впервые.
7. Карта Рената из Библиотеки Университета в Упсале. Renat A. – Uppsala University Library. http://www.kb.se/kart_bibl/Kartor/ Rysslandskartor.htm – Rysslandskartor – Russian maps in Swedish collections.
8. Renats egen renritning av A. – Uppsala University Library.
9. Renat B. – Uppsala University Library. Карта Рената, представляющая собой, по-видимому, копию маньчжурской карты части Центральной Азии. (Библиотека Университета в Упсале).

10а. Фрагмент карты иезуитов Де Роше и де Эспинья на территорию в районе озера Ала-Коль.

10б. Фрагмент карты иезуитов Де Роше и де Эспинья на территорию в районе озера Иссык-Куль.

11. *Карта реки Иртыша, южную часть Сибирской губернии протекающей и бывших зенгорских калмык владений, сочиненная Иваном Исленьевым.*
12. Ю. Клапрот. *Карта части Внутренней Азии. ., составленная по большей части по картам, созданным по приказу императора Цунь-луна отцами Галлерстейном (?), Феликсом де Роша и Эспинья.*
13. Лоренц Панснер. *Карта части Средней Азии, содержащая земли Киргис Кайсаков, каракалпаков, трухменцов и бухарцов. Сочинена при Депо карт. 1816.*
14. Карта Внутренней Азии Александра фон Гумбольдта. 1832 г.
15. *Карта земель, принадлежащих киргиз-казакам и Туркестана, составлена по новейшим обозрениям в 1831 году*, приложенная к ниге А. Левшина (1832 г.).
16. *Карта Средней Киргиз-Кайсакской орды*, составленная в масштабе 20 верст в дюйме начальником рекогносцировки Киргизской степи подполковником генерального штаба бароном Сильвервельмом 25 апреля 1839 г. Экземпляр Архива РТО. (Фрагмент).
17. *План города Хивы снят глазомерно в 1841 г.* Рукопись из Картографической коллекции Русского географического общества. Шифр: Рук. 306. Публикуется впервые.
18. Карта путешествия Аткинсона (1860 г.)
19. *Карта Туркестанского генерал-губернаторства, Хивинского, Бухарского и Кокандского ханств с пограничными частями Средней Азии*, подполковника Люсилина (около 1875 г.).
20. *Центральная Азия с Китайской империей и Японией* (около 1875 г.), (Карт. отд. ГБЛ, Ки 51/ 1-27 Central Asia with the Chinese Empire and Japan. London-Liverpool, [1875]),
21. *Судоходная карта реки Черного Иртыша от устья реки Алкабека до оз. Зайсана...*, составленная по данным исследований 1910-1914 гг. описных партий управления Томского округа путей сообшения (Петроград, 1915). Л. № 1.
22. *Карта южной пограничной полосы Азиатской России.* Среднеазиатская часть.

Аббот, капитан 178
Абдул Рахман Хан 335, 366
Абдул-Гази-Багадур Хан 136
Абдул-Хаир 69
Аблай Хан 78, 79, 81, 83, 87, 88, 167, 170
Абу Райхан Бируни 48
Абулмамет 87
Авиценна 48
Агеев, унтер-офицер 4, 195, 195
Аитов, поручик 182
Акаев А. 10
Акшеев, штабс-капитан 239
Александр I 131, 134, 140, 145, 156, 163
Александр Македонский 37, 41, 43, 44-46, 139
Александр Невский 56
Александр Романов 254
Александр, епископ 303
Алексей Михайлович 60
Алексий, епископ Томский и Семипалатинскиий 299
ал-Истахри 48
Алиханов М. 270, 272, 275, 284
Алла Кули Хан 203, 205, 206
ал-Фергани 49
Алферов М. 203
ал-Хорезми 49
Андреев И. 235
Андрианов Б.В. 207
Антипин 236, 325
Ануша Хан 61
Аньезе Б. 53
Араб Мухаммад Хан I 59
Арапов М. 80
Арасланов У.79
Аристов Л. 203
Арриан 44
Ата Джан 254
Аткинсон Т. У. 206, 207, 209
Ахмед Шах 273
Ахмет Шах 141

Бабаев И. 203
Бабков И.Ф. 235, 236, 238, 246, 286, 318, 325, 426
Бадделей 69, 75
Базенер, натуралист 204
Байков 69
Байкшиев Диван Беги Иш Мугаммед 146
Байкшиев Н. 164
Бакиев К. 10
Бантыш-Каменский Н. 133
Баранов 246
Бартольд В.В. 52
Батый 56
Бейсенова А.С. 207, 303, 426
Беклербег 199
Бекович-Черкасский А. 4, 65, 66, 69, 70, 165, 212, 349, 429
Белл, полковник 335
Беневени Ф. 67
Бенедикт Поляк 50
Берг Л.С. 55, 67
Берг Ф. 172
Бёрнаби 261
Бернашев 147
Бжезинский З. 8, 13
Бируни 48, 49
Бичурин (Иоакинф) Н.Я. 21
Благодарев 251
Бларамберг 189
Бларамберг И.Ф. 175
Богданов А. 318, 326, 328
Богословский 2-ой Д.Н. 175, 183, 185, 189, 192, 193, 202, 250
Болгосу 235
Большев 6
Борис Суздальский 56
Борнс 174, 225, 427
Боулгер, Чарльз 23
Брокгауз Ф.А. 342
Брюннов 364, 365, 378, 379
Бубенков, губернский секретарь 149
Букей, султан 156
Бунге А.А. 329
Бурнштейн Е.Ф. 154
Бутенев 2-й К.Ф. 175, 182, 185, 187, 188, 189, 192, 193, 198, 199, 200, 201, 202, 204, 396, 398, 399
Бухгольц И.Д. 4, 66, 69, 70, 75, 349
Бьюкенен П. 366
Бэрона С. 54
Бюффон 157
Бюцов Е. 309, 311

Вали Хан 156
Валиханов Ч. 160, 229, 230, 285, 328, 420, 427
Валынский И. 87
Ванновский, генерал-адъютант 278, 283
Васильев И.О. 175, 179
Васильев, подполковник 343
Вейнберг А. 262, 263

Вельяминов И.А., генерал-губернатор Западной Сибири 5, 299
Вельянов, тобольский дворянин 70
Венюков М. 237
Веревкин, генерал-лейтенант 240, 254
Вернел 175
Вещь Нияз Бай 203
Вид А. 53
Вираксинов, топограф 2-го класса 231
Висконти П. 50
Виткевич 189
Витсеном Н. 55
Владимир, киевский князь 56
Владиславич-Рагузинский С. 133, 166
Владыкин А.М. 130, 131
Влангали А.Г. 229, 285, 427
Волженцов, казак 203
Волконский, князь 145, 146, 165
Вольховский В.Д. 164
Воронцов А. Р. 131
Воскресенский А.Д. 21, 22
Вязигин 47, 427
Вяткин, пятидесятник 149

Габейдула, султан Кокчетавского округа 170
Гавердовский, поручик 148
Гагарин М.П. 4, 66, 69, 70
Гаджи Абдурахман 284
Газдан Черень 74
Галузо П.Г. 36, 427
Ганди И. 31
Гафуров Б.Г. 21
Гейнар, старший топограф 340
Гейнс 294
Геллерштайн А. 89
Гельмерсен Г.П. 175
Гераклит 44
Герасимов, сотник 172
Гердер Ф. 329
Геритц Г. 53
Гернгросс А.Р. 175
Геродот 43, 44, 207, 428
Гирс Н.К. 267, 277, 278, 283, 309, 311
Гирс А.К. 294
Глазенап Г. 154, 155
Годунова Б. 61
Голдан Черень 166
Голицын А.Н. 132, 133, 135
Головкин, коллежский ассесор 264
Голубев А.Ф. 232, 233, 235, 237, 247
Гольденберг, Л.А. 64
Гондиус (Хондий) 55
Горчаков А.М. 260, 263, 364-369, 378-381
Гранвилль 260, 363, 377-379, 383, 387
Грум-Гржимайло Г.Е. 6, 13
Губин Д 58
Гуй Лянь 337
Гумбольдт А. фон 37, 157, 171, 175, 177, 221, 329, 330
Гумилев Л.Н. 21
Гуревич Б.П. 19, 21
Гурьев Д.А. 161

Д'Анвилль, полковник 76
Даль В.И. 175
Дандевилль 294
Данилевский Г.И. 174, 175, 203-206, 226, 227, 442
Данилов М. 61
Дарий 43
Дафферин, лорд 382, 383, 384, 385
Де Йоде 54
де Роша 89, 90, 137, 138, 230, 238, 405, 407, 441
де Эспинья 89, 90, 91, 93, 138, 230, 238, 441
Девлет Киздем Мирза 66
Дедов, хорунжий 172
Делиль Ж.-Н. 71, 74, 75, 136, 441
Дерби, лорд 379, 380, 381
Джантуаров Х. Б. 203
Джемини 381
Антоний Дженкинсон 58
Дженкинсон А. 3, 53, 54, 58, 441
Дивов П.Г. 134
Дитмар 47, 428
Дондук Омба 168
Дондуков-Корсаков А.М. 269, 272, 274, 280, 281, 283
Дост-Могаммед Хан 188
Дубровин, капитан 74
Думан Л.И. 19

Екатерина II 88, 130, 131, 139, 354, 409
Ермак 57
Ермолов 160
Ерофеев И. 78
Есаков В.А. 154
Етигор, тобольский дворянин 70

Жанжинмин 84
Жемчужников А.А. 179
Жемчужников, генерал-майора 196
Жомини 311
Жун-Цзю-ань 250

Заводовский, Анемпофист 300
Закржевский, штабс-капитан 326, 328
Зариф Хан 272
Захаров Иван Ильич 70, 228, 230, 232, 235
Захаров Иван Илларионович 89
Зверев М. 202
Зеленой, генерал-майор 278, 279

Зиновьев И.А. 266-268, 274, 275, 278
Зиновьев Н.А. 265
Зубов П.А. 140
Зюльфагар Хан 267

ибн Сина 48
ибн Хаукаль 48
ибн Хордадбех 49
Ивак 57
Иван IV 58
Ивана Грозного 58
Иване Грозном 58
Иванин Н.П. 175
Иван IV 3, 57, 58
Идес 55
Илеяс Ний 28
Ильин А. 75, 247, 248
Имам Кули Хан 59
Имани-Реис 200
Инак-Иртазали Хан 254
Инак-Рахим-Кули 205
Иннокентий IV 50, 56
Иоанн Покровский 300
Ирдана (Эрдини) бек 89
Искандаров Б.И. 22
Искандер Хан 272
Истрев 251

Каджар-Хан 272
Казачьковский, поручик 104
Каип 69
Калжар Хан 273
Калмыков 69, 306
Канкрин 177, 178
Канолли (Канноли, Конноли, Конолли) 174, 177, 178, 187, 199, 200, 201, 202, 226, 391, 396, 397, 398, 399, 400, 424, 444
Каргузар 265
Карелин Г.С. 174
Карпов, генерал-лейтенант 337
Карыпкулов А. 10
Карякин В.С. 250
Катенский П. 149
Кауфман К.П. фон 252-259, 262, 263, 298, 311, 343, 351, 363, 366
Качегаров, поручик 334
Кашаров П. 331
Квистед И.Р.К. 30
Кёрзон, лорд 18
Кирилов И.К. 64, 68, 76
Клабб О. Э. 26
Кларендон 364, 365
Кленрикард 188
Княжецкая Е.А. 70
Ковалев, кондуктор 104
Ковалевский Е.П. 175
Ковалевский, инженер-капитан 182
Ковалевским Е.П. 228
Кожевников Н. 341
Козлов П.К. 333
Козлов, поручик 389, 390
Козлов, топограф 172
Козлов, унтер-шихтмейстер 202
Колесников 23
Колпаковский Г.А. 245, 249, 299, 301, 314
Комаров, генерал-лейтенант 270, 272, 275
Коновалов 231
Константин Романов 254
Коротков, военком 338
Костромитинов, переводчик 202
Котан-Олун 246
Котляков В.М. 17
Коушут-хан 276
Кошаров П. 329
Кошелев, унтер-офицер 169
Крапкин, заседатель 179
Красильников И. 78
Краснов П.Н. 7
Крофт, бригадир 83
Крыжановский, генерал 412
Кубатько И.И. 36, 434
Кубелек, султан 322
Кудам ибн Джафар 49
Кузмин, поручик 96
Кузнецов В.С. 19
Кузьмин-Карабаев, полковник 282
Кук Э. 32
Куропаткин А.Н. 278, 287, 430
Куртуков, топограф 318
Курций 44
Кэмпбелл, Тони 32

Ладыгин П.Ф. 387, 390
Лазарев 251
Ландышев С. 300
Ланселл Г. 5, 345
Ларионов, капитан 231, 236, 252, 325
Ласкарев С.Л. 150
Латтимор О. 30
Латышев 47, 430
Лаузан, поручик 156
Левшин А.И.172, 225, 291, 430
Ледомский, поручик 342
Ледонне, П.Д. 25
Лелевель И. 49
Леман А.И. 175, 189, 192, 193
Лемсден 278
Лесовский С.С. 310
Лессар, надворный советник 278
Лессер 273
Летранж 70
Лещев 168, 169
Ли Пэн 11

Лисенков 175
Литвинский Б.А. 21
Лихарев М.И. 70
Лихачев Ф. 61
Лобанов 383
Лоботрясов Е. 203
Лодыженский 165
Лофтус А. 378, 379
Лошаков 236, 325
Лошкарев 131
Лутч М. 335
Лю Ци Ханем 249
Лю-Куан (Лю-Гайдай) 322
Люсилин, подполковник 247, 317

Магомед Али Хан Дегезский 267
Май Тициан 44
Мазепа 67
Майер, генерал 274
Мак Гахен 261
Максимович, коллежский асессор 138
Макушин П. 300
Малиновский 165
Мальцев С. 58
Мамедьяров 148, 149
Мансур 272
Мантейфель 138
Мао Цзэдун 15
Маремьянинов, сын боярский 70
Марко Поло 50, 51, 389
Матусовским З.Л. 246, 250, 252
Махмут-Кули-Хан 273
Махомед Хан 200
Махомед-Рахим-Хан 206
Медведев 60
Медем, представитель России в Тегеране 204
Мединский В.Ю. 315, 318
Мейендорф Г. (Е. Ф.) 164, 172, 174
Мек-Ниль 392
Мельников, подполковник 337
Мельников, тайный советник 273, 275
Мельницкий, подполковник 267
Мерцбахер Г. 340, 341
Мессершмидт 68
Мехр П. 28
Миллер Г.Ф. 68, 70
Милютин Д.А. 264, 311, 346
Мин И 235
Мин Сюй 235
Мир-Гейдер Хан 162
Мирза-Абас-Хан 284
Мирза Джевад Хан 265
Мирза-Закерия 189
Мир-Хуссейн 189
Могамед-Али-Хан 204
Морган Г. 26, 27
Мордовин, Елистрат 202
Морев Н. 341, 342
Морковцев И. 203
Мохамед-вали-Хан 206
Мохов, коллежский секретарь 343
Мукуканов М. 202
Мулла Муким Бек 189
Муравьев Н.Н. 150, 160, 161, 172
Мурчисон, И.Р. 175
Мясников В.С. 14, 17, 19, 20

Набоков Ф.К. 154, 155, 157
Назаров Ф. 148, 149
Назыр-Шах 140
Наполеон 139, 140
Нарочницкий А.Л. 19
Насер-Улла 182, 186, 187, 190, 200, 201
Негри А.С. 161, 163, 164
Неплюев, тайному советнику и кавалеру 83
Нессельроде К.В. 5, 161, 172, 177, 178, 187, 188, 189, 194, 197, 201, 224, 226
Нефес 65, 66, 69
Никитин Афанасий 3, 60, 211, 433, 434
Никифоров 175, 187, 189, 203, 204
Никифоров, капитан 182, 199
Николаем I 5, 171, 175, 182, 185, 203
Николай Михайлович 341
Нифантьев Т.Ф. 228, 230, 232, 233, 235, 319, 322, 325
Норденшельд 46
Нурали Хан 167

О'Донован 265
Обручев 197, 198, 266
Обручев В.А. 341, 342
Обручев В.В. 341, 342
Обручев С.В. 341, 342
Обручев А.В. 333
Обручев, генерал-лейтенант 194
Обручев, генерал-адъютант 278
Олдер К. 30
Олеарий А. 54
Орлик 67
Орлов, генерал 140
Орловский, ветеринарный врач 338
Ортелий 54, 55
Отамыш 271

Павел I 139, 349
Пазухины Б. и С. 60
Паллас П.С. 155, 157
Пальмерстон 187, 201
Пандер Х. 164
Панснер И.Г.Л. (Л.П.) 150, 151, 153, 154, 441
Певцов 319

Певцов М.В. 318, 326, 327, 332, 387
Пеголотти Ф.Б. 50
Перовский В.А. 178, 179, 182, 183, 187, 189, 195-197, 202, 226, 239, 294
Петр I 3, 4, 55, 65-67, 71, 111, 154, 212, 213, 349, 426
Петров 199, 318
Петров, сотник 172
Петров, титулярный советник 314, 315
Петровский М. 335, 336
Петровского Н.Ф. 5, 13
Пирс Р. 17
Пирс Ч. 23
Плано Карпини 50, 56, 210, 433
Плахов А.П. 337, 338, 343
Плиний 162
Повальников С.И. 32
Поздин, прапорщик 251
Поздняков, подпоручик 169
Покровский М. 24
Полторацкий, полковника 247, 250, 287
Попов С. 154, 160
Портнягин, сотник 179
Поспелов 113, 147
Потанин Г.Н. 160, 171, 333
Потанин Н.И. 171
Потанин Н.Г. 332
Потанина А.В. 332
Потемкин 139
Прескотт Дж.Р.В. 29
Пржевальский Н.М. 7, 303, 331, 332, 333, 347, 387, 432
Примаков Е.М. 9
Проценко 247, 294
Птолемей Клавдий 45, 46, 47, 50, 52, 55, 76, 151, 157, 427, 441
Пугачев Е. 96, 351
Путилов 75
Путимцов, переводчик 148, 149
Путятин Е.В. 7
Пушкин А.С. 171
Пэйн С.К.М. 28, 29

Размазин 236, 325
Разумовский А.К.132, 133, 425
Райт, Дж. 6
Рафаилов, Мехти 142, 143, 144, 145, 350
Рафсанджани Х. 8
Рахман-верды 200
Рахматбеков, посланник Балтакулибека 182
Регель Е.А. 329
Резанов, каптенармус 83
Рейсхе Ф.Ф. 136
Рейхенберг, поручик 175
Ремезов С.У. 63, 64
Ренат И.Г. 75
Рененкамф 83
Рерберг, генерал-лейтенант 268
Ретивой, унтер-шихтмейстер 155
Риттер Л. 37, 329, 330, 347, 432
Рихтгофен Ф. 333
Роборовский В.И. 7, 333, 387, 389, 390, 391, 431
Романов 175
Ротнов В. 202
Роулинсон, Генри 23, 35
Рубрук, Вильгельм 50
Руднев, топограф 315, 342
Румянцев Н.П. 133
Рыбин, хорунжий 172
Рычков П. 83

Сансон 55
Сапожников В.В. 341, 342
Сарим-Сак-Ходжа 142
Сеид Эмир-Уль-Умар 254
Сеид-Магомет-Рахим Хан 253, 254
Семенов-Тяньшанский П.П. 230, 245, 328, 330
Сент-Жени М. де 139
Сенявин 196, 197
Сердер Абдуррахман-Хан 258
Сертип Вели Хан 265
Сибирцов 318
Сивер Д. 28
Сильвергейм, барона 171, 179
Симонов, полковник 323
Сиях-Пуш 273
Скасси 251
Скачков К.А. 235
Скобелев М.Д. 264, 265, 266, 268, 288, 351, 383, 385
Скорняков 203
Солсбери, лорд 381, 382
Соснин, унтер-штейгер 155
Сосновский, капитан 251
Сосновцов, Демид 202
Спафарией Н.М. 64, 431
Сталин И.В. 15
Старенской Н. 59
Степанов В. 58
Стефан 314, 327
Стоддарт 187, 188, 199, 200, 201, 392, 393, 394, 395, 396, 397, 398, 399
Страбон 44, 162
Страленберг 68
Стрельников, капитан 236, 246
Стремоухов П.Н. 257
Стрижевский, капитан 314, 315, 320, 322, 346
Струве К.В. 235, 247

Ступинин 69
Супцон Кули Хан 60
Сухтелен В.И. 150
Сюк, султан 170

Табберт 68
Таиров, агент 267
Тайаке С. 32
Тамерлан 41, 56
Татищев В.Н. 61
Тевкелев, бригадир 80, 83
Темик Аксак 56
Темирхан 322
Тилло 246
Тимофеев А.К. 164
Тимофеев, подполковник Генерального штаба 172
Тихвинский С.Л. 19, 20
Тихменев, капитан 322
Тихомиров В.В. 154
Тод, английский поверенный в делах в Герате 178
Токаев К.К. 9
Томсон 274
Томсон, сотрудник английской миссии в Тегеране 204
Топорков, топограф 318
Тохой 84
Точтамыш, род 271
Трубников, поручик 70
Трушников 4, 70, 71
Тявка 69

Уваров 177
Уиллер Д. 28
Унковский, капитан 70, 74, 75, 213
Уолкер Дж.Т. 248
Уоллер Д. 30
Уоллис Э. 32
Урезов 70
Усов М. 341, 342
Утепов Мал-Гильды 203

Федор Иоаннович 58
Федоров, астроном 174
Федчина В.Н. 22, 35, 47, 65, 67, 78, 207, 210, 212, 213, 222, 224, 225, 285, 426, 434
Фелькнер 175
Феофилатьев 154
Филисов 75
Флеминг П. 28
Форсайт 365
Форш Э.И. 309
Фра Мауро 52
Фрён Х.Д. 134
Фриде А.Е. 313-315, 319-324, 347
Фрэнч П. 28

Хабцисянь 235
Хаджи Фарик 61
Халфин Н.А. 21
Хамид Карзай 11
Ханыковы, бр. 175, 188, 189, 192, 194, 195, 202, 205
Ханыков Я.В. 175, 194, 198, 231
Ханыков, Н.В. 175, 198, 202
Харф Хан 272
Хван М.Ф. 21
Хендрикс М. 335
Ходжа Яхия 272
Хоментовский М.М. 231
Хопкирк П. 7, 12, 13, 26, 36, 434
Хохлов А.Н. 19, 59
Хохлов И. 59, 211, 433
Хрисанф Неопатрасский 140
Хрущев, генерал 299
Ху Цзиньтао 12
Худояр 203, 257, 262

Цаган Араптан 74
Цзэн Цзицзэ 311
Циолковский, капитан 164
Цыбиков Г.Ц. 333
Цяньлун 89

Чан 313
Чань Т.Л. 29
Чарыков, надворный советник 273
Чекалов, директор таможни 154
Челпанов, топограф 199
Чернышев, князь 194
Черняев, генерал 294, 386
Чжан Дэгуан 11
Чингиз-хан 41, 50, 55, 56, 291
Чираков И. 202
Чихачев Пл.А. 175, 176
Чичагов П. 70
Чичерин Г.В. 8
Чорчиль 265
Чуклин, топограф 319
Чун-Хоу 309

Ша, меэнь-амбань 315
Шамановский 251
Шангин И.П. 150, 154-157, 160
Шангин П. 157
Шахматов, сотник 172
Шевелев А. 345
Шекспир, капитан 178
Шен 321
Шентай 319
Шепелев 251
Шереметев С.Д. 6
Шестаков Н. 389
Шестаков, урядник 391
Шикула К. 54

Шилер, Евгений 291, 293, 297
Шинхи Э. 22
Ширков, капитан 175
Шлецер, консул 164
Шренк 174
Штубендорф О.Э. 309
Шувалов, гр. 364, 379, 380, 382
Шуджауддауле 267
Щеголев 334
Щелкунов 265, 268

Эверсман Э.А. 150, 161, 162, 163, 164, 175
Эратосфен 45
Эрдени Бурут-хунтайджи 62
Эюб-Хан 272

Юз-Баши Рамазан 192, 193
Юсуф-Ифирагим-оглы 283, 284

Языков 50
Яковлев Я. 194, 202
Яковлев, капитан 78, 79, 80, 82, 83
Яковлев, топограф 192, 194
Якуб-бек 244, 248, 249, 251, 263, 309, 312
Яновский, поручиком 229, 231
Янгхазбэнд Ф. 28, 335, 336, 348
Яр Магомед Хан Буджнурский 267
Ярослав Всеволодович 56

Аблайкит 69
Агазы 165
Адарус 167
Азыл-енке 319
Айбугир 189
Ак-Булак 179, 206
Ак-Каба 318, 319
Ак-Мечеть (Форт Перовский) 229, 261
Акмолинск 170
Ак-су 70, 71, 89, 142, 166, 251, 310, 328
Аксуйское укрепление 240
Актам 310
Ак-Тас 339
Ак-Тюбе 246, 319
Алаколь 37, 74, 90, 113, 138, 170, 205, 229, 324
Алатау 42, 170, 175, 233, 234, 235, 241, 242, 320, 329, 329, 344
Александровские горы 292
Али-Тау, хребет 231
Алкабек 104, 105, 318, 318, 319, 336, 336, 336, 337, 337, 338, 338, 338, 342
Алма-Ата 10, 30, 38, 229, 285, 427
Алмалык 50
Алтай 8, 30, 32, 38, 40, 44, 92, 104, 148, 155, 157, 157, 214, 222, 240, 242, 293, 299, 333, 337, 341, 342, 347, 417, 433
Алтын-Гол 70
Амстердам 55
Аму-Дарья 4, 37, 39, 43-49, 52, 62, 64, 65, 68, 69, 71, 76, 78, 106, 129, 130, 145, 151, 162, 163, 174, 194, 205, 206, 239, 253, 259, 260, 280, 280, 427, 434
Амуль 49
Англия (Британия Великобритания) 4-7, 18, 19, 21, 23, 26-28, 30, 31, 33, 120, 123, 124, 126, 128, 186, 204, 248, 260, 265, 266, 268, 270, 271, 273, 277, 279, 283, 350, 357, 358, 365, 366, 369, 378, 379, 382, 384, 426
Андижан 71, 89, 138, 262
Анесибар-ула 389
Антиохия 47, 151
Аракс 44, 45
Аракум 62
Арал 37-40, 43, 47, 49, 64, 65, 68, 78, 128, 165, 167, 168, 178, 179, 204, 210, 211, 213, 225, 259, 307, 426, 426, 434
Аргунь 165
Арзан 64
Арктика 41
Ару-циндалан 242
Арысь 50
Астробад 66, 265
Асткана 47
Астрахань 3, 4, 53, 57, 62, 65, 67, 79, 105, 106, 109, 110, 140, 147, 222
Асфиджабе 48
Атасу 147
Ат-Баши 334
Атек 269, 276, 278, 282
Атрек 265, 266, 267, 268
Аулие-Ата 228, 229, 234, 239, 240
Афганистан 4, 8, 11, 19, 25, 27, 28, 31, 34, 38, 39, 46, 50, 60, 140, 141, 175, 176, 178, 186, 201, 222, 260, 262, 268, 271, 276-280, 282-284, 335, 350, 365, 366, 368, 369, 378, 379, 380, 385, 387, 396, 397, 399, 434
Африка 7, 53
Ахал 262, 264, 265, 267-269, 276, 282, 288, 383, 443
Ашко-илагина 390
Ашхабад 272, 272, 281, 282, 284, 383, 385
А-эрх-чин 331
Аягуз 154, 170, 174, 238
Аягуз, река 174

Бабтемир, оз. 68
Баграм-Куль, оз. 388
Бадахшан 68, 98, 110, 260, 366
Базар 69, 252
Базычук 328
Бай-мурза 246, 250
Бактриана 45-47, 57
Бакту 90, 322
Бакты 232
Баку 66, 160, 207, 430
Балгуи 174
Балканы 8, 264, 349
Балтийское море 56
Балты-Салдырь 253
Балх 60, 71, 88, 90, 101, 128, 138, 174, 179, 233
Балханский залив 161
Балханский хребет 38
Балхаш 37, 43, 50, 64, 75, 88, 90, 92, 96, 101, 112, 113, 114, 127, 128, 138, 154, 155, 156, 169, 170, 171, 172, 174, 175, 179, 229, 230, 238, 285

Балыкликуль, оз. 170
Балыкты 172
Бами 264
Бар Коль 74
Барлук 171
Барлык 321
Барлыкскиу горы 252, 315, 326, 327, 328
Барнаул 151, 329
Барсуккум 62
Барсхан Верхний 49
Бас Теректы, урочище 319, 339
Баскатис 46, 47
Бахты 237, 248, 313, 322, 342
Башкирия 161
Баян-Аул 170
Бедель, пер. 315, 318, 342
Бекпакдал 38
Бектак 167
Белеуты, пер. 315
Белуджистан 161
Белур 68
Беркут 328
Берлин 130, 132, 133, 135, 161, 162, 164, 177, 220, 221
Бетпак-Дала 38
Бирю-баш, горы 241
Битпак 148
Бишкек 22, 23, 429
Боамское ущелье 329
Богдо-Ула 388
Богосук, пер. 246
Бокдо 74
Бокту 240
Болор 46, 156, 247
Борохудзир, укрепление 308
Борохудзирская переправа 334
Бро-хуцзир 241
Буамское ущелье 239
Буджнур 266, 267, 282
Булгар 56
Булун-Тохой 250, 332
Бухара 3, 4, 34, 40, 43, 46, 48, 49, 53, 54, 56, 58-62, 64, 65, 68, 70, 71, 78, 86, 96-99, 106-112, 128, 139, 140, 142, 143, 145, 146-148, 156, 161-167, 174, 175, 182, 183, 185-189, 192, 194, 194, 195-205, 211, 215, 222, 225, 226, 244, 252, 253, 257, 258, 260, 262, 271-273, 284, 308, 345, 346, 350, 351, 365-368, 379, 392, 392, 393-400, 404, 406, 407, 410, 424, 426, 427, 429, 431, 441-443
Бухат-булак, р. 322
Бухтарма 151
Бырыкэу 319
Вайтанзы, пикет 171, 313, 322
Ванкан-Дарья 151
Варзаминор 192
Ватр 57
Вахшем 39
Везирькент 167
Веймар 150
Верный (Алма-Ата) 206, 228, 229, 233, 292, 300, 300, 301, 303, 329, 411
Верхняя Теректы 339, 340
Волга 50, 56, 62, 65, 66, 74, 88, 140, 168, 207, 210, 429
Волжская Булгария 56

Галле 161
Гардаманис 47
Геок-Тепе 266, 267, 268, 383
Герат 178, 200, 266, 275, 392
Герируда 278, 279, 280, 281
Гилан 66
Гималаи 175, 177
Гиндукуш 38, 60
Гиркания 44
Гирканский залив 45
Гирканское море 44
Гихун 68
Гоби 331, 332, 333, 335
Горькая, линия 147
Гот 6
Год-Шар 58
Гузара (место переправы) 276
Гулза 84
Гумбольдта хребет 389
Гуриана 47
Гурьев 67, 161
Гурьян 167
Гучэн 332
Гюмюш Тепе 265

Дабачи 78, 80
Данг-хэ 389
Дарату, р. 241
Даргаедос 47
Да-хе-ян-цзы 343
Даш-кепри 280
Дербент 66
Дерегез 266, 267
Дерпт 161
Джаир, горы 327
Джаир, хребет 321
Джан-Кала 189
Джаркент 336, 339, 340, 343
Джезказган 157
Джембырбай, пер. 342
Джергес 328
Джизак 245, 246, 252
Джиралты 252
Джумгал, крепость 239

Джунгария 3, 4, 62, 66, 69, 70, 75, 76, 84, 88, 89, 90, 92, 94, 96, 100, 122, 123, 127, 169, 175, 213, 229, 232, 249, 251, 285, 332, 333, 341, 342, 391, 427
Джунгарские ворота 342
Джуртус 74
Джюзех 200
Димус 46
Дон 50, 140
Донгиль-Тепе 266
Дорбульджин 321, 326, 327

Европа 46, 48, 50, 128, 138, 157, 349, 358, 408, 426
Егин 248
Египет 48
Екатеринбург 329, 418
Елатан 277
Ергету 171
Еркень 71, 86

Железнинская 69

Заамин 49
Заилийский край 228, 231, 231, 239, 286
Зайсан 37, 69, 70, 75, 90, 92, 94-96, 104, 105, 112, 113, 127, 138, 154, 156, 170-172, 179, 229, 232, 235-238, 246, 247, 311, 319, 331, 337, 338, 339, 340, 345, 347, 391, 432, 441
Закаспийский край 268
Закаспийская степь 266
Замин 49
Зариаспес 47
Зауку, р. 230
Зауральские области 58
Заяицкая степь 166
Зейдаршахтей-рабат 266
Зеравшан 37, 39, 43, 45, 68, 78, 151, 164, 174, 192, 198, 246, 292, 302, 434
Зеренды, оз. 156
Златоуст 183
Змеиногорск 329
Зор-Куль 78
Зульфакар-Дербенд 280
Зурабад 280
Зурнадаф 269

Изинкол 52
Иксарт 52
Илецкой Защиты крепость 206
Или 37, 70, 75, 88, 89, 90, 96, 138, 142, 166, 170, 171, 175, 221, 241, 250, 301, 308, 309, 310, 311, 312, 313, 314, 334, 339
Или-бирай-цикинь 241
Илийский край 249, 252, 263, 301, 308, 309, 314, 323, 345
Имантау 156
Имаос 46
Имяилик 388
Индия 3-12, 18, 21, 26-28, 30-32, 37, 39, 47, 48, 57, 60, 62, 64, 65, 108, 110, 113-116, 123, 125, 139-143, 145, 161, 163, 185, 201, 207, 212, 224, 247, 262, 266, 268, 273, 286, 335, 336, 349, 350, 351, 364-369, 378, 382, 392, 406, 428, 433, 442
Индостан 78, 128, 139
Иолатан 273, 278, 281
Иолатан 279, 280, 281
Иош 71
Ирак 48
Иран 4, 8, 27, 37, 38, 38, 49, 50
Иркештам 248, 308
Иркутск 5, 156
Иртыш 69, 70, 75, 90, 92, 94-96, 101, 103, 104, 113, 147, 148, 150, 154, 157, 166, 215, 236, 240, 250, 251, 292, 293, 308, 311, 312, 318, 338, 342, 345, 410, 441
Испания 48
Иссык-Куль 42, 49, 90, 93, 112, 113, 138, 154, 156, 169, 171, 172, 229-235, 239, 240, 248, 292, 295, 301, 306, 307, 329, 330, 331, 367, 441
Истаус 47
Итиль 56
Иттык, пер. 310
Ишим 155, 156, 166
Йеттишар 244, 248, 249, 251, 263, 263, 308, 308

Кабарда 66
Кабкак 328
Кабул 60, 98, 108, 110, 139, 141, 163, 188, 199, 201, 368, 369, 379, 395, 396, 400
Кабы, р. 318, 319
Кавказ 8, 9, 37, 45, 46, 67, 160, 221, 252, 270, 278, 280-283, 329, 417, 421, 430
Казабат 167
Казань 57, 294, 329, 412, 413
Казахстан 8-11, 13, 14, 30, 37-39, 41, 43, 44, 64, 69, 88, 90, 92, 101, 114, 127, 138, 150, 154, 169, 179, 207, 221, 223, 228, 230, 231, 244, 245, 251, 285, 291, 303, 306, 318, 322, 324, 337-339, 343, 344, 346, 351, 354, 426, 427, 434, 435, 442, 443
Казачья орда 58, 64
Кайрыманский пограничный пост 339

Каксара 167
Какшал 241
Калган 331
Калгуты, р. 240
Кальджат, селение 339
Кам 334
Камбоджа 64
Канарскиу острова 46
Карабас 62
Карагайлы 250
Карадабан, пер. 319, 320, 344
Каракита 50
Кара-Китат, р. 322
Каракол (Пржевальск) 328
Каракоила 267
Каракорум 50
Каракуль 171, 174, 239, 247, 308
Каракумы 38, 62, 151, 178
Каракыр 328
Кара-нор 390
Каратал 170, 172
Каратамак 179
Каратау 38, 241
Кара-Чек, горы 319
Каркарали 170
Кармине 192
Карши 174, 189, 194
Карьи 70
Каспий 3, 4, 37, 38, 42, 42, 44-47, 49, 52, 53, 57, 61, 64, 65, 66, 67, 78, 104, 110, 127, 128, 140, 151, 151, 160-168, 174, 178, 268, 269, 330, 381, 407, 407, 433
Кастек 229, 233, 234
Кат 49, 246, 347
Катта-Курган 192
Каттардарья 192
Кахкач 283
Кашгар 5,13, 23, 58, 70, 71, 89, 92, 142, 143, 156, 168, 230, 239, 244, 247, 248, 286, 308, 310, 313, 315, 328, 332, 335, 336, 407, 435
Кашгарский хребет 156
Кашка 39, 70, 108, 224
Кашкар 166
Кашкар 86, 108, 144
Каш-Ка-тур 328
Кашмир 125, 145, 161, 163, 175, 199, 224, 335
Келет 266
Кельте-чинар 266
Керегентас 246, 250, 252
Керея 71, 89, 166
Кермине 49, 68
Кетмень-Тюбе 240
Кизил-Кая 275
Килятечинар 267
Кинчак 189
Киргизии 9, 10, 229, 230, 234, 239, 263, 354
Китай 4-6, 8-16, 18, 19-22, 26, 28-31, 33-35, 37-39, 43, 44, 50, 52, 55, 58, 62, 64, 65, 67, 69, 70, 76, 88-92, 94-96, 100, 104, 105, 112-115, 117, 121, 122, 124, 125, 127-136, 138, 142, 143-145, 147, 149, 156, 165-172, 186, 206, 210, 220, 221, 224, 225, 228, 230-235, 243-247 249, 263, 264, 298-301, 307-311, 313-315, 318, 319, 321-324, 327, 328, 332-336, 338, 342-348, 350, 354, 355, 387, 397, 400, 401, 403, 405, 406, 425, 426, 426-433, 441, 443, 444
Китайка 336-338
Кифар 266
Кичене-Терек 342
Киштут 192
КНР 8, 9, 11, 12, 15, 16, 17, 20, 21, 22, 29, 324, 355
Кобдо 337, 342
Когарта, р. 334
Коканд 4, 43, 89, 143, 145, 148, 149, 162, 171, 186, 189, 199, 200, 202, 222, 228, 237, 239, 241, 244, 247, 248, 251, 257, 262, 263, 285, 307, 308, 312, 346, 350, 351, 366, 427, 441, 443
Кокпектин 170
Кокчетав 157, 170
Кок-Шаал 315, 318, 342, 343
Комедаи 46
Кон-Дарья 64
Константинополь 53, 175, 199, 396
Конур-Олен 242
Конысбай, рудник 156
Копет Даг 38, 267
Корея 64
Коушит-Хан-Кала 273, 275-277
Кохик 46, 174
Красноводск 66, 252, 288, 379, 381
Красноводский залив 160, 161
Красноводское плато 38
Крым 3
Куван-Дарья 189
Куйтун 240, 241, 312
Кукертли 259
Кукунор 4, 70, 390
Кукуртлюк 241
Кулум 186
Кульджа 142, 144, 148, 149, 171, 228, 230, 232-235, 244, 249, 250, 251, 264, 301, 308, 311, 312, 331, 333, 345, 347, 432
Кум-арык 315
Кумурчи 240
Кунгей-Алатау 329

Кунград 206, 259
Кундуз 186
Куньлунь 332
Куня-Ургенч 54
Кургасын, гора 154
Курлык 390
Курмакты, урочище 301
Куртка, крепость 239
Куца 74, 166
Куча 64, 89, 266, 267
Кучан 266, 267, 282
Куэнь-Лунь 46
Кызыл-ащи, урочище 340
Кызылкумы 38, 39, 198, 261
Кызыл-Су, р. 169
Кызылтау 157
Кызыл-Уй-Енке 336, 337, 338
Кэген 241
Кэмбридж, США 32
Кяхта 331, 333, 347, 432

Лайлы 328
Латак 163
Лейпциг 342
Лепсинск 238
Лепсы, реки 174
Ливадия 309
Лоб нор 74, 331, 332, 347, 389, 432
Лондон 5, 12, 23, 26, 31, 58, 104, 138, 187, 194, 194, 195, 265, 279, 311, 358, 363, 384, 392, 396
Луговое 338
Лхаса 118, 124, 331, 333
Люк-чун 388, 391

Мавераннахр 48, 49
Мазендеран 66, 265
Майли, горы 327
Манас 263, 264, 391
Мангышлак 53, 54, 99, 105, 105, 106
Маниту-Гатулхан 240
Манчжурия 50
Маракандра 47
Марбург 161
Маргелан 89, 262
Маргиана 45, 47, 151
Маргус 47
Меймуна 200
Мерв (Мары) 42, 47, 49, 52, 140, 174, 178, 269-278, 280, 281, 282, 284, 289, 378, 381-386
Мерверод (Мургаб) 68
Мерхель 151
Мешед 265, 267, 272, 276, 277, 283, 400
Миасс 154
Мирабад 174
Монголия 11, 38, 62, 64, 332, 332, 333, 334, 347, 432
Москва 17, 30, 34, 36, 57-60, 65, 128, 203, 429, 430, 433-435
Московия 60
Мохаммедабад 282, 283
Мугамедибад 266
Музарт 70, 247, 251, 264, 308, 309, 311, 315
Мургаб 45, 47, 49, 68, 174, 280
Мустак 71
Мус-Тау, горы 318
Муюнкум 38
Мын Булак 252
Мынь-тур 328

Награ-чалды 248
Нажо-шанду 390
Намын-гол, реки 322, 327
Нань-шань (Тэмурлик) 241, 333, 333, 390
Нарын 39, 92, 104, 151, 241, 247, 313-315, 318, 319, 323, 328, 329
Нарын-Кол 315, 328
Нидерланды 54
Нижний Новгород 3, 329
Николаевский, остров 343
Новоалександровское укрепление 178
Новоишимская линия 154-156
Ногайская Орду 58
Нукай 189
Нура 147, 156, 167, 194, 249
Нуратау, горы 194
Нухури 267

Обь 58
Общий Сырт 44
Ойсу 314
Окс 18, 37, 44-47, 52, 52, 68, 174, 364, 365
Оксийское озеро 46, 47
Оксийские горы 45, 47
Олон-булак 242, 250
Омь 69
Омск 149, 156, 171, 210, 224, 228, 231, 235, 329, 416, 424, 425, 429
Омская крепость 69
Ор 67
Органца 52
Оренбург 67, 77, 78, 80, 81, 95, 96, 109, 112, 114, 140, 145-147, 156, 161, 163-168, 171, 172, 175, 178, 179, 182, 182, 183, 185, 187-189, 194-198, 202, 203, 205, 213, 222, 234, 244, 248, 252-254, 261, 289, 292, 295, 303, 409, 410, 411, 412-427, 432
Орск 67, 164, 165, 167
Отрар 50
Отрук 328

Ош 89

Пакистан 11
Памир 6, 8, 10, 13, 16, 21, 26, 28, 30, 32, 34, 39, 50, 98, 171, 178, 239, 263, 308, 332, 344, 427, 429, 431, 433
Пенджаб 163
Париж 32, 115, 166, 194, 195
Паропанисос 46
Пекин 8, 10, 12, 35, 50, 69, 84, 87, 89, 90, 118, 127, 128, 130, 131, 142, 144, 221, 230, 234, 235, 237, 238, 245, 263, 326, 331, 335, 400, 403, 404, 406, 408, 443
Пенджакент 192
Пендж 274, 277, 279, 280
Перм 156
Перовский, форт 229
Персия 3, 48, 54, 56, 57, 60, 65-67, 111, 113, 162, 163, 167, 175, 178, 199, 204, 260, 262, 265, 267-269, 271, 273-275, 277, 282-284, 367, 382, 385-387, 392, 396, 399, 407, 424, 428
Петербург 5, 6, 21, 30, 32, 34, 65, 75, 101, 107, 127, 129, 130, 134-136, 146, 155, 157, 161, 162, 175, 188, 194-197, 203, 214, 220, 221, 230, 235, 236, 248, 263, 271, 293, 294, 301, 308, 311-314, 329, 330, 340, 345, 346, 351, 365, 367, 377, 378, 380, 381, 400, 401, 418, 426, 427, 428, 430-432, 434, 443
Петроград 338
Петропавловск 67, 147, 156, 157, 222, 410, 418
Пигана 389
Пиренеи 329
Пишпек 234, 239
Пресновская 156
Пресногорьковская 156
Пржевальск (Каракол) 328
Приалтайская долина 263
Прибалтика 261
Прибалхашье 157, 170, 171
Прииртышье 69, 104
Прииссыккулье 237
Приуралье 44
Пруссия 162
Пяндж 39

Ранг-Куль 171
Риттера хребет 389
Робат, пер. 248
Рукнабар, форт 276
Савабцы, долина 241, 344
Савабцы, ледник и пик 344
Сайлюгемский хребет 240
Сайрам 48
Сакай 45, 46
Сакмара 67
Салоники 67
Салташ, перевал 229
Салыр-Кала 275
Самарканд 46, 48, 49, 52, 54, 56-59, 78, 174, 189, 192-199, 246, 335, 367, 368
Сарай 50, 52, 57
Сарайчик 50
Саракс 206, 269
Сарвазы 192
Сариф 47
Сарлытам 310
Сарт-Джа 328
Сар-Тологой 252
Сарыбулак 172, 232, 233, 240, 248, 250, 252, 313, 325, 342
Сарыкамыш 47
Сарыкол 249
Сарыкольский хребет 344
Сарысу 147, 148, 156, 157
Сары-Улен-Чибор, урочище 318
Саур, хребет 324, 325
Са-черод 389
Сачжоу 389
Саянский хребет 240
Селингинск 166
Семенова ледник 328
Семипалатинск 67, 69, 154, 168, 229, 245, 295, 299, 329, 410, 412, 415
Семипалатинская область 339, 341
Семипалатная крепость 67, 69, 168
Семиречье 175, 228, 229, 232-234, 238, 243, 251, 252, 295, 313, 314, 334
Серахс 269, 274, 275, 278-282, 289
Сергиополь 250, 251, 292, 295, 300, 320, 410, 411
Серика 46
Сиам 64
Сибирь 5, 30, 37, 39, 40-42, 57, 62-64, 66, 68, 68, 83, 94, 101, 104, 125, 128, 129, 129, 138, 142, 166, 171, 172, 212-214, 221, 222, 225, 228, 233-235, 238, 247, 286, 290, 291, 293, 299, 344, 346, 347, 401, 404, 405, 406, 407, 408, 410, 411, 414, 417, 418, 426, 427, 430, 432, 433, 433, 434, 434, 441, 425-429
Сибирская линия 147, 156
Синьцзян 8, 21, 89, 244, 245, 248, 263, 298, 299, 301, 335, 443
Сирия 48
Сицилия 48
Сиюй 89
Скифия 45, 52, 430

Согдиана 45, 45, 46, 46, 47
Согдийские горы 45, 46, 47
СССР 8, 10, 14, 15, 16, 17, 22, 24, 25, 34, 35, 212, 223, 250, 285, 286, 326, 426, 427, 428, 429, 430, 431, 432, 434, 435
Стамбул 67, 249
Стокгольм 75
Суек, пер. 315, 318
Сузак 240
Сулий-Хэ 389
Сунак 62
Сусамыр, долина 240
США 5, 9, 21, 32, 261
Сырдарья 37, 39, 41-46, 49, 52, 58, 62, 64, 65, 76, 148, 164, 167, 189, 198, 204, 205, 263, 290, 329, 367, 396
Сыртын 391
Сы-Чуань 390
Сюмба, р. 339

Таджикистан 9, 10, 11, 38
Такла-Махан 230, 331
Таласс 37, 49
Таласcу 49
Талгый, перевал 334
Талгый, ручьем 334
Талды 147
Талки, гора 70
Танну-ол, хребет 240
Танымас 6
Таразу 49
Таран, озеро 151
Тарбагатай 86, 90, 96, 170, 238, 240, 242, 246, 247, 251, 320, 324, 342, 344
Тарим 332
Тар-Кол, перевал 335
Тара 57, 58, 224, 229, 232, 233
Тастов, р. 322
Тасты 313
Татария 50, 52, 55, 56, 68, 96, 112, 123, 125, 128, 138, 221, 406, 435
Ташкент 12, 30, 34, 36, 40, 48, 49, 58, 71, 86, 89, 112, 113, 147-149, 156, 162, 199, 207, 210, 215, 222, 229, 234, 239, 245, 252, 261, 287, 295, 298, 307, 345, 347, 357, 367, 397, 398, 410, 427-429, 432-435
Таш-Рабат 277
Тегеран 204, 253, 265-267, 269, 274, 275, 278, 281, 289
Теджен 37, 42, 47, 49, 151, 270, 273-277
Текес 264, 307, 388
Темурту-нор, оз. 241
Тенгиз 64
Тениз 157
Теректы, перевал 230
Терскей-Алатау 329
Тес 328
Тибет 64, 114, 115, 116, 119, 122, 124, 125, 126, 142, 161, 175, 177, 224, 228, 328, 332, 332, 333, 333, 334, 347, 432, 433, 442
Тиз 151
Тихий океан 15, 16, 349, 407
Тобол, р. 166
Тобольск 4, 62, 67, 69, 70, 71, 156, 172, 426, 441
Токеут 388
Токмак 292, 300
Томск 156, 338, 342, 431
Трибактр 47
Троицк 67, 82, 83, 147, 154, 222, 410
Туб Кварагап 66
Туёк 389
Тулты 250
Туранская равнина 38
Тургайская долина 38
Тургень 241, 328
Туркестан 3, 13, 27, 31, 36, 37, 43, 50, 58, 62, 64, 66, 70, 87, 89, 90, 113, 128, 148, 162, 164, 168, 172, 173, 174, 186, 202, 214, 240, 241, 244, 245, 247-249, 251, 252, 254, 255, 257-265, 268, 280, 287, 291, 293-298, 301, 303, 306, 307-310, 312, 313, 322, 323, 328, 331, 332, 334-348, 350, 351, 354, 391, 397-398, 411, 424, 426-434, 441, 442, 443
Туркестан Восточный 3, 70, 244, 263, 287, 335, 427, 429, 433
Туркмения 11, 38, 223, 278, 427, 428
Турфан 70, 74, 332, 388, 391
Турция 3, 4, 67, 210, 431
Тэкэс 171, 241
Тэкэс-сэкинь 171
Тэмурлик, р. 241
Тэмурлик, хребет (Наньшань) 241
Тюндюк 147
Тюп, р. 229
Тянь-шань 38, 39, 40, 42, 46, 142, 170, 230-232, 234, 235, 240, 241, 245, 251, 252, 264, 286, 292, 309, 315, 329-331, 333, 341, 388, 391, 391, 429

Убсу-Нур 69, 76
Угра 331
Узбекистан 9, 10, 11, 40, 343, 399
Уз-бель, перевал 318
Узбой 65
Узун-агач, ключ 322
Узун-Бурт 164
Узун-Гуш 315
Уксалыр 248

Укэк 242
Улазарье, р. 167
Уласты 231, 319
Улахол 239
Улугчат 248
Улы-Тау 154, 157
Улюнгур 250
Улясутау 171
Умин-Булак 171
Унду-булак, р. 241
Урал 44, 57-59, 66, 67, 106, 154, 157, 161
Уральск 67
Урамитан 192
Урга 70
Ургенч 48, 50, 59, 167, 261
Уртаксары 314
Урта-Теректы. урочище 339
Урумчи 8, 244, 263, 264, 391
Урфиарская станица 300
Урянхайский край 332
Усек 241
Усрушан 48, 49
Усть-Каменогорск 67, 70, 87, 318
Усть-Кут 252
Устюрт 38, 47, 53, 56, 64, 179, 204, 206
Уфа 67, 413
Ухурлик, р. 84
Учь 166

Фараб 49
Фергана 43, 49, 54, 261, 302
Ферганская долина 39, 40, 263, 302, 312
Флоренция 134, 135, 221
Фонч 192
Франция 5, 21, 32, 71, 74, 76, 115, 127, 136, 138, 139, 333, 406, 441

Хабар-Асу 240, 246, 319, 320, 320, 344
Хайдык-Гол 388
Хаймак 84
Хал-Ота 261
Хами 69, 76, 127, 142, 326, 331, 333, 347, 389, 391, 395, 432
Хамиль 74
Хамыл 70
Ханбалык 50
Ханки 167
Хан-Тенгри 10, 171, 232, 233, 241, 248, 307, 315, 329, 340, 341, 344, 345
Харахарта 47
Харкир, р. 70
Хвалимское (Хвалынское, Каспийское) море 61, 64
Хейрабат 266
Хива 4, 43, 52, 53, 56-58, 60, 64-67, 69, 97, 106-111, 140, 145, 146, 160-162, 167, 168, 174, 175, 178, 179, 182, 186, 189, 191, 197, 199, 203, 204, 205, 211, 213, 215, 224, 226, 227, 252-255, 257, 258, 260, 261, 271, 287, 288, 290, 345, 350, 351, 356-358, 363, 364, 366-368, 378, 395, 396, 429, 430-432, 441, 442, 444
Хинган 332
Хобун(ы) 206
Ходжа Салех 280
Ходжа-Кале 268
Ходжент 49, 54, 138, 245, 295, 310, 346, 398
Хорасан 49, 265, 269, 274
Хоргос 70, 232, 241, 310, 312, 314, 334, 343
Хоргосу, р. 343
Хорезм 48, 49, 56, 210, 433
Хотен 142, 144
Хотон 166
Хотони Хотон 71
Хошон 70
Хуанхэ 331, 332

Цаган Тогой 151, 171, 241, 313
Цай даше 390
Цайдам 333, 390
Царское Село 5
Цицихань 241
Цун-линский хребет 241
Цуя 147, 148
Цюй 74

Чаача 276
Чаган-обо 246, 250, 252
Чакильмес 240
Чарджуй (Чарджоу) 174, 174, 205
Чарын р., 169, 229
Чатагей 52
Черный Иртыш 69, 75, 90, 94, 240, 250, 311, 312, 318
Черное (Эвксинское) море 44
Черчу 69
Чикишляр 265, 381
Чилик, р. 229
Чимкент 229, 295
Чиндыр 267
Чу 37, 49, 148, 330
Чугучак 151, 171, 179, 231, 233-237, 239, 242-245, 247, 248, 251, 264, 300, 307, 308, 310, 312, 314, 319, 326, 337, 343, 354, 443
Чуйская долина 229, 234, 239, 240, 329
Чулак-Курган 240
Чунь-цзи, пикет 241
Чурбу-чу-чин шараигын 390
Чуршинка 390

Шабак 167
Шабин-Дабага 238, 240, 246
Шаир-ди 390
Шаманганское бекство 263
Шанхай 11
Шарабулак 171
Шараголь 71, 389
Шарахан 259,261
Шахруз 265
Шаш 48, 49
Шашше 48
Швеция 31, 75
Шейх-Арык 261
Ширингай, р. 266
Шон-нор 389

Эмба 252
Эмеля, р. 321, 326, 327
Эпарде (Мургаб) 45
Эргиту 151, 313
Эркень 166
Эркети 69

Юлдус 388
Юстык 246

Ява 64
Яик 57, 59, 62, 64, 74, 83
Яицкий Городок 67
Яксарт 37, 44, 45, 46, 52
Якутск 15
Ямышевская 69, 113
Янги-арык 254
Янги-Гиссар 230
Янцзыцзян 333
Япония 7, 9, 64, 403
Яркенд 4, 54, 61, 65, 69, 70, 89, 142, 144, 149, 230, 335, 366, 407, 435
Ясырван 62

ОГЛАВЛЕНИЕ

Из истории российской политики в Центральной и Средней Азии (XVIII – XX вв.) *(В.С. Мясников)* 3

Вступление: историография и источники 15

Глава 1

Сведения о географии Казахстана и Центральной Азии до конца XIX – начала XX века.
Первые опыты картографического изображения

Краткая характеристика природы и населения Центральной Азии 37

Первые опыты описания и картографического отображения 43

Начало формирования географических представлений о Центральной Азии в Русском государстве 55

Начало научных исследований в Центральной Азии в XVIII в. 65

Вторжение Цинской империи в Центральную Азию и съемки иезуитов 88

Отражение завоеваний Цинской империи на картах и продолжение российских исследований 100

Первая британская миссия в Бутан и Тибет (Джон Богл, 1774–1775 гг.) 114

Отображение цинских владений в Центральной Азии на зарубежных картах конца XVIII века 127

Проекты захвата британских колоний в Индии; усиление российского проникновения в Центральную Азию в начале XIX века 139

Карты Центральной Азии начала XIX века; экспедиции И.П. Шангина, Н.Н. Муравьева и Э.А. Эверсмана 150

Российские исследования в Восточном Туркестане; образование органов российского управления в Центральной Азии 168

Начало британского проникновения в Западный Туркестан (1830–1840-е гг.) и российские исследования этого периода. Миссии Бутенева, Никифорова и Данилевского в Хиву и Бухару; судьба английских агентов Стоддарта и Коннели 174

Глава 2

Географические исследования и картографирование в период, непосредственно предшествовавший разграничению и в процессе установления границы между Россией и Китаем в Казахстане и Центральной Азии

Продолжение присоединения центральноазиатских владений к Российской империи и географические исследования; работы И.И. Захарова и Т.Ф. Нифантьева 228

Пекинский договор и Чугучакский протокол о русско-китайской границе и звязанные с ними съемки и картографические работы (1860–1864 гг.) 234

Дунгано-Уйгурское восстание в Синьцзяне; Илийский вопрос (1864–1881 гг.) 244

Распространение власти России на Хивинские и Бухарские владения 252

Присоединение к России территории Кокандского ханства, Ахал-Текинского оазиса и Мерва 262

Глава 3

Национальная и религиозная политика туркестанских властей по отношению к народам Центральной Азии

Национальная и религиозная политика туркестанских властей 290

Глава 4

Отображение изменений государственных границ в результате присоединения центральноазиатских ханств к России. Решение илийского вопроса и завершение официального формирования русско-китайской границы

Переговоры о возвращении Китаю Илийского края и заключение Петербургского договора (1879–1881 гг.) 308

Работы по делимитации и демаркации границы по условиям Петербургского Договора. Новомаргеланский протокол 1884 г. 313

Российские географические исследования в Восточном Туркестане в период установления границы с Китаем ... 328

Съемки и картографирование в процессе работ по устройству русско-китайской границы; реакция англичан; изучение русскими китайской системы охраны границы; возникновение первых разночтений в трактовке линии прохождения государственной границы России с Цинским Китаем 334

Отображение итогов русско-китайского разграничения на русских и зарубежных мелкомасштабных картах .344

Заключение .349
Приложения .356
№ 1. Письмо лорда Нортбрука Саиду Мухамуду Рухиим Хану Правителю Хивы . .356
№ 2. Копия донесения адресованного графом Гранвиллем лорду Августу Лофтусу, 7 января 1874 . .358
№ 3. Нота Сэра Е. Торнтона де Гирсу от 29 февраля/12 марта 1884 г. 369
№ 4. Экспедиция Императрского Русского Географического общества в Центральную Азию под руководством капитана В.И. Роборовского в 1893/95 гг. 387
№ 5. Полный аналитический обзор деятельности Конолли и Стоддарта в Центральной Азии 391
№ 6. Галлерштайн, Августин. Неизданные письма из Китая (приложение к книге «218 случаев обмана, извлеченных из диссертации отца Бенедикта Четто "Об обманах китайцев"») 400
№ 7. О магометанстве в Киргизской степи и об управлении духовными делами киргизов .409

Литература 426
Список иллюстраций 441
Указатель имен 442
Указатель географических названий 449

Научное издание

Утверждено к печати

Учёным советом
Института истории естествознания и техники
им. С.И. Вавилова
Российской академии наук

Алексей Владимирович Постников

Становление рубежей России в Центральной и Средней Азии (XVIII–XIX вв.).
Роль историко-географических исследований и картографирования.
Монография в документах

Издательство
Памятники исторической мысли
М., Воронежская, 38/43, 334

Подписано в печать 07.07.2007.
Уч.-изд. 41,8 л. Формат 60×90 $^{1}/_{16}$. Тираж 800 экз.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Заказ № 421.

Отпечатано в ЗАО «Гриф и К»,
300062, г. Тула, ул. Октябрьская, д. 81-а.